

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2025. № 521. Декабрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2025. № 521. December

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р физ.-мат. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол.
наук, проф.; Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р
ист. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; В.П. Парначев, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; О.В. Петрин, директор Издательства
Томского государственного университета; Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, проф.; З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; С.П. Сущенко, д-р техн. наук,
проф.; П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р
юрид. наук, проф.; О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук,
проф.; Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р
пед. наук, проф.; Э.Р. Шрагер, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun,** PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov,** Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov,** Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov,**
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev,** Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural,** Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina,**
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov,** Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev,** PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova,** Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev,** Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov,** Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov,**
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko,** Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko,** PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin,** PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin,** Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya,**
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak,** Dr. of History,
Professor; **V. Shilko,** Dr. of Education, Professor; **E. Shrager,** Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Волошина С.В. Речевой жанр кулинарного рецепта: от устного рассказа к сетевой практике (на материале устных и устно-письменных региональных практик)	5
Демешкина Т.А., Рулева А.Е. Новые форматы исследования диалектной коммуникации: контент-анализ оптативной модальности	16
Зусева-Озкан В.Б. Повествовательный парадокс смерти рассказчика в аллегорической поэме Стивена Хоуса «Приятное развлечение» (1506)	28
Зюзкова Н.А. Тема ссылки в воспоминаниях потомков поволжских немцев, проживающих на территории Томской области	40
Казакевич О.А. Языковая репрезентация празднования Нового года в автобиографических рассказах сельских жителей Сибири	52
Новикова Е.Г., Цайзер К.М. Динамика экзистенциальной проблематики в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»	65

ФИЛОСОФИЯ

Асеева И.А. Искусственный интеллект и здравый смысл	73
Буденкова В.Е., Савельева Е.Н., Краевская И.О., Горбунова С.В. Политический блогинг в Китае как коммуникативная практика эпохи постправды	80
Маковцев В.С. Сон и абсурд в повести Н.В. Гоголя «Нос»	93
Овсянникова Ю.Н. Формат текста как симптом социальных изменений: философский анализ	101

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ван Я. Внешнеполитические ориентиры в программных документах непарламентских партий России (2011–2021)	106
Лагутина М.Л. Арктическая научная дипломатия в новых геополитических условиях	113

ИСТОРИЯ

Барсуков Е.В., Коробейников И.Н. Археологические памятники на территории Томского университета (к истории археологического изучения г. Томска и его окрестностей)	124
Кубарев Г.В. Миниатюрные предметы и изображения умерших в поминальной обрядности раннесредневекового населения Южной и Западной Сибири	132
Миркин В.В. Эволюция телекоммуникационных технологий в начале XXI века (по материалам журнала «Радио», 2000–2010 гг.)	139
Полежаева Т.В., Гуменюк К.А. Методы картирования науки как инструмент историографии в России: возможности и перспективы	151
Цибульский Д.В. Советское автомобилестроение периода Великой Отечественной войны: основные направления отечественной историографии (к 80-летию Великой Победы) ...	163
Шадрин С.М., Расколец В.В. Социокультурный облик дореволюционного студенчества в позднимперский период: общеперский и периферийный контексты	170
Шиловский Д.М., Шиловский М.В. По следам забытой революции 1905 года	182

CONTENTS

PHILOLOGY

Voloshina S.V. The speech genre of a cooking recipe: from oral narrative to online practice (based on oral and oral-written regional practices)	5
Demeshkina T.A., Ruleva A.E. New research formats for dialect communication: content analysis of optative modality	16
Zuseva-Ozkan V.B. The Paradox of the Narrator's Death in Stephen Hawes's Allegorical Poem "The Pastime of Pleasure" (1506)	28
Zyuzkova N.A. The Theme of Exile in the Memoirs of Descendants of Volga Germans Living in the Tomsk Region	40
Kazakevich O.A. Linguistic representation of New Year celebrations in autobiographical stories of rural residents of Siberia	52
Novikova E.G., Tsaizer K.M. The dynamics of existential problems in the story of L.N. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich"	65

PHILOSOPHY

Aseeva I.A. Artificial intelligence and common sense	73
Budenkova V.E., Savelyeva E.N., Kraevskaya I.O., Gorbunova S.V. Political Blogging in China as a Communicative Practice in the Post-Truth Era	80
Makovtsev V.S. Dream and absurdity in N.V. Gogol's story "The Nose"	93
Ovsyannikova Ju.N. Text format as a symptom of social change: a philosophical analysis	101

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Wang Ya. Foreign Policy Orientations in the Programmatic Documents of Russia's Non-Parliamentary Parties (2011–2021)	106
Lagutina M.L. Arctic Science Diplomacy in New Geopolitical Conditions	113

HISTORY

Barsukov E.V., Korobeinikov I.N. Archaeological sites on the territory of Tomsk University (on the history of archaeological study of Tomsk and its environs)	124
Kubarev G.V. Miniature items and images of the dead in memorial rites of early medieval population of Southern and Western Siberia	132
Mirkin V.V. The Evolution of Telecommunication Technologies in the Early 21st Century (A Study Based on Radio Journal (2000–2010))	139
Polezhaeva T.V., Gumenuyk K.A. Science Mapping in Russian Historiography: possibilities and prospects	151
Tsibulskiy D.V. Soviet automotive industry during the Great Patriotic War: Main directions of National historiography (to the 80th Anniversary of the Great Victory)	163
Shadrin S.M., Raskolets V.V. Socio-cultural image of pre-Revolutionary students in the Late Imperial period: Imperial and peripheral contexts	170
Shilovskiy D.M., Shilovskiy M.V. In the Footsteps of the Forgotten 1905 Revolution	182

ПЕДАГОГИКА

Алмазова Н.И., Халыпина Л.П. Когнитивно-деятельностные аспекты использования нейросетей в высшем образовании	194
Кириллов А.А., Фахрутдинова А.В. Обучение иностранных аспирантов научной коммуникации на русском языке на основе лингвокультурологического и лингводидактического подходов	202
Таяновская И.В., Шлег А.В. Дискуссионные методы в образовательном процессе: осознание обучающимися их роли и личностного смысла (по данным анкетного опроса белорусских студентов педагогических специальностей)	212
Садыхова Г.В., Каюмова А.Р., Халиуллина Д.И., Абрамов А.В. Медиативная модель интеграции технологий искусственного интеллекта в языковые программы дошкольников	222
Хрисанова Е.Г. Методологические основания подготовки научно-педагогических кадров из числа иностранных граждан в условиях сетевого взаимодействия российских и зарубежных вузов	233

ПРАВО

Ермакова О.В., Подройкина И.А. Хулиганство: неопределенность законодательной регламентации состава преступления и недостатки правоприменительной практики	246
Летова Н.В. Право на благополучие как основа социального государства: состояние и тенденции	252
Протопопов Е.Е. Об экономических мотивах расширения пределов Римского государства в произведениях Цицерона	260
Серова А.В. Государственная политика РФ в области развития искусственного интеллекта в контексте правового регулирования цифрового профиля работника	266
Старостин С.А., Зайцев Д.И. Дискреционные управленческие решения в системе обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в современных политико-правовых реалиях	278
Кабышев С.В. Наука и государственное развитие России: территориально-правовой аспект	285

PEDAGOGICS

Almazova N.I., Khalyapina L.P. Cognitive-activity aspects of using neural networks in higher education	194
Kirillov A.A., Fakhrutdinova A.V. Teaching international postgraduate students scientific communication in Russian using linguacultural and linguodidactic approaches	202
Tayanovskaya I.V., Shleg A.V. Discussion-based methods in educational process: students' awareness of their role and personal meaning (according to the questionnaire survey of Belarusian students of pedagogical specialties)	212
Sadykova G.V., Kayumova A.R., Khaliullina D.I., Abramov A.V. A mediative model for the integration of artificial intelligence technologies into preschool language programs	222
Khrisanova E.G. Methodological Foundations of Training Research and Teaching Staff from among foreign citizens in Network Collaboration of Russian and Foreign Universities	233

LAW

Ermakova O.V., Podroikina I.A. Hooliganism: uncertainty of legislative regulation of the crime and shortcomings of law enforcement	246
Letova N.V. The right to well-being as the basis of a social state: status and trends	252
Protopopov E.E. On the economic motives for expanding the borders of the Roman state in the works of Cicero	260
Serova A.V. The State policy of the Russian Federation in the field of artificial intelligence development in the context of legal regulation of an employee's digital profile	266
Starostin S.A., Zaitsev D.I. Discretionary management decisions in the system of ensuring the state sovereignty of the Russian Federation in the current political and legal realities	278
Kabyshev S.V. Science and state development in Russia: territorial and legal aspects	285

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81'27; 81'42
doi: 10.17223/15617793/521/1

Речевой жанр кулинарного рецепта: от устного рассказа к сетевой практике (на материале устных и устно-письменных региональных практик)

Светлана Владимировна Волошина¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vsv1304@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается кулинарный рецепт как малоформатный речевой жанр на примере устной и устно-письменной коммуникации сельских жителей Томской области. Выявляются общие и отличительные особенности реализации исследуемого речевого жанра в разных коммуникативных средах. Определено, что кулинарный рецепт, расширяя сферы бытования, переживает трансформации, сохраняя информативность и инструктивность. В соцсети кулинарные рецепты приобретают интерактивность и поликодовость.

Ключевые слова: кулинарный рецепт, речевой жанр, интернет-жанр, виртуальное жанроведение, диалектное жанроведение, диалектная коммуникация, малоформатный жанр

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Волошина С.В. Речевой жанр кулинарного рецепта: от устного рассказа к сетевой практике (на материале устных и устно-письменных региональных практик) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/521/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/1

The speech genre of a cooking recipe: from oral narrative to online practice (based on oral and oral-written regional practices)

Svetlana V. Voloshina¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vsv1304@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to describe the speech genre of culinary recipe used in oral and oral-written communication of rural residents of the Tomsk region. The material consists of 110 oral cooking recipes recorded in dialectological expeditions from 1960 to 2025 in villages of the Tomsk region and published in the Tomsk dialect corpus; 110 culinary recipes published by rural residents of the Tomsk region from 2022 to 2025 in regional communities on the VKontakte social network (Kozhevnikovo-online, Govoryat v Kolpashevo", "Staroyuvalinsky Selsky Dom Kultury"), in which there are special rubrics dedicated to cooking methods, or certain hashtags. The second type of texts we refer to oral-written, combining the features of oral and written forms of speech, characteristic of Internet communication. The research of the material is carried out in line with modern genre studies and a discursive approach. The method of discursive analysis, the method of comparison, corpus methods, and the method of modeling are used. The material was collected using corpus methods and field methods – focused and unfocused interviews. The modeling method is used when applying a descriptive model of the speech genre of a cooking recipe. The descriptive model is based on the model of speech genre developed by T.V. Shmeleva and supplemented by another parameter (composition), which is significant in the implementation of the speech genre in the studied communicative areas: 1) the communicative goal; 2) the image of the author; 3) the image of the addressee; 4) the image of the past; 5) the image of the future; 6) composition; 7) dictum content; 8) linguistic embodiment. The communicative specificity of the speech genre is manifested in various conditions of its functioning. The communicative purpose of oral recipes is related to the narration of the past or to the situation of treating, oral and written recipes are aimed more at the exchange of culinary experience with the audience. The structural features of the cooking recipe's speech genre are determined by the communicative sphere. Oral and written recipes are more characterized by standardization, but like oral recipes they can be reduced and used without some elements of their composition. Cooking recipes on the social network become interactive and multicode: they can be accompanied by photos, hyperlinks, emoticons, hashtags, and comments can be given to them. The linguistic representation of the speech genre includes lexical and grammatical means, while oral recipes contain indefinite personal constructions reflecting the experience of a particular generation, how a particular dish was prepared in the past, and oral and written recipes contain imperative constructions aimed more at giving the addressee detailed

instructions. It is revealed that the speech genre of a cooking recipe, which expands the spheres of its existence, is undergoing transformations, while leaving constant signs: small-format, instructive, informative modality.

Keywords: cooking recipe, speech genre, Internet genre, virtual genre studies, dialect genre studies, dialect communication, small format genre

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project no. FSWM-2025-0016.

For citation: Voloshina, S.V. (2025) The speech genre of a cooking recipe: from oral narrative to online practice (based on oral and oral-written regional practices). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/1

Введение

Глобализация, вследствие которой происходит взаимопроникновение культур, утрата ими особенностей, трансформация традиционных ценностей, порождает вопросы сохранения национально-культурной идентичности. Её важнейшим фрагментом выступает национальная культура питания, приготовление пищи. Сохранение и трансформация пищевого кода культуры отражаются в различных речевых жанрах, ядерным из которых, как представляется, выступает кулинарный рецепт, фиксирующий новые тенденции и традиции приготовления блюд, передаваемые из поколения в поколение. По мнению П.П. Бурковой, кулинарный рецепт является не только «практическим специальным текстом, но и семиотическим образованием, так как постоянные изменения в способах приготовления блюд делают его бесценным культурно-историческим свидетелем, в котором также получают свое отражение языковые изменения» [1. С. 7]. Вместе с тем происходит изменение и самого речевого жанра кулинарного рецепта, связанное с расширением сфер его функционирования. Распространение интернета и социальных сетей, в частности, спровоцировало его трансформации и позволило ему существовать не только в узкоспециальной сфере, связанной с приготовлением пищи: так, в социальных сетях он функционирует не только в определенных группах о кулинарии, но и в региональных, районных сообществах, в которых сельские жители обсуждают события в селе, новости, в том числе делятся рецептами.

Цель статьи – описание речевого жанра (РЖ) кулинарного рецепта, бытующего в устной и устно-письменной коммуникации сельских жителей Томской области.

Материалом выступают: 1) 110 устных кулинарных рецептов, записанных в диалектологических экспедициях с 1960 по 2025 г. в сёлах Томской области сотрудниками и студентами Томского государственного университета, в том числе автором статьи в 2025 г. в сёлах Нарым, Мельниково, Кожевниково, и размещённых в Томском диалектном корпусе [2]; 2) 110 кулинарных рецептов, опубликованных сельскими жителями Томской области с 2022 по 2025 г. в районных сообществах, представленных в социальной сети «ВКонтакте» («Кожевниково-онлайн», «Говорят в Колпашево», «Староювалинский сельский дом культуры»), в которых существуют специальные рубрики, посвященные способам приготовления пищи, или опреде-

лённые хештеги («Поедем... поедим...», #вкусняшки@kolpashevo, #кулинария, #рецепты, #домашняя еда и т.п.). Второй тип текстов мы относим к устно-письменным, совмещающим признаки устной и письменной форм речи, характерным для интернет-коммуникации [3, 4].

Все изучаемые тексты отражают региональную специфику. Культурно-языковой ландшафт Томской области является довольно пёстрым: здесь функционируют разные языки, живут представители разных национальностей, записаны рецепты русских, татарских, немецких, украинских, белорусских, эстонских блюд.

Актуальность исследования связана с возрастающим интересом к изучению повседневных коммуникативных практик: приготовление пищи является значимой частью народной культуры, быта. Кроме этого изучение кулинарных рецептов позволяет определить особенности их языковой репрезентации в условиях изменения способов приготовления блюд, форматов трансляции опыта: это особый вид текста, характеризующий специфику коммуникации в разных средах – устной и письменной, традиционной и современной. Кулинарные рецепты выступают в качестве своеобразных «контейнеров» для хранения коллективной памяти, традиций, фиксации их трансформаций. Переход этого речевого жанра в интернет-среду, его активное функционирование в социальных сетях отражают процессы медиатизации информации, что требует изучения.

Согласно Современному словарю иностранных слов, рецепт в одном из своих значений – это «способ приготовления какого-н. блюда» [5]. По мнению М.В. Задориной, кулинарный рецепт является «инструкцией по приготовлению еды и напитков, содержащей информацию о наименовании блюда, необходимых ингредиентах, их количестве, последовательности действий во время приготовления и некоторую дополнительную информацию (количество порций, время приготовления, способы подачи)» [6. С. 85].

Наличие относительно устойчивых композиционных элементов, тематической и языковой организации таких инструкций по приготовлению пищи позволяет рассматривать их как речевой жанр (речевые жанры – это «относительно устойчивые композиционные, тематические и стилистические типы высказываний» [7. С. 428]).

Кулинарные рецепты активно изучаются лингвистами. Они рассматриваются как особый тип текста [1,

8–10], как речевой жанр [6, 11–16], как прецедентный текст [17], как фольклорный жанр [18].

Вместе с тем кулинарные рецепты квалифицируются как малоформатный тип текста [1. С. 11], под которым понимается «текстовое образование небольшого объема, имеющее подвижные количественные показатели, в большинстве случаев ограниченные в пределах от 1 до 600 слов, характеризующееся традиционными признаками текстуальности, а также обладающее свойством визуальной интегративности, выполняющим консолидирующую роль в процессе выстраивания прагматического плана текста при многоаспектном взаимодействии разнородных элементов текстовой организации» [19. С. 252].

Исследователи изучают реализацию кулинарных рецептов в устной [15, 18, 20] и письменной речи [1, 10]; обращают внимание на их функционирование в телевизионном дискурсе [6], на платформах Telegram [11] и Дзен [14], на специализированных интернет-сайтах, посвященных теме еды и публикации кулинарных рецептов [12, 21], в диалектном дискурсе [8, 15, 22], в поваренных книгах [1]. Особенности языковой организации кулинарных рецептов прослеживаются на материале русского, немецкого [1, 10], английского и испанского [9], болгарского [23], китайского [17], японского [24] и других языков. Обзор работ показывает, что в настоящее время наиболее активно исследуется функционирование кулинарных рецептов на материале литературного языка, в меньшей же степени обращается внимание на их бытование в региональной народно-речевой культуре.

Методы

Исследование материала выполняется в русле современного жанроведения и дискурсивного подхода. В работе используются метод дискурсивного анализа, прием сравнения, корпусные методы, метод моделирования. Сбор материала осуществляется с помощью корпусных методов и полевых методов – сфокусированных и несфокусированных интервью. Метод моделирования используется при применении описательной модели речевого жанра кулинарного рецепта.

Описательная модель строится на основе разработанной Т.В. Шмелевой анкеты РЖ [25] и дополняется ещё одним параметром (композиция), значимым при реализации РЖ в исследуемых коммуникативных сферах: 1) коммуникативная цель; 2) образ автора; 3) образ адресата; 4) образ прошлого; 5) образ будущего; 6) композиция; 7) диктумное содержание; 8) языковое воплощение.

Анализ материала

Обратимся к исследуемому материалу и проанализируем его в соответствии с предложенной моделью.

Коммуникативная цель. Устные кулинарные рецепты, записанные в экспедициях, создавались в разных условиях.

С одной стороны, они являются частью воспоминаний о жизни в ту или иную эпоху, коммуникативной

целью которых был рассказ о том, как жили раньше, рассказ о каких-либо событиях и т.п. Целью диалектологов было «разговорить» собеседников, зафиксировать диалектную лексику, получить связные монологические рассказы. В такие рассказы информанты иногда включали кулинарные рецепты: *А ещё вот делали овощное блюдо – драники. Раньше только и кормились, что своим огородом, своими овощами. В беду-то, в войну. Картошки натрёшь, крахмал выжмешь на кисель, а эти отжимки от картошки – на драники. Отжимки надо посолить, два-три яичка для связки, и стряпали. Жарили на сковородке. Мы говорили: «Давайте драники испечём». В одной семье говорят: «Давайте драники надерём» – по-разному [2].*

С другой стороны, вспоминая о прошлом, информанты рассказывали о еде, напитках, и по просьбе собирателей могли рассказать, как готовилось блюдо: *[А делали ли вы брагу, медовуху, и что это такое?] Делали, конечно, брагу. Дрожжи насыпешь, сахару, ягоды всякой и делашь [2].*

Устные кулинарные рецепты порождаются также в ситуации потчевания, при которой у информанта спрашивают, как готовится блюдо, или информант сам, рассказывая об угощениях, делится рецептом их приготовления: *Это четыре листа, девочки. Весна, хорошо лист распустился, идёшь собираешь и делаешь такую настоечку. Тут четыре листа. Лист смородины, лист малины, лист черноплодки и лист вишни. И получается вот такой вот вкус. По технологии тут определённый лист, закипело, всё это кипятить, и оставляешь её настаиваться. Оно настаивается десять часов. И все вкусы оно отдаёт, и получается порусски как бы травяной чай. <...> Всё это из листьев готовится, варится, настаивается вот эти с листьями. Потом сливается, потом добавляется лимонная кислота, и развожу в соответствии спиртом [2].*

В таких ситуациях коммуникативная цель РЖ кулинарного рецепта – поделиться способом приготовления того или иного блюда, дать инструкцию собеседнику.

Коммуникативная цель может быть эксплицирована в ситуации, когда темой разговора является приготовление пищи: *Светлана Владимировна, тебе диктую рецепт настоящих сибирских пельменей. [Давайте.] Они говорят: «Вот это сибирские пельмени». Бах, туда, значит, свиные семьдесят процентов, тридцать – этой говядины, луку там и всё. Это сибирские пельмени. Сибирские пельмени готовятся – пятьдесят процентов лосятины, двадцать пять процентов свиные, пятнадцать процентов баранины и десять процентов глухаря. Это рецепт сибирских пельменей [2].*

В отличие от устных кулинарных рецептов устно-письменные, функционирующие в социальной сети, создаются как самостоятельные тексты. Их коммуникативная цель – поделиться информацией о приготовлении блюда, напитка, дать адресату инструкцию, представить ингредиенты, их количество, последовательность действий с ними. Цель создания этих текстов тоже может быть эксплицирована: *Рецептов из скумбрии очень много, вот и я решила поделиться одним из них. Очень любим скумбрию, эту недорогую и*

полезную рыбу. Приготовив ее по рецепту знаменитого повара, вы ещё больше в неё влюбитесь (орфография и пунктуация в примерах сохраняется как в источнике. – С.В.).

Образ автора. Авторы кулинарных рецептов выступают в качестве носителей знания, способных дать адресату рекомендации по приготовлению пищи. Все они являются непрофессиональными поварами, а любителями готовить домашнюю еду. Авторами устных и письменных рецептов преимущественно выступают женщины. Мужчины также делятся рецептами: в основном они представляют способы приготовления рыбы, мяса: *Рыбу со'лют в основном, вя'лют, жа'рют, коп'тят. Посо'лют рыбу, она несколько дней полежит в соли. Когда на' зиму – вя'лют, а когда свежая – коп'тят. Копчение и холодное, и горячее бывает. Если копчение горячее, то её сразу едят. Холодное копчение – это долго храниться может. Делают коптилку, она высокая сама, а внизу печка делается. Эту печку то'ют. Дрова только тали'новые. От сосны, пихты' нельзя, от них дым очень горький идёт. А от тали'новых дым вкусный какой-то. Вверху отверстие есть. Дым в коптилку скапливается. И она коптится дымом. Это холодное [копчение], значит. Горячее копчение – в железную, там сжигашь опилки, на решётки рыба накладывается. И с полчаса уже смотришь за ней. Сразу видать, скопти'лася ешо или нет. Когда рыба ископтится, то свет у неё уже такой рыжеватый делается [2].*

В диалектологических экспедициях информанты – преимущественно представители старшего поколения, транслирующие традиционные ценности, уклад жизни, что также отражается в рецептах и сопровождается высказываниями, демонстрирующими сохранение семейных и других традиций: *Я солю как по старинке. То есть как мама, так и я. Щас вас угощать буду. Вот капусточка, какой вы нигде в магазине не купите [2].*

Авторами кулинарных рецептов, размещенных в социальных сетях, являются только женщины, также являющиеся сельскими жителями Томской области. Тексты публикуются ими по собственному желанию или по запросу адресатов. Разместив фотографию блюда в районном сообществе, автор получает отклики от читателей, которые могут спрашивать рецепт.

Образ адресата. Адресатами устных рецептов выступали преподаватели и студенты Томского государственного университета, а также соседи или родственники информанта, если они присутствовали в момент записи его речи. Коммуникативная ситуация подразумевает обращение к собеседникам: *Никакой воды, никаких уксусов, ничего нету [в квашеной капусте], девчонки [2];* вопросы: *Разница, знаете, кака'? Зава-ру'ха – значит сразу молоко скипи'т, муку сыпешь и мешаешь, как манку вот варишь [2].*

Адресатом устно-письменных анализируемых текстов является широкая аудитория, которая в момент создания текста не участвует в коммуникации. При этом автор может предполагать своего адресата, обращаться к аудитории, здороваться с ней, желать приятного аппетита, прощаться: *Приятного аппетита и до новых встреч, друзья!*

Технические возможности социальной сети позволяют адресату реагировать на текст: комментировать его, ставить оценку: *Не совсем понятно, как крем делать... Наверное, заварной?; Ольга, я ещё сыр добавляю.* Адресат, комментируя пост с рецептом, не является анонимным.

Образ прошлого и образ будущего, понимаемые как симметричные признаки, связаны с местом каждого РЖ в цепи речевого общения. Они указывают на предшествующий и последующий эпизоды общения [25].

Устные кулинарные рецепты могут появляться в воспоминаниях и возникать в качестве информации, детализирующей погружение информанта в контекст прошлого:

Как ещё война закончилась. Работали, голодова'ли, иша'вель таскали вон, с лугов. Мешок нагрузим и несём домой. [Сами ели или на продажу?]

М.Т. Са-ами!

А.С. Сами ели. Эту резали, коровку держали, и травы от нарежем, мама её сцедит, молоком обольёт, хлеба'м без хлеба. [То есть никак её не варили?] Нет, мы варили её, сварит, отольёт её, а потом молочком пропарит и хлебали; Клёцки варили, такую картошку просто... тёрли, отжимали, прямо на мелкой тёрке, отжимали... В войну ничё не было, никакой ни стерлядки, никого <...> И вот такие маленькие клёцочки крутили и в молоке варили, ели, а большие клёцки, огромные, сочень, туда мясо, сверху это закручивали, большие такие клёцки у литовцев называются цепелины они. И потом их пожарили с обеих сторон на сковородке, потом их ещё в воде немножко варили [2].

Как отмечалось ранее, кулинарные рецепты, функционирующие в обоих анализируемых коммуникативных средах, могут возникать по запросу адресата. Соответственно, предыдущим эпизодом общения выступает вопрос, просьба рассказать, как готовится блюдо или как оно готовилось раньше.

В социальных сетях автор мог разместить фотографию приготовленного блюда и указать его название, после чего адресаты задавали вопрос о том, как оно готовится, или просили рецепт: *Добрый утро! Замечательная рубрика, но хотелось бы информацию под фото или видео процесса приготовления блюд; А где же рецепт?; А можете рассказать как готовить его?; Ольга, рецепт своего блюда сюда напишите, пожалуйста; Рецепт бы такой красоты.*

Устно-письменные кулинарные рецепты могут появляться как содержание постоянной рубрики. Они также могут сопровождать материалы, информационным поводом для создания которых стали праздники, памятные даты: *Сегодня третий день Масленой недели – Лакомка. С этого дня начинается пора больших праздничных застолий, зятьям со своими женами полагается ходить в гости к теще на блины. А мы нашли в книге «Подарок молодым хозяйкам» Елены Молохов-в за 1861 год рецепт блинчиков.* Рецепты, публикуемые в сообществах, могут предваряться небольшим вступлением, содержащим рекомендацию, рекламу, описание блюда, историю рецепта, семейную историю, связанную с блюдом, и т.п.: *Картофельные галушки с мясом – известное, очень вкусное блюдо из украинской*

кухни. Рецептов галушек существует множество, начинка используется любая – по вашему вкусу. Размер галушек может быть от среднего до довольно большого. Отлично подойдут картофельные галушки с мясом для семейного обеда или ужина; Салат «Невеста» – праздничный, красивый, нежный, воздушный. Это все без преувеличений. Попробуйте на досуге этот удивительный салатик, понравится всем без исключения, кто пробует. Копченую курицу можно заменить жареным или тушеным окорочком. Дерзайте в пробе нового вкусного салата! и др.

В качестве эпизодов, следующих после рецептов, могут быть:

– Уточняющие вопросы: [А сахар у Вас примерно сколько получается?] Ну сахар я вся'ко. Могут и стакан пережигая почти, поменьше ли. Ну е'сли я вот на эту вот кастрюлю делаю. [Прожигаете на огне просто?] Нет, на сковородку. Да, и потом... [2]; А что ещё добавляли к картошке? Соль добавляли? [2].

– Благодарность: Надежда, большое спасибо за рецепт! В выходные буду стряпать самое вкусное печенье из моего детства; Татьяна, спасибо!

– Похвала, комплимент, оценка: Очень вкусно! [о квашеной капусте] [2]; Какой красивый! [о пироге]; Очень вкусные! [булочки]; Мммм вкусненько ☺; Лец это вещь). Оценки могут быть оформлены в виде стихотворений:

Приготовила Татьяна,
Запеченного леца,
И на блюде аппетитно
И хозяйка хороша.

– Выражение желания попробовать: Хрюндики – банка сгущёнки, обычная банка сгущёнки, и мука, и сода – всё это взбивается и на масле выпекается. Такие вот они, они пока горячие, они вот это, это можно есть, хоть в кастрюле, кому надо – научите. Это хрюндики. Ну у нас очень любили ребята это. [Хотелось бы попробовать] [2]; Очень аппетитно!

– Информация о том, что данный рецепт уже знаком: Тоже люблю этот салат; Частенько делаю. Вкусненький. Комментарии такого типа могут служить своеобразной рекомендацией к приготовлению для тех, кто ещё не пробовал такое блюдо.

– Комментарии-отзывы после приготовления блюда по указанному рецепту: Очень советую попробовать этот пирог, не пожалеете!!!

– Выражение желания приготовить блюдо по рецепту: Клавдия, если честно, на рассоле, не пробовала и не пекла, надо сделать немного на пробу.

– Кулинарный рецепт или отдельные его элементы, дополняющие, корректирующие рецепт автора: Очень вкусно! Сам так же готовлю, только мясо в низ делаю); Я бы ананас заменила пассированными грибами, очень вкусно; А ещё я делаю ананас, сыр, чеснок. Ооо очень нравится.

– История семьи, связанная с приготовлением блюда и его поглощением: Обожаю такие калачи. Мама их готовила. Сейчас же приезжая на свою родину, в гостях у брата угощаюсь такими вкусными пончиками, приготовленные Татьяной, женой нашего

брата. Подобные примеры демонстрируют свойство памяти человека, сохранение и трансляция которой могут осуществляться как вербально, так и невербально, в том числе с помощью еды, вызывающей в памяти вкусовые ощущения, эмоциональные переживания.

– История рецепта, блюда: Ольга, этому рецепту лет 40.

Таким образом, кулинарный рецепт может быть как инициальным, начинающим общение, так и реактивным, продолжающим общение, быть ответом на поставленный вопрос, просьбу. В устной коммуникации после рецепта следуют в основном уточняющие вопросы, похвала и оценка блюда, а также желание попробовать приготовить блюдо. В устно-письменной – кулинарный рецепт в основном выступает как инициальный жанр, встречается всего два примера, в которых перед кулинарными рецептами в сообществе был размещён пост с просьбой поделиться рецептами приготовления блюда.

Композиция. Очевидно, что композиционные особенности кулинарных рецептов детерминируются средой их бытования. Несмотря на то, что это малоформатные тексты, они имеют определенное построение, блоки.

Различные сферы функционирования обуславливают трансформацию кулинарных рецептов, появление их различных вариантов и многообразие структуры, что изучалось на материале письменных текстов, размещённых в поваренных книгах, в устной речи, на интернет-площадках.

Так, П.П. Буркова, исследуя письменные кулинарные рецепты в поваренных книгах, отмечает, что в структурном отношении «текст характеризуется простотой и стереотипностью построения: а) интродуктивный блок (название и ингредиенты); б) основной блок (алгоритм действий); в) заключительный блок» [1. С. 11].

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, изучающие кулинарный рецепт как жанр устной речи, отмечают, что «если в письменных текстах четко выделяются три композиционных компонента (заголовок рецепта, перечень продуктов (ингредиентов) с указанием их количества, описание приготовления блюда), то для устного рецепта обязательными являются лишь название и описание процесса приготовления [20. С. 75].

Анализ исследуемых устных кулинарных рецептов, записанных во время диалектологических экспедиций, показывает, что строятся они по-разному.

Одна из распространенных моделей их структуры включает название блюда, ингредиенты, процесс приготовления: Всё, я сыр свой варила. [Сыр делали?] Делала свой сыр. Но не такой вот как это, но сыр вкусный получался. Вот... Берёшь творог, ставишь молоко. Оно закипит – туда творог. Мешаешь, такая масса делается. Потом эту массу выт'скиваешь, там отсы'воротится, сыворотка. Сливаешь, в дуршлаг, всё это в кастрюлю, потом туда масло сливочное, яйца, маленечко соли и всё это перебиваешь, пока горячее. [Вручную, да?] Вручную, а как? В кастрюле всё это мешаешь-мешаешь и выливаешь – ну куда? – в

чаику там, это самое. И ставишь. Оно [стучит рукой] придавишь чем-нибудь, и оно [стучит]... как [стучит]... остынет и настающий сыр. Ну как плавленый вот сыр получается [2].

В некоторых случаях кулинарный рецепт имеет редуцированный вид: информант сообщает об основных ингредиентах, но опускает часть процесса приготовления и часть ингредиентов: *Холодец из ног ско'тских, можно из свинячих – из любых ног делают. Сначала обделявают, промывают в нескольких водах и ставят варить. Вся слюда, которая в ногах имеется, выпарилась и отошла от костей. Потом выношу в холодное место, замораживаю, потому называется холодец. Выпаривать. Ну всё жидкое, что внутри имелося в результате тепла выходит наружу и испаряется [2].* В данном случае информант не сообщает о добавлении соли, специй, других ингредиентов. В другом примере автор делится рецептом курника, не рассказывая о том, как готовится тесто: *Небольшой пирог. Вот небольшая чашечка, кладут в чашечку тесто, на каждую лепёшку кладут туда, накладывают крошено мясо. Картошечки, лук, перец, всё заправляют также тестом. Ставят в печке. Мясной курник назывался [2].*

Существуют рецепты, в которых редуцирован способ приготовления и указаны не все ингредиенты: *Утром напекла оладьи, пекла. С Геной поели. Ещё чего-нибудь приготовить? Я утрами кофе пью, утрами кофе поью и бодренько хожу потом. [По какому рецепту оладьи готовите?] Ну, простоквашка. Яйцы, яйца кладу, простоквашка, сахар [2].* В этом примере информант не указал, что добавляет в оладьи муку.

Таким образом, структура устных кулинарных рецептов вариативна, в них не всегда указываются все ингредиенты, их количество, пропорции и подробный способ приготовления. При этом наличие собеседника, собирателя информации позволяет информантам использовать жесты, показывать, как именно готовится блюдо: как нарезаются продукты, в какой посуде готовятся, какие покупаются продукты и т.д.: *Картошка очень вкусная. Если бы вы знали, как она просто готовится. Режется на куски вот, как я [нарезала]. Посолила, растительным маслом сбрызнула, сверху сухарей насыпала, перемешала, и в русскую печь, ой ну, русскую, в духовку. Этот рецепт называется «Картошка по-деревенски» [2].*

Тексты, размещенные в соцсети, также имеют разное построение. В одном случае они имеют композицию, идентичную кулинарным рецептам из поваренных книг, в другом случае они схожи с устными кулинарными рецептами.

Кулинарные рецепты, включающие все необходимые элементы (интродуктивный блок (название и ингредиенты); основной блок (алгоритм действий); заключительный блок), попадая в социальную сеть, подвергаются трансформациям: они становятся интерактивными (их можно комментировать, оценивать, пересылать, делать репосты), приобретают невербальные компоненты (эмодзи, гиперссылки, хештеги). В отличие от рецептов из поваренных книг эти рецепты

включают разговорную лексику, в них встречаются орфографические и пунктуационные ошибки, и, как отмечалось выше, они могут предваряться описаниями блюд, их рекламой и т.д.:

СЛОЁНЫЙ ПИРОГ-ПЕРЕВЁРТЫШ

Очень советую попробовать этот пирог, не пожалеете!!!

Ингредиенты:

Для теста:

3 яйца,

1 ст. кефира,

1-1 1/5 ст. муки (чтоб тесто было как на оладьи),

1 ч.л. соли

1ч.л. соды погасить уксусом или 2 ч.л. разрыхлителя.

Приготовление:

Форму обязательно выстелить бумагой для выпечки, чтобы сыр остался на пироге.

Укладываем слоями:

- шампиньоны консервированные 300 гр.

- тертый сыр 300 гр,

- рис отваренный 1 стакан (можно до полуготовности),

- фарш 300 гр (вместе с луком обжарить),

- мороженая стручковая фасоль 300 гр

Залить сверху тестом и в духовку на 40 мин. при 175 град.

Когда испечется - вынуть из духовки и оставить 20 минут постоять, немного остыть, а потом - перевернуть на блюдо.

Сыр будет восхитительно -тягучим. начинка пирога - сочная. М-м-мм, вкуснятина))))))))))

К тому же - работы с ним немного, особенно - если вдруг осталась стакан отварного риса "со вчера"

Приятного аппетита и до новых встреч друзья!

#вкусняшки

Вместе с подобными рецептами встречаются тексты, в которых отсутствуют стандартные блоки. Так, в рубрике, посвященной кулинарным рецептам, публикуется пост с просьбой поделиться рецептами салатов: *Поделитесь быстрыми рецептами салатов, пожалуйста! Пусть не за 2-3 минуты, пусть хотя бы за 5-7))* Допускаю, что в состав будут входит консервированные и прочие «неполезные» продукты, например, сухарики, чипсы и прочие, хотя лучше без них, конечно ☺. В ответ на просьбу публикуются тринадцать рецептов, восемь из которых состоят только из названий ингредиентов – существительных в форме Им. п. и определителей: *копченая колбаса, красная консервированная фасоль, кукуруза и сухарики; пекинская капуста, кукуруза, крабовые палочки, огурец, майонез.*

Если рецепт публикуется самостоятельно, не по просьбе аудитории, то он, как правило, предваряется дополнительной информацией:

Бурятские бузы:

Традиционное блюдо в Бурятии, но и в нашей семье стало вкусной традицией, готовится очень легко.

Тесто: замешивается на мясном бульоне и муке.

Фарш: свинина-говядина, лук, чеснок и специи по вкусу.

В приведенном примере отсутствует указание на количество ингредиентов, способ и время приготовления.

В следующем кулинарном рецепте, как и в предыдущем, есть название рецепта, ингредиенты, способ приготовления, но не указано количество ингредиентов: *Драники. Картофель натереть, мясной фарш, лук, соль, перец. **Всё хорошо перемешать и жарить на раст. масле. Приятного аппетита.***

Как и в устных кулинарных рецептах, тексты, размещенные в социальной сети, могут быть редуцированы, наличие всех компонентов в них не является обязательным. Они могут сопровождаться фотографиями, позволяющими увидеть способ приготовления. Возможность оставлять комментарии позволяет аудитории задавать уточняющие вопросы автору.

Диктумное содержание РЖ кулинарного рецепта представлено описанием процесса приготовления блюда. Наряду с информацией о названии блюда, ингредиентах, работе с ними, инструкцией, кулинарные рецепты могут включать дополнительную информацию:

– Источник получения рецепта: ***В нашей семье традиционно делаем салат «Мимоза». Это салат всегда делала моя бабушка, мама, и мы тоже каждый Новый год; Я у бабушки научилась его готовить; Я научилась коптить. Вот там в книге сказано...***

– Контекст эпохи, условия, в которых жили люди, ситуации и каким способом готовили: *Это раньше в печке готовили – всё вместе: картошка, капуста накрошена. Это сейчас всё по-другому, по-научному делают; С им чай пили, потому что не было же сладостей-то; Это, это чисто на сгущёнке, вот это готовила я в поле, в геологии когда работала, хотелось что-то вкусенькое, вот [2].*

– Информация о продуктах, их пользе: *Вот это вчера была свежая рыба. Почему она ценная? Потому что она свежая [2]; Понимаешь, что дает лосятина – во первых, её поешь, нет жира там, это хворост, она ложится, это ложущее животное, она кору и всё-всё это, травы она там, вот сейчас будет, как она называется, трава, цветы, вот он только эту траву начинает есть, как первая появляется, лось ест вот это [2].*

– Сведения о культуре, традициях народа: *Это белорусское блюдо, вот раз корни у них белорусские. <...> Ага. По-леву у нас вообще в деревне любители варить были, особенно вот когда умирают, это уже по-леву, на поминки обязательно по-леву делали [2].*

Авторы делятся рецептами первых и вторых блюд, выпечки, блинов, салатов, закусок, молочных блюд, рецептами, связанными с праздниками, обрядами. Среди устных рецептов, имеющих в нашем материале, также встречаются рецепты напитков.

Рецепты, опубликованные в соцсетях, и некоторые устные рецепты, записанные в экспедициях, могут соотноситься со временем их порождения – временем суток, временем года и т.п.: *А сейчас много тут, говорят, грибов. Вчера я ездить, набрал больше ведра грибов, привёз. Мы жарили, ели, а сегодня варила я так его. Грибы белые, такие хорошие, боровики раньше назывались, толстые такие, вкусные. Я их отваривала, да потом пожарила. Слила эту воду, в которой скипели,*

да потом жарить. Маслица туда. Сейчас маргарин отвечает за масло, раньше не было маргарина. Больше масла [2].

Кроме этого, кулинарные рецепты отражают ход времени, динамику изменения пищевой культуры. В устные рассказы сельских жителей, как показывает материал, включаются кулинарные рецепты блюд, которые готовились дедушками, бабушками, родителями информантов, и в настоящее время такие кулинарные традиции сохраняются, или которые готовятся редко или вообще не готовятся, что репрезентируется в речи: *Толокно, заваривали мы её из самовара или капятко'м, и получалась такая вкусна, не каша, а как заваруха она получалась, в чашке густо, заваришь её горячей водой. И так вкусно! И я даже временами и то думаю, сейчас этого толокна ячменного поела бы, честное слово [2]; Картошку сварят в мундирах, её очистят, в сковороды, и эти печени налимные, сырую наложат на картошку и в печку в русскую. Не тушат. Она там поджаривается, ма'кса тает, жир-то из неё. Макса жирная и вкусная до чего, милая. Прямо сейчас поел бы, да нет [2].*

Во многих устных рецептах упоминается блюда, приготовленные в русской печке, и изменение вкуса, способа приготовления блюд в связи с появлением новой бытовой техники: *вот эти булочки, то сё – ну оно всё вкусное было, потому что в магазине, это, ну простое, купишь хлеб или ещё что-то, да и хлеб... Когда из печки вытаскивала мама, вытаскивает из печки – мы не сливочным маслом, хотя у нас вот так [показывает над головой] его было, а растительное вот это, запашистое, корочку смазываешь – и не надо ничего! Кусок хлеба, повидло – и на улице. Это было самое лучшее время [2]; Раньше эти русски печки были в каждом доме, сейчас нету. <...> Мы уже всё, чё, тоже начали к городу прицепляться. Раньше печенье своё стряпали, в русской печке, на листик и туда. А чё вот эта духовочка маленькая, от таких эти листики, кого я там никого не пеку. Я так, на сковороде пеку. Ну пирожки с чем придётся. С рыбой от теперь, наострилась, прям наложу это всё и на сковороде пеку, раза два переверну – и готово дело. Ни у кого теперь, наверно, русской печки в деревне, не знаю, у кого евшио' ешь, нет ли, всё повыкидали. Как будто она нам мешала. Так от наша деревенская жись [2].*

В соцсети представлены также кулинарные рецепты как традиционных блюд, так и появившихся недавно, включающих более современные ингредиенты и указывающих на современные приспособления для приготовления еды: *Если в вашей микроволновке есть программа по приготовлению картошки в мундире, то выберите её; Дала постоять в выключенной духовке. У кого в духовке есть функция "гриль", можно включить в конце; Отварить пасту, добавить в сковородку с брокколи и оливками, прогреть. Выложить на тарелку и добавить тертый пластинками сыр.*

В основе диктумного содержания кулинарных рецептов лежат как событийные, описывающие ход приготовления блюда, так и логические пропозиции, характеризующие блюда, ход их приготовления, степень сложности.

Языковое воплощение РЖ кулинарного рецепта представлено широким спектром лексических и грамматических средств.

На лексическом уровне отметим использование:

– Слов, относящиеся к лексико-семантическому полю «Еда»: **Рыбу** измелешь, **картошки**, **яиц**, **натолка'шь** туда и **зашивали**. **Крупы** ещё **клали**. **Икру** сырую, **плёночку** **разобьёшь**, **луку**, **соли** и **солёную** на **стол**. **Из рыбной муки калачи** в **голодный год** **пекли** [2]; Для **начинки: сметану**, **сахар** **сметать** с **яйцом** и **крахмалом**. Среди них, как номинации ингредиентов, так и названия блюд: **Кулагу** всё время **готовили**. **Видите**, раньше какое **кушанье** было! «**Кулага**» **называли** [2]; **Чак-чак**. **Орешками режут**, на **меду варят**, **заво'дют** на **яйцах**. **Перемесили густо' тесто**, **стали катать**, **нарезали орешками**, **сварили в масле**, **потом кладут** в **блюдо**, **заливают мёдом**, **сверху разукрашивают конфетами**. **Потом на свадьбе резать**, в **блюде класть**, **подавать каждому**, **кто гуля'т**, за это **кладут подарки** на «**Чак-чак**» [2], **названия приёмов пищи: Давайте приготовим вкуснейший завтрак**; **Всего за 50 минут** **получается шикарная курочка на обед**.

– Названий кухонного оборудования, инвентаря: **Начи'стют**, **накро'шут** **крупными ломтями** в **корча'гу** **ли** в **чугун** **большой**, **прикрывают** и в **печку**, **кода' она протопится** **ставят**; **Начистишь**, **вымоешь** в **кастру'льке** или в **чугунке**. **Тогда были маленькие чугуны**. **Всё это там испарится**, и в **тот день мы питались** [2]; **Филе** и **репчатый лук** **порезать** **небольшими кусочками**. **Измельчить** в **блендере** или **пропустить** **через мясорубку**.

– Единиц, называющих количество, среди которых единицы измерения веса, температуры и др.: **грамм**, **килограмм**, **градус**, **пачка**, **щепотка**, **зубчик**, **долька**, **часть**, **ломтик**, **штука**, **столовая ложка** и др.: **Всё это залить тестом** и **отправить** в **духовку**, **разогретую до 180 гр.**; **Ну, молоко закипит там**, **яичка** **вобьёшь** **штуки** **два**, если **какая семья**. **А потом мукой подбиваешь** **вот это вот** [2]; **Также беру 3 луковицы** и **очищаю их**, **промываю** в **воде**, **разрезаю** на **4 части**. При этом количество, как упоминалось ранее может не указываться или указываться приблизительно: **Да на глаз всё**. **Сахар ло'жу** – **попробую**, **сладко?** **Сладко, тогда**. **А если не сладко ишио'** **добавляю**, **сахару много ло'жу**. **Ну, а масло так, ну, побольше полстакана** [2]; **Я тебе говорю, что водички** **полю**, **сахару** **поло'жу**, **дрожжи** **поло'жу** и **маленько** **муки** **поло'жу** [2].

– Слов с темпоральной семантикой: **минута**, **час** и др.: **У меня час** **они стоят** на **расстойке** [2]; **Лук** **лучше использовать** **репчатый**, **предварительно замариновав** **его** (**мелко нарезать** и на **10-20 минут** **залить** **смесью** **уксуса** **1 ст.л.** и **горячей воды**).

– Лексических единиц, называющих действия, операции с продуктами, ингредиентами, блюдами: **А раньше отрезжут** **голову** и **хвост отрезжут**. **И так целу** **рыбу** **положат**. **Лук** **туда**, **перец**. **В тесто завернут** и в **печку**. **На стол подадут** – **эту корку снимут**; **Заливам** **смородину** **прямо** в **кадке** **водой** с **сахаром**; **А, и потом** **вот это ло'жили** в **квас**, **добавляли** **закваску** [2]; **Этой смесью обмазываем** **филе скумбрии** и **оставляем замариноваться** **минут** на **30–40**.

Как в устных рецептах, так и размещённых в социальной сети встречается оценочная лексика: **И мясо всё испа'рится**. **Ну така вкуснятина**, **вытащут**, **все едят**; **Когда из печки вытаскивала** **мама**, **вытаскивает** **из печки** – **мы не сливочным маслом**, **хотя у нас вот так** [показывает над головой] **его было**, **а растительное** **вот это**, **запашистое**, **корочку смазываешь** – **и не надо ничего** [2]; **Каждый кусочек тает** **во рту**, **мягкий**, **нежный**, **ароматный**, **с неповторимой хрустящей корочкой**; разговорная лексика: [И как готовить медведя?] **Ну, просто отварили**, **потом маленько пожарили** и **всё**, с **луком** [2]; **Картошку** **натрём** и в **латку** **эту глиняную** – и в **печку**, **сало** **туда'** **покрошим** [2]; **Нарежешь**, **маленькие каральки** **сделаешь**, **а они в масле разварятся** и **таки' здоровы** **становятся** [2]; **Ингредиенты:** – **3-4 картофелины**; **Наверное у каждого** **остается** **картофельное пюре** и **как всегда думаете:** **куда его впахнуть**.

Грамматические средства также активно участвуют в реализации РЖ кулинарного рецепта.

Отметим наличие в устных кулинарных рецептах глаголов в разнообразных формах:

– 1-е л. ед. ч. наст. вр.: **Яйцы, яйца кладу** [2]; **Я беру** **сметану**, **я...** **У меня нет** **такого строгого рецепта**, **сметана**, **городская сметана**, **добавляю**, **яйцо я не кладу** **туда**, **добавляю**, **значит**, **муку** [2];

– 2-е л. ед. ч. и мн. ч. наст. вр.: **Набрасываешь** **сюда** [на **пирог** **сверху**] **ягоду**, **любую ягоду** [2]; **Яйца бьёшь**. **Сковородку мажешь** [2]; **Потом берёте** **одно яйцо**, **столовую ложку** **с...** **этого...** **сметаны**, и **сахара** **две-три ложки**; **любый фрукт** **вот** **сверху заливаете**, **потом снова засыпаете** [2];

– 3-е л. мн. ч. наст. вр.: **Первым делом на стол ставят** **кутью**. **Из риса варят её** и **изюм** **туда** [2];

– страдательного залога наст. вр.: **Всё это взбивается**, **мука**, **естественно**, **такое** **вот оно** **получается** **нежидкое тесто**, **но и не густое**, **нормальное тесто**. **Расстиляется** на **про'твень...** [2]; **Всё это из листьев готовится**, **варится**, **настаивается** **вот эти** с **листьями** [2];

– возвратных глаголов: **они в масле разваря'тся** и **таки' здоровы стано'вятся** [2];

– 1-е и 2-е л. ед. ч. и мн. ч. буд. вр., сов. в.: **молока нальёшь**, **посоли'шь**, **киснет** и **стряпаешь** **опять** [2]; **Возьмёшь** **муку насы'пеишь** в **ступу** и **толкёшь**; **чугун такой большой** **сварим** и **очистим** [2];

– 3-е л. мн. ч. буд. вр. сов. в.: **А это начи'стют** **картошки** на **тёрке**, **вот так** **вот натрут**, **ну** **туда** **яички**, **да** **маленько** **муки** **добавляют**, **соли** [2]; **Яйца** **два-три** **разобьют**, **побьют**, **побьют**, **молока** **доба'вют** [2];

– прош. вр. мн. ч., сов. в.: **Потом протыкаете**, **можете** **рисунок** **какой-то** **наты'кать**, **потом заливаете**, **стака...** **полстакана**, **даже** **стакан** **молока** **тёплого** и **полпачки** **масла** **сливочного**, **чтобы** **оно** **разошлось**, **всё** **взбалтываете** и **заливаете** **вот эту** **вот** **протыканную**, **вот** **эту** **сухую** **массу**. **Проткнули** – и **сверху** **ещё** **что-то:** **ягоды** **набросали** **там** **или** **ещё** **что-то** **такое** **вот** и **поставили** в **духовку**, **запекается** [2];

– ед. и мн. ч., прош. вр., несов. в.: **Вот, потом мы** **смешивали**, **аккуратненько** **муку**, **э-э**, **замешивали** **туда**, **ванилин**, **я** **точно** **хорошо** **помню**, **ванилин**, **сахар**,

вот это вот всё – и в русскую печку [2]. Такие формы глагола встречаются в воспоминаниях, связанных с приготовлением пищи;

– инфинитива: Ну, можно **добавить** сливочного масла, то есть банка сгущёнки...; Какао с сахаром надо, и масло, всё это **перемешивать** [2].

Одной из особенностей устных рецептов является использование глагольных междометий: плюх, шмяк, шлёп, бах и др.: [о жареной рыбе] Это как я, по технологии её [супруги]: масло, сковорода разогрета, **плюх** в муку, **плюх** на сковороду [2]; Язь. Ее только **ных-ных-ных**, на сковородку масла, не забыть ее **шлёп** в муку, **шлёп** на сковородку, **шлёп** в муку [2]; Бах, туда, значит, свинины семьдесят процентов... [2].

Кулинарные рецепты в социальных сетях также представляют разнообразными формами глаголов, отчасти совпадающими с используемыми в устных рецептах:

– 1-е л. ед.ч. и мн. ч. наст. вр.: Я **делаю** на кефире, яйца, сахар...; И **выпекаем** на сковороде на медленном огне под крышкой с одной стороны 10 мин с другой 5; **Защищаем** края, **делаем** несколько приколов [2];

– 2-е л. ед. и мн. ч. наст. вр.: **Берёшь** взбиваешь яйца до однородной консистенции, **делаешь** блинчики яичные; Свежую капустку **режете** на любые кусочки, **укладываете** на лист, **солите**, **перчите**... [2];

– 3-е л. ед. ч. буд. вр. сов. в.: С часик **постойт** и в духовку;

– ед. ч. прош. вр. жен. р., сов. в.: Смазала яйцом и в духовку; Я лук **порезала** полосками-четвертинками и слегка **обжарила** [2];

– ед. и мн. ч. прош. вр. несов.в.: Рыбу **брала** горбушу горячего копчения; также **раскатывали** и **вырезали**, а сверху что-то типа глазури [2];

– страдательного залога наст. вр.: **готовится** очень легко. Тесто **замешивается**... [2];

– инфинитив сов. и несов. в. в значении императива: Дрожжевое тесто **разделить** на 2 части; Также можно **украсить** кремом, йогуртом ...; **Варить** на маленьком огне минут 15-20 [2];

– в форме повелительного наклонения: Два желтка **разотрите** с ½ чайной ложечки соли, ½ чайной ложечки сахара и с ½ ложки мягкого масла, **разведите** немного... [2].

Отметим, что в исследуемом материале нет ни одного примера устного кулинарного рецепта, в котором бы использовались глаголы в форме повелительного наклонения.

Для реализации РЖ кулинарного рецепта в обеих анализируемых сферах коммуникации авторы используют числительные – в основном количественные (целые и дробные): Ну, вот это, ну, минут **двадцать** тот пирог, а этот вот пирог немножечко подольше... [2]; Я сначала **вбиваю** в тарелку **два** яйца [2].

На синтаксическом уровне в текстах рецептов обеих сфер выделяются:

– метакомпонентные высказывания, включающие «имя» жанра: Этот рецепт называется «Картошка

по-деревенски». Да, картошка по-деревенски [2]; Мясная запеканка. Любимый **рецепт** моей мамы. Ни одно торжество не обходилось без этого блюда;

– сложноподчиненные конструкции времени: Когда вот напарится хмель, туда ну чтоб оно там густое было, **ложите** муки, сахара [2]; Когда печень равномерно подрумянится, **посып** ее жареным луком, **перемешай**...;

– сложноподчиненные конструкции условия: Если на тёртой картошке – месили мукой, а с варёной – заправки **кладёшь** [2]; Если внутри нет розового – готово! Если вы уверены, что бризолики хорошо поджарились и внутри готовы, то их **пропаривать** не надо.

Для устных рецептов характерны конструкции, в которых сравнивается приготовление блюд в прошлом и в настоящее время: Пирог **раньше** не **таки** были как **счас**. **Сейчас** пирог: кости **вырежут**, **изрежут** и **сло'жут**. А **раньше** **отрежут** голову и **хвост** **отрежут**... [2]; высказывания с повторами слов: Яйца **два-три** **разобьют**, **побьют**, **побьют**, молока **доба'вют** [2].

В кулинарных рецептах, размещенных в сообществах соцсети также используются:

– высказывания пожелания: Приятного аппетита!; Успехов в кулинарии!;

– императивные высказывания (см. выше – глаголы в форме императива).

Заключение

Таким образом, РЖ кулинарного рецепта, расширяющий сферы своего бытования, переживает трансформации, оставляя при этом константные признаки: малоформатность, инструктивность, информативность. Исследование показало гибкость и адаптивность исследуемого речевого жанра. Коммуникативная специфика РЖ проявляется в различных условиях его функционирования. Коммуникативная цель устных рецептов связана с повествованием о прошлом или с ситуацией потчевания, угощения, в то время как устно-письменные рецепты направлены в большей степени на обмен кулинарным опытом с аудиторией. Структурные особенности РЖ кулинарного рецепта также детерминируются коммуникативной средой. Большой стандартизацией характеризуются устно-письменные рецепты, но так же, как и устные, могут быть редуцированы и порождены без некоторых элементов их композиции. Кулинарные рецепты в социальной сети приобретают интерактивность, поликодовость: они могут сопровождаться фотографиями, гиперссылками, эмоциями, хештегами, к ним могут быть даны комментарии и оценки. Языковая репрезентация РЖ включает лексические и грамматические средства, при этом в устных рецептах представлены неопределенно-личные конструкции, отражающие опыт того или иного поколения, как готовили то или иное блюдо в прошлом, в устно-письменных рецептах представлены императивные конструкции, направленные в большей степени на то, чтобы дать адресату подробную инструкцию.

Список источников

1. Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004. 22 с.

2. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. Томск, 2025. URL: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 04.07.2025).
3. Горошко Е.И. Интернет-коммуникация и компьютерноопосредованный дискурс // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М., 2012. С. 9–123.
4. Штукарева Е.Б. Языковая специфика интернет-коммуникации // Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М., 2012. С. 291–302.
5. Рецепт // Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 416 с. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=рецепт&mode=slovari&dicts\[\]=9](https://gramota.ru/poisk?query=рецепт&mode=slovari&dicts[]=9) (дата обращения: 15.04.2025).
6. Задорина М.В. Речевой жанр «кулинарный рецепт» в телевизионном дискурсе // Филология и человек. 2023. № 1. С. 85–101.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества : авторский сб. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 445 с.
8. Лукьянова С.В. Тема «Питание» в диалектном дискурсе // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2011. № 15. С. 81–83.
9. Медведева М.С. Лингвистические особенности англо- и испаноязычного кулинарного рецепта и способы их перевода на русский язык // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96, № 1. С. 101–106.
10. Москалюк Г.С. Становление типа текста «Кулинарный рецепт» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 17 с.
11. Бронник Л.В. Кулинарный телеграм-пост как вариант речевого жанра «кулинарный рецепт» // Казанская наука. 2024. № 11. С. 577–579.
12. Гаврилова Т.С. Речевой жанр кулинарного рецепта в интернет-дискурсе // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сборник материалов VIII (XXII) Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных, Томск, 15–17 апреля 2021 г. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. С. 63–66.
13. Кантурова М.А. Образование вторичного речевого жанра как деривационный процесс (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 2. С. 222–226.
14. Дегальцева А.В. «Так готовили царям»: аттрактивные приёмы в названиях видеорецептов на платформе «Дзен» // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 295–303.
15. Жандарова А.Н., Крючкова О.Ю. Речежанровая репрезентация пищевой традиции (на материале вологодских говоров) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 2 (38). С. 118–125.
16. Зайцева О.А., Терских М.В. Использование аутентичных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному (на примере кулинарных рецептов) // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10, № 3. С. 607–624.
17. Ли С., Колода С.А. Национальная кухня Китая как культурный код: лингвокультурные и когнитивные особенности кулинарных рецептов // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2 (131). С. 225–239.
18. Месеняшина Л.А. Устный кулинарный рецепт как жанр, сохраняющий народную философию питания // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 21 (275). С. 86–88.
19. Черкунова М.В. Малоформатный текст: к определению понятия (теоретические аспекты) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, № 3. С. 248–253.
20. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Кулинарный рецепт как жанр устной речи // Проблемы речевого общения. Десятые Шмелевские чтения : тез. докл. междунар. конф. (24–26 февраля 2012 г.), Москва, 24–26 февраля 2012 года. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. С. 74–77.
21. Ромазанова У.В. Текст кулинарного рецепта как дидактический материал на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 506. С. 159–167. doi: 10.17223/15617793/506/20
22. Корбмахер Т.В. Структурная и языковая специфика текста кулинарного рецепта немцев // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты : материалы VII междунар. науч.-практ. конф., Саратов, 18 ноября 2022 г. Саратов : Саратовский источник, 2022. С. 90–95.
23. Бенакьо Р.Д., Славкова С.Б. Видовременные формы глагола в инструктивном дискурсе в русском и болгарском языках: кулинарные рецепты // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 5. С. 28–45.
24. Руфова Е.С. Лексико-семантические особенности японского гастрономического дискурса (на материале рецептов) // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 6. С. 53–56.
25. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. URL: <https://www.sgu.ru/struktura/philological/linghist/zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1> (дата обращения: 25.03.2025).

References

1. Burkova P.P. Kulinarный retsept kak osobyy tip teksta (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2004. 22 s.
2. Tomskiy dialektnyy korpus // Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Tomsk, 2025. URL: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (data obrashcheniya: 04.07.2025).
3. Goroshko YE.I. Internet-kommunikatsiya i komp'yuternooposredovannyi diskurs // Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya. M., 2012. S. 9–123.
4. Shtukareva YE.B. Yazykovaya spetsifika internet-kommunikatsii // Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya. M., 2012. S. 291–302.
5. Retsept // Krysin L.P. Sovremennyy slovar' inostrannykh slov. M. : AST-PRESS KNIGA, 2012. 416 s. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=retsept&mode=slovari&dicts\[\]=9](https://gramota.ru/poisk?query=retsept&mode=slovari&dicts[]=9) (data obrashcheniya: 15.04.2025).
6. Zadorina M.V. Rechevoy zhanr «kulinarnyy retsept» v televizionnom diskurse // Filologiya i chelovek. 2023. № 1. S. 85–101.
7. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva : avtorskiy sb. 2-e izd. M. : Iskustvo, 1986. 445 s.
8. Luk'yanova S.V. Tema «Pitaniye» v dialektnom diskurse // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki. 2011. № 15. S. 81–83.
9. Medvedeva M.S. Lingvisticheskiye osobennosti anglo- i ispanoyazychnogo kulinarnogo retsepta i sposoby ikh perevoda na russkiy yazyk // Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. 2023. T. 96, № 1. S. 101–106.
10. Moskal'yuk G.S. Stanovleniye tipa teksta «Kulinarnyy retsept» : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2005. 17 s.
11. Bronnik L.V. Kulinarный telegram-post kak variant rechevogo zhanra «kulinarnyy retsept» // Kazanskaya nauka. 2024. № 11. S. 577–579.
12. Gavrilova T.S. Rechevoy zhanr kulinarnogo retsepta v internet-diskurse // Aktual'nyye problemy lingvistiki i literaturovedeniya : Sbornik materialov VIII (XXII) Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchënykh, Tomsk, 15–17 aprelya 2021 g. Tomsk : Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy gosudarstvennyy universitet, 2021. S. 63–66.
13. Kanturova M.A. Obrazovaniye vtorichnogo rechevogo zhanra kak derivatsionnyy protsess (na primere rechevogo zhanra kulinarnogo retsepta) // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. 2011. № 2. S. 222–226.
14. Degal'tseva A.V. «Tak gotovili tsaryaM»: attraktivnyye priyemy v nazvaniyakh videoretseptov na platforme «DzeN» // Zhanry rechi. 2024. T. 19, № 3 (43). S. 295–303.

15. Zhandarova A.N., Kryuchkova O.YU. Rechezhanrovaya reprezentatsiya pishchevoy traditsii (na materiale vologodskikh govorov) // Zhanry rechi. 2023. T. 18, № 2 (38). S. 118–125.
16. Zaytseva O.A., Terskikh M.V. Ispol'zovaniye autentichnykh tekstov na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu (na primere kulinarnykh retseptov) // Kommunikativn-yye issledovaniya. 2023. T. 10, № 3. S. 607–624.
17. Li S., Koloda S.A. Natsional'naya kukhnya Kitaya kak kul'turnyy kod: lingvokul'turn-yye i kognitivn-yye osobennosti kulinarnykh retseptov // Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. 2023. № 2 (131). S. 225–239.
18. Mesenyashina L.A. Ustnyy kulinarnyy retsept kak zhanr, sokhranyayushchiy narodnuyu filosofiyu pitaniya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 21 (275). S. 86–88.
19. Cherkunova M.V. Maloformatnyy tekst: k opredeleniyu ponyatiya (teoreticheskiye aspekty) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2022. T. 22, № 3. S. 248–253.
20. Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. Kulinarnyy retsept kak zhanr ustnoy rechi // Problemy rechevogo obshcheniya. Desyat-yye Shmelevskkiye chteniya : tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii (24-26 fevralya 2012 g.), Moskva, 24–26 fevralya 2012 goda. M. : Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, 2012. S. 74–77.
21. Romazanova U.V. Tekst kulinarnogo retsepta kak didakticheskiy material na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 506. S. 159–167. doi: 10.17223/15617793/506/20
22. Korbmakher T.V. Strukturnaya i yazykovaya spetsifika teksta kulinarnogo retsepta nemtsev // Yazykov-yye i kul'turn-yye kontakty: lingvisticheskiy i lingvodidakticheskiy aspekty : materialy VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Saratov, 18 noyabrya 2022 g. Saratov : Saratovskiy istochnik, 2022. S. 90–95.
23. Benakk'o R.D., Slavkova S.B. Vidovremenn-yye formy glagola v instruktivnom disкурse v russkom i bolgarskom yazykakh: kulinarn-yye retsepty // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. 2020. № 5. S. 28–45.
24. Rufova YE.S. Leksiko-semanticheskiye osobennosti yaponskogo gastronomicheskogo diskursa (na materiale retseptov) // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 6. S. 53–56.
25. Shmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra // Zhanry rechi. 1997. № 1. URL: <https://www.sgu.ru/struktura/philological/linghist/zhanry-rechi/materialy-vypuskov/vypusk-1> (data obrashcheniya: 25.03.2025).

Информация об авторе:

Волошина С.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Voloshina, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.10.2025;
одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 02.10.2025;
approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/521/2

Новые форматы исследования диалектной коммуникации: контент-анализ оптативной модальности

Татьяна Алексеевна Демешкина¹, Анастасия Евгеньевна Рулева²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ demeta@rambler.ru

² ruleva.anastasiya_02@mail.ru

Аннотация. Рассматривается применение контент-анализа для анализа оптативной модальности в диалектной коммуникации. Описываются волитивные глаголы (*хотеть, желать, мечтать*) и коллокации с ними как основное средство выражения семантики желательности. Выявлена тематическая и жанровая обусловленность функционирования анализируемых единиц, показана их диалектная специфика. Сделан вывод о том, что корпусная обработка данных и применение контент-анализа как инструмента изучения диалектной коммуникации дают возможность получить качественно и количественно новые результаты.

Ключевые слова: диалектный дискурс, модальность, оптативность, волитивные глаголы, контент-анализ

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016.

Для цитирования: Демешкина Т.А., Рулева А.Е. Новые форматы исследования диалектной коммуникации: контент-анализ оптативной модальности // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 16–27. doi: 10.17223/15617793/521/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/2

New research formats for dialect communication: content analysis of optative modality

Tatiana A. Demeshkina¹, Anastasiya E. Ruleva²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ demeta@rambler.ru

² ruleva.anastasiya_02@mail.ru

Abstract. The study addresses the problem of analyzing optative modality in dialect communication through the lens of content analysis. The primary objective is to demonstrate the potential of content analysis in identifying linguistic means of expressing optative modality in dialect communication. The research focuses on volitive verbs (*to want, to desire, to dream*) and their collocations as the main means of expressing desirability semantics. The material for the analysis consists of utterances with verbs expressing optative modality from the Tomsk Dialect Corpus, containing over 4,000 instances of these verbs. The research employs a combination of methods: corpus research method, discourse analysis, scientific description method, quantitative and statistical analysis, content analysis as the primary research method. The content analysis was conducted in two stages: 1. Quantitative analysis: automatic search for modal verbs, statistical processing of data, identification of collocations using Voyant Tools; 2. Qualitative analysis: textological analysis, combinatorial linguistics methods, analysis of semantic fields and thematic groups. The research reveals the following results: Distribution of modal verbs: *to want* (95%), *to desire* (4%), *to dream* (1%). Thematic groups of collocations: labor activities; significant life events (marriage, wedding); food and drink; education; movement. Stylistic and genre specificity of verbs: *to want* – basic verb for expressing desire; *to desire* – used in ritual and etiquette contexts; *to dream* – pragmatic, everyday usage. The study demonstrates that corpus processing and content analysis provide qualitatively and quantitatively new results in dialect communication research. The findings reveal: specific features of optative modality functioning in dialect discourse, role of volitive verbs in forming speech genres, thematic and genre conditioning of analyzed units, practical application potential in lexicography. The research contributes to the development of new approaches in dialectology and provides a basis for further studies in the field of dialect communication analysis.

Keywords: dialect discourse, modality, optativity, volitional verbs, content analysis

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project no. FSWM-2025-0016.

For citation: Demeshkina, T.A. & Ruleva, A.E. (2025) New research formats for dialect communication: content analysis of optative modality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 16–27. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/2

Современная диалектология приходит к осмыслению диалектной речи как особого типа дискурса, а диалекта – ак особого культурно-коммуникативного образования [1. С. 134]. Заявленный подход требует разработки и применения (наряду с традиционными методами) новых исследовательских инструментов при изучении диалектной коммуникации. Отдельные методологические положения и методики апробируются в рамках таких направлений, как когнитивно-дискурсивное, лингвокультурологическое, корпусная диалектология (более подробно об этом см.: [2. С. 268–278]). Исследования томских диалектологов, объектом описания которых являются русские старожильческие говоры Сибири, доказали репрезентативность комплексного подхода к изучению диалекта [3].

В последнее десятилетие диалектологами активно осваиваются компьютерные методы обработки материала, что позволяет получить качественно новые результаты при его описании. Новым форматом представления диалектных текстов являются диалектные корпуса. Цифровой формат обработки полевых материалов и создание Томского диалектного корпуса дали возможность поставить и решить на уровне монографий, статей, докторских и кандидатских диссертаций ряд задач, которые положили начало развитию новых направлений в Томской диалектологической школе: гендерная диалектология (М.А. Толстова [4]), автобиографические дискурсивные практики (С.В. Волошина [5]), сопоставление интернет-жанров и жанров устной речи, роль диалектов в формировании интернет-пространства (Н.А. Зюзькова [6]). Цифровой формат существования устного диалектного текста обусловил возможность применения к его описанию методов, ранее не используемых в диалектологии.

Таким образом, актуальность данной статьи обусловлена необходимостью разработки и апробации новых методов на диалектном материале, представленном в цифровом формате.

Одним из таких методов является контент-анализ, применение которого продемонстрировано в данной статье на материале глаголов, выражающих оптативную модальность, формирующуюся семантикой желательности и имеющую регулярные средства выражения на разных уровнях языка.

Понятие оптативной модальности рассматривается в рамках общей категории модальности, изучение которой имеет длительную традицию в лингвистической науке и представлено множеством аспектов: 1) в рамках грамматической традиции внимание фокусируется на модальных глаголах, выражающих отношение говорящего к действию [7, 8]; 2) семантическая традиция рассматривает значения и оттенки модальных выражений в языке, анализируя, как они передают оценку говорящего по отношению к действию [9, 10]; 3) прагматический подход предполагает изучение контекстуальных факторов и определение воздействия коммуника-

тивной ситуации на модальность [11, 12]; 4) с развитием когнитивной лингвистики акцент смещается на когнитивные процессы и представления, связанные с модальностью [13–15]. Текстологический подход к толкованию модальности требует уточнения опорных базовых понятий. Модальность в статье трактуется в соответствии с теоретическими положениями петербургской школы функциональной грамматики (А.В. Бондарко, Е.И. Беляева и др.) как «комплекс функционально-семантических полей» [16. С. 62] с содержанием, отражающим отношение пропозиции к действительности с учетом реальности/ирреальности. Также модальность рассматривается нами в традиции Т.В. Шмелевой как субъективная по своей природе [17. С. 80].

Феномен оптативности впервые стали исследовать чехословацкие ученые (Р. Мразек, Я. Бауэр, М. Грепл и др.) еще в 1950-е гг. Оптативные предложения рассматриваются зарубежными лингвистами как самостоятельный модально-коммуникативный тип высказывания [18. С. 814–816]. В рамках «теории функциональной грамматики» категориальные ситуации желательности (оптативности) и побудительности традиционно входят в функционально-семантическое поле волеизъявления [16. С. 172].

В основе выделения категории оптативности лежит семантика желательности. Желание обычно описывается как состояние, при котором человек стремится к воплощению чего-либо или испытывает потребность в чем-либо. Понятие желательности / нежелательности в лингвистике рассматривается с различных сторон: изучаются способы выражения желаний в языке путем использования глаголов [7, 19], морфологических форм (например, сослагательного и желательного наклонений) или конструкций предложения [16, 18]. Исследование категории оптативности в отечественной науке развивалось в рамках функциональной грамматики, где желательность рассматривается как составная часть функционально-семантического поля волеизъявления наряду с побудительностью [10, 13]. Когнитивный подход, смещающий акцент на ментальные репрезентации и процессы, связанные с модальностью, представлен в исследованиях В.Г. Гака и Т.В. Романовой [8, 15]. Категория желательности отражает осмысление человеком собственных ценностных установок и воплощается в языке.

Наибольшее распространение в отечественной лингвистике получил функционально-семантический подход к описанию категории оптативности. Так, Е.И. Беляева относит оптативную модальность к более общей категории – модальности волеизъявления и рассматривает оптативность, выражающую модальное значение желательности, не как отдельную самостоятельную категорию, а как составную часть волеизъявления, наряду с директивной модальностью, эксплицирующей модальное значение побуждения [20. С. 179].

На многоаспектный характер категории оптативности указывает Е.В. Алтабаева. Автор предлагает когнитивно-дискурсивный и функционально-семантический подходы к анализу оптативности, определяя категориальный смысл желательности, лежащей в основе категории, «как эмоционально-волевое проявление потребности субъекта в том, чтобы осуществилось некое событие, предпочитаемое им всем остальным» [21. С. 28]. Е.В. Алтабаева пишет об «острой необходимости» изучения всех аспектов оптативности и в качестве одной перспектив называет проблему «исследования интерпретационного потенциала данной категории, реализуемого в разных типах текстов – традиционном, художественном, публицистическом, разговорном (подчеркнуто нами. – *Авт.*), интернет-тексте» [21. С. 38].

Наше исследование фокусируется в большей степени на анализе оптативности, выражающей волеизъявление/желание в модели сочетания модального глагола со значением волеизъявления и инфинитива.

Цель статьи – продемонстрировать возможности контент-анализа при выявлении языковых средств выражения оптативной модальности в диалектной коммуникации.

Новизна результатов обусловлена применением метода контент-анализа к уникальному массиву диалектных текстов, ранее в заявленном аспекте не изучавшимися, а также обращением к жанровым и прагматическим характеристикам оптативности, составляющим новое поле исследования данной категории. Теоретическая значимость полученных результатов состоит в определении особенностей функционирования оптативной модальности в диалектном дискурсе по сравнению с литературным языком и получением данных о роли волитивных глаголов в формировании жанров речи устного общения. Результаты найдут применение в прикладной лексикографии и могут быть использованы при составлении аспектных словарей, посвященных параметризации поля модальности.

Материал

Материалом для анализа послужили высказывания с глаголами, выражающими семантику оптативной модальности (*хотеть*, *желать*, *мечтать*), извлеченные из Томского диалектного корпуса [22], в котором зафиксировано более четырех тысяч словоупотреблений названных глаголов. Корпус представляет собой уникальное собрание записей живой речи носителей русских старожильческих говоров Среднего Приобья, собранных в ходе полевых экспедиций Томского государственного университета. В основу корпуса легли расшифровки аудиозаписей интервью, охватывающих широкий спектр тем: от бытовых воспоминаний, описаний труда и хозяйства до рассказов о семейных обрядах, войне и послевоенной жизни. Количество словоупотреблений, в которых актуализируется семантика оптативной модальности, насчитывает 3 770 случаев.

Для чистоты анализа из общего массива были исключены контексты, в которых данные глаголы употребляются в немодальных значениях, а также случаи

употребления отглагольных существительных и других частей речи, образованных от этих корней. В результате ручной проверки был сформирован специализированный подкорпус, включающий только релевантные для исследования высказывания.

Единицами анализа являются высказывания, словоформы глаголов *хотеть*, *желать*, *мечтать*, а также коллокации с этими глаголами.

Под коллокациями понимается неслучайное сочетание двух и более лексических единиц, характерное для текстов определенного типа и выделяемое на основании статистических критериев [23. С. 30].

Методы

В работе используется комплекс методов: метод корпусного исследования, дискурс-анализ, а также метод научного описания в совокупности приемов дефиниционного, компонентного и контекстуального анализа, количественных и статистических подсчетов, прием сопоставления, обобщения и систематизации материала. В качестве основного исследовательского метода применяется контент-анализ, что дает возможность классифицировать и структурировать полученные данные, выявить и интерпретировать путем определения наиболее частотных универсальных коллокаций содержательный план предложения, значение сфер и событий коммуникации.

Контент-анализ осуществлялся в два этапа.

На первом этапе было определено количество совпадений анализируемых лексем. На этапе обработки количественных данных использовался сопоставительный анализ. Методом сплошной выборки был осуществлен поиск модальных глаголов по лемме в закрытой части Томского диалектного корпуса. Отобранные тексты заносились в таблицу Excel, после чего экспортировались в формат TXT для удобства дальнейшего редактирования высказываний, извлеченных из корпуса диалектных текстов. С помощью инструмента «Заменить» в текстовом редакторе была произведена автозамена словоформ на одну лексему, а также были извлечены все фонетические маркеры, затрудняющие обработку текста. Таким образом, вручную был создан корпус, основанный на собрании текстов, в которых функционируют лексемы *хотеть*, *желать*, *мечтать*. С помощью веб-платформы для обзора и анализа текстов Voyant tools [24] были выявлены коллокации для каждого глагола (инструмент «Коллокации»). Коллокации определялись автоматически с окном в одно слово слева и справа от узлового слова (лексемы-запроса), после чего полученные списки были вручную отфильтрованы для удаления служебных слов и шума. Для последующего анализа были оставлены только полноточные лексемы, образующие с глаголом семантически и синтаксически связанное сочетание. Для наглядного сопоставления сочетаемостных профилей исследуемых глаголов и выявления их ядерных семантических полей были составлены сводные таблицы, включающие 15 наиболее частотных коллокаций для каждого модификатора. Отбор осуществлялся по принципу убывания частотности, что позволило выде-

лить ключевые, статистически значимые связи, формирующие ядро их лексико-семантической сочетаемости в диалектном дискурсе.

На втором этапе был проведен качественный контент-анализ с использованием текстологического анализа. При исследовании потенциала сочетаемости модальных модификаторов применялась методика комбинаторной лингвистики, позволяющая выявить комбинаторный потенциал и синтагматические отношения лексем. Под модификаторами нами понимаются модальные слова, глаголы, прилагательные, наречия, существительные, которые «лексически неполнозначны, неспособны самостоятельно быть «членами предложения», они функционируют только в определенных синтаксических конструкциях, как регулярные модификаторы первичных моделей, функционирующие в определенных синтаксических структурах» [25. С. 96].

Результаты исследования

На лексикографическом этапе исследования были сопоставлены диалектные дефиниции анализируемых глаголов, зафиксированные в «Вершининском словаре» – фундаментальном своде лексики русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Словарные статьи демонстрируют как семантическую общность с общерусской лексикой, так и специфику диалектной фиксации. Для ядерного глагола *хотеть* в седьмом

томе представлено разделение на личную (*хотеть*) и безличную (*хотеться*) формы с идентичной семантикой: 1) ‘испытывать желание, охоту, ощущать потребность, необходимость в чем-либо’; 2) ‘с инф. иметь намерение (делать что-л.)’ [26. С. 219–220]. Такая двухчастная структура значения отражает базовый характер данной лексемы, охватывающей как внутреннее состояние (потребность), так и его внешнюю, целеориентированную проекцию (намерение).

Глагол *желать* во втором томе словаря определяется лаконично: «Стремиться осуществить что-л.; хотеть» [27. С. 193]. Эта краткая дефиниция, сводящаяся к синонимичному указанию на *хотеть*, уже на лексикографическом уровне маркирует его периферийный статус и возможную семантическую редукцию в диалектной системе по сравнению с многозначностью литературного аналога.

Лексема *мечтать* в третьем томе толкуется как «предаваться мечтам» [28. С. 303]. Данное определение, воспроизводящее литературную норму, фиксирует ядерный семантический компонент (‘погруженность в процесс воображения’), однако, как покажет дальнейший анализ корпусных данных, в реальном диалектном узусе спектр ее употребления оказывается существенно шире и прагматичнее.

Количественный анализ позволил установить следующее распределение модальных глаголов, вербализующих оптативную семантику (табл. 1, 2).

Таблица 1

Распределение модальных глаголов

Запрос	Количество совпадений без учета лексического значения глагола	Количество совпадений с учетом лексического значения глагола
хотеть	4 129	3 770
желать	167	167
мечтать	38	38

Таблица 2

Сочетаемость модального модификатора *хотеть*

Узловое слово	Коллокации (слово ± позиция)	Частота
хотеть	работать	195
	делать	163
	сватать(ся)	110
	женить(ся)	104
	там	88
	замуж	87
	кушать	80
	тут	78
	спать	72
	идти	65
	пойти	61
	щас	60
	говорит	60
	ничё	56
	куда	54
	есть	50
	жить	47
	знаю	44
	учиться	43
	надо	41
	держать	39
	хорошо	37
	сын	37
	дети	37
	нынче	34

Узловое слово	Коллокации (слово ± позиция)	Частота
	сколько	33
	знать	32
	косить	29
	корова	29
	хлеб	28
	человек	27
	сказать	27
	посмотреть	27
	наверно	27
	раньше	26
	нонче	25
	никто	24
	колхоз	23
	ехать	23
	никак	22
	дом	22
	сделать	21
	город	21
	говорить	21
	потом	20
	ничего	19
	сейчас	18
	уехать	17
	посмотреть	27
	туда	17
	строить	17
	рыба	17
	невеста	17
	молодежь	17
	другие	17
	работа	16
	деньги	15
	дело	15
	взамуж	15
	помирать	14
	картошка	14
	женить	14
	домой	14
	вспоминать	14
	хлеба	13
	хвальныйся	13
	училище	13
	совхоз	13
	усыпить	12
	стирать	11
	сразу	11
	жись	11
	голодный	11
	войну	11
	уничтожить	10
	Томск	10
	пить	10
	помыть	10
	печь	10
	обрезать	10
	устроить	9
	сватать	9
	поинтересоваться	9
	разговаривать	9
	отравить	9
	отказаться	9

В табл. 1 отражены результаты автоматического поиска по леммам в корпусе. Столбец «Количество совпадений без учета лексического значения глагола» включает все контексты употребления данной леммы. Столбец «Количество совпадений с учетом лексического значения глагола» содержит только те случаи, где глагол актуализирует именно оппозитивную семантику

(желание, намерение, стремление). При подсчете учитывались только личные формы глаголов; отглагольные существительные, причастия и прочие части речи, а также контексты с немодальными значениями были исключены из анализа. Как следует из данных, в диалектной коммуникации доминирует глагол *хотеть*, что свидетельствует о его базовой роли в выражении желания.

В данной работе нас не интересовали формы отглагольных существительных и других частей речи, немодальные значения глаголов. При составлении моделей предлоги (за исключением анализа лексики *мечтать*), частицы, союзы и относительные местоимения предлагаются не рассматривать, так как они не являются информативными без привлечения дополнительного контекста. Методом сплошной выборки было подсчитано число подходящих по семантике примеров. Данные табл. 1 дают возможность сопоставить частотность употребления модальных глаголов, репрезентирующих оптативную модальность. Глагол *хотеть* с показателем в 95% доминирует в использовании волитивных глаголов в диалектной коммуникации. Это свидетельствует о том, что *хотеть* является основным, наиболее употребимым и, вероятно, наиболее универсальным средством для выражения желания, намерения, потребности и других оттенков оптативной модальности в диалектной коммуникации. Низкий показатель для *желать* (4%) указывает на то, что этот волитивный глагол используется значительно реже, чем *хотеть*. *Желать* может восприниматься как более формальный, книжный или устаревший глагол, и поэтому менее распространен в спонтанной диалектной речи. Крайне низкая частотность глагола *мечтать* (1%) позволяет предположить, что концепция мечтания как представления о чем-то далеком и нереальном не является важной для диалектоносителей. В диалектной культуре большее значение придается практическим стремлениям и желаниям, а не абстрактным мечтам.

Таблица 2 демонстрирует наиболее частотные лексические единицы, сочетающиеся с глаголом *хотеть* в диалектном дискурсе. Второй столбец содержит коллокации, расположенные в порядке убывания частотности. Принцип построения и анализа таблицы заключается в следующем: все коллокации (словоформы, встречающиеся с узловым словом в пределах окна ± 1 слово) были автоматически извлечены из специализированного подкорпуса с помощью инструмента Voyant Tools, после чего вручную отфильтрованы от служебных слов и шума. Во втором столбце полученные лексические единицы расположены в строгом порядке убывания абсолютной частоты их совместной встречаемости с глаголом-запросом (данные в третьем столбце). Такой иерархический принцип представления данных – от наиболее к наименее частотным сочетаниям – является ключевым для контент-анализа, так как позволяет сразу визуализировать ядро лексико-семантической сочетаемости глагола. Принцип отбора – убывание частотности – был применен ко всем анализируемым глаголам для обеспечения единообразия и сравнимости результатов. Анализ показывает, что глагол *хотеть* преимущественно сочетается с инфинитивами других глаголов (*работать*, *делать*, *сватать(ся)*), что указывает на его основную функцию – выражение желания совершить действие. Значительную группу составляют наречия места (*там*, *тут*) и времени (*здесь*, *сейчас*, *тогда*, *сейчас*), что подчеркивает ситуативную и временную привязку желаний диалектоносителей. Также в таблице представлены суще-

ствительные, обозначающие ключевые объекты желания и темы общения (*дети*, *корова*, *хлеб*, *человек*, *невеста*, *город*). Такое распределение позволяет не только количественно оценить сочетаемость, но и качественно выделить ядро ценностных ориентаций и практических интересов носителей диалекта.

В диалектной коммуникации, как и в литературном языке, наиболее частотным является модальный глагол *хотеть*. Ю.Д. Апресян отмечает, что «глагол *хотеть* обозначает наиболее типичное желание – от средней до высокой степени интенсивности, не опосредствованное ни эмоциями, ни умом, реалистичное (и реализуемое в обозримое время) или фантастическое» [19. С. 1248]. В «Вершининском словаре» глагол *хотеть* зафиксирован в двух значениях, совпадающих с общерусским значением, и используется как для выражения общего намерения информанта, например, *Не знаю кем, я об этом ещё не подумал, кем я хочу стать*, так и для выражения конкретного желания вроде *Я хотела луку ещё нарвать*. Употребляется глагол и в безличном значении: *И вот этот квас пьёшь – больше хочется*. Широко представлен глагол *хотеть* и его просторечный вариант *хощь* в устойчивых сочетаниях с местоимениями и наречиями типа *кому (куда, сколько) хочешь (хощь)*, что может составить тему отдельного исследования.

Стремление говорящего к осуществлению желания предполагает обозначение сферы, в пределах которой «лежит» желание. Как показывает анализ тематики общения, в зону коммуникации попадает преимущественно бытовая сфера: хозяйство, дом, работа, учеба, родственники и т.д.

Распределение сочетаемости глагола *хотеть* по тематическим группам. Наиболее частотными являются сочетания с инфинитивами других глаголов (*работать*, *делать*, *сватать* и т.д.), что отражает направленность желания на действие. Значительную группу составляют наречия места и времени (*там*, *тут*, *здесь*, *сейчас*, *тогда*), а также существительные, обозначающие объекты желания (*дети*, *корова*, *хлеб*). Это позволяет выделить следующие основные тематические поля.

1. Трудовая деятельность. Из данных таблицы следует, что глагол *хотеть* чаще употребляется в сочетании с глаголами действия (*работать* (195), *делать* (163), *учиться* (43) и др.) и глаголами движения (*идти* (65), *пойти* (61), *уехать* (17) и др.), что в целом характерно и для модальных глаголов в русском литературном языке. Самая частотная коллокация – *хотеть работать* (195). Далее следуют сочетания глагола с наречиями *раньше* (26), *сейчас* (34) / *тогда* (25), *сейчас* (18) / *здесь* (60), отражающих временную соотнесенность действия. Труд в традиционном укладе занимает важное место, является одной из базовых ценностей в сельской культуре: он должен быть полезен и предполагает личную ответственность. Старшее поколение крестьянского социума оценивает молодых людей с позиции трудолюбия, как правило, отрицательно: «*молодежь испортилась*»; «*не умеют работать*»: *Молодежь-то всё испакостит где-то, а работать совсем не хотят. Пока мы работали, в магазинах было*

всё. А теперь никто **не хочет** работать. К семантическому полю «труд» можно отнести лексемы разной частеречной принадлежности: глаголы, обозначающие общие и конкретные виды деятельности; существительные, называющие разные формы хозяйствования, денежные знаки как вознаграждение за труд и т.д. *работать* (195), *косить* (29), *колхоз* (23), *строить* (17), *работа* (16), *деньги* (15), *дело* (15), *совхоз* (13), и конкретные виды трудовой деятельности *стирать* (11), *помыть* (10), *печь* (10) и др.

2. Значимые события в жизни (вступление в брак, свадьба). Свадьба как обряд является одним из ключевых событий жизни человека наряду с рождением, инициацией, смертью (погребением) [29. С. 33]. Данные таблицы отражают употребление глагола *хотеть* в сочетании с лексемами, называющими различные стороны, этапы, участников и т.д. этого события: *сватать(ся)* (110), *женить(ся)* (104), *замуж* (87) / *взамуж* (15), *невеста* (17), *женить* (14). Тема свадьбы – одна из наиболее частотных в диалектной коммуникации и имеет ярко выраженную гендерную маркированность. Это находит подтверждение в наблюдениях над структурой диалектного нарратива: как отмечает С.В. Волошина, «мужские тексты преимущественно характеризуются большей детализацией при рассказе о работе, а меньшая часть повествования посвящена семье. Женские тексты, главным образом, сосредоточены на рассказах о создании семьи, о семье, о работе» [30. С. 59]. Высокая частотность коллокаций глагола *хотеть* со свадебной лексикой в нашем материале, вероятно, в значительной степени обусловлена гендерным составом информантов и соответствующей тематической фокусировкой женских нарративов, которые составляют существенную часть корпуса. Контексты с данными лексемами преимущественно встречаются в воспоминаниях женщин о молодости, сватовстве, замужестве и семейной жизни.

3. Еда и питье. Еще одной темой, вербализованной в диалектной коммуникации, выступает питание: *кушать* (80), *есть* (50), *пить* (10) и др. Наряду с рассказами о прошлой жизни, о семье, о домашнем хозяйстве и труде, диалектоносители охотно рассказывают о том, что они едят, как готовят пищу, как выращивают те или иные культуры. Процесс получения пищи соотносится с процессом работы, поэтому частотными являются коллокации глагола с существительными, обозначающими домашних животных, продукты: *корова* (29), *хлеб* (28) / *хлеба* (13), *рыба* (17), *картошка* (14). Наиболее частотной является коллокация, включающая лек-

семы *хлеб*, *картошка*, *корова*, обозначающие основные источники питания сибирского крестьянина. Также к этой тематической группе мы отнесли слово *голодный* (11), которое свидетельствует о тяжелом состоянии человека, вызванным отсутствием пищи, недостаточным питанием. Употребление волитивного глагола с использованием отрицания (*не хотели голодными* [быть; оставаться]) свидетельствует о трудностях, пережитых диалектоносителями во времена войны или в трудные неурожайные годы.

4. Учеба. Эта тематическая группа отражает стремление к получению образования и интеллектуальному развитию как одной из форм социальной мобильности. Глагол *хотеть* активно сочетается с лексемами *учиться* (43), *училище* (13). Часто эти желания относятся к воспоминаниям о детстве или юности и связаны с выбором жизненного пути: *Сын хотел учиться на каменщика, у него классы большие, так его хотели старшим*. Учеба воспринимается не как абстрактная ценность, а как практический инструмент для улучшения жизни, получения профессии и, как следствие, возможности трудиться. Контексты часто содержат отсылки к конкретным учебным заведениям (училище) и противопоставление желания учиться и необходимости работать.

5. Движение. Данная группа объединяет коллокации, связанные с физическим перемещением в пространстве, которое часто метафорически осмысливается как жизненный путь или изменение социального статуса. Высокую частотность демонстрируют сочетания с глаголами движения: *идти* (65), *пойти* (61), *уехать* (17). Также важны сочетания с наречиями направления: *куда* (54), *туда* (17). Желание «уехать» или «пойти куда-то» может выражать как конкретные планы переезда (например, в город: *В Томск хочем уехать*), так и более общее стремление к переменам, уходу от текущих обстоятельств. В диалектном дискурсе движение часто связано с трудовой миграцией (уехать на заработки: *Тут с колхоза примерно хотел бы я уехать в город, ну в Томск или куда-то, колхоз не отпустил и никуда не поедешь*) или созданием семьи (пойти замуж: *Хотела замуж вы'йти – он мне, хрёстный архиерей, не разрешил, только с проклятьями можно жениться*).

Таким образом, глагол *хотеть* как модальный модификатор сочетается с лексемами, маркирующими такие семантические поля, как труд, свадьба, движение, питание, учеба.

Следующим глаголом по частотности употребления является глагол *желать*. Приведем данные о его сочетаемости (табл. 3).

Таблица 3

Сочетаемость модального модификатора *желать*

Узловое слово	Коллокации (слово ± позиция)	Частота
желать	говорит	29
	спасибо	25
	пойти	24
	есть	20
	потом	19
	детей	19
	всегда	17
	здоровья	15
	лето	12

Узловое слово	Коллокации (слово ± позиция)	Частота
	поехать	11
	ничё	11
	хорошего	10
	сколько	9
	много	9
	никому	8
	учиться	7
	сейчас	7
	раньше	7
	идти	7
	душа	7
	сватать	5
	праздновать	5
	праздник	5
	жених	5
	доброго	5
	свадьба	4
	помочь	4

Хотеть и *желать* – синонимы с наиболее общим значением, обозначающие некую норму в сфере желаний [19. С. 1248]. Модальный модификатор *желать* употребляется в значении «Стремиться осуществить что-л.; хотеть» [27. С. 193] и имеет стилистическую маркированность, употребляясь преимущественно в сфере официальной коммуникации либо в фольклорных произведениях (песнях, сказках): В обыденной коммуникации глагол *желать* не зафиксирован. В отличие от глагола *хотеть*, семантика *желать* в диалекте существенно сужена. Если в литературном языке он имеет три основных значения (хотеть; высказывать пожелания; испытывать страсть) [31. С. 475], то в «Вершининском словаре» для среднеобских говоров зафиксировано лишь одно – «стремиться осуществить что-л.; хотеть». Это свидетельствует о большей концептуальной определенности и семантической редукции глагола в диалектном узусе. Данный волитивный глагол используется в особых (торжественных) ситуациях, связанных с поздравлениями, наказаниями и формирует речевой жанр благопожелания. Высказывания-пожелания характеризуется высокой степенью эмоциональности и экспрессивности [32. С. 21], что передается комплексом разноуровневых речевых средств: многочисленными повторами, в том числе глагола *желать*, актуализацией его мотивационных связей (*желать-желания*), интонацией, «концентрацией» лексики с позитивной оценкой (*хороший, добрый*): *Я вам тока желаю всею хорошего, детки... Ребят нашли бы что бы хороших. Щоб само главно не пили; Всего-всего вам доброго желаю! Чтобы... Чтобы ваши желания все... испо'лнялись! Что загадываете... Чтоб всегда. Чтоб всегда у вас деньги были. Вот загадываете, вот чё-то там это, чтоб деньги у нас, чё-то исполнилось, у вас всегда исполнилось, чтобы желания ваши...*

Отметим, что модальный глагол *желать* гораздо реже по сравнению с модификатором *хотеть* употребляется в сочетании с глаголами. Желания информантов имеют временное (*потом* (19), *всегда* (17), *раньше* (7), *сейчас* (7)) и количественное измерение (*сколько* (9), *много* (9)). Коллокации позволяют выявить набор этикетных формул (*желать доброго* (5), *желать хорошего* (10), *желать здоровья* (15) и др.), что свидетельствует о жанровой и стилистической маркированности

анализируемого глагола. Как для глагола *хотеть*, для *мечтать* является частотным функционирование в рассказах о свадьбах (свадьбе), включающих лексемы *пойти* [замуж] (24), *сватать* (5), *праздновать* (5) / *праздник* (5), *жених* (5), *свадьба* (4). Рассматривая контексты с глаголом *желать*, можно отметить использование этого модального модификатора в качестве универсального ритуального маркера, актуализирующего определенный жанр. Формула «*Желаешь идти* [замуж; за него]?» является часто используемой в речи информантов, когда они рассказывают об обряде венчания, употребляется информантами при передаче чужой речи и служит средством передачи возвышенного стиля, используемого в обрядовых, фольклорных текстах, в напутствиях и наказах, даваемых в торжественных ситуациях.

Основные тематические группы для глагола *желать*:

1. Значимые события в жизни (вступление в брак, свадьба). Наиболее яркой особенностью является употребление глагола в контекстах, связанных с обрядами, прежде всего со сватовством и венчанием. В примерах: *Батюшка спрашивает: «Желаешь ты с ём венчаться?»* или *Захо'дют, сваха садится под ма'тку: мы пришли вашу дочку посва'тать. Спрашивают невесту: желаю потти – желаю. Ста'вют самовар, чаем угоши'ют, выпьют по рюмочке; Ну, просят же, мать, отец тамот-ка. Мать спросит: «Желаешь пойти? Если приедут свататься к тебе». Ну, она скажет, что «желая пойти». Ну и посватаются, приедут. А скажет: «Не желаю», так не пойдёт. Не прини'дут. Скажет: «Не желаю пойти за него», и не пойдёт. – глагол выступает как формульный, ритуальный маркер, санкционированный традицией. Его произнесение является ключевым перформативным действием в сакральном ритуале. К этой же группе относятся коллокации, непосредственно называющие элементы свадебного обряда: *пойти* [замуж] (24), *сватать* (5), *жених* (5), *свадьба* (4), *праздновать* (5) / *праздник* (5).*

2. Этикетные ситуации. Глагол выполняет фатическую и этикетную функции, будучи ядром речевого жанра благопожелания. В высказываниях типа *Я вам тока желаю всею хорошего, детки...* или *Всего-всего*

вам *доброго желаю!* Чтобы... Чтобы ваши желания все... исполнились! лексема функционирует как универсальная ритуальная формула вежливости, направленная на поддержание социальных связей. Частотные коллокации с прилагательными в родительном падеже, называющими абстрактные блага: *желать хорошего* (10), *желать доброго* (5), *желать здоровья* (15). Формула часто сопровождается интенсификацией (*всего-всего*) и разворачивается в целый микрожанр напутствия.

3. Учеба. В отличие от глагола *хотеть*, для которого тема учебы представлена достаточно ярко (*учиться* (43)), в сочетаемом профиле глагола *желать* данная семантическая зона выражена слабо и носит фрагментарный характер. Однако важно отметить, что в контекстах с глаголом *желать* объектный инфинитив «учиться» функционирует не как самостоятельная цель, а преимущественно как элемент структуры ритуального пожелания или поучения. Например: *Желаю вам хорошо учиться!* Таким образом, даже в этой ограниченной по частоте группе реализуется фатическая и назидательная функция глагола *желать*, а не функция выражения личного актуального намерения говорящего. Косвенно к данному тематической группе можно отнести также коллокацию *дети* (19), которая в ряде контекстов появляется именно в связи с пожеланиями им успешной учебы, получения профессии или

«доброго пути». Это еще раз подтверждает стилистическую маркированность глагола и отнесенность к сфере сакрализованных, а не бытовых коммуникативных практик.

4. Нарративы фольклорного характера. Глагол *желать* часто используется не для описания собственных чувств рассказчика, а для цитирования прямой речи в повествованиях, что придает речи оттенок архаики и «возвышенности». В сказочных вставках: *Теперь он и говорит: «Не желаешь ли ты мне в зятя? Ты мне понравился. Будешь ты князем»...* Ну, конечно, и царь согласился. – глагол маркирует речь как принадлежащую к иному, не-бытовому миру. В лирических фрагментах (*Желала бы желала / Залётной птишкой быть. / Слетала бы слетала, / Где милый крепко спит*) он служит целям создания поэтического, фольклорного настроения, актуализируя коллективную культурную память.

5. Негативный опыт и предостережения. Отрицательная форма глагола (*не желать*) используется для передачи тяжелого личного опыта и выступает как акт эмоционального отвержения и социального предостережения: *Не хочу я, чтобы это всё вернулось, да коснулось. Никому не желаю такой жизни. Вот так, девьки, моя жись; Мне кажется, что не дай бог так болеть, никому не желаю.* Эта конструкция становится мощным средством нарративной оценки.

Таблица 4

Сочетаемость модального модификатора *мечтать*

Узловое слово	Коллокации (слово ± позиция)	Частота
мечтать	про	12
	надо	10
	потом	9
	думать	8
	сегодня	7
	перезезжать	5
	думашь	5
	делать	5
	купить	4
	замуж	4
	жизнь	4
	делали	4
	вода	4
	ремонт	3
	овчарка	1
	лук	1
	щетка	1
	скотина	1
	хлеб	1
	наестся	1

Глагол *мечтать* в русском литературном языке обозначает более глубокие, часто иллюзорные желания и фантазии: «предаваться мечтам; представлять в воображении» [33. С. 264]. Ю.Д. Апресян отмечает, что «глагол *мечтать* в значении ‘хотеть’, которое у него тесно связано с основным значением ‘думать о неосуществимом, грезить’, предполагает работу воображения и других интеллектуальных систем человека» [19. С. 1249]. Специфика функционирования глагола *мечтать* в диалектной коммуникации заключается в том, что у него появляется значение (оттенок значения), не характерное для литературного языка.

Как показал анализ корпусных данных, в диалектном дискурсе происходит семантическое смещение: глагол *мечтать* утрачивает оттенок иллюзорности и неосуществимости, сближаясь по значению с глаголами *хотеть* и *думать* в их утилитарном, бытовом значении.

Объекты «мечтаний», приведенные в табл. 4, показывают их связь с бытовой сферой и носят преимущественно прагматичный характер (коллокации *лук* (1), *овчарка* (1), *вода* (4), *хлеб* (1) и др.). Коллокации с *мечтать* маркируют тематические группы: «питание» (*вода* (4), *лук* (1), *скотина* (1), *хлеб* (1), *наестся* (1)) и «свадьба, бракосочетание» (*замуж* (4)). Темпоральные

квалификаторы показывают, что желания лежат в плоскости настоящего *сегодня* (7) и будущего *потом* (9) времени.

Основные тематические группы для глагола *мечтать*:

1. Бытовые нужды и хозяйственные заботы. В целом ряде контекстов модальный модификатор *мечтать* используется как абсолютный синоним глагола *хотеть* и употребляется в обыденной коммуникации для обозначения желаний, лежащих в утилитарной, практической сфере: *Мечтаю чай купить; Сёдня мечтала лук прополоть, а вот дождь, да дождь*. Объекты таких «мечтаний» носят сугубо прагматичный характер: *лук* (1), *вода* (4), *хлеб* (1), *овчарка* (1), *щенка* (1), *скотина* (1). Эта группа отражает бытовой характер большинства желаний диалектоносителей, где *мечтать* обозначает «очень хотеть».

2. Еда и питье. Данная группа является логическим продолжением первой и выделяется в отдельную в силу своей значимости и конкретной семантики. Как показывают примеры, «мечтания» часто связаны с базовыми потребностями в питании. Объекты желаний в этой группе конкретны и связаны с повседневным рационом или хозяйством: *чай, лук, хлеб, наестся*. Такое употребление подчеркивает, что в диалектной коммуникации глагол *мечтать* часто обслуживает сферу насущных, витальных потребностей, что отличает его от литературного значения, связанного с возвышенными или несбыточными грезами.

3. Значимые события в жизни (вступление в брак, свадьба). Как и для других волитивных глаголов, для *мечтать* актуально маркирование темы создания семьи, что отражено в коллокации *замуж* (4). Однако, в отличие от *желать*, в данном случае это не ритуальная формула, а выражение личного, бытового желания.

4. Интеллектуальная деятельность и рефлексия. В ряде контекстов глагол *мечтать* выступает как синоним глагола *думать* при обозначении интеллектуальной или экзистенциальной сферы: *Я всё время мечтала [думала], что врачи получают много; Стою думаю-мечтаю. Жись разбитая*. В таких случаях глагол маркирует не столько желание, сколько процесс размышления, часто окрашенный эмоционально.

Глагол *мечтать* в диалекте, как правило, выступает в универсальной коллокации с предлогом *про* (12), в отличие от литературной нормы, где глагол сочетается с предлогом «о». Это свидетельствует о наличии межстилевой синонимии и специфике диалектного управления. Например: *Про личную жизнь я не мечтала, жила для детей*. Темпоральные квалификаторы *сегодня* (7), *потом* (9) показывают, что желания лежат

в плоскости настоящего и ближайшего будущего, что подчеркивает их практическую ориентированность и близость к значению «планировать».

Заключение

Контент-анализ модальных модификаторов *хотеть, желать, мечтать* позволил выявить способы и средства выражения желательности в диалектной коммуникации. Одним из основных средств выражения оптативной модальности являются волитивные глаголы, имеющие модально-оценочное значение.

Количественный анализ коллокаций дает возможность определить частотность употребления модальных глаголов, репрезентирующих оптативную модальность.

Семантика оптативности реализуется в диалектной коммуникации при помощи глаголов: *хотеть* – 3 770 (95%), *желать* – 167 (4%), *мечтать* – 38 (1%).

Названные глаголы имеют тематическую приуроченность. Наиболее широкую тематику маркирует глагол *хотеть* («труд», «свадьба», «учеба», «питание», «движение»). Избирательность сфер демонстрируют глаголы *желать* («ритуальные пожелания/этикет», «свадьба», «фольклорные нарративы», «негативный опыт/предостережение») и *мечтать* («прагматичные бытовые нужды», «еда и питье», «свадьба», «интеллектуальная рефлексия»).

На этапе качественного анализа была отмечена стилистическая и жанровая специфика глаголов. Так, глагол *желать* выступает как универсальный ритуальный маркер в жанре «пожелание» и употребляется в возвышенных стилях речи. Глагол *мечтать*, напротив, употребляется преимущественно в обыденной речи и маркирует утилитарную сферу, что отличает его от литературного языка. Анализ сочетаемости лексем показывает динамику развития лексических значений в реальном общении, фиксирует появление новых актуальных смыслов, обусловленных спецификой коммуникации. Полученные данные могут быть применены в лексикографической практике, в том числе при уточнении толкования значений отдельных лексем.

Таким образом, корпусная обработка данных и применение контент-анализа как инструмента изучения диалектной коммуникации дают возможность получить качественно и количественно новые результаты и дополнить используемые диалектологами методы когнитивно-дискурсивного, контекстуального, компонентного и других видов анализа.

Список источников

1. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9-10 (113). С. 133–138.
2. Демешкина Т.А. Векторы развития современной русской диалектологии // Актуальные проблемы обучения русскому языку : сб. ст. Вып. XI. Брно, 2014. С. 268–278.
3. Томская диалектологическая школа : историографический очерк / [Т.Б. Банкова, Е.В. Бельская, О.И. Блинова и др.] ; под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 392 с.
4. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Гендерная диалектология и словари как ее источник // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 83–105. doi: 10.17223/22274200/12/5
5. Волошина С.В. Автобиографические практики в контексте словесной культуры Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 16. С. 35–51. doi: 10.17223/23062061/16/3
6. Зюзькова Н.А. Функции диалектной лексики в интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 35–43. doi: 10.17223/15617793/485/4

7. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975. С. 53–87.
8. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука, 1987. 348 с.
9. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 416 с.
10. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз ; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М. : Рус. словари, 1997. 411 с.
11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М. : Учпедгиз, 1956. 711 с.
12. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса. М. : Наука, 1973. 351 с.
13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с.
14. Гак В.Г. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. 176 с.
15. Романова Т.В. Категория модальности в свете когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 29–35.
16. Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1990. 263 с.
17. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 78–100.
18. Русская грамматика : В 2 т. Praha : Academia, 1979. Т. 2. 1092 с.
19. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд., испр. М. : Школа : Языки русской культуры, 1999. 1488 с.
20. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 179 с.
21. Алтабаева Е.В. Многоаспектный подход в исследовании категорий естественного языка (на материале категории опитивности) // Отечественная филология. 2023. № 3. С. 26–33.
22. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ [Томск]. 2016–2023. URL: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 20.03.2024).
23. Ягунова Е.В., Пивоварова Л.М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2010. № 6. С. 30–40.
24. Open Source Voyant Tools. URL: <https://voyant-tools.org/> (дата обращения: 20.03.2024).
25. Золотова Г.А. Модальность в системе предикативных категорий // Otázky slovanské syntaxe, 3: Sborník symposia „Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích“. Brno, 1971. С. 93–97.
26. Вершининский словарь. Т. 7 / авт.-сост. А.Д. Адилова, В.Г. Арьянова, Т.Б. Банкова и др. ; редкол.: О.И. Блинова (гл. ред.) и др. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 524 с.
27. Вершининский словарь. Т. 2 / авт.-сост. В.Г. Арьянова и др. ; редкол.: О.И. Блинова (гл. ред.) и др. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. 317 с.
28. Вершининский словарь. Т. 3 / авт.-сост. В.Г. Арьянова и др. ; редкол.: О.И. Блинова (гл. ред.) и др. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. 348 с.
29. Новоспаская Н.В., Николич М. Концепт свадьба в русском и сербском языках // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 31–37.
30. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа как фрагмент энциклопедии речевых жанров // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 52–61.
31. Словарь русского языка : В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. Т. 1. 963 с.
32. Рулева А.Е. Вербализация семантики желательности в диалектной коммуникации // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов XI (XXV) : междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Томск, 18–20 апр. 2024 г. Томск : Нац. исслед. Том. гос. ун-т, 2024. С. 19–23.
33. Словарь русского языка : В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1986. Т. 2. 736 с.

References

1. Kryuchkova O.YU., Gol'din V.E. Kommunikativn-yye svoystva dialektnoy rechi i spetsifika dialektного текстового korpusa // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 9–10 (113). S. 133–138.
2. Demeshkina T.A. Vektory razvitiya sovremennoy russkoy dialektologii // Aktual'n-yye problemy obucheniya russkomu yazyku : sb. st. Vyp. XI. Brno, 2014. S. 268–278.
3. Tomskaya dialektologicheskaya shkola : istoriograficheskiy ocherk / [T.B. Bankova, YE.V. Bel'skaya, O.I. Blinova i dr.] ; pod red. O.I. Blinovoy. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2006. 392 s.
4. Demeshkina T.A., Tolstova M.A. Gendernaya dialektologiya i slovari kak yeye istochnik // Voprosy leksikografii. 2017. № 12. S. 83–105. doi: 10.17223/22274200/12/5
5. Voloshina S.V. Avtobiograficheskiye praktiki v kontekste slovesnoy kul'tury Sibiri // Tekst. Kniga. Knigoizdaniye. 2018. № 16. S. 35–51. doi: 10.17223/23062061/16/3
6. Zyuz'kova N.A. Funktsii dialektnoy leksiki v internet-kommunikatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 485. S. 35–43. doi: 10.17223/15617793/485/4
7. Vinogradov V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke // Izbrann-yye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike. M. : Nauka, 1975. S. 53–87.
8. Bondarko A.V. Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis. L. : Nauka, 1987. 348 s.
9. Balli SH. Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka. M., 1955. 416 s.
10. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznaniye : per. s angl. / otv. red. M.A. Krongauz ; vstup. st. YE.V. Paduchevoy. M. : Rus. slovari, 1997. 411 s.
11. Peshkovskiy A.M. Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii. 7-e izd. M. : Uchpedgiz, 1956. 711 s.
12. Zolotova G.A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa. M. : Nauka, 1973. 351 s.
13. Karaulov YU.N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. M. : Nauka, 1987. 261 s.
14. Gak V.G. Prostranstvo mysli (Opyt sistematzatsii slov mental'nogo polya) // Logicheskiy analiz yazyka. Mental'n-yye deystviya. M., 1993. 176 s.
15. Romanova T.V. Kategoriya modal'nosti v svete kognitivnoy lingvistiki // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2006. № 1. S. 29–35.
16. Teoriya funktsional'noy grammatiki : Temporal'nost'. Modal'nost' / otv. red. A.V. Bondarko. L., 1990. 263 s.
17. Shmeleva T.V. Smyslovaya organizatsiya predlozheniya i problema modal'nosti // Aktual'n-yye problemy russkogo sintaksisa. M., 1984. S. 78–100.
18. Russkaya grammatika : v 2 t. Praha : Academia, 1979. T. 2. 1092 s.
19. Apreyan YU.D., Boguslavskaya O.YU., Levontina I.B. i dr. Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka / pod obshchim rukovodstvom YU.D. Apreyana. 2-e izd., ispr. M. : Shkola : Yazyki rus. kul'tury, 1999. 1488 s.

20. Belyayeva YE.I. Funktsional'no-semanticheskiye polya modal'nosti v angliyskom i russkom yazykakh. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. 179 s.
21. Altabayeva YE.V. Mnogoaspektnyy podkhod v issledovanii kategoriy yestestvennogo yazyka (na materiale kategorii optativnosti) // Otechestvennaya filologiya. 2023. № 3. S. 26–33.
22. Tomskiy dialektnyy korpus // Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii NI TGU [Tomsk]. 2016–2023. URL: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (data obrashcheniya: 20.03.2024).
23. Yagunova YE.V., Pivovarov L.M. Priroda kollokatsiy v russkom yazyke. Opyt avtomaticheskogo izvlecheniya i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov // Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionn-yye protsessy i sistemy. 2010. № 6. S. 30–40.
24. Open Source Voyant Tools. URL: <https://voyant-tools.org/> (data obrashcheniya: 20.03.2024).
25. Zolotova G.A. Modal'nost' v sisteme predikativnykh kategoriy // Otázky slovanské syntaxe, 3: Sborník symposia „Modální výstavba výpovědi v slovanských jazycích“. Brno, 1971. S. 93–97.
26. Vershininskiy slovar'. T. 7 / avt.-sost. A.D. Adilova, V.G. Ar'yanova, T.B. Bankova i dr. ; redkol.: O.I. Blinova (gl. red.) i dr. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 524 s.
27. Vershininskiy slovar'. T. 2 / avt.-sost. V.G. Ar'yanova i dr. ; redkol.: O.I. Blinova (gl. red.) i dr. Tomsk : Izd-vo Tom. gos. un-ta, 1999. 317 s.
28. Vershininskiy slovar'. T. 3 / avt.-sost. V.G. Ar'yanova i dr. ; redkol.: O.I. Blinova (gl. red.) i dr. Tomsk : Izd-vo Tom. gos. un-ta, 2000. 348 s.
29. Novospasskaya N.V., Nikolich M. Kontsept svad'ba v russkom i serbskom yazykakh // Vestnik RUDN. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2012. № 2. S. 31–37.
30. Voloshina S.V. Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza kak fragment entsiklopedii rechevykh zhanrov // Voprosy leksikografii. 2012. № 1. S. 52–61.
31. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. A.P. Yevgen'yevoy. M. : Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye, 1957. T. 1. 963 s.
32. Ruleva A.E. Verbalizatsiya semantiki zhelatel'nosti v dialektnoy kommunikatsii // Aktual'n-yye problemy lingvistiki i literaturovedeniya : sb. materialov XI (XXV) : mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodykh uchennykh, Tomsk, 18–20 apr. 2024 g. Tomsk : Nats. issled. Tom. gos. un-t, 2024. S. 19–23.
33. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. A.P. Yevgen'yevoy. 3-e izd., ster. M. : Rus. yaz., 1986. T. 2. 736 s.

Информация об авторах:

Демешкина Т.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: demeta@rambler.ru

Рулева А.Е. – аспирант, ассистент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ruleva.anastasiya_02@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.A. Demeshkina, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

A.E. Ruleva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ruleva.anastasiya_02@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.11.2025;
одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 01.11.2025;
approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 821.111
doi: 10.17223/15617793/521/3

Повествовательный парадокс смерти рассказчика в аллегорической поэме Стивена Хоуса «Приятное развлечение» (1506)

Вероника Борисовна Зусева-Озкан¹

¹ Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, zuseva_v@mail.ru

Аннотация. Исследуется аллегорическая поэма Стивена Хоуса, придворного поэта английского короля Генриха VII, «Приятное развлечение» (*The Pastime of Pleasure*, 1506). Субъектная структура и композиция поэмы, ее мотивно-сюжетный комплекс, система персонажей, место в традиции и претексты обсуждаются в связи с такой ее яркой особенностью, как смерть «я»-рассказчика по ходу развития действия – при том, что наррация продолжается. Особое внимание уделяется влиянию жанра видения.

Ключевые слова: Стивен Хоус, аллегорическая поэма, английская литература XVI в., постум-нарратив, историческая поэтика, диахроническая нарратология

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00091, <https://rscf.ru/project/25-28-00091/>) в ИМЛИ РАН.

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. Повествовательный парадокс смерти рассказчика в аллегорической поэме Стивена Хоуса «Приятное развлечение» (1506) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 28–39. doi: 10.17223/15617793/521/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/3

The Paradox of the Narrator's Death in Stephen Hawes's Allegorical Poem “The Pastime of Pleasure” (1506)

Veronika B. Zuseva-Ozkan¹

¹ Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, zuseva_v@mail.ru

Abstract. This article considers the allegorical poem “The Pastime of Pleasure” (1506) by Stephen Hawes, court poet who served King Henry VII of England, in terms of the historical poetics of posthumous narration, i.e., the narration of a character who, in the conventional reality of the inner world of the work, is represented as a dead person. The poem is notable for the fact that the narrator dies at line 5388, but the narrative in the same first person continues as if nothing has happened until the end, i.e., until line 5816, and from this point on the speech is conducted as if from the grave. The genre tradition to which “The Pastime of Pleasure” belongs is discussed; the allegorical poem is compared to the genre of vision. The plot of “The Pastime of Pleasure” is examined, and two parts are distinguished, the first of which belongs to the religious genre of pilgrimage, and the second to the chivalric romance. The poem is compared with its pretexts: Guillaume de Deguileville's “The Pilgrimage of Human Life” (*Pèlerinage de la Vie Humaine*, first version 1331, second version 1355) and Olivier de La Marche's “The Resolute Knight” (*Chevalier délibéré*, 1483). The structure of subjects in “The Pastime of Pleasure” is analyzed, demonstrating that several first-person subjects can be identified, though they are not “separated” from one another in the narrative. This is, firstly, the “I” that can be called autobiographical and which belongs to the “framework” of the poem: the dedication to Henry VII at the beginning and the “The Excusation of the Author” at the end. Here, “I” as the poet Stephen Hawes, a courtier of Henry VII, humbly presents his work to the monarch and, in accordance with age-old topoi, apologizes for his lack of poetic skill. Secondly, it is the “I” that belongs to the protagonist, the actor. It is no coincidence that the hero is referred to in the third person throughout the poem in the chapter titles, and that he receives his name not immediately, but in conversation with Fame. This “I” is divided into La Graunde Amoure – the actor proper – and, thirdly, into the “I” of the scriptor, who directs the narrative. Therefore, when one “I” dies – i.e., the “I” of the knight La Graunde Amoure – the narrative continues so easily: the “I” of the scriptor has not died and cannot die. The “naturalness,” the lack of reflection in the very fabric of the poem, with which Hawes introduces the device of posthumous narration – apparently without perceiving it as a device – stems not from a conscious and free play of the author with his text, but from a not completely outlived syncretism, the inseparability of the author and the hero: in the era of reflective traditionalism (a term of S.S. Averintsev), the memory of the ancient oral nature of storytelling, complete with the ancient inseparability of the author and heroic hypostases, is still preserved.

Keywords: Stephen Hawes, allegorical poem, English literature of the 16th century, posthumous narrative, historical poetics, diachronic narratology

Financial support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 25-28-00091, <https://rscf.ru/project/25-28-00091/>) in IMLI RAS.

For citation: Zuseva-Ozkan, V.B. (2025) The Paradox of the Narrator's Death in Stephen Hawes's Allegorical Poem "The Pastime of Pleasure" (1506). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 28–39. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/3

Предлагаемая статья посвящена произведению, которое практически не известно отечественному литературоведению, – это аллегорическая поэма Стивена Хоуса, придворного поэта английского короля Генриха VII, «Приятное развлечение» (*The Pastime of Pleasure*), написанная между августом 1505 и августом 1506 г. [1. Р. 108]. С XVII в. до начала XX столетия и эта поэма, и ее автор, и другие его произведения пребывали в забвении. И сейчас авторы зарубежных работ о Хоусе считают своим долгом предупредить читателя о «снотворности» его текстов, их тяжеловесности, а один из лучших читателей Хоуса, К.С. Льюис, в замечательном эссе «Аллегория любви» (1936) со скепсисом отзываясь о стихотворческих талантах Хоуса: «“Развлечение” – поэма, трудная для оценки. Прочтите ее добросовестно от корки до корки – и вы признаете, что это труднейшее занятие; но все же после такого чтения кое-что удержится у вас в памяти: странные стихи, странные сцены, особенная атмосфера, – пока вы не вернетесь к чтению вновь, найдя, что недостатки и вправду столь велики, как вы поначалу предполагали, но достоинства гораздо важнее. Ни одна поэма не наводит так на мысль о широкой брешии между действительными достижениями и тем, чем она могла бы быть. <...> Кажется, его стихи вот-вот перешагнут некую черту и станут гораздо лучше» [2. С. 335–336], и т.д. Возможно, непринадлежностью Хоуса к «первому ряду» английских писателей и объясняется бедность литературы о нем, как и ее полное отсутствие на русском языке. Хотя, несомненно, требуется заполнить эту очевидную лауну в отечественном литературоведении, мы здесь не ставим себе задачи исследовать как творчество Хоуса, так и поэму «Приятное развлечение», во всех подробностях. Наша цель гораздо скромнее и существенно специфичнее – рассмотреть «Приятное развлечение» в свете исторической поэтики постум-нарратива, т.е. повествования персонажа, который в условной реальности внутреннего мира произведения представлен как персонаж мертвый [3]. Исследование формирования этой парадоксальной нарративной практики было бы неполным без анализа этой полузабытой и действительно не самой простой для чтения поэмы. Дело в том, что Хоус совершает в ней очень смелый (и, кажется, эта смелость была им не оторефлексирована) ход: рассказчик поэмы умирает на 5388-м стихе, но повествование от того же 1-го лица продолжается как ни в чем не бывало до конца, т.е. до 5816-го стиха, и речь с этого момента ведется как бы из могилы, с того света. Прежде чем подробно говорить об этом повествовательном парадоксе, познакомим читателя с персонажами, сюжетом и общей конструкцией поэмы, а также укажем на родство произведения с традицией видения [4–8] и того аллегорического мышления, которое запечатлелось в этом жанре.

В средневековых видениях реализуется теологическое аллегоризирование, у Хоуса – поэтическое, но они

весьма схожи, хотя, согласно мнению средневековых ученых, «Библия использует в качестве иносказаний не ложные, а истинные “истории”»: «Бернард Сильвестрис (в комментарии к “Бракосочетанию Филологии и Меркурия” Марциана Капеллы) закрепляет это различие терминологически: иносказание в Библии – аллегория (основанная на истинном, “историческом” повествовании); иносказание же в поэзии – покров (основанный на измышленном повествовании). “Аллегория – это высказывание (oratio), скрывающее под историческим повествованием истинный и отличающийся от внешнего (ab exteriori diversum) смысл, как в повествовании о борьбе Иакова. Покров (integumentum) – это высказывание, скрывающее под измышленным повествованием (sub fabulosa narratione) истинный смысл, как в повествовании об Орфее. Ибо и история, и вымысел (fabula) имеют скрытую тайну... Аллегория соответствует Божественному тексту, покров – философскому [т.е. всякому светскому. – А.М.]» <...> важно, что Библия представляет собой риторически украшенное иносказание, в котором глубинный смысл скрыт под буквальным, и в этом плане она ничем не отличается от narratio poetica» [9. С. 7]. То же касается не только Библии, но и различных сочинений, примыкающих к церковной сфере, в том числе видений, чей «багаж» образов был в огромной степени заимствован из Библии и апокрифических текстов. Близость сочинений Хоуса к традиции видений подчеркнута тем, что его поэмы «Пример Добродетели» (*The Example of Virtue*, 1503–1504) и «Утешение возлюбленных» (*The Comfort of Lovers*, 1510–1511) непосредственно использовали эту форму, как и другие аллегорические поэмы (видением рассказчика начинаются «Роман о Розе» Гийома де Лорриса, «Видение о Петре-пахаре» У. Ленгленда, «Дом Славы» и «Птичий парламент» Дж. Чосера, «Храм из стекла» и «Двор Мудрости» Дж. Лидгейта и пр., и пр.): действие в них происходит в сонном видении, а в самом «Приятном развлечении» первое сюжетное звено – встреча с Дамой Славой – начинается со стиха 125-го «Издали я думал, что мне послано видение...» (“Me thought a fer / I hadde a vysyon”). Кроме того, считается, что в конструкции «Приятного развлечения» ощущается влияние «Триумфов» (1351) Ф. Петрарки [10. Р. 57; 11] с их схемой «1. Триумф Любви; 2. Триумф Целомудрия; 3. Триумф Смерти; 4. Триумф Славы; 5. Триумф Времени; 6. Триумф Вечности», а ведь аллегорическая поэма Петрарки тоже базируется на жанре видения (исходная ситуация задана так, будто поэт видит сон, в котором и разворачивается все дальнейшее).

«Приятное развлечение» состоит из 46 частей, включая «Извинение автора» (гл. 46). Главный герой поэмы, он же «я»-рассказчик, зовется Великая Любовь (*Graunde Amoure*), о чем читатели узнают как из «Содержания», в котором герой назван в 3-м лице, так и из

его разговора с Дамой Славой (гл. 1, стихи 185–186), в котором та спрашивает о его имени (“What was my name, she axed me treuly. / To whome I sayde it was La Graunde Amour” [12. P. 12]), повстречавшись с ним на «веселом, славном лугу». Поэма начинается с того, что герой-рассказчик, пока еще никак не названный, получает видение «сильной и прекрасной» фигуры с раскинутыми руками, показывающими два разных пути: один – к жизни созерцательной (и, видимо, чисто духовной), другой – к жизни действенной, ведущей к Прекрасной Деве (La Bell Pucell). Герой выбирает второй из этих путей, и так происходит встреча с Дамой Славой, которая рассказывает ему о Прекрасной Деве в башне Музыки (причем герой сразу начинает пылать к ней любовью), оставляет ему в сопровождающие Власть (Governance) и Милость (Grace) и отправляет к башне Учения. Там Великая Любовь встречается с многочисленными персонификациями, имеющими отношение к свету знания: Наука посылает его к Грамматике, где его принимает Дама Соответствие (Congruite), потом он видится с Логикой, Риторикой (в пяти своих «частях»: изобретением – *Inuencion*, расположением – *Disposition*, украшением – *Elocution*, произношением и памятью), Арифметикой и Музыкой. Наконец, достигнув Прекрасной Девы, он испытывает «смертельную печаль» любви и встречается в храме Совет (Counsaile), который говорит ему не падать духом, приводя многочисленные примеры мифологических и легендарных героев, сумевших завоевать расположение своих возлюбленных. Но на признание и предложение Великой Любви Прекрасная Дева отвечает отказом, ссылаясь на «друзей», которые «фруководят» ею (“I am obeyent / Unto my frendes / whiche do me so guyde; / They shall me rule / as is convenyent, / In the snare of love / I wyll nothyng slyde” [12. P. 81]) и хотят выдать ее замуж за могущественного лорда. После долгого диспута о верности и измене она обещает герою-рассказчику взаимность, но сообщает о том, что должна уехать, подчиняясь «друзьям», а путь к ней Великой Любви будет труден и полон опасностей в виде великанов и чудищ.

Начинается, так сказать, второй тур, или продолжение квеста героя – теперь уже любимого Прекрасной Девой, которая, однако, все еще ему недоступна: Великая Любовь едет к Геометрии, к Астрономии, а потом покидает башню Учения и отправляется в башню Рыцарства, куда его впускает Сила Духа (Fortitude). Став свидетелем диспута Марса и Фортуны, герой в сопровождении Минервы направляется к королю Мелизию, который посвящает его в рыцари. Покинув короля вместе с двумя борзыми и оруженосцем Услужой, Великая Любовь встречает Ложное Сообщение, которое притворяется карликом по имени Годфри Гобилив. Но уже через главу (в которой герой молится в храме Венеры) Годфри настигает еще один прием риторики – Поправление (Correction) – и наказывает его – неучитивого, гротескного карлика-мизогина, объясняющегося на грубом диалекте, т.е. во всем являющегося антиподом главного героя. Победив великана с тремя головами, герой встречает Постоянство (Perceverance), даму

Утешение, а затем убивает уже семиголового великана. Принеся жертву Палладе, Великая Любовь побеждает чудище из семи металлов, и его наконец принимает Прекрасная Дева. Глава 39 посвящена их свадьбе, 40-я кратко повествует об их «долгой» совместной жизни, в 41-й главе героя настигает Смерть, в 42-й описывается, как Воспоминание оставляет эпитафию на его могиле, 43-я возвещает приход Славы, 44-я – появление Времени, 45-я – Вечности. В 46-й автор извиняется за недостатки своего сочинения.

Таким образом, сюжет поэмы представляет собой довольно сложную конструкцию, в которой различимы элементы нескольких жанровых традиций. С одной стороны, это, безусловно, рыцарский роман: «Приятное развлечение» вообще пронизано идеями куртуазности, служения Даме, как они были изложены Андреем Капелланом в трактате «О науке учтивой любви» (*De arte honeste amandi*, начало XIII в.¹). Здесь проявляются такие элементы рыцарского романа, как квест, или поиск, направленный на обретение возлюбленной дамы и через серию испытаний-подвигов доказывающий исключительные достоинства рыцаря, обеспечивающий ему славу. В романах такого типа квест может иметь несколько туров, обусловленных, в частности, встречами и новыми расставаниями с дамой; так и здесь сюжет состоит как минимум из двух туров – до первой встречи с Прекрасной Девой и после расставания с ней. Но особенность квеста в «Приятном развлечении» состоит в том, что, собственно, только второй тур можно назвать «рыцарским»: первый всецело аллегоричен и более подходит под термин «паломничество», не содержит «батальных» элементов; собственно, уже после его завершения Великую Любовь и посвящают в рыцари.

Более того, паломничество и квест вообще не составляют все содержание поэмы, хотя количественно и преобладают: после длинной, так сказать, восходящей сюжетной линии, ведущей к соединению Великой Любви с Прекрасной Девой, следует короткая нисходящая, завершающаяся «проходом» и самопрезентацией аллегорических фигур. После Триумфа Любви следуют Триумф Смерти, Триумф Славы, Триумф Времени и Триумф Вечности. Очевидно, здесь «включаются» другие жанровые традиции: аллегорической поэмы и, возможно, моралите (поскольку рассказ в «Приятном развлечении», как это характерно для Средневековья, часто уступает место как бы сценическому показу, когда персонажи, в частности новоприбывшие фигуры, произносят длинные монологи).

Для аллегорической поэмы как жанра тоже характерен сюжет борьбы – только борьба эта разворачивается в человеческих душах. Так, первый образец жанра, «Психомехия» (IV в.) Пруденция, аллегорически представлял борьбу души с плотью, христианства с язычеством. М.Л. Андреев, рассуждая о «Божественной комедии» Данте – а это поэма, несомненно, аллегорическая – тоже подчеркивает этот аспект: «Путь по загробным царствам – это путь самопознания, путь испытующей себя совести. В образе путешественника по трем загробным царствам смыкаются два плана поэмы,

в одном из которых представлен путь человека к истине и добру через бездны греха, отчаяния и сомнений, в другом – путь истории, подошедшей к последнему рубежу и открывающейся навстречу новой эре. Мир и человек в “Божественной Комедии” неразрывно связаны, но все пространство мироздания, изображенное в поэме, охватывается и покрывается пространством души, пространством внутреннего мира» [13. С. 20–21]. В поэме Хоуса в общем тоже присутствует не только борьба внешняя, с чудовищами, а сюжет обретения Великой Любовью Прекрасной Девы следует, конечно, понимать и в духе избавления от греха (чьими аллегориями и являются чудовища), обретения душой блаженства, ее соединения с Божественным.

Считается, что Стивен Хоус стал «первым английским поэтом, соединившим аллереорию и роман» [14. Р. 106]². Как пишет К.С. Льюис, Хоус «верил, что пытается возродить старый род поэзии: с его уст то и дело слетает похвала Лидгейту, и он скорбит о том пути, по которому идет поэзия в его время <...> он мечтает возродить “цвет рыцарства, давно увядший”. Иллюзия, при которой сознание помещает желаемое в прошлое, тогда как оно в действительности еще пребывает в будущем, довольно естественна, и ее воздействие объясняет раннюю историю романтизма XVIII в., когда люди вроде Уолпола и Макферсона не только искали в прошлом прекрасные образы поэзии, которой предстояло быть написанной только в XIX в., но и изобретали таковые. Осуществить то, к чему так стремился Хоус, а именно возродить соединение аллереории в широком смысле и рыцарского романа, было невозможно, поскольку такого соединения никогда не существовало. Некоторые подступы к этой задаче пытался сделать Дегильвилия; Хоус пошел гораздо дальше, но мы не увидим завершения этого процесса, пока не достигнем “Королевы фей”» [2. С. 336–337].

А.Н. Веселовский делил средневековые аллереории на «религиозно-нравственные» (т.е. «выражающие религиозную цель», относя к ним и так называемые паломничества), «любовные» и «сатирические» [16]. Исследователи сопоставляли «Приятное развлечение» как с образцами «религиозно-нравственной», так и «любвонной» аллереории. К первому типу принадлежат поэмы цистерцианского монаха Гийома Дегильвилия «Паломничество человеческой жизни» (*Pèlerinage de la Vie Humaine*, первая редакция 1331 г., вторая – 1355 г.), переведенное на английский Джоном Лидгейтом, которым трижды восхитился Хоус в своей поэме, и «Паломничество души» (*Pèlerinage de l'Âme*) (хотя и здесь есть любовный элемент: как пишет К.С. Льюис, «“Паломничество” – религиозный протест против светской аллереории³, но автор при этом учится кое-чему у своего противника» [2. С. 319]). По сведениям М. Нивергелта, «произведения Дегильвилия широко циркулировали в Англии между концом XIV и концом XVI в. в широком спектре социальных групп от аристократии до грамотных мирян, как подсказывают стилистическое разнообразие различных адаптаций и информация об их рецепции» [17. Р. 40]; согласно другому его утверждению, «все три главных произведения Стивена Хоуса производны от фундаментальной мо-

дели “Паломничества человеческой жизни” Дегильвилия, но существенно меняют условия значения аллереорического путешествия. Даже если невозможно окончательно установить долг Хоуса по отношению к Дегильвилию, обстоятельства явно склоняют в пользу непосредственного знания Хоусом “Паломничества человеческой жизни” и, возможно, “Паломничества души”» [17. Р. 74]. Ученый указывает также на доминирование при дворе Генриха VII (где Хоус был придворным поэтом, пользовавшимся фавором) «нео-рыцарской бургундской моды», которая могла вызвать интерес Хоуса. По мнению Нивергелта, Хоус модифицирует паттерны «паломничества» таким образом, чтобы вместить в них «не только чисто сотериологическое беспокойство о судьбе индивидуальной души, но и свое знание о том, что индивидуальное добродетельное поведение может способствовать более широкому социальному равновесию⁴, одновременно обеспечивая личное продвижение при дворе. Таким образом, Хоус – более социально сознательный, прагматичный и программный аллереорист, стремящийся интегрировать социальную и спиритуальные реальности, а не поставить их в контраст, как это было в случае монаха Дегильвилия» [17. Р. 77]. Отсюда – оптимистическое примирение мирской славы и духовной благодати в его «Приятном развлечении».

Другой важный претекст «Приятного развлечения», в свою очередь, тоже ведущий свою родословную от Дегильвилия, – это аллереорическая поэма бургундца Оливье де Ламарша «Решительный рыцарь» (*Chevalier délibéré*, 1483) [1. Р. 122; 17. Р. 75]. Подобно этой поэме Хоуса, «Решительный рыцарь» написан от 1-го лица и в своей целостности не оформлен как сон/видение. Герой на закате жизни уезжает из дому в сопровождении одной только Мысли, чтобы вступить в битву со Слабостью и Случаем в лесу Судьбы, или Смерти. Он встречает на своем пути многочисленные персонификации, причем громко звучит тема *memento mori* – так, в сокровищнице Разума (*Entendement*) он видит многочисленные реликвии, напоминающие о человеческой смертности, потом он на время становится пленником Возраста и, хотя испытывает краткое искушение Желанием во Дворце Любви, быстро возвращается на путь Доброго Совета, поскольку Воспоминание показывает ему в Зеркале Прошлого, что его преследует Возраст, чьи заветы он нарушил. В Долине Старости он встречается с Учением, и живущая там Свежая Память приводит его в долину, полную могил великих людей, побежденных Случаем или Слабостью. В присутствии Судьбы он наблюдает схватки с ними Филиппа Доброго и Карла Смелого, которые терпят поражение, и, возмущенный смертью тех, кому он служил, герой стремится сам вступить в борьбу, но Судьба объявляет турнир на время завершенным. Свежая Память уводит его, оставляя у отшельника Разума, который говорит ему взять доспехи Раскаяния и различные добродетели, и на этом предуготовлении к смерти поэма заканчивается.

Примечательно, что никакого «прогресса» в квесте рыцаря как будто не происходит, и протагонист все

время крутится среди тех же экзистенциальных вопросов, включая главный – о человеческой смертности, не получая ответов. Его стоические усилия вроде как остаются не вознагражденными, а путь Доброго Совета предстает в мрачных, безжизненных картинах, создавая странное впечатление, будто и путь добродетели не приводит к блаженству. Фокус «паломничества» смещается от достижения эсхатологической «гавани», недоступной для смерти и смертности, к опыту смерти как таковому. По-видимому, здесь мы имеем дело с влиянием традиции *ars moriendi* – трактатов первой половины XV в. об искусстве праведной смерти, правильном приуготовлении к ней. Воздействие «Решительного рыцаря» на «Приятное развлечение» ощущается не только в финале поэмы Хоуса, где властно вступает в свои права Смерть, и не только в требующей отдельного разговора иконографической программе (обе книги богато иллюстрированы гравюрами, важными для авторского замысла, т.е. словесный текст в обоих случаях дополняется визуальным⁵), но и в самой организации нарратива⁶, приписанного «я»-рассказчику и не оформленному как видение, вопреки сложившейся традиции (и другим поэмам самого Хоуса). Скажем, «Роман о Розе» (XIII в.) – уже не «религиозно-нравственная», по А.Н. Веселовскому, а «любовная» аллегория, вдохновившая едва ли не все последующие аллегорические поэмы (в том числе книги Дегильвии – от обратного – и самого Хоуса⁷), – тоже открывается речью «я»-рассказчика, но действие его романа, согласно прологу, происходит во сне:

Привыкли сон считать обманом,
Покрытым сказочным туманом;
Однако можно видеть сны,
Где знаки тайные даны –
Грядущей жизни откровенья.
Макробий в том не знал сомненья.
Он толковал подробно сон,
Который видел Сципион. <...>⁸
Пусть прослыву я дураком,
Но вещий сон и мне знаком. <...>
Мне шел тогда двадцатый год:
Амур в ту пору дань берет
Со всех. Однажды в час ночной
Я спал, как будто бы хмельной,
Так крепко, что во сне был явлен
Мне мир иной, и им оставлен
В душе моей глубокий след, –
Сон сбывся через много лет.
Картин небесных череда
Передо мной прошла тогда.
Для вас хочу я сон тот вспомнить,
Чтоб радостью сердца наполнить. –
Ведь сам Амур мне приказал,
Чтоб я в романе рассказал,
Что видел.

[22. С. 16–17].

Тем не менее – возвращаясь к «Решительному рыцарю», от которого мы отступили, – повествование, оформленное от 1-го лица, останавливается в этой поэме на конвенциональном пороге – пороге смертном. Последние строфы гласят:

Quant j'eux Entendement perdu,
<...>
Je me trouvay tout esperdu
Et ce qui me fut advenu
Tout a par moy je recorday.
Diligemment je me levay
Pour mectre suz par scriptures
Le droit vray de mes adventures.

<...>
En la marche de ma pensée
Et ou pays d'Avisé Toy
Est ceste queste commencée.
Dieu doint qu'elle soit achevée
Au prouffit de tous et de moy.
Ce livret j'ay nommé de soy
Pour estre de tiltre paré
Le Chevalier délibéré.

Ce traictié fut parfait l'an mil
Quatre cens quatre vings et trois,
Ainsi que sur la fin d'avril
Que l'yver est en son exil
Et que l'esté fait ses exploix.
Au bien soit pris en tous endroix
De ceulx a qui il est offert
Par celui qui tant a souffert.
La Marche⁹

[23. P. 286–288].

Совершенно иначе поступает Стивен Хоус: его «я»-рассказчик этот смертный порог пересекает – в последних почти 500 стихах поэмы он мертв, но повествование продолжается. Этот парадокс, разумеется, отмечался, но оценивался по-разному. Долгое время он воспринимался как оплошность Хоуса, странная ошибка; например, известный литературовед-медиевист Дерек Пирсолл называет его «экстраординарным промахом [gaffe]» [24. P. 267]. Гораздо тоньше оценивает «рассказ мертвеца» у Хоуса К.С. Льюис: «Нашлись критики, которым показалось только забавным, что повествование, ведущееся от первого лица, может продолжаться после смерти рассказчика, позволяя ему, таким образом, описывать собственную кончину. Однако если договориться, что мертвому позволено говорить или живому принимать на себя личность умершего, здесь нет ничего особенно трудного. Греческая антология и первый же деревенский погост, на который мы свернем, снабдят нас подобными прецедентами. А если вы возразите, что умершие не могут разговаривать (иных возражений я не вижу), тогда вам лучше заняться чем-нибудь иным, только не поэзией, в которой не добиться успеха наивному реалисту. Освобождение от недоверия, по крайней мере до той степени, которая нам под силу, – наш долг по отношению к любому поэту; в случае Хоуса этот долг выплатить особенно легко. С самого начала, быть может, потому, что его воображение столь искренне, а сознательное мастерство столь невелико, – хорошие эпизоды обладают этим особенным качеством, словно доносятся ниоткуда, как бесплотный голос, не всегда вполне отчетливый, слышавшийся из темноты. Когда, наконец, он доносится из могилы, в это тотчас же веришь» [2. С. 342].

Здесь Льюис намечает генезис постум-нарратива, по крайней мере в области поэзии («греческая антология») [25], и дезавуирует нарратологическую теорию «неестественного повествования» [26, 27] – она, разумеется, тогда еще и не существовала, но ироническое суждение писателя о «наивном реализме» для нее совершенно убийственно.

Приведем тот фрагмент поэмы, в котором происходит «переход» «я»-рассказчика из «этого» мира в «тот». Сначала отметим, что к герою подступает Возраст (или Старость – Age), и герой забывает свою любовь к Прекрасной Деве и «желание» (lustynes) (что напоминает о «Решительном рыцаре» де Ламарша, где Возраст заставляет героя забыть о Желании). Вместе с Возрастом приходят Благоразумие и Скупость, и «я»-рассказчик начинает копить сокровища, будто он будет жить вечно. Но в главе 40-й за ним приходит Смерть:

But whā I thoughte lōgest to endure,
 Dethe with his darte a rest me sodaȝly;
 Obey he sayd as ye may be sure
 You can resyste nothyng the contrary
 But that you must obey me naturally <...>

Alas quod I nothyng can me ayde,
 This worldly treasure I must leve behynde,
 For erth of erthe wyll have his dette now payde
 What it this worlde but a blast of wynde
 I must nedes dye, it is my natyf kynde
 And as I was at his last conclusyon,
 To me dyde come dame confessyon <...>

Of holy chyrche with all humylyte
 My ryghtes I toke and than incontynent
 Nature avayled in so lowe degre
 That dethe was come, and all my lyfe was spent.
 Out of my body my soule than it went
 To purgatory, for to be purifyed.
 That after that it myght be gloryfyed¹⁰

[12. P. 205–206].

Привычайшее *ars moriendi* с такими его атрибутами, как исповедь, покаяние, молитва, переходит здесь в нечто иное: на глазах читателя «душа» рассказчика «исходит» из тела, причем без тени сомнения сообщается, что исходит она в Чистилище, с тем чтобы впоследствии быть вознесенной на небеса. В следующей главе эта «диссоциация» тела и души, к которой продолжает прилагаться местоимение «я» (тело – «оно»), продолжается в могильном локусе:

The good dame mercy, with dame charyte
 My body buried full ryght humbly
 In a fayre temple of olde antyquyte
 There was for me a dyryge devoutely
 And with many a masse full ryght solemnelly;
 And over my grave to be in memory
 Remembraunce made this lytell epytaphy <...>¹¹

[12. P. 206].

Эпитафия, которую оставляет на могиле Воспоминание, дана во 2-м лице («ты» – “thou”), и в ней утверждается триумф Смерти, отчетливо звучат мотивы

vanitas vanitatem и слепоты всякого живущего, которому следовало бы “to forsake pleasure and to lerne to dy”, т.е. «оставить удовольствия и научиться умирать». Здесь словосочетание «научиться умирать» употреблено в духе *ars moriendi*, имея в виду правильные приготовления к смерти, однако сам переход «я»-рассказчика из жизни в смерть на глазах читателя при продолжении рассказывания «включает» и другое, по-видимому, не имевшееся в виду автором значение: речь идет о получении «опыта смерти», т.е. о вещи, казалось бы, невозможной. Как пишет В.И. Тюпа вслед за рядом современных нарратологов, разграничивая эпiku и лирику, «рассказывание имеет структуру человеческого опыта (воспоминания, свидетельства), тогда как перформативное высказывание – более архаичную структуру откровения» [28. С. 115]. А в романе М. Кундеры «Бессмертие» мертвый Гёте объясняет мертвому Хемингуэю, блуждая в «запредельном мире», что «быть смертным – это самый элементарный человеческий опыт, но при этом человек никогда не способен был принять его, понять и вести себя соответственно. Человек не умеет быть смертным. А умирая, не умеет быть мертвым» [29. С. 237]. В «Приятном развлечении» добывается невозможный, казалось бы, опыт «бытия мертвым», хотя, конечно, не стоит забывать о поэтической форме, в которую он заключен, т.е. «опыт» одновременно предстает как «озарение», откровение относительно этого состояния.

За эпитафией следует погребальная песнь, которую поют семь смертных грехов, а за ней – еще несколько строф, где вновь говорит мертвый уже «я»-рассказчик:

O mortall folke, you may beholde and se
 How I lye here, somtyme a myghty knyght
 The ende of joye and all prosperyte
 Is dethe at last, through his course and myght
 After the day there cometh the derke nyght
 For though the day be never so longe
 At last the belles ryngeth to evensong

And my selfe called la graunde amoure,
 Sekynge adventure in the worldly glory,
 For to attayne the ryches and honoure
 Dyde thynke full lytell that I sholde here ly
 Tyll dethe dyde marke me full ryght prively.
 Lo what I am and where to you must
 Lyke as I am, so shall you be all dust

Than in your mynde inwardely despyse
 The bryttle worlde so full of doublenes
 With the vyle flesshe, and ryght soone aryse
 Out of your slepe, of mortall hevynnes
 Subdue the devyll with grace and mekenes,
 That after your lyfe, frayle and transytory
 You may than lyve in joye perdurably¹²

[12. P. 208–209].

Мотивы этого фрагмента вполне соответствуют церковной морали и духу *memento mori*, в очередной раз доказывая преемственность аллегорической поэмы по отношению к жанру видений: мир с его земными радостями бременен, как бремена и плоть, смерть настигает всё на земле, но если презреть все преходящее,

быть кротким и милостивым, не попадаться в сети дьявола, то будешь блаженствовать в жизни иной.

В следующей главе появляются аллегорические фигуры Славы, Времени и Вечности, а вводит их еще один фрагмент, непосредственно данный от лица «я»-рассказчика:

And as remembraunce myn epytaphy set
Over my grave in came dame fame
With brennyng tongues withoute ony let
Sayenge that she wolde spread aboute my name
To lyve in honoure withoute ony shame
Though that adeed were my erthely body,
Yet my renowne sholde reygne eternally¹³

[12. P. 210].

Далее Слава долго разглагольствует о Великой Любви (в 3-м лице) и других великих мужах, в основном древности. Примечательно, что к концу ее речи возникает чехарда местоимений (явление, вообще характерное для «Приятного развлечения»), о чем мы скажем чуть дальше), «я» и «он» начинают беспорядочно мелькать, и не всегда очевидно, где говорит «я»-рассказчик, а где – дама Слава. Во всяком случае, в предпоследней строфе этой главы, видимо, опять вступает Великая Любовь, из-за гроба рассказывая, как Слава приказала Воспоминанию увековечить его подвиги:

And ryght anone she called remembraunce,
Commaundyng her ryght truely for to wryte
Bothe of myn actes and my governaunce,
Which than ryght sone began to endyte
Of my feates of armes, in a short respyte,
Whose goodly storyes in tongues severall
About were sente for to be perpetuall¹⁴

[12. P. 214].

В дальнейшем встречается еще лишь краткий пассаж от лица «я»-рассказчика, вводящий фигуру Времени, чью «внешность» он затрудняется описать: “Sodaynly came tyme in brevyacyon / Whose symylytude I shall anone expres” [12. P. 215] (затруднение чисто «риторическое» – далее следует длиннейшее описание).

Исследователи, обращавшие более или менее пристальное внимание на повествовательный парадокс «Приятного развлечения», объясняли его по-разному. Наиболее детальную попытку рассмотрения рассказа post mortem в поэме – рассмотрения, соотносящего все уровни текста, предпринял Э. Хаслер. В разделе своей монографии о придворной поэзии в Англии эпохи позднего Средневековья, озаглавленном «Замогильные записки»¹⁵: любовь, риторика и поэмы Стивена Хоуса, он справедливо начинает анализ с субъектной организации текста. Как он показывает, «я» рассказчика – это не единое, монолитное «я», а некий «разделенный голос» (“split voice”), осциллирующий между «я» действующего героя – Великой Любви – и «я» «нейтрального медиатора риторических топосов», «нормативного толкователя дидактического текста» [1. P. 112]. Как Великая Любовь движется из одной точки в другую, из одной комнаты в башню Учения в

другую комнату, так «толкователь» движется к следующей теме – и движение обоих сливается в речи от 1-го лица. Любовное желание героя на метанарративном уровне становится желанием автора и читателя «физически продвинуться» вперед по книге. Из этого положения Хаслер делает вывод об особом соотношении любви и риторики, лирики и нарратива в «Приятном развлечении»: если многочисленные риторические прозопопеи (олицетворения), в том числе самой Великой Любви, подразумевают парадоксальную «уже-завершенность», казалось бы, длящегося нарратива (если Любовь – Великая, она уже достигла цели; все встречные и поперечные заранее знают героя, его слава идет впереди него), то лирический элемент – Хаслер указывает на его известную самостоятельность, в частности, приводя факт о том, что отдельные фрагменты речей Великой Любви попали в позднейшую рукопись как отдельно стоящие тексты (Bodleian MS Rawlinson C 813), – создает «неудовлетворенное желание, которое подвешивает (suspends) нарратив». И, «если любовник может быть привержен нарративной атемпоральности, сама идентичность паломника, обусловленная периодом времени земного существования человека, направленно “выстроена в сюжет” (plotted). Завершение поэмы, однако, постепенно приводит “персону” и персонификацию к устраняющему неоднозначность соединению <...>» [1. P. 118]. Речь Великой Любви о собственной смерти Хаслер называет наиболее драматичной конфигурацией отношений между лирикой и нарративом в поэме: лирический «статус» становится смертельным [1. P. 119]. Открытость и текучесть субъекта речи, в чем повествование пересекаются разные жанры и модусы, перекодируются, и главной в иерархии используемых литературных дискурсов становится религиозная лирика. Ранее введенные элементы жанра «паломничества» начинают доминировать, эсхатологические импликации превращаются в тематически сознательные. Хаслер задается вопросом, кто же то «я», которое признается, что его душа изошла из тела? Ссылаясь на знаменитую цитату из работы Р. Барта «Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По»¹⁶, он отмечает здесь «слепое место языка» и проводит параллель с живописной анаморфозой, когда в результате оптического смещения возникает фигура, первоначально не поддававшаяся восприятию, а «приятное развлечение» превращается в memento mori.

Постепенное «исчезновение» нарратора бросает дополнительный свет на использование прозопопеи в поэме: его душа остается дожидаться последнего суда в Чистилище, но его повествование о собственной смерти уже навязывает читателю последнее суждение. Как пишет Хаслер, «читатель остается погребенным заживо вместе с хоусовым раскаивающимся грешником, ожидая воскресения, и акт чтения поэмы сам по себе получает аспект непрекращающейся молитвы» [1. P. 121]. А завет Славы Воспоминанию становится удивительным «мизанабим» [31, 32]: нам напоминают о «физически наличествующей» книге, которая есть «Приятное развлечение», притом что персонаж ее начинает писать как бы ту же самую поэму. Возникает

эффект «незаконченности» книги. В итоге «многообразие последовательно появляющихся субъектов речи делает источник конкретного высказывания трудным для обнаружения. Поэма осуществляет непредсказуемые сдвиги между нарративной телеологией рыцарского романа, поглощением времени в продолжительных пассажах любовно-лирического стазиса и фрагментами <...>, в которых выдвижение на первый план актов писания и чтения вводит почти что изохронию между событиями внутри нарратива и самой нарративной. Можно добавить: строго буквальное чтение нарративного времени, которое Великая Любовь использует на всем протяжении поэмы (простое прошедшее, разрываемое настоящим риторических утверждений), может намекать на то, что вся нарративная ведется Любовью из настоящего времени Чистилища, тревожно застывшего между временем и вечностью» [1. Р. 125].

Интерпретация Хаслера, увлекательная для чтения, оставляет, тем не менее, впечатление излишней метафоричности, склонности к звучным пассажам, далеко не всегда доказуемым и более остроумным, нежели точным. В частности, отметив нестабильность субъектов повествования, Хаслер не разбирает эту особенность систематически и детально, а напротив, делает обширные генерализации, связывая ее с другими уровнями текста.

Л. Аткинсон вслед за Хаслером отмечает «разрыв» между различными ипостасями повествователя и указывает на то, что завершающее книгу «Извинение автора» фиксирует полное разделение повествовательных фигур, притом что «фигура великой Любви и так была не слишком убедительной в качестве текстуального двойника для исторически существовавшего поэта Хоуса» [33. Р. 108] (т.е. исследовательница предполагает возможной непосредственную авторскую речь в художественном произведении, что, разумеется, некорректно). При этом Аткинсон указывает на схожую нестабильность «я»-рассказчика в более раннем произведении Хоуса «Пример Добродетели».

М. Нивергелт подходит к субъектной нестабильности с большей точностью, анализируя «Роман о Розе» – образец для всех дальнейших аллегорических поэм Средневековья. Обсуждая «референциально нестабильное “я”» поэмы, он указывает, что на первом уровне оно является денотатом для протагониста, или актора нарратива, но на другом уровне «я» также обозначает визионера, который «видит» собственные приключения во сне, и «нарратора/автора», который рассказывает их: «Первое лицо в “Розе” и в традиции, которая из нее развивается, всегда фрагментировано, множественно и нестабильно. Оно и не полностью экземплифицированное, и не строго авторское, а тем более не автобиографическое в любом простом значении этого слова. “Я” вечно флуктуирует, универсально в своей открытости к тому, чтобы быть обследованным, обжитым, и постепенно заполняется читателем <...>. Это “я”, которое никогда просто не утверждается, не дается или навязывается, но остается по существу открытым, поскольку оно не завершено, находится в постоянном движении, застигнуто в процессе нарратив-

ного становления и трансформации, которые растягиваются во времени не только вовне сна, но и вовне фикционального сюжета <...>. В конечном счете, нарративное движение поэмы не просто фиксирует предсуществующего и отдельного субъекта, но также порождает, репродуцирует и активно модифицирует “я” посредством самого акта нарративной (само)репрезентации» [34. Р. 14].

Мы остановились на проблеме «нестабильности» субъекта повествования в «Приятном развлечении» потому, что, с нашей точки зрения, именно в ней заключается объяснение того повествовательного парадокса, который представляет собой постум-нарратив в этой поэме. В ней мы фактически встречаем несколько субъектов речи от 1-го лица, чья «отдельность» друг от друга никак не фиксируется в самом повествовании. Это, во-первых, то «я», которое можно назвать автобиографическим и которое принадлежит «обрамлению» поэмы: посвящению Генриху VII в начале и «Извинению автора» в конце. Здесь «я» как поэт Стивен Хоус, придворный Генриха, смиренно подносит свое произведение монарху и, в соответствии с вековыми топосами, извиняется за недостаточное поэтическое умение, называет свой творческий ориентир в лице Джона Лидгейта и, что интересно, обещает «раздуть дым», за которым он спрячет свое истинное намерение, как то делали поэты древности (“Yet as I maye, I shall blowe out a fume / To hyde my mynde, underneth a fable / By convert colour, well and probable” [12. Р. 6]). Во-вторых, это «я», принадлежащее герою-действителю, но совершенно не случайно, что герой в названиях глав именуется в 3-м лице на протяжении всей поэмы и что имя он получает не сразу, а уже в разговоре с дамой Славой. Это «я» распадается на Великую Любовь – собственно актора – и (уже в-третьих) на «я» скриптора, который управляет развитием повествования. Поэтому, когда одно «я» умирает – «я» Великой Любви, так легко продолжается рассказ: «я» скриптора не умирало и не может умереть¹⁷. А автобиографическое «я», появляясь как бы за «задником» тех раздвигающихся декораций, с которыми сравнил К.С. Льюис финальную часть поэмы («Когда герой лежит мертвым и поэма, по всей вероятности, закончена, Хоус делает самое неожиданное: он поднимает один за другим занавесы своей вселенной, наподобие того как один за другим поднимаются задники при изменении сцен в старой пантомиме или как временные пласты обнажают друг друга в периодической вселенной Данна» [2. С. 343]), окончательно переводит ее в метапоэтический план.

Те «естественность», неотрефлексированность в самой ткани поэмы, с которыми Хоус вводит прием повествования от лица мертвого рассказчика – видимо, и не воспринимая его как прием, – проистекают не из сознательной и свободной авторской игры, а из не до конца изжитой синкретичности, нерасчлененности автора и героя как активного и пассивного статусов божества¹⁸ – в этом смысле совсем не случайна фаза смерти героя – смерти, которая в итоге как бы «отрицается» самим метапоэтическим [1. Р. 145] устрой-

ством произведения с отмеченным Хаслером «мизанаморфизмом». В эпоху рефлексивного традиционализма (термин С.С. Аверинцева) еще сохраняется воспоминание о древней устной природе сказывания в комплекте с древней же нерасчлененностью авторской и героической ипостасей. Как писал А.В. Михайлов даже о конце этой эпохи, автор и герой «близки, потому что не успели разделиться, размежеваться <...> утвердиться каждый в своей особости» [36. С. 346]. Проявления субъектного синкретизма ощутимы и в античном романе, и в романе византийском, и в средневековых текстах – в частности, в видениях с их не всегда делимыми ролями визионера и «автора» [8]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что аллегорическая поэма, тесно связанная с жанром видения, обладает той же особенностью. Более того, этот не до конца изжитый синкретизм субъектов, или, как называет его С.Н. Бройтман, «двуединство автора и героя» [37. С. 131–138], на другом уровне структуры текста имеет себе параллель в виде нерасчлененности идеи (понятия) и образа, умозрительного и живописного начал, которые еще не автономны, хотя уже различны. Как – несколько метафорически – обозначил эту особенность «Приятного развлечения» К.С. Льюис, Хоус «настолько заблуждается относительно корней аллегории, что полагает, будто ее задача – скрыть предмет, “раздуть дым”, по его собственным словам; но одна из причин, почему он так думает, – наивная и совершенно непоэтическая склонность к неясности и индифференциальности, к романтической неопределенности»; «Ему нравятся темнота и неизвестность, “роковой вымысел”, как он выражается, и “кишащие образы” привлекают его сами по себе. Это мечтатель, бредящий наяву, ошеломленный неумением собственного воображения, поэт (по-своему) столь же одержимый, как Блейк. Его сила и в то же время слабость в том, что поэзия для него – своего рода наваждение» [2. С. 337–338].

Смерть рассказчика в поэме Хоуса наделена теми же качествами: с одной стороны, она столь же финальна и безвозвратна, так же определена, как те картины всепожирающего Времени и стоящей за ним Вечности, которые эмблематически [10] появляются в конце, а с другой – столь же диффузна, как туманны и взаимоотношения разных ипостасей рассказчика. При этом Хоус «случайно» использует такой прием, который в литературе модернизма и постмодернизма будет призван «заострить» нарратив мертвеца, шокировать читателя, – это прием умерщвления повествующего субъекта прямо по ходу развития сюжета. С другой стороны, нельзя не отметить, что в современном постмодернистском нарративе смерть рассказчика, если она не задана как изначальное условие, происходит, как правило, в начальной части повествования и основной интерес сосредотачивается на том, что происходит после нее. Напротив, у Хоуса смерть «я»-рассказчика происходит ближе к финалу, можно сказать, в последней десятой части текста (около 500 стихов против почти 5 000 с половиной, когда рассказчик еще жив), и нарративное движение принадлежит той части, когда он был телесно активен, обеспечивая «физический прогресс» действия, как это обозначил А. Хаслер, – сначала паломничество, а затем рыцарский квест. Та же часть, которая начинается после кончины героя-рассказчика, в отношении внешнего действия обозначает его «стазис», остановку движения: рассказчик лежит в могиле и оттуда рассказывает, как ее, можно сказать, обступают эмблематические фигуры, чтобы решить как метапоэтический, так и онтологический вопрос о том, что же будет дальше с рассказчиком и его земными деяниями. Разумеется, чистый сюжетного интереса здесь нет – но есть интерес иного свойства: с новой силой возвращаются мотивы, которые в ослабленном виде присутствовали в первой, «паломнической», части, а потом были практически забыты во второй, «рыцарской», и произведение, отбрасывая покровы светскости и куртуазности, выходит в пространство религиозной, духовной литературы.

Примечания

¹ Хотя сам факт, что дело заканчивается браком и совместной жизнью, несколько противоречит идеалу куртуазной любви, о чем подробно рассуждает К.С. Льюис (см., например: «Пожалуй, ни одно предписание не выражено так ясно, как то, что исключает любовь из брачных отношений. “Мы говорим и утверждаем, что любовь между двумя супругами не может сохранить свою силу”. <...> Брачная склонность не может быть “любовью”, поскольку в ней есть элемент долга и необходимости: любя своего мужа, жена не выбирает того, кто достоин награды, и поэтому любовь ее неспособна развивать его probitas. <...> Любовь, которая порождает все прекрасное в жизни и в обхождении, должна быть свободно даруемой наградой» [2. С. 56–57]). Однако браку и совместной жизни практически не уделяется внимания – это, скорее, что-то вроде пунта, точки перелома между двумя линиями сюжета, принадлежащими разным жанровым традициям (см. подробнее далее в основном тексте).

² См. также: «Приятное развлечение» «сочетает мотивы рыцарского романа с конвенциями аллегории олицетворений таким способом, у которого нет явного прецедента в английской литературной истории» [15. Р. 27].

³ Прежде всего, против «Романа о Розе».

⁴ Ученый говорит о слиянии в «Приятном развлечении» «навигационных» метафор «неверных волн жизни» и «спокойной гавани», почерпнутых у Дегильвиля, с устоявшимся к тому времени топосом «государственного корабля» (Ship of State), размышляет о фигуре короля как инициатора и рыцарского квеста героя (это король Мелизий), и поэтического предприятия Хоуса (см. начало поэмы), утверждая тем самым мысль о более светском и придворно-государственном характере поэмы по сравнению с ее образцами.

⁵ Об «одержимости» Хоуса процессом книгопечатания см.: [18, 19].

⁶ Подробно о структурных соответствиях поэм де Ламарша и Хоуса см.: [1. Р. 122–124].

⁷ О влиянии «Романа о Розе» на английскую поэзию Средневековья и Возрождения см., например: [20. Р. 114–180; 21. Р. 172]. С нашей стороны отметим: структура «Приятного развлечения» напоминает тот фрагмент «Романа о Розе», что написан Гийомом де Лоррисом: как у Лорриса, у которого первая часть, до стиха 1680, предшествует любви и завершается рассказом о том, как герой видит в роднике отражение розового бутона и познает любовь, а вторая часть представляет собой поиски цветка и состоит из ряда подвигов-авентюр, так и у Хоуса первая часть посвящена предчувствию любви и простирается до того момента, как герой видит Прекрасную Деву, а вторая повествует о подвигах-авентюрах героя на пути к ней.

⁸ Гийом де Лоррис упоминает сочинение Цицерона «Сон Сципиона» (из трактата «О государстве») – один из первых образцов жанра видения наряду с «Видением Эра» Платона.

⁹ В подстрочном переводе: «Когда я потерял Разум, <...> / Я и сам почувствовал себя потерянным, / И обо всем, что случилось со мной, / Я размышлял в одиночестве. / Я поспешно встал [Очевидно, со смертного одра. – В.З.-О.], / Чтобы записать / Верный отчет о моих приключениях. // <...> В движении моей мысли / И в стране Посмотри-на-Себя / Начался этот квест. / Господь да попустит, / Чтобы он завершился / К благу всеобщему и моему. / Эту книжечку я назвал по себе, / Чтобы она была украшена титулом / Решительный рыцарь. // Это сочинение было закончено в году тысяча / четыреста восемьдесят третьем, / В конце апреля, когда зима уходит в изгнание / И весна совершает свои подвиги. / Пусть оно будет хорошо принято везде / Теми, кому оно подарено / Тем, кто так страдал. // Ламарш».

¹⁰ В подстрочном переводе: «Но, когда я думал продержаться как можно дольше, / Смерть неожиданно напала на меня. / “Слушайся! – сказала она, – Ты можешь быть уверен, / Что тебе невозможно ничего мне противопоставить, / И, согласно закону природы, ты должен подчиниться мне”. <...> // “Увы, – сказал я, – ничто мне не поможет, / Земные сокровища я должен теперь оставить позади, / Ведь прах праха [Имеется в виду Смерть. – В.З.-О.] требует вернуть ему долг. / Что в этом мире есть более, чем порыв ветра? / Я обязан умереть, это мое врожденное свойство. / И когда я был у ее [Смерти. – В.З.-О.] последнего завершения, / Ко мне пришла Дама Исповедь // <...> // Со всем смирением у Святой Церкви / Я взял свои права, и затем безудержная / Природа получила прибыль в столь малой степени, / Что смерть пришла и вся моя жизнь была истрачена. / Тогда моя душа ушла из моего тела / В Чистилище, чтобы быть очищенной, / И после этого она может быть возвещена».

¹¹ В подстрочном переводе: «Добрая дама Милость вместе с дамой Милосердием / Похоронили мое тело со всем смирением / В прекрасном древнем храме. / Там была по мне истово прочитана панихида / И торжественная месса в присутствии многих, / И над моей могилой в память обо мне / Воспоминание оставило такую маленькую эпитафию <...>».

¹² В подстрочном переводе: «О, смертные, зрите, / Как я лежу здесь, некогда могучий рыцарь. / Конец радости и процветанию – / Смерть со своим порядком и силой. / После дня приходит темная ночь, / Ибо день никогда не может быть столь долгим, / И наконец колокола звонят к вечерне. // И я, зовущийся Великой Любовью, / Искавший приключений в земной славе, / Чтобы добыть богатства и честь, / Мог ли я думать хоть сколько, что буду лежать здесь, / Пока смерть не отметила меня с полным правом. / Смотри, что я емь и куда должен будешь направиться ты. / Как и я, ты будешь лишь прахом. // Поэтому тайно презирай в своем уме / Хрупкий мир, столь полный двуличием, / Со своей гнусной плотью, и однажды восстань / От сна с его смертной тяжестью; / Смири дьявола милостью и кротостью, / И тогда ты будешь жить в вечной радости».

¹³ В подстрочном переводе: «И, пока Воспоминание устраивало мне эпитафию / На моей могиле, явилась дама Слава / В языках пламени и без всяких препятствий. / Говоря, что она повсюду разнесет мое имя, / Чтобы оно жило в чести и без всякого стыда: / Хотя мертвым было мое земное тело, / Моя слава должна править вечно».

¹⁴ В подстрочном переводе: «И она сразу повзала Воспоминание, / Повелев ему писать верно / О моих деяниях и власти, / И оно сразу стало повествовать / О моих воинских подвигах без отдыха, / И его благочестивые истории на многих устах / Были разнесены, чтобы стать вечными».

¹⁵ Разумеется, здесь отсылка к одноименному произведению Р. де Шатобриана (*Mémoires d'outre-tombe*, 1848).

¹⁶ Барт разбирает новеллу Э.А. По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» (1845), где присутствует реплика мертвеца, сообщающего о своей смерти: «...прежде, чем сказать: “я умер”, – голос уже фактом своего существования как бы говорит: “я говорю”. <...> сопряжение первого лица (*Je*) с предикатом *mort* (мертв) окажется в принципе невозможным: это языковая лакуна <...> перед нами – перформативная конструкция <...> невозможная фраза перформирует собственную невозможность. <...> С чисто семантической точки зрения, фраза “*je suis mort*” утверждает одновременно два противоположных факта (Жизнь и Смерть); это <...> уникальная энантиосема: означающее выражает означаемое (Смерть), которое находится в противоречии с фактом высказывания. <...> перед нами доведенный до пароксизма момент трансгрессии, нарушения границы <...> фраза “Я умер” – это вовсе не “невероятное сообщение” (*l'énoncé incroyable*), но нечто более принципиальное – “невозможный акт высказывания” (*renonciation impossible*)» [30. С. 453–455].

¹⁷ Любопытно, что при первой встрече Великой Любви с Прекрасной Девой она говорит ему: “You shall not dye as long as you speke, / There is no love can cause your herte to breke” [12. P. 82]. Это «Ты не умрешь, пока ты говоришь» поразительно напоминает “The I of the book / Cannot die in the book” («Не умирает в книге тот, / Кто от себя рассказ ведет») повествователя в романе В. Набокова «Смотри на Арлекинов!» и, конечно, соблазняет исследователя на размышления в бартовском духе о повествовательном парадоксе «Приятного развлечения», но этот соблазн «снимается» последующей строкой: «Нет такой любви, которая могла бы разбить твое сердце». То есть речь идет не о том, что говорящий субъект так или иначе жив, а о том, что безответная любовь не может убить его.

¹⁸ См. у О.М. Фрейденберг: «По большей части в самом этом “я-рассказе”, в активном “я”, лежит пассивное “я”, ставшее предметом повествования. Так создается двойная система античного рассказа, в первое время неразрывная, когда субъектное “я” еще остается, но внутри себя, в косвенной позиции, заключает “я” объектное. Форма такого первоначального рассказа – прямая речь; сперва предметом наррации она имеет самого субъекта рассказа. Ее содержание – подвиги и страдания» [35. С. 268].

Список источников

- Hasler A.J. Court Poetry in Late Medieval England and Scotland: Allegories of Authority. Cambridge University Press, 2011. x, 257 p.
- Льюис С.К. Аллегория любви: Исследование литературной традиции Средневековья // Льюис С.К. Избранные работы по истории культуры / сост., пер. с англ. и коммент. Н. Эппле. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 19–453.
- Зусева-Озкан В.Б. Повествование от лица мертвеца в современной прозе // Новый филологический вестник. 2022. № 2 (61). С. 27–38.
- Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М. : Искусство, 1981. 359 с.
- Пигин А.В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 428 с.
- Средневековые видения от VI по XII век / сост. и пер. с лат. Б.И. Ярхо ; подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.Б. Грибанова. М. : НЛЮ, 2024. 240 с.
- Ярхо Б.И. Введение // Средневековые видения от VI по XII век / сост. и пер. с лат. Б.И. Ярхо; подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.Б. Грибанова. М. : НЛЮ, 2024. С. 33–63.
- Зусева-Озкан В.Б. Жанр видения и постум-нарратив: сходства и различия // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. Т. 84, № 5. С. 15–24. doi: 10.7868/S2413771525050029
- Махов А.Е. Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М. : Издательство Кулагиной-Intrada, 2011. 256 с.
- King J.N. Allegorical Pattern in Stephen Hawes's *The Pastime of Pleasure* // Studies in the Literary Imagination. 1978. № 11. P. 57–67.
- Coogan R. Petrarch's “Trionfi” and the English Renaissance // Studies in Philology. 1970. Vol. 67, № 3. P. 306–327.
- The Pastime of Pleasure by Stephen Hawes: a literal reprint of the earliest complete copy (1517) with variant readings from the editions of 1509, 1554, and 1555, together with introduction, notes, glossary, and indexes by W.E. Mead. London: Humphrey Milford, Oxford University Press for the Early English Text Society, 1928. cxvi, 259 p.
- Андреев М.Л. Путь Данте // Андреев М.Л. Литература Италии: Темы и персонажи. М. : РГГУ, 2008. С. 11–21.
- Edwards A.S.G. Stephen Hawes. Boston, MA : Twayne, 1983. 128 p.
- Leahy C. “Myne Owne Aduenture”: Stephen Hawes and Medieval Romance // Studies in Philology. 2021. Vol. 118, № 1. P. 26–42.
- Веселовский А.Н. Введение в «Божественную комедию» Данте. Лекции по всеобщей литературе: курс 1887–1888 гг. Часть пятая. Лекции одиннадцатая, двенадцатая и тринадцатая / подгот. к публ. и коммент. С. Маццанти и А.Л. Рычкова // Соловьевские исследования. 2024. № 1 (81). С. 66–107.

17. Nievergelt M. *Allegorical Quests from Deguileville to Spenser*. Cambridge, UK; Rochester, NY : D.S. Brewer, 2012. 256 p.
18. Edwards A.S.G. *Poet and Printer in Sixteenth Century England: Stephen Hawes and Wynkyn de Worde* // *Gutenberg Jahrbuch*. 1980. P. 82–88.
19. Atkinson L. *Wynkyn de Worde, Stephen Hawes, and the Improvisation of Genre in Early Sixteenth-Century English Poetry* // *Renaissance Studies*. 2022. Vol. 36, Is. 2. P. 252–277.
20. Williams D. *The French Fetish from Chaucer to Shakespeare*. Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2004. 283 p.
21. Nievergelt M. *Blaspheming and Print in Stephen Hawes's Conversion of Swearers (1509)* // *The Power of Words in Late Medieval Devotional and Mystical Writing: Essays in Honour of Denis Renevey* / eds. Rory G. Critten and Juliette Vuille. Turnhout : Brepols, 2025. P. 159–181.
22. Гийом де Лоррис, Жан де Мён. Роман о Розе / пер. и коммент. И.Б. Смирновой. М. : ГИС, 2007. 672 с.
23. La Marche, Olivier de. *Le chevalier délibéré / The Resolute Knight* / transl. by L. Hawley Wilson and C.W. Carroll. Tempe, Arizona : *Medieval & Renaissance Texts & Studies*, 1999. 352 p.
24. Pearsall D. *Old English and Middle English Poetry*. London; Boston : Routledge & K. Paul, 1977. xiv, 352 p.
25. Зусева-Озкан В.Б. Античная эпитафия от первого лица как один из источников нарратива мертвеца // *Вестник Томского государственного университета*. 2025. № 513. С. 20–31. doi: 10.17223/15617793/513/3
26. Richardson B. *Unnatural Voices: Extreme Narration in Modern and Contemporary Fiction*. Columbus: The Ohio State University Press, 2006. xiii, 166 p.
27. Alber J. *Unnatural Narrative* [2013] // *The living handbook of narratology*. Hamburg: Hamburg University. URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/unnatural-narrative> (дата обращения: 21.10.2021).
28. Тюпа В.Я. *Дискурс / Жанр*. М. : Intrada, 2013. 211 с.
29. Кундера М. *Бессмертие* / пер. с чеш. СПб. : Азбука-классика, 2005. 384 с.
30. Барт Р. *Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По* // Барт Р. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М. : Прогресс, 1989. С. 424–461.
31. Dällenbach L. *Le récit spéculaire: Essai sur la mise en abyme*. Paris : Seuil, 1977. 247 p.
32. Муравьева Л.Е. Нарративная редупликация как фигура авторефлексии литературного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 233 с.
33. Atkinson L. *Ideas of Authorship in the English and Scottish Dream Vision: Skelton, Dunbar, Hawes, Douglas*. Woodbridge; Rochester : D.S. Brewer, 2024. ix, 225 p.
34. Nievergelt M. *The Failures of Allegory and the Allegory of Failure* // *Allegory Studies: Contemporary Perspectives* / ed. V. Brljak. New York : Routledge, 2021. P. 66–87. URL: <https://hal.science/hal-04295500/document> (дата обращения: 21.09.2025).
35. Фрейденберг О.М. *Миф и литература древности*. М. : Восточная литература, 1998. 800 с.
36. Михайлов А.В. *Поэтика барокко: Завершение риторической эпохи* // *Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания* / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наследие, 1994. С. 326–391.
37. Бройтман С.Н. *Историческая поэтика* // *Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко*. М. : Академия, 2004. Т. 2. 368 с.

References

1. Hasler A.J. *Court Poetry in Late Medieval England and Scotland: Allegories of Authority*. Cambridge University Press, 2011. x, 257 p.
2. L'yuis S.K. *Allegoriya lyubvi: Issledovaniye literaturnoy traditsii Srednevekov'ya* // L'yuis S.K. *Izbrannyye raboty po istorii kul'tury* / sost., per. s angl. i komment. N. Eppl. M. : Novoye literaturnoye obozreniye, 2015. С. 19–453.
3. Zuseva-Ozkan V.B. *Povestvovaniye ot litsa mertvetsa v sovremennoy proze* // *Novyy filologicheskiy vestnik*. 2022. № 2(61). S. 27–38.
4. Gurevich A.YA. *Problemy srednevekovoy narodnoy kul'tury*. М. : Iskustvo, 1981. 359 s.
5. Pigin A.V. *Videniya potustoronnego mira v russkoy rukopisnoy knizhnosti*. SPb. : Dmitriy Bulanin, 2006. 428 s.
6. *Srednevekovyye videniya ot VI po XII vek* / sost. i per. s lat. B.I. Yarkho ; podgot. teksta, vstup. st., komment. A.B. Gribanova. М. : NLO, 2024. 240 s.
7. Yarkho B.I. *Vvedeniye* // *Srednevekovyye videniya ot VI po XII vek* / sost. i per. s lat. B.I. Yarkho; podgot. teksta, vstup. st., komment. A.B. Gribanova. М. : NLO, 2024. S. 33–63.
8. Zuseva-Ozkan V.B. *Zhanr videniya i postum-narrativ: skhodstva i razlichiya* // *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 2025. T. 84, № 5. S. 15–24. doi: 10.7868/S2413771525050029
9. Makhov A.E. *Srednevekovyy obraz: mezhdru teologiyey i ritorikoy. Opyt tolkovaniya vizual'noy demonologii*. М. : Izdatel'stvo Kulaginoy-Intrada, 2011. 256 c.
10. King J.N. *Allegorical Pattern in Stephen Hawes's The Pastime of Pleasure* // *Studies in the Literary Imagination*. 1978. № 11. R. 57–67.
11. Coogan R. *Petrarch's "Trionfi" and the English Renaissance* // *Studies in Philology*. 1970. Vol. 67, № 3. R. 306–327.
12. *The Pastime of Pleasure by Stephen Hawes: a literal reprint of the earliest complete copy (1517) with variant readings from the editions of 1509, 1554, and 1555, together with introduction, notes, glossary, and indexes by W.E. Mead*. London: Humphrey Milford, Oxford University Press for the Early English Text Society, 1928. cxvi, 259 r.
13. Andreyev M.L. *Put' Dante* // *Andreyev M.L. Literatura Italii: Temy i personazhi*. М. : RGGU, 2008. С. 11–21.
14. Edwards A.S.G. *Stephen Hawes*. Boston, MA : Twayne, 1983. 128 p.
15. Leahy C. *"Myne Owne Aduenture": Stephen Hawes and Medieval Romance* // *Studies in Philology*. 2021. Vol. 118, № 1. R. 26–42.
16. Veselovskiy A.N. *Vvedeniye v «Bozhestvennyy komediYU» Dante. Lektsii po vseobshchey literature: kurs 1887–1888 gg. Chast' pyataya. Lektsii odinnadtsataya, dvenadtsataya i trinadtsataya* / podgot. k publ. i komment. S. Matstanti i A.L. Rychkova // *Solov'yevskiy issledovaniya*. 2024. № 1 (81). S. 66–107.
17. Nievergelt M. *Allegorical Quests from Deguileville to Spenser*. Cambridge, UK; Rochester, NY : D.S. Brewer, 2012. 256 p.
18. Edwards A.S.G. *Poet and Printer in Sixteenth Century England: Stephen Hawes and Wynkyn de Worde* // *Gutenberg Jahrbuch*. 1980. P. 82–88.
19. Atkinson L. *Wynkyn de Worde, Stephen Hawes, and the Improvisation of Genre in Early Sixteenth-Century English Poetry* // *Renaissance Studies*. 2022. Vol. 36, Is. 2. P. 252–277.
20. Williams D. *The French Fetish from Chaucer to Shakespeare*. Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2004. 283 p.
21. Nievergelt M. *Blaspheming and Print in Stephen Hawes's Conversion of Swearers (1509)* // *The Power of Words in Late Medieval Devotional and Mystical Writing: Essays in Honour of Denis Renevey* / eds. Rory G. Critten and Juliette Vuille. Turnhout : Brepols, 2025. P. 159–181.
22. Giyom de Lorris, Zhan de Mён. *Roman o Roze* / per. i komment. I.B. Smirnovoy. М. : GIS, 2007. 672 с.
23. La Marche, Olivier de. *Le chevalier délibéré / The Resolute Knight* / transl. by L. Hawley Wilson and C.W. Carroll. Tempe, Arizona : *Medieval & Renaissance Texts & Studies*, 1999. 352 p.
24. Pearsall D. *Old English and Middle English Poetry*. London; Boston : Routledge & K. Paul, 1977. xiv, 352 p.
25. Zuseva-Ozkan V.B. *Antichnaya epitafiya ot pervogo litsa kak odin iz istochnikov narrativna mertvetsa* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025. № 513. S. 20–31. doi: 10.17223/15617793/513/3
26. Richardson B. *Unnatural Voices: Extreme Narration in Modern and Contemporary Fiction*. Columbus: The Ohio State University Press, 2006. xiii, 166 p.
27. Alber J. *Unnatural Narrative* [2013] // *The living handbook of narratology*. Hamburg: Hamburg University. URL: <http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/unnatural-narrative> (data obrashcheniya: 21.10.2021).

28. Tyupa V.YA. Diskurs / Zhanr. M. : Intrada, 2013. 211 с.
29. Kundera M. Bessmertiyе / per. s chesh. SPb. : Azbuka-klassika, 2005. 384 с.
30. Bart R. Tekstovoy analiz odnoy novelly Edgara Po // Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika. M. : Progress, 1989. S. 424–461.
31. Dällenbach L. Le récit spéculaire: Essai sur la mise en abyme. Paris : Seuil, 1977. 247 p.
32. Murav'yeva L.E. Narrativnaya reduplikatsiya kak figura avtorefleksii literaturnogo diskursa : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2017. 233 s.
33. Atkinson L. Ideas of Authorship in the English and Scottish Dream Vision: Skelton, Dunbar, Hawes, Douglas. Woodbridge; Rochester : D.S. Brewer, 2024. ix, 225 p.
34. Nievergelt M. The Failures of Allegory and the Allegory of Failure // Allegory Studies: Contemporary Perspectives / ed. V. Brljak. New York : Routledge, 2021. P. 66–87. URL: <https://hal.science/hal-04295500/document> (data obrashcheniya: 21.09.2025).
35. Freydenberg O.M. Mif i literatura drevnosti. M. : Vostochnaya literatura, 1998. 800 s.
36. Mikhaylov A.V. Poetika barokko: Zaversheniye ritoricheskoy epokhi // Istoricheskaya poetika: Literaturyye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya / otv. red. P.A. Grintser. M. : Naslediye, 1994. S. 326–391.
37. Broymtan S.N. Istoricheskaya poetika // Teoriya literatury : v 2 t. / pod red. N.D. Tamarchenko. M. : Akademiya, 2004. T. 2. 368 s.

Информация об авторе:

ЗУСЕВА-ОЗКАН Вероника Борисовна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, зав. Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: zuseva_v@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Veronika B. Zuseva-Ozkan, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: zuseva_v@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.09.2025;
одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 22.09.2025;
approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 81'27
doi: 10.17223/15617793/521/4

Тема ссылки в воспоминаниях потомков поволжских немцев, проживающих на территории Томской области

Наталья Антоновна Зюзькова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, zyuzkovanatalya@gmail.com

Аннотация. Рассматривается языковая составляющая воспоминаний немцев Поволжья и их потомков, проживающих на территории Томской области. Воспоминания разворачиваются вокруг феномена «ссылки» как болезненного следа в истории региона и страны. Выявляются ключевые темы, основные смысловые центры и тематические группы лексики, формирующие представления о ссылке в рассказах депортированных и членов их семей.

Ключевые слова: ссылка, Сибирь, воспоминания, немцы Поволжья, депортация поволжских немцев, депортация, память

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00466, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

Для цитирования: Зюзькова Н.А. Тема ссылки в воспоминаниях потомков поволжских немцев, проживающих на территории Томской области // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 40–51. doi: 10.17223/15617793/521/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/4

The Theme of Exile in the Memoirs of Descendants of Volga Germans Living in the Tomsk Region

Natalya A. Zyuzkova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, zyuzkovanatalya@gmail.com

Abstract. The article aims at identifying the lexical groups that form the semantic centers organizing the narrative of exile. The subject of this study is the linguistic component of the memories of the exile of Volga Germans deported to Siberia. The material centers around the accounts of exiled Volga Germans and their descendants, and includes recordings of the speech of two male and two female informants presented in the Tomsk Dialect Corpus and recorded in four villages of the Tomsk region. Recordings of informants who spoke about the exile, but who themselves were neither deportees nor members of their families, were also included. The material covering approximately 10 hours of sounding speech was collected using such corpus and field methods as voice recording of the interviews and continuous and partial sampling from primary processed sources (transcribed interviews). Contextual and discourse analysis were employed. The results add to the existing understanding of the exile narrative themes by identifying twenty-two key themes, which organise the narrative of the lives of exiled Germans and their descendants in Siberia. The following most frequent themes are associated with deportation: "Exile", "Language and Speech", "Locations", "Faith and Religion", "Food and Drink", "Home and Housing", "Nationality and Origin", "Historical Events and Periods", "Real people and characters", "Associations and Institutions", "Time and Memory", "Vital and Mortal Principles", "Holidays", "Leisure", "Household Items", "Clothing and Footwear," etc. The themes are developed through the use of units of various parts of speech and systemic affiliation (literary, dialectal, colloquial, vernacular) and figurative words and expressions. The texts in question are "memories of memories," structured as narratives about events that did not happen to the informant personally, but were retold to them (the ones recorded from informants who were deported as children, thus witnessed the exile, are exceptions). Memories of exile are verbalized through the use of the verbs *pomnit'* (to remember), *vspominat'* (to recall), and the adjuncts. The syntactic structure of the sentences describing the first months of exile is dominated by indefinite-personal constructions. The material is gender-specific, as the recordings of men's and women's speeches differ in their sets of topics, despite individual overlaps. The recordings of men also contain negative, evaluative language, expletives, and expressions, through which informants convey their personal attitudes toward the phenomenon of exile and its living conditions. Means of non-verbal communication are found in the recordings as well, in particular laughter, used both in its natural function and as a defensive reaction to the memory of particularly difficult moments in the lives of the deportees.

Keywords: exile, Siberia, memories, Volga Germans, deportation of Volga Germans, deportation, memory

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-00466, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>.

For citation: Zyuzkova, N.A. (2025) The Theme of Exile in the Memoirs of Descendants of Volga Germans Living in the Tomsk Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 40–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/4

Постановка проблемы. Пристальное внимание к событиям минувших лет является характерной чертой развития общества на его современном этапе: обращение к прошлому способствует формированию национальной идентичности, помогает человеку осознать себя частью народа, а также осмыслить истоки современных проблем и явлений в настоящем. Одним из жанров, фиксирующих информацию о прошлом, является жанр воспоминания, активно изучаемый специалистами в области истории, лингвистики, литературы, искусства, философии, социологии. Воспоминания (мемораты) очевидцев различных событий, записанные в устной форме, представляют собой ценный материал, поскольку позволяют «уточнить многие факты «официальной» истории» [1. С. 173].

Исследованию функционирования жанра воспоминания в русской разговорной речи посвящен ряд работ: в монографии Т.А. Демешкиной рассматривается реализация речевого жанра воспоминания в диалектной речи [2]; в докторской диссертации С.В. Волошиной анализируются воспоминания в структуре автобиографического рассказа [3]; на материале речи дальневосточников выполнена кандидатская диссертация О.П. Кормазиной [4]; в статье Л.Г. Гынгазовой речевой жанр воспоминания описывается на материале языка личности [5]; Я.В. Мызниковой охарактеризован жанр «рассказ-воспоминание», функционирующий в диалектной коммуникации [6]; в статье С.А. Ганичевой определяются гендерные особенности, проявляющиеся в текстах-воспоминаниях о деревенском детстве [7].

В лингвистических исследованиях воспоминание определяется как «вербальный процесс мнемических переживаний прошлого опыта, организованный в нарративной форме, содержащий эмоциональную окраску и репрезентирующий воспроизводимые события как происходящие в определенное время и в определенном месте» [4. С. 24]. Согласно С.В. Волошиной, воспоминание является структурным элементом автобиографического рассказа, функционирующего в устной коммуникации [3. С. 222], а его цель – рассказ человека о себе и своем прошлом, прошлом своей семьи, жизненных этапах, завершившихся к настоящему моменту, а также объяснение того, почему жизнь или какой-то ее период сложились именно так [3. С. 210].

Предметом исследования выступает языковая составляющая воспоминаний о депортации поволжских немцев. Цель статьи заключается в определении тематических групп лексики, на основе которых формируются смысловые центры, организующие повествование о ссылке. Обращение к устной речи жителей Сибири обусловлено тем, что уже с конца XVI в. названный регион являлся местом ссылки разных слоев населения. Так, в 1593 г. местом ссылки становится Пелымский острог (в настоящее время – поселок городского типа в Свердловской области). Впоследствии только

лишь за XIX в. в Сибирь поступило более 900 тыс. ссыльных различных категорий [8]. Значительная часть сосланных подверглась территориально-этнической депортации в XX в. связи с началом Великой Отечественной войны: всего из Европейской России в Сибирь и Казахстан депортировано 805 тыс. немцев. Из них более 317 тыс. были сосланы и размещены в Западной Сибири [9. С. 177]. Одним из мест ссылки являлась Томская область, где в результате депортации образовывались целые села и деревни с преобладающим немецким населением.

Томская область – одна из активно обследуемых лингвистами областей, а среднеобские говоры, бытующие на ее территории, – одни из наиболее изученных. Результатами этого изучения являются многочисленные работы представителей Томской диалектологической школы, новый аспект которых составляет создание электронных ресурсов, предназначенных для изучения разговорной речи. Так, достоверными источниками информации об исторических, политических, социальных и культурных событиях представляются специализированные корпуса устной речи, содержащие рассказы информантов об их жизни в разные периоды развития страны, воспоминания. Образцами, отражающими культуру и ментальность сельских жителей сибирского региона, являются записи, представленные в Томском диалектном корпусе [10] – электронном ресурсе, созданном на базе лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета и содержащем более 3 млн словоупотреблений. В этом корпусе зафиксированы разные типы воспоминаний: это рассказы о детстве, семье, работе, рыбалке, природе, охоте, учебе, собирательстве, досуге и т.д. В корпусе представлена тематическая разметка, в рамках которой выделяется 77 разделов. Особое место среди них занимает тема «Репрессии», входящая в более крупный блок «История и политика»: на данный момент в корпусе представлено 315 текстов, содержащих рассказы жителей Сибири о репрессиях. Записи сделаны в период с 1946 по 2025 г. и охватывают период почти в 80 лет.

Актуальность исследования заключается в том, что обращение к феномену ссылки позволяет реконструировать языковую историю Сибири. Кроме того, как отмечает Т.А. Демешкина, «выявление речевого своеобразия, связанного с историей освоения Сибири, необходимо для создания общего «портрета» территории, что может служить исследовательской моделью при описании иных территорий» [11. С. 34]. Степень важности данной проблематики подтверждает и обращение к ней современных исследователей: воспоминания о ссылке становятся объектом исторических [1, 12–18], лингвистических [11, 19–23], литературоведческих изысканий [24–26]. Интерес к заданной проблематике подтверждается и тем, что «на территории Томской области в последние годы можно отметить возрастание

интереса к истории семьи, рода, к воспоминаниям о ссылке, что обусловило появление большого числа проектов, а также книг автобиографического характера» [3. С. 323]. Кроме того, по мнению Д.А. Свириной, «воспоминания о депортации представляют интересный кейс для изучения национальной идентичности поволжских немцев после распада СССР» [13. С. 157]. В свою очередь, данные Томского диалектного корпуса способны углубить и дополнить существующие представления о феномене ссылки в сознании депортированных немцев и членов их семей.

Новизна статьи определяется ее региональным характером: работа сосредоточена вокруг языкового материала Томской области как места ссылки поволжских немцев. Как замечает О.В. Фельде, «несмотря на высокую историко-культурную и лингвистическую информативность текстов, посвящённых различным аспектам сибирской ссылки, в том числе и проблеме взаимоотношения ссыльнопоселенцев с коренными жителями сибирского региона, они фактически не изучены русистами». Сам же корпус русских диалектных текстов, содержащих жанр «мемораты о ссыльных», начал складываться лишь в XXI столетии, когда диалектологи стали записывать устные воспоминания сибиряков о сталинском периоде советской истории [22. С. 35–36]. Так, новизна исследования заключается и в том, что часть контекстов о жизни репрессированных немцев в Сибири вводится в научный оборот впервые и ранее в заявленном аспекте не изучалась.

Материал и методы. Выборка материала сосредоточена на рассказах ссыльных немцев Поволжья, а также их потомков (детей и внуков) и содержит записи речи четырех информантов: двух информантов мужского пола и двух – женского. Это записи устной речи, представленные в Томском диалектном корпусе и сделанные в четырех селах Томской области. Информантами выступили: муж., 1939 г.р. (с. Саровка, Колпашевский район, 2016 г.), депортирован в 1942 году, будучи ребенком; жен., 1962 г.р. (с. Кожевниково, Кожевниковский район, 2023 г.), родилась в с. Кожевниково, родители репрессированы в 1941 г.; жен., 1952 г.р. (с. Старая Ювала, Кожевниковский район, 2024 г.), родилась в с. Старая Ювала, родители депортированы в начале Великой Отечественной войны; муж., 1969 г.р. (с. Вознесенка, Шегарский район, 2025 г.), родился в Целиноградской области (Казахстан). Из Поволжья были депортированы дед и бабушки информанта с детьми. Помимо этого, в качестве дополнительного иллюстративного материала привлекались и другие записи разных лет, представленные в Томском диалектном корпусе: это записи устной речи информантов, рассказывающих о ссылке и депортированных, но не являющихся ссыльными и членами их семей. Общий объем рассматриваемого в рамках статьи материала – около 10 часов звучащей речи, в том числе записи, собранные автором статьи в 2023 и 2025 гг. Сбор материала осуществлялся с помощью корпусных и полевых методов: интервью, записанных на диктофон, методов сплошной и частичной выборки из первично обработанных источников (расшифрованных интервью). Кроме того, применялись методы контекстуального и дискурсивного анализа материала.

Результаты. Анализ языковых данных позволил выявить основные группы лексики, фигурирующие в воспоминаниях о ссылке. Отметим, что в качестве иллюстративного материала были привлечены и те контексты, которые содержат воспоминания о жизни информантов в последние несколько лет. Эти фрагменты могут не иметь прямого, непосредственного отношения к депортации, но, на наш взгляд, являются ценными примерами, демонстрирующими самобытность российских немцев в условиях их жизни в Сибири. Контексты отражают стремление потомков депортированных к сохранению национальной идентичности, истории своей семьи как вербальным путем, так и через вещный мир, передачу немецких традиций и обычаев детям и внукам вопреки пережитым трудностям. В этом заключается сама специфика существования группы, обособленной по национальному признаку, переселенцев по этническим причинам, чью дальнейшую жизнь ссылка изменила коренным образом. Мы полагаем, что отголоски депортации так или иначе прослеживаются в жизни каждого из информантов и вербализуются в их речи, начиная от рассказов об отношении к немецкому народу в местах ссылки и заканчивая реалиями, предметами, перевезенными из места жительства до ссылки, обеспечивающими сохранение материальной памяти о жизни «прошлой». Так, определены следующие тематические группы в воспоминаниях информантов о депортации (в примерах орфография и пунктуация сохранены. – Н.З.):

1. Ссылка. В данную группу, являющуюся центральной, входят единицы разной частеречной принадлежности. Упоминаются сами ссыльные: **ссыльные, репрессированные, сосланные**. Контекстуальным антонимом для обозначенного ряда выступает слово **доброволец**: *Да все сосланные были там. Добровольцев там не было* (Саровка).

В эту же группу определены слова, непосредственно связанные с процессом депортации и называющие его: **сослать, репрессировать, отправить, кулачить, высадить, сгноить**. Из представленного списка выделяется образное слово **сгноить**, выбивающееся из общего, стилистически нейтрального ряда: *перен. Погубить, держа в невыносимых, губительных для здоровья условиях (обычно в тюрьме, на каторге, на тяжелой работе и т.п.)* [27. С. 164]: *Мужиков сослали к хренам сюда, сгноили их тут, ба'ржами везли народ. Е'сли вы не знаете* (Саровка).

2. Национальность и происхождение: **нация, национальность, немцы, немка, немец, немчура', немецкая фамилия, русский, украинец, поляк, метис, родина, Германия и др.** Неотъемлемой частью рассказов ссыльных немцев и их потомков является указание на происхождение: *Я сама по национальности немка, вот. Мои родители, моих родителей репрессировали в сорок первом году, с Саратова, вот, приехали сюда...* (Кожевниково) // [А у Вас родители тоже из Старой Ювалы?] *Они с Поволжья. Я немка, да, я уже родилась тут* (Старая Ювала).

По рассказам одного из информантов, именно немецкая фамилия стала причиной депортации его семьи из Поволжья: *Вот у неё (у бабушки информанта – Прим. авт.) шайка была. Он когда-то, дед, служил в*

белой гвардии казаком, этим, волжским, в чёрной форме, они, чёрная сотня была. Он когда-то служил казаком. Потом перешёл, уже фотографии есть. Ну, не час, они там... Фотографии есть, где уже сидит в Красной армии, уже в будёновке. То есть перешёл в Красную армию. Коммунистом был. И всё равно, война началась, и его – пум! И в «Трудармию», за то, что **немецкая фамилия**. Вот (Вознесенка).

Данные Томского диалектного корпуса подтверждают, что немецкое происхождение и, соответственно, немецкая фамилия накладывали ограничения и другого рода: например, при заключении брака с немцем русской женщине запрещалось брать фамилию мужа: *И в посёлке даже вот, под комендатурой-то когда' были немцы, даже, допустим, Саша после женился, а которые помоложе, многие на разных фамилиях, не разрешали фамилию брать* (Саровка). Особое отношение к членам немецких семей оставалось и на уровне государственных организаций: [А скажите, пожалуйста, вы в армии служили?] *Нет. Меня не взяли, потому что родители были оба престарелые, больные, нетрудоспособные. А немцев не брали сперва в армию...* (Саровка).

Упоминается в рассказах последних лет и историческая родина, которая противопоставляется информантом родине «истинной» – той, которая близка сердцу: *Вот у нас... сестра у меня ещё есть, постарше меня, и брат, который уже проживает двадцать три года в Германии, он уехал туда. Но а я посчитала, что для меня Германия – это... это населённый пункт чужой. Я ездила, три раза там была, но это только так, месяц – и домой. Моя Родина здесь* (Кожевниково).

В рассуждениях о представителях различных наций также прослеживаются сопоставительные аспекты, сравнения черт характера, особенностей поведения (чаще всего русских и немцев): [Как называли людей, которые дом в порядке держали, чистоту?] *Ну, я не знаю, ну вот чистоплотные да, чистоплотные, аккуратные, это точно, потому что, ну, были... ну как, вы знаете, я не только говорю, что там... и у нас и по, вдоль... дальше, и русские – тоже очень, но есть же, в каждой нации есть свои... отклонения. У нас тоже есть, ну* (Кожевниково).

3. Личные качества ссыльных немцев и их потомков: **чистоплотные, аккуратные, крепкий народ, морально-волевой, выдержанный, лояльный, с юмором**. На эти качества указывают и другие контексты, представленные в Томском диалектном корпусе и записанные от информантов, не являющихся членами семей депортированных: *Ну и вот там они* (немцы. – Прим. авт.) *проживали, и, знаете, вот, ну черта у наших* (немцев, проживающих в селе информанта. – Прим. авт.), *я могу сказать, что: туда заходишь – и сразу видно, что это Берлин* (название улицы в селе, на которой проживали немцы. – Прим. авт.). *Вот они делали всё, вот чтобы блестело до, я не знаю... Нету краски – купим! Покрасим. Всё сделаем. Травы чтоб не было. Там какой-то сор – это было наказуемо* (Кожевниково).

4. Виды транспорта, используемые при депортации: **баржа, вагон, катер**. Наиболее часто упоминается такой вид транспорта, как баржа: *А когда началась*

война, их всех в баржи, мужиков в трудармию, а их в Сибирь. Вот их туда высадили где-то под Колпашево (Вознесенка).

5. Дом и жилье: **землянка, избушка, барак, дом, домик, родовое гнездо, квартира, кухня, хозяин, поселиться, строиться, построить, проживать, выкопать**. С течением времени состав этой группы меняется. Так, в первые годы ссылки, связанные с тяжелыми условиями жизни и проживанием на новом месте, упоминаются временные постройки: землянки, бараки, а также используются различные слова, связанные с тематикой строительства как вынужденной деятельности репрессированных. Отмечается, что постройкой жилища активно занимались женщины, поскольку значительная часть мужского населения была принудительно отправлена в трудовую армию: *Ну типа, когда уже, то есть, года два-три прошло, мы, гыт, там, типа, дома' построили. Уже стали жить. Сами женщины строили дома себе. И уже поселились там семьями прям, скоко там, ребяташики вот эти вот. Друг папкин, дядя Володя Клюх, они прям в одном доме жили там. Там, Баба Мутя. Вот, то есть три или четыре женщины, они вот дом построили и с детьми там жили* (Вознесенка).

В более поздние временные периоды после постройки собственного жилища и его обустройства дом начинает восприниматься как родовое гнездо, место единения семьи, которое хочется сохранить за собой и не хочется терять: *Вот, в шестьдесят втором году папа, они начинали в шестидесятом, а в шестьдесят втором они построили, и как раз я родилась первого июля, и они меня внесли в новый дом, это было, конечно... Как мама говорит, это было такое счастье, во-первых, что ещё и ребенок, что и новый дом. И он до сих пор стоит, правда, живёт моя в нём эта, моя тёт-, тётк... [поправляется] тётя, большие потому что у детей уже были квартиры, дома. И я хотела, конечно, оставить своё родовое гнездо за кем-то из наших, но не получилось* (Кожевниково).

6. Инструменты, выданные ссыльным для строительства: **лопата, топор, двухручная пила, накатник**. Чаще всего перечисляются те инструменты, которые были получены депортированными в самом начале ссылки: *Каждой семье по лопате, по топору и по двухручной пиле выдали. И всё, живите, как хотите. То есть сентябрь месяц, мы практически ничё построить уже не можем. Мы то'ко можем [поправляется] могли выкопать землянки. Выкопали землянки, накатником, гыт, там сделали типа с глины очаги и трубу. И вот так вот зимовали* (Вознесенка).

7. Еда и напитки: **хлеб, шниц суп, картошка, лапша, лепёшки, паска, булочки, ку'ха (кухен), масло, сало, пряники, рыба, потроха, бражонка, наварить, питаться, стряпать, кормить, печь, готовить, жарать, выпивать**. Среди этой группы выделяются единицы из немецкого языка, называющие традиционные немецкие кушанья. Как видно из рассказов, еда для депортированных занимала важное место как в начале ссылки, так и впоследствии. Информанты, являвшиеся непосредственными очевидцами событий, вспоминают о своем детстве, которое пришлось на

начало депортации; неотъемлемым его атрибутом был голод: *Какая жизнь тогда' была. Жрать нечего было, самое главное* (Саровка).

Вместе с тем, спустя время, на новом месте жительства, сохранялись в семьях и традиции приготовления определенных немецких блюд: *Ну очень много блюд бабушка готовила. Вот эту домашнюю лапшу постоянно. Прямо такие лепёшки, раз – на кровати. Всё время эти кровати, много подушек у неё было <...>. Она наделает этих лепёшек, раскатает тонко тесто, они подсушатся. Потом в рулончик – раз, и вот эту лапшу нарежет, до чего-то какая-то такая лапша была вкусная. И вот готовила супы вот с этой, с длинной с лапшой, тоже, такие, шниц суп готовила. Это по-немецки, не знаю, как он там точно расшифровывается, но там, почему-то, в супе, присутствовали сухофрукты. Да. И в супе вот, он такой получался полусладкий, суп вот этот. Ну, бабушка его называла шниц суп* (Вознесенка).

Стараются информанты сохранять и передавать рецепты немецкой кухни и сейчас, обучая приготовлению национальных блюд младшее поколение семьи: *Это немецкие пряники. Это мама тоже меня научила. Вот это на Па'ску я делала сюда вот, к дому культуры... Па'сочку нашу делала. Вот эту па'сочку и вот эти вот [булочки] пекли. Ну теперь я уже, знаете, всё это, конечно, труд, это столько, столько надо времени и вообще всего // Вот поначалу они, конечно, ко мне внуки всегда ходили, я их привлекаю, да: старшая, она умеет стряпать, я как-то хочу передать это, потому что, если я уйду, всё это останется, ну и девочки...* (Кожевниково).

8) Исторические периоды и события, их атрибуты: *война, фронт, шайка, будёновка*. Большинство рассказов разворачивается на определенном историческом фоне. Так, значительная доля воспоминаний о депортации оказывается связана с Великой Отечественной войной: [А как его (прим. авт. – отца информанта) ссылали? Почему сослали?] *С Поволжья немцы. Поволжские немцы. Их, когда в сорок первом году началась война, они, наши эти, доблестные энкавэдэ [НКВД], решили, что они могут переметнуться на сторону врага, так как немцы // Рыбу ловили, война. Всё это, всю эту рыбу, отправлялась, ну, то ешь, на фронт* (Вознесенка). Именно начало Великой Отечественной войны выступает в воспоминаниях катализатором ссылки поволжских немцев. Кроме того, упоминается Гражданская война 1917–1922 гг., ее участники и атрибуты: *Фотографии есть, где уже сидит* (о дедушке информанта. – Прим. авт.) *в Красной армии, уже в будёновке. То есть, перешёл в Красную армию* (Вознесенка).

9. Объединения и учреждения, военно-политические движения, органы государственного управления и их сотрудники: *«чёрная сотня», армия, Красная армия, Белая гвардия, НКВД, энкавэдэшники, ЧК, комендатура, комендант, трудовая армия, казак, завод, бригадир, рыболовецкая бригада*. Очевидно, что данная группа тесно связана с предыдущей и включает ее языковые элементы. Обозначим те из них, которые

встречаются наиболее часто. Так, неизбежно в рассказах о ссылке упоминание таких структур, как Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) и трудовая армия (трудармия), Чрезвычайная комиссия (ЧК): *И всё, а мужиков в трудовую армию забрали, и всё, гыт она. Приезжали, говорит, всякие энкавэдэшники, делали засаду <...>. Говорят, приезжали энкавэдэшники, четыре раза засаду делали. А дед, получается, там, в Поволжье, в Верховье Волги они там жили, немцы, туда. И это... Он там занимался, охотником-профессионалом был. Вот. И они (сотрудники НКВД, – Прим. авт.) всё думали, что он ушёл в тайгу, и что придёт... Ну, где-то там тоже был на севере сосланный, и что придёт, и они делали засады там. Прямо дома оставляли этих энкавэдэшиков. Никого так и не дождались* (Вознесенка).

Еще одной организацией, часто фигурирующей в воспоминаниях о жизни ссыльных, является комендатура: *В тысячу шестом году только освободились от комендатуры* [То есть уехать нельзя было?] *Никуда не ехать, даже около деревни нельзя было пойти* (Саровка). Информанты указывают на то, что их свобода в условиях существования комендатуры была сильно ограничена, а жизнь подчинялась строгому распорядку: *Ты говоришь, жили как хотели, а попробуй не выйди на работу // Часов не было ни хрена, висел вот пожарный этот щит, от на нём, я помню, ле'мех висит от плуга, утром подходит техничка, будит, значит, скажем, в шесть часов бум-бум-бум, должны вставать все. В восемь там или в девять, опять бум-бум-бум на работу // А вечером никого, тихо. Хто как приползёт, вы же как хотели. Попробуй не выйди на работу // Вот такая дисциплина была, попробуй не выйди на работу, всё – трубовое дело // Вызывает* (комендант. – Прим. авт.), *бляхмуха, наганом, блядь, по столу бьёт // А.В. (А.В. – собеседник информанта А.И. – Прим. авт.) Саша! Всё записывают. Чё материшься? Всё записывают. А.И. Записывают? Ну и хрен с ним, пусть записывают. Это так и есть. Так было. «Записывают». И наганом, ядрёна мать, по столу. Были такие сволочи, что будь здоров* (Саровка).

10. Документы: *паспорт, справка, разрешение*. Данная группа распространена не так широко, но тематически и лексически пересекается с группой, обозначенной выше, включая контексты, связанные с контролирующими депортированных организациями и структурами: *Так отец* (разрешение. – Прим. авт.) *брал в Колпашево в комендатуре, Гуляев, как сейчас помню, фамилия, справку такую, ни паспортов, ничего же не было, абсолютно ничего, и мы поехали с ним в Новосибирск* (Саровка). Ее низкую частотность можно объяснить тем, что такие документы, как, например, паспорт, начали выдаваться сельскому населению довольно поздно, на что указывают информанты: [А когда начали паспорта давать в деревне?] *Вот как этот... а паспорта у нас только в шестидесятых стали давать. Мне как передовику производства... <...> Это, в семьдесят четвёртом году мне вырешили мотоцикл «Урал», как передовику производства. Я по-*

ехал в Новосибирск получать его, а у меня ни паспорта, ничего нет. Не было тут ещё паспортов в деревне. Не было, потом уж только стали. В конце семидесятых.

11. Локации: *Поволжье, Берлин, деревня кулаков и немцев, Сибирь, Кожевниково, Европа, Германия, Казахстан, Югославия, Колпашево, Новосибирск, Саратов, Васюган, Кальджа*. В Томском диалектном корпусе в рассказах о ссылке упоминается не только территория Сибири, но и другие регионы, территории и страны. Закономерно в воспоминаниях о ссылке упоминание на Поволжье как регион, из которого депортировали немцев, хотя он, безусловно, не был единственным. В то же время местом ссылки выступала не только Сибирь, но и Казахстан. Называются информантами и конкретные села и деревни Сибири, в которые сослали их семьи.

Европа и Германия в частности упоминаются информантами как историческая родина поволжских немцев: *Ну то есть их (немцев. – Прим. авт.) специально царь вызвал, так как специалистов, то есть оттуда, с Европы, для поднятия уровня, мастерства этих своих вот мастеровых* (Вознесенка). В Югославии были изготовлены старинные Библии на немецком языке, о которых говорит один из информантов: *Они печатались, эти Библии, где-то в Югославии, в тысяча восемьсот во'семисят, то ли восьмом, то ли во'семисят дев'я... ну так... Так где-то датируются они. Вот эти Библии* (Вознесенка).

Особое отношение к ссылке немцам прослеживается и на уровне наименований, которые были приписаны целым деревням и отражали информацию о тех, кто в них живет: *Я щас им рассказываю, как деревню нашу звали, деревня кулаков и немцев* (Саровка). Проявляется и своя специфика на уровне номинаций отдельных частей деревни, в которых проживали немцы: *<...> вот у нас Кожевниково, улица есть, вот, если вы знаете, где у нас вокзал... Не знаете, да? [Нет ещё.] Вот, в ту сторону от вокзала сюда – это на городок идёт улица, а в ту сторону – это Берлин; а почему его называли Берлин – потому что там проживали одни немцы. Они селились друг с другом вот так и строились* (Кожевниково).

12) Витальное и мортальное начала: *жизнь, жизнь, существование, жить, существовать, выживать, похоронить*. Группа также весьма характерна для жанра автобиографического рассказа. Особенно актуальной данная тематика видится в контексте вынужденной депортации немецкого населения, чья жизнь в условиях ссылки была тесно связана с проблемой выживания и постоянной борьбы: *И, и плыли, как-то погибали и умирали, маленькие не выжили* (Уртам) // *Бабушка рассказывала очень много интересного, что вот они там, как жили, как выжили* (Вознесенка). В обозначенной группе также встречаются слова, образующие контекстуальные антонимичные пары: *жизнь – существование* (<...> *жизнь, говорю, да какая это, хрен, жизнь. Существование* (Саровка)); *жить – существовать* [И как жили вы там в деревне, помните вот в детстве, когда маленькие были?] *О-ой, жили, не жили, а существовали* (Саровка).

13. Физическое состояние человека и болезни: *больной, болеть*. Очевидно, что в описываемых жизненных условиях люди нередко заболели. Однако в рассматриваемых нами материалах эта тема встречается не так часто. Упоминается, что болели старшие родственники информантов: родители, бабушки и дедушки. Часто их болезни являлись следствием ссылки и были вызваны тяжелым физическим трудом, сопровождавшимся невыносимыми условиями: *И вот зимой в валенках, в калошах, а летом в это, ни бродне'й же, ничё, до самой, до самого льда голоногими по воде бредень таскали. Это потом у неё (бабушки информанта. – Прим. авт.) в старости очень ноги болели сильно* (Вознесенка).

14. Язык и речь: *диалект, общаться, разговаривать, понимать, по-немецки, по-русски, русский язык, произношение, шлёпать по-своему (по-немецки)*. Немецкий язык, являющийся неотъемлемой частью культуры ссыльных немцев и их потомков, осмысливается ими и в воспоминаниях. Информанты рассказывают о том, на каком языке было принято общаться в их семье, насколько тяжело было освоить новый язык: *<...> и мои родители были... малограмотные. Мама, мама, по-моему, закончила пять или шесть классов, папа четыре, они вот долго привывали к русскому языку, они же приехали, они же, у них там был, на Поволжье, свой автономный округ, и они разговаривали только по-немецки. А я от бабушки научилась, я бабушку каждый день, носила ей еду, кормила её. И от неё, и от родителей – у нас в доме разговаривали только по-немецки. Ну естественно, по-русски я... тоже. И вот, как-то вот это вот у меня... всё я понимать стала* (Кожевниково).

Некоторые информанты продолжают общаться на немецком языке и сейчас, пусть и редко, с отдельными людьми, осмысливают особенности произношения: [А если не убиралась совсем женщина, её как-то могли назвать?] [вздыхает] *Ну, нехорошим словом [смеётся]. Пускай ныря'ха какая-нибудь. [Неряха.] Ну да, да, ныря'ха, ну, как-то, и это, даже... даже щас не вспомню по-немецки это слово, потому что щас меньше общаюсь. Язык я знаю, разговариваю, именно со своими вот, именно с нашим диалектом, я сама езжу часто в это, в Российско-Немецкий дом, и там Александр Владимирович <...>, вот, с ним я разговариваю, как будто мама, папа и это мой брат, понимаете? Диалект. Что по-разному произношение было, и вот когда в Германии была, там половину понимаю, половину вообще нет. Они, во-первых, быстро говорят, и-и... ну где-то так. А мы на своём. Вот* (Кожевниково).

15. Реальные люди и персонажи: *Петр Первый, царь Горох, Николай, Сталин, Деринг и др.* Упоминаются в рассказах о ссылке исторические личности, как более «близкие», так и более «далекие» во временной перспективе: *Но тяжелый, конечно, труд, всё остальное, и отношение, конечно, сначала было не очень, но как вы понимаете, что война была, недаром сюда Сталин их сослал: но немцы, они всегда восприимчивы... русские люди* (Кожевниково).

Встречаются в речи информантов и вымышленные персонажи. Некоторые информанты живо интересуются историей поволжских немцев, изучают материалы о них: [Вот вы говорите, значит, про отца, да, тоже начали? Ссылный? Да?] Да [А как его ссылали? Почему сослали?] С Поволжья немцы. Поволжские немцы. Их, когда в сорок первом году началась война, они, наши эти, доблестные энкавэдэ [НКВД], решили, что они могут переметнуться на сторону врага, так как немцы. Хотя они приехали ещё при царе Горохе, там как даже чуть ли не при Петре Первом осваивали вот это вот Поволжье. Я как-то даже читал книги про вот это всё. Что вот они там жили в Верховьях Поволжья и занимались всем вот этим. Корабли строили, да всё вот это вот. Ну то есть их специально царь вызвал, так как специалистов, то есть оттуда, с Европы, для поднятия уровня, мастерства этих своих вот мастеровых. И они жили там вот со времён этого... Петра Первого или Николая, не знаю какого. Точно я года не помню, при каком царе <...> (Вознесенка).

Помимо этого, фигурируют в рассказах и реальные люди, с которыми информанты действительно знакомы: жители села, друзья и знакомые, члены Томского областного Российско-Немецкого Дома (учреждения, целью которого является сохранение культуры и языка российских немцев). Тут, ну, тут очень много немцев. У нас в Нарге были и Бахманы, и Штумфы, и Бальцеры. Там, короче, семей, наверно, то'ко в одной деревне семей двенадцать, наверно, или пятнадцать было немцев. Жили // Да ну, вот даже в нашей деревне, вон, раз, смотришь – Деринги, и то уже немец. Вот, деревня вроде маленькая, а немцев много (Вознесенка).

16. Вера и религия: Библия, вера, Бог, душа, святая вода, серебро, икона, церковь, католичка, католический, по-католически, православный, молитвенник, божественный (праздник), погружённый, крещёный, молиться. Обозначенная тема в рассматриваемых рассказах выделяется уже потому, что связана преимущественно с католической или протестантской конфессиями, а не православной, информация о которой более широко представлена в корпусе. Информантами отмечается особое отношение старших родственников к религии, распространяемое и на младшее поколение: Ну, бабушка католичка у меня была. Она меня тоже где-то куда-то водила, там, в детстве, тоже. То ли я погружённый, то ли крещёный. Как там правильно по-католически? Не знаю. Я всё равно ни в чём не верю. Вот. Она молилась сама себе. То есть вот эти у неё библии, иконы были. Она никогда не ходила ни в какие церкви. Она мне всегда говорила: у человека Бог должен быть внутри его, в душе. У ней где-то там вот, у неё там был какой-то уголок. Сама себе делала святую воду, положит там серебро какое-то, не знаю, чё у неё, откуда у неё это. И всё, и смотришь, оно у неё стоит потом, не мутнеет, ничё. Всё, святая вода са, сама делала всё. Вот, на колени встанет, чё-то там помолится, сама. Никогда никого не втягивала в эту веру. Чтобы вот там, иди там молись, или ещё чё-нибудь. Не было такого. То есть, это всё, как она гово-

рила, это добровольно. Если хочешь, пойдёшь, будешь там что-то. Если не хочешь... Это всё не так, как сейчас, это кто-то насильным образом всё это делает (Вознесенка).

Упоминаются старинные книги, религиозные атрибуты, привезённые в Сибирь и представляющие для информантов неоспоримую ценность: Было очень много книг. Мама читала на немецком, были Библии. Во-первых, она Библиями всех нас снабдила, у меня есть детская Библия на немецком языке, рядом – на русском. Я ребятишкам это... И книг у неё было, если мне память... Ну, штук тридцать всяких, немецких. Старые-старые, тыща восемьсот, тыща шестьсот какого-то года на немецком, это. Вот, и когда мама умерла, сначала папа умер, потом через восемь месяцев мама. И мы эти книги, а вы же знаете, что, такие книги нельзя ни выбрасывать никуда. Мы отдали в немецкий, этот, в церковь. Там, которая, вы знаете, где немецкая церковь. Мы её отдали туда. И вот какое-то упокоение, думаю, читать я маленько умею, конечно, на немецком, там, ну... Проще сейчас на таком, на немецком, который сейчас преподают в школе, чем тот. Там знаете, какие-то загибулины, всё это. Но это раритет, я говорю: «Пускай лучше там будет. Там уже тоже будет передаваться в церкви от...» (Кожевниково).

17. Праздники и их атрибуты: Пасха, яйца, шапка, конфеты, Рождество, ёлка, Новый год. Как было отмечено ранее, сохранялись в семьях и немецкие традиции, в частности, традиции празднования Пасхи: [Какие-то традиции немецкие оставались у вас? Было в детстве что-нибудь?] Да [Какие, например?] Вот, ты вот на Паску когда-нибудь просыпалась утром, и в твоей шапке под кроватью лежат яйца и конфеты? [Нет] Нет? А у нас мамка так, вот именно бабушка так её научила. Вот это вот немецкая традиция. То есть мы на Паску знали. То есть утром узнали, то есть ложись, мамка утром, ночью готовила там всё это, яйца красила. И в твоей шапке под кроватью лежало: вот эти яйца, конфетки, у каждого. И то есть нам разрешалось взять [поправляется] брать вот это и прям в кровати это йисть. Один раз в году [смеётся]. Вот. Вот такие вот традиции были (Вознесенка).

Перечень праздников в целом соответствовал праздникам советским, хотя и с некоторыми отличиями, обусловленными немецкими корнями семьи: [Но всё равно же отмечали какие-то праздники?] Ну а какие праздники, я не знаю. Вот я, я вот не помню, чтобы бабушка до Рождества, они... Как бы, ну... Всё равно придерживались вот этого всего советского. То есть был Новый год, было Рождество. Вот оно как-то было, оно, получается, католическое Рождество двадцать шестого декабря. Но единственное, что бабушка говорила, говорит: «Давайте ёлку наряжать». И я вот с тех пор как бы привык: с двадцать шестого там наряжаю ёлку, и она стоит у меня до седьмого января. То есть у меня вот эти праздники, все они, то есть я и покрываю и католический, и православный. Вроде бы как бы и не верю, а всё равно, в душе это всё, это перекрывается. А так-то как, а какие праздники? Я не знаю, чтоб, там какие-

то, может, божественные, так бабушка, она никогда ничё не говорила (Вознесенка).

18. Досуг, свободное время: **прятки, клуб, танцы, песни, праздник, играть, петь, танцевать.** О досуге в начальный период депортации говорится мало: по естественным причинам ссыльные (как взрослые, так и дети) были заняты тяжелым физическим трудом и изнурительной работой. Встречаются редкие упоминания времяпрепровождения детей: *Тут у нас овощехранилище было, тут эта полянка, тут овощехранилище, а тут конопля до самого магазина была. Вот мы в этой конопле паслись всё лето. В прятки там играли, коноплю эту [жест, как будто перетирает что-то между ладоней] нашелу'шим, щас нельзя её, а тогда мы нашелу'шим осенью, оп! и горстью в рот. И как мы выживали, я не знаю* (Саровка).

В рассказах, описывающих современный период, формы досуга описываются уже более подробно; нередко в них вплетаются воспоминания о детстве, родных: *И вот при этом немецком центре состоялся, как раз был группа «Истоки». У нас руководитель, этот, Иван Карлович Цытцер, ему восемьдесят щас... <...> Вот, и они, когда вот какие-то сборы там были в библиотеке, они всегда собирались. И они пели песни, я в этой группе не была. Ну, во-первых, есть пять немецких песен. Мы немецкие песни поём, есть... И как раз из этих пяти одна-единственная та, которую па... мама с папой пели всегда её дома. И вот, когда я присутствовала на этих концертах, слёзы лили'сь ручьём. Это надо было всё пережить и думать: «Ну почему я не выучила эту песню?»* (Кожевниково).

19. Одежда и обувь: **платье, платьишко, фартук, фартучек, тютечка (вид фартука?), шаровары, рубашоночка, яловые сапоги, казачьи ботфорты, бродни, валенки, калоши.** Некоторые единицы в приведенном ряду обозначают вполне традиционную для жителей Сибири одежду и обувь: *И вот зимой в валенках, в калошах, а летом в это, ни бродне'й же, ничё, до самой, до самого льда голоногими по воде бредень таскали* (Вознесенка) // *Мы щас-то думаем, что и вот как ребятишки вот одевались мы, я-то ладно, а вот, помню, есть фотография моих братьев. Ой, вы знаете, какая-то холицовая рубашоночка, шаровары* (Кожевниково). Акцентируется внимание и на том, что в одежде использовались элементы национального немецкого костюма: *Ну, так как я последним была, повторюсь, ребёнком, для меня уже мама сшила платье. А кроила родственница, а мама шила на машинке. У нас была машинка «Зингер», и вот на этой машинке, я всегда была краса'вицницей. И ещё у нас, у немцев, принято помимо платьишка был фартучек. Такой, тютечка* (Кожевниково).

20. Предметы быта: **машинка «Зингер»** (см. пункт выше), **покрывало, скатерть, комод, комодик, посуда, табуретка, книга, стол.** Сохраняют память о минувших днях информанты и через вещный мир, дорогие сердцу предметы, вызывающие в их сознании образы и воспоминания из прошлого: *Даже старинные вещи у меня есть <...> У меня есть покрывало, в*

котором меня заворачивали. Оно шло от меня к моему сыну, потом к внуку, и оно ещё в хорошем состоянии. Которую мама вышила красивую скатерть своими руками. Она тоже у меня есть. Я всё вот эти вещи храню. Вот мне кажется это, ну, я знаю, это для меня так ценно, даже вот эти комодики, если вы заходили вот к немцам, были, у них такие, комод был своеобразный, такой, ну как деревянный, красивый, и там были ящички выдвижные. Вот этот комод у меня сохранился. Я отдала его сыну и младшему и сказала: «Ни в коем случае. Это раритет». Потом, есть такая, где посуда у нас стояла, посуда для гостей. Это тоже была такая закрытая штучка, деревянная, и вот даже табуретка, папиными руками сделана, и она у меня до сих пор дома, и говорю: «Вот так вот», что ну, некоторые: «Да баба, она старенькая это». Я говорю: «Нет, она не старенькая, она – это память, память о моих родителях. Вот меня не будет, вот попробуйте выкинете». Вот я вот это вот как-то... Это для, это для меня ценно. Всё, что с родителями связано – это для меня ценно (Кожевниково).

21. Природные явления и стихийные бедствия: **засуха, морозы, лёд.** Информантами упоминаются явления, происходившие в разные временные периоды. Описываются те, которые предшествовали ссылке: *Мы вот в Поволжье жили, там редкий год, чтоб был урожай, там засуха* (Саровка); рассказывают и о случаях в начале депортации: *Выкопали землянки, накатником, гыт, там сделали типа с глины очаги и трубу. И вот так вот зимовали. А морозы были не так, как щас. Там под полтинник заворачивали на севере* (Вознесенка).

22. Гнус: **комарьё, дымокур, дым, гнилушки, губки, дымить, гореть.** Одним из негативных условий проживания на новом месте, в Сибири, видится информантам гнус, что прослеживается и в воспоминаниях: *А жили как вот. И в землянках, и в избушках, и в бараках вот... комарья столько же было, что невозможно, пока вечером не сделаешь дымокур, не выгонишь... дым чтобы был* (Саровка).

Таким образом, можно выделить 22 основные темы, затрагивающиеся в воспоминаниях о жизни ссыльных немцев и их потомков в Сибири. Некоторые из них представлены более развернуто, иные – уже. Приведем и другие наблюдения, сделанные в результате анализа материала.

Очевидно, что воспоминания в структуре автобиографического рассказа выполняют ряд функций: С.В. Волошина выделяет «жанрообразующую, текстостроительную, дидактическую, терапевтическую (переживания определённых эмоций и чувств) функции, функцию самоидентификации, персонализации», отмечая также, что воспоминания используются в целях реализации коммуникативной стратегии самопрезентации [3. С. 222]. Кроме того, воспоминания «выполняют функцию самоидентификации, определения своего места в мире, служат экспликации связи собственной жизни и истории семьи» [3. С. 219]. На наш взгляд, последнее замечание оказывается особенно актуаль-

ным для воспоминаний ссыльных немцев и их потомков как некоей обособленной группы, члены которой часто чувствуют себя отчужденно, не на своем месте: так, интересными в исследовательском плане являются записи речи информанта-мужчины, жителя с. Вознесенка. Из Поволжья были депортированы его дед и бабушки с детьми. Впоследствии семья информанта добровольно уехала в Казахстан, где он и родился. Из Казахстана он и его родители вновь вернулись в Томскую область (с. Нарга, Молчановский район).

Причиной переезда семьи в Сибирь информант называет следующие события: *И вот мы оттуда с Казахстана уехали, потому что невозможно было уже жить* (Вознесенка). Объектом для нападок (как словесных, так и физических) становились не только взрослые представители немецкого населения, но и их дети: *А с немецкой фамилией очень много интересного. В Казахстане, там всё, потом я в последние годы, мне четыре раза голову пробивали за то, что я немец. Просто идёшь в школу, тебе из-за забора пым – камнём по голове. И всё* (Вознесенка). Переезд из Казахстана стал для семьи информанта необходимостью: *Потом, когда я закончил третий класс, там стало жить некомфортно в Казахстане, мы переехали обратно в Сибирь, оттуда, откуда папка был родом. Он сам из-под Колпашиего сосланный, а тут в Нарге у него жил друг детства, Клюх дядя Володя, тоже немец. И он туда к нему переехал, сперва поехал, на месяц устроился, купил домик. Устроился на работу, потом уже заказал контейнеры и нас перевёз сюда уже* (Вознесенка). В Сибири, как отмечает мужчина, отношение к немецкому населению было более терпимым, нежели в Казахстане: *А, ну, как бы уже привычные были // Ну, и как бы сюда переехали, в Сибирь, и тут совершенно другое отношение уже. То есть не так, как в Казахстане. То есть, уже более менее.*

Хотя, по его словам, не все жители Сибири к немцам относятся благосклонно: *И тут приехали, и частенько даже, вон, соседи очень многие чё-нибудь: «О, немчура!»», по сих пор. Немчура', немчура'.* Так что это у меня уже привычное, всё это дело. Постоянно это *клеймо* (Вознесенка). Ощущает информант и несправедливость такого отношения, поскольку члены его семьи были участниками боевых действий на стороне СССР: *Был товарищ, такие у меня приезжали с города даже. Там в мае охота открывается: «А-а-а, там чё-нибудь подойдёт, – вот, мы вам там в сорок пятом году!».* Я говорю: *«А ты знаешь, что у меня дед всю войну прошёл? Кто, кому-то, чё? Вот чё ты вот?».* А есть такие, да. Вот они постоянно (Вознесенка). Подобные случаи подтверждают и те информанты, которые не являются выходцами из немецких семей: *Немцы с Поволжья все здесь высланные. Родители их были вредители, и дети их навредят потом* (Томск, 1986 г.). Вместе с тем встречаются в корпусе и указания на диаметрально противоположное отношение: *[Мы были в Ювале. Там были немцы.] А, ну у нас есть с Поволжья, есть у нас вот эта улица, как вы ехали. Вы же оттуда ехали, да? И как в деревню заезжаете, самая первая улица, называется Тельмана.*

Вот на этой улице у нас живут переселенцы с Поволжья, с Саратова <...>. Ну, они такие трудолюбивые, вот наши вот эти немцы, очень трудолюбивые. У них улица была такая маленькая, и там только они жили. Но она была очень чистенькая всегда, у них у всех было всё докрашено, всё белёное. И вот к кому только бы ни зашёл – у них везде был порядок. Они были такие дружелюбные. <...> Но работали они наравне со всеми. Потому что выживать надо было, и... а работы они не боялись (Ургам, 2023 г.).

По мнению информанта из с. Вознесенка, ссылка оказала огромное влияние на депортированных, коренным образом изменив их судьбы, отношение к жизни: *[А бабушка, может, из своего детства что-нибудь, не рассказывала?] О, нет. Нет. Ничё. Они, у них, я вот наско'ко понимаю, то есть, у них вот эта вот ссылка перечеркнула всё прошлое. То есть, они... Там [в месте жительства до ссылки] это было что-то такое хорошее, доброе, а вот это вот... Всё, и то есть, они уже потом ту жизнь, они практически не вспоминали. Потому что страшнее, говорит, не было ничего. Вот их с баржи привезли, и, говорит, в первую зиму двенадцать детей сразу – пру! Похоронили. Там куда? Чё... Что там вспоминать лучшего?* (Вознесенка). Он указывает на то, что депортация и пережитые после нее события повлияли и на характер людей: *Ну а так-то, чё... Зато крепкий народ. Морально волевой и выдержанный. Вот я вот не знаю ни разу, чтоб папка там психовал, чё-то там. Ну вот, ругался с кем-то там или дрался. Всегда был лояльный, всегда с юмором. Ну, кода', да, молотком по пальцу ударит, конечно, матерился, психовал, ну а... А вот так вот, чтобы с народом...* (Вознесенка).

Сам мужчина интересуется историей поволжских немцев, изучает материалы о них: *Я как-то даже читал книги про вот это всё. Что вот они там жили в Верховьях Поволжья и занимались всем вот этим. Корабли строили, да всё вот это вот <...> Я вот тогда первый раз в Среднем Васюгане, а, в Новом, увидел памятник вот именно репрессированным. Там вот эти деревни, они все из репрессированных. Там все, там бароны всякие, там кого-там Маузеры какие-то, там кого то'ко... Там в основном все немцы живут, вот в этих деревнях, туда по северу. Они как туда их сослали, так они и остались жить, потому что, как, наско'ко я знаю, где там, в Поволжье, чё было, там у них какие имена, в принципе, все богатые были. Это всё отобрали. То есть, туда даже если приедешь, там тебе никто ничё не вернёт. Ни документально, ни физически. И всё* (Вознесенка). Несмотря на этот интерес, он не стремится попасть на историческую родину, хотя и упоминает, что такая возможность у него была: *Знакомые какие-то, братья двоюродные папкины, Вайсы, они в Германию уехали. Как раз я в во'семьдесят девятом с армии пришёл, а они уезжали в Германию. Они на меня типа: «Поехали, мы щас тебя в декларацию впишем, и поедешь в Германию». Я говорю: «Нет, – я говорю, – я не поеду в вашу Германию, я не хочу». Да и у меня была это, подписка о неразглашении и невыезде, меня не выпустили*

бы на границе. *Так что я говорю: «Не надо меня никуда – я говорю, – я в Сибири так и останусь».* Вот (Вознесенка).

Примечательно и то, как информанты, не являвшиеся непосредственными репрессированными, в ряде случаев выстраивают повествование от лица старшего члена семьи, подвергнувшегося депортации, таким образом вписывая себя во время и пространство ссылки через использование личного местоимения «мы»: *То есть сентябрь месяц, мы практически ничё построить уже не можем. Мы то'ко можем* [поправляется] *могли выкопать землянки* (Вознесенка).

Основным лексическим маркером, с помощью которого вводятся воспоминания о ссылке, выступает глагол **помнить**, использующийся преимущественно в форме первого лица единственного числа настоящего времени. Конкретизируется глагол путем слов, указывающих на время случившегося (*точно я года не помню*), степень достоверности сообщаемой информации (*я точно не помню*) и указание на ее отпечаток в сознании, память о событии и по сей день (*как сейчас помню*). Встречается и глагол **вспоминать**, который может использоваться с вопросительными местоимениями (*что там вспоминать лучшего?*), наречиями меры и степени (*практически не вспоминали*).

С точки зрения синтаксической структуры, в рассказах о начале ссылки и ее причинах преобладают неопределенно-личные предложения: *Вот их туда высадили где-то под Колпашево* (Вознесенка) // *Мужиков сослали к хренам сюда, сгноили их тут, ба'ржами везли народ* (Саровка). Данные примеры подтверждают мысль Т.А. Демешкиной, согласно которой «обыденным сознанием власть воспринимается как нечто обезличенное, нерасчлененное; для говорящего не важен конкретный ее представитель, более значимым представляется фокусировка на действии» [11. С. 38].

Кроме того, определено, что воспоминания о ссылке обладают гендерной спецификой. В «женских» текстах большее внимание сосредоточено на теме семьи, памяти, дома, их сохранении, вере и религии; частотны в них упоминания о старших родственниках, трогательные воспоминания о родителях. «Мужские» тексты о депортации тоже сконцентрированы на семейной тематике, вере и религии, но при этом в них также часто фигурируют строительные и иные работы, в которых были заняты репрессированные, различные объединения и организации времен ссылки, затрагиваются исторические аспекты. Информанты мужского пола склонны высказываться о депортации более категорично, нежели информанты женского пола, употреблять экспрессивную, сниженную и бранную лексику, активно выражая с ее помощью негативное отношение к происходившему с репрессированными: *мужиков сослали к хренам сюда; жрать нечего было; да родители, ядрёна мать; а не выжил, хрен с тобой*; <...> *он с трудармии пришёл, можно сказать, без руки, она была, но она не работала ни хрена*; «Вызывает [комедант], *бляха-муха, наганом, блядь, по столу бьёт*» (Саровка).

В рассматриваемых текстах встречаются и метафоры: *Ну а как, рассказывали, как сослали сюда, как*

они дома жили. Там тоже мёд не был, мёда не было // *А потом чё там тоже, какой там мёд* (после того, как депортировали. – Прим. авт.) (Саровка). *Не мёд – в знач. о чём-либо неприятном, тяжёлом.*

Одним из проявлений средств невербальной коммуникации в воспоминаниях о ссылке является смех или усмешка, выступающие как своеобразная защитная реакция при рассказах о наиболее трудных и страшных этапах в жизни репрессированных: *Вот их с баржи привезли, и, говорит, в первую зиму двенадцать детей сразу – пру! Похоронили. Там куда? Чё... Что там вспоминать лучшего? [смеётся]* (Вознесенка).

Заключение

Очевидно, что депортация является болезненной страницей в истории страны и Сибири как места ссылки в частности. Полученные результаты помогают расширить представление о тематике рассказов о ссылке: на основании анализа выявлено 22 ключевые группы, вокруг которых организовывается повествование. Депортации в сознании ссыльных немцев и их потомков сопутствует ряд следующих наиболее частотных тем: «Ссылка и репрессированные», «Язык и речь», «Локации», «Вера и религия», «Еда и напитки», «Дом и жильё», «Национальность и происхождение», «Исторические события и периоды», «Реальные люди и персонажи», «Объединения и учреждения», «Витальное и смертельное начала», «Праздники», «Досуг», «Предметы быта», «Одежда и обувь» и др. Эти темы раскрываются путем использования единиц различной частеречной и системной принадлежности (литературных, диалектных, разговорных, просторечных), а также образных слов и выражений.

В строгом смысле подобные тексты представляют собой скорее «воспоминания о воспоминаниях», поскольку выстраиваются они как рассказы о событиях, произошедших не с информантом лично, а пересказанных ему кем-либо (за исключением рассказов, записанных от тех информантов, которые являлись очевидцами ссылки и были депортированы в детском возрасте). Воспоминания о ссылке в большинстве рассмотренных записей разворачиваются путем пересказа событий, восстановленных по словам более старших родственников, очевидцев и непосредственных участников депортации. Мемораты о ссылке вербализуются через использование глаголов **помнить**, **вспоминать** и присловных распространителей. В синтаксической структуре предложений, в которых описываются первые месяцы ссылки, преобладают неопределенно-личные конструкции.

Анализируемый материал имеет гендерную специфику: записи речи мужчин и женщин обладают некоторыми различиями в наборе тем, хотя и содержат пересечения. Кроме того, записи, сделанные от мужчин, также содержат негативно-оценочную лексику, бранные слова и выражения, с помощью которых информанты выражают личное отношение к феномену ссылки вообще и к условиям жизни в ней.

В воспоминаниях о ссылке встречаются средства невербальной коммуникации, в частности смех, используемый как в своей естественной функции, будучи проявлением положительной эмоции, так и выступающий как защитная реакция на воспоминание о каких-либо особенно тяжелых моментах в жизни ссылных.

Перспективой исследования является рассмотрение феномена ссылки на более широком материале: объектом ссылки, помимо немцев Поволжья, являлись и другие группы населения, воспоминания которых могут стать основой для дальнейшего лингвистического анализа.

Список источников

1. Бусырева Е.В. Воспоминания потомков российских немцев о годах войны (по материалам этнографического исследования) // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. № 1–18. С. 173–185.
2. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
3. Волошина С.В. Русские автобиографические практики XX–XXI вв.: когнитивно-дискурсивный аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2024. 574 с.
4. Кормазина О.П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016. 22 с.
5. Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики : материалы науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века». Томск, 2001. С. 167–174.
6. Мызникова Я.В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «Рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 66–72.
7. Ганичева С.А. Воспоминания брата и сестры о деревенском детстве: лингвогендерологический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 5 (92). С. 67–78.
1. Зуев А.С., Красильников С.А. Ссылка в Сибири в XVII — первой половине XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. III: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 171–179. URL: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_pолоvine_xx_v_istoricheskaya_encyklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 27.09.2025).
8. Смирнова Т.Б. Миграции и динамика численности немецкого населения Западной Сибири в конце XIX начале XXI в // Известия АлтГУ. 2007. № 4–3. С. 174–178.
9. Земичева С.С., Дубцова Л.А., Громов М.Л., Галанина В.В., Угрюмова М.М., Васильченко А.А., Паршина А.В., Попова Д.П., Думинская А.В., Зюзькова Н.А., Буханова Е.Д. Томский диалектный корпус 2.0 // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. URL: http://losl.tsu.ru/?q=losl_search (дата обращения: 25.09.2025).
10. Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46. doi: 10.17223/19986645/56/3
11. Хаясака К. Депортация российских немцев 1941 г. и ее последствия // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 3 (19). С. 19–25.
12. Свирина Д.В. Воспоминания о депортации поволжских немцев: основной нарратив и мотивы (на материалах Красноярского края) // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 51. С. 157–163. doi: 10.17223/19988613/51/22
13. Бусырева Е.В. Судьбы раскулаченных немцев (на примере двух семей из Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10, № 7–17. С. 83–93.
14. Бусырева Е.В. Мемориальные предметы в семьях с немецкой родословной // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 42–53.
15. Бусырева Е.В. История одной немецкой семьи (по материалам семейного архива) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 29–43.
16. Бусырева Е.В. История рода, отраженная в архивах семей с немецкими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 4. С. 42–51.
17. Гончарова Т.А. «Кулацкая ссылка»: современные коммеморативные практики в Томской области // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2023. № 11. С. 215–218.
18. Волошина С.В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах крестьян // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 28–38. doi: 10.17223/19986645/47/2
19. Фельде О.В. Другие среди своих (на материале устных рассказов коренных жителей Северного Приангарья о ссылных сталинской эпохи // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX–XXI веков : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. пед. и науч. деятельности проф. Галины Васильевны Звёздовой и приуроченной к её юбилею. Липецк, 2017. С. 115–123.
20. Смирнов Е.С. Концепт «ссылные» в ангарской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 217–222.
21. Фельде О.В., Смирнов Е.С., Васильев В.К. Язык и культура Северного Приангарья в зеркале устного текста / под общ. ред. О.В. Фельде. Красноярск : Амальгама, 2022. 304 с.
22. Земичева С.С., Попова Д.П. Экстралингвистические факторы функционирования имен политиков в диалектной коммуникации (корпусное исследование) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 17–28. doi: 10.17223/15617793/486/2
23. Григоренко Р.А. «Вояж» из России в Сибирь: образы ссылных на страницах прозы Н.М. Ядринцева и опыт формирования областного литературного канона // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 14–20. doi: 10.17223/15617793/471/2
24. Айзикова И.А. Ключевые концепты в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в.: к проблеме формирования культурного ландшафта региона // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 133–160. doi: 10.17223/19986645/85/7
25. Айзикова И.А. Типы социокультурного ландшафта Сибири в зеркале путевой прозы XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 145–175. doi: 10.17223/19986645/91/8
26. Большой академический словарь русского языка : В 27 т. / гл. ред. А.С. Герд. М. ; СПб. : Наука, 2019. Т. 25: Свес–Скорбь. 728 с.

References

1. Busyрева YE.V. Vospominaniya potomkov rossiyskikh nemtsev o godakh voyny (po materialam etnograficheskogo issledovaniya) // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. 2020. № 1–18. S. 173–185.
2. Demeshkina T.A. Teoriya dialektного vyskazyvaniya. Aspekty semantiki. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 190 s.
3. Voloshina S.V. Russkiye avtobiograficheskiye praktiki XX–XXI vv.: kognitivno-diskursivnyy aspekt : dis. ... d-ra filol. nauk. Tomsk, 2024. 574 s.
4. Kormazina O.P. Vospominaniye kak zhanr razgovornoy rechi (na materiale rechi dal'nevostochnikov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2016. 22 s.

5. Gyngazova L.G. O rechevom zhanre vospominaniya (na materiale yazyka lichnosti) // Aktual'n-yye napravleniya funktsional'noy lingvistiki : materialy nauch. konf. «Yazykovaya situatsiya v Rossii kontsa XX veka». Tomsk, 2001. С. 167–174.
6. Myznikova YA.V. Kommunikativnyye osobennosti dialektного rechevogo zhanra «Rasskaz-vospominaniye» // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya. 2014. № 4 (28). S. 66–72.
7. Ganicheva S.A. Vospominaniya brata i sestry o derevenskom detstve: lingvogenderologicheskiy aspekt // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 5 (92). S. 67–78.
1. Zuyev A.S., Krasil'nikov S.A. Ssylka v Sibiri v XVII — pervoy polovine XX v. // Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri. T. III: S–YA. Novosibirsk, 2009. S. 171–179. URL: http://irkipedia.ru/content/ssylka_v_sibir_v_xvii_pervoy_polovine_xx_v_istoricheskaya_entsiklopediya_sibiri_2009 (data obrashcheniya: 27.09.2025).
8. Smirnova T.B. Migratsii i dinamika chislennosti nemetskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX nachale XXI v // Izvestiya AITGU. 2007. № 4–3. S. 174–178.
9. Zemichева S.S., Dubtsova L.A., Gromov M.L., Galanina V.V., Ugryumova M.M., Vasil'chenko A.A., Parshina A.V., Popova D.P., Duminskaya A.V., Zyuz'kova N.A., Bukhanova YE.D. Tomskiy dialektnyy korpus 2.0 // Laboratoriya obshchey i sibirskoy leksikografii NI TGU. URL: http://losl.tsu.ru/?q=losl_search (data obrashcheniya: 25.09.2025).
10. Demeshkina T.A. «Ssylka» kak fenomen sibirskoy lingvokultury // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2018. № 56. S. 34–46. doi: 10.17223/19986645/56/3
11. Khayasaka K. Deportatsiya rossiyskikh nemtsev 1941 g. i yeye posledstviya // Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2012. № 3 (19). S. 19–25.
12. Svirina D.V. Vospominaniya o deportatsii povolzhskikh nemtsev: osnovnoy narrativ i motivy (na materialakh Krasnoyarskogo kraja) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2018. № 51. S. 157–163. doi: 10.17223/19988613/51/22
13. Busyreva YE.V. Sud'by raskulachennykh nemtsev (na primere dvukh semey iz Murmanskoy oblasti) // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. 2019. T. 10, № 7–17. S. 83–93.
14. Busyreva YE.V. Memorial'nyye predmety v sem'yakh s nemetskoy rodoslovnoy // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Yestestvennyye i humanitarnyye nauki. 2022. T. 1, № 1. S. 42–53.
15. Busyreva YE.V. Istoriya odnoy nemetskoy sem'i (po materialam semeynogo arkhiva) // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Yestestvennyye i humanitarnyye nauki. 2023. T. 2, № 1. S. 29–43.
16. Busyreva YE.V. Istoriya roda, otrazhennaya v arkhivakh semey s nemetskimi kornymi // Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Yestestvennyye i humanitarnyye nauki. 2023. T. 2, № 4. S. 42–51.
17. Goncharova T.A. «Kulatskaya ssylka»: sovremennyye kommemorativnyye praktiki v Tomskoy oblasti // Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy. 2023. № 11. S. 215–218.
18. Voloshina S.V. Reprezentatsiya kontsepta «Sibir'» v avtobiograficheskikh rasskazakh krest'yan // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2017. № 47. S. 28–38. doi: 10.17223/19986645/47/2
19. Fel'de O.V. Drugiye sredi svoikh (na materiale ustnykh rasskazov korennykh zhitel'ey Severnogo Priangarya o ssyl'nykh stalinskoy epokhi // Dukhovnost' i mental'nost': ekologiya yazyka i kul'tury na rubezhe XX–XXI vekov: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. ped. i nauch. deyatel'nosti prof. Galiny Vasil'yevny Zvezdovoy i priurochennoy k yeyë yubileyu. Lipetsk, 2017. S. 115–123.
20. Smirnov YE.S. Kontsept «ssyl'n-yye» v angarskoy lingvokulture // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 3. S. 217–222.
21. Fel'de O.V., Smirnov YE.S., Vasil'yev V.K. Yazyk i kul'tura Severnogo Priangarya v zerkale ustnogo teksta / pod obshch. red. O.V. Fel'de. Krasnoyarsk : Amal'gama, 2022. 304 s.
22. Zemichева S.S., Popova D.P. Ekstralingvisticheskiye faktory funktsionirovaniya imen politikov v dialektnoy kommunikatsii (korporusnoye issledovaniye) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 486. S. 17–28. doi: 10.17223/15617793/486/2
23. Grigorenko R.A. «VoyaZH» iz Rossii v Sibir': obrazy ssyl'nykh na stranitsakh prozy N.M. Yadrintseva i opyt formirovaniya oblastnicheskogo literaturnogo kanona // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 471. S. 14–20. doi: 10.17223/15617793/471/2
24. Ayzikova I.A. Klyuchevyye kontsepty v sibirskoy literature vtoroy poloviny XIX – nachala KHKH v.: k probleme formirovaniya kul'turnogo landshafta regiona // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2023. № 85. S. 133–160. doi: 10.17223/19986645/85/7
25. Ayzikova I.A. Tipy sotsiokul'turnogo landshafta Sibiri v zerkale putevoy prozy XIX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2024. № 91. S. 145–175. doi: 10.17223/19986645/91/8
26. Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka : v 27 t. / gl. red. A.S. Gerd. M. ; SPb. : Nauka, 2019. T. 25: SveS–Skorb'. 728 s.

Информация об авторе:

Зюзкова Н.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: zyuzkovanatalya@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.A. Zyuzkova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zyuzkovanatalya@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.10.2025;
одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 23.10.2025;
approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 81'42, 81'282
doi: 10.17223/15617793/521/5

Языковая репрезентация празднования Нового года в автобиографических рассказах сельских жителей Сибири

Ольга Анатольевна Казакевич¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, o_slugina@mail.ru*

Аннотация. Анализируется языковая репрезентация Нового года, представленная в автобиографических рассказах жителей сибирских сел. Материалом выступают тексты из Томского диалектного корпуса и аудиозаписи экспедиций. Выявлены как общие параметры репрезентации праздника, так и два различных тематических блока – обрядовый и светский, определен и описан их состав. Материал позволил раскрыть специфику становления праздника Новый год как ключевого культурного кода, объединяющего поколения.

Ключевые слова: воспоминание, память, праздник, Новый год, автобиографические практики, Сибирь

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00466, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

Для цитирования: Казакевич О.А. Языковая репрезентация празднования Нового года в автобиографических рассказах сельских жителей Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 52–64. doi: 10.17223/15617793/521/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/5

Linguistic representation of New Year celebrations in autobiographical stories of rural residents of Siberia

Olga A. Kazakevich¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, o_slugina@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the linguistic representation of the New Year, presented in the autobiographical stories of residents of the villages of the Middle Ob region in the Tomsk dialect corpus and audio recordings of expeditions. The preliminary study determined the logic of the presentation of the analysis in this work: from the characteristics of the New Year nomination itself, its distribution in the texts of memories and the general parameterization of the representation of the holiday to a detailed characterization of two large complexes of parameters of the representation of attributes associated with this holiday – ritual and secular. In the general representation of the New Year as a holiday, four main aspects are distinguished: the date of the holiday, which actualizes the semantics of the beginning (*Prazdniki s Novogo goda nachinayutsya*) and the duality caused by the shift in the date of celebration due to the transition from the Gregorian to the Julian calendar (*Novyy god byvayet pervogo yanvarya, po staromu chetyrnadtsatogo*); its origin and place in the circle of other holidays (*Ran'che byli i Novyy god, i Rozhestvo, no ved' nynche tak i ne prazdnuyut; Sed'moye noyabrya otmechali, prazdnik, Novyy god, teper' Pervyy may, eto vot sovetskiye prazdniki*), the intensity and traditions of the celebration (New Year is a day of rest, free from work, which is expressed in the texts lexically using the verbs *rabotat'* with the particle *ne* and *otdykhat'*, and the substantives *kanikuly*, *vykhodnyye*, *gulyan'ya*). Two major thematic clusters – ritual and secular – were identified, differing in their content and quantitative content. Thus, the ritual complex of representations includes such parameters as: fortune-telling, which is represented by the expected verbs *gadat'*, *vorozhit'* and *zavorozhit'sya*; *ryazhenie*, or dressing up, associated with changing the appearance of the *shulukan*, *shulukin*, *slushal'nik* or *snaryazhenni*; and *posevanie*, or sowing – the rite of scattering grain. The secular complex of New Year representations is a complex system of frequently interconnected and intersecting representational parameters, reflecting the diverse attributes of the holiday, which have developed not only in the Siberian village but also in the city. Secular parameters of representation, unrelated to the ritual, sacred aspect of the holiday, can be divided into two main groups: general celebration traditions such as village *gulyaniya*, horseback riding, sledding from *gorka* or *katok*, *khorovery*, dancing, carnivals, theatrical performances, sending New Year's cards, visiting friends, and so on. The material cultural realities reflecting the main tangible attributes of New Year's: the New Year's tree, decorations and toys, gifts, festive food, costumes, and masks. The analysis of each parameter examines the characteristics of representatives for each New Year's attribute, individual nominations, or nominative constructions, allowing us to reconstruct the multifaceted image of the holiday presented in the texts studied. The material revealed the specifics of the formation of the New Year's holiday as a recognizable cultural code defining the connection between generations.

Keywords: remembrance, memory, holiday, New Year, autobiographical practices, Siberia

Financial support: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00466, <https://rscf.ru/project/25-18-00466/>

For citation: Kazakevich, O.A. (2025) Linguistic representation of New Year celebrations in autobiographical stories of rural residents of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 52–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/5

Введение

Одним из безусловно интересных и значимых направлений в современных исследованиях гуманитарной направленности является изучение праздничной культуры и ее отдельных элементов. Проблема формирования, сохранения и репрезентации праздничной культуры имеет междисциплинарный характер и представляет собой многогранное направление в гуманитарных работах, предполагающих анализ связи истории, культуры, языка, мышления и их текстового воплощения. Тема праздника в философском, социологическом, культурологическом, филологическом аспектах представлена в таких фундаментальных научных трудах, как [1–5], заложивших основы для осмысления данного феномена в ряде наук. Данная тематика получила развитие в материалах по философии, культурологии, истории и антропологии последних десятилетий (см., например, [6–11]).

Несмотря на обширность исследовательского поля и связанную с ним популярность темы праздничной культуры, лингвистических работ, посвященных данной проблеме, значительно меньше. В них, как правило, в центре внимания оказывается совокупность текстов праздничного дискурса. Так, существует ряд публикаций, выполненных в русле дискурсивного описания праздника, – на разножанровом материале выявляются особенности концептуальной системы посредством реконструкции отдельных фрагментов картины мира [12–14]. Фрагменты праздничного дискурса могут быть показаны на материале таких письменных источников, как фронтовые письма [15] или тексты праздничной словесности современной семьи [16]. Кроме того, существуют отдельные фундаментальные лингвистические работы, посвященные разработке модели описания праздничного дискурса [17, 18].

Особое место в списке научных работ этого направления занимают труды, посвященные празднику Нового года, который также не раз становился объектом изучения историков, культурологов и искусствоведов [19–22]. В последние годы этот культурный феномен привлек внимание и лингвистов, исследования которых лежат в области психолингвистики и языковой картины мира. Так, например, ряд работ, посвященных Новому году, связан с изучением ассоциативных полей в сопоставительном аспекте [23–25]. Значимое внимание уделяется также разработке вопросов, связанных с символизацией и стереотипизацией праздника в разных типах дискурса – политическом [26] и медиадискурсе [27]. Отдельные работы отражают особенности функционально-семантического аспекта бытования лексики, связанной с темой праздника, и функционирования фразеологических единиц заданной тематики в разных языках [28, 29]. Хотя Новый год в России не

всегда был официальным и любимым праздником, ученые отмечают его семантический потенциал, «связанный с временным переломом, “рубежом”, ожиданием перемен» [15. С. 648], который обуславливает научный интерес к этому факту культуры.

Материалы и методы

Данное исследование выполнено на основе автобиографических рассказов жителей сел Среднего Приобья, записанных сотрудниками кафедры русского языка ТГУ во время диалектологических экспедиций с 1960-х гг. по 2025 г. в села Томской области и содержащих воспоминания о праздновании Нового года. Источником материала послужили более 150 текстов Томского диалектного корпуса [30] и аудиозаписей автобиографических рассказов, сделанных автором исследования в результате экспедиций в с. Кафтанчиково Томского района Томской области и с. Моряковский Затон Томского района Томской области в 2025 г. Представленный материал включил воспоминания не только носителей русских старожиловских говоров Среднего Приобья, но и не диалектоносителей, часто добровольных и вынужденных переселенцев в Сибирь, поскольку, как отмечают С.В. Волошина и Т.А. Демешкина, в настоящее время в сибирских селах преобладает региональный вариант литературного языка, предполагающий не столько доминирование диалекта, просторечия или других вариантов русского языка, сколько их взаимодействие в речи информантов [31. С. 13]. Ценность Сибирского региона, его культурных и языковых ландшафтов как объекта изучения в автобиографических рассказах сложно переоценить, поскольку «вербальные формы презентации Сибири как уникального в плане идентичности и внешней открытости региона представляют собой научную проблему, которая вызывает интерес, проявляющийся не только со стороны ученых, но и со стороны широких внешних кругов отечественного и мирового сообщества» [32. С. 6].

Новизна работы определяется такими факторами, как уникальность материала с позиции его лингвистического содержания и временных рамок, которые охватывает исследование; комплексным подходом к анализу репрезентации феномена Нового года в целом, а не отдельных его аспектов, что позволяет увидеть отражение в сознании и речи жителей Среднего Приобья этого явления праздничной культуры полностью, а не мозаично. Изучение роли праздников в целом и Нового года в частности в формировании и трансформации идентичности русского человека и определенной традиции, связывающей поколения, видится особенно перспективным на материале автобиографических рассказов, которые позволяют проследить динамику развития праздничной культуры народа и ее изменения,

вызванные общим ходом истории и историческими потрясениями XX в., поскольку история личная, семейная неизбежно отражает более глобальные исторические, социальные и культурные процессы [33, 34]. Полученные результаты уточняют данные о языковых и содержательных особенностях разнообразных автобиографических практик и определяют место праздничной культуры в жизни человека, формировании как его идентичности, так и общей, культурной и исторической памяти.

Цель настоящей статьи – выявление и описание параметров и особенностей репрезентации Нового года и связанных с ним культурных феноменов в воспоминаниях, представленных в автобиографических рассказах жителей сибирских сел. Объектом внимания предстают случаи актуализации в текстах информации о Новом годе, а единицей анализа выступают языковые репрезентанты этого праздника, от отдельных слов до цельных по содержанию сложных синтаксических образований типа сверхфразовых единств. Предварительный обзор определил логику изложения анализа в данной работе: от характеристики собственно номинации *Новый год*, ее дистрибуции в текстах воспоминаний и общей параметризации репрезентации праздника к детальной характеристике двух крупных комплексов параметров репрезентации атрибутов, связанных с данным праздником, – обрядового и светского. В рамках анализа каждого из параметров рассматриваются характеристики репрезентантов для каждого атрибута Нового года, единичные номинации или номинативные конструкции, позволяющие реконструировать разносторонний образ праздника, представленный в изучаемых текстах. Решение задач заявленной проблематики входит в круг вопросов языковой репрезентации феноменов материальной и духовной культуры, исследований памяти, лингвокультурологии, а также является предметом изучения Сибири и ее речевой культуры на протяжении XX столетия.

Результаты исследования

Анализ особенностей репрезентации Нового года в воспоминаниях сибиряков показал, что этот праздник обозначается одноименной лексемой *Новый год*, которая сочетается в текстах с глаголами, актуализирующими значение ‘празднование’ – *справлять, отмечать, гулять, встречать и поздравлять*: *Ну поди тоже, наверно, отмечали, конечно, Новый Год; В Новый год ходили поздравляли с Новым годом, с новым счастьем; Мы встречали, ну, как сказать, я не помню, чтоб застолье было, но вот всё время бабушка, дядь Вася у нас, кто был родственники, тётя, тётя Маруся, вот мы все так встречали Новый год, ну; Раньше справляли Покров, Новый год; Рождество гуляли, Новый год, и там и седьмое, и все праздника' гуляли*. В общей репрезентации Нового года как праздника выделяются четыре основных аспекта – дата праздника, его происхождение и место в кругу других праздников, интенсивность празднования, традиции отдельных сел или семей, связанные с праздником.

Дата праздника репрезентируется в воспоминаниях не только при помощи сочетания числительного и названия месяца – *Новый год первого января*, в этом аспекте также может актуализироваться семантика *начала*, например, *Праздники с Нового года начинаются*, или семантика *двойственности* праздника, вызванная смещением даты празднования из-за перехода с григорианского на юлианский календарь в 1918 г. [35]: *Новый год бывает первого января, по старому четырнадцатого; Рождество зимой было, Новый год был, сейчас по-старому-то четырнадцать дней разница*. Также, несмотря на новую, фиксированную дату праздника, в отдельных воспоминаниях находим варианты, связанные уже с временем празднования – в сам Новый год, или же в канун: *А Новый год я проспала. Думала, что первого <...> Я думала надо на первого, а надо тридцать первого встречать. От так и получилось, что я его нигде не встретила*.

С точки зрения **происхождения**, Новый год предстает в воспоминаниях информантов, с одной стороны, как один из праздников зимнего цикла, наряду с Крещением и Рождеством: *Раньше были и Новый год, и Рождество, но ведь нынче так и не празднуют*. С другой стороны, Новый год осознается как праздник светский и ассоциируется с другими праздниками, возникшими в советский период: *Ну как, отмечали же Седьмое ноября отмечали, праздник, Новый год, теперь Первый май, это вот советские праздники; Ну вот, уж замуж вышла в тридцать втором годе, так мы уж тут советские праздники справлять стали: Седьмое ноября, Новый год*. Кроме того, в этом аспекте также встречается противопоставление Нового года и Старого Нового года, последний из которых осознается и репрезентируется как *старинный* праздник, в противовес *советскому*: *Празднуем также Новый год советский, Новый год старинный; Всё как-то под Новый год, да не под советский, а старинный, старый Новый год его мы зовём*.

При репрезентации аспекта, обозначенного в этой статье как **интенсивность празднования**, наблюдается градация от отсутствия празднования до представления Нового года как самого большого праздника в году. Так, отсутствие празднования или же незначительное празднование выражается глаголом *быть* с частицей *не*, а также наречиями и компаративами: *Крещение несмотря на то, что атеисты были, обязательно отмечали. Новый год – нет, этого не было, такого не было; Новый год шибко-то не праздновали; Тогда' как-то мы Новый год меньше праздновали*. Наиболее высокая интенсивность празднования воплощается также компаративами и превосходной степенью в сочетании с субстантивами и местоимениями: *Но Новый год гуляли всё равно <...> Ну самый большой всё равно; Ну тоже вот, Новый год самый такой был... У них вот Новый год самый праздник; На Новый год у них самое такое жара; но апельсин только в Новый год. Большие его у нас не было*. Также эта семантика реализуется синтаксически при помощи противопоставления: *Ну, в общем, тогда' было хоть жили бедно, но гуляли весело; Ну гуляли, гуляли. До того догуляются, уже и гулять не хочется*.

Несмотря на то, что не везде Новый год праздновали широко, данные корпуса демонстрируют, что этот праздник всегда осознавался как **день отдыха**, свободный от работы, что выражается в текстах лексически при помощи глаголов *работать* с частицей *не* и *отдыхать*, субстантивами *каникулы*, *выходные*, *гулянья*: *В Новый год люди тоже отдыхали; По праздникам не работали раньше; Ну и на Новый год гулянья бывают; А в Новый год уж каникулы; И Новый год, все отмечали праздники. Выходные-то были, но не по столько, как сейчас по неделе. Ну, два дня это от, отдохнёшь*; а также косвенно, через другие праздники, такие как свадьба и сватовство: *Вот четыре свадьбы в один день, как раз под Новый год; Ну вот у нас... была свадьба, сватали Новый год*. Также в воспоминаниях жителей Среднего Приобья можно встретить **традиции**, характерные для отдельных сел и не встречающиеся повсеместно, такие как просить прощения, поздравления от неимущих и народные приметы о погоде: *У них в Новый год прощения ходят просят; Под Новый год безродные по домам ходили, проздравляли, значит; зимой в аккурат Новый год, значит если хороший Новый год, тогда и Петров день хороший. По праздникам узнавали*.

Проведенный анализ позволил выделить два крупных тематических блока параметров репрезентации Нового года – обрядовый и светский. Рассмотрим подробнее каждый из них.

1. Обрядовый комплекс репрезентаций. До перехода в 1918 г. на юлианский календарь празднование Нового года приходилось на святки, поэтому традиции, связанные с зимним циклом религиозных праздников, таких как Рождество и Крещение, распространялись и на него. В воспоминаниях сибирских сельчан явно прослеживается эта связь: *А Новый год – праздник, но не так, как Рожес[т]во <...> А тоже праздновали иво'; У нас вот так ворожили примерно. На какой же день это? Вот Крещение было, на Крещене и на Новый год*. После реформы календаря эта устойчивая обрядовая ассоциация в сознании жителей села реализовалась сначала в праздновании Старого Нового года, а затем и Нового года «советского», хотя он выпадал уже не на святки, а на Рождественский пост. Так, три ключевых атрибута святок – гадание, ряжение и посевание, стали также параметрами репрезентации светского праздника.

Гадание. Воспоминания о гаданиях под Новый год содержат разные виды гаданий молодых девушек о замужестве, для репрезентации которых ожидаемо используются глаголы *гадать*, *ворожить* и *заворожиться*: *Под Новый год гадали; Сочельник – под Новый год ворожили – на ком кто женится; Новый год ворожат раньше, а потом, нет, были святки; Пойдем заворожимся, как замуж будем выходить*; а также существительные *гаданье* и *ворожба*: *Е'то гаданье на Новый год; Ну вот в Новый год ворожба идёт*. В текстах воспоминаний содержатся следующие виды гаданий, представленные с разной частотностью и в разной степени детализации:

1) гадание с *пимом* ‘то же, что катанка’ [36. С. 19] или *валенком* [37. С. 73] – одно из самых известных

святочных гаданий: *Всяко ворожили. Валенки бросали; Через ворота пимы' кидали; Ну на ногу носок оденешь и швырнёшь туда в ворота*. В роли пима также мог выступать *башимачок*, *ботинок*, *чирок* ‘кожаная женская обувь с завязками’ [36. С. 220, 231] или собирательное *обутки* ‘то же, что обуза’ или ‘обувь’ [36. С. 204]: *Девушки гадали через ворота башимачки кидали; Ботинки кидали через ворота; То чирки кидаешь, обутки через ворота*. Интересно, что чаще всего бросали уже ненужные, лишние пимы – Валенки боялись бросать. Сильно взять было негде; или старую обувь, которую не жалко: *Я где-то бросила и так он у меня потерялся, ха-ха-ха <...> Ну он старый у меня, хе-хе-хе*. Гадание с пимами нередко рождало смешные, забавные истории: *кто кидал пимы' за ворота, а мужики подкараулят да утащат, потом уж отдадут когда-нибудь; Вот одна говорит: «Кидайте пимы», разуваюсь, а чё зимой, таки чирки были. Ну кинем чирок через порог, а у нас ребята утащут. Вот и приходим со слезами, а утром уж они принесут нам – куда деваться?!*

2) гадание на *дороге* и *росстани* ‘то же, что раздорожица’ [37. С. 113] или ‘перекресток’ [37. С. 99] также являлось популярным гаданием на Новый год: *На росстань бегали. На росстань побежишь, где три дороги, ляжешь на брюхо... Ага. «В какой стороне колокольчики гремят?» – с той стороны жених придет [смеётся]; И на дорогу ложились. Тётка говорила: «Манька, беги! Ложись на раздорожицу. Если только колокольцы будут греметь, беги и не оглядывайся». Я только легла, одна себе пошла, колокольцы загремели. Я встала и побежала. Ну тётя говорит: «Всё хорошо будет, замуж выйдешь»; Ворожат, пойдёшь, ну там на дорогу и слушаешь хто, где гремит. Говорит, да скажет: «Ой, а колокольчики-то зазвенели. Туда замуж выйду»; Ходят на <ростань> гадать, <...> кольцо венчальное поло'жут, ухо приложут к [н]ему, с какой стороны колокольцы' гремят. Езди' близко, то скоро замуж вы'дешь*;

3) гадание на *оракуле*, т.е. на книге для гадания, в роли которой чаще всего по данным воспоминаний выступала книга под названием «Царь Соломон»: *Ора'кули были раньше; На ора'куль [книга для гадания] гадали. Открываешь написаны кружочки, бросаешь скатанный хлеб и на что упадёт. Так вот с ора'кулем ворожили. И наши девки так ворожили; Книга была така' – «Царь Соломон». Такой большой мушвы'на нарисован <растопоренный>, кидашь зёрнушку из воску. Упадёт на каку' цифру, читают, замуж вы'дешь иль иишо' чё. Чё загадашь. Куда укотится зерно*;

4) гадание со *столом*: *Раньше столики были, угловички'. Там зага'дываешь; Раньше столики-угловички'. Кода его нагреют; У такой старушки был стол деревянный. Сядем кругом этого стола, тишина. Руки все сложим, сложим. Сидим, сидим, стол уже горячий станет, а потом начинают шевелиться. Это чуда бы была, если б щас такой стол был. И начинаем спрашивать: «Ну, столик, скажи, сколько у жениха окошек будет у моего, скажи правда. Сколько окошек, столько стукни!» Ха-ха-ха <...> И все до упаду хохочут. Бох знат из чего столик этот был. То ли магнит натянет в себя*;

5) гадание с блюдцем: *Приходили под Новый год в баню, баню чуток нагревали, садились за стол и по блюдечку гадали. Блюдечко ходит. Спрашивали, когда кто замуж выйдет; Раньше, ага. Гадали, гадали. Блюдца разогревали; А вот блюде разогревали-то. Кто знат, может правда-то. Это сами делали. Ходит само или нет; до сих пор не знаю. Вот ходит, ходит, на каку' отметину попадёт, не знаю уж, гадали, гадали. Мы же спорим: ты дви'гаешь, ты дви'гаешь, друг на дружку. Ну, там разн. Сколько лет мы проживём, скоро ли замуж выйдем, в каком году, да;*

6) разные виды гаданий с зеркалом, в том числе с золотым кольцом: *В зе'р'кало смотрели, кольцо золотое венчальное в стакан с водой ставили и ставили на белую бумажку и смотрели, приговаривали: «Муж, объявись!»; Вот два зеркала. Промеж их стакан с водой, туда кольцо. Загадаешь. И из-за правого плеча явится; Мы с подружкой гадали. Ушли в пус'ту' избу, сели под образа', я смотрю в зеркало. Гляжу, показывается свечка – одна, другая, много, кото'ра истекает, тоненька становится. Штук восемь хороших. Ет[о] сколько будет детей;*

7) гадание на сон с ведром: *Закрывали ве'дра с водой; А уж за водой ходили обязательно. На колодец, сходишь за водой, застегнёшь на замок и поставишь около этого, ну как её, ну около изголовья, около этого. Ну, это уже обязательно ходили [А это как делается?] Вот, нужно молча пойти, взять [поправляется] набрать в колодец воды, два ведра, привезти, на коромысле, занести в дом ни с кем не разговаривая, ничего, вот, и поставить. Вот забыла, какую-то ещё присказку. «Су... суженый-ряженный», однако, «приходи воды напиться». Вот, и он должен попросить ключ, чтобы разомкнуть эти, и воды напиться, вот, ну.*

Также единично представлены репрезентации гадания с овцами: *Овец ловили; И овечек ловили, и всяко было; Девонька, пойдём в хлеву овец има'ть. Какого цвету, такой жених; гадания под окнами: Де к окошку подбегут, послушают, чё говорят. Друга говорит: «Вот я ходила, слышала про свадьбу говорят. Взамуж нонче выду»; Так ходили, слушали, обшэм, под окошками. Кто чё говорит; гадания с частоколом: Хоп – частокол хвата'т; Обниму частокол, будет у меня с парами, с парами угада'т, а не угада'т – одна; а также с дровами: Ходили, воровали двора. Каку' полено попадёт: коря'ву или тако'. Ну, значит муж корявый угодит; и гадание по снегу и погоде: Со снегом: В снег кида'шься. Если тень гладка – хороша жизнь. Погода – кака жизнь будет.*

При репрезентации этого параметра в воспоминаниях можно встретить определенную модальность отношения информанта к полученным в процессе гадания результатам. Наименее частотными являются отрицание, признание недостоверности гадания, а также сомнение, неуверенность: *А гадали-то мы как? Щастно так не делают, сказки всё это; А вот блюде разогревали-то. Кто знат, может правда-то. Это сами делали. Ходит само или нет; до сих пор не знаю. Уверенность же в правдивости результатов гадания преобладает и может выражаться как лексически – при помощи лексем *правда, точно*, глагола *утверждать*, так*

и синтаксически – соотносением образа из гадания и реальности, осуществившейся в будущем: *Сколько окошек, столько стукни! Ха-ха-ха. И правда у моего Ваньки три окошка; Кода' гадали, то в зеркало смотрели и я жениха видела; Гляжу, показывается свечка – одна, другая <...> штук восемь хороших. Ет[о] сколько будет детей. И правда, у меня восемь и было; Она говорит: «Я видела! Точно видела!». <...> Она утверждает, что «Я видела фуражку военную, видела фуражку». Вот; У меня мужа убили. Я ворожила на мужа и мне вышла чёрная гора большая и крест, и могила; Гадали. <...> Под Новый год. И вот мне выпадал всегда солдат. [Смеется]. Так солдата и дождалась.*

В целом воспоминания о гаданиях как развлечении носят положительный характер и отражают позитивное отношение к этому компоненту особого, праздничного времени: *Ворожили усяко. Надо чем-нибудь заняться молодёжи; Как это все было интересно! Всяка ворожба была; Ну вот в Новый год ворожба идёт. А чё ещё понимали! Часто воспоминания о гаданиях под Новый год сопровождаются не просто положительными эмоциями, но и смехом информантов: И так ворожили чё-нибудь. То цирки кидаешь, обутки через ворота. Я где-то бросила и так он у меня потерялся, ха-ха-ха. Да кто-то подобрал наверно. Ребята там были. Ну он старый у меня, хе-хе-хе; На росстань побежишь, где три дороги, ляжешь на брюхо ... Ага. «В какой стороне колокольчики гремят?» – с той стороны жених приедет [смеётся], а также воспоминаниями о смехе, веселье: И все до упаду хохочут. Бох знат из чего столик этот был. То ли магнит натянет в себя; Вот однажды пошли в баню ворожить, раздвинули частокол, пошли, а у нас старая была девушка, а мы молоденьки были, ничё не понимали, за старыми ходили так, как щас за нами хо'дут. <...> Ну вот и полезла на баню. <...> А они, ребята, как заурозили в бане-то её, а она как начала кричать. Ну вот так и было, так и встречали: смех и грех!*

Ряжение. Как отмечают исследователи, ряжение является одним из наиболее ярких элементов традиционной народной культуры и имеет широкое распространение в сибирских селах [38. С. 57]. В воспоминаниях, зафиксированных корпусом, репрезентация ряжения выражается при помощи глагола *наряжаться* и связана в первую очередь с изменением внешнего облика *шулюкана, шулюкина, шульальника* 'то же, что, ряжунчик' [37. С. 243, 147], 'ряженный' [36. С. 180], ряженого или *снаряженного*: *молодёжь наряжалась в шулюка'ны: кто махрявый, кто какой. <...> Кто солону в рот наберёт, кто частокол наберёт; любила наряжаться в Новый год. Шилу'киными. Мужиком наряжалась; Я помню, вот мы ешиш ма'леньки были, мы с сестрой – сестра по старше меня – мы нарядились в Новый год, шульальниками наряжаются вот, шульальниками; Под Новый <...> снаряженные ходили по деревне.*

Костюмы, маски для ряжения как правило готовились простые, но пугающие: *Это было традиция такая. Ну, поугать или пошутить или там чё. В воспоминаниях можно встретить описания горбунов, покойников, страшных масок: Ну вот, наденем какую-нибудь юбку большу, длину ма'терину или там чё-нибудь*

горби'шко сде'лам, лицо занаве'шам чем-нибудь, или *сажсей замажем*, ну вот и пошли по деревне; А мальчишки *наряжались покойниками*. Те *наряжались всё в бе'ло*... Одевали бе'ло... раньше же кальсоны носили... бе'лы кальсоны, бе'лу рубаху, *маску таку' стра'шну склеют*; Мы ещё здесь ходили сколько времени <...> тоже *шубы выворачивали*, какие, *маски эти страшные-престрашные делали*. Там мы уже ходили по цельному, этому, как сказать, во всем улицам, по всему на свете мы это ходили, вот. В... в каждый дом, в каждый дом. Несмотря на это, в репрезентации ряженья на Новый год сильна веселая атмосфера, игровая форма поведения, связанная с музыкой и танцами: *Уся' улица сберётся, заходят к кому, пляшут с гармоникой*; Ну вроде и *смешно*, и всё и. Ребятишки-то ходят; *Щас редко ря'женных увидишь, а раньше... придут, пляску устро'ют, с музыкой* <...> *Пляшут, ба'ловаются*. В отдельных воспоминаниях подчеркивается, что собственно ряжение уже выступает как своеобразная игра: *Под Новый год, в Хрешиз'нье наряжаются* <...> *интересно угадать кто*; *У кого танцую – надо им узнать, кто*.

Так же, как и при репрезентации гаданий, в воспоминаниях информантов нередко можно встретить описания комичных, забавных ситуаций: *Я помню, вот мы ешио ма'леньки были, мы с сестрой – сестра постарше меня – мы нарядились в Новый год* <...> *Это было традиция такая*. Ну, поуга'ть или пошутить или там чё. Ну, эт и мы пошли. А мальчишки *наряжались покойниками* <...> *И вот этих девочек они прямо вот так, ну чё, парнишки же, они же си'льны, так возьмут девочку вот так раз!* – вниз головой в снег и затолкают. Ага. *И вот мы пошли с сестрой-то, мы с этого края идём туда вот, в деревню-то суда', с горочки спуска'мся, а к нам навстречу бежит упоко'йник*. Мы покойника боимся, а упокойник – уполномоченного. Мы во двор, упокойник за нами бежит, мы «караул» ревём. Мы под крыле'ц, он за нами, он нас тычет, что «молчите!» А мы ж его боимся, мы, почём нам, а он от этого от уполномоченного бежит.

Посевание. Обряд обсыпания зерном исконно связан с первым днем нового года и обозначал пожелание хозяевам обильного урожая, благополучия и счастья в новом году [39. С. 156]. В сибирских селах эта традиция распространилась на канун Нового года и часто переплеталась с ряжением. Так, ранним утром или накануне Нового года *посевали*: *С зерном ходили в Новый год, у нас называли, что посева'ли, ходили; под Новый год, как только света'т, по домам идут мно'го ребят али девчат и говорят: «Сею, сею, посеваю, с Новым годом поздравляю»*. Ходили по домам, исполняя особые песни с благопожеланиями хозяевам и посыпая хозяев зерном, что должно было способствовать благополучию семьи в предстоящем году: *А это что, это чтоб всё было по'лно. Да, в этом году чтоб всё было по'лно, вот так*. В воспоминаниях жителей сел в корпусе встречается репрезентация всех трех компонентов этого обряда:

1) обсыпание зерном: *Родные пришли, ворота на палке, палку сломали и кучей завалились, и к нам, в Новый год этот. И всё пшеницей нас обсыпали*;

2) ритуальная песня-приветствие: *Новый год там, к соседям пойду, помню, по'шла, дед, это самое, один. Я пришла к нему: «Сею, сею, посеваю, с Новым Годом поздравляю! Со скотинкой, с рыбацкой, с овсом и со пшеничкой! Здравствуй, х[о]зяин с х[о]зяшкой!»*;

3) угощение пришедших посеять: *И они [родственники] нас пришли обсыпали, и давай угощать мы их; Их встреча'т хозяйка, просят пройти в передний угол. Подают им стряпанное*.

Помимо поздравления родственников и соседей и пожеланий благополучия, этот обряд выполнял функцию формирования народных гуляний – приглашение выйти из дома и всем вместе встречать праздник: *Хозячие поют, хвалят добрых хозяев. Приглашают выходить на улицы, радостно встречать праздник*.

2. Светский комплекс репрезентаций связан со светскими, советскими традициями празднования Нового года. Это сложная система часто взаимосвязанных и пересекающихся параметров репрезентации, отражающих разнообразные атрибуты праздника, сложившиеся не только в сибирском селе, но и в городе. К светским параметрам репрезентации, не связанным с обрядовой, сакрализованной святками, стороной праздника, можно отнести две основные группы – общие традиции празднования и реалии материальной культуры, отражающие основные предметные атрибуты Нового года. Необходимо отметить, что в воспоминаниях информантов именно светские параметры репрезентации тесно переплетаются между собой и часто оказываются слиты в единый, трудноразделимый контекст, что нашло отражение в представленной ниже классификации репрезентантов.

Общие традиции празднования. К традициям празднования в данной работе были отнесены такие праздничные атрибуты, которые репрезентируют некое действие, например, катания и гуляния по деревне, театральные представления и т.д. В ходе исследования были выделены следующие группы новогодних традиций, зафиксированных в воспоминаниях жителей села.

1) гуляния по деревне, иногда со стрельбой вместо фейерверка, катания на конях: *И с гармошкой по деревне ходили там; А потом в Новый год запрягают ко'нях. Садятся на ко'нях. Ко'нях слетат с гармоней, накатамся; Новый год справляли – Дед Мороз, Снегурка наряжались, из деревни в деревню ездят. Ешио и в Яр с подарками проедем на конях; была мода в Новый год прийти к кому-то и на крыльце стрелять из ружья* <...> *как у нас сейчас фейерверки, а тогда вот из ружья стреляли*;

2) катание с горки или катка, катушки 'то же, что горюшка' [36. С. 74]: *Ходили, на горку мы ходили, катались всегда, это обязательно было, вот; Было месяц до Нового года, мы лепили каток из коровьего кала; лепим, лепим, лепим, он застывает, и идём чётуре человека, чётуре девочки кататься с горы, потом один дед или дядька поможет выстрогать каток, чтоб кататься с горы, а потом выстроим, делаем так: расчищаем лопатками снег, поливаем водой и катимся под яр. На яр никому не охота тащиться, приходится кому – вперёд, кому – взади, но всё-таки вылезем*;

3) хороводы, танцы, карнавалы: *Новый год – это всегда уже. В Новый год у нас обычно карнава-ал проходит. Закрытый, закрытый. Вот. Так что мы там изголяемся, кто во что уоразд; в школе, так сказать, когда вот хороводы там водили под музыку. Всегда музыка была, была... У нас учитель, он хорошо на аккордеоне играл, вот, какие-то детские вот эти вот тан-цуйки; Дома встретят Новый год, а потом все к ёлке идём, и туда <...> Такие танцы, такие песни, такие, как наряжались люди всяко, кто во что. Та-кое было веселье;*

4) театральные представления: *А ты знаешь о том, что я чуть э-э-э... артистом не стал? Мне было шесть лет, и в школе ставили постановку «Гуси-ле-беди». <...> И знаешь, кого я играл? Кота. [смеётся] Мне сшили комбинезончик [смеётся] какой-то такой вот, серого цвета. Ну, роль была без слов, но мяу я говорил [смеётся]. И отбивались там от гусей-лебе-дей, так что вот, твой папа чуть карьеру себе с ше-сти лет не сделал [смеётся];*

5) новогодние игры: *Мы соберёмся вот с детьми, кто там в эти новогодние каникулы. И у нас была та-кая игра всю жизнь. Мы загадывали игрушку. Отга-дай игрушку: начинается, допустим, на ка [к], и закан-чивается на тэ [т]. И вот надо было найти её на ёлке и угадать, что космонавт, допустим;*

6) отправка новогодних открыток: *ещё с <семиде-сятых> годов люди, все люди, это было нормой – по-купали открытки, и подписывали всем родственни-кам, знакомым, друзьям. Это тогда была мода. И открыток было очень много всяких разных. Почта работала, письма, других сообщений не было, только письма, только эти вот открытки можно было по-сылать.*

Прием гостей или поход в гости. Важной частью праздничной новогодней культуры сибирского села в воспоминаниях являются гости. Семейные или сосед-ские сборы предстают неотъемлемым атрибутом лю-бого большого праздника, в том числе и Нового года: *У нас так всегда ребятишки приходили обязательно, всё, на Новый, на Новый год, на святки, всё, чтоб... Как, как это никто не придёт на Новый год! Этот па-раметр репрезентации выражен соответствующими субстантивами: вечера, вечерки ‘то же, что беседки’ или ‘вечернее собрание молодежи для развлечения’ [40. С. 36, 69], складчины ‘то же, что складбина’ [36. С. 142] или складчина, гулянка ‘то же, что гульба’ или ‘праздничное времяпрепровождение, гулянье’ [41. С. 29]. Так, в воспоминаниях информантов находим: И после этого, ну после как это там мы гуляли, да, стали вечера делать; А мясое’д в Новый год, а раньше Рожжыство’, а кода’ мясое’д только на вулицу хо-дишь, вечерки каждый день; Я уже стала в магазине, уже домов так пять собирались, а раньше ведь складчины делали, сложимся по пятёрке вот, пять руб-лей, вот на пару пять рублей, другой на пару пять руб-лей; Вот и зимой, как же, праздников зимой много: и Роже’ство, и Хреще’ние, И Новый год <...> Раз, со-брались, договорились: «Давай, вот, сегодня склад-чину сделаем»; Собираем всю родню, Новый год я,*

день рожденья, собираю всё <...> собираются, и там гуля’нка у них.

Собирались для праздника обычно не просто се-мьей или родней, а со всеми соседями, друзьями: *А мы как собирались, ну пар десять-пятнадцать вот соби-раемся. Новый год, это уж тоже; часто – всей дерев-ней, колхозом, в каждом доме по очереди: Мы пригла-ша’м, приглаша’м, по деревне ходим, чтобы к нам приходили; А раньше, кода’ колхоз был, там кучей со-бирались, столы ста’вют, все-все, кто есть собира-ются; Ну, у нас деревня небольшая была – мы все в один дом собирались. И вот, этот праздник у меня гуляем, на другой раз так, там гуляли.* Воспоминания фиксируют мирное и веселое время празднования Но-вого года в гостях, связанное с совместными песнями, танцами: *Весело, гармошка, пляшут, песни поют; И ни одной, вот чтобы я вот сколько мы там были, ни одно’го матерка’ не услышишь и никакой драки. Гу-ляли, шутили, наряжались.*

Новогодняя елка (мероприятие). По данным вос-поминаний, празднование Нового года в селе часто проходило в школе или клубе, а также иногда устраи-валось для детей в отдельных домах. Репрезентация подобного мероприятия отличается от похода в гости по ряду существенных признаков. Так, например, но-вогодние елки традиционно проводятся за несколько дней до Нового года, а не в сам праздник или после него: *на Новый год, у нас в доме, в клубе ветеран, у нас ёлка каждый год проходит, перед этим, ну, где-то числа двадцать восьмого, двадцать девятого.* Далее при репрезентации этого мероприятия частотно ис-пользование формы множественного числа лексемами елка, которая сочетается в контекстах с глаголами *устроить, делать, проводить, проходить* и др., актуа-лизирующими значение праздничного мероприятия (см. примеры, приведенные ниже). Также, независимо от места проведения мероприятия, обязательно стави-лась живая елка, готовились угощения и подарки: *В Новый год ёлку устраивают; и в школе ёлка, и в клубе ёлка была. И туда ходили, праздновали Новый год; Ну, Новый год отмечали как? Ну, ёлки так же делали, дома ёлки в то время уже делали; Вот хо-дили, не то, что у всех ёлки, как щас помню, у нас со-седи, домов через десять, вот они всё время наряжали ёлку хорошую, подарки готовили; Ёлку ставили. Кру-гом ёлки плясали, песни пели. Угощали хорошо. По-дарки давали.*

Кроме того, организация новогодней елки тесно связана с украшением праздничного дерева и про-странства вокруг (школы или клуба) самодельными иг-рушками, газетами: *Праздники, знаю, что это, Новый год. В школе у нас игрушки мы самодельные, бумаж-ные всякие лепили; А Новый Год как? Ёлки! Во всех классах такая красота, правда? Каждый свой класс готовил; Газеты какие-то рисовали постано-вно в школе. А я всё время рисовал эти газеты с пер-вого класса, конкурсы какие-то были, рисовальные такие, я участвовал постоянно; детская ёлка в клубе вот днём допустим там, понимаешь, вечером для взрослых.*

Предметные атрибуты праздника. Репрезентация глубоко укоренившихся в российской культуре предметных атрибутов праздника, таких как украшенная игрушками елка, дождик, свисающий с потолка, традиция готовить подарки к празднику и др., предстает в воспоминаниях жителей села как наследие советского периода истории России. Именно в этот период переосмыслился и сам Новый год как главный светский семейный праздник. Видится неслучайным процесс «обрастания» этого праздника значительным количеством предметных атрибутов и их популяризация. Так, в воспоминаниях можно заметить постепенное распространение стеклянных елочных игрушек, отражающих эстетику времени, а также намечающуюся тенденцию к созданию карнавальных костюмов и масок вместо обрядового ряжения. Образ праздника в сознании информантов формируется именно предметными атрибутами Нового года – праздничной елкой, новогодними игрушками и украшениями, подарками, праздничной едой, костюмами и масками.

Елка (праздничное дерево). В воспоминаниях содержится много контекстов, посвященных праздничному дереву, для репрезентации которого используются лексемы *елка*, уменьшительно-ласкательное *елочка* или *пихтушка* в сочетании с такими адъективами, как *зелененькая*, *большая*, *настоящая*, *живая*, *натуральная*, подчеркивающих, что дерево всегда было живое, не искусственное: *Ну мы пихтушки, ходим через дорогу пихтушки; И мы тоже с детьми готовились к Новому году. Естественно, мы украшали свой зал, ставили ёлку, большую, живую, настоящую. Это не обсуждалось; Просто зелёную ёлочку ставили; в те годы только натуральная ёлочка была; ёлка тоже красивая была; Привозили ёлки-то большие ставили.* Эти лексемы в воспоминаниях ожидаемо сочетаются с синонимичными в данном контексте глаголами *ставить*, *наряжать* и *убирать*: *Когда, это самое, Новый Год, ёлку, вот тут вот, это, что ёлку всегда ставят у нас; Была ёлка, только ёлку не убирали; Ёлку наряжали.* Иногда роль елки мог выполнять пихтовый веник или даже обычный веник, который также наряжали, украшали игрушками: *Знаешь, какая у нас первая ёлка была? <...> Тёти Юрий венок с калошами поставили и веник пихтовый поставили, бумажки навешали. И это, куклы самодельные, и ходили хоровод, песни пели; Новый год тоже встречали, всегда веник нарядим. Мы жили, там у нас ни ёлочек, ничё не было, далёко была тайга. Дак от мы, знаете, это, в это, стул, веник. А веник – отец у нас ломал – голик называется, ну знаете, подметать, как метла, такие вот? И вот нарядим, там, знаете, всё, бумажные игрушки, всё наделаем, вот как-то.*

В воспоминаниях жителей села репрезентация праздничного дерева тесно связана с «добычей» елки для дома, которая в разных деревнях была организована по-разному, например, где-то ели заготавливали в леспромхозе: *а у нас же в нашем бору ёлок нет. А ездил в леспромхоз. <...> А ёлку уже, да, вот оттуда, собирались мужики, вот кто там в школе, значит одевали тулупчики, автобусов-то не было, на эту са-*

*мую, в кузов. Вот. А там уже рубили эти ёлки, заготавливали, укладывали и привозили уже, там все, кому в школе там надо, это вот каждое отдельное подразделение, как бы это для себя, для своих, знали уже сколько и чего; а где-то – бегали в тайгу на лыжах: мы вот всё время за ёлкой ходили <...> Мы ходили километров за пять, наверное, на лыжах, всё время ходили в лес. А, срубали мы, помню, два или три больших сука от ёлки, и ставили, ну, приличную, так, на... на стуле, в земле, ставили ёлку всегда на это. Часто в таких воспоминаниях возникает образ отца, что делает их еще более теплыми, семейными, особенными для информанта: *Это замечательно было, ёлку папа всегда привозил, вот, ставили вот в зале большим, так сказать, наряжали, это всегда так вот-вот; Всё время отец ходил за ёлкой, приносил, потом и я с ним вместе ходила <...> Ну, мы-то чё тут, рядом лес у нас, мы пошли и это... срубил. Ну вот я, например, помню, что к природе относились тоже очень... так. Потому что вот, допустим, с отцом когда ходили, он не просто вот – а, срубил, а, не понравилось, давай другую срублю. Сначала выбира-аешь, выбира-аешь эту ёлку, потом вот выбрали, срубил.**

Новогодние игрушки и украшения. Образ елки в воспоминаниях неразрывно связан с репрезентацией украшений и новогодних игрушек, которые отличались в разное время и в разных селах. Новогодние игрушки для елки делали, клеили или мастрячили сами – бусы, цепочки, флажки, фонарики и звездочки создавались в основном из бумаги и картона, редко – из дерева: *Мы также делали украшения <...> красили бумагу, также делали флажки, также делали цепочки; Сами делали, ага. Клеим там всё, ну бусы сами, всё-всё сами из бумаги делали; Ну, и всегда мы с мамой делали <...> свои игрушки: цепочки разные там, фонарики, что-то мы всегда, что-то лепили, делали; Ой, игрушки были самодельные, как правило, все. Самодельные, сами их мастрячили, рисовали там, какие-то звездочки выпиливали. Эти вот, э-э... как они, цепочки из бумажек вот так клеишь; Делали, игрушки у нас были такие, бумажные, мале'нечко выпуклые.* В отдельных воспоминаниях можно найти упоминания еще соломенных игрушек: *здесь уже из соломы игрушек не было в <восьмидесятом> году; а также подробную технологию изготовления более необычных и сложных игрушек – запеленатого младенца или клоуна из яичной скорлупы: У нас игрушки были самодельные <...> например, яйцо возьмёшь, с двух разобьёшь сверху, снизу, выдавишь пустое, а потом это как голова клоуна, сделаешь воротничок, сделаешь это... Ребёночек как будто забинтованный лежит. <...> Как Рождество. Запелёнутый.*

По свидетельствам информантов, стеклянные игрушки, получившие в какой-то момент широкое распространение в селе, можно было купить в магазине, но они отличались от современных: *Игрушки можно было купить, но, несмотря на то, что их можно было приобрести, конечно, они не такие были, как сейчас; Кого только не было, всё это было в игрушках. Шас в основном шары. Шары, шары, шары, шары, шары.* Так, кроме шаров в репрезентации этого параметра

встречаем, что игрушки были тематическими, например, герои сказок – Красная шапочка, Снегурочка и Дед Мороз, животные – волки, зайцы, медведи, различные предметы – шишки, домики, сосульки и др.: *Но игрушки-то какие были, они были стеклянные и тематические. Там тебе и волки, там тебе и зайцы, там и медведь с гармошкой, там и Красная шапочка, и Снегурочка, и Дед Мороз, и часы, и мандарины, и апельсины <...> и космонавты. Кого только не было, всё это было в игрушках; Я буквально в прошлом году <девятнадцатом> те шишечки, домики, часики, уже были такие игрушки; Шары были, звёздочки были, сосульки были. Единично находим упоминание о первых звездах для верхушки елки: А это ещё, это самое, тоже они сделали тогда звезду такую сделали и на самую верхушку.*

Особое внимание обращают на себя контексты с воспоминаниями о первых в селе электрических гирляндах и светомузыке, которыми украшалась елка на улице или в клубе, поскольку они содержат насколько возможно подробное описание механизма их устройства, например: *И на улице потом ставили... ставить ёлку. В заводе делали гирлянду. Таких не было гирлянд, как щас, всякие разные. А обычный провод, туда лампочки обычные, их покрасят разным... разной краской, жёлтые, синие там, красные. Всё это... ну это рабочие электрики нацепят и вот эту гирлянду навешивают. Потом уже стали делать даже не только гирлянду, а она как со светомузыкой. Там такой этот ящик стоял, туда музыку как-то там, я не знаю, подключали, и вроде как она мигала в это... в тон музыки; или: А зимой, зимой в фойе клуба, оно высокое, то есть... для себя же сами строили, то есть свои рабочие, ставили ёлку. И ёлку ставили таким образом, что она... к ней значит приделалась такая металлическая из уголка сделана уко'сина, с краю самолёт с пропеллером. Вот. И система была сделана так, что она могла крутиться, самолёт винтом вращался, и она крутилась и мигала разными там лампами. Интересно, что подробность описания технического аспекта не зависит от пола информанта, так, первый приведенный отрывок принадлежит женщине, а второй – мужчине.*

Репрезентация украшений дома, класса или комнаты осуществляется похожим способом – в воспоминаниях последовательно описывается технология изготовления снежка, дождика, золотинок и украшений люстры: *В те уже годы достаток был белой ваты. И мы делали на ниточках белых, делали маленькие комочки, отрывали от ваты, приделывали к ниточке, и получалось такое ощущение, что падает хлопьями снег, а потом в конце ниточки приматывали тоже ватку, обмакивали ее в раствор мыльный, то есть намыливали: водичка, мыло, и прилепляли со всего маха на потолок. Тогда же потолки были только побелка, извести. И на этот потолок! И они прилеплялись, и получалось очень красиво – снежок; был дождик из такой вот уже нервущейся золотинок, а как бы эластичный, так вот также к нему приделывали ваточку, обмакивали <...> прилепляли на потолок, и вот этот дождик. Воздух в доме всегда движется*

<...> дождик колебался, и от этого получались искорки вот такие разноцветные; А люстра, та люстра, которая там у меня, она до сих пор висит у меня в зале. Столько лет! Она сделана у меня как бы под хрусталь, по этой причине от люстры мы вокруг ободка, на чём держится эта люстра, мы также самое брали этот же дождик <...> эти золотинок мы прилепляли к потолку, под вот этот ободок, на чём держится люстра, и он получался, как же сказать, вот эти дождики, мы потом как бы очерчивали круг еще на потолке, и его тоже прилепляли вот этими ватками, смоченными в мыльный раствор. И получалось люстра как во дворцах, ну вот в театрах, вот такие вот хрустальные люстры.

Новогодние подарки. Традиция дарить друг другу подарки на Новый год пришла в сибирские села лишь во второй половине XX в. после того, как страна оправилась от Второй мировой войны. Многие информанты в воспоминаниях отмечают, что в их детстве в семьях не дарили подарков: *у меня не было этого <...> ну, а что там после войны, какие тебе там будут подарки делать?* Однако постепенно, с течением времени формируется традиция дарения новогодних подарков, в первую очередь детям. Первыми подарками, или гостинцами на новогодних елках были конфеты, вафли, апельсины и мандарины: Подарки обязательно были на Новый год, в этих самых пакетиках, тоже те же конфеты, там, мандаринки, апельсинки, ну чего вот. То есть это отдельно школа делали они, и вот поздравляли; *Ну может быть наши родители чё-то давали на это подарки, мы приходили, даже апельсины иногда давали, но апельсины только в Новый год; Ну и туда чё положат, вот я говорю, тогда было всё же... мандаринку какую-нибудь положат тебе или упаковочка от такая... <...> пачечка, там три вафельки лежало, называлась «Ночка», допустим [смеётся], они как шоколадная начинка была, ну конфетки какие-то положат, вот так вот, вот те и подарки, это не как щас.*

Уже позже в качестве подарков начинают выступать детские игрушки, однако в диалектном корпусе таких воспоминаний очень мало, в них содержится подробное описание игрушки и подчеркивается, как трудно было достать такой подарок, который воспринимался ребенком как настоящее чудо: *И в тот год, в тот год старший сын Серёжа попросил купить трактор <...> И так получилось, я работала бухгалтером райпо и накануне Нового года привезли трактора. Трактор был жёлтый, стёкла были голубые, он был пластмассовый. Я ведь дошла чуть ли не до председателя райпо, чтобы мне разрешили продать один вот такой трактор. И мне его продали. И какое же было удивление и восторг, что Дед Мороз услышал просьбу сына и прислал ему трактор.*

При репрезентации новогодних подарков часто можно встретить упоминания его упаковки, которую родители делали сами из обычной серой бумаг или газет, и старались по возможности украсить вырезками из журналов, сделать их нарядными и праздничными: *гостинцы давали <...> Значит, ой, щас как вспомню, из газеты, такой треуго... пакетик. И конфеты без*

бумажек там; Тогда не было никаких тебе ни праздничных мешочков, ни это... а **мешки, серая бумага** такая, вот, **кульки** такие в магазинах. <...> Ну вот у нас, например, дома это... из, **юсподи, из журналов** какие-нить **картинки**, вот **мамка наврезает** и на эти мешочки вот так **наклеит**, чтобы они как **разноцветные были, праздничные**.

Праздничная еда. Поскольку в основном новогодние подарки были съедобными, такой параметр, как праздничная еда, хоть и частично пересекается с предыдущим, но не совпадает полностью. Так, например, совпадающими репрезентантами, относящимися к обоим параметрам, можно считать **конфеты, апельсины и мандарины**, часто входившие в состав подарка, при этом информанты отмечают, что их также можно было купить: Буфет в школе был – **конфеты вкусные продавали. Вот тогда «Мишка косолапый» там, «Мишка на Севере», ну вот такие вот-вот; Ну вот я говорю, что апельсины, мандарины, это уже привозили, это уже когда дорога через Чулым станет по зимнику.**

Все контексты о еде подчеркивают, что эта пища была особенной – вкусной, не каждодневной (см. примеры далее). К основным блюдам, составляющим праздничный новогодний стол, можно отнести котлеты, мясо, пельмени, холодец, винегрет и разного рода выпечку – пироги, хворост и булы ‘булочки’: **Новый год <...> праздновали. Да, гости, приходили, чё-нибудь дома готовили, ну, вкусенькое, ну вот мама пекла всегда хворост для нас, так сказать, это же не каждодневная пища. Вот, папа готовил мяско, он всегда очень хорошо готовил мяско, ну его знаменитые котлеты, ты помнишь. Вкуснота, вот, может, какие-то бу'лы; Пельмени, холодец, это, это... винегрет в те времена; Да-а, так а чё, тоже вот так от пирожок состряпает там; Ну, как сказать, ну покушать всегда было что, что-нибудь вкусное. Выпечку делали. Из напитков в воспоминаниях упоминается только бражка: Ну, заведут тогда что-нибудь бражки, и два дня вот, на пять рублей два дня гуляли; Гуляли, конечно, бражку делали.**

В ряде воспоминаний подчеркивается, что, как и подарки, сладкий праздничный стол делался в основном для детей, чтобы создать для них ощущение особенного времени года, ощущение праздника: **Выпечка обязательно, потому что тесто свое ставили, потому что в магазинах же ничего такого не было. Ну а хотелось же, и ребятишкам, и всё; И это был праздник, да, потому что можно было вот пойти что-то брать <...> апельсины и мандарины на Новый год <...> никогда не жалели, на детей никогда ничего не жалели.**

Костюмы и маски. В воспоминаниях информантов, чье детство пришлось на послевоенное десятилетие, традиции ряжения сменяются традицией новогодних костюмов и масок, в большей степени отражающих советскую эстетику. Наряды на Новый год постепенно перестают быть страшными, как это было принято в случае с ряжением. Костюмы и маски готовятся преимущественно для детей, а потому на первый план выходят более привычные современному человеку Дед Мороз и Снегурочка, снежинки, зайцы, кролики и медведи: **В Новый год ёлку устраивают. Наряжаются,**

замаскируются. Костюм маскированный. Медведем наряжаются. Кукольконок, медвежонок; Помню, мне как-то делали снежиночку, кролики у нас были, она полосочку сделала тут на снежиночке, кроликов этих, пушок, пушочек сделала; Ну, маски были такие. Маски были, да. Вот. Одевали, ну. Но это в основном в школе <...> и Дед Мороз, и Снегурка была, и всякие Зайцы, и всё прочее.

Наряды шились и готовились самостоятельно родителями, и в воспоминаниях содержится часто подробная репрезентация процесса изготовления костюмов и масок из битого стекла и сахарного сиропа, ваты, меха и т.д.: **Мама нам всегда делала новогодние костюмы в школу; Всё, это, какие разобьются игрушки, мы их истолкём, все на сахар наленим. Вот, сильно разводили сахар такой, чтобы густенько было, сиропом, замазываешь, и потом засыпаешь этими стекляшками. Всё были тут такие, где эти, снежиночки все там делали, пушочек какой (о костюмах); Да какие, какие придётся! Главное, чтобы глаз... глаза были смотреть: кто, где с розами, где с ушами, где с, где с бородой, где с чем [смеётся]. Кто, а кто чё найдёт! Тоже какие-то, то покрасишь тушью, то какой-то мех где найдёшь или чё-нибудь, всё. А то ваты просто понаделаешь, пона... понатыкаешь, это, вот. Так что, это делали вся, всякую, кто во что горазд, кто чё мог делать (о масках).** Смещение акцента на детскую аудиторию в этом параметре репрезентации Нового года в воспоминаниях демонстрирует постепенно происходящую переориентацию в праздничной культуре с народной, обрядовой эстетики на советскую.

Заключение

Исследование показало, что в воспоминаниях жителей Сибири языковая репрезентация Нового года предстает как целостный и взаимосвязанный комплекс светских и обрядовых компонентов. Это подчеркивает важность не столько отдельных элементов праздника, сколько всего праздничного опыта, способного объединять людей и создавать чувство общности. На первый взгляд может показаться, что материалы Томского диалектного корпуса демонстрируют противопоставление обрядовых параметров светским, однако при более тщательном изучении был установлен определенный временной разрыв между реализациями этих традиций, что делает их конфликт невозможным. Так, комплекс обрядовых репрезентаций характерен для более ранних записей, в которых, как правило, идет речь о первой половине XX в., в то время как преобладание светского комплекса, особенно связанных с реалиями материальной культуры параметров, характерно для воспоминаний информантов, чье детство пришлось на 1950–1960-е гг. При этом важно отметить, что репрезентация общих традиций празднования и семейных или соседских сборов характерна для всех изученных воспоминаний независимо от времени. Например, катание с горки и самодельные катки могут соседствовать в воспоминаниях сибиряков и с гаданиями, и с театральными постановками, что отражает специфику сибирского села как места пересечения различных культурных тенденций.

Анализ репрезентации Нового года наглядно показывает, с одной стороны, устойчивость культурных практик – даже переход на новый календарь не смог полностью разорвать связь между Новым годом и Святками, что проявилось в появлении Старого Нового года и сохранении святочных традиций в праздновании *советского* Нового года, с другой – трансформацию новогодней культуры, в процессе которой Новый год переосмысливается как главный семейный праздник, что приводит к появлению и популяризации связанных с ним предметных атрибутов. Общее отсутствие четкого разделения в репрезентации традиций празднования и материальных реалий может свидетельствовать о том, что само действие, сам процесс празднования для жителей сибирских сел был важнее конкретных предметов или ритуалов. Неслучайным видится последовательное позитивное отношение к празднику Нового года и его атрибутам в текстах, которое выражается при помощи лексики и фразеологических сочетаний со значением положительного эмоционального или эстетического переживания, такими как красиво, интересно, весело, с удовольствием, создать настроение: *поедем в Новый год, красиво; И с гармошкой по деревне ходили там, ну и, ну и вообще весело было; Всё равно интересно. Дед Мороз приезжат, поздравляют; Да к праздникам в основном вот такие вещи. И с удовольствием смотрели, потому что сами играли, сами смотрели (о театральных постановках); Ну не так уж много, что... щас-то вон разнообразие там – о-ё-ёй, но всё равно они как бы вот создавали настроение (об игрушках на елке); взрослые всегда старались какое-то настроение к праздникам создать, чтобы ну он как-то отличался от обычных*

будней, от обычных вот этих вот; а также глаголом радоваться и его производными: Ну вот, вот этим подаркам ты радовался; Нам была ра'дось вот это, что Новый год.

По данным корпуса, Новый год предстает как одна из доминант личной и семейной памяти жителей Сибири, которая не просто сохраняется на протяжении всей жизни человека, но также способна формировать его настоящее и будущее и передаваться последующим поколениям: *Я всё собрала и отдала в наш музей все (елочные) игрушки тех лет, когда я уже сама была мама. Но, несмотря на это, в моей памяти всё равно оставались детские воспоминания; Естественно, ёлка тоже красивая была, уже с купленными игрушками плюс свои <...> и также самое мы как в детстве резали эти корзиночки и тоже подвешивали. Конфетки тоже вешали. То есть я переносила то, что было в моём детстве как бы немножко сюда в современность тоже привносила.* Постепенное осознание Нового года как главного праздника в году происходит в течение нескольких десятилетий, поэтому этот культурный феномен запоминается особенно хорошо: ярко помнятся детали, такие как елка, наряды, подарки. Информанты бережно хранят воспоминания о том, что было в детстве, когда Новый год воспринимался как период ожидания чуда – таким образом семейные ритуалы и символика, связанные с праздником, со временем становятся фактом автобиографии человека. Так, воспоминания о Новом годе, представленные в автобиографических рассказах, являются одним из средств не только отражения констант и трансформации народной культуры, но и формирования идентичности, культурной и исторической памяти.

Список источников

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
2. Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Л. : Наука, 1976. 204 с.
3. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. М. : Наука, 1978. 591 с.
4. Мазаев А.И. Русские календарные праздники. М. : Наука, 1978. 213 с.
5. Гужова И.В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 2006. 18 с.
6. Ванченко Т.П. Семантика массового праздника // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 3 (59). С. 379–383.
7. Алексеев Т.Д., Ечевская О.Г. Праздник в жизненном мире современного горожанина: новые представления и трансформации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 180–191.
8. Есина Т.А. Государственный праздник как компонент современной российской культуры // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 128–140.
9. Аксенова Т.В. Традиционные обряды и праздники русских Республики Мордовия : дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2010.
10. Азарова П.Е. Городские праздники Западной Сибири 1920–1930-х гг. в аспекте ценностно-знаковой системы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 12–18. doi: 10.17223/22220836/26/2
11. Веретиннова Т.Ю., Галиченко А.Ю., Азарова Л.И. Праздник как историко-антропологический феномен // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). С. 124–128.
12. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
13. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Студенческий праздник в вузовском городе как лингвокультурная модель // Человек – текст – эпоха : сб. науч. ст. и материалов. Томск, 2008. С. 209–221.
14. Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Текстовое пространство Дня города и Дня рождения вуза: к проблеме праздничного миромоделирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 2 (6). С. 11–22.
15. Николаев О.Р. Праздничный дискурс народной письменности военного времени (на материале фронтовых писем Второй мировой войны) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 1 (23). С. 641–656.
16. Разумова И.А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература»: исследования и тексты. М., 2001. С. 111–115.
17. Эмер Ю.А. Праздничный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 53–68.
18. Эмер Ю.А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2011. 465 с.
19. Ханипова И. «Да здравствует Новый советский год» (Политизация новогодней ёлки в Советской России) // Эхо веков. 2012. № 3/4. С. 224–232.
20. Цзя Х. Китайские новогодние праздники по лунному календарю в повседневной культуре современного Китая // Общество, филология и культура. 2016. № 8. С. 102–105.

21. Симян Т.С. Новый год и его атрибуты в советских и постсоветских учебниках (на примере Армении и России) // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1 (15). С. 10–33.
22. Суровегина Е.С., Зотова Н.А. Начало года в неязыческих хронологических конструктах // Манускрипт. 2019. Т. 12, № 3. С. 109–112.
23. Зырянова Е.В., Люй В. Ассоциативное поле концепта «Новый год» 春节 в китайском языковом сознании // Русский язык и литература в образовательном пространстве Азиатского региона. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 25–29.
24. Зырянова Е.В., Люй В. Ассоциативное поле концепта «новый год» в русском и китайском языках // Litera. 2019. № 6. С. 298–305.
25. Каменева В.А., Каратавцева А.П., Рабкина Н.В., Чепсаракова Н.И. Ассоциативные поля культурно-маркированных лексем Чыл-Пажы и чалама в языковом сознании шорцев: психолингвистический эксперимент // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 4. С. 536–547.
26. Ци Х., Мельничук О.А. Символизация элементов зооморфного культурного кода в китайском политическом дискурсе (на материале новогодних обращений председателя КНР Си Цзиньпина) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2025 № 1 (50). С. 132–142.
27. Буданова С.Г., Рябинина А.Г. Стереотипизация понятия «Новый год» в русской языковой картине мира (на материале вторичных текстов современной рекламы) // Филология и человек. 2019. № 4. С. 22–32.
28. Глевкая Н.В. Слова *ель* и *ёлка* в текстах о новом годе и рождестве: функционально-семантический аспект // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 92–98.
29. Гао М. Отражение традиции празднования нового года в китайской паремииологии (на фоне русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2024. № 4 (125). С. 33–41.
30. Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета. Томск, 2024. URL: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (дата обращения: 18.09.2025).
31. Волошина С.В., Демешкина Т.А. Воспоминания о дедушках и бабушках в структуре автобиографического рассказа (на материале речи жителей сибирских сел) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 13–22. doi: 10.17223/15617793/464/2
32. Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / И.А. Айзикова, С.В. Волошина, Л.Г. Гынгазова [и др.] ; под общ. ред. И.А. Айзиковой. Томск : Изд. Дом ТГУ, 2019. 492 с.
33. Voloshina S.V., Demeshkina T.A. The Autobiographical Story as a Means of Modeling Global Events // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 200. P. 563–568.
34. Волошина С.В. Автобиографические практики в контексте словесной культуры Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 16. С. 35–51. doi: 10.17223/23062061/16/3
35. Декрет о введении западноевропейского календаря // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/18-01-24.htm> (дата обращения: 07.09.2025).
36. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. Т. 3. 250 с.
37. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1965. Т. 2. 232 с.
38. Тихонова Е.Л. Традиция ряженья в святочном календарно-обрядовом комплексе русского населения Западного Забайкалья // Приволжский научный вестник. 2012. № 11 (15). С. 56–60.
39. Рындина О.М. Святочная обрядность украинцев Томского края // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4 (8). С. 153–159.
40. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964. Т. 1. 144 с.
41. Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 184 с.

References

1. Bakhtin, M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Likhachev, D.S. & Panchenko, A.M. (1976) *Smekhovoj mir Drevnej Rusi* [The laughing world of Ancient Russia]. Moscow.
3. Mazaev, A. I. (1978) *Prazdnik kak social'no-khudozhestvennoe yavlenie* [Celebration as a social and artistic phenomenon]. Moscow.
4. Mazaev, A. I. (1978) *Russkie kalendar'nye prazdniki* [Russian calendar holidays]. Moscow.
5. Guzova, I.V. (2006) *Prazdnik kak fenomen kul'tury v kontekste celostnogo podkhoda* [Celebration as a cultural phenomenon in the context of a holistic approach]: avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk. Tomsk.
6. Vanchenko, T.P. (2008) Semantics of mass holiday. The article deals with the bases of mass holiday, including basic concept senses, rising up to structure-function filling. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 3 (59). pp. 379–383. (In Russian).
7. Alekseyev, T.D. & Echevskaya, O.G. (2014) The holiday in the modern citizen's lifeworld: new notions and change. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-ehkonomicheskie nauki*. 14 (1). pp. 180–191. (In Russian).
8. Esina, T.A. (2020) State holiday as modern russian culture component. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 128–140. (In Russian).
9. Aksenova, T.V. (2010) *Tradicionny'e obryady i prazdniki russkikh Respubliki Mordoviya* [Traditional rituals and holidays of the Russians of the Republic of Mordovia]: dissertaciya kandidata istoricheskikh nauk. Saransk. pp. 21–154.
10. Azarova, P.E. (2017) The West Siberian city holidays in the aspect of value-sign system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 26. pp. 12–18. (In Russian).
11. Vereitina, T.U., Galichenko, A.U. & Azarova, L.I. (2014) Holiday as historical and anthropological phenomenon. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*. 9 (180). pp. 124–128. (In Russian).
12. Karasik, V.I. (2004) *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis.
13. Tubalova, I.V. & Ehmer, Yu.A. (2008) *Studencheskij prazdnik v vuzovskom gorode kak lingvokul'turnaya model'* [Student holiday in a university city as a linguistic and cultural model]. In: *Chelovek – tekst – epokha: sbornik nauchnykh statej i materialov*. Tomsk. pp. 209–221.
14. Tubalova, I.V. & Ehmer, Yu.A. (2009) *Tekstovoe prostranstvo Dnya goroda i Dnya rozhdeniya vuza: k probleme prazdnichnogo miromodelirovaniya* [The text space of the City Day and the University's Birthday: towards the problem of festive world modeling]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (6). pp. 11–22.
15. Nikolaev, O.R. (2009) Festive discourse of public writing during wartime (on materials of the Second World War front letters). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 1 (23). pp. 641–656. (In Russian).
16. Razumova, I.A. (2001) *Pis'mennye tradicii sovremennoj sem'i: problemy sobiraniya i izucheniya* [The written traditions of the modern family: the problems of collecting and studying]. In: «Naivnaya literatūra»: issledovaniya i teksty. Moscow. pp. 111–115.
17. Ehmer, Yu.A. (2011) *Prazdnichnyj diskurs: kognitivno-diskursivnoe issledovanie* [Holiday Discourse: a cognitive-discursive study]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 4 (16). pp. 53–68.
18. Ehmer, Yu.A. (2011) *Miromodelirovanie v sovremenno pesennom fol'klоре: kognitivno-diskursivnyj analiz* [World Modeling in Modern Song Folklore: Cognitive-Discursive Analysis]: dissertaciya doktora filologicheskikh nauk. Tomsk.

19. Khanipova, I. (2012) «Da zdravstvuet Novyj sovetskij god» (Politizaciya novogodnej yolki v Sovetskoj Rossii) ["Long live the New Soviet Year" (Politicization of the New Year tree in Soviet Russia)]. *Ehho vekov*. 3/4. pp. 224–232.
20. Jia, H. (2016) Chinese new year holidays according to the lunar calendar in everyday culture of modern China. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 8. pp. 102–105. (In Russian).
21. Simyan, T. (2018) New year and its attributes in soviet and post-soviet textbooks (on the example of Armenia and Russia) // *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki*. 1 (15). pp. 10–33. (In Russian). DOI:10.23951/2312-7899-2018-1-10-33
22. Surovegina, E.S. & Zotova, N.A. (2019) Beginning of the year in neo-pagan chronological constructs. *Manuskript*. 12 (3). pp. 109–112. (In Russian).
23. Zyryanova, E.V. & Lui, W. (2017) Concept «New year» 春节 associative field in lingual consciousness of Chinese. In: *Russkij yazyk i literatura v obrazovatel'nom prostranstve Aziatskogo regiona*. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, pp. 25–29. (In Russian).
24. Zyryanova, E.V. & Lui, W. (2019) Associativnoe pole koncepta «novyj god» v russkom i kitajskom yazykakh [The associative field of the concept "New Year" in Russian and Chinese]. *Litera*. 6. pp. 298–305. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.6.31130
25. Kameneva, V.A., Rabkina, N.V., Kartavtseva, A.P. & Chepsarakova, N.I. (2024) Associative Fields of Culturally Marked Lexemes Chyl-Pazhy and Chalama in the Language Consciousness of Shorians: A Psycholinguistic Experiment. *SibSkript*. 6 (4). pp. 536–547. (In Russian).
26. Qi, H. & Melnichuk, O.A. (2025) Symbolization of Zoomorphic Cultural Code Elements in Chinese Political Discourse (on the Material of Chinese President Xi Jinping's New Year Speeches). *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik*. 1 (50). pp. 132–142. (In Russian). DOI: 10.25693/SVG.2025.50.1.009
27. Budanova, S.G. & Ryabinina, A.G. (2019) Stereotipizaciya ponyatiya «Novyj god» v russkoj yazykovoj kartine mira (na materiale vtorichnykh tekstov sovremennoj reklamy) [Stereotyping of the concept of "New Year" in the Russian linguistic worldview (based on secondary texts of modern advertising)]. *Filologiya i chelovek*. 4. pp. 22–32. DOI: 10.14258/filichel(2019)4-02
28. Glevkaja, N.V. (2014) The word «Fir tree» in texts about New Year and Christmas: functional-semantic aspect. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4 (28). pp. 92–98. (In Russian).
29. Gao, M. (2024) The reflection of New Year celebration traditions in chinese paremiology (against the background of the russian language). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*. 4 (125). pp. 33–41. (In Russian). DOI 10.37972/chgpu.2024.125.4.004
30. Tomskij dialektnyj korpus (2024) [Tomsk Dialect Building]. In: *Laboratoriya obshchej i sibirskoj leksikografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Tomsk. [Online] Available from: <https://losl.tsu.ru/?q=corpus> (Accessed: 18.09.2025).
31. Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2021) Memories About Grandparents in the Structure of an Autobiographical Story (On the Material of Siberian Villagers' Speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 464. pp. 13–22. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/464/2
32. Ajzikova, I. A., Voloshina, S. V. & Gyngazova L. G. [et al.] (2019) Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossijskom i evropejskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.) [The literary culture of Siberia in the All-Russian and European contexts (XIX – early XX century)]. Tomsk: TSU Publishing House.
33. Voloshina, S.V. & Demeshkina, T.A. (2015) The Autobiographical Story as a Means of Modeling Global Events. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 563–568.
34. Voloshina, S.V. (2018) Autobiographical practices in the context of Siberian verbal culture. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 16. pp. 35–51. (In Russian).
35. Dekret o vvedenii zapadnoevropejskogo kalendarja (1957) [Decree on the introduction of the Western European calendar]. *Dekrety Sovetskoj vlasti*. Moscow. Vol. 1. [Online] Available from: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/DEKRET/18-01-24.htm> (Accessed: 07.09.2025).
36. Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov srednej chasti bassejna reki Obi (1967) [Dictionary of Russian old-timers of the middle part of the Ob River basin]. Tomsk: Tomsk State University. Vol. 3.
37. Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov srednej chasti bassejna reki Obi (1965) [Dictionary of Russian old-timers of the middle part of the Ob River basin]. Tomsk: Tomsk State University. Vol. 2.
38. Tihonova, E.L. (2012) Tradiciya ryazhen'ja v svyatochnom kalendarno-obryadovom komplekse russkogo naseleniya Zapadnogo Zabajkal'ja [The tradition of mummers in the Yuletide calendar and ritual complex of the Russian population of Western Transbaikalia]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*. 11 (15). pp. 56–60.
39. Ryndina, O.M. (2012) Svyatochnaya obryadnost' ukraincev Tomskogo kraja [Yuletide rituals of Ukrainians of Tomsk region]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 4 (8). pp. 153–159.
40. Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov srednej chasti bassejna reki Obi (1964) [Dictionary of Russian old-timers of the middle part of the Ob River basin]. Tomsk: Tomsk State University. Vol. 1.
41. Slovar' prostorechij russkikh govorov Srednego Priob'ja (1977) [Dictionary of vernacular Russian dialects of the Middle Ob region]. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторе:

Казакевич О.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: o_slugina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.A. Kazakevich, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o_slugina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.11.2025;
одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 06.11.2025;
approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/521/6

Динамика экзистенциальной проблематики в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»

Елена Георгиевна Новикова¹, Кристина Михайловна Цайзер^{2, 3}

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
³ Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай

¹ elennov@mail.ru

^{2, 3} golikovak2012@yandex.ru

Аннотация. Впервые изучены и описаны формирование и динамика экзистенциальной проблематики в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Анализируются этапы создания повести, в ходе которых трансформируется концепция произведения, посвященная основной экзистенциальной теме повести – теме смерти. Показано, что изменения текста от черновых к окончательному варианту повести, модификация изначального замысла произведения играют важную роль в стремлении писателя художественно передать экзистенциальное переживание смерти.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, «Смерть Ивана Ильича», экзистенциализм, смерть, черновые варианты

Для цитирования: Новикова Е.Г., Цайзер К.М. Динамика экзистенциальной проблематики в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 65–72. doi: 10.17223/15617793/521/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/6

The dynamics of existential problems in the story of L.N. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich"

E.G. Novikova¹, K.M. Tsaizer^{2, 3}

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

³ Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

¹ elennov@mail.ru

^{2, 3} golikovak2012@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the formation and development of the existential problematic of death in L.N. Tolstoy's story "The Death of Ivan Ilyich". The object of the study is the theme of death and its dynamics from draft versions to the final text of the story. The material of the study is the complete works of L. N. Tolstoy, his diaries and personal correspondence. The purpose of this study is to consider the dynamics of the theme of death in the works of L.N. Tolstoy in the context of the formation of existential problems and the actualization of the figure of the reader. This goal determined the solution of the following tasks: to determine the transformation of the theme of death in the context of the entire work of the writer, to consider the dynamics of this theme from the draft versions of the story "The Death of Ivan Ilyich" to the final one. To determine the role of the changes made in the formation of the category of the reader. The work uses biographical, descriptive, comparative and contrastive methods. L.N. Tolstoy is an artist who influenced world culture not only with his brilliant works of art, but also with his philosophical understanding of art. The scientific novelty of the work lies in the fact that it examines the dynamics of the theme of death in the story "Ivan Ilyich" from drafts to the final version as a process of focusing the writer on the existential experience of death, as well as the actualization of the figure of the reader, to whom Tolstoy sought to convey this experience. Therefore, the relevance of this article is determined by the interest of modern literary criticism in existential approaches to the interpretation of classical literature. Preliminary conclusions are made that the text of the story from drafts to the final version has undergone significant changes, during which a change in the narrative model occurred, the description of family, everyday and social problems was reduced, and the instructive description of death and insight was transformed into a painful existential crisis of the hero. These changes led to the formation of the existential issues of the story; the text became saturated with motifs of loneliness, absurdity, fear and horror.

Keywords: L.N. Tolstoy, "The Death of Ivan Ilyich", existentialism, death, draft options

For citation: Novikova, E.G. & Tsaizer, K.M. (2025) The dynamics of existential problems in the story of L. N. Tolstoy "The Death of Ivan Ilyich". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 65–72. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/6

Повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», над которой он работал с 1882 по 1886 г., стала одним из самых ярких примеров его философской прозы: посвященная проблематике смерти и поискам подлинного смысла человеческой жизни, она воплотила в себе переход художественного фокуса писателя от эпоса и историзма к индивидуальным экзистенциальным проблемам личности.

Первая публикация повести в марте 1886 г. сопровождалась широким общественным резонансом. В мае 1886 г. Толстой писал Л.Е. Оболенскому: «Мой брат, смеясь говорит мне, прочтя одну критику на “Ивана Ильича”: “Тебя хвалят за то, что ты открыл то, что люди умирают. Точно никто не знал этого без тебя”» [1. Т. 63. С. 357]. В.В. Стасов отправил Толстому свой письменный отклик, в котором высоко оценил произведение [2]. Свои впечатления о повести выразили П.И. Чайковский [3], И.Н. Крамской [4] и многие другие знаменитые современники писателя. Так, в июле 1886 г. Н.Н. Ге написал Толстому: «Все читал “Смерть Ивана Ильича”. Превосходно! Люди мира или не понимают, или злятся, что хорошо – потому что понимают» [5. С. 8]. Бесспорно, уже эти самые первичные и непосредственные отклики о новой повести Толстого обозначили неоднозначность ее читательского восприятия.

В том же году была опубликована первая литературно-критическая статья о повести: статья Н.С. Лескова под показательным названием «О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов О Л. Толстом» [6. С. 134–156]. Внимание Лескова в этой статье преимущественно было сосредоточено на идейной проблематике произведения, на философских размышлениях Толстого. Кроме того, Лесков актуализировал вопрос читательского восприятия повести и предположил, что европейский читатель, как и европейская литературная критика, возможно, в большей степени готов к проблематике данной толстовской повести, нежели отечественный. В этом смысле показательным высказывание Романа Роллана о «Смерти Ивана Ильича»: с его точки зрения, повесть явилась «одним из тех произведений русской литературы, которые всего больше взволновали французских читателей» [7. С. 312]. Такой живой отклик на повесть можно объяснить как пристальным вниманием к каждому новому шагу великого русского писателя, так и сущностным вниманием к самой проблематике смерти. Однако обозначенная разница восприятия произведения в России и за рубежом была обусловлена ментально: если человек конца XIX в., принадлежащий к русской культуре, подходил к проблеме смерти онтологически, чаще всего религиозно, то в Европе в это время уже начинала формироваться экзистенциальная проблематика смерти, связанная с общими вопросами наличного человеческого существования.

Последовавшие далее литературно-критические и собственно литературоведческие исследования повести вполне закономерно были сосредоточены на философской проблематике произведения; здесь следует назвать труды Д.С. Мережковского [8], Ю.И. Айхенвальда [9], Г.Я. Галаган [10], В.В. Набокова [11], Льва Шестова [12], Л.Д. Опульской [13] и др.

В рамках этого общего философского подхода к творчеству Толстого Лев Шестов в своей работе «Лев Толстой: Разрушающий и созидаящий миры» говорит о формировании экзистенциальной мысли в творчестве Толстого [14]. В книге «На весах Иова» философ обращается непосредственно к повести «Смерть Ивана Ильича» и описывает использованные в ней художественные приемы Толстого в ключе экзистенциализма: отчужденность, абсурдность, метаморфозы, пограничье [15]. Изучение творчества Толстого в экзистенциальном аспекте в настоящее время продолжается в работах Н.Ф. Болдырева [16], К.М. Цайзер и Е.Г. Новиковой [17], Е.В. Фаленковой [18].

Однако до сих пор в науке о Толстом не был поставлен специальный вопрос о самом творческом процессе формирования и оформления в произведениях писателя новаторской для него самого и для всей культуры эпохи рубежа XIX–XX вв. проблематики человеческого существования, немного позже получившей определение «экзистенциализм». Это определило цель данной статьи, в которой на материале повести «Смерть Ивана Ильича» изучается динамика авторской позиции, сосредоточенной на экзистенциальном понимании смерти, которая реализовалась как в процессе работы над текстом, так и в окончательном варианте произведения.

Представляется, что истоки замысла повести восходят к далеким 1860-м гг. В сентябре 1869 г. в Арзамасе Толстой совершенно неожиданно пережил экзистенциальный страх смерти, который получил у него название «арзамасский ужас». «На меня напала тоска, страх, ужас, такие, каких я никогда не испытывал» [1. Т. 26. С. 66], – так он описал пережитые им совершенно уникальные ощущения в письме к С.А. Толстой. Лев Шестов считал арзамасский эпизод в жизни писателя тем самым экзистенциальным страхом смерти, его собственным экзистенциальным кризисом, который он впоследствии стремился преодолеть с помощью творчества в «Смерти Ивана Ильича» [15]. Можно предположить, что повесть воплотила одно из самых искренних экзистенциальных переживаний Толстого, стала сублимацией его личного страха смерти и художественным актом постепенного освобождения писателя от «арзамасского ужаса».

Этим также можно объяснить долгий и сложный процесс создания повести, обусловленный динамикой личного философского осмысления Толстым темы смерти. В статье «Искусство как приём» В.Б. Шкловский, рассматривая способность Толстого изобразить объект, исключая его из привычного контекста, изучая объект сам по себе, словно впервые с ним знакомясь, называет данный приём «остранением». Именно при помощи «остранения» писатель добивается новизны, непредвзятости взгляда, данный приём позволяет раскрыть проблему смерти в повести в ключе экзистенциализма, а также является мощным способом диалога с читателем [19]. Д. Принс считает, что диалог между автором и читателем заключен в самом тексте произведения [20]. В статье «Интенциональность лексикографического текста» А.И. Дунев пишет о том, что любому тексту присущи категории интенциональности и

адресации: «Адресация связана с интенциональностью текста как представление о том, кто будет читать текст, направляет мысли и чувства автора, влияет на отбор автором формата текста, набора необходимых художественных средств и способов его репрезентации» [21. С. 92]. Сам Толстой формулировал цель искусства следующим образом: «Искусство есть деятельность человека, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их. Искусство не есть, как это говорят метафизики, проявление какой-то таинственной идеи, красоты, бога; не есть, как это говорят эстетики-физиологи, игра, в которой человек выпускает излишек накопившейся энергии; не есть проявление эмоций внешними знаками; не есть производство приятных предметов, главное – не есть наслаждение, а есть необходимое для жизни и для движения к благу отдельного человека и человечества средство общения людей, соединяющее их в одних и тех же чувствах» [1. Т. 30]. Так ощущение реальности собственной смерти, экзистенциальное столкновение с ней становится целью повести «Смерть Ивана Ильича».

Как убедительно показала Л.Д. Опульская в «Материалах к биографии» [13] писателя, опубликованная повесть «Смерть Ивана Ильича» очень далека от своей первоначальной редакции.

Действительно, работа над повестью стала сложным творчески процессом и осуществлялась с типичным для Толстого соотношением писательской страсти и исследовательской скрупулёзности. По сравнению с первоначальным замыслом изменилась форма повествования, исчезли определенные сцены и даже некоторые персонажи, фокус внимания автора переместился с изначальной поучительной истории о прошедшей «самой обыкновенной жизни и смерти Ивана Ильича» [1. Т. 26] на сам процесс умирания человека. Такие значимые трансформации изначального замысла и текста были осуществлены Толстым с целью наиболее точного художественного воплощения своих размышлений и переживаний по поводу смерти. Кроме того, в окончательном тексте повести реализована динамика описания экзистенциального переживания смерти от первой главы к последней.

В комментариях к дневнику 1881 г. содержится упоминание о смерти Ивана Ильича Мечникова, это позволяет утверждать, что именно с данного момента формируется идея и начинается процесс создания произведения [1. Т. 49]. Тематическое зерно повести – смерть, но суть проблематики – это ответ на вопрос «Чья смерть?».

Тема смерти возникает уже на первых страницах повести Толстого «Детство»: Николенька рассказывает своему учителю Карлу Ивановичу выдуманный им сон – ему будто бы приснилось, что маменька умерла [1. Т. 1]. Тонкий психологический анализ встречи детского сознания с категорией смерти и отстранение от нее впоследствии отзывается и в размышлениях Ивана Ильича Головина. Отношение к смерти писателя наиболее емко раскрывается в рассказе «Три смерти» (1859). В нем Толстой осмысливает смерть он-

тологически, где смерть дерева становится воплощением единства с бытием. Для дерева, как для всей природы в целом, смерть естественна. Для мужика смерть – это закон Божий, который он смиренно принимает. Но здесь же изображена иная смерть – смерть барыни, которая боится и отрицает её. Уже в этом сравнении Толстой намечает вопросы «Чья смерть?», «Кто умирает?» [1. Т. 5]. В романе «Война и мир» вся сложность проблематики смерти воплотилась в истории умирания князя Андрея Болконского, у которого страх смерти переходит в представление о том, что она – «пробуждение» от жизни.

В первоначальном замысле повесть «Смерть Ивана Ильича» называлась «Смерть судьи». В дневнике от 27 апреля 1884 г. Толстой пишет: «Хочу начать и кончить новое: либо смерть судьи, либо записки сумасшедшего» [1. Т. 49. С. 87]. Эта запись весьма значима тем, что показывает глубокое внимание Толстого к теме смерти, писатель связывает с ней свои различные замыслы. Действительно, в «Записках сумасшедшего» будет воспроизведено само переживание «арзамасского ужаса».

«Смерть судьи» соотносится с заглавием рассказа «Смертью чиновника» А. П. Чехова (1883), однако «судья» – это отнюдь не «маленький человек», он имеет определенный социальный статус и власть. В первоначальном заглавии герой обезличен, в нем нет человека, только его социальная роль, функция. Но уже в декабре того же года повесть обретает окончательное заглавие, о чем свидетельствует письмо С.А. Толстой к Т.А. Кузминской: «На днях Левочка прочел нам отрывок из написанного им рассказа, мрачно немножко, но очень хорошо; вот пишет-то, точно пережил что-то важное, когда прочел и такой маленький отрывок. Назвал он это нам: Смерть Ивана Ильича» [1. Т. 26. С. 681]. Размышляя о герое повести, Лев Шестов писал: «...пред нами история средней руки чиновника, и иному может показаться, что именно потому его предсмертные мысли так тяжелы и мучительны, что он был слишком ординарным человеком. Но дело тут не в ординарности Ивана Ильича – а в ординарности “общего всем мира”, который считается не Иваном Ильичом, а лучшими представителями человеческой мысли единственно реальным миром» [15. С. 34]. Толстой, говоря о том, что это будет история «обыкновенной, простой и самой ужасной жизни» [1. Т. 26. С. 68], не умаляет индивидуальности переживаний героя. Так «Смерть судьи» становится «Смертью Ивана Ильича». Не смерть «судьи», не смерть «чиновника», но смерть «Ивана Ильича» достойна самого пристального внимания художника. Он изображает жизнь ординарного героя, но его умирание становится уникальным экзистенциальным кризисом, проходя через который он обретает себя истинного. Это предлагает Толстой и своему читателю. Слово «смерть», которое оставалось в заглавии неизменно, не только грамматически, но и логически является здесь субъектом. Смерть – это и процесс, и действующее лицо повести. Это она случится с героем, с читателем, с Толстым и столкновение с нею – это страшный путь к обретению себя.

В.В. Набоков интерпретировал символику заглавия повести имя главного героя в религиозном аспекте: «Иван, конечно же, – русский вариант древнееврейского имени Иоанн, что в переводе означает: “Бог благ, Бог милостив”. Ильич – сын Ильи; это русский вариант имени “Илия”, которое переводится с древнееврейского как “Иегова есть Бог”» [11. С. 311]. К архаическому религиозному контексту отсылает и И.А. Юртаева, которая считает, что тема прозрения входит в произведение позднего Толстого через житийное начало [22]. Кроме того, исследователь говорит об обращении писателя в период позднего творчества к формам «назидательного пафоса»: это легенды, притчи, жития. Например, произведение «Отец Сергей» (1911), формально определяемое как повесть, идейно является житием.

«Смерть Ивана Ильича» состоит из двенадцати небольших глав. Как и в черновом варианте, в окончательной версии повести первая глава начинается уже со свершившейся смерти Ивана Ильича, которую Толстой вводит опосредованно, через новость в газете, как будто это некий публицистический факт, не имеющий ничего общего с реальностью и никого не касающийся. Так смерть Ивана Ильича в тексте повести происходит дважды: Толстой разделяет смерть для других и «свою собственную» смерть. Обсуждение предстоящих похорон происходит в здании суда, в котором никому нет дела до кончины товарища, все отстраняются от мыслей о смерти: «Кроме вызванных этой смертью в каждом соображении о перемещениях и возможных изменениях по службе, могущих последовать от этой смерти, самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про нее, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я. – умер он, а не я!» [1. Т. 26. С. 61]. Отстранённый взгляд на смерть, отнесенность её к прошлому, к «нереальному», к «ненастоящему» модусу времени – это та дистанция, которую, по мысли Толстого, должен пройти читатель к ощущению ужаса смерти в последней главе.

Важнейшим изменением, которое выразилось уже в первой главе повести, стала модификация повествовательной стратегии произведения. В черновом варианте повесть представляла собой дневник Ивана Ильича, который читает его товарищ по фамилии Творогов. Повествование было организовано двумя рассказчиками – это Творогов и сам Иван Ильич. Но в 1885 г. Толстой заменяет это на повествование от лица автора [1. Т. 26]. Как отметила В. Г. Андреева, «наличие в черновиках прозревающего Творогова означало появление в повести не одного героя, изменяющего свои взгляды, а двух. Получалось, во-первых, что дневник Ивана Ильича имел такую силу воздействия, что оказал серьезное влияние на его товарища, а во-вторых, Творогов для этого изменения должен был внутренне отличаться от других сослуживцев» [23. С. 80]. Во второй редакции первой главы над текстом Толстой написал, по всей видимости, от лица Творогова: «Нельзя, нельзя и нельзя так жить, как я жил и как мы все живем. – Это открыла мне смерть Ивана Ильича и оставленные им записки» [1. Т. 26. С. 518]. Так первоначальный замысел и форма дневниковых записей

были связаны с прямой морализаторской установкой. Отказавшись от этого, Толстой нивелировал морализаторское начало. Теперь смерть Ивана Ильича не является благим импульсом к очищению и обретению смысла жизни, она абсурдна, ужасна, и только личное осознание, чувство и переживание собственной смерти способны заставить как героя, так и читателя пробудиться духовно.

В ходе работы над повестью писатель очищает ее от определенных сюжетных линий и мотивов. Так, претерпевает изменения неоднократно используемый писателем мотив «карточной игры». Если в черновом варианте первой главы подробно описывается игра в карты после панихиды, то в окончательном варианте данный эпизод редуцируется до одного предложения [1. Т. 26]. В отличие от первоначального варианта повести, где в сцене прощальной панихиды Творогов отмечает «серьезный вид» усопшего [1. Т. 26. С. 506], в итоговом тексте повести Толстой инверсивно показывает, что смерть Ивана Ильича «значительнее» его жизни: «Мертвец лежал, как всегда лежат мертвецы, особенно тяжело, по-мертвецки, утонувши окоченевшими членами в подстилке гроба, с навсегда согнувшейся головой на подушке, и выставял, как всегда выставляют мертвецы, свой желтый восковой лоб с взлизями на ввалившихся висках и торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу. Он очень переменялся, еще похудел с тех пор, как Петр Иванович не видал его, но, как у всех мертвецов, лицо его было красивее, главное – значительнее, чем оно было у живого» [1. Т. 26. С. 64]. Такая нарочитая детализированность изображения покойника в итоговом варианте повести – это тот самый прием «остранения», благодаря которому читатель наконец может воспринять умершего как субъект, а смерть – как присутствующую здесь и сейчас. Петр Иванович – персонаж, чьими глазами читатель видит усопшего, «несмотря на неприятное сознание притворства своего», вдруг ужасается: «Ведь это сейчас, всякую минуту может наступить и для меня», – подумал он, и ему стало на мгновение страшно» [1. Т. 26. С. 67]. Так по сравнению с черновыми вариантами повести, в которых тема смерти раскрывается постепенно, сначала – в исповедальном дневнике Ивана Ильича, а затем в осмыслении её Твороговым, в окончательном тексте читатель ощущает смерть как компонент действительности уже в первой главе. Толстой обнажает это мгновение ужаса, и оно становится той экзистенциальной границей, перешагнуть через которую предлагает автор читателю.

Также Толстой значительно сокращает эпизод описания Головиных в деревне, в окончательном варианте третьей главы отсутствуют подробности смерти отца Ивана Ильича, вопросы наследства, политические диалоги, ряд конкретных мест и фамилий [1. Т. 26]. Кроме того, при сравнении черновых и окончательного вариантов повести обнаруживается еще один яркий пример трансформации художественной позиции Толстого. Во второй редакции повести в заметках к четвертой главе был намечен разговор Ивана Ильича с другом о смерти, в котором герой выражал непонимание страха перед смертью; в окончательной же версии этот разговор отсутствует [1. Т. 26. С. 524].

В связи с этим представляется правомерным обратиться к концепции «другого» в экзистенциализме. М. Хайдеггер [24] и Ж.П. Сартр [25] рассматривали «другого» как «чужого», в свете чего коммуникация с «другим» всегда остается неподлинной и неискренней. Рассматривая взаимодействие толстовского героя с позицией «другого», А.А. Казаков говорит о том, что герои рассчитывают на внешнюю оценку «авторитетного представителя общественного мнения» [26]. Отказом от данного эпизода Толстой не только ослабляет дидактичность своего произведения, он переносит проблематику страха смерти из сферы содержания в сферу поэтики текста, что существенно усиливает его экзистенциальную составляющую. Так в процессе работы над повестью художественная позиция Толстого трансформировалась от назидательного пафоса описания смерти человека, погрязшего в семейных дрязгах, карточных играх, пустых политических разговоров, к его экзистенциальному переживанию смерти. Окончательный вариант повести представляет собой постепенное сближение читателя и героя за счет фокусировки на экзистенциальном переживании страха смерти.

В третьей главе случается то, что выделяет жизнь Ивана Ильича из общего ряда и чему он не придает значения – это начало смерти. С четвертой главы действие повести получает стремительное развитие, происходит переход от внешнего эпического модуса повествования к внутреннему, драматическому. Если в первых трех главах читатель узнает о герое от повествователя, то, начиная с четвертой главы, читатель сначала слышит героя, а затем и переживает процесс умирания вместе с ним. Чтобы точнее передать ощущения ужаса и страха, Толстой насыщает текст описанием телесных реакций героя, которые ярко демонстрируют его ощущения. В четвертой главе несколько раз повторяется слово «тяжесть»: «тяжелый характер», «ему тяжело», «тяжелое чувство», «не почувствовал облегчения» [1. Т. 26. С. 81–89]. Запах гниения, гримасы боли, слабые движения – все эти художественные элементы устрашают и словно превращают процесс чтения в процесс наблюдения. Жесты и мимика героев повести становятся инструментами бессловесного обращения к читателю, и повесть приобретает драматургические черты.

Развитие болезни стремительно, так же стремительно и развитие следующих глав. В пятой главе нарушается коммуникация с внешним миром как с «другим», «чужим», разрушается речь главного героя: «Она вышла, принесла свечу. Он лежал, тяжело и быстро-быстро дыша, как человек, который пробежал версту, остановившимися глазами глядя на нее. – Что ты, Жан?– Ниче...го. У...ро...нил. Что же говорить. Она не поймет, – думал он» [1. Т. 26. С. 92]. Локус сужается до комнаты, а затем – до кровати главного героя, на которой он лежит на спине как покойник. С конца пятой главы объективное время жизни трансформируется в субъективное время умирания.

В черновом варианте повести жена, вручая записи покойного Творогову, говорит о том, что в них нет той логики, которая была так характерна для Ивана Ильича

при жизни [1. Т. 26. С. 508–509]. Этот эпизод не вошел в окончательный вариант произведения, но в шестой главе воплотились размышления Толстого об иррациональности смерти: здесь перед читателем предстают попытки Ивана Ильича осознать смерть логически. Герою вспоминается силлогизм «Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен». Но никакие умственные упражнения не способны убедить героя в собственной смертности. По мнению А.М. Зверева и В.А. Туниманова, смерть Кая «полезна», «педагогически необходима» [27. С. 117]. Герой повести же переживает эту необратимость эмоционально, он страдает, ужасается и отрицает. Эпизод с силлогизмом присутствовал уже в первоначальных вариантах повести, но впоследствии был дополнен и усилен личными деталями и переживаниями. Как отмечают исследователи, «позднее на полях рукописи и корректур появится множество уточнений и дополнений, «прустовских», так сказать, деталей, наполняющих плотским, конкретным содержанием этот глубоко личный мотив, отделяющий Ивана Ильича, как живое и бессмертное существо, от замороженного и усредненного смертного и давно умершего Кая из учебника» [27. С. 117].

В шестой главе смерть становится уже равноправным участником действия, герой видит её и начинает с ней сосуществовать: «Он шел в кабинет, ложился и оставался опять один с нею, с глазу на глаз с нею, а делать с нею нечего. Только смотреть на нее и холодеть» [1. Т. 26. С. 94].

В эпизоде отъезда семьи в театр Толстой организует яркий контраст между умирающим отцом и его близкими, которые мертвы духовно: «Вошла дочь разодетая, с обнаженным молодым телом, тем телом, которое так заставляло страдать его. А она его выставляла. Сильная, здоровая, очевидно, влюбленная и негодующая на болезнь, страдания и смерть, мешающие ее счастью» [1. Т. 26. С. 104]. Как отмечает А.А. Донсков, развивая тему театра и сцены, Иван Ильич осознает, что раньше всю жизнь играл, а теперь, умирая, начал жить [28].

В девятой главе Толстой обращается к теме суда, что закономерно обусловлено сюжетом произведения. Однако теперь герой вершит суд над самим собой: «Суд идет!.. Суд идет, идет суд, – повторил он себе. – Вот он, суд! Да я же не виноват! – вскрикнул он с злобой. – За что?» [1. Т. 26. С. 107]. Иван Ильич символично берет на себя и роль судьи, и роль обвиняемого, что выявляет экзистенциальные смыслы темы суда – суд совести.

Важно подчеркнуть, что десятую главу повести Толстой вписывает уже в ее корректуру. Именно в десятой главе для Ивана Ильича смерть стала окончательной реальностью: «...чем дальше шла болезнь, тем сомнительнее и фантастичнее становились соображения о почке, и тем реальнее сознание наступающей смерти» [1. Т. 26. С. 94]. «В той самой десятой главе, которую Толстой создал на стадии корректуры, мотив одиночества, тесно связанный с мотивом неповторимой, именно им осязаемой прелести уходящей жизни, его жизни, звучит еще отчетливее, чем в шестой главе. То одиночество, которое испытывает герой, отвернувшись к спинке дивана, среди многолюдного города,

среди «многочисленных знакомых и семьи», – особенное, страшное одиночество» [27. С. 118], – пишут А.М. Зверев и В.А. Туниманов. Для писателя было необходимо еще раз подчеркнуть это состояние страха, отчуждения и покинутости, поскольку именно эти экзистенциальные ощущения и переживания – путь к осознанию ценности жизни. По мысли Толстого, смерть является частью жизни, ее спутником. Понять и принять реальность жизни можно, только осознав и приняв реальность собственной смерти. В их слитности возникает полнота присутствия «здесь и сейчас», и эти представления писателя являются поистине экзистенциальными.

В кульминационных одиннадцатой и двенадцатой главах герой впадает в забытие, его жизнь и время останавливаются, он приближается к некому опыту, который уже становится недоступен читателю. В одиннадцатой главе кровать все больше напоминает гроб, из которого герой не может встать, но все еще сопротивляется: «Он лежал навзничь, стонал и смотрел перед собою остановившимся взглядом» [1. Т. 26. С. 109].

Уход Ивана Ильича длится три дня, но для читателя это время сливается в протяжный крик героя. Происходит распад коммуникации – главного связующего звена между героем и жизнью, между читателем и произведением: «–У! Уу! У! – кричал он на разные интонации. Он начал кричать: “Не хочу!” – и так продолжал кричать на букву “у”» [1. Т. 26. С. 112].

Толстой несколько раз переписывал последнее мгновение умирающего: «И умер»; «И он умер»; «Он потянулся и умер»; «Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер» [13. С. 12]. Толстой стремился описать процесс смерти через самые последние мгновения жизни. Герой умер «на половине вдоха», в процессе вдыхания жизни, и остался в этом состоянии навечно. Возможность остаться в жизни навсегда – вот возможный позитивный исход столкновения с экзистенциальным страхом смерти. Это то, что пытается рассказать Толстой своему читателю, и это то, что он резюмирует для самого

себя в дневнике: «Моя жизнь – моё сознание моей личности всё слабеет и слабеет, будет ещё слабее и кончится маразмом и совершенным прекращением сознания личности. В это же время, совершенно одновременно и равномерно с уничтожением личности, начинает жить и всё сильнее и сильнее живёт то, что сделала моя жизнь, последствия моей мысли, чувства; живёт в других людях, даже в животных, в мёртвой материи. Так и хочется сказать, что это и будет жить после меня» [1. Т. 53. С. 200].

В целом повесть «Смерть Ивана Ильича» стала ярким образцом художественного обращения к экзистенциальной проблематике, значимым как для русской, так и для всей мировой литературы. Текст повести от черновых к окончательному варианту претерпел значительные изменения: произошла смена повествовательной модели, сократилось описание семейно-бытовых и социальных сцен и проблем, а поучительное отношение к смерти трансформировалась в описание мучительного экзистенциального кризиса героя. Все это было реализовано в поэтике окончательного текста произведения, которая определяется мотивами одиночества, абсурда, страха и ужаса. Используя прием «остранения», Толстой показал смерть как некое совершенно новое переживание и при этом – как олицетворенное, самостоятельное, неизбежное, с чем невозможно спорить или бороться. Динамика работы Толстого над текстом свидетельствует о его стремлении максимально полно передать эти переживания читателю, вовлекая его в диалог о смысле человеческого существования. Описанные Толстым переживания отчуждения, заброшенности, трагического абсурда, охватывающие человека на пороге смерти, станут темами размышления философов-экзистенциалистов XX в. Страх смерти как ключевой элемент поэтики повести и как механизм обращения Толстого к читателю определяет интенциональность повести «Смерть Ивана Ильича» в контексте философии и искусства XX–XXI вв.

Список источников

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : В 90 т. / под ред. В.Г. Черткова [и др.]. М. : Гослитиздат, 1928–1958.
2. Переписка Л.Н. Толстого и В.В. Стасова. 1876–1906 / под ред. В.Д. Комаровой, Б.Л. Модзалевского. Л. : Прибой, 1929. 429 с.
3. Дневники П.И. Чайковского. 1873–1891 / сост. и примеч. И. Лапина ; под ред. В.В. Яковлева. Москва ; Петроград : Гос. изд-во, 1923. 294 с.
4. Крамской И.Н. Письма : В 2 т. Т. 2: 1877–1887 / сост., вступ. ст. и примеч. С.Н. Гольдштейн. М. : Искусство, 1966. 531 с.
5. Переписка Л.Н. Толстого и Н.Н. Ге / вступ. ст., ред. и примеч. С.П. Яремича ; предисл. А.В. Луначарского. М. ; Л. : Academia, 1930. 22 с.
6. Лесков Н.С. Собрание сочинений : В 11 т. Т. 11: Рассказы ксати. Споры о духе. Статьи 1862–1895. М. : Гослитиздат, 1958. 800 с.
7. Роллан Р. Собрание сочинений : В 14 т. Т. 2: Жан-Кристоф : роман. Кн. 1–4 / пер. с фр. М. Лозинского ; общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Александровой. М. : Гослитиздат, 1954. 312 с.
8. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Е.А. Андрущенко. М. : Наука, 2000. 588 с.
9. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. Вып. 3. М. : Изд. «Научного слова», 1910. 138 с.
10. Галаган Г.Я. Л.Н. Толстой: художественно-этические искания. Л. : Наука, 1981. 176 с.
11. Набоков В.В. Смерть Ивана Ильича // Лекции по русской литературе : [сборник] / [пер. с англ.]. М. : Независимая газета, 1996. С. 307–315.
12. Шестов Л.И. Добро в учении гр. Толстого и Ницше (Философия и проповедь) // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 59–128.
13. Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой : материалы к биографии с 1886 по 1892 г. М. : Наука, 1979. 287 с.
14. Шестов Л.И. Разрушающий и созидющий миры (По поводу 80-летнего юбилея Толстого). СПб. : Лань, 2013. 20 с.
15. Шестов Л.И. На весах Иова (Странствования по душам). М. : АСТ : Фолио, 2001. 462 с.
16. Болдырев Н.Ф. Болезнь к жизни (О пути Льва Толстого с постоянной оглядкой на Киркегора) // Лев Толстой, сам свидетельствующий о себе и своей жизни / Янко Лаврин ; пер. с нем. О. Мичковского. Челябинск : Урал LTD, 1999. С. 259–301.
17. Цайзер К.М., Новикова Е.Г. Экзистенциальный страх как категория творческого эксперимента в повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 1. С. 85–100.
18. Фаленкова Е.В. Л.Н. Толстой как предшественник экзистенциализма // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4. С. 126–131.
19. Шкловский В.Б. О теории прозы. М. : Федерация, 1929. 265 с.

20. Prince G. Introduction to the Study of the Narratee // Essentials of the Theory of Fiction / ed. by Michael J. Hoffman, Patrick D. Murphy. London : Duke University Press, 1988. P. 7–25.
21. Дунев А.И. Интенциональность лексикографического текста // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвящённой юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко (Екатеринбург, 28–30 сент. 2016 г.). Москва ; Екатеринбург : Кабинетный учёный, 2016. С. 92–99.
22. Юртаева И.А. Жанровое своеобразие повестей Л.Н. Толстого 1880–90-х годов : учеб. пособие. Кемерово, 2010. 112 с.
23. Андреева В.Г. Повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: изменение концепции от первоначального замысла к итоговому тексту // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 77–89.
24. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М. : Академический Проект, 2015. 460 с.
25. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М. : Республика, 2002. 640 с.
26. Казаков А.А. Место Л.Н. Толстого в истории литературы в восприятии Ф.М. Достоевского: имагологическая реконструкция // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). С. 86–91.
27. Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М. : Молодая гвардия, 2007. 781 с.
28. Донсков А.А. «Драматическое присутствие» в повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Русская литература. 1993. № 3. С. 166–171.

References

1. Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy : v 90 t. / pod red. V.G. Chertkova [i dr.]. M. : Goslitizdat, 1928–1958.
2. Perepiska L.N. Tolstogo i V.V. Stasova. 1876–1906 / pod red. V.D. Komarovoy, B.L. Modzalevskogo. L. : Priboy, 1929. 429 s.
3. Dnevnik P.I. Chaykovskogo. 1873–1891 / sost. i primech. I. Lapina ; pod red. V.V. Yakovleva. Moskva ; Petrograd : Gos. izd-vo, 1923. 294 s.
4. Kramskoy I.N. Pis'ma : v 2 t. T. 2: 1877–1887 / sost., vstup. st. i primech. S.N. Gol'dshteyn. M. : Iskusstvo, 1966. 531 s.
5. Perepiska L.N. Tolstogo i N.N. Ge / vstup. st., red. i primech. S.P. Yaremicha ; predisl. A.V. Lunacharskogo. M. ; L. : Academia, 1930. 22 s.
6. Leskov N.S. Sobraniye sochineniy : v 11 t. T. 11: Rasskazy kstati. Spory o dukhe. Stat'i 1862–1895. M. : Goslitizdat, 1958. 800 s.
7. Rollan R. Sobraniye sochineniy : v 14 t. T. 2: Zhan-Kristof : roman. Kn. 1–4 / per. s fr. M. Lozinskogo ; obshch. red. i vstup. st. V.N. Aleksandrovoy. M. : Goslitizdat, 1954. 312 s.
8. Merezhevskiy D.S. L. Tolstoy i Dostoyevskiy / sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. YE.A. Andrushchenko. M. : Nauka, 2000. 588 s.
9. Aykhenval'd YU.I. Siluety russkikh pisateley. Vyp. 3. M. : Izd. «Nauchnago slova», 1910. 138 s.
10. Galagan G.YA. L.N. Tolstoy: khudozhestvenno-eticheskiye iskaniya. L. : Nauka, 1981. 176 s.
11. Nabokov V.V. Smert' Ivana Il'icha // Lektsii po russkoy literature : [sbornik] / [per. s angl.]. M. : Nezavisimaya gazeta, 1996. S. 307–315.
12. Shestov L.I. Dobro v uchenii gr. Tolstogo i Nitsshe (Filosofiya i propoved') // Voprosy filosofii. 1990. № 7. S. 59–128.
13. Opol'skaya L.D. Lev Nikolayevich Tolstoy : materialy k biografii s 1886 po 1892 g. M. : Nauka, 1979. 287 s.
14. Shestov L.I. Razrushayushchiy i sozidayushchiy miry (Po povodu 80-letnego yubileya Tolstogo). SPb. : Lan', 2013. 20 s.
15. Shestov L.I. Na vesakh Iova (Stranstvovaniya po dusham). M. : ACT : Folio, 2001. 462 s.
16. Boldyrev N.F. Bolezn' k zhizni (O puti L'va Tolstogo s postoyannoy oglyadkoy na Kirkegora) // Lev Tolstoy, sam svidetel'stvuyushchiy o sebe i svoey zhizni / Yanko Lavrin ; per. s nem. O. Michkovskogo. Chelyabinsk : Ural LTD, 1999. S. 259–301.
17. Tsayzer K.M., Novikova YE.G. Ekzistentsial'nyy strakh kak kategoriya tvorcheskogo eksperimenta v povesti L.N. Tolstogo «Kreytserova sonata» // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates. 2019. T. 5, № 1. S. 85–100.
18. Falenkova YE.V. L.N. Tolstoy kak predshestvennik ekzistentsializma // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 4. S. 126–131.
19. Shklovskiy V.B. O teorii prozy. M. : Federatsiya, 1929. 265 s.
20. Prince G. Introduction to the Study of the Narratee // Essentials of the Theory of Fiction / edited by Michael J. Hoffman, Patrick D. Murphy. London : Duke University Press, 1988. P. 7–25.
21. Dunev A.I. Intentsional'nost' leksikograficheskogo teksta // Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke : materialy dokladov i soobshcheniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy yubileyu Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, doktora filologicheskikh nauk, professora L.G. Babenko (Ekaterinburg, 28–30 sent. 2016 g.). Moskva ; Yekaterinburg : Kabinetnyy uchenny, 2016. S. 92–99.
22. Yurtayeva I.A. Zhanrovoye svoeyebraziye povestey L.N. Tolstogo 1880–90-kh godov : ucheb. posobiye. Kemerovo, 2010. 112 s.
23. Andreyeva V.G. Povest' L.N. Tolstogo «Smert' Ivana Il'icha»: izmeneniye kontseptsii ot pervonachal'nogo zamysla k itogovomu tekstu // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 3 (108). S. 77–89.
24. Khaydegger M. Bytiye i vremya / per. s nem. V.V. Bibikhina. M. : Akademicheskii Proyekt, 2015. 460 s.
25. Sartr ZH.P. Bytiye i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii / per. s fr., predisl., primech. V.I. Kolyadko. M. : Respublika, 2002. 640 s.
26. Kazakov A.A. Mesto L.N. Tolstogo v istorii literatury v vospriyatii F.M. Dostoyevskogo: imaologicheskaya rekonstruktsiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2014. № 5 (31). S. 86–91.
27. Zverev A.M., Tunimanov V.A. Lev Tolstoy. M. : Molodaya gvardiya, 2007. 781 s.
28. Donskov A.A. «Dramaticheskoye prisutstviye» v povesti L.N. Tolstogo «Smert' Ivana Il'icha» // Russkaya literatura. 1993. № 3. S. 166–171.

Информация об авторах:

Новикова Е.Г. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: elennov@mail.ru

Цайзер К.М. – соискатель ученой степени кандидата наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); преподаватель совместного российско-китайского университета МГУ-ППИ в Шэньчжэнь (Шэньчжэнь, Китай). E-mail: golikovak2012@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.G. Novikova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

K.M. Tsaizer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Shenzhen MSU-BIT University (Shenzhen, China). E-mail: golikovak2012@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.06.2025;
одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 25.06.2025;
approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 111, 130.3, 168
doi: 10.17223/15617793/521/7

Искусственный интеллект и здравый смысл

Ирина Александровна Асеева¹

¹ *Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия,
irinaaseeva2011@yandex.ru*

Аннотация. Поднимается проблема отсутствия у искусственного интеллекта здравого смысла, что является серьезным препятствием для адекватного восприятия окружающего мира, оценки повседневных ситуаций, и, как следствие, для понимания и взаимодействия с человеком в социальной сфере. Делается вывод, что пробел в формировании здравого смысла делает искусственный интеллект ограниченным, негибким, хрупким, далеким от эмпатичных и взаимообогащающих отношений с человека и машины.

Ключевые слова: философия науки и техники, цифровизация, интеллект человека, здравый смысл, искусственный интеллект

Для цитирования: Асеева И.А. Искусственный интеллект и здравый смысл // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 73–79. doi: 10.17223/15617793/521/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/7

Artificial intelligence and common sense

Irina A. Aseeva¹

¹ *Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
irinaaseeva2011@yandex.ru*

Abstract. A special feature of digitalization at the present stage is the widespread use of artificial intelligence systems not only for processing big data and speeding up computing, but also for implementation in the purely humanitarian field: education, law, medicine, art, where relationships depend on the quality of interpersonal interaction. An obstacle to the adequate, ethical and safe use of AI in the social sphere is an important functional imperfection, namely, the lack of common sense, which is an unsolvable problem for AI developers so far. The ideas of the article are based on the concept of intelligence proposed by Russian philosophers V.Y. Kramarenko, V.E. Nikitin and G.G. Andreev, according to which intelligence consists of three hierarchically interconnected levels of mental organization: common sense, reason and reason. Common sense is one of the three levels of human intelligence responsible for a sense of reality based on visual clarity, sensory data that provides the subject with constantly updated direct information about the outside world and self-perceptions. Research in the field of neurophysiology and psychology demonstrates the connection of common sense with the right hemisphere of the human brain, responsible for intuitive thinking, emotions and the formation of images. Reason seeks to formalize the information accumulated both in everyday practice and in scientific research, allows it to identify stable structures, detect trends, and formulate rules, norms, regulations, and programs on this basis that allow it to act freely in typical, well-known situations. The mind is the level of intelligence responsible for the creative creation of new, non-standard, it is a theoretical, reflective, philosophically thinking consciousness operating with broad generalizations and focused on the most complete and in-depth knowledge of the truth. A distinctive feature of the mind is going beyond the limits limited by the cognitive task, extra-utilitarianism and non-triviality of the results. Since machine learning was originally limited to mastering the ready-made accumulated human experience, developing algorithms and programs, it can be said that the thinking abilities of modern machines are more like reason than intelligence in general. AI research has accelerated significantly over the past few years. Common sense for artificial intelligence systems is being studied, for example, by the Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA), which launched the Machine Common Sense (MCS) program, and the Allen Institute of Washington University in the Mosaic project. The COMET model, trained on millions of textual descriptions of common sense rules and facts about everyday objects and events, demonstrates the neuro-symbolic connection between language, knowledge, and thinking as a new path to AI common sense. Despite significant advances in AI training, researchers have yet to develop fundamentally new mechanisms for interpreting multimodal reasoning and teaching machines to think in accordance with human values.

Keywords: philosophy of science and technology, digitalization, human intelligence, common sense, artificial intelligence

For citation: Aseeva, I.A. (2025) Artificial intelligence and common sense. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 73–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/7

Введение

Быстрое совершенствование инфокоммуникативных технологий расширяет и сферу использования цифровых сервисов, программ и платформ. Сейчас они получают широкое распространение не только для обработки больших данных и ускорения вычислений, но и внедряются в сугубо гуманитарную сферу: образование, право, медицину, искусство, где отношения зависят от качества межличностного взаимодействия. Технологии ИИ активно используются для разработки и адаптации эффективных стратегий взаимодействия с клиентами, удовлетворения маркетинговых потребностей, составления персонализированных рекомендаций [1]; для таргетированной рекламы и увеличения вовлеченности в купле-продажи; для распознавания настроения и намерений клиентов колл-центров [2]; для обнаружения признаков стресса, разочарования или усталости у водителей автомобилей или пилотов [3]. Все эти успешные внедрения в социальную практику свидетельствуют о постепенном изменении статуса ИИ в сознании людей и стимулируют дискуссии в правовом поле, касающиеся, в том числе, идеи сближения человека и машины. Речь заходит даже о наделении ИИ полномочиями и правами субъекта деятельности, что, конечно, требует отдельного междисциплинарного исследования. В данной работе я хотела бы затронуть лишь один аспект сложной проблемы субъектности искусственного интеллекта, а именно, что, на мой взгляд, мешает ИИ стать и быть субъектом, сопоставимым по своим мыслительным возможностям с человеком.

Что делает человека чувствующим субъектом?

Первое понятие, на которое я опираюсь в рассуждении, это понятие субъекта. Традиционно в философии понятие «субъект» – совокупность сенсорных, логических и интуитивных способностей людей, что позволяет отдельному человеку или коллективному субъекту определенным образом воспринимать окружающий мир (видеть цвета спектра, слышать звуки в определенном диапазоне, различать запахи и т.д.), интерпретировать свой чувственный опыт, создавать образы, символы и знаки, коммуницировать, контролировать и управлять своим поведением, рефлексировать. У человека, впрочем, как у любого живого организма, сформирована способность уникального видения мира, «перспектива первого лица» (по Т. Нагелю) [4]. Животные, вероятно, тоже ориентируются в мире и соотносят свое поведение не только с инстинктами, но и какими-то ментальными репрезентациями, но, думается, субъективный мир человека значительно разнообразнее и богаче, и, что немаловажно, он постижим посредством рациональных инструментов, созданным человечеством за тысячи лет, и поддается интересному осмыслению и формированию на основе культурных универсалий, ценностей, морали. Каков

внутренний мир животных и каков у сильного ИИ, если он будет создан, представляется трудно постижимым, а следовательно, возникает вопрос о возможности субъект-субъектных отношений и взаимопонимания с такими существами/сущностями.

Что, собственно, делает человека субъектом? В.А. Лекторский в «Новой философской энциклопедии» определяет, что «для современной философии субъект – это прежде всего конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми» [5]. На мой взгляд, единственно человеческое – это тело. Все же остальное: включенность в культуру через доступ к любой оцифрованной информации человечества, биография и коммуникативные практики (быстро совершенствующиеся чат-боты, например), можно отнести и к ИИ.

Зачем человеку тело? Оно состоит из тех же элементов, что и наша планета, обладает сенсорами, чтобы ощущать этот мир через органы чувств, насыщает наш мозг информацией, релевантной действительности. Благодаря телу осуществляется познавательная функция сознания на чувственном уровне. Тело «заземляет» человека, дает ощущение реальности, позволяет сформировать такие абстракции, как «боль», «ласка», цвета спектра, наконец. Только на основе личного опыта тактильных ощущений возможны представления о «мягком», «горячем», «остром», «мокром», «скользящем» и т.п. Представьте, у человека болит голова, необходимо описать свои ощущения, чтобы врач мог поставить диагноз. Какая эта боль: острая, давящая, тупая, пульсирующая, локальная, сжимающая, режущая, колючая, простреливающая, рвущая, распирающая и т.д.? Можно ли найти подходящее определение, если никогда этого не ощущал? На основе персонального телесного опыта формируется здравый смысл – «уровень интеллекта, отвечающий за чувство реальности, базирующийся на наглядности; очевидность – его питательная среда. Здесь отражены принципы устойчивости, нормальной связи вещей и явлений. Здравый смысл – это результат ознакомления с реальной действительностью, такой, какой она представляется человеку непосредственно. На этом уровне ассимилирована богатейшая чувственно-предметная деятельность человечества» [6. С. 114].

Интерес философов к выделению и интерпретации понятия здравого смысла давний и разносторонний [7]. В современной науке лидирует тенденция создания антропоморфного ИИ, в работе которого пытаются воспроизвести принципы функционирования мозга человека или симитировать эти функции. Но между симуляцией, имитацией и реальными ощущениями большая разница. Методологически новую идею не копирования способов человеческого мышления машиной, а взаимодействия на основе взаимодополнительности предлагает В.Г. Буданов в концепции обобщенной телесности [8]. В развитие учения В.С. Степина о трех

видах научной рациональности им вводятся еще посткритическая, креативная и автопоэтическая рациональности [9, 10]. Философ считает, что будущее за взаимопроникновением, «глубинной эмпатией между человеком и машиной», которую возможно когда-нибудь можно будет достичь «в эпоху квантовых вычислений в системах ИИ» [11. С. 41–42].

Интеллект человека в трех взаимосвязанных формах

В дальнейших рассуждениях я буду опираться на концепцию интеллекта, предложенную российскими философами В.Ю. Крамаренко, В.Е. Никитиным и Г.Г. Андреевым в монографии «Интеллект человека» (1990 г.). Они обосновывают идею, что «интеллект представляет собой иерархическую структуру, включающую в себя ряд уровней, построенную на основе субординации представленных подструктур, где одна область интеллектуального пространства оказывается вписанной в другое, более глубокое пространство, увенчанное высшей формой человеческого интеллекта – разумом. Выделенные уровни работают дифференцированно, находясь в сложных диалектических взаимоотношениях друг с другом» [6. С. 127]. Согласно их концепции, интеллект состоит из трех взаимосвязанных уровней умственной организации: здравого смысла, рассудка и разума.

Как было отмечено выше, здравый смысл выполняет защитную функцию, «предохраняет человеческий интеллект от ошибок расхождения с непосредственной логикой бытия, выступая в качестве определенного фильтра при отборе тех или иных вариантов мыслительной деятельности, что облегчает и уменьшает возможный выбор при оценке элементарных ситуаций» [6. С. 115]. И именно отсутствие здравого смысла, т.е. способности практически мгновенно понимать повседневное положение дел, обыденные ситуации и тонкости взаимоотношений на основе обширных общих знаний о физическом и социальном мире, которые люди формируют часто бессознательно, просто живя в этой среде, – и есть одно из фундаментальных ограничений ИИ.

Наблюдения за больными в институте нейрохирургии им. Бурденко показали, что при поражении правого полушария головного мозга обнаруживалась неадекватность обобщающих характеристик при анализе текстов и арифметических задач, возникали трудности при определении смыслового контекста ситуации, больные ошибались в смысловой оценке действий, направленных на их тело, и на внешние предметы [12. С. 115]. «При выполнении предметных операций отмечались частые и многократные их повторения, а подчас и бессмысленные манипуляции с ними наряду с сохранением определенной последовательности в схемах деятельности» [6. С. 115]. Эти наблюдения позволили авторам предположить тесную связь здравого смысла и адекватного функционирования правого полушария человеческого мозга.

Исследователи мозга отмечают, что правое полушарие, преобразующее информацию в реальном времени и пространстве, теснее связано с органами

чувств, непосредственным получением сигналов от своего тела, часто неосознаваемых, а потому выраженных не в словах и логических конструкциях, а в образах. Образное мышление, в отличие от логического, позволяет воспринимать объект одновременно и целно, именно оно включается при творческом поиске, отвечает за уровень эстетической и эмоциональной выразительности [13]. По словам В.С. Ротенберга, правое полушарие вступает в работу тогда, когда поступающая информация сложна, внутренне противоречива и принципиально не сводится к однозначному контексту. С позиций формальной логики многие данные противоречат и даже взаимоисключают друг друга, или их вообще оказывается значительно больше, чем можно представить в упорядоченной форме, и, соответственно, многие из них остаются неосознанными, но не «стираются» из памяти, а переходят в ее «дальние участки». В.С. Ротенберг предполагает, что такое неосознанное знание, основу которого составляет способность к образованию многозначного контекста, является по существу неисчерпаемым источником творческого постижения мира и, по-видимому, лежит в основе интуиции [14]. Можно предположить, что для дальнейшего совершенствования искусственного интеллекта необходимо рассматривать совокупность здравого смысла, эмоций, образов и интуиции и изучать, как они формируются и взаимодействуют в человеческом мозге. Кстати, Йеджин Чой – специалист по ИИ в Университете Вашингтона и Институте Аллена – в своих исследованиях языка для обучения ИИ тоже называет здравый смысл «интуитивным мышлением», об этом немного дальше.

Вместе с тем интуитивно принятые решения на этом уровне могут быть односторонними и неверными. За логическое обоснование, построение теорий и моделей мира, принятие взвешенных решений на основе проверенной и алгоритмизированной информации отвечает следующая форма интеллекта – рассудок. Американский исследователь Джон Кикс замечает, что «прогресс знания состоит в выходе за пределы здравого смысла. Однако отношение между теоретическим размышлением и здравым смыслом не есть отношение между познанной и примитивной ошибкой, но скорее между структурой и ее основанием» [15. Р. 121].

Согласно концепции В.Ю. Крамаренко, В.Е. Никитина, Г.Г. Андреева, рассудок, опираясь, с одной стороны, на многообразный коллективный опыт социальной деятельности и на научные знания – с другой, стремится формализовать накопленную информацию, выделить в ней устойчивые структуры, обнаружить тенденции, и на этой базе сформулировать правила, нормы, предписания, программы, позволяющие свободно действовать в типичных, известных ситуациях. «Формируя набор логических инструментов, понятий, эталонов, аксиом, а также и заблуждений, рассудок пытается на их основе строить свои отношения с действительностью. Обретая структурность, относительную независимость от внешних воздействий, этот уровень человеческого интеллекта действует сообразно логическим закономерностям» [6. С. 118]. Это наиболее автоматизированная, если так можно выразиться, часть

интеллекта, функционирующая по отработанным дедуктивным и индуктивным алгоритмам. Не случайно специалисты по ИИ изначально именно на формально-логическом, рассудочном подходе выстраивали машинное обучение. Вместе с тем проблема прозрачности принятия решений искусственным интеллектом далеко не решена, даже если оно (решение) выведено логически на основе архива обучающих данных. О рисках и ответственности за ошибки машины в условиях тотальной цифровизации недавно на Глобальном цифровом форуме-2025 в Нижнем Новгороде резко высказалась Наталья Касперская, президент группы компаний InfoWatch [16].

В ходе исследований постепенно стало понятно, что человеческое мышление выходит далеко за рамки формальной логики и способно творчески генерировать гипотезы для решения новых задач, действовать в ситуации неопределенности и частично познанной информации. Философы считают, что уровень интеллекта, отвечающий за творческое создание нового, нестандартного – это и есть разум. А.Г. Спиркин определяет разум как высшую ступень понимания, теоретическое, рефлектирующее, философски мыслящее сознание, оперирующее широкими обобщениями и ориентированное на наиболее полное и глубокое знание истины [17. С. 107]. В своей книге «Загадка разума» учёные-когнитивисты Хьюго Мерсье и Дэн Спербер утверждают, что «разум – это механизм интуитивных умозаключений... в котором логика играет в лучшем случае второстепенную роль» [18]. Благодаря развитию разума человек ориентируется в противоречивых, непрерывно меняющихся процессах, может управлять континуальными блоками мышления без обращения к грамматическим формам. Разум способен анализировать не только данные чувственного опыта, но и критически оценивать собственные решения. Отличительной особенностью разума является выход за пределы, ограниченные познавательной задачей, внеутилитарность и нетривиальность результатов.

Таким образом, интеллект человека, естественный интеллект – это интегративное эволюционное образование, состоящее из своеобразных форм: здравого смысла, рассудка и разума, действующих в единстве. В этом смысле говорить об искусственном интеллекте можно только метафорически и авансом.

Прежде всего, вспомним понятие «искусственный интеллект», зафиксированное в официальном документе: искусственный интеллект – это «совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как минимум сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов» [19]. Тем не менее соглашусь с И.А. Бугаковым, что современные ИИ-технологии – «не более чем устройства для преобразования вектора входных данных в выходной вектор. Основные успехи ИИ сегодня достигнуты в распознавании лиц, постановке диагнозов и разработке формул новых лекарств, выдаче кредитов и выявлении финансовых мошенничеств, продаже товаров, регулировании сложных процессов

(например, дорожного движения в городе), ряде других областей – везде, где можно эффективно использовать недоступные мозгу человека возможности компьютера помнить и быстро обрабатывать большие массивы данных. Но это не есть «настоящий» интеллект, ибо компьютер работает по априорно заданным конкретным алгоритмам... «Настоящий» же интеллект – это то, что порождает алгоритмы (одно из «определений» интеллекта: «Интеллект – это сверхалгоритм по порождению новых эффективных алгоритмов поведения как условие успешного выживания в конкурентной борьбе – главный признак (критерий) наличия (проявления) интеллекта» [20. С. 119]. Описанные возможности могут быть присущи так называемому «сильному» ИИ, который еще не создан. Сейчас распространяется «слабый» ИИ, решающий узкие конкретные вопросы, способный превосходить возможности человека в этих областях.

Для эффективного выполнения более широкого круга задач, для лучшего понимания человека, для быстрого выбора наиболее адекватного варианта из множества возможных необходим пересмотр фундаментальных парадигм машинного обучения и выстраивание рассуждений ИИ на основе здравого смысла. Необходимо отметить, что исследования в области здравого смысла или интуитивного мышления ИИ (понятия используются как тождественные) имеют совсем недавнюю историю. Лишь в 1920-х гг. исследователи задумались, что вместо быстрого перебора всевозможных вариантов (компьютеры) мы (люди) «мгновенно оцениваем общую картину происходящего, которую видим лишь частично: вероятные причины и следствия событий, то, что могло произойти раньше и что может произойти дальше, мотивы и намерения людей, а также их психическое и эмоциональное состояние. Поскольку интуитивное мышление настолько естественно и не требует усилий, возникает соблазн предположить, что ИИ тоже должен легко с ним справляться» [21. Р. 140]. Однако здравый смысл по-прежнему остается темным и непостижимым для ИИ, эти разработки, как считают специалисты института Аллена, находятся в начальной стадии.

Это положение дел хорошо иллюстрируют несколько примеров. Группа исследователей из НПКЦ диагностики и телемедицинских технологий ДЗМ, чтобы проверить адекватность ответов ChatGPT на запросы по медицинской тематике, попросила составить план восстановительного лечения после декапитации (от лат. *caput*, *capitis* голова – физическое отделение головы живого существа от тела). И получили развернутый ответ [22].

Вероятно, именно отсутствие здравого смысла и чувства реальности приводит к абсурдным советам нейросетей как приготовить пасту из дерева и свинца, рецепт блюда, ингредиентами которого являются 'лунный свет', 'смех ребенка' и 'шепотка грусти' или к написанию новостной статьи о том, как искусственный интеллект случайно выиграл конкурс красоты [23]. Такое общение с БЯМ забавляет, но вряд ли способствует пониманию, как функционирует интеллект человека.

Можно ли сформировать здравый смысл у ИИ?

За последние несколько лет исследования в области ИИ значительно ускорились. Агентство перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (DARPA) запустило программу Machine Common Sense (MCS) для ускорения исследований в области ИИ [24], а ученые из Вашингтонского университета, Института Аллена начали проект Mosaic, в рамках которого создается прототип формирования здравого смысла и интуитивного мышления, основанный на естественном языке. Первыми результатами в переосмыслении методик обучения ИИ делится Йеджин Чой – руководитель исследовательского проекта Mosaic [21]. Ученые выяснили, что формально-логические большие языковые модели нельзя использовать за пределами экспериментальных задач, они оказываются слишком ограниченными, ненадежными, «хрупкими». Занимаясь моделированием здравого смысла у

ИИ, они разработали инновационную языковую систему COMET, особенность которой в сочетании формализмов, основанных на языке (в отличие от формализмов, основанных на логике), генеративного мышления в реальном времени в бесконечном пространстве интуитивных умозаключений и символического представления знаний, основанных на здравом смысле. В отличие от дедукции и индукции, исследователи используют абдуктивные умозаключения, позволяющие генерировать новую информацию, выходящую за рамки формального задания на основе неполных данных. COMET развивается на основе набора из более 1,3 млн текстовых описаний правил здравого смысла и фактов о повседневных объектах и событиях (проект ATOMIC), но этого все равно недостаточно для того, чтобы приблизиться к интуитивному мышлению человека. На рис. 1 показано, как размышляет ИИ на основе COMET, чтобы составить прогноз действий некоего Гэри, если он хочет развести костер.

Рис. 1. Модель получения выводов COMET на основе здравого смысла, сделанные с учетом входных данных «Гэри складывает растопку и достаёт спички». Источник: Commonsense Inferences about People and Events (COMMONSENSE Transformers on Atomic2020), Mosaic Knowledge Graphs, Allen Institute for AI. URL: <https://comet.allenai.org>

По сравнению с предыдущими моделями, которые делали примитивные предположения о связи спичек и огня, COMET, обученный на ATOMIC, демонстрирует нейросимволическую связь между языком, знаниями и мышлением как новый путь к здравому смыслу ИИ. Для более точной оценки ситуации ИИ надо разбираться в тонких смысловых нюансах лингвистических выражений типа «развести огонь» и «развести костер», «трудолюбивый» и «работающий» и т.п. Но справедливости ради отмечу, что при значительных успехах в понимании состояния и намерений Гэри, COMET все равно выбирает наиболее подходящий, с его точки зрения, вариант из имеющихся. Не понятно, будет ли работать модель, если столкнется с незнакомой ситуацией, с сырыми дровами, например.

Большую проблему представляет обучение ИИ моральным рассуждениям, основанным на здравом смысле, как в проекте Delphi. Несмотря на обучение на

огромном количестве примеров этических и социальных норм, ИИ все-таки трудно применять правила морали в реальных ситуациях или при сопоставлении конкурирующих ценностей. «Например, “помочь другу” – это, как правило, хороший поступок, а “помочь другу распространить фейковые новости” – нет» [21. Р. 151]. Благодаря здравому смыслу и интуиции люди способны мгновенно понимать смысловые нюансы, а исследователям ИИ еще предстоит разработать принципиально новые механизмы интерпретации мультимодальных рассуждений и научить машины мыслить в соответствии с человеческими ценностями.

Заключение

Качество человеко-машинного взаимодействия во многом зависит от того, насколько хорошо искусствен-

ный интеллект адаптирован в социальную среду, правильно ли ориентируется в повседневных ситуациях, оценивает мотивы, намерения, психологическое состояние и эмоциональные реакции человека. Тем более, что наибольшие риски и проблема доверия к ИИ возникают именно в социальной сфере: в здравоохранении, образовании, праве, обслуживании и государственном управлении.

Оказывается, для того, чтобы называться интеллектом, недостаточно уметь действовать по заранее прописанным алгоритмам, даже если они будут соответствовать правилам логики. Проблема как раз и заключается в том, что реальность гораздо сложнее, богаче и непредсказуемее, чем любые схемы, модели и программы. Человек справляется с множеством нетривиальных, новых для себя ситуаций благодаря умствен-

ной способности – интеллекту и умственной активности – мышлению. Интеллект, состоящий из трех взаимосвязанных форм: здравого смысла, рассудка и разума, позволяет собирать и осваивать знания о мире комплексно, от анализа информации органов чувств до оригинальных гениальных идей, меняющих мир.

В данной статье, которая была посвящена в основном трудной проблеме формирования здравого смысла у ИИ, было обосновано принципиальное различие получения и трансляции информации о повседневной реальности и своих ощущениях у человека и имитаций у машины. Был сделан вывод, что именно сложность закладывания здравого смысла в машинный интеллект не позволяет системам с ИИ адекватно справляться с этическими, аксиологическими и другими социально значимыми задачами.

Список источников

1. Чиркина И. Влияние технологий искусственного интеллекта на современные методы в маркетинге // Вестник науки. 2024. Т. 4, № 3 (72). С. 123–133.
2. Искусственный интеллект научился распознавать эмоции. URL: <https://hinews.ru/technology/iskusstvennyj-ntellektnauchilsyaaspoznavat-emocii-k-chemu-eto-mozhet-privesti.html>
3. Рынок систем детекции и распознавания стремительно растет. URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=211745>
4. Нагель Т. Каково быть летучей мышью? / пер. с англ. М.А. Эскиной. Самара: Бахрах-М, 2003.
5. Лекторский В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия : В 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. М. : Мысль, 2000–2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH018dd6e872549db6296a3b8d>
6. Крамаренко В.Ю., Никитин В.Е., Андреев Г.Г. Интеллект человека. Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. 184 с.
7. Мигуренко Р.А. Здравый смысл как предмет философской рефлексии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 38–45.
8. Буданов В.Г. Обобщенная научная рациональность: истоки, структура, перспективы в цифровую эпоху // Антропомерность как вызов и ответ современности / отв. ред. В.Г. Буданов. Курск : Университетская книга, 2022. С. 44–63.
9. Буданов В.Г. Посткритическая рациональность как оборотная сторона цифровизации // Конструктивизм, реализм, человек. К 90-летию В.А. Лекторского / под ред. Е.О. Труфановой. М. : СПб. : Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2023. С. 214–227.
10. Буданов В.Г. Философия науки в цифровую эпоху: о перспективах постнеклассики // Третьи Степинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху: материалы Междунар. конф. (Москва, 20–23 июня 2023 года) / отв. ред. В.А. Лекторский, В.Г. Буданов. Курск : Университетская книга, 2023. С. 41–52.
11. Буданов В.Г. Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. 2024. № 67 (3). С. 27–52.
12. Интегральная деятельность мозга при локальных поражениях / отв. ред. Б.Ф. Ломов, О.С. Адрианов. М. : Наука, 1981. 237 с.
13. Самохин М.В. Межполушарная симметрия головного мозга // Современная терапия в психиатрии и неврологии. 2019. № 1. С. 22–25.
14. Ротенберг В.С. Мышление // Диалектика познания / [В.П. Большаков, В.П. Бранский, А.М. Гендин и др.]; под ред. А. С. Кармина. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. 298 с.
15. Kekes J. A new defense of common sense // American Philosophical Quarterly, 1979. Vol. 16, № 2. P. 115–130.
16. Наталья Касперская: «задача «отказ от бумаги к 2030 году» – это диверсия под госуправление. URL: <https://argumenti.ru/society/2025/07/958889?ysclid=mdc019dw6k46987575>
17. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М. : Политиздат, 1972. 302 с.
18. Mercier H., Sperber D. The Enigma of Reason. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2017. 396 p.
19. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в рамках выполнения «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
20. Бугаков И.А. Как создать дружелюбный искусственный интеллект // Известия Института инженерной физики. 2019. № 4 (54). С. 116–121.
21. Choi Y. The Curious Case of Commonsense Intelligence // Daedalus. 2022. Vol. 151 (2). P. 139–155. doi: 10.1162/daed_a_01906
22. Использование систем искусственного интеллекта в научной работе и профессиональных практиках: материалы круглого стола // Научно-исследовательские исследования. 2024. № 4. С. 24–79.
23. Интересные промпты: подборка самых смешных, безумных и креативных задач. URL: https://plaan.ai/unusual-prompts/#Неожиданные_и_Абсурдные_Результаты
24. Trujillo J. The DARPA Machine Common Sense (MCS) Program: A Phenomenological Diagnosis of its Interpretational Challenges. 2023. 26 p.

References

1. Chirkina I. Vliyanie tekhnologiy iskusstvennogo intellekta na sovremennyye metody v marketinge // Vestnik nauki. 2024. T. 4, № 3 (72). S. 123–133.
2. Iskustvennyy intellekt nauchilsya raspoznavat' emotsii. URL: <https://hinews.ru/technology/iskusstvennyj-ntellektnauchilsyaaspoznavat-emocii-k-chemu-eto-mozhet-privesti.html>
3. Rynok sistem detektsii i raspoznavaniya stremitel'no rastet. URL: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=211745>
4. Nagel' T. Kakovo byt' letuchey mysh'yu? / per. s angl. M.A. Eskinoy. Samara: Bakhrakh-M, 2003.
5. Lektorskiy V. A. Sub'yekt // Novaya filosofskaya entsiklopediya : v 4 t. / Institut filosofii RAN; Natsional'nyy obshchestvenno-nauchnyy fond; Predsedatel' nauchno-redaktsionnogo soveta V.S. Stepin. M.: Mysl', 2000–2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH018dd6e872549db6296a3b8d>

6. Kramarenko V.YU., Nikitin V.E., Andreyev G.G. Intellect cheloveka. Voronezh : Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1990. 184 s.
7. Migurenko R.A. Zdravyy smysl kak predmet filosofskoy refleksii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 370. S. 38–45.
8. Budanov V.G. Obobshchennaya nauchnaya ratsional'nost': istoki, struktura, perspektivy v tsifrovuyu epokhu // Antropomernost' kak vyzov i otvet sovremennosti / otv. red. V.G. Budanov. Kursk : Universitetskaya kniga, 2022. S. 44–63.
9. Budanov V.G. Postkriticheskaya ratsional'nost' kak oborotnaya storona tsifrovizatsii // Konstruktivizm, realizm, chelovek. K 90-letiyu V.A. Lektorskogo / pod red. YE.O. Trufanovoy. M. ; SPb. : Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2023. S. 214–227.
10. Budanov V.G. Filosofiya nauki v tsifrovuyu epokhu: o perspektivakh postneklassiki // Tret'i Stepinskiye chteniya. Perspektivy filosofii nauki v sovremennuyu epokhu: materialy Mezhdunar. konf. (Moskva, 20–23 iyunya 2023 goda) / otv. red. V.A. Lektorskiy, V.G. Budanov. Kursk : Universitetskaya kniga, 2023. S. 41–52.
11. Budanov V.G. Tekhnosub'yekt i antroposotsial'n'yye problemy vzaimodeystviya s iskusstvennym intellektom: sinergiya, demarkatsiya, novaya ratsional'nost', riski // Filosofskiy nauki. 2024. № 67 (3). S. 27–52.
12. Integral'naya deyatel'nost' mozga pri lokal'nykh porazheniyakh / otv. red. B.F. Lomov, O.S. Adrianov. M. : Nauka, 1981. 237 s.
13. Samokhin M.V. Mezhpolutsharnaya simmetriya golovnogogo mozga // Sovremennaya terapiya v psikiatrii i nevrologii. 2019. № 1. S. 22–25.
14. Rotenberg V.S. Myshleniye // Dialektika poznaniya / [V.P. Bol'shakov, V.P. Branskiy, A.M. Gendin i dr.] ; pod red. A. S. Karmina. L. : Izd-vo LGU, 1988. 298 s.
15. Kekes J. A new defense of common sense // American Philosophical Quarterly, 1979. Vol. 16, № 2. P. 115–130.
16. Natal'ya Kasperskaya: «zadacha «otkaz ot bumagi k 2030 godU» – eto diversiya pod gosupravleniye. URL: <https://argumenti.ru/society/2025/07/958889?ysclid=mdc019dw6k46987575>
17. Spirkir A.G. Soznaniye i samosoznaniye. M. : Politizdat, 1972. 302 s.
18. Mercier H., Sperber D. The Enigma of Reason. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2017. 396 p.
19. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 g. № 490 «O razvitiy iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii» (v ramkakh vypolneniya «Natsional'noy strategiyey razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 godA») // Konsul'tant Plyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
20. Bugakov I.A. Kak sozdat' družhestvennyy intellekt // Izvestiya Instituta inzhenernoy fiziki. 2019. № 4 (54). S. 116–121.
21. Choi Y. The Curious Case of Commonsense Intelligence // Daedalus. 2022. Vol. 151 (2). P. 139–155. doi: 10.1162/daed_a_01906
22. Ispol'zovaniye sistem iskusstvennogo intellekta v nauchnoy rabote i professional'nykh praktikakh: materialy kruglogo stola // Naukovedcheskiye issledovaniya. 2024. № 4. S. 24–79.
23. Interesn'yye promty: podborka samykh smeshnykh, bezumnykh i kreativnykh zadach. URL: https://plaan.ai/unusual-prompts/#Neozhidannyye_i_Absurdnyye_Rezultaty
24. Trujillo J. The DARPA Machine Common Sense (MCS) Program: A Phenomenological Diagnosis of its Interpretational Challenges. 2023. 26 p.

Информация об авторе:

Асеева И.А. – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Aseeva, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: irinaaseeva2011@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.07.2025;
одобрена после рецензирования 09.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 21.07.2025;
approved after reviewing 09.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 316.77+304: 32.019.51
doi: 10.17223/15617793/521/8

Политический блогинг в Китае как коммуникативная практика эпохи постправды

Валерия Евгеньевна Буденкова¹, Елена Николаевна Савельева², Ирина Олеговна Краевская^{3, 4},
София Владимировна Горбунова⁵

^{1, 2, 3} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

⁴ Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

¹ dissovet_iik@mail.ru

² limi77@inbox.ru

^{3, 4} irina_kraevskaya_00@mail.ru

⁵ post_delo@mail.ru

Аннотация. На основе анализа китайских блогов политической направленности выявляются особенности кодирования и декодирования контента, обусловленные национально-культурной и идеологической спецификой. Показано, что создаваемый блогерами информационный продукт вписывается в идейно-смысловую парадигму, транслируемую властью, а его восприятие аудиторией демонстрирует идейную сплоченность и доминирование «общепринятой» точки зрения. Это свидетельствует о встраивании китайской блогосферы в контекст постправды.

Ключевые слова: медиакommunikация, блогосфера, поликодовый текст, кодирование, декодирование, комментарии пользователей, идеология

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-01869) в НИ ТГУ.

Для цитирования: Буденкова В.Е., Савельева Е.Н., Краевская И.О., Горбунова С.В. Политический блогинг в Китае как коммуникативная практика эпохи постправды // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 80–92. doi: 10.17223/15617793/521/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/8

Political Blogging in China as a Communicative Practice in the Post-Truth Era

Valeriya E. Budenkova¹, Elena N. Savelieva², Irina O. Kraevskaya^{3, 4}, Sofiya V. Gorbunova⁵

^{1, 2, 3} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

⁴ National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

¹ dissovet_iik@mail.ru

² limi77@inbox.ru

^{3, 4} irina_kraevskaya_00@mail.ru

⁵ post_delo@mail.ru

Abstract. This paper analyzes Chinese political blogs hosted on the Bilibili platform. The relevance of the study stems, on the one hand, from the popularity of blogging as a form of contemporary political communication and, on the other, from the influence of post-truth on the media environment. The informational product that claims objectivity and reliability is shaped by national-cultural values, ideological principles, and propagandistic imperatives. In this regard, developing tools for media content analysis that can reveal the principles by which an authorial version of a political event is constructed (encoding) and perceived by audiences (decoding) is a timely task. The aim of the article is to demonstrate regularities in the encoding and decoding of political media content in the Chinese blogosphere operating under the “Golden Shield”. The material for analysis comprises two components of online media communication: the addresser’s multimodal (polycode) text and the corpus of addressee responses. The author’s hypothesis is that in the Chinese blogosphere, national-cultural specificities of message encoding/decoding facilitate the seamless embedding of such communication in a post-truth context. The methodology combines semiotic and discourse analysis with qualitative (the content and tenor of statements) and quantitative (their frequency) content analysis. Decoding mechanisms are examined using the author’s model, whose indicators made it possible to identify how the decoding of the blogger’s message is objectified (in user comments). The study also employs the author’s typology of multimodal text, which demonstrates a correlation between its character (“saturated”, “sparse”, and “amorphous”) and the addresser’s political identity. The study identifies distinctive features of political communication in Chinese online media. Despite differences in authorial style and in the salience of political identity, the version of events conveyed by bloggers aligns with the official ideological and semantic paradigm. The message is encoded through a system of signifiers that produces a

multimodal text with a high degree of communicative pragmatics. The decoding process is characterized by reflective engagement with the author's narrative, ideological solidarity among the audience, and the predominance of user-to-user communication. The audience adheres to politeness norms, avoids harsh forms of agreement or objection, and prefers extended comments as well as metaphorical, ironic, and affectively charged statements. These features not only reflect national-cultural specificities (Confucian values, historical traditions, principles of governance and social relations) but also fit within the post-truth context. On the addresser's side, this is indicated by the privatization of truth and the presentation of political events through an established ideological-semantic lens; on the addressee's side, by adherence to a prescribed context and the marginalization of questions concerning the congruence of the interpretive model with empirical reality.

Keywords: media communication, blogosphere, multimodal text, encoding, decoding, user comments, ideology

Financial support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-28-01869) at the TSU Research Institute.

For citation: Budenkova, V.E., Savelieva, E.N., Kraevskaya, I.O. & Gorbunova, S.V. (2025) Political Blogging in China as a Communicative Practice in the Post-Truth Era. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 80–92. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/8

Введение

Несмотря на то, что китайская блогосфера «моложе» общемировой на десять лет, она за короткий срок сумела догнать и перегнать другие страны по числу пользователей интернета и социальных сетей¹ [1].

Интернет в Китае становится площадкой «для публичного выражения своих мыслей» [2. С. 420] и обсуждения широкого круга международных тем и вопросов внутренней жизни страны. Как отмечает Цзяньсинь (Ричард) Лю (J. Liu), первоначально ведение блогов было связано со «стремлением широких масс к (активному и значимому) социальному (и особенно политическому) участию» [3. Р. 69]. В этой связи особое внимание и признание пользователей получает блогинг, ориентированный на освещение, анализ и интерпретацию социально-политических событий, влияющий на формирование новостной повестки и картины социополитической реальности².

Сегодня блогеры в Китае (как и во всем мире) с помощью набора онлайн-инструментов, позволяющих сочетать визуальные, вербальные и невербальные средства коммуникации, имеют возможность производить информационный продукт, претендующий на объективность и достоверность. Но, как любой конкурентной среде, политической блогосфере присуща субъективность оценок, обусловленная идеологическими установками, национально-культурной спецификой, агитационно-пропагандистским контекстом и т.д. Положение усугубляет ситуация постправды, характеризующая актуальное состояние современной коммуникативной реальности и конфигурацию информационного пространства. В современном мире – это территория «нового режима истины», ориентированного на борьбу за ее производство, контроль, критерии, т.е. за право определять «правила игры» в знание (С. Фуллер) [4]. Это также территория снижения роли фактов и аргументации, апелляции «к рефлексам, а не к рефлексии» [5. С. 46]. В ряду приемов и механизмов постправды: отказ от всестороннего рассмотрения предмета и фрагментарное фокусирование на тех аспектах и деталях, которые вписываются в предзаданный идейно-смысловой контекст; переозначивание элементов с целью вызвать определенную реакцию

аудитории (подчинение семантики прагматике); акцент на эмоциональном восприятии в противоположность рациональной аналитике [6].

В этих условиях разработка инструментов анализа контента, позволяющих раскрыть принципы конструирования авторской версии политического события (кодирования) и восприятия ее аудиторией (декодирования), представляется актуальной задачей.

Обращение к социальным медиа КНР является логичным продолжением изучения российской блогосферы как пространства самостоятельной политической активности, в котором каждый пользователь может манифестировать свое политическое кредо и найти ту картину социополитической реальности, которая отвечает его «вкусам» и потребностям [7, 8].

Цель данной статьи: показать закономерности кодирования и декодирования медиаконтента политического содержания в китайской блогосфере, выработавшей «свои собственные особенности благодаря авторитарной политической системе и конфуцианской социокультурной традиции» [3. Р. 68].

Предметом анализа выступили две составляющие сетевых медиакommunikаций: поликодовый текст адресанта (сочетающий вербальные, невербальные, визуальные компоненты) и текстовой массив отзывов адресатов.

Суть авторской гипотезы состоит в том, что в китайской блогосфере национально-культурная специфика кодирования и декодирования сообщений способствует ее успешному встраиванию в контекст постправды. Методология исследования включает семиотический и дискурсивный анализ, а также качественный (содержание и характер высказываний) и количественный (их частотность) контент-анализ. Механизмы декодирования исследованы при помощи авторской модели, индикаторы которой позволили выявить особенности объективации (в отзывах пользователей) декодирования информации, транслируемой блогером. Применена также авторская типология поликодового текста политической направленности [8], в рамках которой «насыщенный», «разреженный» и «аморфный» поликоды маркируют политическую идентичность адресанта.

При обращении к дискурсивным практикам политической блогосферы учтены особенности политической культуры Китая, в основании которой конфуцианские социально-этические нормы [9]. Среди них:

стремление к гармонии и бесконфликтности; нацеленность на достижение идеального общества как строго иерархического социума; пиетет перед традицией и обращение к исторической памяти о великих достижениях, консолидирующих общество на уровне общественного и индивидуального сознания.

«История, таким образом, лишает функциональной значимости “политику”, которая в западном понимании этого слова в принципе чужда китайской культуре, ибо государство в Китае всегда было институтом скорее этическим, чем политическим» [9. С. 231].

Новизна и оригинальность полученных результатов связаны не только с обращением к сетевой политической активности в китайском сегменте интернета, но в большей степени с анализом процесса декодирования адресатом транслируемого адресантом контента.

Следует отметить, что исследований, непосредственно касающихся темы политического блогинга в КНР, очень мало. Тем не менее можно выделить ряд отечественных и зарубежных публикаций, посвященных китайским интернет-медиа: истории, типологии, особенностям развития и функционирования блогосферы (J. Liu [3], Ван Чжунминь [10], Та На [11], Ян Кэ [12], Э. Камалидин кызы и др. [13], С.В. Мажинский и др. [14]); анализу системных изменений структуры медиасферы (С.Г. Малашонок, А.К. Мамедов [15]); проблемам становления гражданского дискурса (Y. Wang [16], S.D. Reese и соавт. [17]); изучению правительственных онлайн-медиаресурсов, в том числе как средства антикризисной коммуникации (Сюй Вэнь-ху [18], Lixiong Chen & Nairui Xu [19]); роли интернет-коммуникаций в повышении политической активности китайской молодежи (J. Fu [20], И.И. Толстикова и др. [21]). Особый интерес представляют работы, в которых цензура и самоцензура анализируются как механизмы управления блогосферой (G. King и соавт. [22], K. Hearn [23], J. Liu [3], А.Н. Карнеев [24]), а также рассматриваются приемы, отчуждающие изначальные смыслы политических протестов (Я. Лю [25]).

Также заслуживают внимания исследования, в которых в соответствии с отечественной традицией динамика развития медиасферы КНР рассматривается в широком контексте общественно-политических и экономических процессов, исторического опыта государственного строительства, особенностей политической культуры, конфуцианских социально-этических норм ([2], А.Н. Карнеев [24, 26], А.П. Бочарова и соавт. [27], В.А. Корсун [9]).

Анализ дискурсивных особенностей сетевых сообществ представлен в коллективной монографии «Субъектность и жизнеспособность сетевых сообществ в дискурсивном пространстве Интернета» [28], а также в ряде статей Т.А. Гребенщиковой, Т.А. Кубрак, Н.Д. Павловой [29].

Концептуализация феномена постправды посвящены работы С. Фуллера [4], С.В. Чугрова [5], Ю.В. Шатина [30], Н.А. Родосского [31] и др.

В целом, несмотря на актуальность и исследовательский интерес к указанной проблематике, приходится констатировать наличие «белых пятен». К таковым можно отнести и изучение механизмов декодирования на основе комментариев пользователей.

Особенности китайской медиасреды

В первую очередь, отметим принятое в Китае разделение на официальные и неофициальные новые медиа [3, 12, 13, 15, 21]. К официальным относятся правительственные веб-сайты, государственные (под прямым руководством Правительства КНР) и партийные (подчиненные КПК) публичные новостные издания [13]. Их отличает провластная позиция, наличие традиционных акторов публичной политики (государство, политические партии, общественные организации), существование в онлайн- и офлайн-формате. Именно официальные медиа призваны формировать «единое информационно-дискуссионное поле как основной инструмент влияния на публичную политику в онлайн- и офлайн-пространстве» [12. С. 60].

Неофициальное направление представляют социальные медиа, в том числе блоги, микроблоги и другие сетевые формы гражданской журналистики, вносящие вклад в развитие гражданского общества, формирующие пространство публичной полемики [24]. Акторами публичной политики здесь выступают блогеры, сетевые сообщества, интернет-издания, действующие исключительно в онлайн-пространстве и ориентированные «на артикуляцию существующих в обществе интересов и требований» [12. С. 61]. Такие медиа отличаются отсутствием прямых инвестиций со стороны государства и характеризуются использованием в качестве площадки для обмена мнениями и обратной связи с общественностью [23. С. 889]. Сюда же можно отнести негосударственные медиа: издания, основанные китайцами, проживающими за границей, не попадающие «под действие законов и нормативных актов материкового Китая» [13. С. 793], считающиеся «враждебными зарубежными или реакционными СМИ» [24].

Медиа обоих типов играют важную роль в трансляции политической информации. Хотя государственные каналы и рассматриваются в качестве основных, социальные сети также становятся лидерами общественного мнения [20. С. 236] и способствуют раскрепощению, плюрализации сознания [26. С. 36]. «Все большее число китайских журналистов также ведут блоги, предоставляя больше разнообразной информации и анализа, чем они могут сделать в своих официальных новостных изданиях» [3. С. 68].

При этом политическим блогерам свойственна «гибридизация» – совмещение деятельности в официальных и неофициальных медиа. Блогер может являться продуктом и представителем государственной, административной, образовательной системы, академической элиты, появляться на государственных платформах и телеканалах (например, CGTN), на площадках университетов и видеохостингов. Одновременно он может идеально вписываться в модель «неофициального нового медиа», имея личный веб-сайт, аккаунты в соцсетях, участвовать в коммерческих телепрограммах вне прямого руководства властей, но при этом транслировать взгляды, полностью соответствующие официальной линии, выступать мощным идеологическим проводником (разъясняя принципы официальной политики, сложные геополитические конфликты, разоблачая действия «западного империализма» и т.д.).

Это очевидный показатель взаимодействия государственных институтов с неофициальными медиа, т.е. успешного использования инструментов, усиливающих и популяризирующих государственные стратегические нарративы, придающих им глубину и интеллектуальную убедительность.

Независимые же от государственных органов и официальных каналов аналитики позволяют себе транслировать взгляды, которые расходятся с текущим политическим курсом и критикуют современные социально-экономические и политические реалии Китая. Поводом для обсуждений становятся проблемные точки государственного устройства: «рыночный» социализм, «социализм с китайской спецификой», «авторитарная социалистическая демократия» (В.А. Корсун), «бюрократически-коммунистическая модель» (А.В. Лукин), вызывающие живые дискуссии сторонников левого и правого коммунизма [32. С. 74], «старой левой гвардии» и «новых левых», сторонников ортодоксального маоизма и приверженцев особой «китайской модели» [9. С. 235].

Между тем к публичной деятельности допускаются лишь те независимые блогеры, чья критика облекается в «правильную» форму (политкорректности, неявности, иносказаний, самоцензуры), не выходящую за дозволенные в публичных дискуссиях границы, т.е. строго следующие не артикулированным, но всем понятным правилам. С одной стороны, это показательная демонстрация в медиаполе определенного идеологического плюрализма, «палитры идейных течений» (В.А. Корсун), наличия внутренней полемики между разного рода идейно-политическими лагерями в Китае, которая «сейчас по накалу страстей не уступает полемике с заграничными оппонентами» [24. С. 113].

С другой стороны, пределы идеологического плюрализма устанавливаются и контролируются с помощью механизмов цензуры (например, сепарируя острые темы Тайваня, Тибетский вопрос и т.д.). У исследователей есть повод утверждать, что «большинство мнений, выражаемых в китайском Интернете, появляются там потому, что режим это допускает» [23. С. 888]. Более того, имеют место практики использования властями не только местных [23. С. 889–890], но и «враждебных» зарубежных ресурсов [24. С. 120] для продвижения официальной идеологии и политики. Таким образом, китайская медиасфера, будучи капиталистической корпорацией, остается «неизменно подконтрольной государству» [15. С. 84].

Следствием характерного для политической культуры Китая стремления «держать публичную полемику и саму возможность распространения политической информации под строгим контролем» [24. С. 111] являются цензурирование и регулирование потоков информации. При этом прямые политические темы подвергаются более серьезной проверке, чем сообщения пользователей, связанные с социально-экономическими проблемами Китая [27. С. 100].

Один из распространенных способов управления политической (и не только) блогосферой – блокировка и запрет слов и сайтов. Кэй Хирн (Kay Hearn) приводит

данные по списку подцензурных для китайского сегмента интернета слов, в котором около 15% связаны с сексом, остальные – с политикой [23. Р. 897]. А по заявлению Сяо Цян (редактор базирующегося в США издания *China Digital Times*), самое прямое влияние цензуры на блогинг заключается в том, что в китайской блогосфере не хватает «политических блогеров», чистая политика просто слишком опасна [23. С. 898].

При этом следует иметь в виду, что исследователи, знакомые с ситуацией, по-разному оценивают текущее положение дел. Для одних – это признак роста «нового китайского авторитаризма», отсутствия символического пространства «для открытого обсуждения между различными заинтересованными группами, опирающимися на разные политические ценности» [25. С. 284]; повод укорить КНР в создании «Великой китайской стены Интернет-цензуры», где «усилиями властей поддерживается целая армия штатных и внештатных проправительственных комментаторов (умао дан), призванных направлять общественное мнение пользователей в «правильное русло» [24. С. 112].

Другие рассматривают контроль интернета как способ укрепления функций государства и гражданского общества, способствующий либерализации политического процесса, а отказ от публичных высказываний представителей разных идейно-политических лагерей объясняется стремлением к объединению интеллектуальных сил вокруг руководства КПК и идеи «великого возрождения китайской нации» [26. С. 29]. При этом указывается на сохранение (хотя и в своеобразной форме) пространства для диапазона мнений и дискуссий, на возможность донесения «своих взглядов «из-под глыб» государственной машины унификации сознания» [26. С. 42].

Таким образом, по замечанию К. Хирн (K. Hearn), «сколько появляется историй о том, что Интернет в Китае становится свободнее, столько же появляется историй о репрессиях и о том, насколько китайские власти пытаются “контролировать” поток информации» [23. Р. 895].

Особой формой цензуры в китайских медиа является самоцензура, определяющая специфику коммуникаций и своеобразие китайского сегмента интернета. Ее проявлением считается осторожность в высказываниях, обращение к политически менее чувствительным темам (экологии, совершенствованию системы здравоохранения, образования и т.п.) [26. С. 38], вплоть до полного отказа от открытого выражения политических взглядов. Примечательной чертой дискурса является использование иронии, намеков, умения читать между строк [3. Р. 72], обращение к завуалированным смыслам эзопова языка, к которому «китайский обыватель... приучен веками» [9. С. 232]. В китайском медиaprостранстве «словесная и иероглифическая эквилибристика, базирующаяся на зрительном восприятии информации, когда один и тот же текст можно наполнить разными символами и смыслами, а обилие омонимов позволяет любой комплимент обратить в оскорбление и наоборот, достигла небывалых высот» [9. С. 232]. Это характерно не только для неофициальных, но и для официальных СМИ. Так, использование мета-

фор, цитат, пословиц, поговорок и стихов Си Цзиньпином рассматривается в качестве доказательства связи китайского лидера с культурой страны [33. С. 564].

Отдельных комментариев заслуживает фигура блогера. Дело в том, что из разных переводов слова «блог» на китайский, подразумевающих определенные социальные намерения и действия (веб-дневник, личное развитие), утверждается вариант 客客 (бокэ), обозначающий: 1) ученых со степенью доктора философии, т.е. социальную элиту, ответственную «за производство и интерпретацию достоверных знаний»; 2) уважаемых гостей сильных мира сего; 3) профессионалов [3. Р. 69]. J. Liu в этом видит проявление конфуцианского элитарного императива, пронизывающего китайскую блогосферу. Роль блогера как влиятельного транслятора политической информации рассматривается с позиции победы элиты над рядовыми членами общества. Тем более, что распространение формата блога в китайском интернет-пространстве инициировано и сконструировано элитными социальными группами [3]. Владелец личного блога может быть не один человек, а коллектив, имеющий тщательно продуманную повестку, задачи, ресурсы, стратегический план.

Таким образом, блогер выступает в роли авторитетного проводника (рупора) государственных и партийных установок (в том числе лояльного критика), приобщенного к «модальной власти» (С. Фуллер). Неслучайно его личные качества, как мы покажем ниже, не столь значимы.

Итак, в ряду особенностей функционирования политической блогосферы Китая – разведение медиа на два потока (официальные и неофициальные), действующих в условиях контроля правящей партии (КПК) и правительственных институтов над информационным пространством. Этот контроль выражается в утверждении и продвижении (в том числе посредством цензуры и самоцензуры) своей «дискурсивной власти», т.е. «права формулировать повестку дня» продвижения реформ и развития общества» [26. С. 37].

Мы полагаем, что подобную монополию государства и КПК можно рассматривать как очевидную победу в борьбе за «модальную власть», т.е. за право провозглашать истину, устанавливать «правила игры» в знание. Подчеркнем, что в этих социокультурных обстоятельствах коммуникативная среда постправды получает специфическую (национально-культурную) окраску, поскольку привилегия производства и оценки информации, легитимации и обоснования истины, контроль над распознаванием истины и лжи принадлежат одному актору, распространяющему свое влияние как на официальные, так и на неофициальные медиа. Пролиферация истин, множественность персонализированных «мини-правд» и версий реальности (как это имеет место в российской политической блогосфере) не целесообразны.

Практика политблогинга: кодирование

В рамках проводимого исследования был изучен контент, размещенный на платформе «Билибили» (Bilibili), освещающий актуальные мировые и национальные политические события периода с 2020 по

2025 г. Выборка видеотекстов проведена на основании степени популярности авторов (число подписчиков), а также по их профессиональной принадлежности и типу медиа.

Блогеров, относящихся к категории «официального» направления новых медиа, представляет Ди Дуншэн [34] – заместитель декана Школы международных отношений Народного университета Китая, профессор (819 тыс. подписчиков).

Гибридную позицию, выступая на официальных и неофициальных платформах либо транслируя официальные нарративы в личных блогах, занимают: Шэнь И [35] – доктор политических наук, профессор Школы международных отношений и публичной администрации при Фуданском университете (Fudan University), эксперт по международным отношениям и кибербезопасности, «государственный ястреб» (2,23 млн подписчиков); Чэнь Пин [36, 37] – профессор Техасского университета (Остин), исследователь Университета Циньхуа (1,373 млн подписчиков); Сыма Нань [38, 39] – обозреватель, комментатор, телевизионный эксперт (1,633 млн подписчиков); Чжан Шаочжун [40–44] – военный теоретик, комментатор, бывший старший офицер ВМС НОАК, сотрудник Национального университета обороны, «народный просветитель» (4,389 млн подписчиков).

Группа блогеров, относящихся к «неофициальным» новым медиа: Ян Хэпин [45] – экономист, проповедник классической марксистской политэкономии, представитель радикальной левой идеологии, «идеологический пурист» (807 тыс. подписчиков); Бао Мин [46] – военный аналитик (окончил Военный университет), приглашенный исследователь ряда университетов, в том числе Китайского института современных международных отношений (59 264 подписчика); Вэнь Тецзюнь [47] – аналитик, транслирующий позицию «хранителя идеологической чистоты» левого толка, не занимает официальных постов в государственных структурах (2,334 млн подписчиков).

Выявленные в рамках типологии политического контента (разработанной на материале российской блогосферы) характерные признаки позволяют отнести рассмотренные видеотексты к «разреженному» и «насыщенному» типам поликодового текста. Их определяет наличие политической идентичности и идеологической базы, обуславливающих содержательно-смысловое единство текста и ориентацию на декодирование социально-политических означающих в общем идейно-концептуальном поле. Разница – в доминировании вербальной составляющей в контенте «разреженного» типа и в активном использовании визуальных (нелингвистических и паралингвистических) элементов, педалирующих и разъясняющих идейно-политическое содержание в «насыщенном» поликоде. Подчеркнем, что роль иконических составляющих не связана с необходимостью ориентировать пользователей на опознание «своих» (автора, аудитории). Политическая идентичность для всех очевидна, и при вариативности стилистики изложения событие интерпретируется в рамках институционально утвержденной картины социополитической реальности.

Визуальные элементы настраивают на объективность интерпретации, переводя политическое событие в наглядный формат, а также усиливают эмоциональное воздействие на аудиторию. Авторская позиция находит выражение не в альтернативности/индивидуальности идейно-смысловой трактовки, а в области инструментальной организации текста (дизайне студии, манере речи, звуковом сопровождении, инфографике и т.п.), влияющей на «эффективность словесного жеста» (Ю.В. Шатин).

Так, в «разреженных» поликодовых текстах (Учитель Шэнь И, Ян Хэпин, Чэнь Пин, Учитель Ди Дуншэн, Вэнь Тецзюнь) иконические означающие представлены скудно (рис. 1): статичная внутрикадровая композиция офисного или домашнего интерьера, где маркеры гражданской позиции и профессиональных ориентиров отражены в подборке и названиях книг (Чэнь Пин, Ян Хэпин), атрибутике (фрагмент флага

КНР в кадре Чэнь Пина), дизайне обрамления кадра (сочетание синего – символ знающего интеллектуала и красного – революции и политической мощи Китая у Шэнь И).

Здесь ответственность за идейно-смысловое единство и идеологическую благонадежность политического нарратива ложится на вербальный элемент, причем используются как рациональные процедуры обоснования версии происходящего, так и приемы эмоционального воздействия: метафоры и философские сентенции («Россия предложила оливковую ветвь», «Познай себя и своего врага»); риторические вопрошания («Вам ведь нужны друзья, верно?», «Я один думаю, что коммунизма достичь реально трудно и что же с этим делать?»); недескриптивные субъективные высказывания («Европейские друзья, вероятно, почувствовали холодок»; «Это полный бред»)³.

Рис. 1. Блогеры Ян Хэпин, Чэнь Пин, Шэнь И

Рис. 2. Фрагменты видеоблога «Новости начальника бюро» (блогер Чжан Шаочжун)

В «насыщенных» видеотекстах (Чжан Шаочжун, Сыма Нань, Бао Мин и др.) процесс подачи и обсуждения событий (и, что важно, идейно-смысловые ориентиры) «уточняются» демонстрацией видео-, фотоматериалов, архивно-документальных кадров, документов, анимации, графики, ссылками на официальные источники, использованием карты мира и т.д. (см. рис. 2, 3). Элементы события «корректируются», переозначиваются в оптике конвенциональной модели социополитической реальности, тем самым актуализируя ее и подтверждая.

Показательный пример – видео Чжан Шаочжуна «Китайско-американские отношения резко ухудшаются, и угроза войны возрастает в ближайшие четыре месяца» (от 28 июля 2020 г.), где фрагментарная подборка событий (закрытие посольства КНР в США, речь Помпео, военные учения Народно-освободительной армии) подается в оптике идейно-смысловой модели национальных приоритетов, несомненных военных и хозяйственных достижений Китая и критики западного империализма. На уровне семантики видеотекст транслирует тезис о необходимости гражданской идейно-патриотической мобилизации. Эта идея подкрепляется разными компонентами поликодового текста (вербальным, визуальным, паралингвистическим).

Авторский нарратив включает характерный набор понятий («риски», «угроза войны», «агрессивный альянс», «наша страна», «моя страна») и сентенций («безграничное терпение Китая воспринимается как слабость и повод для провокаций», «лучший способ предотвратить войну – быть к ней готовыми», «мы все это пережили»). Комбинация множества иконических знаков (уточняющих вербальную составляющую) вызывает доверие и усиливает убедительность интерпретационной модели: ретроспективный обзор событий, предвещающих нынешнюю ситуацию, иллюстрируется визуальным рядом архивно-документальных видео и фото (например, авиаудара по посольству Китая в Югославии в 1999 г.). Вместе с тем (рис. 2) используются приемы переозначивания, маркирующие субъективный контекст подачи информации, рассчитанный на активный эмоциональный отклик аудитории. Например, монтажное противопоставление Своего (героический образ китайского летчика) и Чужого (сюжет с Трампом и его сторонниками); нагнетание чувства опасности посредством монтажа череды изображений руин здания после бомбардировки; показ запуска военных ракет, завершающийся вдохновляющей демонстрацией успехов военно-воздушных сил КНР (кадры новейших самолетов-истребителей).

В видео Сыма Нань (рис. 3), начиная с авторской позиции, которая отчетливо декларируется: «Конечно же, я буду смотреть на президентские выборы в США с точки зрения китайцев...», приемы эмоционального воздействия выражены еще сильнее. В речи используются экспрессивно-оценочные суждения и метафорические формулировки, расставляющие приоритеты «свой–другой»: «экспансионистский империализм», «гегемония американских компаний», «Трампа бьет кулаками», «ухмыляется, глупо хихикая» (о К. Харрис), «дьяволы сеют хаос» (о ХАМАС) и т.д.

Эффективность словесного жеста поддерживается на уровне визуальных составляющих (фото Трампа с искаженным лицом; кадры массовых беспорядков); кинесики (автор эмоционально жестикулирует, бьет веером

по руке); паралингвистических средств (внутрикадровые контрастные надписи – иероглифы белым шрифтом на красном фоне).

Таким образом, выстраивается единое смысловое поле, означающие элементы которого узнаваемы аудиторией – коллективным субъектом «своих». Это указывает на высокий коммуникативный потенциал прагматики текста, что отражено в результатах декодирования. Блогеры нацелены не на рекрутирование солидарной группы, а на донесение и уточнение идейно-смыслового содержания авторской версии политического события в рамках идеологической модели, утвержденной актором, «в руках» которого сосредоточены «производственные и организационные возможности информационно преобразовывать реальность» [48. С. 102].

Рис. 3. Блогер Сыма Нань. Фрагменты видеосюжетов

В поле нашего зрения не попал «аморфный» тип поликода, который отличает развлекательный характер, отсутствие политической идентичности и критическая компонента. Это вполне объясняется тем, что в отличие от разнообразия дискурсов в российской блогосфере, в условиях однопартийной системы и цензуры Китая «любая политическая дискуссия в блогах, направленная на отрицание или ослабление легитимности Партии и ее правления, будет запрещена и наказуема» [3. С. 7].

Практика политблогинга: декодирование

Отметим, что исследование процесса декодирования проведено на базе авторской схемы анализа. Разработанный инструментарий (индикаторы) позволяет выявить механизмы декодирования содержания поликодового текста на материале оставленных аудиторией «следов» его понимания.

За состоявшееся декодирование (индикатор С-Д) принимаются комментарии, поддерживающие осмысленную дискуссию в идейно-содержательном русле авторского нарратива, а также высказывания, предметом которых является выхваченный смысловой элемент, частная деталь, эпизод (в том числе трактовка заданной темы в рамках собственного видения). Данная группа делится на три подгруппы: С-Д[+] – адресат понял и однозначно согласен с авторской позицией; С-Д[=] – дискуссии, оспаривание, дополнения, личные примеры; С-Д[-] – адресат не согласен. Индикатор С-НД означает отсутствие декодирования, т.е. маркирует отзывы и комментарии, не отражающие (возможно, вполне осознанно) понимания текста: лозунги,

эмоциональные высказывания, «мусорные», т.е. бессодержательные реплики, не имеющие отношения к предмету обсуждения и авторской позиции. Индикатор А-НД характеризует группу отзывов, адресованных персонально автору и не затрагивающих декодирования собственно текста. Этот раздел включает положительную оценку личных качеств А-Л[+] (внешний вид, поздравления, восхищения и т.п.); их отрицательную оценку А-Л[-]; положительные отзывы о подаче информации А-П[+] (профессиональность аналитики, благодарности за разъяснения); отрицательные отзывы о подаче информации А-П[-]. Индикатор П-НД фиксирует специфику коммуникации между пользователями по двум направлениям: Б-НД – продолжение беседы, дискуссия, рассуждения в общем идеологическом поле (солидарно/оппозиционно); М-НД – бессодержательный «шлак» (обсуждения автора, восклицания, эмодзи, реакция на рекламу, перепалка и т.п.).

Анализ комментариев пользователей подтвердил предполагаемую корреляцию между конструированием версии политического события (кодированием) и воспроизводством смысла аудиторией (декодированием). Выявлен следующий ряд закономерностей, маркирующих национально-культурную специфику сетевой коммуникации в блогинге политической направленности:

1. Аудитория преимущественно стремится отразить понимание авторского текста, поддерживая осмысленную дискуссию, на что указывают высокие результаты декодирования – до 75%. Число, не «считавших» авторский замысел (либо не пожелавших объективировать результат его понимания) гораздо меньше – до 23% (таблица).

Показатели декодирования авторского текста в комментариях пользователей

Блог	С (содержание: С-Д, С-НД)						А-НД (в адрес автора, не декодировано)						П-НД (пользователи, не декодировано)		
Автор, название, дата публикации видео	Комментариев всего	Комментариев изучено	Декодировано всего (%)	Положительно С-Д[+]	Нейтрально С-Д[=]	Отрицательно С-Д[-]	Не декодировано С-НД	Всего (%)	Личные положительно А-П[+]	Подача положительно А-П[+]	Личные отрицательно А-П[-]	Подача отрицательно А-П[-]	Всего (%)	Беседа Б-НД	Мусор М-НД
Чэнь Пин «Если вы не проявите инициативу...» 24.02.2025	3156	676	106 (16%)	9 (1,3%)	80 (12%)	17 (2,5%)	7 (1%)	1 (0,1%)	–	1 (0,1%)	–	–	562 (83%)	517 (76%)	45 (7%)
Чэнь Пин «Украинская война...» 21.02.2025	393	393	131 (33%)	6 (1,5%)	116 (29,5%)	9 (2,3%)	36 (9%)	6 (1,5%)	–	6 (1,5%)	–	–	220 (56%)	193 (49%)	27 (6,8%)
Чжан Шаочжун «Откуда у Индии...» 12.09.2020	1892	620	44 (7%)	–	44 (7%)	–	11 (1,8%)	–	–	–	–	–	565 (91%)	421(68%)	144 (23%)
Чжан Шаочжун «Китайско-американские отношения...» 28.07.2020	14789	4053	10 (0,2%)	–	10 (0,2%)	–	2 (0,04%)	–	–	–	–	–	4041 (99,7%)	2918 (71,9%)	1123 (27,7%)
Учитель Шэнь И «Переговоры...» 19.02.2025	2295	838	68 (8%)	–	68 (8%)	–	19 (2%)	1 (0,1%)	–	–	–	1 (0,1%)	750 (89%)	541 (65%)	209 (25%)
Ян Хэпин «Личную борьбу...» 15.10.2024	361	259	35 (13,5%)	6 (2,3%)	29 (11%)	–	9 (3,4%)	–	–	–	–	–	215 (83%)	107 (41%)	108(41%)
Сыма Нань «Большая ирония...» 05.11.2024	8	8	6 (75%)	–	6 (75%)	–	0	–	–	–	–	–	2 (25%)	2 (25%)	–
Учитель Ди Дуншэн «Рассказывает о стратегии...» 01.07.2025	773	473	48 (10%)	–	48 (10%)	–	23(5%)	24 (5%)	2 (0,4%)	22(4,6%)	–	–	378 (80%)	317(67%)	61(13%)

2. Слаженность аудитории проявляется в двух аспектах: в идейно-политической солидарности, сплоченности; в способности не уклоняться от заданного предмета обсуждения в рамках авторского нарратива, в том числе цепко и дружно удерживать выхваченный смысловой элемент, частную деталь, эпизод.

3. Наличие дискурсивных особенностей отзывов и комментариев. Так, пользователи, пожелавшие откликнуться на содержание видеотекста и поддержать осмысленную дискуссию в русле авторского нарратива, часто делают это в форме развернутых обстоятельных рассуждений, раскрывая и дополняя предложенную интерпретацию события. Распространены формулировки метафорического характера («Вместо того чтобы становиться «свободным и одиноким» ковбоем, лучше стать группой объединенных «разъяренных быков», «Не вступайте вброд в мутную воду») в форме риторических вопрошаний («Так в

чем же заключается наша роль?»), «Разве марксизм – это не просто «Прояви себя»?»), а также сентенций ироничного, саркастического характера, отражающих понимание авторского нарратива.

При этом характер отношения к авторскому высказыванию (однозначное согласие, нейтралитет, возражение) не имеет четкой артикуляции, поскольку в большинстве случаев аудитория проявляет вежливую готовность к дискуссии, в целом совпадая с позицией блогера. Дискуссия вокруг авторской точки зрения может осуществляться в форме ее развития и обобщения («Мы должны не только видеть, что эксплуатация действительно существует, но и то, что труд может преобразовать природу мира, и наоборот»), обращения к личным примерам и жизненному опыту («Я хочу рассказать о некоторых наблюдениях за своей компанией...»), обсуждения деталей в рамках заданной темы

(«Вы не знаете, что индийские мотоциклы достаточно мощные, чтобы вместить 50 человек. Вы не знаете, что грузоподъемность индийских поездов в несколько раз больше, чем у поездов внутреннего сообщения. Вы не знаете, что индийцы часто используют воду из Ганга, чтобы утолить жажду...»), провозглашения лозунгов и призывов («Товарищи, помните, у нас нет союзников!», «Играйте роль гегемона по отношению к слабой стране, изгоя по отношению к сильной и добродетельной стране и брата по отношению к сильной и беспринципной стране»).

Имеющиеся разногласия касаются не идеологического и (или) концептуального содержания, а разных аспектов интерпретации политического события (деталей, личного отношения к происходящему, прогнозов и т.д.). Позволяя себе не согласиться с автором, пользователи остаются в общем идеологическом поле, а также в рамках норм вежливого (за редким исключением) общения. Императивных высказываний крайне мало (например «Не говорите глупостей по этому поводу. Министерство иностранных дел России неоднократно и публично выступало против присутствия иностранных войск на Украине»). В основном это корректные взвешенные рассуждения, поясняющие позицию комментатора («Избыточные мощности – это личное ложное предположение, и проблема в том, что рынок недостаточно велик», «Я совсем не согласен: Соединенные Штаты достаточно заинтересованы в провоцировании этой войны», «Европейский союз при Меркель обрел относительную самостоятельность и не желает быть младшим братом Соединенных Штатов, неодобрительно глядя на Россию и Китай», «Учитель ошибается. Соединенные Штаты наследуют Соединенному Королевству и играют в офшорах»).

Отзывы пользователей, не декодирующих, т.е. не уяснивших содержание текста, либо не пожелавших отразить свое понимание (реплики, лозунги, эмоциональные фразы общего характера, бессмыслица) в большинстве случаев остаются в идеологическом поле авторского нарратива («Если поругана родина, горячий человек должен заняться самосовершенствованием и осушить эту чашу вина из своего родного города. Сильный человек ушел навсегда. Бурлящая река Хуанхэ и река Янцзы дают мне жизнь и придают мне сил...», «Придумал лозунг: «Говори по-китайски и будь цивилизованным человеком!»).

4. Крайне малое внимание к личности автора. Отзывы относительно внешнего вида, личные пожелания, оценка подачи информации и т.п. минимальны (0,2–5%) либо полностью отсутствуют (в отличие от отечественной политической блогосферы). Случаи же адресного высказывания не выходят за пределы оценки аспектов профессиональной деятельности («У Учителя проблемы с горлом, или это проблемы с радио?», «Профессор Чэнь – сокровище, которое я только что обнаружил. Профессор Чэнь, теперь я ваш железный поклонник!», «Обратите внимание, что произношение Учителя совсем нечеткое»). Они также могут интегрироваться в комментарий по теме дискуссии («Помните, что сказал профессор Чэнь раньше: “Российско-украинская война будет вестись либо три месяца, либо

три года”. Теперь, похоже, прогноз верен», «В точке зрения учителя Чэня нет ничего плохого. Если придет время, вам нужно проявить инициативу, чтобы воспользоваться ею. Идеал сообщества человеческих судеб в Китае может быть реализован только при наличии возможности») или предварять собственный отзыв в форме вежливого адресного обращения («Я очень уважаю учителя Чэня, но позволю себе не согласиться по этому поводу...»). Таким образом, личность автора (внешний вид, обстоятельства жизни и т.п.) имеет второстепенное значение и неразрывно связана с создаваемым информационным продуктом. Блогер для аудитории – в первую очередь, знающий профессионал (эксперт), принадлежащий к интеллектуальной элите.

5. Доминирование коммуникации пользователей между собой. Количество комментариев к комментариям преобладает – до 99% – над откликами непосредственно на авторский текст.

Так, в ответ на фразу-вопрос пользователя «Трамп не хочет полагаться на президента военного времени при переизбрании, не так ли?» последовало 837 откликов; 438 откликов получает иронично-саркастическая реакция на авторский текст «Я родился в Китае и мечтаю о Соединенных Штатах. В конце концов я покину эту землю, где я родился, и отправлюсь в свободную страну, к которой я стремлюсь день и ночь... Я надеюсь, что, когда я приеду в Соединенные Штаты, люди там будут помнить мое имя. Меня зовут... Межконтинентальная стратегическая ракета Dongfeng 41D». При этом отдельный подраздел «беседа» (дискуссии, обмен мнениями, перепалка) занимает большую часть по сравнению с «мусором». Его отличает все та же «цепкость» по отношению к обсуждаемому предмету и безусловная идеологическая монолитность. Пользователи продолжают увлеченно оценивать авторскую версию политического события, ее частные детали, удаляясь от нее, но не порывая с ней окончательно. Более того, часто «беседа» представляет собой продолжение осознанной дискуссии («Как я могу драться рядом со своим собственным домом? Председатель Мао учил нас, что мы должны драться в домах других людей...», «Ган, я не хочу проходить через войну в своей жизни», «Я действительно надеюсь на мир во всем мире, но китайско-американская дружба – это отвратительно»), в том числе с привлечением метафор, эмоциональных высказываний и лозунгов («Собака в спешке перепрыгнет через стену... Просто дождитесь представления», «Я хочу открыть окно, а вы мне не позволяете, поэтому я предлагаю поднять крышу, чтобы вы согласились, чтобы я открыл окно», «Я не знаю, промыли ли вам мозги и поставили ли вас на колени. Вы действительно думаете, что два авианосца могут решить проблему Китая?»). Разногласия выражаются в корректной форме, не доходя до прямых оскорблений.

Раздел «мусора» (реплики, не имеющие отношения к изначальному предмету авторского текста, картинки, восклицания) значительно меньше «беседы». Однако и здесь наблюдается общность идеологических ориентиров («Да здравствует председатель Мао!», «Пусть эти реакционеры дома и за границей трепещут перед

нами»), и относительное соблюдение границ вежливого общения («Вы ошибаетесь, встал не только я, но и вся нация, включая Вас. Но некоторым людям просто нравится стоять на коленях. Например, Вам», «Такому наивному человеку, как ты, незачем больше думать. В конце концов, о чем ты можешь думать, так это о людях и вещах, которые такие же мерзкие, как ты. Перестань быть смешным, хорошо?»).

В завершение отметим сдержанность аудитории в использовании графических символов – эмодзи, смайлов и т.п. Возможно, это связано со спецификой темы контента.

Заключительные выводы

Итак, в результате анализа контента китайских блогов выявлены следующие закономерности политической сетевой медиакommunikации. При всей разнице «авторских почерков» и степени энтузиазма в выражении политической идентичности, предлагаемая версия события (картина реальности), транслируемая блогером, в целом соответствует официальной (КПК, правительство) идейно-смысловой парадигме (расхождения и критические замечания в рамках допустимого в медиaprостранстве). Смысловое содержание интерпретационной модели кодируется при помощи системы означающих, формирующих поликодовый текст с высоким коммуникативным уровнем прагматики.

Процесс декодирования отличают активность демонстрации осмысленной реакции на авторский нарратив, идейная солидарность аудитории, незначительное внимание к личности автора, доминирование коммуникации пользователей между собой. Аудитория со-

блюдает нормы вежливости, избегает резких форм согласия/возражения, отдает предпочтение развернутым комментариям, а также демонстрирует приверженность метафорическим, ассоциативно-поэтическим, ироничным, саркастическим, эмоциональным высказываниям.

Перечисленные особенности не только отражают национально-культурную специфику (конфуцианские ценности, исторические традиции, принципы государственного устройства и социальных отношений), но и вписываются в контекст постправды. Со стороны адресанта на это указывает приватизация истины (согласованной с трансцендентальным субъектом власти) и подача политического события в установленной идейно-смысловой оптике, фрагментирующей поле происходящего, переозначивающей элементы события с целью вызвать определенную эмоционально-субъективную реакцию аудитории. Адресат охотно декодирует транслируемый текст, включаясь в процесс сетевой коммуникации, подтверждающий контуры общей модели социополитической реальности. Пользователи приобщаются к конвенциональному контексту, соглашались с «употреблением суждений вымышленного дискурса» [49. С. 33], являющегося, по утверждению В. Оглезнева, важным онтологическим условием того, что слушающий поймет говорящего. Таков универсальный принцип постправды, исключающий постановку вопроса о соответствии интерпретационной модели события реальному положению дел. Вместе с тем интенциональная и концептуальная согласованность солидарной группы, очевидно, отражает не только жизнеспособность национальной модели социальных коммуникаций, нашедшей свое цифровое пристанище, но и уникальный облик китайской среды постправды.

Примечания

¹ По данным Китайского центра интернет-информации, число интернет-пользователей в Китае по состоянию на июнь 2025 года достигло более 1,12 млрд человек, что составляет 79,7% населения КНР.

² При этом следует иметь в виду, что «траектория китайской блогосферы с самого начала была направлена сверху вниз» (J. Liu, с. 69), т.е. ее формирование и функционирование контролировалось политической элитой.

³ Здесь и далее перевод с китайского авторский.

Список источников

- Общее число интернет-пользователей в Китае превысило 1,12 млрд человек // Синьхуа новости. URL: <https://russian.news.cn/20250721/652039ba036f4d5a86a86ef4614d6bbd/c.html> (дата обращения: 22.07.2025).
- Современный Китай и его окружение / отв. ред. Д.В. Кузнецов, Д.В. Буяров. М.: КРАСАНД, 2014. 440 с.
- Liu J. The Chinese Blogosphere as a Site of Social Engagement and Contestation // Fast Capitalism. 2014. Vol. 11, № 1. P. 67–77. doi: 10.32855/fcapital.201401.009
- Фуллер С. Постправда // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/longreads/84059> (дата обращения: 17.06.2025).
- Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59. doi: 10.17976/jpps/2017.02.04
- Савельева Е.Н. Постправда: предпосылки, истоки, особенности дискурса // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2024. № 55. С. 80–86. doi: 10.17223/22220836/55/7
- Савельева Е.Н., Буденкова В.Е., Князюк О.В. Политическая активность в сети как просьюмерская деятельность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 134–145. doi: 10.17223/22220836/44/11
- Буденкова В.Е., Савельева Е.Н., Князюк О.В. Поликодовый текст как средство политической идентификации: анализ российской блогосферы // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 2. С. 115–138.
- Корсун В.А. Социальный протест «с китайской спецификой»: смена вектора // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4(43). С. 229–241. doi: 10.24833/2071-8160-2015-4-43-229-241
- Ван Чжунмин. Влияние современных информационно-коммуникационных технологий на развитие СМИ Китая: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Та На. Блогосфера Китая: генезис // Век информации (сетевое издание). 2020. Т. 4, № 1 (10). doi: 10.33941/age-info.com41(10)6
- Ян К. Институционализация публичной политики в онлайн-пространстве Китая // Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2022. № 4. С. 57–62.
- Камалидин кызы Э., Абдуллина Г.Р., Абдуллина Л.Б. Интернет-СМИ Китая: современное состояние // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26, № 3. С. 789–796.

14. Мажинский С.В., Нагибина И.Г., Чжан Ю. Дискурсивное пространство ведущих китайских «новых медиа» // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16, № 4. С. 903–913. doi: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-903-913
15. Малашонок С.Г., Мамедов А.К. Социальные медиа в Китае: переструктурирование пространства // Теоретические и прикладные аспекты современной науки : сб. науч. тр. по материалам III Междуна. науч.-практ. конф. 30 сентября 2014 г. : В 5 ч. / под общ. ред. М.Г. Петровой. Белгород, 2014. Ч. III. С. 82–89.
16. Wang Y. Framing food safety issues in China: the negotiation between 'official discourse' in newspapers and 'civil discourse' on Weibo // *Chinese Social Media: Social, Cultural, and Political Implications*. NY : Routledge, 2018. P. 77–91.
17. Reese S. D., Chen W., Pan Z. Revisiting networked China: challenges for the study of digital media and civic engagement // *Information, Communication & Society*. 2023. Vol. 26, № 2. P. 239–252. doi: 10.1080/1369118X.2022.2161831
18. Слой В. Проблемы использования интернет-коммуникации в решении кризисных ситуаций в КНР : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
19. Чэнь Л., Слой Н. Как правительство вытесняет общественность? Анализ сетевых паттернов кризисной коммуникации на платформе Weibo во время землетрясений 2010–2019 годов // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2025. № 1. P. 107–129. doi: 10.46539/gmd.v7i1.537
20. Fu J. Angry youth or realistic idealist? The formation of subjectivity in online political participation of young adults in urban China // *Journal of Sociology*. 2020. Vol. 57, № 2. P. 412–428. doi: 10.1177/144078332092514
21. Толстикова И.И., Игнатъева О.А., Нежданов В.Л., Плетнев А.В. Коммунистическая партия Китая и особенности политического участия поколения Z в Китае // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. 2024. Т. 20, № 2. С. 231–248. doi: 10.21638/spbu23.2024.206
22. King G., Pan J., Roberts M.E. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression // *American Political Science Review*. 2013. Vol. 107, № 2. P. 326–343. doi: 10.1017/S0003055413000014
23. Hearn K. The management of China's blogosphere boke (blog) // *Continuum*. 2009. Vol. 23, № 6. P. 887–901. doi: 10.1080/10304310903294770
24. Карнеев А.Н. «Гласность с китайской спецификой»: некоторые современные тенденции в китайязычном информационном пространстве // *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 3. С. 110–122. doi: 10.7868/S20000616-2-1
25. Лю Я. Деполитизация и реполитизация сельских протестов в медийной сфере Китая // *Political science (RU)*. 2018. № 2. С. 271–288.
26. Карнеев А.Н. Этапы эволюции общественной мысли в Китае в эпоху реформ и открытости // *Китайское государство на заключительном этапе построения «среднезажиточного общества» : материалы ежегодной науч. конф. Центра политических исследований и прогнозов ИДВРАН. М. : ИДВРАН, 2020. С. 28–45.*
27. Бочарова А.П., Лукин А.В., Перминова А.А., Пузанова О.В. Социальные сети как источник изучения политической культуры современного Китая // *Полис. Политические исследования*. 2024. № 3. С. 92–108. doi: 10.17976/jpps/2024.03.07
28. Субъектность и жизнеспособность сетевых сообществ в дискурсивном пространстве Интернета. 2-е изд., доп. и перер. / под ред. А.Н. Воронина. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2021. 373 с.
29. Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А., Павлова Н.Д. Дискурсивная реальность интернета // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 92–100. doi: 10.18384/2310-7235-2020-1-92-100
30. Шатин Ю.В. Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 250–257. doi: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257
31. Родосский Н.А. Постправда или фейк: проблема истины в социальных медиа. СПб: Изд-во «Владимир Даль», 2023. 303 с.
32. Лукин А.В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // *Сравнительная политика*. 2021. Т. 12, № 3. С. 63–84. doi: 10.24411/2221-3279-2021-10028
33. Чуаньчжао Линь. Анализ репрезентации деятельности политических лидеров России и Китая в «Российской газете» и газете «Жэньминь жибао» // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2020. Т. 9, № 3. С. 554–567. doi: 10.17150/2308-6203.2020.9(3).554-567
34. Учитель Ди Дуншэн (翟东升老师) рассказывает о стратегии «Китай + 1»: «Можно ли обменять жертву Китая на низкие тарифы со стороны США?» URL: https://www.bilibili.com/video/BV1mng2zDeSD/?spm_id_from=333.1387.homepage.video_card.click&vd_source=e931e1502b37bea53e57e796c3413e29 (дата обращения: 13.09.2025).
35. Учитель Шэнь И. (沈逸老师): «Переговоры между Соединенными Штатами и Россией, приближается зима, Европа все еще сидит за детским столом». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1GBAzeWExN/?share_source=copy_web (дата обращения: 13.09.2025).
36. Рассуждение Чэнь Пина об искусстве фехтования на мечах в Мэйшане (陈平眉山论剑): «Если вы не проявите инициативу по приглашению китайских войск, Украина будет безнадежна». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1ZmPx6Er8/?share_source=copy_web (дата обращения: 13.09.2025).
37. Рассуждение Чэнь Пина об искусстве фехтования на мечах в Мэйшане (陈平眉山论剑): «Украинская война, которая нанесла ущерб Соединенным Штатам и Европе, на самом деле была заговором Литвы?» URL: https://www.bilibili.com/video/BV1qwAfetEqB/?share_source=copy_web (дата обращения: 13.09.2025).
38. Сыма Нань (司马南): «Признал ли Трамп поражение? Соединенные Штаты могут оказаться кровавыми». URL: https://www.bilibili.com/video/BV11MDKYbEot/?share_source=copy_web (дата обращения: 13.09.2025).
39. Сыма Нань (司马南): «Большая ирония в том, что «мы должны соблюдать международное право». URL: https://www.bilibili.com/video/BV13wDhY6E2D/?share_source=copy_web&vd_source=e931e1502b37bea53e57e796c3413e29 (дата обращения: 13.09.2025).
40. Чжан Шаочжун (张召忠). Новости начальника бюро: «Китайско-американские отношения резко ухудшаются, и угроза войны возрастает в ближайшие четыре месяца». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1fZ4y1T7BZ/?spm_id_from=333.1387.upload.video_card.click (дата обращения: 15.07.2025).
41. Чжан Шаочжун (张召忠). Новости начальника бюро: «Откуда у Индии столько уверенности, чтобы бросить вызов Китаю?» URL: https://www.bilibili.com/video/BV19A411E73Y/?spm_id_from=333.999.0.0 (дата обращения: 15.07.2025).
42. Чжан Шаочжун (张召忠). Новости начальника бюро: «Какова национальная стратегия Индии?» URL: https://www.bilibili.com/video/BV14p4y1e7g7/?share_source=copy_web (дата обращения: 15.07.2025).
43. Чжан Шаочжун (张召忠). Новости начальника бюро: «Военные учения Хуаньтай сорвались, так на что же похож восточный ветер?» URL: https://www.bilibili.com/video/BV15a4y1E7ZM/?share_source=copy_web (дата обращения: 15.07.2025).
44. Чжан Шаочжун (张召忠). Новости начальника бюро: «В прошлом году Маск заявил, что интерфейс «мозг – компьютер» будет реализован в этом году». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1nD4y1m7T3/?share_source=copy_web (дата обращения: 15.07.2025).
45. Ян Хэпин говорит о делах (阳和平说事儿): «Личную борьбу трудно сделать эффективной; только когда вы поддерживаете группу, чтобы согреться, у вас может быть надежда». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1AhmjYCE37/?share_source=copy_web (дата обращения: 15.07.2025).

46. Сказал Бао Мин (包明说): «Япония уже мобилизовала весь народ на то, чтобы стать врагом Китая, и многие китайцы все еще выступают за Японию». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1E5411T7SY/?spm_id_from=333.788.recommend_more_video.10&vd_source=e931e1502b37bea53e57e796c3413e29 (дата обращения: 20.07.2025).
47. Вэнь Тецзюнь: «Понимание текущей военной обстановки с точки зрения эволюционной логики капитализма». / URL: https://www.bilibili.com/video/BV1xs4y1L76S/?spm_id_from=333.1387.homepage.video_card.click&vd_source=e931e1502b37bea53e57e796c3413e29 (дата обращения: 20.07.2025).
48. «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. СПб.: Скифия-принт. 2018. 216 с.
49. Оглезнев В.В. О вымышленных дискурсах и квантификации: Г.Л.А. Харт и П.Ф. Стросон // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10, № 4. С. 27–33.

References

1. Obshcheye chislo internet-pol'zovateley v Kitaye prevysilo 1,12 mlrd chelovek // Sin'khua novosti. URL: <https://russian.news.cn/20250721/652039ba036f4d5a86a86ef4614d6bbd/c.html> (data obrashcheniya: 22.07.2025).
2. Sovremennyy Kitay i yego okruzheniye / otv. red. D.V. Kuznetsov, D.V. Buyarov. M.: KRASAND, 2014. 440 s.
3. Liu J. The Chinese Blogosphere as a Site of Social Engagement and Contestation // Fast Capitalism. 2014. Vol. 11, № 1. P. 67–77. doi: 10.32855/fcapital.201401.009
4. Fuller S. Postpravda // PosTNauka. URL: <https://postnauka.ru/longreads/84059> (data obrashcheniya: 17.06.2025).
5. Chugrov S.V. Post-truth: transformatsiya politicheskoy real'nosti ili samorazrusheniye liberal'noy demokratii? // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2017. № 2. S. 42–59. doi: 10.17976/jpps/2017.02.04
6. Savel'yeva YE.N. Postpravda: predposylki, istoki, osobennosti diskursa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye. 2024. № 55. S. 80–86. doi: 10.17223/22220836/55/7
7. Savel'yeva YE.N., Budenkova V.E., Knyazyuk O.V. Politicheskaya aktivnost' v seti kak pros'yumerskaya deyatelnost' // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye. 2021. № 44. S. 134–145. doi: 10.17223/22220836/44/11
8. Budenkova V.E., Savel'yeva YE.N., Knyazyuk O.V. Polikodovyy tekst kak sredstvo politicheskoy identifikatsii: analiz rossiyskoy blogosfery // Slovo.ru: baltiyskiy aktsent. 2023. T. 14, № 2. S. 115–138.
9. Korsun V.A. Sotsial'nyy protest «s kitayskoy spetsifikoy»: smena vektora // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2015. № 4(43). S. 229–241. doi: 10.24833/2071-8160-2015-4-43-229-241
10. Van Chzhunmin'. Vliyaniye sovremennykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy na razvitiye SMI Kitaya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2007.
11. Ta Na. Blogosfera Kitaya: genezis // Vek informatsii (setevoye izdaniye). 2020. T. 4, № 1(10). doi: 10.33941/age-info.com41(10)6
12. Yan K. Institutsionalizatsiya publichnoy politiki v onlayn-prostranstve Kitaya // Vysh'eyschaya shkola: navukova-metadachny i publitsystichny chasopis. 2022. № 4. S. 57–62.
13. Kamalidin kyzy E., Abdullina G.R., Abdullina L.B. Internet-SMI Kitaya: sovremennoye sostoyaniye // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2021. T. 26, № 3. S. 789–796.
14. Mazhinskiy S.V., Nagibina I.G., Chzhan YU. Diskursivnoye prostranstvo vedushchikh kitayskikh «novykh mediA» // Oriental Studies. 2023. T. 16, № 4. S. 903–913. doi: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-903-913
15. Malashonok S.G., Mamedov A.K. Sotsial'n'yye media v Kitaye: perestruktirovaniye prostranstva // Teoreticheskiye i prikladn'yye aspekty sovremennoy nauki: sbornik nauchnykh trudov po materialam III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 30 sentyabrya 2014 g.: v 5 chastyakh / pod obshch. red. M.G. Petrovoy. Belgorod, 2014. CH. III. S. 82–89.
16. Wang Y. Framing food safety issues in China: the negotiation between 'official discourse' in newspapers and 'civil discourse' on Weibo // Chinese Social Media: Social, Cultural, and Political Implications. NY: Routledge, 2018. P. 77–91.
17. Reese S. D., Chen W., Pan Z. Revisiting networked China: challenges for the study of digital media and civic engagement // Information, Communication & Society. 2023. Vol. 26, № 2. P. 239–252. doi: 10.1080/1369118X.2022.2161831
18. Syuy V. Problemy ispol'zovaniya internet-kommunikatsii v reshenii krizisnykh situatsiy v KNR: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006.
19. Ch'en L., Syuy N. Kak pravitel'stvo vytesnyayet obshchestvennost'? Analiz setevykh patternov krizisnoy kommunikatsii na platforme Weibo vo vremya zemletraseniy 2010–2019 godov // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2025. № 1. P. 107–129. doi: 10.46539/gmd.v7i1.537
20. Fu J. Angry youth or realistic idealist? The formation of subjectivity in online political participation of young adults in urban China // Journal of Sociology. 2020. Vol. 57, № 2. P. 412–428. doi: 10.1177/144078332092514
21. Tolstikova I.L., Ignat'yeva O.A., Nezhdanov V.L., Pletnev A.V. Kommunisticheskaya partiya Kitaya i osobennosti politicheskogo uchastiya pokoleniya Z v Kitaye // Politicheskaya ekspertiza: POLIT-EKS. 2024. T. 20, № 2. S. 231–248. doi: 10.21638/spbu23.2024.206
22. King G., Pan J., Roberts M.E. How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression // American Political Science Review. 2013. Vol. 107, № 2. P. 326–343. doi: 10.1017/S0003055413000014
23. Hearn K. The management of China's blogosphere boke (blog) // Continuum. 2009. Vol. 23, № 6. P. 887–901. doi: 10.1080/10304310903294770
24. Karneyev A.N. «Glasnost' s kitayskoy spetsifikoy»: nekotoryye sovremennyye tendentsii v kitayeyazychnom informatsionnom prostranstve // Problemy Dal'nego Vostoka. 2015. № 3. S. 110–122. doi: 10.7868/S20000616-2-1
25. Lyu YA. Depolitizatsiya i repolitizatsiya sel'skikh protestov v mediynoy sfere Kitaya // Political science (RU). 2018. № 2. S. 271–288.
26. Karneyev A.N. Etapy evolyutsii obshchestvennoy mysli v Kitaye v epokhu reform i otkrytosti // Kitayskoye gosudarstvo na zaklyuchitel'nom etape postroyeniya «srednezazhitchnogo obshchestva»: materialy yezhegodnoy nauchnoy konferentsii Tsentra politicheskikh issledovaniy i prognozov IDVRAN. M.: IDVRAN, 2020. S. 28–45.
27. Bocharova A.P., Lukin A.V., Perminova A.A., Puzanova O.V. Sotsial'n'yye seti kak istochnik izucheniya politicheskoy kul'tury sovremennoy Kitaya // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2024. № 3. S. 92–108. doi: 10.17976/jpps/2024.03.07
28. Sub'yektnost' i zhiznesposobnost' setevykh soobshchestv v diskursivnom prostranstve Interneta. 2-e izd., dop. i perer. / Pod red. A.N. Voronina. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2021. 373 s.
29. Grebenshchikova T.A., Kubrak T.A., Pavlova N.D. Diskursivnaya real'nost' interneta // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki. 2020. № 1. S. 92–100. doi: 10.18384/2310-7235-2020-1-92-100
30. Shatin YU.V. Postpravda kak ritoricheskyy fenomen v sovremennoy mediaprostranstve // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2020. T. 19, № 6: Zhurnalistsika. S. 250–257. doi: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-250-257
31. Rodoskiy N.A. Postpravda ili feyk: problema istiny v sotsial'nykh media. SPb: Izd-vo «Vladimir Dal'», 2023. 303 s.
32. Lukin A.V. Politicheskaya sistema sovremennoy Kitaya i tipologiya kommunisticheskikh rezhimov // Sravnitel'naya politika. 2021. T. 12, № 3. S. 63–84. doi: 10.24411/2221-3279-2021-10028
33. Chuan'chzhao Lin'. Analiz reprezentatsii deyatelnosti politicheskikh liderov Rossii i Kitaya v «Rossiyskoy gazetE» i gazete «Zh'en'min' zhibaO» // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2020. T. 9, № 3. S. 554–567. doi: 10.17150/2308-6203.2020.9(3).554-567

34. Uchitel' Di Dunsh'en (翟东升老师) rasskazyvayet o strategii «Kitay + 1»: «Mozhno li obmenyat' zhertvu Kitaya na nizkiye tarify so storony SSHA?» URL: https://www.bilibili.com/video/BV1mng2zDEsD/?spm_id_from=333.1387.homepage.video_card.click&vd_source=e931e1502b37bea53e57e796c3413e29 (data obrashcheniya: 13.09.2025).
35. Uchitel' Sh'en' I. (沈逸老师): «Peregovory mezhdru Soyedinnennymi Shtatami i Rossiiyey, priblizhayetsya zima, Yevropa vse yeshche sidit za detskim stolom». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1GBAzwExN/?share_source=copy_web (data obrashcheniya: 13.09.2025).
36. Rassuzhdeniye Ch'en' Pina ob iskusstve fekhrovaniya na mechakh v M'eyshane (陈平眉山论剑): «Esli vy ne proyavite initsiativu po priglasheniyu kitayskikh voysk, Ukraina budet beznadezhna». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1ZmPxe6Er8/?share_source=copy_web (data obrashcheniya: 13.09.2025).
37. Rassuzhdeniye Ch'en' Pina ob iskusstve fekhrovaniya na mechakh v M'eyshane (陈平眉山论剑): «Ukrainskaya vojna, kotoraya nanesla ushcherb Soyedinnennym Shtatam i Yevrope, na samom dele byla zagovorom Litvy?» URL: https://www.bilibili.com/video/BV1qwAfeEQb/?share_source=copy_web (data obrashcheniya: 13.09.2025).
38. Syma Nan' (司马南): «Priznal li Tramp porazheniye? Soyedinnennyye Shtaty mogut okazat'sya krovavymI». URL: https://www.bilibili.com/video/BV11MDKYbEot/?share_source=copy_web (data obrashcheniya: 13.09.2025).
39. Syma Nan' (司马南): «Bol'shaya ironiya v tom, chto «my dolzhny soblyudat' mezhdunarodnoye pravO». URL: https://www.bilibili.com/video/BV13wDhY6E2D/?share_source=copy_web&vd_source=e931e1502b37bea53e57e796c3413e29 (data obrashcheniya: 13.09.2025).
40. Chzhan Shaochzhun (张召忠). Novosti nachal'nika byuro: «Kitaysko-amerikanskiye otnosheniya rezko ukhudshayutsya, i ugroza voyny vozrastayet v blizhayshiy chetyre mesyatsA». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1fZ4y1T7BZ/?spm_id_from=333.1387.upload.video_card.click (data obrashcheniya: 15.07.2025).
41. Chzhan Shaochzhun (张召忠). Novosti nachal'nika byuro: «Otkuda u Indii stol'ko uverenosti, chtoby brosit' vyzov Kitayu?» URL: https://www.bilibili.com/video/BV19A411E73Y/?spm_id_from=333.999.0.0 (data obrashcheniya: 15.07.2025).
42. Chzhan Shaochzhun (张召忠). Novosti nachal'nika byuro: «Kakova natsional'naya strategiya Indii?» URL: https://www.bilibili.com/video/BV14p4y1e7g7/?share_source=copy_web (data obrashcheniya: 15.07.2025).
43. Chzhan Shaochzhun (张召忠). Novosti nachal'nika byuro: «Voyennyye ucheniya Khuan'tay sorvalis', tak na chto zhe pokhzh vostochnyy veter?» URL: https://www.bilibili.com/video/BV15a4y1E7ZM/?share_source=copy_web (data obrashcheniya: 15.07.2025).
44. Chzhan Shaochzhun (张召忠). Novosti nachal'nika byuro: «V proshlom godu Mask zayavil, chto interfeys «mozg – komp'yuter» budet realizovan v etom godU». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1nD4y1m7T3/?share_source=copy_web (data obrashcheniya: 15.07.2025).
45. Yan Kh'epin govorit o delakh (阳和平说事儿): «Lichnyu bor'bu trudno sdelat' effektivnoy; tol'ko kogda vy podderzhivayete gruppu, chtoby sogret'sya, u vas mozhet byt' nadezhda». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1AhmjYCE37/?share_source=copy_web (data obrashcheniya: 15.07.2025).
46. Skazal Bao Min (包明说): «Yaponiya uzhe mobilizovala ves' narod na to, chtoby stat' vragom Kitaya, i mnogiye kitaytsy vse yeshche vystupayut za YaponiyU». URL: https://www.bilibili.com/video/BV1E5411T7SY/?spm_id_from=333.788.recommend_more_video.10&vd_source=e931e1502b37bea53e57e796c3413e29 (data obrashcheniya: 20.07.2025).
47. V'en' Tetszyun': «Ponimaniye tekushchey voyennoy obstanovki s tochki zreniya evolyutsionnoy logiki kapitalizma». / URL: https://www.bilibili.com/video/BV1xs4y1L76S/?spm_id_from=333.1387.homepage.video_card.click&vd_source=e931e1502b37bea53e57e796c3413e29 (data obrashcheniya: 20.07.2025).
48. «Politika postpravdy» i populizm / pod red. O.V. Popovoy. SPb. : Skifiya-print. 2018. 216 s.
49. Oglezneva V.V. O vymyshlennykh diskursakh i kvantifikatsii: G.L.A. Khart i P.F. Strosen // Vestnik NGU. Seriya: Filosofiya. 2012. T. 10, № 4. S. 27–33.

Информация об авторах:

Буденкова В.Е. – канд. филос. наук, зав. лабораторией методологии и теории культуры Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dissovet_iik@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3966-3330

Савельева Е.Н. – канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии и музеологии, старший научный сотрудник лаборатории методологии и теории культуры Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: limi77@inbox.ru

Краевская И.О. – канд. филол. наук, доцент отделения иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия); старший научный сотрудник лаборатории методологии и теории культуры Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irina_kraevskaya_00@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7339-9276

Горбунова С.В. – старший преподаватель кафедры природопользования, младший научный сотрудник лаборатории методологии и теории культуры, ассистент кафедры культурологии и музеологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: post_delo@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0750-2647

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.E. Budenkova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dissovet_iik@mail.ru

E.N. Savelieva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: limi77@inbox.ru

I.O. Kraevskaya, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irina_kraevskaya_00@mail.ru

S.V. Gorbunova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: post_delo@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.11.2025;
одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 09.11.2025;
approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/15617793/521/9

Сон и абсурд в повести Н.В. Гоголя «Нос»

Владимир Станиславович Маковцев¹

¹ Российский институт театрального искусства – ГИТИС, Москва, Россия, vl.makovtsev@gmail.com

Аннотация. Дается философский анализ абсурда в повести Н.В. Гоголя «Нос». Рассматриваются расхождение с логикой, разрыв причинных связей, соотношение абсурда с безумием и сновидением. Абсурд трактуется как пограничный опыт, подрывающий рациональность и требующий переосмысления границ между сном, явью и разумом.

Ключевые слова: Гоголь Н.В., философия абсурда, метафизика сна, русская литература

Для цитирования: Маковцев В.С. Сон и абсурд в повести Н.В. Гоголя «Нос» // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 93–100. doi: 10.17223/15617793/521/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/9

Dream and absurdity in N.V. Gogol's story "The Nose"

V.S. Makovtsev¹

¹ Russian Institute of theatre arts (GITIS), Moscow, Russian Federation, vl.makovtsev@gmail.com

Abstract. This article undertakes a philosophical and literary analysis of Nikolai Gogol's short story *The Nose*, approaching it as a phenomenon of both absurdity and dreaming. The study emphasizes the fundamental indistinguishability between dream and reality, which constitutes a key feature of Gogol's artistic world. The author proposes interpreting absurdity not merely as an aesthetic category but as an ontological condition—a rupture in being wherein conventional logic and causality are rendered unstable. Central to the analysis is the theme of subjective perception: the characters in the story fail to recognize the absurdity of the events around them, allowing the author to conceive of absurdity as a madness of being, rather than of the individual mind. The article draws a comparison between Gogol's conception of the absurd and the philosophy of Søren Kierkegaard, stressing that, unlike the rational totality of the Hegelian system, the absurd in both Kierkegaard and Gogol functions as a fundamental negation of rationality. Through the motif of dreaming, the article explores the phenomenology of fractured perception, wherein the loss of personal identity and bodily integrity reveals a “nothingness” reflected in the mirror of consciousness. Particular attention is given to the differences between the first and second versions of the story, especially the ending, in which Gogol abandons the dream motif as an explanatory device, thereby affirming the absurd as a dimension of reality. Thus, the story is interpreted not only as a precursor to modernist and avant-garde literary strategies but also as anticipating the existential concerns of the twentieth century. The author concludes that *The Nose* is a text in which the boundaries between reason and madness, between reality and illusion, are deliberately blurred – and that the only adequate response to the confrontation with being is either laughter or horror.

Keywords: Gogol N.V., philosophy of absurdity, metaphysics of sleep, Russian literature

For citation: Makovtsev, V.S. (2025) Dream and absurdity in N.V. Gogol's story "The Nose". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 93–100. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/9

Повесть «Нос» Н.В. Гоголя не просто выделяется среди произведений русского классика, но и занимает уникальное место в пространстве русской литературы XIX в. Ее структура, лишенная традиционной логической последовательности, предвосхищает литературные эксперименты XX столетия. В этом смысле резонно утверждать, что гоголевская повесть скорее соответствует «авангардистскому искусству 1920-х годов, нежели русской прозе XIX века», в особенности «ОБЭРИУ – группе поэтов-авангардистов, основанной в 1928 году Д. Хармсом и А. Введенским» [1. С. 153].

Повесть представляет собой топологию расколотого бытия, в которой субъект обретает контуры своего существования в тотальности утраты, отсутствия как фундаментальной антропологической структуры, при которой феноменология тела сталкивается с утратой метафизической опоры. В этом смысле произведение предвосхищает логос XX в., размыкающийся на бесконечность интерпретаций, не находя ни в одной из них должного понимания. Повествовательная структура повести Гоголя не столько абсурдна, сколько изначально вовлечена в игру различий, где идентичность

субъекта становится невозможной. Говоря же об абсурдности гоголевского текста, нередко проводят параллели с произведениями Ф. Кафки, что представляются продуктивным, особенно в контексте мотивов телесной трансформации и утраты субъектной целостности, характерных как для «Превращения», так и для «Носа». Однако редукция гоголевской прозы исключительно к абсурдистскому дискурсу оказывается методологически ограниченной: гоголевский абсурд не поддается систематической интерпретации в рамках конечных категорий. В этом отношении сопоставление с Кафкой не лишено методологической значимости, хотя важно учитывать, что последний более близок «к экспрессионизму, – чрезвычайно мрачный и депрессивный вариант авангарда. Его произведениям были чужды гоголевская ирония и любые проявления комизма. Гоголь же умел соединить серьезное со смешным, что особенно ценил, в частности, пиетизм, чешский авангард 1920-х годов» [2. С. 146]. Существенным отличием «Носа» от абсурдистской литературы XX в. является его парадоксальная природа: он представляет собой абсурд до абсурда. Если литература XX в. использует абсурд как сознательный эстетический прием, то в гоголевском случае абсурд вырастает из самой структуры возможных интерпретаций текста, а не из авторского замысла. Гоголь не стремится к игровому эксперименту с нарративной логикой; напротив, его текст исследует границы самой возможности осмысленного повествования.

Любопытную историко-философскую параллель с Гоголем можно провести через фигуру Серена Кьеркегора – неожиданное, но оправданное сопоставление, на которое указывает В.В. Бибихин [3]. У Кьеркегора абсурд становится фундаментальной категорией, знаменующей методологический разрыв с рационализмом Гегеля. В этом смысле его абсурд – не просто эстетическая конструкция, но структурная метафизическая позиция, противостоящая тотальности Разума. Абсурд – это зияющая брешь в порядке рационального, окно, сквозь которое открывается бездна присутствия человеческого существования. Если у Кьеркегора выбор радикален («Или-или»: либо Разум, либо Абсурд), то у Гоголя абсурд не противопоставляется разумности – он вплетен в саму ткань реальности, которая не совпадает с нормативной разумностью мира.

Повесть Н.В. Гоголя «Нос» является, пожалуй, одним из немногих произведений писателя, воспринятым сдержанно, если не прохладно, – за исключением его анонимного дебютного произведения, поэмы «Ганц Кюхельгартен». Начав повесть в начале 1830-х гг., Гоголь завершил ее в 1832–1833 гг., планируя опубликовать ее в журнале «Московский наблюдатель». Однако редакция отказалась, сославшись на «пошлость и тривиальность» произведения. Эта оценка, вероятно, объясняется тем, что в первоначальной версии повести все события трактовались как сновидение, а также тем, что подобные сюжеты, как отмечает В.В. Виноградов, были широко распространены в различных вариациях. Исследователь полагает, что в основу повести «положен ходячий анекдот, объединивший те обывательские

толки и каламбуры о носе, о его исчезновении и появлении, которые у литературно образованных людей начала XIX столетия осложнялись еще реминисценциями из области художественного творчества. Ведь даже в 50-х годах Н. Чернышевскому новелла Гоголя «Нос» представлялась “пересказом общеизвестного анекдота”. А литературная атмосфера 20–30-х годов была насыщена “носологией”» [4. С. 5]. Однако для читателей XXI в., ориентированных на философский анализ произведения, историко-литературные истоки теряют свой непосредственный интерес и, скорее, отвлекают от сущности текста. Эти аспекты важны лишь как объяснение того, почему повесть могла показаться тривиальной современникам.

Гораздо важнее подчеркнуть, что, несмотря на кажущуюся изолированность повести «Нос» в творческом наследии Н.В. Гоголя, она, по мысли И.Д. Ермаковой, «подготавливалась Гоголем уже очень давно, в таких произведениях, где носу еще не отводится главная роль действующего лица» [5. С. 264]. Это позволяет увидеть в ней не разрыв, но продолжение – по сути, продолжение поиска гоголевской темы, которая сама по себе стала катализатором столкновения с реальностью, а также событием абсурда. Что касается обвинений в пошлости, то можно предположить, что даже до появления психоанализа и соответствующих интерпретаций «Нос» мог восприниматься как повесть о потерянном мужском статусе – теме, напрямую связанной с центральным мотивом произведения. Более того, упоминания о «грязном» содержании повести встречаются и в письмах В.Г. Белинского: 1 октября 1842 г. он писал: «Один журнал отказался напечатать у себя повесть Гоголя “Нос”, находя ее грязною...» [6. С. 126]. Субъективность восприятия, сбой в телесной целостности, утрата самоощущения – и вот мы оказываемся на грани того, что Ницше мог бы назвать «переоценкой всех ценностей». В этом абсурде, в движении, рожденном абсурдным временем, Гоголь открывает бездну, в которую стремится заглянуть каждый, кто решится воспринять его произведение вне привычных рамок логики.

Повесть создавалась Гоголем в 1832–1833 гг., и изначально планировалось ее издание в 1836 г. в «Московском наблюдателе», где она была отвергнута как «пошлая и тривиальная». В конце концов «Нос» был опубликован в журнале «Современник», сопровождаясь словами главного редактора журнала А.С. Пушкина: «Н.В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись» [7. С. 526]. Доподлинно неизвестно, действительно ли Н.В. Гоголь не соглашался на публикацию «этой шутки», или это было изящным кокетством главного редактора, но одно очевидно: А.С. Пушкин, как никто из современников, понимал Гоголя и его значение. И, как давно стало общим местом, именно ему мы обязаны появлением Н.В. Гоголя на литературном небосводе. Заметим также, что существует две редакции повести. Опуская некоторые цензурные исправле-

ния, в большей степени связанные с церковной цензурой, главное различие между редакциями заключается в финале второй версии. Если в первом варианте текста все происходящее объяснялось сном главного героя – что, возможно, и послужило причиной упреков в тривиальности, – то во второй редакции мотив сновидения Гоголь убирает. Для наглядности позволим себе привести окончание первой редакции повести:

Впрочем, все это, что ни описано здесь, виделось майору во сне. И когда он проснулся, то в такую пришел радость, что вскочил с кровати, подбежал к зеркалу и, увидевши все на своих местах, бросился плясать в одной рубашке по всей комнате [танец], составленный из кадрили и мазурки вместе: И когда лакей его Иван просунул голову в двери посмотреть, что делает барин, он закричал ему: “Пошел! Что тут нашел дивного?” Через минуту он оделся и, севши на кровать, закричал: “Ей, Иван!” – “Чего изволите-с?” – “Что, не спрашивала ли майора Ковалева одна девчонка, такая хорошенькая собою?” – “Никак нет”. – “Гм!”, сказал майор Ковалев и посмотрел, улыбаясь, в зеркало» [8. С. 164].

Глядя на финал второй редакции, нетрудно заметить, что именно в этом моменте сосредоточена едва ли не вся глубина повести. Здесь, в этих последних строках, кроется тот самый фундамент, та скрытая ось, вокруг которой вращается весь замысел. Это не просто заключительный аккорд, но ключ, способный приоткрыть завесу тайны, окутывающей этот текст:

«Вот такая история случилась в северной столице нашего обширного государства! Теперь только, по соображении всего, видим, что в ней есть много неправдоподобного. Не говоря уже о том, что точно странно сверхъестественное отделение носа и появление его в разных местах в виде статского советника, – как Ковалев не смекнул, что нельзя чрез газетную экспедицию объявлять о носе? Я здесь не в том смысле говорю, чтобы мне казалось дорого заплатить за объявление: это вздор, и я совсем не из числа корыстолюбивых людей. Но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже – как нос очутился в печеном хлебе и как сам Иван Яковлевич?.. нет, этого я никак не понимаю, решительно не понимаю! Но что страннее, что непонятнее всего – это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и, во-вторых, тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это...»

А, однако же, при всем том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, может даже... ну да и где ж не бывает несообразностей?.. А все, однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, – редко, но бывают» [8. С. 48].

Итак, отметим важное: то немногое, что мы можем найти в различии двух вариантов текста повести «Нос», – это ее финал, т.е. развязка, которая позволяет нам связать в единое целостность разорванного сюжета. Если в первой редакции произошедшее событие объясняется сновидением героя – объяснение, которое должно было бы заставить читателя почувствовать

себя по меньшей мере глупо, если не сказать одураченным, поскольку такое объяснение перечеркивает смысл текста, – то во второй редакции Гоголь вынуждает нас признать, что такие «события бывают, редко, но бывают». Гоголь заставляет нас признать, что случившееся имеет отношение к реальности. Неслучайно в повести много деталей, отсылающих нас не к вымышленному миру, а к реальному миру Петербурга XIX в., а повествование, по словам Саймона Карлинского, «ведется неизменно будничным тоном, с невозмутимой серьезностью» [9. Р. 129], что, впрочем, и позволяет более убедительно добиться должного эффекта реального события. Здесь мы, как читатели, вольны поверить ему, довериться его художественному гению – и тогда событие текста начнет перед нами разворачиваться, – либо мы вольны отбросить повесть как «пошлый и тривиальный» текст. Но о каких событиях идет речь? Скажем прямо, и это станет ключевой темой нашей статьи: с каким событием мы сталкиваемся в повести вместе с героем? Какое отношение события повести имеют к реальности или, скажем так, что эти события нам вообще могут рассказать о реальности? Это событие Гоголь характеризует как «необыкновенно странное происшествие» – Гоголь с первых строк повести пытается дать нам понять, что события бывают необыкновенно странными и необыкновенно странными. К этому можно добавить допущение, что есть и обыкновенные события, не отличающиеся ни странностью, ни необыкновенностью. Тем не менее мы должны довериться художественному гению писателя и воспринимать событие как реальное, но исключительно странное реальное.

Сразу следует оговориться о соблазне усмотреть в самом названии повести ключ к ее пониманию, словно приложив к нему зеркало. Действительно, название повести это палиндром, однако такой пусть понимания вряд ли приведет к сколько-нибудь продуктивным выводам. Между словами-палиндромами отсутствует необходимая смысловая связь – она носит исключительно случайный характер, и попытка обнаружить в этом диалектическое единство, противопоставляя одно слово другому, рискует привести нас к абсурду. В палиндроме противопоставлены не значения и смыслы слов, а скорее порядок букв и звучание фонем. Однако если все же допустить существенное смысловое противопоставление, перед нами возникнет любопытная ситуация. «Нос» – это, по сути, центральное событие повести, ее содержание. Следовательно, если противопоставить содержание повести сну, нам придется признать, что именно событие повествования представляет собой то, чем не является сон, – то есть реальность. Однако это противопоставление вряд ли окажется плодотворным, поскольку изначально мы исходим из того, что анализируем текст в его собственных границах, не приписывая ему внешнего содержания или значения. Тем не менее игнорировать мотив сна в повести невозможно. Отсутствие четкой границы между сном и явью является одной из ключевых тем

всех «Петербургских повестей» Гоголя [10. С. 35]. Более того, рассматривая этот вопрос в онтологическом аспекте, можно утверждать шире: одной из фундаментальных черт художественного мира Гоголя является размытость границ между сном и реальностью, бытием и небытием, сакральным и профанным. Этот мотив прослеживается на протяжении всего его творчества, однако в «Петербургских повестях» он достигает особой интенсивности, раскрывая глубинную природу Петербурга – пространства, пронизанного сном, мечтой и иллюзорностью. В повести «Нос», где мотив сна, а значит, и обмана, иллюзии, органично сплетается с повседневностью, этот аспект гоголевского мира проявляется наиболее выразительно.

Сон пронизывает повесть насквозь: она начинается с пробуждения, т.е. с выхода из сна в пространство реальности Ивана Яковлевича, который «проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба». На протяжении всей повести мы то и дело проваливаемся в туман неизвестности, теряя очертания реальности происходящего в тотальности сновидения. Мир Гоголя – это мир сплошной иллюзии: «...здесь все обман, все места, все не то, чем кажется» [8. С. 29], и сновидения в этом ряду не являются исключением. Сон в этом мире кажущихся теней не может не претворяться реальностью. Однако такова и сама природа сна. За редкими исключениями осознанных сновидений человек воспринимает сновидческую реальность как полноту реального опыта. Независимо от ужаса фантазий, порождаемых воображением, от отсутствия логической связи событий, нарушения хода времени и пространства – сон всегда переживается всерьез, в подлинности собственного бытия. Как, впрочем, и сама реальность. Артур Шопенгауэр, ставя перед собой вопрос о различии между сновидением и реальностью, утверждает, что единственным надежным критерием их разграничения является «не что иное, как чисто эмпирический критерий пробуждения: последнее уж прямо и осязательно нарушает причинную связь между приснившимися событиями и реальными» [11. С. 29]. Применительно к тексту Гоголя это замечание позволяет наметить определенный вектор: именно с самого начала, с пробуждения Ивана Яковлевича, а затем с пробуждения майора Ковалева перед нами обозначается столкновение с реальностью. Скажем прямо: повесть «Нос» раскрывает перед нами событие столкновения с реальностью, которая, как никогда прежде, становится доступной и осмысляемой именно через свое отражение – через сон.

Сон это первое, с чем мы сталкиваемся в повседневном опыте, событие, подрывающее обыденную веру в реальность, ее тотальность и неразрывность. Никакой здравый смысл не выдерживает натиска сновидения, не подвергнув самого себя сомнению: абсолютная власть сна над человеком, над его слишком человеческим рассудком, вынуждает противопоставлять реальное как подлинное бытие сновидческому как бытию иллюзии. Однако в этом противопоставлении человек все еще далек от самого вопроса о реальности. Сон это событие непонимания, событие ужаса, отбрасывающее нас в безмолвие, в нехватку слов, которым нет места в

разомкнутом пространстве бытия. Мы знаем, что бытие не может иметь частей, оно неделимо, вечно и неизменно. Следовательно, ситуация, ставящая под сомнение происходящее, не может быть ситуацией бытия, но, напротив, ситуацией его радикального подрыва. Если сон и реальность тождественны в отношении к бытию, то переход от одного к другому открывает ужасающий проблеск присутствия, вынуждающий нас дышать чаще, искать точку опоры, цепляться за слова... и все же неизбежно отдаваться потоку ужаса. Неразличимость сна и яви коренится, с одной стороны, в невозможности установить ясный и отчетливый критерий разграничения: сон – это всегда нечто иное, чем явь, но это различие не сообщает нам ничего о сущности одного или другого. С другой стороны, границы между этими полюсами зыбки, растворены в тумане пробуждения и засыпания, сквозь который проступает проблеск бытия. Тотальная неразличимость – это пространство безмолвия, в котором слова утрачивают способность именовать, определять, устанавливать границы вещей. Это пространство ночи, где становится невозможным высветить очертания окружающих предметов, где сам вопрос о возможности речи о мире за пределами нас утрачивает смысл. В этой неразличимости мы оказываемся ближе к вещи в себе, чем могли бы предположить. Это одновременно и ситуация абсурда, где любое слово может именовать все, но не схватывает никакой сущностной характеристики. Однако в сновидении различие не уничтожено: мы отлично понимаем, что угрожающие нам демоны реальны в своей субстанциональности – наш страх служит тому подтверждением. Более того, различие здесь носит метафизический характер: мы можем столкнуться во сне с людьми, знакомыми нам в реальности, но в образах, нам совершенно чуждых, и не придавать этому значения. Мы можем даже видеть самих себя в ином, чуждом нам облике, не испытывая неловкости, хотя в этот момент оказываемся нетождественными самим себе. Но откуда берется это различие? Оно возможно лишь по ту сторону сна – а это уже нарушение самой логики бытия. Следует держаться различий по эту сторону.

Сказать, что мотив сна отсылает нас к кажимости, к представлению о мнимости происходящего, – это не просто недостаточно, но и принципиально упрощенно. Однако и умолчать об этом мы не можем. Что есть сон для нас? Возможно два пути, ведущие к ответу или, точнее, к самой постановке вопроса о сне: мы можем говорить о нем извне, находясь в состоянии бодрствования, или же пытаться схватить его реальность изнутри самого сновидения. Видеть в сне лишь иллюзорное – значит чрезмерно упрощать само понятие реальности и, тем самым, принижать значение события сновидения. Будучи поглощенными сном, мы переживаем происходящее как тотальность реальности, столь же самодостаточную, как и реальность бодрствования. Следовательно, различие между сном и бодрствованием – это не различие между реальным и нереальным. Оно не заложено в самой структуре бытия, но скорее представляет собой функциональную технику, позволяющую упорядочить нашу картину мира, вписать феномен сна в ритм дня и ночи, работы и отдыха, памяти

и забвения. В этом контексте вспоминается замечание Ницше, отметившего, что «если же на мгновение отвлечься теперь от нашей “реальности” и наше эмпирическое существование, как и существование самого мира, постичь как порождаемое во всякий отдельный миг представление пра-Единобо, то сновидение должно означать для нас кажимость кажимости, а тем самым еще более высокое удовлетворение праисконного вождения, нацеленного на кажимость» [12. С. 80]. Сновидение, о котором говорит Ницше, это не что иное, как метафора искусства. Искусство, как «кажимость кажимости», представляет собой ту самую приправу, без которой реальное теряет глубину и вкус, превращаясь в однообразную, механистическую структуру, в которой человеческое присутствие редуцируется до функционального элемента, лишённого подлинной свободы. Пробуждение и засыпание связаны глубинной диалектикой, выражающей фундаментальную разомкнутость бытия. Эта ситуация предстает безумием, если мы говорим о реальности внутреннего опыта: бытие не может быть расколото, ибо оно – всегда тождество с самим собой, нерасчлененная полнота, лишённая границ, но, подобно сфере, содержащая в себе замкнутую целостность. Именно таково классическое понимание бытия, восходящее к началу европейской философии в лице Парменида. В то же время эта ситуация абсурдна, если рассматривать ее через призму внешнего опыта: бытие дается нам как нечто раздвоенное, в своем проявлении всегда распадающееся на подлинное и мнимое. Ключевым здесь становится сам проблеск, момент, в котором мы различаем иллюзорность этого раздвоения и вместе с тем оказываемся перед ужасом собственной экзистенциальной ситуации. Проблеск этот высвечивает не только нашу пограничность, но и саму природу мира, сотканного из зыбкости и неустойчивости. Более того, пробуждение, будучи актом, не зависящим от нашей воли, насильно возвращает нас в данность, заставляя принять порядок вещей, по которому устроена реальность. В этом смысле различие между сновидением и реальностью оказывается несущественным: обе эти модальности бытия пронизаны моментами неопределенности, обе несут в себе отпечаток утраты устойчивых границ.

Одна из многочисленных интерпретаций повести «Нос» исходит из признания его абсурдности, но возможно ли интерпретировать то, что по определению ускользает? Разве сам абсурд не есть то, что рассыпается в руках, когда мы пытаемся уловить его смысл? Парадокс в том, что абсурд не поддается интерпретации: он не оставляет нам точки опоры, способной удерживать нас на уровне понимания. Все тонет в мерцающей зыбкости игры смыслов. Сказать, что все в повести «Нос» абсурд, значит признать ее сон, но не просто как форму, а как судьбу текста, как его онтологическую данность. Такова была первая редакция: сновидение, тривиальность, чем, скорее всего, не может быть абсурд, если под тривиальностью понимать нечто обыденное. Или напротив, не стоит ли здесь нам искать

разгадку текста и сказать прямо: Гоголь указывает нам, что абсурд настолько тесно сплетается с тканью нашего бытия, что становится неразличим от него. Именно здесь рассудок задает вполне законные вопросы: «Даже если неизвестно, отрезал цирюльник нос или нет, как он оказался в хлебе у цирюльника? Почему не осталось шрама? Почему лицо Ковалева “плоское, как блин”? Как нос вырос до размеров человека и, что еще менее понятно, как он стал человеком? Даже если он стал человеком в биологическом смысле, как он стал человеком в смысле социальном?» [13. С. 200]. Список подобных вопросов можно продолжить, однако все они в известном смысле незаконны. С одной стороны, они разрывают повествовательную ткань повести, вынуждая искать ответы на вопросы, которые ставит не сама повесть, а читатель, приписывающий ей эти вопросы. С таким же успехом можно задаться вопросом о том, как в сказке “Колобок” главный персонаж ушел, если он шар, и как он мог говорить, если он из теста, и т.д. С другой стороны, и что самое важное, признавая наличие абсурда в повести, мы не можем законным образом применять к ее содержанию категории разума. Для понимания абсурда как феномена необходимо выстраивать особую механику мышления – и именно такую мы находим в пространстве сна. Что же по-настоящему важно, так это то, что, хотя мы и не сводим разгадку повести исключительно к абсурду, она все же позволяет нам прояснить его природу. Более того, она ставит перед нами вопрос: как мы вообще способны различать, что перед нами именно абсурд?

Существенным в повести «Нос» может быть то, что никто из героев не переживает события абсурда как собственно абсурд, – он виден читателю, находящемуся на должной дистанции от абсурда. Так, скажем, несложно заметить, что цирюльника Ивана Яковлевича, обнаружившего нос в испеченном хлебе, поражает не сам факт находки и ее явная противоестественность, а скорее страх перед городовым, перед возможным наказанием. Схожую реакцию мы наблюдаем и в отношении его жены. Вся первая часть повести представлена как попытка избавиться от следов преступления, которого, очевидно, Иван Яковлевич и не совершал. Сам же нос словно остается незамеченным, он теряется за толщей страха перед возможным наказанием, но незаметен как событие абсурда. Так же и во второй части «Ковалева удручает не столько пропажа носа, сколько необъяснимость этой пропажи. Выводы, к которым он приходит, довольно странны – чего стоит, например, его высказывание, что лучше было бы потерять нос на войне или на дуэли» [5. С. 150]. Не менее показательны отчаяние майора и его восклицание: «Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!..». Здесь мы стоим перед соблазном заострить внимание на этом «ничто», которое, очевидно, замечает в своем отражении майор Ковалев вместо носа. Герой, ожидая увидеть себя (часть себя, которая, отделившись, нарушая законы логики, превосходит целое), видит ничто. Так ли случайна эта фигура речи, или герой, вглядываясь в свое отражение, в себя, встречается с ничто? Одна из ключевых линий в «Петербургских повестях» – это мотив утраты себя как целого, утраты своего личностного и духовного начала.

От «Невского проспекта» до «Записок сумасшедшего» – но именно в повести «Нос» эта утрата достигает своего наивысшего феноменологического значения: человек сталкивается с ничто там, где ожидает увидеть себя. Это явное безумие, но безумие, еще не осознавшее самое себя, а потому – еще абсурд. Сам же герой вплетен в ткань повседневности настолько, что неспособен этого заметить. Абсурд явлен перед ним, но он его упорно не замечает – и это и есть подлинный абсурд, ибо будь он дешифрован, он перестал бы иметь власть над героем.

Абсурд – это состояние разрыва действительности, при котором реальное не соответствует разумному и должному ходу вещей. Абсурдным было бы, если бы стакан, падающий со стола, устремлялся не на пол, а на потолок. Абсурдным было бы видеть в мертвом живое и называть мертвое живым. Само это название оказывается формой доказывания и обоснования. Имеется ряд явлений, которые принципиально не поддаются доказательству. А значит, их нельзя и знать в подлинном смысле: классическое определение знания заключается в возможности быть предметом доказательства. Абсурдной оказывается ситуация, при которой нечто, не требующее доказательства, становится предметом доказательства. Неразличимость – это ситуация абсурда. Там, где «все обман, все не то, чем кажется», там и событие реального сливается в единстве с событием ирреального. Если бы речь шла только о безумии, – а у Гоголя абсурд и безумие часто оказываются неразличимыми, – мы говорили бы о потере точки опоры, позволяющей сводить к единству многообразие событий и явлений, о потере Ума, который, по мысли Анаксагора, «от спячки внезапно проснувшись, все воедино связал, что прежде в смешении было» [14. С. 505]. Однако герои повести не безумны, поскольку безумие касается одного человека. Если бы только майор Ковалев столкнулся с гуляющим самим по себе Носом, вопросов о безумии не возникало бы. Поэтому происходящее в сюжете повести мы определяем как абсурд. Отличие между абсурдом и безумием носит скорее функциональный характер. Безумие – это абсурд ума, а абсурд – это безумие бытия. Механизмы, позволяющие понять, что происходящее вокруг есть именно абсурд, и что это не ты сошел с ума, но сама реальность бытия оказалась безумной, те же, что позволяют нам, находясь во сне, будучи погруженными в тотальность ирреального, осознать, что это именно ирреальное бытие.

Художественный мир Гоголя пронизан инфернальными силами, что особенно характерно для его раннего периода, отразившегося в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», где зло обретает зримую вещественность. Черт, ведьмы, Вий – все это не просто элементы фольклорного антуража, но реальность гоголевского космоса. Однако во второй, зрелой фазе его творчества происходит процесс, который был открыт и описан Ю. Манном: «...нечистая сила как активный субъект и причина фантастических действий исчезает из мира Гоголя, но этот мир становится изнутри фантастичным, странным по-гоголевски. “Фантастика ушла в быт, вещи, в поведение людей и в их способ мыслить и говорить”; “фантастика ушла в стиль”» [15. С. 69].

Можно сказать, что Гоголь еще более радикально вскрывает онтологию становящегося бытия, в котором сакральное и профанное сплавлены в едином потоке. В строгом смысле, мир Гоголя не поддается жесткому разграничению на сакральное и мирское, реальное и иллюзорное, бодрствование и сон. Эта неразличимость проистекает из самой природы онтологии становления, которой проникнуто его творчество. Мир, лишенный устойчивости и упорядоченности, одновременно комичен и ужасающ. Столкновение с этим ужасом у Гоголя неизменно сопровождается смехом – инфернальным, беспричинным, гротескным. Смех, который, по словам В. Подороги, «обрушивал мир в ничто, из которого его уже нельзя было вернуть в первоначальную целостность» [16. С. 35]. Ситуация ужаса, являющаяся частью гоголевского мира, это и есть настроение столкновения с подобным типом бытия. Вглядываясь в повесть «Нос», мы одновременно сталкиваемся и с ужасом, – как внутренним настроением героев, так и со смехом, являющимся результатом нашего прочтения.

Гоголь ставит нас перед фактом: однажды, проснувшись, мы, взглянув в свое отражение, увидим там ничто. Спустя почти столетие другой великий писатель начнет свой сюжет с того, что герой, пробудившись после беспокойного сна, обнаружит себя жуком. В обоих случаях перед нами разворачивается ситуация ужаса там, где должна была состояться встреча с привычным, со своим Я. Событие встречи с ничто – это ситуация потери места, выход за пределы завершенности, замкнутой в пространстве, времени и теле. Однако Я – это не видимость и не кажимость, иначе встреча с собой была бы равнозначна встрече со своим отражением в зеркале. М.М. Бахтин утверждает парадоксальную мысль о том, что мы не видим себя в зеркале в подлинном смысле этого слова. По его мнению, наш взгляд на самого себя детерминирован внешним – мы смотрим на себя глазами мира: «...не я смотрю изнутри своими глазами на мир, а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами; я одержим другим» [17. С. 71]. Однако эта мысль Бахтина спорна, поскольку внутреннее видение себя гораздо более абстрактно и многомерно, нежели непосредственное отражение, которое, напротив, всегда фиксировано и случайно. Почти об этом же пишет Р. Барт: «“Я” никогда не совпадает с моим изображением; ведь изображение тяжело, неподвижно, упрямо (поэтому общество и опирается на него), а “я” легко, разделено, расплывено, оно как сфера, которая не стоит на месте, постоянно меняя положение в сосуде моего тела» [18. С. 29]. «Я» живет в мгновении незнания о самом себе, но это незнание не следует путать с забвением. Оно связано с тоской по своему присутствию, с осознанием собственной неуловимости. Незнание себя – это не утрата, но отсутствие схваченности, невозможность зафиксировать «Я» в границах понятий. В этом смысле «Я» по определению мертво, но может быть объектом исследования, причем главным исследователем здесь оказываюсь я сам. Живое присутствие «Я», разворачивающееся в пространстве, есть постоянное преодоление границ, сдерживающих наше существование в мире.

Не будет преувеличением сказать, что различие между сном и реальностью представляет собой одну из фундаментальных проблем философии, сводящуюся, в конечном счете к вопросу о границах истины и лжи, а в более широком смысле – к различию между бытием и небытием, между мышлением о мире и самой реальностью мира. Уже сама возможность появления этого разрыва свидетельствует о глубинном несоответствии между ними. В повести «Нос» Гоголь сознательно лишает читателя окончательной интерпретации, исключая финальное объяснение, согласно которому произошедшее с героем оказывается всего лишь сновидением. Тем самым текст не допускает внутри себя возможности мыслить эту дихотомию в привычных рамках.

Вопрос различения сна и реальности в данном контексте становится аналогичным вопросу о доказательстве бытия Божьего: ни одно доказательство не приводит к вере, так же как ни одно разграничение между сновидением и реальностью не решает вопроса о самой природе реального, пребывающего по ту сторону как сна, так и того, что мы называем реальностью. Однако у Гоголя обнаруживается важный момент для схватывания самой сути реальности: это предельные состояния пробуждения и засыпания, являющиеся проблематиками той границы, что пролегает между сном и явью, а как ситуация ужаса – между абсурдом и реальностью, между безумием и рациональностью.

Таким образом, если творчество Ф.М. Достоевского часто осмысливается в контексте экзистенциализма, то произведения Н.В. Гоголя, который оказал столь значительное влияние на русскую классическую литературу, органично вписываются в феноменологическую традицию. Реализм Гоголя – это не просто реализм изображаемого мира, но реализм сознания в его столкновении с бытием вещи, существующей по ту сторону субъективного опыта. Или, если выразиться в более привычных терминах, это столкновение с кантовской вещью в себе. В этом контексте и ужас, и смех – а не слово – становятся единственно возможной реакцией на встречу с этим изменчивым, текучим, ускользающим бытием, в котором «все – сон, все – мечта, все не то, что кажется».

Заключение

Что существенного дает нам в понимании абсурда прочтение повести Н.В. Гоголя «Нос»? Что абсурд есть в той мере безумие реальности, в какой безумие есть абсурдность мышления. В опыте абсурда обнаруживается нечто, в чем разум не только обманут, но и обнажен в своей несостоятельности полагать реальность как упорядоченное, подчиненное привычным законам логики или долга. Существенным в переживании абсурда становится не его логическое определение, но возможность или, лучше сказать, допущенность его как абсурда, т.е. его обнаружимость как того, что не сводимо ни к ошибке, ни к случайности, но что действует из самого бытия. Эта структура близка опыту иллюзии, однако только по границе, мы способны выявить «иллюзию» лишь тогда, когда уже вышли за предел ее воздействия, когда она уже потеряла над нами власть. Иллюзия в момент своего разоблачения перестает быть иллюзией, она становится неудачным трюком, разоблаченной фикцией. В этом парадокс: иллюзия онтологически состоятельна лишь тогда, когда она неизвестна как иллюзия. В момент распознавания она перестает быть тем, чем была, событие иллюзии оказывается неосуществленным. Но абсурд не иллюзия. Он не является частным случаем кажимости или сбой, он не случается в образе, он прокладывает себя в бытии. Его зона действия не только чувственно-данное, но и режимы самопонимания, ткани рефлексии, структуры цели и смысла. Можно обживать мир, выстраивать его как пространство значений, не выходя ни на шаг за пределы абсурда. Абсурд не то, что нарушает порядок; он то, что допускает его как притворство. Сознание как архитектор защитных контуров, оно выдумывает обходы, ставит перегородки, лишь бы не быть брошенным в бессосновность. Но именно в момент столкновения с этой бессосновностью, в акте срыва всех покрывал и происходит прояснение: не истины, а абсурда как онтологического положения. Абсурд не выносится в трансценденцию, он не по ту сторону. Он ближе, чем любое наличное. Он всегда уже здесь, он стягивает себя к самой плотности бытия, к его невыносимой явленности, где реальность не выдерживает ни объяснения, ни отказа. Он и есть плотность без меры, без гарантии, без исхода.

Список источников

1. Бланк К. Как сделан «Нос». Стилистический и критический комментарий к повести Н.В. Гоголя. СПб. : Academic Studies Press / Библиороссика, 2021. 207 с.
2. Будагова Н.В. Гоголь – провозвестник славянского литературного авангарда // Н.В. Гоголь и славянские литературы / отв. ред. Л.Н. Будагова. М. : Индрик, 2012. С. 146–156.
3. Библихин В.В. Кьеркегор и Гоголь // Мир Кьеркегора. М. : Ad Marginem, 1994. С. 82–90.
4. Виноградов В.В. Натуралистический гротеск (Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос») // В.В. Виноградов. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М.: Наука, 1975. С. 5–44.
5. Ермаков И.Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 512 с.
6. Белинский В.Г. Литературные и журнальные заметки // Отечественные записки. 1842. № 10.
7. Пушкин А.С. Примечание к повести «Нос» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : В 10 т. Т. 7: Критика и публицистика. Наука. М.; Л., 1951. С. 526–528.
8. Гоголь Н.В. Петербургские повести. СПб. : Наука, 1995. 296 с.
9. Morson G.S. Gogol's Parables of Explanations: Nonsense and Prosaics // Essays on Gogol: Logos and the Russian Word / eds. by S. Fusso, P. Meyer. Evanston, IL : Northwestern University Press, 1992. P. 200–239.
10. Маркович В.М. Петербургские повести Н.В. Гоголя. Л. : Худож. лит., 1989. 208 с.
11. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. Собрание сочинений : В 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление. М. : ТЕРРА – Книжный клуб ; Республика, 1999. 496 с.
12. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. М. : Ad Marginem, 2001. 736 с.
13. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М. : Наука, 1989. 576 с.
14. Бочаров. С.Г. Вокруг «Носа» // Вопросы литературы. 1993. № 4. С. 69–92.

15. Подорога В.П. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. Т. 1: Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М. : Культурная революция; Логос; Logos-altera, 2006. 688 с.
16. Бахтин М.М. Человек у зеркала // Бахтин М.М. Собрание сочинений : В 7 т. Т. 5. М. : Русские словари, 1997.
17. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М. : Ад Маргинем Пресс, 2011. 272 с.
18. Karlinsky S. The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol. Chicago : University of Chicago Press, 1992. 344 p.

References

1. Blank K. Kak sdelan «NoS». Stilisticheskiĭ i kriticheskiĭ kommentariĭ k povesti N.V. Gogolya. SPb. : Academic Studies Press / Bibliorossika, 2021. 207 s.
2. Budagova N.V. Gogol' – provozvestnik slavyanskogo literaturnogo avangarda // N.V. Gogol' i slavyanskiye literatury / otv. red. L.N. Budagova. M. : Indrik, 2012. S. 146–156.
3. Bibikhin V.V. K'yerkegor i Gogol' // Mir K'yerkegora. M. : Ad Marginem, 1994. S. 82–90.
4. Vinogradov V.V. Naturalisticheskiy grotesk (Syuzhet i kompozitsiya povesti Gogolya «NoS») // V.V. Vinogradov. Izbrannyye trudy. Poetika russkoy literatury. M.: Nauka, 1975. S. 5–44.
5. Ermakov I.D. Psikhhoanaliz literatury. Pushkin. Gogol'. Dostoyevskiy. M. : Novoye literaturnoye obozreniye, 1999. 512 s.
6. Belinskiy V.G. Literaturnyye i zhurnal'nyye zametki // Otechestvennyye Zapiski. 1842. № 10.
7. Pushkin A.S. Primechaniye k povesti «NoS» // Pushkin A.S. Polnoye sobraniye sochineniy : v 10 t. T. 7: Kritika i publitsistika. Nauka. M.; L., 1951. S. 526–528.
8. Gogol' N.V. Peterburgskiy povesti. SPb. : Nauka, 1995. 296 s.
9. Morson G.S. Gogol's Parables of Explanations: Nonsense and Prosaics // Essays on Gogol: Logos and the Russian Word / eds. by S. Fusso, P. Meyer. Evanston, IL : Northwestern University Press, 1992. P. 200–239.
10. Markovich V.M. Peterburgskiy povesti N.V. Gogolya. L. : Khudozh. lit., 1989. 208 s.
11. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavleniye // Shopengauer A. Sobraniye sochineniy : v 6 t. T. 1: Mir kak volya i predstavleniye. M. : TEPPA – Knizhnyy klub ; Respublika, 1999. 496 s.
12. Nitshe F. Rozhdeniye tragedii iz dukha muzyki. M. : Ad marginem, 2001. 736 s.
13. Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. CH. 1. M. : Nauka, 1989. 576 s.
14. Bocharov. S.G. Vokrug «NosA» // Voprosy literatury. 1993. № 4. S. 69–92.
15. Podoroga V.P. Mimesis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury. T. 1: N. Gogol', F. Dostoyevskiy. M. : Kul'turnaya revolyutsiya, Logos, Logos-altera. 2006. 688 s.
16. Bakhtin M.M. Chelovek u zerkala // Bakhtin M.M. Sobraniye sochineniy : v 7 t. T. 5. M. : Russkiye slovari, 1997. S. 71.
17. Bart R. Camera lucida. Kommentariy k fotografii. M. : Ad Marginem Press, 2011. 272 s.
18. Karlinsky S. The Sexual Labyrinth of Nikolai Gogol. Chicago : University of Chicago Press, 1992. 344 p.

Информация об авторе:

Маковцев В.С. – канд. филос. наук, доцент кафедры истории, философии и литературы Российского института театрального искусства – ГИТИС (Москва, Россия). E-mail: vl.makovtsev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Makovtsev, Russian Institute of theatre arts (GITIS) (Moscow, Russian Federation). E-mail: vl.makovtsev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.05.2025;
одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 01.05.2025;
approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 141
doi: 10.17223/15617793/521/10

Формат текста как симптом социальных изменений: философский анализ

Юлия Николаевна Овсянникова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Kirilenko_juilia@list.ru

Аннотация. Выявляются и анализируются философские основания для рассмотрения формата текста в качестве симптома глубинных трансформаций в обществе. Прослеживается эволюция понятия «формат» от технического параметра до социально-философской категории, наследующей функции «умершего автора». В результате доказывается, что анализ современных форматов позволяет диагностировать зарождающиеся и еще неочевидные изменения в социальной структуре и способах коммуникации.

Ключевые слова: формат текста, текст, цифровизация, смерть автора, философия текста, Мишель Фуко, Ролан Барт

Источник финансирования: результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0016

Для цитирования: Овсянникова Ю.Н. Формат текста как симптом социальных изменений: философский анализ // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 101–105. doi: 10.17223/15617793/521/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/10

Text format as a symptom of social change: a philosophical analysis

Julia N. Ovsyannikova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Kirilenko_juilia@list.ru

Abstract. This article aims to substantiate the consideration of the text format as a significant object of socio-philosophical analysis, which can serve as a symptom of profound, but not yet obvious transformations in society. The central problem of the research is the need to go beyond the traditional philosophical analysis of the text content and show that the very form of its presentation has an independent social significance. The author argues that modern transformations of text formats reflect fundamental changes in the social structure and ways of communication. The research is based on a combination of methods of historical and philosophical reconstruction and categorical analysis. The methodology includes tracing the evolution of the concept of "format" from a technical parameter to a full-fledged socio-philosophical category. The article examines classical and modern philosophical contexts, including the works of Plato, Hans-Georg Gadamer, Roland Barthes, Michel Foucault and Marshall McLuhan, to build a theoretical foundation. Initially, the author develops a working definition of "text format" that goes beyond its standard meaning of physical size to interpret it as a way of presenting text that highlights some intent. Further, the article explores two key modern contexts of understanding the format: aesthetics and media philosophy. The result of the review is the positioning of the format not as a neutral transmitter, but as a content-forming structure that organizes the audience's experience and determines perception. A significant idea of the article is to link the concept of format with the postmodern idea of the "death of the author." It is argued that in the modern polycode digital world, the classifying and meaning-generating function previously attributed to the author (M. Foucault's "author function") is increasingly being transferred to the format. The formats are viewed as impersonal products of their era, reflecting the demands of society and government structures, rather than individual authorship. Finally, the specific functions of formats in the digital age are analyzed. The author claims that the formats act as tools for restoring order in the flow of information. In addition, formats are subject to commercialization and are governed by the logic of the platform economy and algorithms (Google, Meta, Apple), which ultimately depersonalizes both the author and the reader, "formatting" the patterns of consumption of the latter. The main conclusions of the study are as follows: 1) The text format is a productive object of philosophical interest, serving as a visible symptom of the transformations taking place in society. 2) Its increased importance is associated with the transition to a platform economy, where its primary function is to bring order to the social world by reading and displaying its internal logic. 3) In this context, the main demand of modern society is the struggle for control over formats, since it is precisely this control that is being lost in the digital society.

Keywords: text format, text, digitalization, death of the author, philosophy of the text, Michel Foucault, Roland Barthes

Financial support: This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2025-0016.

For citation: Ovsyannikova, Ju.N. (2025) Text format as a symptom of social change: a philosophical analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 101–105. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/10

Обращение к формату текста как к социально-философской проблеме не является очевидным выбором для исследователя и требует специального обоснования. Сам по себе текст уже не раз становился предметом философской рефлексии с самого начала истории философской мысли. Одним из первых контекстов философского интереса к тексту была проблема доверия к написанному и выбору между устной и письменной формами для наилучшей передачи идей. Так, например, Платон рассуждал об ограниченности письменного текста: «В этом, Федр, дурная особенность письменности, поистине сходной с живописью: ее порождения стоят, как живые, а спроси их – они величаво и гордо молчат. То же самое и с сочинениями: думаешь, будто они говорят, как разумные существа, но, если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде – и у людей понимающих, и, равным образом, у тех, кому вовсе не подобает его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо его ругают, оно нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни себе помочь» [1. С. 223]. И уже в этом отрывке содержится философская интуиция о сложности интерпретации текста и о том, что сам смысл текста меняется в зависимости от читателя и той формы, в которой он представлен. Гораздо позднее, уже в XX в. немецкий философ Ханс-Георг Гадамер сформулировал основные задачи, стоящие перед интерпретатором текста, а герменевтический круг, историческая дистанция и пр. оказываются онтологическими условиями самого акта понимания текста [2]. Осознание того, что смысл передается через текст, а позже интерпретируется также по своим законам, становится значимым для целого ряда гуманитарных дисциплин XX в. Недаром М. Хайдеггер писал, что «язык есть дом бытия» [3. С. 192]. Но такой широкий ракурс взятия проблемы не позволяет нам сделать хоть сколько-нибудь значимые выводы в рамках одной статьи. Поэтому обращение к формату текста, как к одному из аспектов гораздо более широкой философской проблемы, позволит высветить ряд важных замечаний о «судьбе» текста сегодня. К тому же появление новых форматов текста (например, таких как поликодовые и мультимодальные, связанные напрямую с цифровыми платформами и их требованиями) можно рассматривать как симптом появления дополнительных смыслов в жизни человека и общества, которые возникают сегодня и могут быть осмыслены через философию текста. Таким образом, задачей данной статьи является доказательство того, что современные трансформации в форматах текста являются симптомами определенных изменений в жизни человека и общества и, следовательно, интереса социальной философии. Данная задача потребует от нас проработки понятия формата

текста и обращения к одной из значимых концепций XX в., связанной со смертью автора.

К рабочему определению формата текста

Однако, прежде чем говорить о том, каким образом новые форматы текста отражают те или иные тенденции в жизни общества, следует дать хотя бы рабочее определение самого термина «формат текста». И эта задача не столь проста, как кажется на первый взгляд. Когда слово является служебным (т.е. техническим, инструментальным) термином, его смысл проявляется лишь в контексте, а само это слово служит для связки. Именно таким термином является слово «формат». Вот какое определение формату дается в Словаре современного русского литературного языка: «размер книги, листа, карточки и т.п.» [4. С. 1498]. То есть формат – это нечто, соразмерное предзаданным характеристикам. Однако что может дать такое определение для понимания формата текста сегодня? Стандартный прием для философа – попытаться найти изначальный смысл термина, т.е. обратиться к этимологии. Формат в этом отношении означает уже упомянутый размер и происходит от французского *forme*, *fourme* – внешний вид, облик (XII в.). Но если идти дальше, то мы можем найти греческих и латинских прародителей слова «формат». И вот они уже имеют совершенно не служебное значение для философии. Формы или идеи – это очень нагруженный философский термин, восходящий ещё к Платону и Аристотелю. Главные характеристики – противоположность материи, указание на внешнее воплощение какого-то смысла, образец. Таким образом, формат – это всегда соответствие замыслу, который определит форму материи. И еще одно дополнительное замечание – материя всегда вторичная по отношению к форме. И в этом смысле выбор формата должен менять и содержание. В результате под форматом текста мы будем понимать способ предъявления текста, который высвечивает некоторый замысел.

Современные контексты употребления в философском дискурсе

Дополнительным шагом для характеристики формата текста сегодня становится поиск его современных контекстов употребления в сфере философского знания. Значимыми для нашего исследования представляются два из них.

Во-первых, это эстетика, задача которой – обосновать новые форматы произведений искусства. При этом изначально формат представляет собой способ донесения замысла произведения до зрителя. Ярким примером здесь может служить абстрактное и концептуальное искусство, где значимой характеристикой становится превалирование смысла над эстетическим переживанием. Американский искусствовед Роза

линда Краусс так пишет об этом качестве современного искусства: «...абстрактное искусство больше не судят по тому, насколько верно оно передает внешний вид вещей; теперь его будут судить по тому, насколько оно соответствует другой обязательной модели. Доступная глазу реальность более не обладает привилегированным статусом в отношении произведений искусства; она более не составляет текст, который искусство должно иллюстрировать. Теперь логика создает “текст”; а пространство, путь в которое должно ныне открывать искусство, модель, которую оно должно “изображать” и в соответствии с которой его будут оценивать, есть Разум» [5. С. 252–253]. Однако данная выдержка вкупе с предшествующими рассуждениями о близости формата и формы в платоновском смысле может создать у читателя иллюзию, что именно Разум и Идея являются определяющими для формата текста сегодня. Этот вывод был бы очевидным для начала XX в., однако именно в демонстрации разрыва со старым пониманием и таится замысел данной статьи. Формат более не связан с разумом как предзаданностью и не стремится к его передаче.

Во-вторых, это медиафилософия. Старые форматы, утрачивая свой изначальный смысл, превращаются в институты. Обращение к ним, по сути, служит цели приобщения конкретной вещи к уже существующему порядку. В отличие от них, новые форматы неразрывно связаны с конкретным произведением или творцом. Хотя стоит отметить: если такой формат не сумеет отделиться от своего создателя, он, скорее всего, исчезнет вместе с ним. Сохранится ли тот формат стрит-арта, который создал Бэнкси, после ухода самого художника? В этом контексте важно понимать, что, как правило, зритель видит именно работу, а не её формат. Формат остается скрытым от воспринимающего. Однако именно он во многом определяет, как произведение «считывается» – воспринимается ли оно как перформанс, инсталляция или нечто иное. Таким образом, форматы – это принципы упорядоченности, которые сами обретают форму. Они выстраивают демонстрацию, которая делает ключевое заявление: неявно сообщает, что перед нами, например, новостной выпуск или вечернее шоу, исключительно через ту форму, в которой представлено содержание. В результате формат сам становится содержательной формой, а не просто нейтральным передатчиком замысла. Знаменитый тезис Маршалла Маклюэна «the medium is the message» [6] прекрасно иллюстрирует это положение. Мы намеренно не переводим его на русский язык, поскольку возможный вариант – «средство коммуникации есть сообщение» [7] – сужает возможные трактовки этой формулы. Для более глубокого понимания можно обратиться к интерпретации медиума в контексте постметафизической философии: «Медиум здесь подразумевает не в смысле инструмента-посредника, в каком это понятие сегодня используют media studies, а в смысле среды, структурирующей (и всякий раз реструктурирующей) пространство опыта по всем направлениям» [8. С. 17]. Таким образом, формат – это способ структурирования опыта воспринимающего произведение.

Само содержание, которое мы «упаковываем» в формат – различные материалы, видеоклипы, фрагменты, тексты, – не привязано к нему жёстко. Напротив, формат должен оставаться максимально гибким, чтобы допускать вариации контента, не раскрывая при этом собственных предпосылок. Отсюда проистекает ещё одна характеристика формата: он всегда представляет собой форму взаимоотношения, проектирования связи между произведением и аудиторией, которую сама аудитория не осознаёт. Возможно, именно поэтому мы так мало говорим о форматах: потому что эстетическое переживание и замысел работы даются нам на уровне конкретного произведения, в то время как форматы – это абстракции, существующие вне конкретного содержания. В этой связи нельзя не вспомнить дополнение Марка Федермана к упомянутой формуле Маклюэна: «Новое средство коммуникации несет новый тип информации» [9]. И в этом смысле изучение новых форматов текста нередко плодотворнее анализа его содержания. Именно в форматах мы можем обнаружить истоки тех изменений, которые уже происходят в обществе, но ещё не очевидны для него самого, так как он выступает тем, кто формирует сообщение. Отталкиваясь от высказанной ранее мысли о том, что формат всегда связан с отношениями, можно утверждать: работа с форматом – это столкновение с властью институтов, которые задают канон. Это отличается от взаимодействия с аудиторией, хотя сама аудитория также является фактором власти. Любой контент может стать актуальным, если он использует форматы, совместимые с этими силовыми полями. Форматы должны утвердиться в восприятии как аудитории, так и институтов. Перечень форматов, их «канон», уникальный для каждой эпохи, постоянно изменчив.

Смерть автора и авторство форматов

«Смерть автора» – один из самых значимых концептов философии XX в., получивший название благодаря одноимённому эссе Ролана Барта [10]. В самом тексте о «смерти» говорится лишь в заключительной части: «Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых складывается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст. <...> Теперь мы знаем: чтобы обеспечить письму будущее, нужно опрокинуть миф о нем – рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [10. С. 391]. Мы не будем подробно останавливаться на смысле этого концепта, заключающемся в том, что автор теряет власть над текстом и превращается в «функцию-автора», а сам текст уподобляется «письму в бутылке, брошенной в океан» [11]. Однако обратим внимание на то, что в процитированном фрагменте Барт говорит не только об авторе, но и о читателе, который также оказывается обезличен.

Таким образом, происходит рассеяние субъекта в двояком смысле – и как автора, и как читателя. «Сам

текст, который понимается в широком смысле как любое знаковое полотно, при этом предстает анонимной практикой, где стирается фигура не только адресата, но и адресанта. Нет не только того, кто говорит, но и нет того, для кого это говорится, т.к. тексты сообщаются сами с собой» [12. С. 308]. В этом смысле власть переходит к самому тексту, структура которого требует фигуры классификатора смыслов.

Выше мы использовали термин Мишеля Фуко «функция-автор», предполагающий, что даже у обезличенного субъекта сохраняется определённая роль: «...имя автора – это не просто элемент дискурса, такой, который может быть подлежащим или дополнением, который может быть заменен местоимением и т.д.; оно выполняет по отношению к дискурсам определенную роль: оно обеспечивает функцию классификации» [13. С. 19]. Это ставит перед исследователем ключевой вопрос: в нашем поликодовом цифровом мире кто выполняет эту классифицирующую функцию – автор, читатель или некий иной субъект?

С этой точки зрения, если сегодня искать основание, на котором рождается не столько окончательный смысл, сколько сама возможность интерпретации, то мы обнаружим его именно в формате. В формате мы можем найти следы как читателя, так и автора. По сути, формат – это эффект тех запросов, которые складывается из внутренней жизни общества. Жак Деррида писал, что «недостаточно понять текст Руссо внутри системы мыслительных предпосылок метафизической, или же западной, эпохи, которые мы здесь скромно пытаемся обрисовать. Нужно также понять, что эта история метафизики, к которой относится и само понятие истории, принадлежит к тому целому, которое, конечно, уже больше нельзя называть историей. Вся эта игра скрытых предпосылок столь сложна, что сама попытка выяснить соотношения между теми или иными элементами этой игры и текстами – например, текстом Руссо – была бы неуместной <...> Строго говоря, не существует такого текста, автором или же темой которого был бы Ж.-Ж. Руссо» [14. С. 424]. Точно так же мы не можем говорить и об авторстве форматов: они являются продуктами эпохи и не могут быть поняты вне её контекста.

Функции форматов цифровой эры

Если форматы – это инструменты распознавания форм и смыслов, по сути, указатели для читателя, то сегодня их актуализация напрямую связана с развитием цифровой эры. Важнее понимания конкретного смысла для читателя становится установление порядка в том колоссальном потоке информации, который обрушивается на человека. И в этом отношении формат сегодня получает дополнительное значение.

Внедряемые в социум технологии и методы могут быть успешны лишь в том случае, если они в достаточной степени совместимы со структурой общества. Для подтверждения этой мысли уместно обратиться к концепции современного немецкого социолога и философа А. Нассеи, осмысляющего процесс цифровизации.

Переход от аналоговых форматов к цифровым привел к радикальным изменениям в обществе. Ошибки в

тексте, которые раньше были видны и оставляли материальные следы, теперь могут быть бесследно стёрты ещё до публикации. Точно так же может быть опубликован и не до конца готовый текст [15]. В результате объектом власти становится не только капитал, но и огромные массивы данных, концентрацию которых у ограниченного круга субъектов мы наблюдаем сегодня. В современном обществе проблематизируется сам феномен социального порядка, поскольку его наблюдение перестаёт быть тривиальной задачей. Современные общества можно адекватно понять только в цифровом формате; иными словами, общество само становится цифровым феноменом [16]. Для чего в подобном обществе нужны форматы? Они разрабатывают формальные, часто интуитивно понятные алгоритмы, не требующие передачи явных инструкций, для диагностики взаимосвязей и понимания их порядка, т.е. позволяют воссоздавать социальный порядок и упрощать навигацию в массивах данных.

Дополнительный смысл современных форматов заключается также в их коммерциализации, поскольку создание текста сегодня подчиняется логике товарного производства. Можно утверждать, что власть и рынок управляют форматами, которые, в свою очередь, окончательно обезличивают автора и «форматируют» читателя: «Звезды предыдущего поколения проецировали свои различные роли посредством своих хорошо известных закадровых личностных качеств, которые часто ассоциировались с бунтом и нонконформизмом. Тогда как последнее поколение актёров-звезд по-прежнему выполняет общепринятые функции звездности (прежде всего, сексуальности), но при полном отсутствии “личности” в старом смысле слова, со специфической анонимностью изображения персонажа (которая у таких актёров, как Херт, достигает подлинной виртуозности, отличающейся в то же время от виртуозности Брандо или Оливье)» [17. С. 116]. В свою очередь, платформенная экономика также управляет форматами, поскольку цифровые алгоритмы не позволяют донести контент несоответствующего формата до аудитории. «Системы стриминга являются примером идеального воплощения цифровой информации, где алгоритмы эффективно создают непрерывный поток данных для последующего персонализированного потребления. В контексте цифровой монокультуры преобладающее влияние оказывают именно алгоритмы, которые формируют общий контекст и направление информационного потока. Цифровые платформы Google, Meta, Apple и др. – это цифровые “фермы” по выращиванию данных для последующего использования. Таким образом, цифровая монокультура не просто представляет собой поиск общего знаменателя через алгоритмы: сам алгоритм становится этим общим знаменателем, вокруг которого формируются предпочтения и интересы пользователей, их личные потоки информации, влияющие на общий цифровой ландшафт» [18. С. 120].

Таким образом, анализируя популярные форматы современной цифровой культуры, можно сделать выводы как о значимых тенденциях в платформенной

экономике, так и о монокультуре и других трансформациях, происходящих в обществе.

Подводя итог, мы можем сформулировать несколько основных выводов. Во-первых, формат как объект философского интереса сегодня может быть плодотворным предметом изучения, так как является зримым симптомом происходящих сегодня в обществе трансформаций. Связано это с переходом к платфор-

менной экономике и выдвижению на первый план таких функций формата, как внесение порядка в социальный мир, поскольку формат считывает и отображает его внутренние закономерности. И финальным выводом статьи, который еще необходимо будет развить в рамках следующих работ, состоит в том, что в этом контексте основным запросом современного общества становится контроль над форматом, так как именно его мы утрачиваем в цифровом обществе.

Список источников

1. Платон. Сочинения : В 4 т. Т. 2. СПб. : Изд-во СПб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. 626 с.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. 447 с.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т. 16: У–Ф. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1964.
5. Краусс Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы. М. : Художественный журнал, 2003. 319 с.
6. McLuhan M. Understanding media: the extensions of man. Cambridge, Massachusetts ; London, England : 1st MI T Press ed., 1994. 302 p.
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2007. 464 с.
8. Инишев И.Н. Феноменологическая герменевтика между теорией языка и теорией действия // Практический поворот в постметафизической философии. Вильнюс : ЕГУ, 2008. С. 10–83.
9. Архангельская И.Б. Г.М. МакЛюэн и его книга «Понимание средств коммуникации: Продолжение человека» // Вестник ННГУ. 2008. № 4. С. 228–232.
10. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 384–391.
11. Эко У. Откровения молодого романиста. М. : АСТ : CORPUS, 2013. 320 с.
12. Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 398 с.
13. Фуко М. Что такое автор? В: Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет. М. : Касталь 1996. С. 7–47.
14. Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 506 с.
15. Nassehi A. Patterns. Theory of the Digital Society. Polity Press, 2024. 268 p.
16. Климович А.П. О подходах к созданию теории цифрового общества. По книге Армина Нассе «Образец» («Muster») // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 2. С. 39–51.
17. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М. : Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.
18. Анисимов В.А. Интерпретации термина «монокультура» до и после цифрового состояния // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 3 (69). С. 114–122.

References

1. Platon. Sochineniya : v 4 t. T. 2. SPb. : Izd-vo SPb. un-ta: «Izd-vo Olega Abyshko», 2007. 626 s.
2. Gadamer KH.-G. Istina i metod: Osnovy filos. germeneytiki. M. : Progress, 1988. 704 s..
3. Khaydegger M. Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya. M. : Respublika, 1993. 447 s.
4. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 16: U–F. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1964.
5. Krauss R. Podlinnost' avangarda i drugie modernistskiye mify. M. : Khudozhestvennyy zhurnal, 2003. 319
6. McLuhan M. Understanding media: the extensions of man. Cambridge, Massachusetts ; London, England : 1st MI T Press ed., 1994. 302 p.
7. Maklyuen M. Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka. M. : Kuchkovo pole, 2007. 464 s.
8. Inishev I.N. Fenomenologicheskaya germeneytika mezhdru teoriyey yazyka i teoriyey deystviya // Prakticheskiy povорот v postmetafizicheskoy filosofii. Vil'nyus : YEGU, 2008. S. 10–83.
9. Arkhangel'skaya I.B. G.M. MaKLyuen i yego kniga «Ponimaniye sredstv kommunikatsii: Prodolzheniye cheloveka» // Vestnik NNGU. 2008. № 4. S. 228–232.
10. Bart R. Cmert' avtora // Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika. M. : Progress, 1989. S. 384–391.
11. Eko U. Otkroveniye mladogo romanista. M. : ACT : CORPUS, 2013. 320 s.
12. Gasparyan D.E. Vvedeniye v neklassicheskuyu filosofiyu. M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN), 2011. 398 s.
13. Fuko M. Chto takoye avtor? V: Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: raboty raznykh let. M. : Kastal' 1996. S. 7–47.
14. Derrida ZH. O grammatologii. M. : Ad Marginem, 2000. 506 s.
15. Nassehi A. Patterns. Theory of the Digital Society. Polity Press, 2024. 268 p.
16. Klimovich A.P. O podkhodakh k sozdaniyu teorii tsifrovogo obshchestva. Po knige Armina Nasse «Obrazets» («Muster») // Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika. 2022. T. 10, № 2. S. 39–51.
17. Dzheymison F. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma. M. : Izd-vo Instituta Gaydara, 2019. 808 s.
18. Anisimov V.A. Interpretatsii termina «monokul'turA» do i posle tsifrovogo sostoyaniya // Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2024. № 3 (69). S. 114–122.

Информация об авторе:

Овсянникова Ю.Н. — канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: Kirilenko_juilia@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ju.N. Ovsyannikova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kirilenko_juilia@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025;
одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 21.10.2025;
approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327:329.8(470+571)
doi: 10.17223/15617793/521/11

Внешнеполитические ориентиры в программных документах непарламентских партий России (2011–2021)

Яцин Ван¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
wangyaqing4307@163.com

Аннотация. Анализируются программные документы партий, участвовавших в выборах в Государственную Думу Российской Федерации в 2011–2021 гг., но не прошедшие в парламент, с целью выявления сути и эволюции их внешнеполитических ориентаций. Показано, что для большинства были свойственны антиглобалистские и антизападные установки, за исключением таких партий, как «Яблоко» и «Правое дело», которые с разной степенью устойчивости видят в странах Запада перспективных партнеров.

Ключевые слова: Россия, программные документы, внешняя политика, внепарламентские партии

Для цитирования: Ван Я. Внешнеполитические ориентиры в программных документах непарламентских партий России (2011–2021) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 106–112. doi: 10.17223/15617793/521/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/11

Foreign Policy Orientations in the Programmatic Documents of Russia's Non-Parliamentary Parties (2011–2021)

Yaqing Wang¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, wangyaqing4307@163.com

Abstract. The article examines the foreign-policy orientations articulated in the programmatic documents of Russia's non-parliamentary parties that took part in State Duma elections between 2011 and 2021. It identifies the core ideas and traces their evolution over time. Overall, these parties interpret global politics largely through a realist lens, emphasizing multipolarity, national interests, sovereignty, and security. In many texts, foreign policy is treated not as an autonomous domain but as an instrument for advancing domestic political goals. At the party level, Yabloko consistently maintains a liberal, pro-Western stance, while the Party of Growth shifts from earlier pro-European rhetoric toward pragmatic, multi-vector economic diplomacy. New People stresses the use of Russia's "soft power" to project national values and explicitly criticizes outdated geopolitical schemata. Support for Eurasian integration is common but varies in substance: Rodina links it to the "Russian World" concept; Patriots of Russia and Civic Platform favor broader and more balanced forms of Eurasian cooperation. The Russian Ecological Party "The Greens" remains close to the official line yet reliably prioritizes environmental and climate collaboration. Communists of Russia advocate inter-party cooperation among communist movements, the restoration of a Soviet-type union state, and the formation of an anti-imperialist coalition with non-Western countries. With respect to China, most non-parliamentary parties recognize its strategic weight in an emerging multipolar order but frame it differently—ranging from Party of Growth and Civic Platform emphasizing a pragmatic economic partnership to Communists of Russia promoting an ideologically grounded alignment. Taken together, the foreign-policy discourse of these parties largely reproduces the central themes of Russia's official diplomatic narrative, combining anti-globalist and anti-Western attitudes with aspirations to build alternative centers of power.

Keywords: Russia, programmatic documents, foreign policy, non-parliamentary parties

For citation: Wang, Ya. (2025) Foreign Policy Orientations in the Programmatic Documents of Russia's Non-Parliamentary Parties (2011–2021). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 106–112. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/11

Введение

Политические партии, являясь важным элементом политической системы России, привлекают внимание учёных своей динамичностью, разнообразием и высокой чувствительностью к изменениям внешней среды.

Стремясь завоевать больше депутатских мест и повысить свой статус в партийной системе, партии вынуждены постоянно корректировать собственные стратегии в ответ на социополитические трансформации и настроения избирателей. В программных документах они формулируют своё видение развития государства

и приоритетные направления его политики, а через взаимодействие с электоратом и государственными институтами продвигаются к намеченным целям. Несмотря на то, что в основном партийные программы сосредоточены на внутренних вопросах, внешняя политика остаётся значимой их составляющей.

Интерес к изучению программных документов партий достаточно устойчив [1–3]. Однако обычно политологи концентрируют свое внимание на парламентских партиях, а непарламентские анализируют значительно реже [4–7]. Тематика работ, специально посвящённых непарламентским партиям, обычно связана либо с оценкой их электоральных перспектив [8–11], либо с участием партий в уличных акциях [12] или уже прошедших выборах [13]. Такая расстановка акцентов вполне объяснима, поскольку единственным легитимным каналом влияния российских партий на внешнюю политику государства является представительство в Государственной Думе. В этой связи анализ программ партий данной категории проводится относительно редко [14, 15]. Однако вне зависимости от того, касаются ли исследования парламентских или непарламентских партий, большинство работ сосредоточено на внутривнутриполитических проблемах, тогда как вопросам внешней политики уделяется сравнительно мало внимания. Вместе с тем по мере изменения международной обстановки значение внешнеполитических положений в партийных документах неуклонно возрастало.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе анализа программных документов непарламентских партий, участвовавших в выборах в Государственную Думу в 2011–2021 гг., раскрыть представления этих партий о внешней политике, выявить центральные акценты их внешнеполитической повестки и пути её эволюции. Это позволит уточнить роль и место непарламентских партий в формировании российской внешней политики и уточнить потенциал их влияния на международные отношения.

В течение изучаемого периода в России действовало несколько десятков непарламентских партий. Однако многие из них просуществовали совсем недолго и были ликвидированы за неучастие в выборах. Лишь 13 непарламентских партий приняли участие в выборах в Госдуму, причем пять из них – только один раз. С учетом устойчивости участия в политическом процессе, полноты программных документов и степени проработки внешнеполитической повестки для анализа были выбраны восемь наиболее репрезентативных непарламентских партий. Это «Гражданская платформа», Российская экологическая партия (РЭП) «Зелёные», Коммунистическая партия «Коммунисты России» (КПКР), «Патриоты России», «Правое дело» (с марта 2016 г. – «Партия Роста»), «Родина», «Новые люди» и «Яблоко». Основными источниками эмпирических данных послужили предвыборные программы и открытые политические документы указанных партий, размещенные на их официальных сайтах, сохраненные на сайте Минюста или в Web-архивах. В основе исследования лежит применение логико-аналитического метода и качественного сравнительно-исторического анализа документов названных непарламентских партий.

Непарламентские партии в политическом контексте

В 2011–2021 гг. в партийной и избирательной системах Российской Федерации произошли важные изменения. На выборах 2011 г. еще применялась полностью пропорциональная система представительства: все мандаты распределялись по партийным спискам, а избиратели могли голосовать только за партию. Сокращение партийной системы в 2000-е гг. привело к тому, что в выборах 2011 г., кроме парламентских, участвовали всего три непарламентские партии: «Яблоко», «Патриоты России» и «Правое дело». Результаты этих выборов и массовые протесты после них привели к тому, что в 2012 г. была проведена партийная реформа: требования к численности партии были снижены с 40 тыс. до 500 человек, а требования к минимальной численности региональных отделений отменены совсем [16. С. 132]. В 2014 г. была восстановлена смешанная избирательная система для выборов в Госдуму, а избирательный порог снижен до 5%¹.

Эти реформы открыли для различных партий, особенно малых, новые политические возможности. В результате непарламентскими участниками думских выборов 2016 г. кроме трех прежних стали еще семь партий: восстановленная «Партия народной свободы» (ПАРНАС), новые КПКР, «Российская партия пенсионеров за справедливость»², «Родина», РЭП «Зелёные», «Гражданская платформа» и «Гражданская сила». Впрочем, ни одна из них в Думу так и не прошла.

Воздействие регистрационных требований к партиям и объединение в 2021 г. «Справедливой России», «Патриотов России» и новой партии «За правду!» привело к тому, что на выборах 2021 г. круг непарламентских участников изменился. Помимо «Патриотов России» из него вышли ПАРНАС и «Гражданская сила», зато добавились «Новые люди», «Российская партия свободы и справедливости» и «Зелёная альтернатива». Причем партии «Новые люди» удалось преодолеть избирательный порог и стать парламентской.

В изучаемый период внешнеполитические ориентиры России заметно изменились. Поворотным пунктом стали события 2014 г. – присоединение Крыма и обострение украинского кризиса, вызвавшие выборочные санкции со стороны западных государств. Участие России с 2015 г. в урегулировании сирийского конфликта в тот период значительно повысило её международный авторитет и создало возможность для постановки стратегической задачи восстановления статуса великой державы³. Кроме того, продвижение НАТО на Восток и распад механизмов российско-американской стратегической стабильности вывели вопросы безопасности в центр внешнеполитической повестки. Пандемия COVID-19, став глобальным вызовом, открыла дополнительные возможности для международного сотрудничества России в сфере общественного здравоохранения⁴. В целом резкие изменения в международной среде подтолкнули правительство к дальнейшему пересмотру внешнеполитического курса, усилению ориентации на суверенитет, противодействию вмешательству Запада и многополярности. Эти изменения нашли отражение в программах непарламентских партий.

Внешняя политика в партийных программах

Внешнеполитические положения предвыборной программы старейшей непарламентской партии «Яблоко» в 2011 г. были достаточно лаконичными: акцент делался на обеспечении национальной безопасности при уважении суверенитета соседних стран, а основными партнёрами считались страны ЕС⁵. После 2014 г. «Яблоко» осталось на миролюбивой позиции: партия открыто выступала против войны, настаивала на восстановлении отношений с Европой, заявляла, что «Крым принадлежит Украине», и предлагала решать его судьбу путём международной конференции и нового референдума⁶. Несмотря на дальнейшее обострение международной обстановки, «Яблоко» и в 2021 г. сохранило прозападную ориентацию, выступая за восстановление диалога с США и ЕС. В её программе подчёркивалось, что «России нужны друзья, а не враги», а также появились новые акценты – на климат, здравоохранение и другие глобальные вызовы⁷.

Ещё в программе 2001 г. «Яблоко» выразило стремление к сотрудничеству в многосторонних форматах с новыми развивающимися государствами, включая Китай, для совместного решения глобальных проблем⁸. В то же время партия опасается чрезмерной зависимости от КНР и настаивает на равноправном сотрудничестве. В меморандуме 2019 г. руководство партии прямо указало на недопустимость превращения России в «сырьевой придаток Китая» и призывала сбалансировать отношения за счёт активизации сотрудничества с Японией и Кореей⁹. Оставаясь приверженной идее европейской интеграции России, «Яблоко» заняло по отношению к Китаю и другим странам БРИКС дружественную, но осторожную позицию.

Партия «Правое дело», образованная в 2008 г., разделяла с «Яблоком» установку на сотрудничество с Западом, но делала основной акцент на прагматизме и экономической дипломатии. В программе 2011 г. она сосредоточила внимание на интеграции в мировую систему через вступление в ВТО, создание единого образовательного и культурного пространства с ЕС и постановку цели вступления России в него в 2030–2040-х гг.¹⁰ После смены названия в 2016 г. партия по заявлению её лидера Б. Титова поддержала присоединение Крыма к России¹¹. При этом «Партия Роста» осталась сторонницей европейского пути развития России, однако интерес к нему снизился: от перспективы вступления в ЕС акцент сместился к безвизовому режиму, протекционизму и намерению «твёрдо отстаивать свою позицию, но не в конфронтации, а в ходе дипломатического диалога»¹². В программе 2020 г. нет раздела о внешней политике, но в ней прослеживается ориентация на евроинтеграцию и «мир без границ». Интересно, что, не соглашаясь с китайской политической моделью «торжества государства, построенного по вертикали», авторы программы готовы использовать «и правые, и левые, и социалистические, и капиталистические» средства, и цитируют слова Дэн Сяопина: «Неважно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей»¹³. Таким образом, стратегия «Партии

Роста» постепенно эволюционировала от односторонней опоры на Запад к более сбалансированному курсу, учитывающему национальные интересы. Однако такой прагматизм придает её программе все более эклектичный характер.

Партия «Новые люди», участвовавшая в выборах в 2021 г. как непарламентская, утверждает в своей программе, что в постсоветской России возобладали «геополитический цинизм», сущность которого состоит в отказе от претензий на ценностные и идеологические различия с Западом и провозглашении главной внешнеполитической целью защиты национальных интересов на мировой арене. Несмотря на краткосрочные достижения, считают «Новые люди», в долгосрочной перспективе такой подход лишь оправдывает тех зарубежных критиков, которые выступают за применение «политики сдерживания» по отношению к России. Это из-за него Россия сталкивается с санкциями, непризнанием границ, потерей союзников, многочисленными проблемами во взаимодействии с соседними странами¹⁴.

В противовес этому партия предлагает перейти от концепции «осажденной крепости» к политике новой открытости. России следует проводить внешнюю политику, направленную на «продвижение и отстаивание гуманистических ценностей, свободы и самореализации человека»¹⁵. «Новые люди» предлагают создавать и развивать сеть некоммерческих организаций, способных на равных взаимодействовать с аналогичными иностранными структурами и ведущими мировыми СМИ. Вместо акцента на развитии межгосударственных отношений партия предлагает приоритет «народной дипломатии», как «дипломатии сообществ»¹⁶. Это позволяет авторам программы не называть потенциальных союзников России, в их понимании главные партнеры – не государства, а сообщества, не правящие элиты, а гражданские общества всех стран.

Внешнеполитическая риторика партии «Гражданская платформа» почти не затрагивает вопросы внешней политики. В предвыборной программе 2016 г. партия заявила об угрозе со стороны «агрессивной политики Запада» и поддержке внешнеполитической линии президента России, включая «воссоединение с Крымом»¹⁷. В том же году в своей программе «Гражданская платформа» предложила проект экономической интеграции со странами бывшего СССР, Юго-Восточной Азии, Восточной Европы и Ближнего Востока для создания «Трансевразийского пояса развития» под руководством России¹⁸. Программные тезисы партии 2021 г. позиционировали Россию как «геополитический полюс» и «мировой форпост» традиционных ценностей в многополярном мире. Было заявлено, что «Запад утрачивает контроль над другими цивилизациями», поэтому «враждебные нам силы создают глобальную нестабильность» и «стремятся к разрушению власти в нашей стране под лозунгом сменяемости»¹⁹.

В 2012 г. в программе центристской партии «Зелёные» геополитическая проблематика отсутствовала, а акцент делался на глобальном экологическом сотрудничестве и ответственности за охрану окружающей среды²⁰. К 2019 г. в ней стали отражаться положения,

созвучные официальной риторике о суверенитете, безопасности и многополярности. Партия предложила включить экологическую безопасность в систему национальной безопасности, а также выступила за развитие регионального взаимодействия и принятие глобальной ответственности²¹. В целом партия, сохранив «зелёную» идентичность, адаптировала свою внешнеполитическую программу к официальной линии.

Партия «Родина» выступает сторонником жёсткой внешней политики Кремля. В ее программе 2016 г. Россия изображена страной, окружённой внешними угрозами; предлагалось укреплять суверенитет, противостоять западной либеральной системе и продвигать евразийскую интеграцию на постсоветском пространстве для восстановления статуса великой державы²². Эти позиции во многом отражали характер российской внешней политики после крымского кризиса. К 2021 г. внешнеполитическая часть программы сфокусировалась на трёх ключевых положениях. Утверждалось, что «у России есть только два надёжных союзника – армия и флот», а дипломатия должна полностью подчиняться национальным интересам. Предлагалось возродить концепцию «Русского мира», предусматривающую стратегическое единство России, Украины и Беларуси. Провозглашалась необходимость создания условий для будущего воссоздания единого государственного пространства, аналогичного СССР²³.

Партия «Патриоты России» в целом близка к позиции партии «Родина» по внешнеполитическим установкам, однако её риторика выглядит более радикальной. Особое место занимают критика расширения НАТО, противодействие западным ценностям, а также акцент на интеграцию СНГ и возрождение «Русского мира», включая восстановление исторического единства с Беларусью и Украиной²⁴. Программа партии 2011 г. отражала эти идеи наиболее полно: провозглашались приоритеты суверенитета, безопасности и статуса великой державы, предлагалось ускорить интеграцию в рамках СНГ. Кроме того, партия выступала за создание международной сети партнёрств вокруг России и развитие сотрудничества в сфере безопасности с незападными государствами²⁵, что свидетельствовало о раннем «повороте на Восток». Эти положения совпадали с концепцией «многополярного мира», но формулировались в более жёсткой форме. К 2016 г. на фоне крымского кризиса и западных санкций внешнеполитическая позиция партии стала более прагматичной: началась переоценка политики в отношении постсоветских государств и было выдвинуто предложение о формировании «нового курса». Одновременно в программе усилился акцент «поворота на Восток» – сотрудничестве с ЕАЭС, БРИКС и ШОС, а также на развитие многосторонних механизмов²⁶, что сближало партию с общей стратегией Кремля.

В предвыборной программе 2016 г. КПКР подчёркнула необходимость укрепления связей с республиками бывшего СССР и «государствами и регионами, исторически и политически склонными к России», предлагалось восстановить «оборонительный союз антиимпериалистических государств по образцу Варшавского договора», официально признать государственность Приднестровья, Донецкой и Луганской

народных республик для сдерживания расширения НАТО²⁷. На этом этапе внешнеполитическая позиция партии строилась по принципу «региональное сотрудничество – стратегическая оборона». К 2021 г., на фоне продолжающегося обострения ситуации на Украине и усиления санкций, КПКР заняла более радикальную позицию. В предвыборной программе партия не только вновь выступила за создание антиимпериалистического оборонительного союза, но и провозгласила своей главной целью «восстановление союзного государства с социалистической и советской перспективой». Одновременно подчёркивалась необходимость приостановки выдачи внешних кредитов и финансовой помощи, сосредоточения всех финансовых ресурсов на организации помощи своему населению²⁸.

В выборе международных партнёров КПКР исходит из идеологической близости к социалистическим странам и делает акцент не столько на межгосударственных контактах, сколько на сотрудничестве с «многочисленными партиями и общественными движениями коммунистической и социалистической ориентации». Одновременно в своей программе партия высоко оценивает политические и экономические достижения Китая, Кубы, Вьетнама, КНДР и Лаоса, называя Китай «примером мощного сбалансированного и комплексного развития национальной экономики». КПКР поддерживает механизм БРИКС, рассматривая его как важную платформу для ослабления западной гегемонии²⁹. Можно заметить, что внешнеполитический курс партии эволюционировал от прагматичной модели регионального сотрудничества к ярко выраженной стратегии противостояния Западу в составе «социалистического лагеря».

Заключение

Анализ программных документов основных непарламентских партий России за 2011–2021 гг. показывает, что в целом они интерпретируют международные отношения в рамках реалистической парадигмы, акцентируя внимание на многополярности, национальных интересах, суверенитете и безопасности. Однако внешняя политика не рассматривалась ими не столько как самостоятельное направление, сколько как фон для решения внутривнутриполитических задач.

В позициях партий наблюдаются заметные различия. Такие партии, как «Яблоко» и «Правое дело», первоначально выступали с позиций евроинтеграции и сотрудничества с Западом, но затем их стратегии разошлись. Если «Яблоко» в основном осталась на прежних позициях, то «Партия Роста» эволюционировала от ориентации исключительно на Запад к многосторонней экономической дипломатии. «Новые люди» критикуют старые геополитические схемы, видят в Западе перспективного партнера и делают акцент на применении Россией «мягкой силы» в продвижении своих ценностей. Центристские партии поддерживали курс на противодействие Западу и интеграцию постсоветского пространства с разными акцентами. Если «Родина» вполне достаточно «русского мира», то «Патриоты России» и «Гражданская платформа» склонны к более широкому и многостороннему евразийскому сотрудничеству.

РЭП «Зелёные», сближаясь с официальной линией, последовательно сохраняла внимание к вопросам экологии и климатического сотрудничества. «Коммунисты России» выступают за межпартийное сотрудничество коммунистов разных стран, восстановление союзного государства советского типа и создание антиимпериалистического альянса с незападными странами.

В отношении Китая позиции непарламентских партий во многом совпадали с установками парламентских сил: в целом признавалась стратегическая роль КНР в формирующемся многополярном порядке, однако трактовки этого значения различались. «Партия Ро-

ста» и «Гражданская платформа» делали прагматичный акцент на экономическом взаимодействии с КНР.

Для партии «Яблоко» влияние Китая – не ресурс, а проблема сохранения европейской идентичности России. «Родина» и «Патриоты России», исходя из логики регионального баланса, подчёркивали стратегическое сотрудничество с Китаем в рамках евразийской интеграции.

В отличие от них партия «Коммунисты России», опираясь на идеологическое родство с КПК, рассматривала Китай как политического союзника и образец социалистического строительства.

Примечания

- ¹ Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 740.
- ² С 2017 г. – «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость» (РППСС).
- ³ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 20.04.2025).
- ⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1784948/ (дата обращения: 15.03.2025).
- ⁵ Предвыборная программа РОДП «ЯБЛОКО» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва. М.: Издание партии «ЯБЛОКО», 2011. С. 6–7.
- ⁶ Предвыборная программа партии «ЯБЛОКО» «Уважение к человеку», 2016 год. URL: https://www.yabloko.ru/program#_Точ459908182 (дата обращения: 15.12.2024).
- ⁷ «Свобода и закон. Надежда на будущее». Программа партии «Яблоко» на выборах Государственной Думы VIII созыва (2021). URL: <https://www.yabloko.ru/program2021> (дата обращения: 15.12.2024).
- ⁸ Программа российской демократической партии «ЯБЛОКО». URL: <https://www.yabloko.ru/Union/Program/vved.html> (2001) (дата обращения: 15.12.2024).
- ⁹ Внешнеполитический Меморандум РОДП «ЯБЛОКО». URL: https://www.yabloko.ru/resheniya_politicheskogo_komiteta/2019/12/03-1 (дата обращения: 15.12.2024).
- ¹⁰ Правое дело – программа партии. URL: <https://www.info83.ru/programmy/pravoe-delo-programma-partii> (дата обращения: 15.03.2025).
- ¹¹ Борис Титов – РБК: «Бежать надо вправо, бежать надо в бизнес». URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/02/2016/56d2f6b89a7947856b8a5c94> (дата обращения: 10.09.2025).
- ¹² Программа партии «ПАРТИЯ РОСТА». М.: Издание партии «ПАРТИЯ РОСТА», 2018. С. 18–19.
- ¹³ Программа всероссийской политической партии «ПАРТИЯ РОСТА». URL: <https://web.archive.org/web/20210114022851/https://rost.ru/about/programma-partii/> (дата обращения: 10.04.2025).
- ¹⁴ Партия «Новые люди». Программа партии. С. 32. URL: https://nnov.newpeople.ru/files/docs/program_newpeople.pdf (дата обращения: 11.01.2025).
- ¹⁵ Партия «Новые люди». Программа партии. С. 5.
- ¹⁶ Партия «Новые люди». Программа партии. С. 33.
- ¹⁷ «МЫ – ЧЕСТНЫЕ ПРАВЫЕ» / Предвыборная программа партии «Гражданская Платформа» на выборах в Государственную Думу седьмого созыва. URL: <https://xn--80aaag6azbdefu3lf.xn--p1ai/3566> (дата обращения: 01.04.2025).
- ¹⁸ Программа партии «Гражданская Платформа». URL: <https://xn--80aaag6azbdefu3lf.xn--p1ai/3363#r0> (дата обращения: 03.04.2025).
- ¹⁹ Программные тезисы – 2021. URL: <https://xn--80aaag6azbdefu3lf.xn--p1ai/4791> (дата обращения: 01.04.2025).
- ²⁰ Программа российской экологической партии «Зелёные». URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/7784/> (дата обращения: 21.04.2025).
- ²¹ Программа российской экологической партии «ЗЕЛЁНЫЕ». URL: <https://greens.ru/documents/programma/> (дата обращения: 16.03.2025).
- ²² Предвыборная программа партии «РОДИНА»: Альтернатива для народа России. URL: <https://rodina.ru/partiya/documents> (дата обращения: 05.04.2025).
- ²³ Программа партии «Родина» на выборах депутатов Государственной Думы VIII созыва 2021 г. URL: <https://rodina.ru/partiya/documentsForRead/48> (дата обращения: 16.03.2025).
- ²⁴ Доклад Г.Ю. Семигина на IX (внеочередном) Съезде политической партии «ПАТРИОТЫ РОССИИ» «Об основных положениях предвыборной программы политической партии «ПАТРИОТЫ РОССИИ»». URL: <https://patriot42.ucoz.ru/news/2011-09-12-324> (<https://patriot42.ucoz.ru/news/2011-09-12-324> (дата обращения: 10.05.2025)).
- ²⁵ Программа партии «ПАТРИОТЫ РОССИИ». URL: <https://patriot-34.ru/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0-%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B8/> (дата обращения: 10.05.2025).
- ²⁶ Выборы 2016 – Программа партий, допущенных до выборов. URL: <https://fishki.net/anti/2077442-vybory-2016---programma-partij-dopuennyh-do-vyborov.html> (дата обращения: 15.05.2025).
- ²⁷ Предвыборная программа КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КОММУНИСТЫ РОССИИ. URL: https://komros.info/literature/desyat-stalinskikh-udarov/desyat-stalinskikh-udarov_8380.html (дата обращения: 08.04.2025).
- ²⁸ Предвыборная программа КПКР. URL: <https://komros.info/predvybornaya-programma-kpkr> (дата обращения: 15.03.2025).
- ²⁹ Программа КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КОММУНИСТЫ РОССИИ. URL: <https://komros.info/about/programma/> (дата обращения: 31.03.2025).

Список источников

1. Борщевский Г.А. Взгляд на партийные идеологии сквозь призму административных парадигм // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2022. № 4 (107). С. 83–103.
2. Комаровский В.С., Савенков Р.В. Политическая повестка и образ будущего в предвыборных документах политических партий на выборах депутатов Государственной думы 2021 г. // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 2. С. 21–36.
3. Тимошенко В.И. Предвыборные программы политических партий как предмет политологического анализа // PolitBook. 2021. № 4. С. 104–124.

4. Татаркин В.Е. Вопросы внешней политики в предвыборных программах политических партий современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 2. С. 109–115.
5. Уляшкина Е.Г. Внешняя политика России в программных и уставных документах политических партий РФ: сравнительный анализ // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 21–25.
6. Уляшкина Е.Г. Вопросы внешней политики России в партийной программатике периода избирательных кампаний 2011 г. и 2016 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 129–138.
7. Кожевникова О.Д. Основные направления внешней политики на постсоветском пространстве в программных документах политических партий РФ в начале XXI века // Человеческий капитал. 2021. № 3. С. 58–69.
8. Попова О.В. Перспективы малых партий в современной России // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / под ред. Ю.Г. Коргунока, Г.М. Михалевой. М. : КМК, 2012. С. 145–157.
9. Болховитина Т.С. Политическое участие внепарламентских партий в избирательной кампании 2016 г.: сравнительный расклад // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 3. С. 3–9.
10. Ежов Д.А. Политические партии накануне парламентских выборов – 2021: стартовые позиции и электоральные перспективы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 4 (11). С. 83–91.
11. Шпагин С.А. Непарламентские партии в современной России: у порога Государственной Думы? // Electoral Politics: Международный научный электронный журнал. 2021. № 1. URL: <https://electoralpolitics.org/ru/articles/neparlamentskie-partii-v-sovremennoi-rossii-u-poroga-gosudarstvennoi-dumy/>.
12. Михалева Г.М. Непарламентские партии на улице: праздники и протесты // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. 2015. Т. 11, № 1. С. 62–75.
13. Чувилина Н.В. Выборы в Государственную Думу осенью 2016 г. как индикатор актуального состояния российской партийной системы // Власть. 2016. № 11. С. 17–22.
14. Субботина И.А., Давыдова Е.А. Политические выборы в Государственную Думу РФ: аутсайдеры избирательной кампании 2016 года // Приволжский научный вестник. 2016. № 12-2 (64). С. 114–118.
15. Жичкин В.В. Предвыборные программы внепарламентских политических партий на выборах в Государственную думу VIII созыва: сравнительный анализ // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1100/1092>.
16. Любарева А.Е. Перспективы развития партийной системы в свете политических реформ 2012 г. // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / под ред. Ю.Г. Коргунока, Г.М. Михалевой. М. : КМК, 2012. С. 131–138.

References

1. Borshchevskiy G.A. Vzglyad na partiynyye ideologii skvoz' prizmu administrativnykh paradigm // Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz. 2022. № 4 (107). S. 83–103.
2. Komarovskiy V.S., Savenkov R.V. Politicheskaya povestka i obraz budushchego v predvybornykh dokumentakh politicheskikh partiy na vyborah deputatov Gosudarstvennoy dумы 2021 g. // Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk. 2021. Т. 22, № 2. С. 21–36.
3. Timoshenko V.I. Predvybornyye programmy politicheskikh partiy kak predmet politologicheskogo analiza // PolitBook. 2021. № 4. С. 104–124.
4. Tatarikin V.E. Voprosy vneshney politiki v predvybornykh programmakh politicheskikh partiy sovremennoy Rossii // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. 2017. Т. 12, № 2. С. 109–115.
5. Ulyashkina YE.G. Vneshnyaya politika Rossii v programmnykh i ustavnnykh dokumentakh politicheskikh partiy RF: sravnitel'nyy analiz // Sotsial'no-politicheskiye nauki. 2018. № 2. С. 21–25.
6. Ulyashkina YE.G. Voprosy vneshney politiki Rossii v partiynoy programmatike perioda izbiratel'nykh kampaniy 2011 g. i 2016 g. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki. 2019. № 1. С. 129–138.
7. Kozhevnikova O.D. Osnovnyye napravleniya vneshney politiki na postsovetском prostranstve v programmnykh dokumentakh politicheskikh partiy RF v nachale XXI veka // Chelovecheskiy kapital. 2021. № 3. С. 58–69.
8. Popova O.V. Perspektivy mal'nykh partiy v sovremennoy Rossii // Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra / pod red. YU.G. Korgunyuka, G.M. Mikhalevoy. М. : КМК, 2012. С. 145–157.
9. Bolkhovitinina T.S. Politicheskoye uchastie vneparlamentskikh partiy v izbiratel'noy kampanii 2016 g.: sravnitel'nyy rasklad // Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Gumanitarnyye nauki. 2016. Vyp. 3. С. 3–9.
10. Ezhov D.A. Politicheskiye partii nakanune parlamentskikh vyborov – 2021: startovyye pozitsii i elektoral'nyye perspektivy // Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2021. № 4 (11). С. 83–91.
11. Shpagin S.A. Neparlamentskiye partii v sovremennoy Rossii: u poroga Gosudarstvennoy Dumy? // Electoral Politics: Mezhdunarodnyy nauchnyy elektronnyy zhurnal. 2021. № 1. URL: <https://electoralpolitics.org/ru/articles/neparlamentskie-partii-v-sovremennoi-rossii-u-poroga-gosudarstvennoi-dumy/>.
12. Mikhaleva G.M. Neparlamentskiye partii na ulitse: prazdniki i protesty // POLIT-EKS. Politicheskaya ekspertiza. 2015. Т. 11, № 1. С. 62–75.
13. Chuvilina N.V. Vybory v Gosudarstvennuyu Dumu osen'yu 2016 g. kak indikator aktual'nogo sostoyaniya rossiyskoy partiynoy sistemy // Vlast'. 2016. № 11. С. 17–22.
14. Subbotina I.A., Davydova YE.A. Politicheskiye vybory v Gosudarstvennuyu Dumu RF: autsайдery izbiratel'noy kampanii 2016 goda // Privolzhskiy nauchnyy vestnik. 2016. № 12-2 (64). С. 114–118.
15. Zhichkin V.V. Predvybornyye programmy neparlamentskikh politicheskikh partiy na vyborah v Gosudarstvennuyu dumu VIII sozyva: sravnitel'nyy analiz // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2022. № 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1100/1092>.
16. Lyubareva A.E. Perspektivy razvitiya partiynoy sistemy v svete politicheskikh reform 2012 g. // Partii i vybory: vchera, segodnya, zavtra / pod red. YU.G. Korgunyuka, G.M. Mikhalevoy. М. : КМК, 2012. С. 131–138.

Информация об авторе:

Ван Яцин – аспирант кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wangyaqing4307@163.com; ORCID: 0009-0001-8452-0577

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yaqing Wang, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wangyaqing4307@163.com; ORCID: 0009-0001-8452-0577

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2025;
одобрена после рецензирования 14.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 20.10.2025;
approved after reviewing 14.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 327.82
doi: 10.17223/15617793/521/12

Арктическая научная дипломатия в новых геополитических условиях

Мария Львовна Лагутина^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия
^{1, 2} m.lagutina@spbu.ru, manipol@mail.ru

Аннотация. Выявлены тенденции в развитии арктической научной дипломатии (АНД) в контексте геополитических последствий событий февраля 2022 г. В наибольшей степени от кризиса пострадал формальный канал АНД, тогда как наиболее востребованным стал неформальный канал сотрудничества. Заключается, что важным следствием кризиса стало также появление «жесткого» измерения АНД западных стран в отношении России, что обусловлено выходом на первый план узких национальных интересов стран в ущерб общим глобальным интересам, приоритет которых всегда был характерен для научного сотрудничества в Арктике.

Ключевые слова: арктическая научная дипломатия (АНД), международное научное сотрудничество, арктические страны, неарктические страны, геополитический кризис 2022 года, «жесткая» сила, национальные интересы, глобальные проблемы

Источник финансирования: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00379, <https://rscf.ru/project/25-18-00379/>

Для цитирования: Лагутина М.Л. Арктическая научная дипломатия в новых геополитических условиях // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 113–123. doi: 10.17223/15617793/521/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/12

Arctic Science Diplomacy in New Geopolitical Conditions

Maria L. Lagutina^{1, 2}

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² North-Western Institute of Management – RANHiGS Branch, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1, 2} m.lagutina@spbu.ru, manipol@mail.ru

Abstract. This article examines the phenomenon of Arctic Science Diplomacy (ASD). Science and scientific cooperation are at the heart of international interaction in the Arctic, and most international agreements on the Arctic have traditionally been preceded by in-depth scientific study. It is scientific collaboration that has helped to preserve and maintain ties between the Arctic states at different stages of the development of Arctic cooperation. The purpose of this article is to identify new trends in the development of ASD in the context of geopolitical consequences of the events of February 2022. This study is based on the works of both Russian (A.A. Sergunin, N.A. Pilyasov, M.Yu. Gutenev, L.A. Ryabova, Yu.V. Zaika, etc.) and foreign authors (R.G. Bertelsen, P.A. Berkman, L. Kellerud, etc.). Using the method of system analysis, the author presented a general scheme of ASD, which was formed over the years of active international scientific cooperation in the Arctic. The author notes that an important result of this has been the formation of a system of ASD, including the following channels (levels) of its realization: formal and informal. The paper consists of 2 parts. The first part is devoted to the analysis of the ASD system, defining its key elements, structure, as well as instruments and areas of activity. In the second part, the author explores new trends in the development of the ASD after the events of 2022, focusing on how they affected the ASD of Russia. The author concludes that the formal channel was most affected by the crisis, while the informal, private channel, representing individual informal contacts between scientists/scholars from different countries (researcher-to-researcher), became the most in demand. An important consequence of the crisis was also the emergence of a 'hard' dimension of Western countries' ASD towards Russia, which is due to the emergence of narrow national interests of countries to the detriment of common global interests, the priority of which has always been characteristic of the scientific community.

Keywords: Arctic science diplomacy (AND), international science cooperation, 'soft' power, geopolitical crisis of 2022, Russia, Western countries, 'hard' power, national interests, global interests

Financial support: This research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00379, <https://rscf.ru/project/25-18-00379/>

For citation: Lagutina, M.L. (2025) Arctic Science Diplomacy in New Geopolitical Conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 113–123. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/12

Введение

Научное направление с самого начала занимало центральное место в международном арктическом сотрудничестве, что со временем способствовало формированию важного канала международной коммуникации – арктической научной дипломатии (АНД). Практически все арктические страны определили в своих арктических стратегиях науку как одно из ключевых направлений двустороннего и многостороннего взаимодействия в Арктике.

Вплоть до недавнего времени во многом благодаря приоритету научного сотрудничества странам – участникам арктического сообщества в большей степени удавалось сохранять Арктику вдали от мировых геополитических коллизий и трансформаций, что стало определяться термином «арктическая исключительность» (“Arctic exceptionalism”). Во время холодной войны, несмотря на противостояние между СССР и США, в Арктике страны продолжали активно сотрудничать в научной сфере [1]. Удивительным образом, события первого украинского кризиса 2014 г. в незначительной степени оказали негативное влияние на сотрудничество арктических стран в регионе, в целом научное сотрудничество в Арктике продолжилось [2–4]. Так, после 2014 года арктическое сообщество негласно приняло тезис о том, что «арктическое сотрудничество и арктическая наука вне политики». В целом научному сообществу Арктики удалось это реализовать на практике. Хотя, несомненно, определенный негативный эффект имел место: в частности, были прекращены некоторые международные экономические и инфраструктурные проекты в Российской Арктике, включая их научную составляющую; прекращен или отложен ряд исследовательских проектов в рамках рабочих групп Арктического совета и т.д. События второго украинского кризиса 2022 г., связанного с началом специальной военной операции (СВО), впервые в истории международного сотрудничества в регионе привели к «замораживанию» контактов, в том числе в научной сфере, между Россией и группой западных арктических стран, постановке на «паузу» работы Арктического совета и ряда других институтов и международных проектов, выходу России из Совета Баренцева/Евроарктического региона, постановке на «паузу» участия российских институтов в Университете Арктики (UArctic) и т.д. Таким образом, эпоха «арктической исключительности» закончилась: кризис в отношениях России и Запада непосредственно коснулся Арктики.

В этих условиях начавшийся поиск возможных каналов сохранения и поддержания научных контактов между учеными в Арктике в контексте нынешней геополитической напряженности актуализировал тему научной дипломатии среди экспертов и исследователей, специализирующихся на изучении международного сотрудничества в Арктике. Сегодня уже опубликовано достаточное количество работ, посвященных арктической научной дипломатии. Так, буквально за последние несколько лет появилась серия публикаций

российских авторов по данной теме (А.А. Сергунин, Н.А. Пилясов, М.Ю. Гутенев, Л.А. Рябова, Ю.В. Заика, и др.) [5–8], зарубежные исследователи также активно исследуют феномен научной дипломатии в Арктике в последнее время (R.G. Bertelsen, P.A. Berkman, L. Kellerud и др.) [4, 9–11]. Авторы публикаций разрабатывают не только концептуальные основы нового феномена, но и стараются определить и оценить его институциональные рамки на практике.

Тем не менее следует констатировать отсутствие общепринятого определения АНД как в российской, так и зарубежной литературе. В то же время очевидно, что АНД является региональным кейсом научной дипломатии арктических и неарктических стран, реализующих свои интересы в Арктике. На основе анализа существующих в научной литературе подходов к определению АНД или «научной дипломатии в Арктике» [4, 6, 8] мы в данной статье будем определять АНД как форму «новой дипломатии», стратегической целью которой является не только развитие международного научного сотрудничества для решения актуальных проблем Арктики (как на двустороннем, так и многостороннем уровнях), но и продвижение положительного имиджа государства с использованием инструментов «мягкой» силы, улучшение отношений между государствами посредством формальных и неформальных каналов сотрудничества. Следует отметить, что сегодня можно говорить о двух основных уровнях применения АНД: не только об уровне достижения прямых национальных интересов страны, но АНД, что не менее важно, направлена на решение проблем глобального характера [12].

Целью данной статьи является выявление новых тенденций в развитии арктической научной дипломатии (АНД) в контексте геополитических последствий событий февраля 2022 г. В качестве кейса для исследования в статье рассматриваются изменения в арктической научной дипломатии России, вызванные кризисом в отношениях с западными странами.

Система АНД: общая характеристика

Важным результатом многолетнего международного научного сотрудничества в Арктике стало формирование системы АНД, которая стала эффективным механизмом для поддержания мира и стабильности в регионе. Представляется возможным выделить следующие каналы (уровни) реализации АНД: дипломатия «первого трека», включающая в себя двусторонние и многосторонние каналы сотрудничества арктических и неарктических государств, их деятельность в рамках международных многосторонних структур регионального и глобального характера, а также дипломатия «второго трека», представленная международной деятельностью вузов и научно-исследовательских институтов, общественных и культурных организаций (например, международной научной деятельностью арктических музеев), а также частными связями ученых разных стран (researcher-to-researcher) (рис. 1).

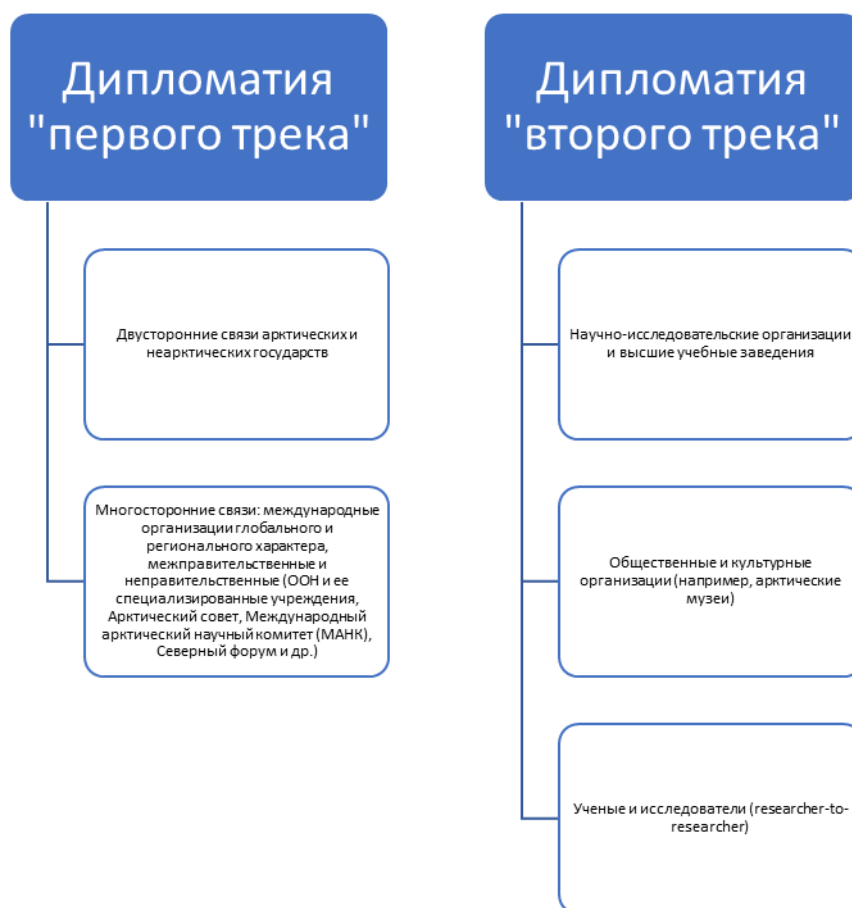

Рис. 1. Система арктической научной дипломатии

Первый – формальный канал АНД, представлен, в первую очередь, *сетью двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества арктических и неарктических стран*.

Как отмечает французский исследователь П.-Б. Руффини, «наука определенно является элементом внешней политики стран, важным фактором их «мягкой силы», поскольку способствует достижению результатов, важных для дипломатии, только на основе человеческих симпатий и добровольного участия, например, в исследовательских коллаборациях» [13]. «Арктическая восьмерка» рассматривает АНД как эффективный инструмент реализации своих национальных арктических стратегий и достижения, поставленных политических целей и задач в регионе. Хотя, как отмечают российские эксперты, стратегии арктической научной дипломатии восьми арктических стран «не совпадают друг с другом и место, и роль арктической научной дипломатии в их арктическом курсе также варьируется от страны к стране» [8. С. 47].

По мнению российских исследователей Ю.В. Заики, Л.А. Рябовой и А.А. Сергунина, условно арктические страны можно разделить на две группы по их отношению к АНД. Первую группу составляет пятерка североευропейских государств (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция), которые уделяют значительное внимание научному сотрудничеству в своих стратегиях, рассматривая АНД как область, в которой

«они обладают конкурентными преимуществами и могут занять положение, по крайней мере равное с более крупными арктическими игроками (а может быть, даже доминирующее)» [8. С. 47]. Что касается второй группы стран – Россия, Канада и США, то в стратегиях этих стран научная кооперация рассматривается наряду с другими приоритетами их арктической политики в других сферах.

Инфраструктурной основой АНД арктических государств выступают три основных компонента: полярные станции, ледоколы (не у всех стран) и научно-образовательные и научно-исследовательские институты. Вплоть до недавнего времени арктические страны активно развивали двусторонний уровень научного сотрудничества в регионе, а АНД рассматривалась большинством арктических государств не только как инструмент международной коллаборации в научной сфере, а также как инструмент укрепления доверия между арктическими государствами, инструмент их «мягкой» силы в регионе.

Большое внимание проведению научных исследований и участию в различных международных научных проектах сегодня уделяют *страны-наблюдатели в АС*, как европейские (Германия, Италия, Франция, Швейцария и др.), так и азиатские (Китай, Япония, Республика Корея, Индия и Сингапур). Для неарктических стран участие в научных исследованиях Арктики открыло им «окно» в регион: «...научная дипломатия является главным инструментом по легитимизации

присутствия неарктических стран в полярном регионе» [14. С. 180]. В результате для некоторых европейских неарктических стран (например, Испания, Польша, Швейцария) научное сотрудничество сегодня составляет основу их стратегии в Арктике, эта группа стран продвигает более «мягкий» подход в своей арктической политике, предпочитая продолжать уделять больше внимания развитию научных исследований в регионе [15]. Вторая группа – наиболее активные участники арктического сотрудничества – Великобритания, Германия, Нидерланды и Франция – группа европейских государств, которая заинтересована не только в таких традиционных для неарктических государств областях, как научные исследования, изменение климата и экологическая безопасность Арктики, но и в области экономического развития региона и даже военной безопасности [15]. Что касается группы азиатских неарктических стран, то их подход также можно охарактеризовать как «мягкий», ориентированный, согласно текстам их официальных арктических стратегий, в большей степени на научное сотрудничество. Помимо участия в деятельности Международного арктического научного комитета (МАНК), в работе которого принимают четыре азиатские неарктические страны, кроме Сингапура, мы видим тенденцию к регионализации данного направления сотрудничества этой группой неарктических стран, что находит свое воплощение в практике создания «азиатских» форматов научного сотрудничества в Арктике (например, Азиатский форум полярных наук, Тихоокеанская арктическая группа). На практике же азиатские неарктические страны также демонстрируют намного более широкий спектр интересов в Арктике (доступ к ресурсам, судоходство и пр.). Общим для большинства текстов арктических стратегий неарктических стран является мотивация их активного участия в арктических делах – их обеспокоенность последствиями климатических изменений в регионе и мире.

Ключевыми элементами формального канала АНД выступают, несомненно, *многосторонние институты – международные организации регионального и глобального характера*. Международные правительственные и неправительственные организации и форумы являются активными участниками научно-исследовательской деятельности в Арктике. В списке международных организаций, вовлеченных в арктическое научное сотрудничество, не только региональные, но и глобальные структуры: от ООН и ее специализированных учреждений до региональных межправительственных организаций и форумов (Арктический совет (АС), Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), Европейский союз и др.). Так, международные организации разного уровня играют важную роль в создании платформ для диалога и сотрудничества арктических и неарктических стран, которые могут способствовать развитию научной дипломатии.

Ключевая роль в АНД принадлежит Арктическому совету (АС) и его рабочим группам (Working Groups), реализующим различные проекты по решению экологических проблем и проблем устойчивого развития. Оценивая роль АС в становлении и развитии АНД,

российские исследователи Ю.В. Заика, Л.А. Рябова и А.А. Сергунин отмечают: «Арктический совет в течение четверти века являлся ярчайшим примером практик научной дипломатии, институтом, который на своей платформе собрал множество организаций и инициатив – проводников арктической науки и дипломатии – и организовал их системную целенаправленную деятельность для решения самых острых проблем в регионе» [8. С. 35]. Именно в рамках рабочих групп АС, функционирующих на постоянной основе, реализуется большая часть арктической научной дипломатии. Кроме того, в структуре АС действуют целевые (Task Forces) и экспертные (Expert Groups) группы, нацеленные на решение краткосрочных задач. Так, в 2013 г. была создана Целевая группа по научному сотрудничеству (SCTF Scientific Cooperation Task Force) [8], целью работы которой стало достижение договоренности о повышении эффективности научно-исследовательского сотрудничества между восьмью арктическими государствами [16]. В роли сопредседателей этой целевой группы выступили Россия, Швеция и США. По результатам нескольких встреч и совещаний участниками было выделено несколько ключевых областей арктического научного сотрудничества, требующих определенных изменений: содействие перемещению ученых и оборудования через границы арктических государств в исследовательских целях; облегчение доступа к исследовательским объектам и инфраструктуре арктических стран; обмен данными и наилучшими практиками. Изначально целевая группа планировала подписание «Меморандума о взаимопонимании», но в конечном итоге было решено, что необходимо принять более юридически обязывающий документ.

Важным шагом в развитии международной научной активности в регионе стало появление Соглашения об укреплении международного арктического научного сотрудничества [17], заключенное под эгидой АС в 2017 г., и вступившее в силу в 2018 г. Соглашение стало результатом политических компромиссов участвующих в обсуждении сторон, а также результатом осознания необходимости системных изменений арктического научного сотрудничества. Прежде всего, в документе вновь подчеркивается «важность сохранения мира, стабильности, а также конструктивного сотрудничества в Арктике». Кроме того, документ регулирует различные аспекты научного сотрудничества между участниками АС: «...документ является рамочным, содержит большое число норм “мягкого права” и предполагает, что стороны будут заключать в дальнейшем новые соглашения как общего, так и двустороннего характера по отдельным вопросам и направлениям научного взаимодействия в регионе» [18. С. 110]. В тексте определены ключевые виды деятельности в области научного сотрудничества в регионе: реализация научно-исследовательских проектов и программ, экспедиций, наблюдений; подготовка квалифицированного персонала; организация научных мероприятий; обмен научными данными и накопленным в разных странах опытом; подготовка публикаций; наконец, развитие исследовательской инфраструктуры.

Документ регулирует различные формы коллаборации между арктическими странами, предусматривая создание наиболее благоприятных условий для их научной кооперации (облегчение доступа странам в арктические районы, определенные каждой арктической страной, доступ к гражданской инфраструктуре, облегченные условия въезда-выезда ученых на территории арктических стран, ввоза-вывоза оборудования для проведения научных исследований и пр.). Особое внимание уделено в тексте документа важности традиционных знаний и знаний коренных народов для развития научного сотрудничества в Арктике.

Появление данного Соглашения стало возможным благодаря успешному опыту многостороннего научного сотрудничества в Арктике в прошлом, в частности, в институциональных рамках Сети арктических опорных наблюдений, МАНК, Университета Арктики, Форума арктических научно-исследовательских операторов, Международной сети для наземных исследований и мониторинга в Арктике, Всемирной метеорологической организации, Международного совета по исследованию моря, Тихоокеанской арктической группы, Ассоциации молодых полярных исследователей, учреждений, занимающихся знаниями коренных народов, Международной арктической ассоциации социальных наук (МААСН) и др. Важный вклад в развитие арктического научного сотрудничества внесли и такие важные научные мероприятия, как Международный полярный год и Международный геофизический год.

Особенностью АНД как «новой» формы дипломатии является то, что она в своей практике может использовать не только формальные, официальные каналы и инструменты, но может быть организована и негосударственными акторами – «частными университетами, частным сектором и гражданским обществом» [19], но, конечно, при условии, что взаимодействие направлено на достижение дипломатических целей, поддержку институциональных основ научной дипломатии государства [10. Р. 2]. Речь идет о так называемой «дипломатии второго трека»: «...ценность “второго трека” возрастает в периоды неопределенности, возрастания конфликтности, проблемности в тех или иных двусторонних отношениях» [20]. Здесь мы переходим ко второму – неформальному каналу АНД, востребованность которого в нынешних геополитических условиях значительно выросла.

Данный канал представлен международной деятельностью *высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов*, которые успешно реализуют такие измерения научной дипломатии, как «наука для дипломатии», предусматривающее использование международных научных альянсов (например, Международный альянс исследовательских университетов, Евразийская ассоциация университетов, Университет Арктики и др.) в целях укрепления отношений между разными странами, и как «наука в дипломатии», заключающееся в проведении экспертизы и выработке рекомендаций для достижения целей внешней политики государств. Во всех арктических странах есть ряд ключевых университетов, успешно реализующих международные арктические проекты. При этом в России создана самая крупная сеть научно-образовательных

учреждений по проведению арктических научных исследований и подготовке кадров для работы в Арктике по сравнению с другими арктическими странами. Во многих случаях университеты арктических стран выступают своего рода базой для формирования кластера арктических научных исследований в своей стране. Кроме того, университеты арктических стран весьма активно осуществляют между собой международную научную коллаборацию как на двустороннем, так и многостороннем уровнях. Самый распространенный формат сотрудничества университетов – подписание двусторонних соглашений о сотрудничестве, предусматривающих проведение совместных научных исследований и академический обмен учеными и студентами. Одним из примеров наиболее активного многостороннего научного сотрудничества является сотрудничество по линии так называемой университетской «арктической пятерки» вузов: Университеты Лулео и Умео (Швеция), Рованиemi и Оулу (Финляндия) и Тромсё (Норвегия) [8. С. 64]. Координационным центром сотрудничества университетов, реализующих образовательную и научную деятельность в Арктике, является Университет Арктики. В последние годы Университет Арктики привлекает внимание и неарктических стран. Так, его членами выступают университеты и научно-исследовательские учреждения как европейских, так и азиатских неарктических стран. По количеству членов Университета Арктики среди неарктических стран лидируют Великобритания и Китай.

К числу акторов АНД, на наш взгляд, можно отнести также такие *общественные культурные институты*, как *музеи*, которые сегодня наряду с культурно-просветительской деятельностью также активно занимаются научными исследованиями, в том числе на международном уровне.

Так, в 1968 г. на Генеральной ассамблее Международного совета музеев был закреплён статус музея как научно-исследовательского учреждения. Международную деятельность музеев можно рассматривать как одну из форм современной научной дипломатии, так как научные исследования и международные контакты в этой сфере составляют важнейшее направление в деятельности современных музеев, в том числе арктических. В числе таких музеев можно назвать: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Государственный Эрмитаж, Российский этнографический музей, Российский государственный музей Арктики и Антарктики, Музей Мирового океана (Ледокол «Красин») в Санкт-Петербурге, Научно-исследовательский Зоологический музей МГУ, Научно-исследовательский институт и музей антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ им. М.В. Ломоносова в Москве, Музей художественного освоения Арктики имени А.А. Борисова в Архангельске, Музей вечной мерзлоты в Игарке, Музей мамонта в Якутске и др. Научный потенциал музея лежит в основе всех его видов практической деятельности: комплектование музейного фонда, создание концепции выставочной деятельности, проведение культурно-просветительской и образовательной деятельности предполагает использование инструментов междисциплинарного научного подхода.

Издательская деятельность музея, в том числе за рубежом, и публикационная активность его сотрудников способствуют повышению интереса общества к работе музея.

Наконец, важная роль в реализации АНД через неформальный канал принадлежит *ученым и исследователям арктических и теперь уже неарктических стран*. Сегодня ученые и исследователи выступают на международной арене в роли общественных дипломатов, часто продвигая на различных международных площадках интересы своей страны. В современной дипломатической деятельности востребована также научная экспертиза, предполагающая выработку рекомендаций внешнеполитическим ведомствам («наука в дипломатии» и «наука для дипломатии»). На практике стали вводиться такие позиции как, например, в России «послы науки и образования» [21] и атташе по науке/атташе по науке и технике, которые «работают в составе загранучреждений как дипломатические сотрудники и при этом выполняют функции представителей Министерства науки и высшего образования, отвечая за развитие двусторонних и многосторонних отношений в научно-технической сфере» [22] («дипломатия для науки»). В функционал последних входит «сбор информации, налаживание контактов между учеными двух стран, распространение результатов интеллектуальной деятельности своей страны и участие в международных мероприятиях» [13]. Перед российским руководством сегодня стоит задача по увеличению количества российских атташе по науке.

Таким образом, за годы активного международного сотрудничества в области арктических научных исследований арктическим и неарктическим странам удалось сформировать комплексную систему АНД, которая на протяжении многих доказывала свою эффективность. Однако события 2022 г. внесли серьезные коррективы в систему международного сотрудничества в Арктике в целом и в систему АНД в частности.

Новые тенденции в АНД после событий 2022 г.

События февраля 2022 г. впервые в истории международного арктического сотрудничества привели к «замораживанию» контактов между Россией и группой западных арктических стран, «замораживанию» ряда важных каналов АНД с участием российской стороны, несмотря на сохраняющуюся общую глобальную проблематику: «...прекращение научного сотрудничества с Россией влияет на многие исследовательские проекты и наносит ущерб долгосрочным программам измерений, которые отслеживают различные аспекты изменения климата. Российская Арктика по-прежнему важна для решения глобальных экологических проблем, таких как таяние вечной мерзлоты и предотвращение лесных пожаров, поскольку на Россию приходится более половины береговой линии Арктики» [23]. Это, несомненно, ведет к определенной трансформации сложившейся системы сотрудничества, появлению новых трендов в реализации АНД.

В наибольшей степени проявил себя такой тренд, как *нарушение институциональных международных*

научных связей в Арктике, преимущественно на региональном уровне. Так, в марте 2022 г. работа АС была поставлена «на паузу»: семь западных арктических государств заявили об отказе участвовать в мероприятиях, проводимых Россией в рамках ее председательства в 2021–2023 гг., аргументировав это следующим образом: «Основные принципы суверенитета и территориальной целостности, основанные на международном праве, уже давно лежат в основе работы Арктического совета, форума, председателем которого в настоящее время является Россия. Ввиду грубого нарушения Россией этих принципов наши представители не будут выезжать в Россию на заседания Арктического совета. Кроме того, наши государства временно приостанавливают участие во всех заседаниях Совета и его вспомогательных органов <...>» [24]. Далее, в июне 2022 г. «западная арктическая семерка» приняла решение возобновить работу Совета, но без участия России. Россия, в свою очередь, продолжила запланированные в рамках ее председательства в АС мероприятия, но без участия остальных семи арктических стран. Таким образом, в арктическом сообществе образовался асимметричный раскол: Россия – «арктическая семерка». На повестку дня встал вопрос о будущем АС и всего арктического сотрудничества, что нашло отражение в ряде западных публикаций, в которых авторы предлагали исключить Россию из АС и даже создать новую международную платформу сотрудничества в Арктике без российского участия (например, форум Nordic Plus, основанный на ценностях, которые разделяют Европа и Северная Америка [25], Arctic Council 2.0 [26]), писали о конце арктического сотрудничества и системы арктического управления, о прекращении научных связей с российскими институтами, особенно теми, которые аффилированы с государством, и т.д. Однако во время председательства Норвегии в АС (2023–2025 гг.) стали раздаваться призывы и намерения о восстановлении научных связей с российской стороной в Арктике [27], в результате чего в 2024 г. «Российская Федерация возобновила частичное участие в работе Арктического совета: по инициативе Норвегии во второй половине 2024 г. в режиме видеоконференции прошли заседания всех шести рабочих групп Совета – по устойчивому развитию, климату, охране окружающей среды, предупреждению, готовности и реагированию на чрезвычайные ситуации» [28]. Это свидетельствует о том, что осознание необходимости решать актуальные глобальные вопросы в регионе вполне со временем может возобладать над узкими интересами отдельных государств.

Решение о приостановке сотрудничества с Россией было также принято участниками Совета Баренцева/Евроарктического региона (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция и Евросоюз), которые аргументировали свое решение «нарушением принципов и целей организации со стороны России» [29]. При этом осенью 2023 г. планировался переход председательства в Совете к России, но в сентябре 2023 г. Россия заявила о выходе из СБЕР из-за отказа Финляндии передать ей председательство. Российской стороной

были внесены коррективы в текст «Основ государственной политики России в Арктике до 2035 г.», а именно: в новой редакции нет упоминания СБЕР [30].

Что касается МАНК [31] и МААСН [32], то они также опубликовали тексты с официальными осуждениями действий России, но сотрудничество с участием российских ученых до конца не свернуто. Российские ученые продолжают участвовать в мероприятиях данных организаций.

Важно отметить, что после 2022 г. на площадке ООН и ее специализированных учреждений продолжается обмен данными о состоянии арктической экосистемы и пр. между западными странами и Россией: «...по-прежнему продолжается обмен данными в рамках Всемирной метеорологической организации, которая имеет сеть полярных станций во всех арктических странах, включая Россию» [33]. ООН и ее специализированные учреждения сохранили взаимодействие между Россией и западными партнерами по глобальной повестке дня, включая проблемы Арктики.

В российской повестке дня числится также развитие полярного сотрудничества по линии еще одной глобальной платформы – БРИКС, где научное направление сотрудничества стало фундаментом полярной активности данной группы стран и в будущем ожидается дальнейшее его развитие и расширение не только за счет конкретных направлений взаимодействия стран-участниц в этой области, но и поиск новых научно-образовательных форматов сотрудничества.

Россия в последнее время инициирует создание научно-образовательных консорциумов с неарктическими государствами, проявляющими интерес к исследованиям и сотрудничеству в арктическом регионе. Перспективной площадкой здесь выступает международная неправительственная организация северных регионов «Северный форум», «созданная в 1991 г., <...>, предоставляя эффективные формы и механизмы работ для регионов – членов и бизнес-партнеров» [34]. С 2019 г. ежегодно проводится Северный форум по устойчивому развитию (СФУР), на площадке которого ученые, эксперты, политики, бизнесмены обсуждают актуальные проблемы устойчивого развития Арктики. В 2022 г. было подписано соглашение о создании Российско-Азиатского консорциума арктических исследований (РАКАИ), в который вошли ведущие университеты и исследовательские центры России и стран Азии [35]. Создание этого Консорциума стало вполне логичным шагом в контексте российской политики «поворота на Восток» в Арктике. В последние годы Северный форум активно взаимодействует с китайскими и индийскими экспертами по вопросам Арктики, интерес к деятельности организации также проявляют Монголия и Индонезия.

Что касается двустороннего уровня сотрудничества в Арктике, то, с одной стороны, несомненно, он также серьезно пострадал: в частности, «был остановлен и процесс имплементации Соглашения об усилении международного арктического научного сотрудничества, который предполагает заключение двусторонних договоров» [36. С. 144]. К сожалению, в основе данной тенденции – искусственная политизация международ-

ного сотрудничества западными арктическими странами [37]. Изменился и общий стратегический баланс в регионе: Финляндия и Швеция вступили в НАТО. В результате сформировался дисбаланс, еще больше разделивший арктические страны на Россию и НАТО-ориентированные западные страны. В этих условиях Россия стала ориентироваться на «заинтересованные» в двустороннем и многостороннем сотрудничестве неарктические страны, главным образом азиатские. В арктической политике РФ обозначился четкий «поворот на Восток» [38], проявившийся в активизации сотрудничества с такими странами, как Китай и Индия.

С другой стороны, на практике до сих пор продолжают действовать двусторонние договоры между Россией и Финляндией, Россией и Норвегией, имеющие отношение к арктическому сотрудничеству, которые в большинстве своем по-прежнему остаются юридически действующими. Так, например, Финляндия продолжает двустороннее сотрудничество с Россией по вопросу о пограничных водах, продолжается российско-финляндское сотрудничество в рамках соглашения по обмену технической и гидрологической информацией и т.д. В свою очередь, Норвегия продолжает поддерживать двусторонние контакты с Россией, касающиеся сухопутных и морских пограничных районов (в числе которых: поиск и спасение, готовность к защите от разливов нефти, мониторинг судоходства и противодействие угрозам общей окружающей среде) [39, 40] и др.

В результате событий 2022 г. пострадал канал АНД «второго трека» – на уровне международной деятельности российских университетов и научно-исследовательских институтов. Новым трендом стало использование науки как инструмента «жесткой» силы: «...обращаются к научной дипломатии как к аргументу и для блокировки, и для продолжения сотрудничества между российскими и зарубежными учеными» [41]. Так, США и ряд европейских стран начали вводить санкции в отношении российских институтов и научно-исследовательских проектов с участием российских ученых [42, 43], прекратилось финансирование многих совместных с Россией научных проектов в Арктике, оказалась приостановлена совместная работа на полярных станциях и т.д. Это привело, в частности, к прекращению текущих исследований присутствия микропластика и воздействия тяжелого топлива в Арктике, негативным оказалось влияние на исследования изменения климата и др. Для российских ученых был закрыт доступ к мировым информационным базам (например, к базам данных на платформе Web of Science, InCites, журналам Oxford University Press и др.), в некоторых случаях на начальном этапе вводился даже запрет на указание официальной аффилиации российских ученых на крупных международных площадках и т.д. Так, российские ученые не были допущены к участию The Arctic Science Summit Week (ASSW) 2022 в Тромсё, Норвегия.

До событий 2022 г. в Университете Арктики по количеству участников Россия лидировала среди арктических стран: «...российские вузы как акторы АНД

весьма успешно реализовывали одно из трех измерений научной дипломатии – “наука для дипломатии”, подразумевающее использование научных альянсов в целях улучшения отношений между странами» [44. С. 75–76]. После начала СВО правление Университета Арктики официально заявило о приостановке сотрудничества с российскими вузами до тех пор, пока «ситуация не позволит его продолжить» [45]. В результате сегодня в деятельности большинства российских вузов и научно-исследовательских учреждений наблюдается расширение географии международных связей за счет внерегиональных партнеров из Азии и Латинской Америки, Ближнего Востока, стран БРИКС и, как было отмечено выше, создание новых научно-образовательных консорциумов.

На практике возникают также проблемы технического характера: транспортные и логистические проблемы, создающие сложности перемещения, временное приостановление выдачи виз для российских граждан, невозможность финансирования совместных проектов из-за проблем работы банковской системы и др. Все это затрудняет перемещение ученых между разными странами, их коллаборацию, ограничивает возможности сбора информации, обмена данными и персоналом, делает невозможным проведение совместных полевых исследований и экспедиций, что чрезвычайно важно в случае Арктики. Несомненно, это полностью противоречит принципам, содержащимся в тексте Соглашения об укреплении международного арктического научного сотрудничества 2017 г., нивелируя многие достижения арктического научного сотрудничества прежних лет.

В нынешней сложной геополитической обстановке, когда традиционная дипломатия сталкивается с серьезными ограничениями, усиливается значение научного академического сообщества, сохраняющего относительную независимость от идеологий. В условиях блокирования традиционных дипломатических инструментов востребованными становятся неформальные контакты по линии «ученый – ученый» (researcher-to-researcher) и вспомогательные площадки – международные научные и образовательные форумы, экспертные встречи и диалоги. Подобные связи, на наш взгляд, могут стать основой будущего восстановления отношений в Арктике. При этом некоторые западные исследователи призывают к «селективному» санкционному подходу в отношениях с Россией [46]: ограничивать разработки двойного назначения, но сохранять сотрудничество в сферах глобального интереса – изменении климата, биоразнообразии, таянии льдов и вечной мерзлоты.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить следующее. Прежде всего, за годы успешного международного научного сотрудничества в Арктике странам удалось создать эффективную систему арктической научной дипломатии (АНД), предусматривающую активное использование как формальных, так и неформальных каналов сотрудничества в Арктике. События февраля

2022 г. впервые внесли серьезные коррективы в эту систему, сформировав, с одной стороны, условия высокой востребованности инструментов АНД, а с другой – определили новые тренды в развитии АНД арктических стран, включая Россию. К сожалению, формальный канал реализации АНД на региональном уровне оказался в состоянии глубокого кризиса, в результате чего система АНД на данном этапе представляет собой сеть «ручейков» научной коллаборации ученых Запада и России в Арктике. Однако на практике ситуация не столь однозначна: «многие механизмы сотрудничества, созданные на основе глобальных, региональных и двусторонних договоров, имеющих отношение к Арктике и включающих Россию в качестве договаривающейся стороны, остались юридически действующими, то есть не были прекращены или приостановлены в отношении России» [39]. Востребованными остались также глобальные площадки сотрудничества – ООН и ее специализированные учреждения, перспективной платформой рассматривается БРИКС, активно развивающий полярное направление сотрудничества в последние годы.

Безусловно, конфликт между Россией и странами коллективного Запада показал, как вопросы геополитики и безопасности могут привести к прерыванию обмена знаниями и данными в результате политических действий. По мнению российского эксперта Г. Красновой, проявление «жесткой» составляющей в научном сотрудничестве обусловлено выходом на первый план национальных интересов стран, место которым уступают традиционные для научного сотрудничества интересы глобального и транснационального уровня (поиск научных решений глобальных и региональных проблем современности) [41]. Пока мы видим дисбаланс в сторону приоритета национальных интересов у арктических стран. Однако многие западные исследователи и ученые уже начали бить тревогу по этому поводу [47, 48]. Критики тотального бойкота российских ученых указывают на опасность в перспективе исключения из мирового научного сообщества такой крупной научной державы, как Россия, крупнейшего «донора знаний» об Арктике. В этом случае многие глобальные проблемы в будущем станут просто невозможно решить без участия российских ученых и без доступа к российским базам данных, возникнет «пробел» в глобальных данных.

В этих условиях на экспертном уровне осторожно обсуждаются возможные сценарии возобновления научного диалога с Россией в Арктике на всех уровнях: «...с участием РФ, но при выполнении ей политических условий; формирование/преобразование организаций сотрудничества без участия РФ; создание новых организаций с участием РФ и неарктических государств, не присоединившихся к санкциям» [36. С. 145]. В контексте последнего предложения актуализируется роль сотрудничества в полярных регионах по линии БРИКС, заявления российских официальных лиц о намерении привлечения ШОС к арктическому сотрудничеству, а также стран Большой двадцатки. Таким образом, речь идет о географической диверсификации

Россией связей по арктическим вопросам за счет неарктических стран.

Однако, нам представляется, ни в коем случае нельзя увлекаться какими-либо односторонними «разворотами» в сторону новых партнеров, необходимо стремиться к восстановлению контактов с нашими арктическими соседями, с которыми у нас по-прежнему сохраняется общий комплекс проблем в регионе и весьма богатый опыт успешного сотрудничества в

Арктике. При этом новые условия, несомненно, диктуют необходимость диверсификации контактов за счет неарктических стран, но нам представляется, что вряд ли эти новые связи станут равнозначной альтернативой прежних. Рано или поздно «механизм взаимозависимости», сформировавшийся в арктическом сообществе, вновь запустит каналы двустороннего и многостороннего сотрудничества в науке и других областях. Важно, чтобы была сохранена основа для «перезапуска» этого сотрудничества.

Список источников

1. Devyatkin P. Environmental Détente: U.S.-Russia Arctic science diplomacy through political tensions // *The Polar Journal*. 2022. Vol. 12, Is. 4. P. 1–21. doi: 10.1080/2154896X.2022.2137091
2. Wishnick E. Tensions with Russia Heat up the Melting Arctic // *PONARS Eurasia Policy Memo*. 2017. No. 464.
3. Bertelsen R.G. The Arctic as a laboratory of global governance: The case of knowledge-based cooperation and science diplomacy // Finger M., Heininen L. (Eds.) *The Global Arctic Handbook*. Cham, Switzerland: Springer, 2018. P. 251–267. doi: 10.1007/978-3-319-91995-9_15
4. Bertelsen R.G. Science diplomacy and the Arctic // Gjorv G.H., Lanteigne M., Sam-Aggrey H. (Eds.) *Routledge Handbook of Arctic Security*. London ; New York: Routledge, 2020. P. 234–246.
5. Гутенев М.Ю., Бойко Е.В. Научная дипломатия как приоритет государственной политики в Арктике // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*. 2021. Т. 35. С. 64–76. doi: 10.26516/2073-3380.2021.35.64
6. Гутенев М.Ю., Сергунин А.А. Арктическая научная дипломатия России: теория и практика // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2022. Т. 17, № 3. С. 155–174. doi: 10.17323/1996-7845-2022-03-06
7. Михальченко Н.А. Арктическая политика и научная дипломатия в восточном измерении // *Власть*. 2022. Т. 30, № 3. С. 197–201.
8. Заика Ю.В., Рябова Л.А., Сергунин А.А. Научная дипломатия в Арктике: платформы, практики, новые вызовы / под науч. ред. Л.А. Рябовой, Ю.В. Заика. Апатиты : Изд-во ФИЦ КНЦ РАН, 2023. 192 с.
9. Berkman P.A., Kullerud L., Pope A., Vylegzhnin A.N., Young O.R. The Arctic science agreement propels science diplomacy // *Science*. 2017. Vol. 358, Is. 6363. P. 596–598. doi: 10.1126/science.aag0890
10. Everett K., Halašková B. Is it real? Science diplomacy in the Arctic states' strategies // *Polar Record*. 2022. Vol. 58. Art. No. e27. P. 1–14. doi: 10.1017/S0032247422000183
11. Wood-Donnelly C., Bartels M.P. Science diplomacy in the Arctic: Contributions of the USGS to policy discourse and impact on governance // *Polar Record*. 2022. Vol. 58. Art. No. e16. P. 1–11. doi: 10.1017/S0032247422000134
12. Gluckman P.D. Scientists and scientific organizations need to play a greater role in science diplomacy // *PLoS Biology*. 2022. № 20 (11). Art. No. e3001848. doi: 10.1371/journal.pbio.3001848
13. Научная дипломатия набирает «мягкую силу». Открытая лекция профессора Пьер-Бруно Руффини в ВШЭ. 9 марта 2017 г. // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/203621872.html>
14. Гутенев М.Ю., Митина Ю.С. Научная дипломатия неарктических стран в Арктике // *Теории и проблемы политических исследований*. 2022. Т. 11, № 1А. С. 170–182. doi: 10.34670/AR.2022.48.61.020
15. Lagutina M., Eremina N., Gadal S. European Arctic Policy: Interests of the Non-Arctic States and the EU // *The Handbook of the Arctic* / Ed. by E.V. Pak, A.I. Krivtsov, N.S. Zagrebnaya. Springer Nature. Palgrave Macmillan, 2022. P. 1–26. doi: 10.1007/978-981-16-9250-5_5-1
16. Kiruna Declaration. 2013. URL: <http://hdl.handle.net/11374/93>
17. Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. Fairbanks, Alaska, 2017, 11 May. URL: <https://oaarchive.arcticcouncil.org/handle/11374/1916>
18. Богданова Е.Н., Ершова И.В., Жура С.Е., Савельев И.В., Тетерин А.В., Чертова Н.А. Международные научные организации в международном сотрудничестве в Арктике: на примере Международного научного арктического комитета и Университета Арктики // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 9-2. С. 108–116. doi: 10.17513/vaael.1847
19. Turekian V. The evolution of science diplomacy // *Global Policy*. 2018. № 9 (4). P. 5–7. doi: 10.1111/1758-5899.12622
20. 12 декабря 2017 года состоялось очередное заседание Президиума Российской академии наук // *Российская академия наук*. URL: https://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=28878060-fd5d-41f9-af18-372cdc03f56a
21. Послы российского образования и науки: утвержден состав Консорциума вузов и научных организаций программы // *Минобрнауки России*. 15.02.2023. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/64290/>
22. Шакиров О. Кандидат дипломатических наук: особенности работы российского атташе по науке и технике // *Российский совет по международным делам*. 26.11.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kandidat-diplomaticheskikh-nauk-osobennosti-raboty-rossiyskikh-attashe-po-nauke-i-tekhnikе/>
23. Van Loon K. The Like-Minded, The Willing... and The Belgians: Arctic Scientific Cooperation after February 24 2022 // *The Arctic Institute*. 21.03.2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/like-minded-willing-belgians-arctic-scientific-cooperation-february-24-2022/>
24. Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. March 3, 2022 // *US Department of State*. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/>
25. Kirchner S. Nordic PLUS: International Cooperation in the Arctic Enters a New Era // *The Polar Connection*. 2022. 6 March. URL: <https://polarconnection.org/nordic-pluscooperation-arctic/>
26. Rogoff A. It's Time for an Arctic Council 2.0. // *Arctic Today*. 05.03.2022. URL: <https://www.arctictoday.com/its-time-for-an-arctic-council-2-0/>
27. Rettman A. West restarts Arctic science with Russia, despite mistrust // *EUObserver*. 11.10.2023. URL: <https://euobserver.com/nordics/157516>
28. Щетинина А. Председательство в Арктическом совете 12 мая перейдет от Норвегии к Королевству Дания // *GoArctic*. 05.05.2025. URL: <https://goarctic.ru/politics/predsdatelstvo-v-arkticheskom-sovete-12-maya-pereydyet-ot-norvegii-k-korolevstvu-daniya/>
29. Barents Euro-Arctic Cooperation: Joint Statement of the European Union, Finland, Denmark, Iceland, Norway and Sweden on Suspending Activities with Russia // *The Diplomatic Service of the European Union*. 2022. 9 March. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/barents-euro-arctic-cooperation-joint-statement-european-union-finland-denmarkiceland-norway_en
30. Внесены изменения в Основы государственной политики в Арктике на период до 2035 года // *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/89/events/70570>
31. IASC Statement on Ukraine. 07.03.2022. URL: <https://iasc.info/news/iasc-news/957-iasc-statement-on-ukraine>
32. IASSA Statement on Ukraine. 08.03.2022. URL: <https://iassa.org/news-archive/98-iassa-statement-on-ukraine>
33. Сергунин А.А., Вяхирева Н.С. Арктическая научная дипломатия в условиях геополитического кризиса // *Российский совет по международным делам*. 21.02.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/arkticheskaya-nauchnaya-diplomatii-v-usloviyakh-geopoliticheskogo-krizisa/>

34. Северный Форум – Китай: сотрудничество в области инновационных технологий по охране и развитию Арктики // Северный форум. 23.04.2024. URL: <https://www.northernforum.org/ru/news-ru/1136-the-northern-forum-china-cooperation-in-innovative-technologies-for-the-protection-and-development-of-the-arctic>
35. Российско-Азиатский консорциум арктических исследований будет создан на СФУР // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). 25.11.2022. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3336379>
36. Конишев В.Н. Научная дипломатия в Арктике и Антарктике // Арктика и Север. 2023. № 52. С. 136–152. doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.52.136
37. Konyshov V. Arctic Science Diplomacy: With or Without Russia? // Strategic security Analysis. Geneva Centre for Security Policy. 2023. Is. 32.
38. Лексютин Я.В. Поворот на Восток в арктической политике России // Россия и АТР. 2025. № 2. С. 186–204. doi: 10.24412/1026-8804-2025-2-186-204
39. Koivurova T., Shibata A. After Russia's invasion of Ukraine in 2022: Can we still cooperate with Russia in the Arctic? // Polar Record. 2023. Vol. 59. Art. e12. doi: 10.1017/S0032247423000049
40. Misund O.A. On ice but not broken: Norwegian–Russian relations in polar science since 24 February 2022 // Polar Research. 16.04.2025. URL: <https://polarresearch.net/index.php/polar/article/view/10944/19387>
41. Краснова Г. Возможности научной дипломатии в новых геополитических условиях // Российский совет по международным делам. 23.05.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnosti-nauchnoy-diplomatii-v-novykh-geopoliticheskikh-usloviyakh/>
42. Европейская Комиссия приостанавливает сотрудничество с Россией в области исследований и инноваций // Представительство Европейского Союза в Российской Федерации. 04.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/европейская-комиссия-приостанавливает-сотрудничество-с-россией-в-области_ru?s=121
43. Guidance on Scientific and Technological Cooperation with the Russian Federation for U.S. Government and U.S. Government Affiliated Organizations // White House. 11.06.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/06/11/guidance-on-scientific-and-technological-cooperation-with-the-russian-federation-for-u-s-government-and-u-s-government-affiliated-organizations/>
44. Гутенев М.Ю., Ларгутина М.Л., Сергунин А.А. Российские университеты как акторы арктической научной дипломатии // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8-9. С. 70–88. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-70-88
45. Russian Membership Paused // UArctic. 02.03.2023. URL: <https://ru.uarctic.org/>
46. Langenhove L. Van, Soete L., Piaget E. Science Diplomacy in the Age of War // Frontiers. Policy Lab. 05.05.2022. URL: <https://policylabs.frontiersin.org/content/science-diplomacy-in-the-age-of-war>
47. Collins C. Scientists fear excluding Russia from Arctic research will derail climate change effort // Science Business. 29.03.2022. URL: <https://sciencebusiness.net/climate-news/news/scientists-fear-excluding-russia-arctic-research-will-derail-climate-change>
48. Political tensions lead to “gaps” in scientific data in the Arctic region // Polar Journal. 10.09.2022. URL: <https://polarjournal.ch/en/2022/09/10/political-tensions-lead-to-gaps-in-scientific-data-in-the-arctic-region/>

References

1. Devyatkin P. Environmental Détente: U.S.-Russia Arctic science diplomacy through political tensions // The Polar Journal. 2022. Vol. 12, Is. 4. P. 1–21. doi: 10.1080/2154896X.2022.2137091
2. Wishnick E. Tensions with Russia Heat up the Melting Arctic // PONARS Eurasia Policy Memo. 2017. No. 464.
3. Bertelsen R.G. The Arctic as a laboratory of global governance: The case of knowledge-based cooperation and science diplomacy // Finger M., Heininen L. (Eds.) The Global Arctic Handbook. Cham, Switzerland: Springer, 2018. P. 251–267. doi: 10.1007/978-3-319-91995-9_15
4. Bertelsen R.G. Science diplomacy and the Arctic // Gjorv G.H., Lanteigne M., Sam-Aggrey H. (Eds.) Routledge Handbook of Arctic Security. London ; New York: Routledge, 2020. P. 234–246.
5. Gutenov M.YU., Boyko YE.V. Nauchnaya diplomatiya kak prioritet gosudarstvennoy politiki v Arktike // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedeniye. 2021. T. 35. S. 64–76. doi: 10.26516/2073-3380.2021.35.64
6. Gutenov M.YU., Sergunin A.A. Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya Rossii: teoriya i praktika // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika. 2022. T. 17, № 3. S. 155–174. doi: 10.17323/1996-7845-2022-03-06
7. Mikhail'chenkova N.A. Arkticheskaya politika i nauchnaya diplomatiya v vostochnom izmerenii // Vlast'. 2022. T. 30, № 3. S. 197–201.
8. Zaika YU.V., Ryabova L.A., Sergunin A.A. Nauchnaya diplomatiya v Arktike: platformy, praktiki, novyye vyzovy / pod nauchn. red. L.A. Ryabovoy, YU.V. Zaika. Apatity : Izd-vo FITS KNTS RAN, 2023. 192 c.
9. Berkman P.A., Kullerud L., Pope A., Vylegzhnin A.N., Young O.R. The Arctic science agreement propels science diplomacy // Science. 2017. Vol. 358, Is. 6363. P. 596–598. doi: 10.1126/science.aag0890
10. Everett K., Halašková B. Is it real? Science diplomacy in the Arctic states' strategies // Polar Record. 2022. Vol. 58. Art. No. e27. P. 1–14. doi: 10.1017/S0032247422000183
11. Wood-Donnelly C., Bartels M.P. Science diplomacy in the Arctic: Contributions of the USGS to policy discourse and impact on governance // Polar Record. 2022. Vol. 58. Art. No. e16. P. 1–11. doi: 10.1017/S0032247422000134
12. Gluckman P.D. Scientists and scientific organizations need to play a greater role in science diplomacy // PLoS Biology. 2022. № 20 (11). Art. No. e3001848. doi: 10.1371/journal.pbio.3001848
13. Nauchnaya diplomatiya nabirayet «myagkuyu silu». Otkrytaya lektsiya professora P'yer-Bruno Ruffini v VSH-E. 9 marta 2017 g. // Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy NIU VSH-E. URL: <https://issek.hse.ru/news/203621872.html>
14. Gutenov M.YU., Mitina YU.S. Nauchnaya diplomatiya nearkticheskikh stran v Arktike // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2022. T. 11, № 1A. S. 170–182. doi: 10.34670/AR.2022.48.61.020
15. Lagutina M., Eremina N., Gadal S. European Arctic Policy: Interests of the Non-Arctic States and the EU // The Handbook of the Arctic / Ed. by E.V. Pak, A.I. Krivtsov, N.S. Zagrebelskaya. Springer Nature. Palgrave Macmillan, 2022. P. 1–26. doi: 10.1007/978-981-16-9250-5_5-1
16. Kiruna Declaration. 2013. URL: <http://hdl.handle.net/11374/93>
17. Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. Fairbanks, Alaska, 2017, 11 May. URL: <https://oaarchive.arcticcouncil.org/handle/11374/1916>
18. Bogdanova YE.N., Yershova I.V., Zhura S.E., Savelyev I.V., Teterin A.V., Chertova N.A. Mezhdunarodn'yye nauchn'yye organizatsii v mezhdunarodnom sotrudnichestve v Arktike: na primere Mezhdunarodnogo nauchnogo arkticheskogo komiteta i Universiteta Arktiki // Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava. 2021. № 9-2. S. 108–116. doi: 10.17513/vaael.1847
19. Turekian V. The evolution of science diplomacy // Global Policy. 2018. № 9 (4). P. 5–7. doi: 10.1111/1758-5899.12622
20. 12 dekabrya 2017 goda sostoyalos' ocherednoye zasedaniye Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk // Rossiyskaya Akademiya Nauk. URL: https://www.ras.ru/news/news_release.aspx?ID=28878060-fd5d-41f9-af18-372cdc03f56a
21. Posly rossiyskogo obrazovaniya i nauki: utverzhden sostav Konsortsiума vuzov i nauchnykh organizatsiy programmy // Minobrnauki Rossii. 15.02.2023. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/64290/>
22. Shakirov O. Kandidat diplomaticheskikh nauk: osobennosti raboty rossiyskikh attashe po nauke i tekhnike // Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam. 26.11.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kandidat-diplomaticheskikh-nauk-osobennosti-raboty-rossiyskikh-attashe-po-nauke-i-tehnike/>

23. Van Loon K. The Like-Minded, The Willing... and The Belgians: Arctic Scientific Cooperation after February 24 2022 // The Arctic Institute. 21.03.2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/like-minded-willing-belgians-arctic-scientific-cooperation-february-24-2022/>
24. Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. March 3, 2022 // US Department of State. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/>
25. Kirchner S. Nordic PLUS: International Cooperation in the Arctic Enters a New Era // The Polar Connection. 2022. 6 March. URL: <https://polarconnection.org/nordic-plus-cooperation-arctic/>
26. Rogoff A. It's Time for an Arctic Council 2.0. // Arctic Today. 05.03.2022. URL: <https://www.arctictoday.com/its-time-for-an-arctic-council-2-0/>
27. Rettman A. West restarts Arctic science with Russia, despite mistrust // EUObserver. 11.10.2023. URL: <https://euobserver.com/nordics/157516>
28. Shchetinina A. Predsedatel'stvo v Arkticheskom sovete 12 maya pereydet ot Norvegii k Korolevstvu Daniya // GoArctic. 05.05.2025. URL: <https://goarctic.ru/politics/predsedatelstvo-v-arkticheskom-sovete-12-maya-pereydyet-ot-norvegii-k-korolevstvu-daniya/>
29. Barents Euro-Arctic Cooperation: Joint Statement of the European Union, Finland, Denmark, Iceland, Norway and Sweden on Suspending Activities with Russia // The Diplomatic Service of the European Union. 2022. 9 March. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/barents-euro-arctic-cooperation-joint-statement-european-union-finland-denmarkiceland-norway_en
30. Vneseny izmeneniya v Osnovy gosudarstvennoy politiki v Arktike na period do 2035 goda // Prezident Rossii. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/89/events/70570>
31. IASC Statement on Ukraine. 07.03.2022. URL: <https://iasc.info/news/iasc-news/957-iasc-statement-on-ukraine>
32. IASSA Statement on Ukraine. 08.03.2022. URL: <https://iassa.org/news-archive/98-iassa-statement-on-ukraine>
33. Sergunin A.A., Vyakhireva N.S. Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya v usloviyakh geopoliticheskogo krizisa // Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam. 21.02.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/arkticheskaya-nauchnaya-diplomatii-v-usloviyakh-geopoliticheskogo-krizisa/>
34. Severnyy Forum – Kitay: sotrudnichestvo v oblasti innovatsionnykh tekhnologiy po okhrane i razvitiyu Arktiki // Severnyy forum. 23.04.2024. URL: <https://www.northernforum.org/ru/news-ru/1136-the-northern-forum-china-cooperation-in-innovative-technologies-for-the-protection-and-development-of-the-arctic>
35. Rossiysko-Aziatskiy konsortsiy arkticheskikh issledovaniy budet sozdan na SFUR // Ofitsial'nyy informatsionnyy portal Respubliki Sakha (Yakutiya). 25.11.2022. URL: <https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3336379>
36. Konyshchev V.N. Nauchnaya diplomatiya v Arktike i Antarktike // Arktika i Sever. 2023. № 52. S. 136–152. doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.52.136
37. Konyshchev V. Arctic Science Diplomacy: With or Without Russia? // Strategic security Analysis. Geneva Centre for Security Policy. 2023. Is. 32.
38. Leksyutina YA.V. Povорот na Vostok v arkticheskoy politike Rossii // Rossiya i ATR. 2025. № 2. S. 186–204. doi: 10.24412/1026-8804-2025-2-186-204
39. Koivurova T., Shibata A. After Russia's invasion of Ukraine in 2022: Can we still cooperate with Russia in the Arctic? // Polar Record. 2023. Vol. 59. Art. e12. doi: 10.1017/S0032247423000049
40. Misund O.A. On ice but not broken: Norwegian–Russian relations in polar science since 24 February 2022 // Polar Research. 16.04.2025. URL: <https://polarresearch.net/index.php/polar/article/view/10944/19387>
41. Krasnova G. Vozmozhnosti nauchnoy diplomatii v novykh geopoliticheskikh usloviyakh // Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam. 23.05.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnosti-nauchnoy-diplomatii-v-novykh-geopoliticheskikh-usloviyakh/>
42. Evropeyskaya Komissiya priostanavlivaet sotrudnichestvo s Rossiyey v oblasti issledovaniy i innovatsiy // Predstavitel'stvo Yevropeyskogo Soyuzha v Rossiyskoy Federatsii. 04.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/evropeyskaya-komissiya-priostanavlivaet-sotrudnichestvo-s-rossiyei-v-oblasti-issledovaniy-i-innovatsiy_ru?s=121
43. Guidance on Scientific and Technological Cooperation with the Russian Federation for U.S. Government and U.S. Government Affiliated Organizations // White House. 11.06.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/news-updates/2022/06/11/guidance-on-scientific-and-technological-cooperation-with-the-russian-federation-for-u-s-government-and-u-s-government-affiliated-organizations/>
44. Gutenev M.YU., Lagutina M.L., Sergunin A.A. Rossiyskiye universitety kak aktory arkticheskoy nauchnoy diplomatii // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2023. T. 32. № 8-9. S. 70–88. doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-70-88
45. Russian Membership Paused // UArctic. 02.03.2023. URL: <https://ru.uarctic.org/>
46. Langenhove L. Van, Soete L., Piaget E. Science Diplomacy in the Age of War // Frontiers. Policy Lab. 05.05.2022. URL: <https://policylabs.frontiersin.org/content/science-diplomacy-in-the-age-of-war>
47. Collins C. Scientists fear excluding Russia from Arctic research will derail climate change effort // Science Business. 29.03.2022. URL: <https://sciencebusiness.net/climate-news/news/scientists-fear-excluding-russia-arctic-research-will-derail-climate-change>
48. Political tensions lead to “gaps” in scientific data in the Arctic region // Polar Journal. 10.09.2022. URL: <https://polarjournal.ch/en/2022/09/10/political-tensions-lead-to-gaps-in-scientific-data-in-the-arctic-region/>

Информация об авторе:

Лагутина М.Л. – д-р полит. наук, профессор кафедры мировой политики, факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: m.lagutina@spbu.ru, manipol@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.L. Lagutina, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: m.lagutina@spbu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.07.2025;
одобрена после рецензирования 07.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 26.07.2025;
approved after reviewing 07.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 902.02
doi: 10.17223/15617793/521/13

Археологические памятники на территории Томского университета (к истории археологического изучения г. Томска и его окрестностей)

Евгений Владимирович Барсуков¹, Илья Николаевич Коробейников²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ barsukovevg@mail.ru

² russianViking@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена начальному периоду археологического изучения г. Томска и его окрестностей. Анализируются сведения В.М. Флоринского об археологическом памятнике, кургане, располагавшемся на площадке строительства университета. Используются архивные данные о других археологических находках, сделанных в университетской роще и их возможной связи с упомянутым В.М. Флоринским памятником. В настоящее время территория университета застроена и освоена, однако сохраняется вероятность обнаружения культурного слоя и отдельных археологических находок.

Ключевые слова: Археология, археологические находки, Томск, Университетская роща, В.М. Флоринский

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FSWM-2024-0006).

Для цитирования: Барсуков Е.В., Коробейников И.Н. Археологические памятники на территории Томского университета (к истории археологического изучения г. Томска и его окрестностей) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 124–131. doi: 10.17223/15617793/521/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/13

Archaeological sites on the territory of Tomsk University (on the history of archaeological study of Tomsk and its environs)

Evgeny V. Barsukov¹, Ilya N. Korobeinikov²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ barsukovevg@mail.ru

² russianViking@yandex.ru

Abstract. The history of regular study of archaeological sites and monuments of the city of Tomsk and its environs begins at the end of the 19th century. It is noteworthy that one of the first archaeological finds in Tomsk at the end of the 19th century was made on territory of Siberian university. One of the most active participants who devoted themselves to the study of Siberian antiquities was the founder of Tomsk University V.M. Florinsky. Already during his first visit to Tomsk in 1880, during an inspection of the university construction site, he discovered a burial mound. This is the first mention of an archaeological monument within the city boundaries. The purpose of this publication is to define the possible location of the burial mound and its connection with other archaeological finds made on the territory of the University Copse. The memoirs of V.M. Florinsky and archival materials of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia of Tomsk University will be used as sources. The location characteristics of the burial mound allow us to locate it on the edge of the floodplain terrace, behind the modern 2nd building of the university. At present, this area is built up. Most likely, this archaeological site was destroyed at the end of the 19th century. Information about the burial mound is a reason to turn to the circumstances of the discovery of other archaeological sites on the university territory. At the end of the 19th century, several burials were accidentally discovered in the area of the Botanical Garden, which may have been related to the burial mound. In addition, in the early 1920s, three iron spearheads were discovered in the University Copse, presumably dating back to the early Middle Ages. Geographically, the location of the find is not related to the burial mound. Two versions of their origin can be assumed. First, there was another burial monument on the territory of the university. Second, the spears could be associated with the burial mound mentioned by V.M. Florinsky. During the construction of the university, it could have been destroyed, and the objects along with the soil were moved and ended up far from their original place. Thus, before the construction of the university, there

were archaeological monuments on its territory, currently the site is built up and developed, but there remains a possibility of discovering a cultural layer and individual archaeological finds.

Keywords: archaeology, archaeological finds, Tomsk, University Copse, V.M. Florinskiy

Financial support: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FSWM-2024-0006).

For citation: Barsukov E.V., Korobeinikov I.N. (2025) Archaeological sites on the territory of Tomsk University (on the history of archaeological study of Tomsk and its environs). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 124–131. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/13

История регулярного изучения археологических памятников города Томска и его окрестностей ведет свое начало с конца XIX в. Период, приходящийся на последнюю четверть этого столетия, можно назвать «золотым временем» в истории дореволюционной томской археологии.

Важно упомянуть и тот факт, что между окончанием XIX в. и второй половиной XX в. археологические исследования на указанной территории носили, скорее, спорадический характер.

Усиление интереса к изучению древностей связано с основанием в 1878 г. Сибирского университета. Менее чем за четверть века в Томске и его окрестностях были проведены различные работы не менее чем на 20 археологических памятниках. Коллекции артефактов, полученных в результате раскопок, поступили в музеи Томска, Москвы, Санкт-Петербурга, Финляндии, Швеции.

Одна из первых археологических находок в Томске конца XIX в. сделана на современной территории Томского государственного университета (рис. 1).

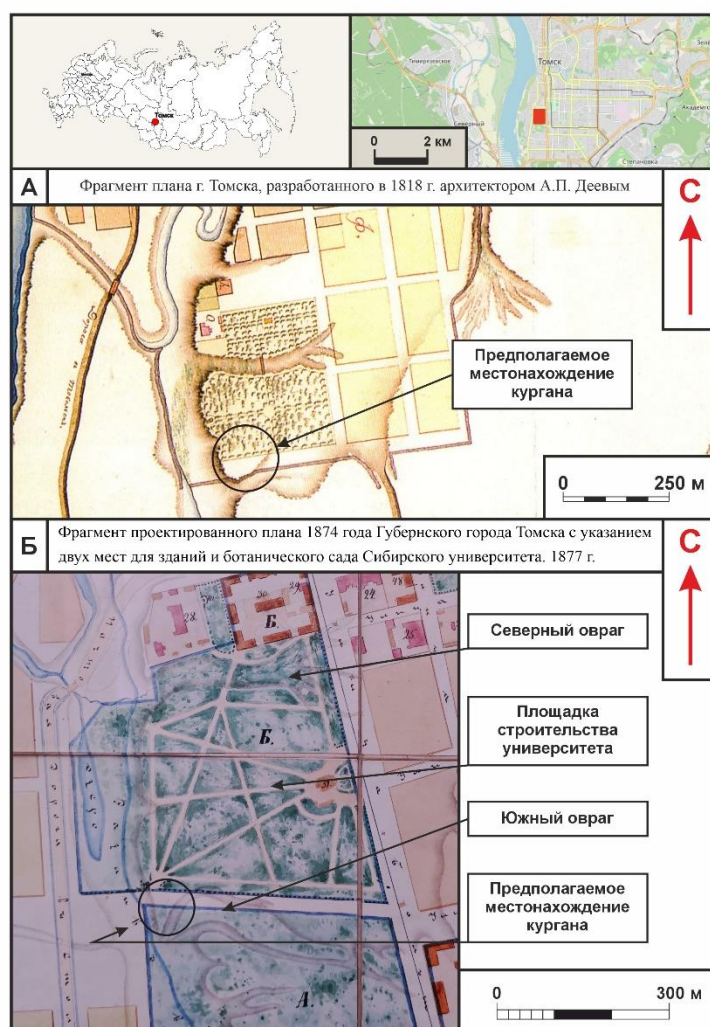

Рис. 1. Предполагаемое месторасположение кургана на планах города Томска XIX в.

В 1885 г., в ходе строительства комплекса Ботанического сада и освоения прилегающей территории, в

основании площадки для питомников, было найдено каменное орудие. Предмет был обнаружен на глубине

«около 4-х вершков от поверхности», почти непосредственно под слоем растительного дерна [1. С. 176]. В.М. Флоринским впервые было предпринято описание находки: «каменный шлифованный скребок, 16 сант. длины, 5 сант. ширины» [1. С. 86. № 1520; рис. 2]. По мнению В.И. Матющенко, упомянутое «острообушковое трапециевидное шлифованное тесло из серого кремнистого сланца» может быть датировано эпо-

хой неолита [2. С. 38]. Точное место находки неизвестно – есть лишь упоминание о территории Ботанического сада. В то же время, в литературе встречаются и другие версии относительно места обнаружения. В частности, в конце 1940 г. К.Э. Гриневич указывал, что каменное орудие было найдено «во время рытья котлованов для фундаментов Томского университета» [3. С. 2].

Рис. 2. Каменное тесло, обнаруженное при строительстве Ботанического сада

На наш взгляд, наиболее убедительны сведения первоисточника – местом находки является территория современного Ботанического сада. Обнаружение археологических предметов в этой части города не вызывает удивления. Комплекс надпойменных террас р. Томи, на правом берегу в черте современного города, достаточно хорошо известен в археологии. Памятники обследуются здесь с конца XIX в., причем многие из них подверглись раскопкам (Археологический микрорайон в Лагерном саду, могильник Мусульманское кладбище, Селище у Пивзавода) [4. С. 120–129].

Не стала исключением и университетская территория, располагающаяся на краю второй надпойменной террасы [5. С. 58]. К сожалению, в настоящее время кромка высокой террасы в пределах города полностью освоена: здесь располагаются административные и жилые здания, рекреационные территории. Подавляющее

большинство археологических объектов, обнаруженных и исследованных в конце XIX в., уничтожено, либо установить их локализацию не представляется возможным из-за нехватки информации. Таким образом, задачи по выявлению и анализу новых источников по истории начального периода археологического изучения Томска и его окрестностей, остаются актуальными.

Одним из самых активных действующих лиц, посвятивших себе изучению древностей Сибири, являлся устроитель Томского университета В.М. Флоринский. Будучи медиком по образованию, он живо интересовался историей нового для себя края. Работы Василия Марковича по археологии не утратили своей актуальности и в настоящее время, а его обширное наследие, несмотря на полуторавековую известность, до сих пор обеспечивает специалистов новыми сюжетами. Рассматриваемый в настоящей статье сюжет связан с

начальным этапом «археологической карьеры» В.М. Флоринского и непосредственно с его «детством» – Императорским Томским университетом.

По сообщению А.И. Дмитриева-Мамонова, Василий Маркович увлекся сибирской археологией приблизительно с 1885 г. [6. С. 259]. Однако и в предшествующие годы он не оставался в стороне от древностей, формируя фонды университетского «Музея изящных искусств и археологии», как он изначально называл его в своих воспоминаниях [7. С. 52], путем покупок и безвозмездной передачи коллекций и отдельных археологических предметов. Помимо того, Василий Маркович принимал деятельное участие в организации и работе Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, а за время службы в Казани предпринимал полевые поездки для изучения памятников древности Казанской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний [8. С. 105].

Интерес исследователя к древностям проявился и во время его первого визита в г. Томск в 1880 г. Символично, что Василий Маркович получил первые сведения об археологических памятниках уже на второй день своего пребывания в городе. Как человек, заинтересованный в успешном строительстве университета, он с особым рвением вникал во все вопросы, связанные с этим процессом. Первым же делом он внимательно осмотрел территории, на которых должны были разместиться строения будущего учебного заведения, а также подробно их охарактеризовал. В воспоминаниях В.М. Флоринского говорится: «одна из таких просек ведет от театра к юго-западному концу рощи, где на крутом мысу стоит *археологический памятник* (курсив авторов настоящей статьи) – порядочной величины земляной курган. С его вершины открывается широкий кругозор на залившую долину реки Томи. Мыс, на котором стоит памятник, и вся западная окраина рощи представляют собою старый высокий берег Томи, у подножья которого лежит небольшое озеро, переходящее в вязкое болото» [7. С. 148].

Именно эти сведения В.М. Флоринского являются первым сообщением об археологическом объекте, расположенном в городе и его окрестностях. Обращает на себя внимание тот факт, что исследователь определяет его именно как археологический памятник. Как ни странно, но данный объект не известен науке и не фигурирует в знакомых нам работах, в том числе и в археологических картах Томской области [4, 9]. Особый интерес представляет уточнение локализации кургана и обстоятельств, из-за которых он оказался «забыт». Для этого необходимо проанализировать природно-географические особенности района расположения университета, характерные для периода, предшествующего строительству. Описания В.М. Флоринского, дополненные сведениями картографических работ, выполненных накануне строительства, позволяют, во-первых, восстановить особенности естественных ландшафтов и рельеф этой части города, а, во-вторых, дают возможность соотнести указания Василия Марковича с современной топографической ситуацией района

расположения главного корпуса университета и прилегающей к нему территории. В результате, с большой долей вероятности можно определить предполагаемое месторасположение кургана на карте современного Томска.

К моменту основания и строительства университета, интересующий нас район являлся южной окраиной города. Сравнивая доступные планы города с нанесенным рельефом (1818 г. [10] (рис. 1, а), 1872 г. [11]; 1877 г. [1. № 2184. С. 129; 12] (рис. 1, б)) – к концу XIX в. часть Томска, располагавшаяся южнее современного пр. Кирова, указана как заселенная, с обозначением улиц и нескольких административных зданий. В то же время сам Василий Маркович сообщает по этому поводу следующее: «будучи в Петербурге и Казани, я судил о Томске по присланному мне городскому плану. Но какая разница оказалась между планом и самым делом... Далее показана Бульварная улица, на которой вместо бульвара оказывается широкий пустырь, изрытый ямами, заросший бурьяном и заваленный кучами навоза... Попробовал я подняться по пригорку, по переулку против самой городской рощи. На этом увале оказался десяток мещанских домиков, расположенных в одну линию, а затем опять пустырь, изрытый оврагами, кирпичными ямами и заваленный всяким мусором» [7. С. 149–150].

Таким образом, в конце XIX в. освоение территории в районе строительства университета и южнее, только набирало обороты. К моменту приезда В.М. Флоринского, случившегося в самом конце мая 1880 г., это место было частично застроено только в северной и восточной частях, остальные территории занимала березовая роща – излюбленное место отдыха горожан. Со стороны Соборной площади участок был «наполовину застроен дрянными зданиями». По впечатлениям В.М. Флоринского, они представляли собой «деревянную полусгнившую рухлядь». На восточной окраине располагался деревянный дом с дощатой террасой – летнее помещение томского общественного собрания или клуба. Внутри университетской земли находилось только одно здание – городской театр, о котором Василий Маркович также неслестно отзывался: «не то обширный сарай, не то деревянный барак, крытый полусгнившим тесом» [7. С. 148].

Что касается березовой роши, то, говоря о ней, Василий Маркович отмечает: «сама роща довольно привлекательна, хотя она не носит на себе никаких признаков культурной обработки, за исключением двух-трех просек, расчищенных под грунтовые дороги» [7. С. 148]. Из этого следует, что университетское место на большей площади еще сохраняло свои естественные ландшафты, которые показались В.М. Флоринскому не вполне удобными для предполагаемого строительства. Особенностью участка являлось его расположение на краю высокой террасы р. Томи, склон которой круто обрывался в сторону реки. У подножия террасы располагалось озеро, известное сейчас как «Университетское». Борт террасы был прорезан большим количеством оврагов, которые пересекали университетское место приблизительно по линии запад-восток

в направлении к р. Томь. Своим устьем овраги выходили к университетскому озеру, образуя несколько мысов. Два оврага имели особенно значительную протяженность, практически полностью пересекая площадку строительства. Расположенная между ними территория была занята березовой рощей, в пределах которой и предполагалось вести строительство главного корпуса университета. По описаниям В.М. Флоринского, курган находился в юго-западном углу рощи, на краю террасы, на одном из мысов (рис. 1).

Упомянутые исследователем овраги, являющиеся границами березовой рощи, являются основными ориентирами при определении места расположения кургана на карте современного города. Соотнести их с современной топографической ситуацией, по нашему мнению, позволяют вышеупомянутые планы Томска конца XIX в. Комплекс источников указывает, что означенный В.М. Флоринским «северный овраг», является руслом р. Медички. Вероятнее всего, эта речка являлась временным стоком и не имела постоянного русла. Она не обозначена на указанных планах, на ее месте отмечен протяженный лог, доходящий своим истоком до современной ул. Герцена. Сейчас этот водоток практически полностью засыпан, а в качестве напоминания о нем в университетской роще сохранился хорошо известный каменный мост. В свою очередь, южный овраг сохранился до настоящего времени; он является границей Ботанического сада, через него устроен переход. Можно предполагать, что курган находился на мысу, на правой стороне южного оврага, являющегося юго-западным углом рощи. На современной карте города этот участок располагается недалеко от корпуса № 2 ТГУ, за площадкой гаража и мастерских, и в настоящее время он практически полностью застроен до кромки террасы.

Вероятно, освоение и деформация естественного рельефа в этой части университетской территории имели место еще в конце XIX в. По сообщению все того же В.М. Флоринского, участок имел значительный наклон с юга на север. Для выравнивая предполагаемой строительной площадки требовалось переместить часть грунта с южной части на северную. «...собственно роща, по своей неровности и овражистости потребует больших планировочных работ... более или менее ровной площади здесь совсем не оказывается. Придется ее создать искусственно, сняв возвышенный откос с одной (южной) стороны и перевалив его на другую (северную) сторону» [7. С. 148]. По-видимому, некоторые земляные работы в этом направлении были проведены. Приехавший в Томск в 1885 г. ботаник П.Н. Крылов отмечал следующее: «университетское место после постройки представляло невзрачную картину... Много ям, где брали землю, кучи строительного мусора, пни от срубленных деревьев. Сзади – в сторону р. Томи – откосы были безобразно изрыты ради выемки там песка» [13. С. 275]. Возможно, курган был разрушен еще в конце XIX в. при проведении планировочных работ, и потому он более не упоминался в литературе.

Информация о кургане является поводом для обращения к обстоятельствам обнаружения и других археологических объектов на территории университета. Так,

в конце XIX в. на площадях Ботанического сада были случайно обнаружены несколько погребений. Эта находка также практически неизвестна специалистам и не упоминается в археологических картах [4, 9]. Согласно имеющимся отрывочным сведениям, они найдены в склоне оврага при выемке торфяной земли. Здесь зафиксированы несколько погребальных конструкций, выдолбленных из толстых колод. «В гробе лежало по два скелета, один головой на восток, другой на запад. Кости, за исключением одного сильно попорченного черепа, совершенно развалились в мелкие куски. Череп также полуистлевший, хрупкий, очень длинноголовый и узкий. Никаких предметов в гробах не найдено» [1. С. 25]. Деревянная крышка одной из колод, по сведениям Флоринского, была сдана на хранение в Археологический музей университета, однако упоминания о ней в учетной документации нами не обнаружены, как и само изделие.

Можно предположить, что найденные погребения могли иметь отношение к вышеупомянутому кургану, который, согласно описаниям В.М. Флоринского, также тяготел к территории Ботанического сада. Это предположение не находит пока серьезных аргументов для однозначных выводов. Использование колод – это все же черта, характерная для погребального обряда русского населения Томска XVII-XVIII вв. Данная традиция не свойственна тюркскому населению, которое русские застали в Нижнем Притомье в начале XVII в. Подобная особенность фиксируется только севернее Томска, на территориях, занятых селькупам. Погребения в колодах зафиксированы, к примеру, при раскопках могильника Тискино, и датируются предположительно развитым средневековьем [14].

В контексте наличия погребальных памятников на территории университетского места важно упомянуть про еще одну находку археологических предметов. В начале 1920-х гг., при невыясненных обстоятельствах, недалеко от главного корпуса были обнаружены наконечники железных копий, переданные сначала в кабинет географии, а затем в Этнолого-археологический музей при ТГУ. В «Археологической карте Томской области» эти артефакты обозначены как «Университетские находки II». Упоминается о находке двух копий [4. № 1202. С. 120], однако, по сведениям архивных данных Музея, изначально их было три [15]. Точное место обнаружения артефактов остается неустановленным. В одном источнике сообщается, что копия были найдены «около клиник» (вероятнее всего, подразумеваются современные клиники Медицинского университета) [15], в другом – «во дворе университета» [16. С. 157].

В настоящее время, в наличии выявлено два копия из обозначенных находок (рис. 3). Оба втульчатых изделия с однолопастным (линзовидным) вытянуто-ромбическим пером, относятся к типу 1 по классификации В.В. Горбунова [17. С. 47; С. 191, рис. 46]. Таким образом, датировать их можно в широком диапазоне бытования верхнеобской культуры – V–IX вв.

Обнаружение в одном месте сразу трех копий – явление редкое для поселенческих памятников. Собственно, отсюда и возникают аргументы в пользу их

принадлежности к погребальному инвентарю, что намекает на связь с упомянутым В.М. Флоринским курганом. Однако, даже отрывочные данные о месте находок свидетельствуют о том, что географически они не связаны с районом его предполагаемого размещения. В связи этим можно предложить две интерпретации данного местонахождения.

Первая – на территории университетской рощи располагался еще один погребальный памятник, вероятнее всего, курганный могильник, который находился в ее северной части. Он вполне мог быть разрушен при строительстве университета и остался неизвестным науке.

Вторая – как указывалось выше, во время строительства университета в конце XIX в. грунт с южной части строительной площадки (именно здесь располагался курган) перемещался на северную половину участка. Почва, образующая насыпь кургана, а с ней и археологические предметы, могли быть перемещены вместе с грунтом, в результате чего они оказались удалены от своего первоначального месторасположения. Датировка копий эпохой средневековья этого не исключает. Массивные курганы, а именно таким, судя по описаниям В.М. Флоринского, был интересующий нас объект, в большей степени характерны для населения, обитавшего на территории Томской области в данный период.

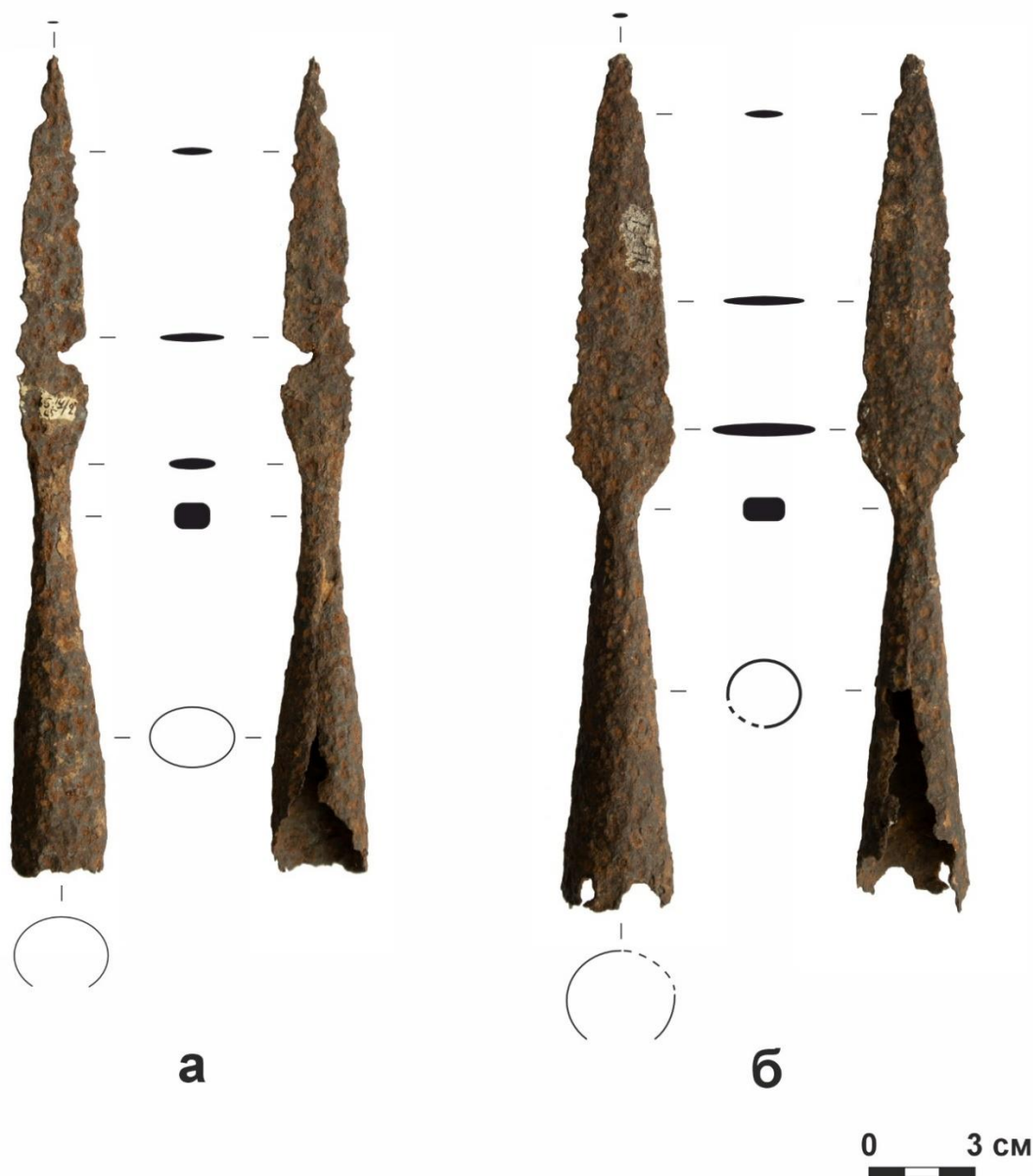

Рис. 3. Железные копья, обнаруженные на территории университетской рощи

Остается только догадываться о причине, по которой В.М. Флоринский не упомянул в своих многочисленных работах по археологии первый обнаруженный в Сибири памятник. Между тем у исследователя выходили в печать работы, посвященные непосредственно курганам [18]. Среди наиболее очевидных причин можно назвать разрушение кургана при строительстве зданий университета, что противоречило этике исследователя-археолога. Окончательные же выводы на этот счет появятся только после обнаружения новых источников по теме.

Таким образом, на территории университетской рощи сделаны несколько археологических находок, что указывает на наличие здесь памятников в период, предшествовавший строительству. Несмотря на то, что в настоящее время территория, занимаемая инфраструктурой университета, в значительной степени преобразована под нужды учебного заведения и во многом утратила свои естественные характеристики, все еще сохраняется вероятность обнаружения здесь объектов

историко-культурного наследия и культурного слоя. Seriously деформированный ландшафт исключает поиск археологических памятников методом визуального осмотра, оставляя шанс на обнаружение культурного слоя с помощью шурфовки, либо случайно, при проведении земляных работ. При этом наиболее перспективными являются территории, прилегающие к Ботаническому саду, в первую очередь, кромка террасы и мысы, выходящие к Университетскому озеру. Архивные материалы позволяют сделать заключение, что на этих участках возможно обнаружение археологических памятников в хронологическом отрезке от финала каменного века до начального периода русского освоения. Сведения, собранные при подготовке публикации, позволяют констатировать, что в разные хронологические отрезки здесь имели место находки археологических артефактов и объектов, обладающих признаками принадлежности к историко-культурному наследию.

Список источников

1. Археологический музей Томского университета. Томск : Типо-Литография Михайлова и Макушина, 1888. 276 с.
2. Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Введение. Часть первая: неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 9. 182 с.
3. Гриневич К.Э. Отчет о раскопках в урочище Басандайка близ Томска в 1944–1945 гг. // Научный архив ИА РАН. № Ф-1. Р-1. № 4.
4. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.
5. Осинцева Н.В. Оценка эрозионной опасности рельефа территории г. Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 2003. Вып. 25. С. 56–67.
6. Дмитриев-Мамонов А.А. К истории первого университета в Сибири // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 230–267.
7. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания (1875–1880) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 13–230.
8. Жук А.В. Василий Маркович Флоринский, его место и значение в отечественной археологии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 1 (5). С. 100–115.
9. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. V. Томск, 1956. С. 89–316.
10. План губернского г. Томска 1818 г. (архитектор А.П. Деев).
11. Проектированный план губернского города Томска. Составлен в 1872 году. Томск : Типография и Литография А. Торлецкого и М. Терихова, 1872.
12. Выкопировка с плана проектированного 1874 года Губернского города Томска с указанием двух мест для зданий и ботанического сада Сибирского университета. Чертил Томский Городской землемер Николай Дягилев, июль 1877 г.
13. Крылов П.Н. Накануне открытия Томского университета // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 273–279.
14. Боброва А.И. Селькупы XVIII–XIX вв. (по материалам Тискинского могильника). Томск : Издательство Томского университета, 2007. 176 с.
15. Коллекция 14. № 6294. Томский университетский сад возле клиник // Архив Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (Архив МАЭС ТГУ). № 112. Л. 452.
16. Описание фондов Музея истории материальной культуры Томского государственного университета // Архив МАЭС ТГУ. № 157.
17. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 232 с.
18. Флоринский В.М. Флоринский В. М. Курганы Томской губернии // Известия Императорского Томского университета. Кн. I. Томск, 1889. С. 58–86.

References

1. Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta. Tomsk : Tipo-Litografiya Mikhaylova i Makushina, 1888. 276 s.
2. Matyushchenko V.I. Drevnyaya istoriya naseleniya lesnogo i lesostepnogo Priob'ya (neolit i bronzovyy vek). Vvedeniye. Chast' pervaya: neoliticheskoye vremya v lesnom i lesostepnom Priob'ya // Iz istorii Sibiri. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1973. Vyp. 9. 182 s.
3. Grinevich K.E. Otchet o raskopkakh v urochishche Basandayka bliz Tomsk v 1944–1945 gg. // Nauchnyy arkhiv IA RAN. № F-1. R-1. № 4.
4. Ozheredov YU.I., Yakovlev YA.A. Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1993. T. 2. 208 s.
5. Osintseva N.V. Otsenka erozionnoy opasnosti rel'yefa territorii g. Tomsk // Voprosy geografii Sibiri. Tomsk, 2003. Vyp. 25. S. 56–67.
6. Dmitriyev-Mamonov A.A. K istorii pervogo universiteta v Sibiri // Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2014. S. 230–267.
7. Florinskiy V.M. Zametki i vospominaniya (1875–1880) // Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2014. S. 13–230.
8. Zhuk A.V. Vasilii Markovich Florinskiy, yego mesto i znachenie v otechestvennoy arkheologii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki». 2015. № 1 (5). S. 100–115.
9. Dul'zon A.P. Arkheologicheskiye pamyatniki Tomskoy oblasti // Trudy Tomskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya. T. V. Tomsk, 1956. S. 89–316.
10. Plan gubernskogo g. Tomsk 1818 g. (arkhitektor A.P. Deyev).
11. Proyektirovanny plan gubernskogo goroda Tomsk. Sostavlenn v 1872 godu. Tomsk : Tipografiya i Litografiya A. Torletskago i M. Terikhova, 1872.

12. Vykopirovka s plana proyektirovannogo 1874 goda Gubernskogo goroda Tomska s ukazaniyem dvukh mest dlya zdaniy i botanicheskogo sada Sibirskogo universiteta. Chertil Tomskiy Gorodskoy zemlemer Nikolay Dyagilev, iyul' 1877 g.
13. Krylov P.N. Nakanune otkrytiya Tomskogo universiteta // Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2014. S. 273–279.
14. Bobrova A.I. Sel'kupy XVIII–XIX vv. (po materialam Tiskinskogo mogil'nika). Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2007. 176 s.
15. Kolleksiya 14. № 6294. Tomskiy universitetskiy sad vozle klinik // Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Arkhiv MAES TGU). № 112. L. 452.
16. Opisaniye fondov Muzeya istorii material'noy kul'tury Tomskogo gosudarstvennogo universiteta // Arkhiv MAES TGU. № 157.
17. Gorbunov V.V. Voennoye delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. CH. II: Nastupatel'noye vooruzheniye (oruzhiye). Barnaul: Izd-vo Altayskogo un-ta, 2006. 232 s.
18. Florinskiy V.M. Florinskiy V. M. Kurgany Tomskoy gubernii // Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta. Kn. I. Tomsk, 1889. S. 58–86.

Информация об авторах:

Барсуков Е.В. – научный сотрудник лаборатории биогеохимических и дистанционных методов мониторинга окружающей среды Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: barsukovevg@mail.ru

Коробейников И.Н. – заведующий музеем истории, археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: russianViking@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Barsukov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: barsukovevg@mail.ru

I.N. Korobeinikov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: russianViking@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.09.2025;
одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 01.09.2025;
approved after reviewing 22.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/15617793/521/14

Миниатюрные предметы и изображения умерших в поминальной обрядности раннесредневекового населения Южной и Западной Сибири*

Глеб Владимирович Кубарев¹

¹ *Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, gvkubarev@gmail.com*

Аннотация. Предпринято сравнительное исследование раннесредневековых поминальных сооружений Южной и Западной Сибири, ключевыми особенностями которых являются изображения умерших в виде кукол или каменных изваяний и комплект миниатюрных, нефункциональных предметов. Последним подчеркивается сакральность этой обрядовой деятельности, которая может рассматриваться как ещё один аргумент в пользу переселения каких-то групп тюркоязычного населения с Южной Сибири на территорию Среднего Приобья.

Ключевые слова: поминальное сооружение, Южная и Западная Сибирь, изображение умерших, миниатюрные, сакральные предметы

Источник финансирования: работа выполнена при финансовой поддержке проекта Российского научного фонда № 24-28-01323 «Феномен тюркских каменных изваяний и поминальных сооружений Российского Алтая: комплексное исследование», <https://rscf.ru/project/24-28-01323/>

Для цитирования: Кубарев Г.В. Миниатюрные предметы и изображения умерших в поминальной обрядности раннесредневекового населения Южной и Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 132–138. doi: 10.17223/15617793/521/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/14

Miniature items and images of the dead in memorial rites of early medieval population of Southern and Western Siberia

Gleb V. Kubarev¹

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, gvkubarev@gmail.com*

Abstract. Memorial objects were recorded in the immediate vicinity or in the area of the early medieval kurgans of Timiryazev-1 burial mound. They included anthropomorphic bronze masks from ritual dolls originally made of organic materials and a set of miniature models of things. However, such a phenomenon is not unique and characteristic only of early medieval archaeological sites of Western Siberia. It finds parallels in the memorial ritual of Turkic-speaking tribes of the Early Middle Ages in South Siberia and Central Asia. The author undertakes an overview and characterization of early medieval memorial monuments and associated with them images of the dead (in the form of dolls or stone sculptures) in the middle area of the Ob basin and the Russian Altai. About 30 memorial objects in the form of shallow pits containing sets of miniature objects are known at the Timiryazevsky-1 burial ground. However, similar memorial sites are represented in the Relka, Saigatinsky III burial grounds and other monuments in the middle area of the Ob basin. The number of ‘Timiryazev’ masks counts 12 exemplars, but there are more analogues in this region. The article presents a brief overview of memorial monuments of the Russian Altai, including square or rectangular enclosures and stone sculptures. The tradition of making miniature things for memorial rites survived on the territory of Southern and Western Siberia until ethnographic time. In spite of the differences in the contraction and form of memorial sites in Southern and Western Siberia, they are based on close worldview ideas about dead ancestor relatives, the idea of preserving the image of the deceased, caring for him, communication, and protection on his part. The sacralization of this ritual activity was emphasized by miniature and non-functional things, which were probably used for some time to perform certain rituals before they were put into memorial monuments. We cannot insist on direct genetic link between the cultures of the early medieval population of Altai and the middle area of the Ob basin, but considering the strong ‘Central Asian impulse’ in the material culture of the latter, we would not deny it. The tradition of construction of memorials, including miniature things and the image of a dead person, can be considered as another argument

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

for the migration of some groups of Turkic-speaking population from South Siberia to the middle area of the Ob basin. Moreover, the meridional direction of migrations along the great Siberian rivers Katun and Ob – unique arteries connecting various natural-climatic and geographical zones – appears to be quite natural and logical.

Keywords: memorial construction, Southern and Western Siberia, images of the dead, miniature, sacral objects

Financial support: The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation project No. 24-28-01323 "The phenomenon of Turkic stone sculptures and memorial structures in the Russian Altai: a comprehensive study", <https://rscf.ru/project/24-28-01323/>

For citation: Kubarev, G.V. (2025) Miniature items and images of the dead in memorial rites of early medieval population of Southern and Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 132–138. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/14

Введение

Благодаря современной методике исследования сплошным раскопом несколько лет назад томским археологам удалось сделать замечательное открытие на, казалось бы, хорошо изученном Тимирязевском-1 курганном могильнике. Речь идет о поминальных объектах, открытых в непосредственной близости или, собственно, в насыпях раннесредневековых курганов могильника, которые включали в себя антропоморфные бронзовые личины от ритуальных кукол, изготовленных первоначально из органических материалов, и комплекта миниатюрных моделей вещей [1, 2].

Пожалуй, наибольшее значение имеет факт обнаружения бронзовых антропоморфных личин – частей ритуальных кукол – в их первоначальном контексте, а именно, в составе поминальных объектов, содержащих миниатюрные, нефункциональные предметы. Однако такой феномен как использование изображения умершего, воплощавшего его душу (или одну из его душ), и комплекта миниатюрных предметов не является уникальным и характерным лишь для раннесредневековых археологических памятников Западной Сибири. Он находит параллели в поминальной обрядности тюркоязычных племен эпохи раннего Средневековья на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Сравнительному изучению этого любопытного феномена и посвящена данная статья.

Двойник умершего – вместилище его души

В специальной литературе по этнографии и археологии центральноазиатских и сибирских народов хорошо известны факты изготовления антропоморфных фигурок, воспроизводивших облик умершего человека и его душу или одну из его душ. С этим своеобразным двойником умершего сородичи общались, кормили, заботились о нём. Сама идея сохранения временного облика умершего после его смерти реализовывалась у разных народов Центральной Азии и Сибири в те или иные исторические периоды по-разному: в виде деревянной или тряпичной фигурки, каменного или деревянного изваяния, вероятно, посмертной маски и куклы, тула – чучела человека из его личной и самой лучшей одежды. Даже вертикально установленная у поминального сооружения каменная стела, вероятно, путем рисования облика умершего, либо с помощью облачения в его личную одежду могла служить для передачи облика человека. Многочисленные примеры

подобных посмертных изображений человека известны как по археологическим, так и по этнографическим материалам [3–8; 9. С. 467]. В некоторых случаях антропоморфная фигурка замещала в погребении-кенотафе умершего человека [3. С. 41. Рис. 68, 3]. По-видимому, причина, по которой фигурка, воспроизводившая образ умершего или его душу, помещалась в его погребение требует своего объяснения. Нас же, в первую очередь, интересуют факты сопровождения поминального сооружения двойником умершего.

В материалах Тимирязевского-1 курганного могильника исследователи упоминают 6 личин т.н. тимирязевского типа, приводят небольшой круг аналогий им, а также, по их мнению, не прямые аналогии этим изображениям [1. С. 77–29; 10. Рис. 11, 8; Рис. 12, 7; Рис. 44, 6; Рис. 51, 3]. В общей сложности, к личинам «тимирязевского» облика на территории Томско-Нарымского Приобья они отнесли 12 экз., включая одну личину из Релкинского могильника, а также случайные находки из Новосибирского областного краеведческого музея [1. С. 77–29; 11. Рис. 1, 2; 12. Рис. 34, 17]. Конечно, тимирязевские личины обладают определенными особенностями (в частности, наличие орнитоморфного головного убора у двух личин и линий на лице, возможно, передающих татуировки), однако их обособленность и уникальность явно преувеличена. Линии – «татуировки» – на лице также имеют стилистически отличные от «тимирязевских» личины [13. Рис. 21, 1; 14. Рис. 3, 4]. Нанесены они и на лицо бронзовой фигурки (аналога ритуальной куклы) из насыпи кургана 15 Тимирязевского-1 могильника [10. Рис. 26, 4] и бронзовой фигурки из Релкинского могильника (курган 6, могила 10 с трупосожжением (?)) [12. С. 19. Рис. 21, 3]. Учитывая археологический контекст нахождения многих других личин именно в составе поминальных комплексов, «тимирязевские» образцы, вероятно, можно рассматривать как локальный вариант личин ритуальных кукол в поминальной обрядности, существовавшей в эпоху раннего Средневековья на территории Среднего Приобья и частично Прииртышья. Авторы раскопок датируют «тимирязевскую» группу личин V–VIII вв. [1. С. 78; 2. С. 116].

Большинство исследователей, в том числе с опорой на этнографические данные, сходятся во мнении, что подобные металлические или деревянные личины являлись частью ритуальной куклы, воспроизводившей облик умершего человека и заключающей в себе его душу [1. С. 79, 80; 2. С. 116; 11. С. 235, 236; 13. С. 46, 47 и др.]. По этнографическим и письменным данным

«куклы по умершим» – *иттарма*, *итырма* и т.п. – на территории Западной Сибири зафиксированы у угорских, самодийских и тюркских народов, а также у кетов. Это подтверждают и многочисленные образцы деревянной антропоморфной скульптуры миниатюрных размеров XVI–XVIII вв. из археологических раскопок Усть-Войкарского городища [6]. Они выполнены в виде голов или лиц, бюстов или условно полных антропоморфных фигур. Как известно по сохранившимся археологическим экземплярам кукол, они были сшиты из меха или кожи, имели каркас из прутьев, а объем им придавал мох или трава. На лицевой части крепилась деревянная или бронзовая личина, к голове пришивалась прядь волос, возможно, человеческих [13. С. 29, 32, 33]. На территории Сургутского Приобья известно, по меньшей мере, 15 экз. деревянных и бронзовых личин и/или личин в составе сохранившихся ритуальных кукол [13. С. 26]. Они датируются второй половиной I тыс. н.э., преимущественно – VIII–IX вв. [13. С. 49]. Традиция изготовления подобных ритуальных кукол доживает в этом регионе до этнографической современности. Суммарно известно около 150 образцов миниатюрной деревянной антропоморфной скульптуры из Надымского, Полуйского городков и Усть-Войкарского городища [6. С. 109]. Причем с последнего происходит около половины из них, а датируются они преимущественно началом XVI – второй третью XVIII вв.

Важно подчеркнуть, что в большинстве случаев раннесредневековые личины от ритуальных кукол помещались в поминальные сооружения. Так, например, на Тимирязевском-1 могильнике известно около 30 скоплений миниатюрных предметов – поминальников, в большей части из которых куклы, помещенные в них, вероятно, были изготовлены из органических материалов и не были зафиксированы при археологических раскопках [1. С. 80; 2. С. 116]. В шести из них зафиксированы бронзовые антропоморфные личины. Как правило, поминальные сооружения представляли собой небольшую и неглубокую ямку (5–10 см) в межкурганном пространстве или в насыпи курганов. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что и другие местонахождения представляют собой поминальные сооружения – ритуальные куклы обнаружены в неглубоких ямах, часто завернутыми в бересту, в сопровождении немногочисленного инвентаря [11. С. 233; 12. Рис. 34, 17; 13. С. 30, 32]. В случаях с городищами ритуальные куклы часто захоранивались в не больших ямах во рвах, под обваловкой жилища, в пространстве между жилищами.

К настоящему времени подавляющее большинство исследователей уверены в том, что тюркские каменные изваяния Южной Сибири и Центральной Азии изображали собственно тюрков – представителей различных тюркоязычных племен, а также в поминальном характере оградок с изваяниями. Ваятели (особенно при работе со скульптурами знатных тюрков) старались добиться портретного сходства с умершим человеком. Каменное изваяние служило вместилищем души умершего, который символически участвовал в собственных поминках, что подчеркивается изображением сосуда в его руке. Данная интерпретация подкрепляется

многочисленными письменными источниками о *bediz* – «нарисованном облике» покойника, а также данными археологических и этнографических исследований [7, 8]. Г.А. Федоров-Давыдов сравнивал тюркское изваяние не только с временным вместилищем одной или нескольких душ умершего человека, но и с заместителем, двойником последнего [15. С. 92, 201]. Исследователь приводил письменные и этнографические данные о существовавшей у многих сибирских и центральноазиатских народов традиции изготовления после смерти мужчины его куклы, которую одевали, «кормили» и т.п., а по прошествии определенного времени хоронили или относили на кладбище. По его мнению, реалистичность и портретное сходство с умершим было необязательным, и кукла, и каменное изваяние не являлись предметом широкого культа, а почитались только ближайшими родственниками [15. С. 92, 201]. Эта гипотеза о скульптуре как двойнике покойного представляется мне наиболее убедительной и обоснованной. Изваяния изготавливались из камня, однако могли быть сделаны и из дерева, что подтверждают этнографические и археологические данные. Необработанный вертикально установленный у поминальной оградки камень также мог символизировать антропоморфную фигуру. Накопленные к настоящему времени данные все больше свидетельствуют о том, что тюркские каменные изваяния центральноазиатского региона изготавливались как для мужчин, так и для женщин. Кроме того, поминальные оградки или их скопления нередко отражают семейный или близкородственный характер этих сооружений. На сегодняшний день на территории Российского Алтая насчитывается около 340 раннесредневековых каменных изваяний. Однако если учесть, что многие из них более чем за тысячелетний период истории были вывезены с места первоначальной установки, разбиты и уничтожены врагами тюрков и других тюркоязычных кочевников, не сохранились, будучи изготовленными из дерева, или просто представляли собой слегка обработанные камни с антропоморфными очертаниями, то их количество должно было исчисляться сотнями. Подавляющее большинство из них датируется VII–VIII вв., меньшая их часть относится к VI и IX вв.

Таким образом, можно констатировать, что идея сохранения облика умершего человека, его своеобразного двойника хоть и воплощалась в разных формах на территории Южной и Западной Сибири, тем не менее являлась важной частью поминального обряда населения этих регионов, а также, вероятно, других, шаманских обрядов, направленных на достижение благополучия и достатка соплеменников.

Миниатюрные нефункциональные предметы в поминальном обряде

В своём исследовании, посвященном такому феномену как традиция помещения миниатюрных нефункциональных вещей в поминальные оградки тюркоязычных кочевников, я попытался привести наиболее полную информацию по подобным комплексам с территории Алтая, Монголии и Казахстана [9. С. 429–

479]. Речь идет о предметах, которые при уменьшении размеров теряют свою первичную функциональность, переходят в разряд сакральных и несут в себе лишь символический образ того самого предмета. Как правило, миниатюрные вещи помещались в жертвенную ямку квадратных или прямоугольных поминальных оградок или каменных ящиков, с восточной стороны которых зачастую устанавливались каменные изваяния и ряд из вертикально вкопанных камней – балбалов. Тюркские поминальные оградки, как правило, представляют собой квадратные сооружения, возведенные из вертикально вкопанных плит и имеющих внутреннее каменное заполнение. Стенки оградок (реже их углы) ориентированы по странам света. В центре многих из этих оградок фиксировались остатки вертикально вкопанного деревянного ствола. В набор миниатюрных предметов почти обязательно входил сосуд (деревянный, золотой или серебряный), блюдо или тарелка и нож. Это также могли быть нефункциональные бляхи поясных и уздечных (?) наборов, выполненных из золотой фольги, миниатюрные железные стремена и удила, пряжки, панцирные пластины, модели наконечников копий и палашей и другие предметы [9. Рис. 240–242, 248, 249, 251, 255]. Деревянные сосуды могли отличаться не только своими небольшими размерами, но и отсутствием как таковой полости внутри [9. Рис. 247, 1]. Наконец, в жертвеннике Бильгэ-кагана были обнаружены комплекты золотой и серебряной посуды миниатюрных размеров, золотой миниатюрный пояс [9. Рис. 254]. Часто встречались кости животных как остатки заупокойной пищи. Значительно реже миниатюрные предметы представлены в т.н. «ритуальных» курганах раннетюркского времени Алтая – по сути одной из разновидностей поминальных сооружений округлой или подовальной формы местного тюркоязычного населения [16. С. 125. Рис. 3, 1–6]. На сегодняшний день на территории Российского Алтая раскопано более 320 поминальных оградок. Количество подобных неисследованных объектов не поддается точному подсчету и исчисляется сотнями.

Бронзовые личины, интерпретируемые как составная часть ритуальных кукол, в материалах Томско-Нарымского Приобья были известны уже давно [11; 12. С. 97, 98. Рис. 21, 1-3. Рис. 34, 17; 10. Рис. 11, 8; Рис. 12, 7; Рис. 44, 6; Рис. 51, 3]. Еще Л.А. Чиндина отмечала связь антропоморфных личин и скоплений миниатюрных предметов и в качестве одного из вариантов интерпретации этих комплексов рассматривала погребения кукол – вместилища души умерших [12. С. 96–98]. Она отмечала тот факт, что по этнографическим данным миниатюрные вещи (серьги, ожерелья, ведра, поварёшки и др.) использовались в обряде почитания умерших предков [12. С. 98]. Беликова О.Б. и Плетнёва Л.М. рассматривали захоронения антропоморфных изображений как части кукол, а отдельные предметы, и предметы в сосудах на небольшой глубине как вещественные остатки поминок, но не связывали между собой эти два явления [10. С. 111, 112]. Необходимо отметить, что и многие образцы антропоморфной миниатюрной скульптуры XVI–XVIII вв. из Усть-Войкар-

ского городища были обнаружены в скоплениях предметов и, в том числе, миниатюрных, ритуальных (деревянная модель палаша, votивные наконечники стрел и др.) [6. С. 115].

Сложно переоценить значение уже упомянутых, исследованных поминальных объектов на Тимирязевском-1 могильнике, содержавших бронзовые личины от кукол и набор миниатюрных предметов, а также интерпретацию в общей сложности около 30 таких объектов как поминальных [1, 2]. Как правило, в таких скоплениях предметов встречаются миниатюрных размеров керамические сосуды, ножи, тесла, пряжки, наконечники стрел. Зачастую сосуды не имеют следов бытового использования. За редкими исключениями подобные миниатюрные предметы не встречаются в погребениях могильников на территории Среднего Приобья.

Необходимо отметить, что в погребениях с конем на территории Саяно-Алтая и Центральной Азии до сих пор не встречались деревянные или металлические фигурки или остатки кукол – воплощения души умершего человека. Как не отмечены в них и находки уменьшенных и нефункциональных предметов. В то время как у поминальных оградок тюркоязычных кочевников, как правило, устанавливалось каменное изваяние или стела, воспроизводившая облик умершего человека и являвшаяся вместилищем его души, а «классический» набор предметов в жертвеннике поминальной оградки нужно полагать включал миниатюрные, нефункциональные вещи [9. С. 475]. Тем любопытней тот факт, что миниатюрные предметы конского снаряжения, включающие 5 бляшек узды, стремя и панцирную пластину были обнаружены в погребении согдийца Ши Даолу (Shi Daoluo) в Нинся-Хуэйском автономном регионе Китая [17. Р. 37]. Известно, что он умер в 655 году. Вертман П. пишет о votивных вещах в погребении согдийца как о результате кочевнического влияния, т.к. умерший жил в контактной зоне с тюрками [17. Р. 37].

Как свидетельствуют этнографические данные по тюркоязычным народам Южной Сибири, votивные вещи имели сакральный смысл и использовались, прежде всего, в шаманской практике. На мой взгляд, в отношении интерпретации миниатюрных, нефункциональных предметов из тюркских оградок и поминальников Среднего Приобья самое пристальное внимание заслуживает редкий обрядовый предмет теленгитов – оттын залазы – 16-метровая крученая шерстяная веревка с привязанными миниатюрными деревянными и кожаными изображениями орудий труда, утвари и различных сосудов [9. С. 469, 470, 477]. Известно, что этот предмет являлся необходимой принадлежностью обряда камлания духу огня. Вероятно, такое же назначение имели votивные вещи из теленгитского ритуальногоклада, найденного в верховьях р. Камтыттуем, на Алтае [9. С. 470]. Огонь играл исключительно важную роль в ритуальной практике кочевников и, в том числе, в погребально-поминальной обрядности. Как известно, с помощью огня «кормили» сүне-зи/сүнезин – душу умершего. Можно предположить, что прежде, чем по-

пасть в поминальные сооружения специально изготовленные миниатюрные и нефункциональные вещи какое-то время могли использоваться в шаманских обрядах, направленных не только на поминовение и «общение» с умершим, но и на достижение достатка, излечения от

болезней, бесплодия и т.п. По этнографическим данным известно, что нанизанные на веревку миниатюрные предметы, будучи символами благополучия, как бы опосредовали связь социума с миром верховных покровителей и божеств, миром людей и миром духов.

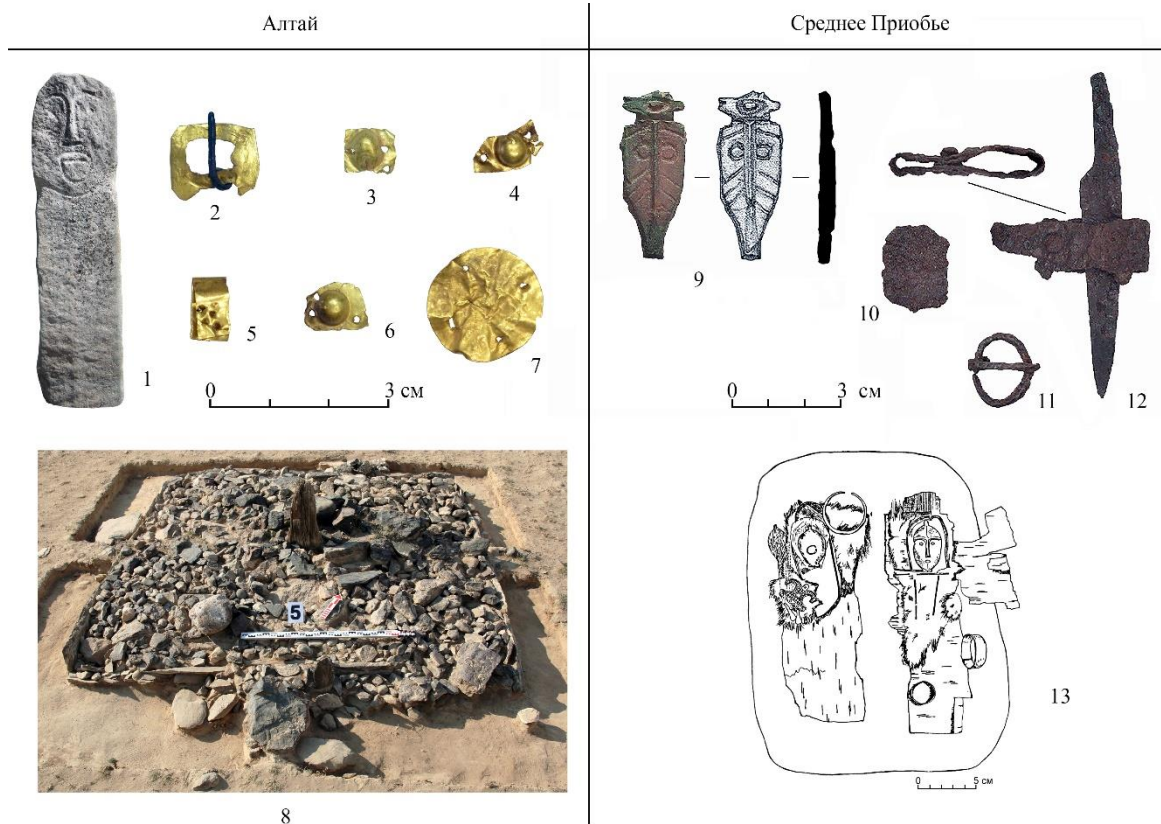

Рис. 1. Сравнительная таблица поминальных сооружений, антропоморфных изображений и набора миниатюрных предметов с территории Российского Алтая и Среднего Приобья (1–7 – Чадыр; 8 – Кызыл-Шин, оградка 5; 9–12 – Тимирязевский-1 курганный могильник, погребение 1; 13 – Сайгатинский III могильник): 1 – изваяние; 2–7 – детали миниатюрного поясного (?) набора; 8 – поминальная оградка; 9 – антропоморфная личина; 10 – пластина; 11 – миниатюрная пряжка; 12 – миниатюрный нож в обойме; 13 – план ямки с ритуальными куклами. 1 – камень; 2 – серебро, золотая фольга; 3–7 – золотая фольга; 8 – бронза; 9–11 – железо (1–8 – фото Г.В. Кубарева; 9–12 – по: Зайцева, Водясов. 2018. Рис. 5; 13 – по: Карачаров, 2002. Рис. 9)

Заключение

После исследования поминальных комплексов на территории Тимирязевского-1 курганного могильника в Томском Приобье у меня появилась уникальная возможность верифицировать свои выводы и сопоставить данные по поминальной обрядности раннесредневекового населения разных районов Южной и Западной Сибири. По основным характерным чертам они представляются идентичными: изображение умершего в виде каменного изваяния или антропоморфной фигуры с бронзовой или деревянной личиной (антропоморфной фигуры, целиком отлитой из бронзы), жертвенная ямка, в которую складывается набор миниатюрных предметов, почти в обязательном порядке включающим сосуд и нож. Интерпретация авторов раскопок Тимирязевского-1 курганного могильника бронзовых антропоморфных личинок как составной части куклы человека, сделанной из органических материалов, а также их связь с набором миниатюрных предметов

представляется бесспорной. Более того, она также подтверждает поминальный характер тюркских оградок Алтая.

Несмотря на вышеупомянутые отличия в устройстве поминальных объектов Южной и Западной Сибири, в их основе лежат близкие мировоззренческие представления об умерших родственниках-предках, идея сохранения облика умершего, заботы о нем, коммуникации с ним, его защиты. Сакральность этой обрядовой деятельности подчеркивалась миниатюрными и нефункциональными вещами, которыми, вероятно, какое-то время пользовались для совершения определенных ритуалов, прежде чем они попадали в поминальные памятники.

Изготовление миниатюрных копий предметов для обрядовых или шаманских церемоний продолжалось у потомков тюркоязычных племен эпохи раннего Средневековья – теленгитов – вплоть до этнографической современности. Можно предположить, что назначение подобных миниатюрных предметов у тюрков было близким к этнографическим образцам: моление или

камлание духу огня и не только в адрес души (духа) умершего, но и в более широком контексте. По этнографическим данным известно, что с просьбами о защите, благоденствии, излечении от болезней обращались не только к божествам, но и к предкам (в том числе, на их могилах или поминальниках).

Мы не можем утверждать прямую генетическую связь между культурами раннесредневекового населения Алтая и Среднего Приобья, однако, учитывая сильный «центральноазиатский импульс» в материальной культуре последнего, не будем и отрицать её.

На мой взгляд, традиция сооружения поминальников, включающих миниатюрные предметы и изображение умершего человека, может рассматриваться как ещё один аргумент в пользу переселения каких-то групп тюркоязычного населения с Южной Сибири на территорию Среднего Приобья. К тому же, меридиональное направление миграций вдоль великих сибирских рек Катунь и Обь – своеобразных артерий, связывающих различные природно-климатические и географические зоны – представляется вполне естественным и закономерным.

Список источников

1. Зайцева О.В., Беликова О.Б., Водясов Е.В. Антропоморфные бронзовые личины Тимирязевского-1 курганного могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 1 (45). С. 74–81. doi: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.074-081
2. Зайцева О.В., Водясов Е.В. Грунтовое погребение Тимирязевского-1 курганного могильника с комплексами миниатюрных предметов // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 113–118. doi: 10.17223/15617793/434/14
3. Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. 192 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).
4. Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до н.э. – первых веков нашей эры // ТрТКАЭЭ. М.–Л. : Наука, 1966. С. 185–291. (Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. Вып. II).
5. Федоров-Давыдов Г.А. Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья // Новое в советской археологии. М. : Наука, 1965. С. 275–277. (МИА. № 130).
6. Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В., Бауло А.В. Антропоморфная миниатюрная скульптура с Усть-Войкарского городища: хронология, контекст, семантика // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. № 2 (52). С. 108–118. doi: 10.17746/1563-0102.2024.52.2.108-118
7. Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964. № 2. С. 27–35.
8. Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния: воплощение эпических героев или воинов-предков? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 136–144.
9. Кубарев Г.В. Мир в миниатюре: традиция помещения votivных вещей в древнетюркские поминальные оградки // Алтынбеков К., Бородавский А.П., Быков Н.И., Вадецкая Э.Б., Давыдов Е.А., Деревянко А.П., Досаева Д.К., Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., Журавлева А.Д., Казаков В.В., Ковалёв В.С., Константинов Н.А., Кубарев Г.В. и др. Алтай в кругу евразийских древностей / отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск, 2016. С. 429–479.
10. Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск : Изд-во ТГУ, 1983. 244 с.
11. Чиндина Л.А. Древние личины из Васюганья // Советская археология. 1971. № 4. С. 233–236.
12. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. 193 с.
13. Карачаров К.Г. Антропоморфные куклы с личинами VIII–IX вв. из окрестностей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. С. 26–52.
14. Конончук К.В., Марочкин А.Г. Предметы художественной металлопластики из окрестностей Томской писаницы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 3 (46). С. 83–91. doi: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.083-091
15. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М. : Искусство, 1976. 228 с.
16. Серегин Н.Н., Васютин С.А. «Ритуальные» курганы могильника Кок-Паш (Восточный Алтай): к вопросу о формировании культурного комплекса раннесредневековых тюрков // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 124–143.
17. Wertmann P. Sogdians in China. Archaeological and art historical analyses of tombs and texts from the 3rd to the 10th century AD. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2015. 336 p. (Archaeology in China and East Asia. Vol. 5).

References

1. Zaitseva, O.V., Belikova, O.B., Vodyasov, E.V. (2017) Antropomorfnye bronzovye lichiny Timiryazevskogo-1 kurgannogo mogil'nika [Anthropomorphic bronze masks from the Timiryazev-1 burial ground]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1 (45). pp. 74-81. (In Russian). doi: 10.17746/1563-0102.2017.45.4.074-081
2. Zaitseva, O.V., Vodyasov, E.V. (2018) Gruntovoe pogrebenie Timiryazevskogo-1 kurgannogo mogil'nika s kompleksami miniatyurnykh predmetov [The ground burial of the Timiryazev-1 burial mound with complexes of miniature objects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. – *Tomsk State University Journal*. 434. pp. 113-118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/434/14
3. Tishkin, A.A., Mylnikov, V.P. (2016) *Derevoobrabotka na Altae vo II v. do n.e. – V v. n.e. (po materialam pamiatnikov Yaloman-II i Bosh-Tuu-I)* [Woodworking in Altai in the 2nd century BC – 5th century AD (based on materials from Yaloman-II and Bosh-Tuu-I sites)]. Barnaul: Publishing House Alt. University. (In Russian).
4. Vainshtein, S.I., Dyakonova, V.P. (1966) Pamyatniki v mogil'nike Kokel' kontsa I tys. do n.e. – pervykh vekov nashei ery [Archaeological sites in the Kokel burial ground of the late 1st millennium BC – first centuries AD]. In: Potapov, L.P. (ed.) *Trudy Tuvinskoy kompleksnoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition]. Vol. 2. Moscow – Leningrad: Nauka. pp. 185-291. (In Russian).
5. Fedorov-Davydov, G.A. (1965) Bronzovye figurki cheloveka iz srednevekovykh pamyatnikov Povolzh'ya [Bronze human figurines from medieval sites of the Volga Region]. In: Krupnov, E.I. (ed.) *Novoe v sovetskoi arkheologii* [New in Soviet Archaeology]. Moscow: Nauka. pp. 275-277. (In Russian).
6. Garkusha, Yu.N., Novikov, A.V., Baulo, A.V. (2024) Antropomorfnyaya miniatyurnaya skulptura s Ust-Voykarskogo gorodishcha: khronologiya, kontekst, semantika [Miniature anthropomorphic sculptures from the Ust-Voykary: chronology, context, semantics]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2 (52). pp. 108-118. (In Russian). doi: 10.17746/1563-0102.2024.52.2.108-118
7. Kyzlasov, L.R. (1964) O naznachении drevnetiurkskikh kamennykh izvayaniy, izobrazhayushchikh lyudei [On the purpose of ancient Turkic stone statues depicting humans]. *Sovetskaya Arkheologiya*. 2. pp. 27-35. (In Russian).
8. Kubarev, G.V. (2007) Drevnetiurkskie izvayaniya: voploschenie epicheskikh geroev ili voinov-predkov? [Ancient Turkic statues: epic hero or warrior ancestor?] *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 1 (29). pp. 136-144. (In Russian).

9. Kubarev, G.V. (2016) Mir v miniatyure: traditsiya pomeshcheniya votivnykh veshchei v drevnetiurkskie pami-nal'nye ogradki [World in miniature: tradition of placement of votive items in ancient Turkic memorial enclosures]. In: Derevyanko, A.P., Molodin, V.I. (eds.) *Al'tai v krugu evraziyskikh drevnostey* [Altai among the Eurasian antiquities]. Novosibirsk. pp. 429–479. (In Russian).
10. Belikova, O.B., Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya v V–VIII vv. n.e.* [Tomsk Ob Region archaeological sites in the 5th–8th Centuries AD]. Tomsk: Publishing house of Tomsk State University. (In Russian).
11. Chindina, L.A. (1971) Drevnie lichiny iz Vasyuganya [Ancient masks of Vasyugan]. *Sovetskaya Arkheologiya*. 4. pp. 233–236. (In Russian).
12. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Srednei Obi* [Relka burial ground on the Middle Ob River]. Tomsk: Publishing house of Tomsk State University. (In Russian).
13. Karacharov, K.G. (2002) Antropomorfnye kukly s lichinami VIII–IX vv. iz okrestnostei Surguta [Anthropomorphic dolls with faces of the 8th–9th centuries found near Surgut]. In: Vizgalov G.P. (ed.) *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri* [Materials and research on the history of Northwest Siberia]. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural State University. pp. 26–52. (In Russian).
14. Kononchuk, K.V., Marochkin, A.G. (2018) Predmety khudozhestvennoi metalloplastiki iz okrestnostei Tomskoi pisanitsy (Artistic metalwork found near the Tomskaya Pisanitsa). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 3 (46). pp. 83–91. (In Russian). doi: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.083-091
15. Fedorov-Davydov, G.A. (1976) *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoy Ord: (Ocherki kultury i iskusstva narodov Evraziyskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov)* [The art of nomads and the Golden Horde: essays on the culture and art of the peoples of the Eurasian Steppes and cities of the Golden Horde]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
16. Seregin, N.N., Vasyutin, S.A. (2020) "Ritual'nye" kurgany mogil'nika Kok-Pash (Vostochnyi Altai): k voprosu o formirovanii kul'turnogo kompleksa rannesrednevekovykh tyurkov ['Ritual' mounds on the Kok-Pash burial site (Eastern Altai): the formation of a cultural complex of early medieval Turks]. *Sibirskiye istoricheskie issledovaniya*. 1. pp. 124–143. (In Russian).
17. Wertmann P. Sogdians in China. Archaeological and art historical analyses of tombs and texts from the 3rd to the 10th century AD. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2015. 336 p. (Archaeology in China and East Asia. Vol 5.).

Информация об авторе:

Кубарев Г.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: gvkubarev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.V. Kubarev, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gvkubarev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.11.2024;
одобрена после рецензирования 18.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 21.11.2024;
approved after reviewing 18.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 621.396(470)(091)"2000/2010"
doi: 10.17223/15617793/521/15

Эволюция телекоммуникационных технологий в начале XXI века (по материалам журнала «Радио», 2000–2010 гг.)

Владимир Викторович Миркин¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vvmvcv@gmail.com

Аннотация. Рассматривается смена парадигмы в сфере телекоммуникационных технологий. На основе материалов журнала «Радио» реконструируется процесс освоения ключевых цифровых платформ в российском радиолюбительском сообществе начала XXI века. Показано, как восприятие «связи как радиоволны» было вытеснено концепцией «связи как потока данных», что привело к кардинальной трансформации инженерных практик и посредством деконструкции и адаптации проприетарных систем потребовало приобретения новых компетенций.

Ключевые слова: телекоммуникации, Интернет, сотовая связь, журнал «Радио», история технологий, радиолюбительство

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Миркин В.В. Эволюция телекоммуникационных технологий в начале XXI века (по материалам журнала «Радио», 2000–2010 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 139–150. doi: 10.17223/15617793/521/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/15

The Evolution of Telecommunication Technologies in the Early 21st Century (A Study Based on Radio Journal (2000–2010))

Vladimir V. Mirkin¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vvmvcv@gmail.com

Abstract. This article addresses a significant gap in the historiography of post-Soviet technology by examining the evolution of telecommunication technologies at the micro-level of the Russian amateur radio community. The study aims to reconstruct the process of reception, deconstruction, and practical adaptation of new digital platforms (Internet, GSM, GPS) during the first decade of the 21st century. The central goal is to analyze the fundamental paradigm shift in the consciousness and engineering practices of this community, as it navigated the transition from an analog, ether-centric world to a global digital landscape. The research is based on a targeted selection of publications from *Radio* journal (2000–2010), the leading industry publication in Russia. During this period, the journal served not merely as a collection of technical articles but as a key discursive field where engineering thought crystallized. It provides a unique historical source, documenting in real time the dynamic transformation of approaches, the shift in technological priorities, and the evolution of core competencies within the most technically skilled segment of Russian society. The methodology employs a complex approach combining historical-retrospective, problem-chronological, and content analysis methods. Instead of a linear review, a problem-chronological method was applied, structuring the material into thematic blocks corresponding to the adoption of specific technologies. Within each block, a qualitative content analysis was conducted, focusing on indicators of the technological shift, such as the evolution of the lexicon, the transformation of rhetorical arguments used by authors, changes in publication types, and the evolution of the visual series from hardware schematics to protocol diagrams and software screenshots. The study first reconstructs the dominant “communication as a radio wave” paradigm that defined the community at the turn of the century. It then analyzes the community’s reaction to closed, proprietary systems like GPS and GSM, a reaction characterized by “engineering skepticism” and analytical deconstruction rather than attempts at replication. A central part of the research is dedicated to the adoption of the Internet, which was perceived not as a closed system but as a new, open environment. This process is traced from initial practical tutorials to the creation of hybrid systems, such as VoIP gateways, which integrated IP protocols directly into radio practice. The final stage of this evolution is demonstrated by the construction of native network nodes and even philosophical reflections on the social consequences of total connectivity. The research confirms the central hypothesis of a fundamental paradigm shift from “communication as a radio wave” to “communication as a data stream.” The study concludes that this was not merely a technological substitution but a profound transformation of the engineering culture and identity of the radio amateur.

Keywords: telecommunications, Internet, mobile communication, "Radio" magazine, history of technology, amateur radio

Financial support: This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2024-0008.

For citation: Mirkin, V.V. (2025) The Evolution of Telecommunication Technologies in the Early 21st Century (A Study Based on Radio Journal (2000–2010)). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 139–150. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/15

Начало XXI в. стало периодом фундаментальных технологических сдвигов, которые в значительной степени определили современный цифровой ландшафт. Трансформация телекоммуникационных технологий выступает ключевым аспектом этого процесса, отражая не только глобальные тенденции, но и специфику интеграции отдельных стран и сообществ в мировое информационное пространство. Настоящая статья посвящена анализу этого процесса на примере российского радиолюбительского сообщества, чья реакция на технологические вызовы представляет собой своеобразный, по-своему уникальный пример адаптации, осмысления и практического освоения цифровых реалий.

Корпус исторических, историко-технических работ, посвящённых развитию российских телекоммуникаций и радиоэлектроники в постсоветский период, находится в стадии формирования. Если для периода 1990-х гг. существует определённый, хотя и немногочисленный, корпус исследований, то для первого десятилетия XXI в. он ещё более фрагментарен, что обусловлено минимальной исторической дистанцией. Существующие на данный момент работы можно условно разделить на несколько направлений. Во-первых, это труды экономистов и социологов, анализирующих макроуровневые процессы: становление рынка сотовой связи, формирование Рунета как социального феномена, экономику цифровых медиа. Во-вторых, это большое количество узкоспециализированной технической литературы и мемуаристики от участников событий, которые могут выступать в качестве технических источников или источников личного происхождения для последующих исторических исследований. Наконец, сохраняют свою актуальность труды по истории отечественной электроники, телекоммуникаций, радиотехники таких авторов, как М.А. Быховский, В.П. Борисов [1, 2] и др., однако тематика и содержание их публикаций лишь фрагментарно охватывают период технологической трансформации начала XXI в.

Таким образом, несмотря на наличие работ, освещающих экономические и социальные аспекты цифровизации, практически неизученным остается микроуровень технологической истории: процесс осмысления, деконструкции и практической адаптации новых платформ (Интернет, GSM, GPS и др.) непосредственно самим техническим сообществом. Настоящая статья, основанная на анализе отраслевого издания, призвана частично восполнить этот пробел.

Источниковую базу настоящей статьи составляют публикации одного из ведущих отраслевых изданий – журнала «Радио». В рассматриваемый период он являлся не просто сборником технических статей, а клю-

чевым дискурсивным полем, на котором кристаллизовалась инженерная мысль. Публикации журнала служат уникальным источником, документирующим в динамике трансформацию подходов, смену технологических приоритетов и эволюцию ключевых компетенций наиболее квалифицированной части российского сообщества инженеров и радиолюбителей-практиков. Анализ его публикаций позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать, как новые технологии, от Интернета до спутниковой связи, проникали в сознание и инженерную практику того времени. К началу 2000-х гг. издание прошло трудный путь адаптации к новым рыночным условиям существования. Журнал сохранил свой коллектив, уникальный облик и востребованность в радиолюбительском сообществе – хотя и в меньших масштабах, нежели в советский период. Издание также сохранило свою периодичность (раз в месяц) и объём выпусков – от 70 до 90 страниц в каждом номере. С 1998 г. по 2010 г. главным редактором журнала являлся известный в радиосообществе специалист Юрий Игнатьевич Крылов. Состав редакционной коллегии, формируемый из признанных экспертов ведущих научно-исследовательских институтов и промышленных предприятий, обеспечивал высокий научный и практический уровень публикуемых материалов.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении и анализе ключевых тенденций в эволюции телекоммуникационных технологий начала XXI в., а также в определении специфики их восприятия и практического освоения российским радиолюбительским сообществом по материалам журнала «Радио». Для достижения цели необходимо реконструировать доминирующую парадигму радиосвязи на начало периода; проанализировать этапы освоения ключевых цифровых технологий (Интернет, сотовая и спутниковая связь, цифровое вещание); выявить изменения в инженерных подходах и наборе ключевых компетенций радиолюбителей; подтвердить или опровергнуть гипотезу о фундаментальной смене технологической парадигмы.

Центральной гипотезой в данном случае является предположение о том, что в период с 2000 по 2010 гг. на страницах журнала произошла фундаментальная трансформация самого понятия «связь». Если в начале десятилетия доминировала парадигма «связи как радиоволны в эфире», центрированная на физических свойствах распространения электромагнитных колебаний, то к его концу она была в значительной степени дополнена и вытеснена новой парадигмой – «связи как потока данных», где физическая среда передачи становится вторичной по отношению к протоколам и методам управления цифровой информацией.

Методологической основой данной работы стал комплексный подход, сочетающий в себе элементы историко-ретроспективного, проблемно-хронологического и контент-аналитического методов. Исследование было построено на целенаправленной выборке из журнала «Радио» публикаций за период с 2000 по 2010 г., тематически релевантных процессу освоения новых телекоммуникационных технологий. Для обзора массива отобранных статей был применён проблемно-хронологический метод, при котором материал был структурирован по ключевым тематическим блокам, соответствующим освоению конкретных технологий (ПК, глобальные навигационные системы и система сотовой связи, Интернет, цифровое радиовещание). Такая стратегия позволила не просто зафиксировать появление тех или иных тем, а проследить внутреннюю логику и поэтапную эволюцию освоения каждой конкретной технологии – от первоначального теоретического осмысления до практической интеграции.

В рамках каждого тематического блока проводился контент-анализ. Особое внимание уделялось качественным показателям, маркирующим технологический сдвиг, таким как эволюция лексического аппарата, отражающая внедрение новых концепций (появление и закрепление в языке радиолюбителей новой терминологии – «браузер», «IP-пакет», «стек протоколов» и т.д.), трансформация риторики авторов, обосновывающих необходимость освоения новых технологий. Также анализировалось изменение типологии публикаций, фиксирующее переход от теоретических обзоров к конструкторским разработкам, а затем – к статьям, осмысляющим социальные последствия технологий; эволюция визуального ряда от классических принципиальных схем к блок-схемам протоколов, скриншотам программных интерфейсов и веб-страниц. На завершающем этапе полученные данные были синтезированы и интерпретированы в широком историко-техническом контексте, что позволило не просто описать содержание публикаций, а реконструировать сам процесс фундаментальной смены технологической парадигмы в сознании и инженерной практике российского радиолюбительского сообщества.

В качестве отправной точки для анализа эволюции телекоммуникационных технологий необходимо реконструировать ту доминирующую парадигму, в рамках которой существовало и мыслило себя российское радиолюбительское сообщество на рубеже 2000-х гг. Эта парадигма была прочно центрирована вокруг концепта «эфира» не просто как физического пространства, но как основной, самоценной и практически единственной среды для осуществления дальней радиосвязи. Анализ публикаций в журнале «Радио» за этот период неопровержимо свидетельствует, что именно работа с радиоволнами в эфире определяла идентичность, цели и ключевые компетенции радиолюбителя.

Ярким маркером, иллюстрирующим данный тезис, является статья «Международный КВ маяк в России!» [3]. Сам факт того, что запуск автоматического коротковолнового маяка освещается как событие нацио-

нального масштаба, подчёркивает высокий статус и актуальность традиционной КВ-инфраструктуры в глазах сообщества. Ключевой задачей маяка провозглашалось «изучение прохождения радиоволн». Это означает, что объектом исследования являлась сама радиоволна и её физическое поведение в ионосфере. Связь в этой парадигме – это не столько передача информации, сколько сам факт установления контакта, физического преодоления расстояния посредством электромагнитных колебаний.

Одновременно с доминированием эфирной парадигмы, в технологический ландшафт радиолюбительства всё глубже проникает новый, в перспективе революционный, актор – персональный компьютер (ПК). Его появление и активное освоение являются вторым ключевым элементом, характеризующим «точку отсчёта». Публикации этого периода показывают, что первоначальная роль ПК в радиолюбительской практике была строго инструментальной и вспомогательной. Компьютер не рассматривался как самодостаточная коммуникационная среда, способная заменить эфир, а скорее как сложный, многофункциональный, но все же «периферийный» прибор, чьи возможности предстояло интегрировать в устоявшиеся практики.

Публикация таких материалов, как статья А. Ломова «IBM PC: первое знакомство» [4], свидетельствует о недостаточной компьютерной грамотности аудитории журнала в рассматриваемый период. В статье в доступной форме излагались фундаментальные сведения о базовой архитектуре ПК, назначении его ключевых компонентов и принципах работы операционной системы. Вводный, образовательный по своей сути, характер материала указывает на то, что для значительной части технически компетентной читательской аудитории, специализировавшейся на аналоговой электронике, персональный компьютер оставался малоизученной областью. В этих условиях редакция журнала «Радио» фактически брала на себя миссию первичного технологического просветительства, способствуя преодолению концептуального разрыва между аналоговой и цифровой культурами.

Важным индикатором, характеризующим методологию освоения ПК, является пристальное внимание журнала к аппаратным интерфейсам – COM- и LPT-портам. Именно через эти физические порты, обеспечивающие прямой аппаратный доступ, радиолюбительское сообщество, мыслящее в категориях «железа», начинает выстраивать «мост» к новой цифровой реальности. Статьи Р. Кусяпкулова [5], С. Кулешова [6] и др. демонстрируют, что первостепенной задачей виделось не использование компьютера для выхода в глобальные сети, а его прямое сопряжение с существующей аппаратурой: трансиверами, программаторами, самодельными измерительными устройствами. Это был когнитивно комфортный и объективно доступный путь: управление новой абстрактной сущностью (программой) через понятные, физически осязаемые «точки входа» (разъёмы).

Однако этот этап «аппаратной» интеграции оказался весьма непродолжительным. Технологический

прогресс в самой компьютерной индустрии стремительно обесценивал полученные навыки. Появление всего двумя годами позднее статьи «Преобразователи интерфейса USB...» [7] фиксирует существенный сдвиг: проблема смещается от «как запрограммировать порт?» к «что делать, когда привычных портов больше нет?». Данная публикация показывает принципиально новый этап во взаимодействии с ПК – в отличие от прямого доступа к регистрам COM/LPT, стандарт USB вводит уровень *абстракции*. Радиолюбителю предлагается использовать готовую микросхему-преобразователь, которая инкапсулирует в себе всю сложность протокола. При этом основная сложность конструирования смещается из области схемотехники в область программного обеспечения: установка драйверов, работа с «виртуальными СОМ-портами», взаимодействие с операционной системой на новом, более высоком уровне.

Таким образом, даже на протяжении такого короткого периода наблюдается фактически полная траектория начального освоения ПК: от базового знакомства [4] и инструментальной интеграции через аппаратные порты [5, 6] до вынужденного перехода к работе с высокоуровневыми интерфейсами и программными абстракциями [7]. На этом этапе компьютер ещё не стал основной средой для коммуникации, но уже прочно утвердился в роли универсального инструмента для управления, измерения и анализа – в том числе и для осмысления таких сложных систем, как GPS или спутниковая связь. Именно это подготовило почву для следующего, более глубокого этапа трансформации, когда компьютер из вспомогательного инструмента начал превращаться в самодостаточную коммуникационную платформу.

Параллельно с освоением персонального компьютера, заметное место на страницах журнала «Радио» начали занимать публикации, посвящённые новой категории явлений: глобальным телекоммуникационным и навигационным системам. В отличие от традиционной радиоаппаратуры, которую радиолюбитель мог спроектировать, собрать и настроить самостоятельно, эти новые технологии – сотовая и спутниковая связь, системы глобального позиционирования GPS, ГЛОНАСС – представляли как сложные, проприетарные, коммерческие или военные инфраструктуры, что невольно порождало в технически «подкованном» сообществе стремление к их аналитической деконструкции и критическому осмыслению.

Показательным примером такого «инженерного скепсиса» является статья В. Курышева «GPS – так ли все просто и надежно?» [8]. Автор не ограничивается описанием потребительских качеств, а целенаправленно вскрывает фундаментальные принципы и, что особенно важно, врождённые ограничения системы. Особое внимание уделяется военному происхождению GPS и существованию режима «селективного доступа» – искусственного ухудшения точности определения координат для гражданских пользователей, который на тот момент контролировался министерством обороны США. Введение этой информации в дискурс формировало у радиолубительской аудитории трезвое

и критическое понимание: GPS – это не общедоступное благо, а сложная система двойного назначения с управляемыми извне параметрами точности.

Аналогичным образом рассматривались и новые системы связи. В статьях А. Голышко «Особенности сотовой связи» [9], И. Матвеевко «Глобальная мобильная спутниковая связь в России...» и др. [10, 11] эти технологии представлены прежде всего как масштабные, закрытые инфраструктуры, созданные крупными корпорациями.

В публикации И. Матвеевко важнейшим аспектом является технико-экономический анализ: оперируя такими категориями, как стоимость терминалов и цена минуты разговора, автор позиционирует данную технологию как коммерческий продукт, недоступный на тот момент для массового или любительского использования. Это формировало у читателя принципиально иное представление о связи. Традиционная КВ-связь как пространство свободного, хотя и регламентированного, доступа в «бесплатный» эфир, по сути, противопоставлялась новым коммуникационным системам как сфере услуг, тарифов и абонентской платы, что являлось своеобразным предвестником перехода от парадигмы «связь как хобби» к «связи как сервиса».

В отличие от GPS или спутниковой телефонии, Интернет, несмотря на его инфраструктурную сложность, подавался не столько как закрытая коммерческая система, сколько как новое цивилизационное явление, своего рода новая среда обитания [12]. Лексика публикации А. Голышко («захват планеты», «информационная революция»), акцент на экспоненциальном росте и глобальном масштабе позиционировали всемирную сеть как открытый, децентрализованный и саморазвивающийся феномен. В целом, отношение к телекоммуникационным технологиям в радиолубительском сообществе начала 2000-х гг. характеризовалось, с одной стороны, критическим анализом и «демистификацией» закрытых систем (GPS, спутниковая связь), а с другой – осознанием появления принципиально новой, глобальной и общедоступной среды (Интернет). Начало XXI столетия явилось тем моментом, когда новая парадигма «связь как поток данных» перестаёт быть теоретической абстракцией и начинает воплощаться в конкретных, доступных для радиолубителя технологиях и практиках. Этот концептуальный сдвиг нашёл своё отражение в нескольких ключевых публикациях, демонстрирующих необратимость начавшихся изменений.

Показательным примером практической реализации новой парадигмы стала *IP-телефония*. В статьях А. Бобылева, К. Сенвика и П. Попандопуло [13, 14], посвящённых этой технологии, широкой радиолубительской аудитории наглядно демонстрировалось, как одна из фундаментальных форм человеческой коммуникации – голос – может быть полностью дематериализована. Голос, традиционно передаваемый как аналоговый сигнал по физическим линиям или как модулированная радиоволна в эфире, в новой концепции превращался в оцифрованный, сжатый, упакованный в IP-пакеты и отправленный через Интернет поток данных.

В этой модели он становится неотличим от любого другого цифрового контента, будь то веб-страница или электронное письмо. Публикации формировали у читателя новый технический язык, где ключевым становится не «качество прохождения сигнала», а «уровень качества услуг» (Quality of service – QoS) и эффективность использования канала передачи данных. Аргументация, построенная на экономической целесообразности (дешевизна или бесплатность дальней связи), делала эту технологию приложением, наглядно демонстрирующим преимущества новой парадигмы.

Таким образом, технологический ландшафт российского радиолубительства в начале 2000-х гг. представлял собой сложную, динамичную среду, в которой одновременно сосуществовали и взаимодействовали несколько технологических укладов. Основой этого ландшафта, безусловно, оставался доминирующий *аналогово-эфирный уклад*, определявший фундаментальные ценности и практики сообщества. Работа с радиоволнами, конструирование аппаратуры и изучение ионосферного прохождения составляли ядро радиолубительской деятельности, где эфир воспринимался как основная, самоценная среда коммуникации [3]. На этом традиционном фоне происходило постепенное внедрение *компьютерного уклада*. Стремительное развитие компьютерной техники заставило сообщество адаптироваться к новым реалиям, смещая фокус со схемотехники на программное обеспечение и работу с драйверами [7]. Параллельно с этим в информационное поле проникал третий, *глобально-цифровой уклад*. Новые технологии, такие как спутниковая связь, сотовая сеть и GPS [8–11], воспринимались как сложные, проприетарные инфраструктуры, вызывая не столько желание их самостоятельного воспроизводства, сколько стремление к их критическому инженерному анализу.

Формирование новой парадигмы – «связь как поток данных» – и её дальнейшее воплощение из теоретической концепции в практическую реальность были невозможны без освоения глобальной сети и IP-технологий. Начальный этап освоения Интернета на страницах журнала «Радио» (2000–2002 гг.) характеризовался комплексным, многоуровневым подходом к внедрению данной темы в информационное поле. Редакция, очевидно, осознавала как высокий потенциал технологии, так и значительный разрыв в уровне осведомлённости аудитории. Вследствие этого работа велась одновременно в трёх ключевых направлениях: предоставление базовых практических инструкций для массового читателя, формирование видения будущего через обзоры перспективных технологий и, наконец, идеологическая адаптация новой концепции к традиционной системе ценностей радиолубительского сообщества.

Первая, и наиболее насыщенная, задача заключалась в практическом «кликбее», направленном на максимально широкую аудиторию. Типичным примером такого подхода является статья А. Сологуба «Первые шаги в Интернет» [15]. Данная публикация носит утилитарный характер и представляет собой пошаговое руководство для пользователя, уже обладающего пер-

сональным компьютером, но не имеющего опыта подключения к сети. Схемотехнический аспект в его классическом понимании отсутствует; его место занимает процедурная схема действий: от выбора провайдера и физического подключения модема к телефонной линии до настройки программного обеспечения. Прагматическая цель подобных материалов состояла в снижении технического и психологического барьера входа, в превращении абстрактного понятия «Интернет» в конкретную, исполнимую бытовую задачу.

Параллельно с решением утилитарных задач журнал знакомил своих читателей с будущим IP-технологий, публикуя обзорные, своего рода футурологические статьи. Ярким примером служит материал А. Бобылева «Компьютерная телефония – технология XXI века» [16]. В отличие от практических руководств, эта статья описывала не столько доступную для реализации технологию, сколько её концептуальный потенциал на примере интеграции компьютерных и телефонных сетей (СТИ). Терминология здесь заимствована из сферы корпоративных телекоммуникаций: «учрежденческая АТС», «голосовая почта», «Call-центр». Объектом анализа выступает не устройство, которое можно собрать самостоятельно, а сложный программно-аппаратный комплекс промышленного уровня. Публикуя подобные материалы, а также статьи, посвящённые протоколам IP-телефонии, журнал расширял горизонты технически продвинутой части аудитории, демонстрируя, что Интернет – это не просто совокупность веб-страниц, а фундаментальная технология, знаменующая эпоху конвергенции голоса и данных, которая в будущем кардинально изменит весь ландшафт телекоммуникаций.

Однако для полной и органичной интеграции данной технологии в радиолубительскую практику требовалось нечто большее, чем практические инструкции и обзоры будущего. Была необходима идеологическая работа с сообществом, в первую очередь, с его консервативной частью, которая могла воспринимать увлечение компьютерами и сетями как отход от традиций. Эту миссию взял на себя А. Голышко, открыв в 2001 г. публикацией «Интернет: на пути к рождению» [17] большой цикл исторических, историко-технических статей, посвящённых созданию, развитию, техническим параметрам глобальной сети [18–23 и др.]. Цель данных статей, среди прочего, – обосновать и легитимизировать появление сетевой тематики на страницах журнала. Интернет представлялся как новое, безграничное поле для исследований, экспериментов и технического творчества, а его освоение – не как «измена» радиолубительским идеалам, а как их естественное развитие в новых технологических условиях.

Первая половина 2000-х гг. знаменовала собой перелом в процессе освоения интернет-технологий радиолубительским сообществом. Если на начальном этапе доминировало теоретическое осмысление и первичные практические шаги, то теперь наблюдается качественный переход от пассивного потребления информации и услуг к активному созданию собственного контента и, что наиболее важно, к адаптации

IP-технологий для решения узкоспециализированных задач.

Начальным этапом стала концептуализация нового вида технического творчества – создания персональных веб-сайтов. В публикации А. Голышко и Н. Репина [23] это явление было представлено не как инструкция, а как состоявшийся и значимый социальный-технологический феномен. Авторы, используя такие определения, как «ударный сайтострой», «эпоха бурного развития» и т. п., подчеркивали массовый и взрывной характер этого процесса, берущего своё начало со второй половины 1990-х гг.¹ Публикация легитимизировала «сайтостроение» как полноценное и релевантное для радиолюбителя, связиста занятие, подготовив почву для дальнейшей практической работы. Если статья А. Голышко и Н. Репина информировала о том, *что* происходит, то публикация А. Горячкина «Свой сайт в Интернете? Это просто» [24] отвечала на вопрос *как* это сделать. Содержание публикации смещается от описательного характера к сугубо инструктивному: ключевыми становятся термины «регистрация», «FTP-клиент», «доменное имя» и т.п. Автор на конкретном примере сервера newmail.ru представляет пошаговое руководство, иллюстрируя его скриншотами веб-форм регистрации. Показательно, что в статье приводилась таблица, классифицирующая популярные серверы бесплатного хостинга («narod.ru», «hobby.ru» и др.) по присущим им базовым параметрам – объёму дискового пространства, наличию гостевой книги или форума. Тем самым в статье фиксировалась новая реальность, в которой «элементной базой» становились веб-сервисы, а результатом творчества – не физическое устройство, а информационный продукт. Материал является свидетельством перехода от информирования к обучению, он вооружал читателя инструментарием, превращая абстрактную идею создания веб-сайта в конкретный и доступный проект, тем самым завершая процесс демократизации новой технологии в рамках сообщества.

Процесс освоения и адаптации IP-технологий выражался в их интеграции в самую сущность радиолюбительской практики. Этот этап иллюстрирует статья Ю. Чередниченко и И. Бурого «Радиолюбительские технологии связи на основе VoIP» [25] – в ней Интернет уже не рассматривался как источник информации или площадка для контента, а представлялся *транспортной средой для радиосвязи*. Авторы вводят в обиход радиолюбителя такие понятия как VoIP (Voice over IP) (IRLP Echolink, e-QSO и др.), «интернет-шлюз». В публикации идёт речь о создании гибридных сетей, в которых радиосигнал оцифровывается, преобразуется в IP-пакеты и передается по глобальной сети, преодолевая физические ограничения эфира – концепция «связь как поток данных», таким образом получает здесь своё полное техническое воплощение. В статье также приводится принципиальная схема интерфейса сопряжения трансивера с компьютером на оптроне – классическое радиолюбительское устройство, которое необходимо было собрать и настроить. Таким образом, сообщество системно интегрировало данную технологию в свою сферу деятельности, создавая на её основе принципиально новые виды глобальной радиосвязи.

На следующем этапе, во второй половине 2000-х гг. Интернет окончательно перестаёт восприниматься как обособленная технология и становится универсальной средой, фундаментальным слоем технологического ландшафта, который можно было «сращивать» с другими ключевыми технологиями эпохи. Публикации «Радио» за этот период демонстрируют, как радиолюбительское сообщество прошло путь от связывания готовых устройств до конструирования собственных нативных сетевых узлов, что в итоге привело к более глубокому осмыслению последствий технологической конвергенции.

Первым шагом на этом пути стало сопряжение двух знаковых технологических платформ – персонального компьютера и мобильного телефона: статья Р. Александрова [26 и др.] является одним из примеров решения данной задачи. Публикация носит выраженный утилитарный характер и посвящена преодолению физической и логической несовместимости интерфейсов этих устройств. Центральное место в ней занимали многочисленные принципиальные схемы кабелей-адаптеров, построенные как на дискретных элементах, так и на специализированных микросхемах-преобразователях уровней. Практически цель статьи заключалась в том, чтобы дать читателю возможность использовать мобильный телефон в качестве модема. Интеграция, таким образом, носила в этом случае характер «точка-точка»: два готовых устройства соединялись с помощью самостоятельно изготовленного адаптера для обеспечения доступа к глобальной сети.

Качественно иной уровень интеграции представлен в статье К. Снегова и Р. Шишко [27]. Авторы публикации предлагают уже не простое сопряжение готовых устройств, а создание собственного, полноценного сетевого узла. Ключевым технологическим решением здесь выступает применение специализированной микросхемы W5100, которая берёт на себя аппаратную реализацию стека протоколов TCP/IP. Этот шаг имеет принципиальное значение, так как он переносит сложнейшую программную задачу на уровень «железа», делая проект реализуемым для квалифицированного радиолюбителя. Глобальная сеть для последнего тем самым трансформируется в «родную» среду, для взаимодействия с которой создаётся собственное специализированное оборудование.

Параллельно с достижением высокого уровня технической интеграции авторы «Радио» предлагали своим читателям и концептуальное осмысление происходящих процессов. Одной из таких публикаций явилась статья А. Голышко «Уход от реальности» из цикла «Шаги в будущее» [28]. Работа носит философский, социологический характер и посвящена анализу последствий тотальной конвергенции технологий. Лексика статьи полностью смещается из технической сферы в гуманитарную, оперируя такими понятиями, как «гаджет-аддикция», «виртуальная реальность», «цифровой стиль жизни» и «second life». Автор рассуждает не о том, *как* технологии функционируют, а о том, *к чему* приводит их повсеместное проникновение. Публикации такого рода помещали практические проекты в широкий социальный и культурный контекст,

показывая, что следствием глубокой технологической интеграции является не только техническое удобство, но и формирование новой, виртуальной реальности, конкурирующей с физическим миром.

Таким образом, финальный этап освоения интернет-технологий в рассматриваемый период характеризовался их полной интеграцией в технологический ландшафт радиолюбителя. Пройденный путь от создания простых адаптеров до конструирования сложных нативных сетевых узлов, сопровождавшийся рефлексией о социальных и культурных последствиях, неопровержимо свидетельствует о фундаментальном сдвиге в сознании и инженерных подходах. Интернет в представлении сообщества трансформировался из внешнего информационного ресурса в фундаментальную, интегрированную среду, где сама суть связи всё чаще реализовывалась не как распространение радиоволны в эфире, а как управляемый поток цифровых данных.

Эта смена парадигмы, однако, не была изолированным процессом, ограниченным лишь освоением проводных IP-сетей. Она разворачивалась параллельно с другой, не менее значимой технологической революцией – массовым проникновением в быт и радиолубительскую практику беспроводных технологий, в первую очередь *сотовой и спутниковой связи*. Эти системы, будучи по своей природе беспроводными, тем не менее, стали ещё одной яркой манифестацией новой концепции «связи как потока данных». Они представляли для технически продвинутого сообщества схожий вызов: необходимость демистификации, адаптации и, в конечном счёте, «присвоения» закрытых коммерческих технологий для решения собственных творческих и прикладных задач.

Публикации начала 2000-х гг. были направлены на ликвидацию терминологического и понятийного вакуума. Редакция журнала, реагируя на запросы аудитории и рыночные тенденции, начала системно знакомить читателей с миром цифровой беспроводной связи. Одной из первых статей такого рода явилась публикация «Что такое DECT²» [29], посвящённая стандарту цифровых радиотелефонов – работа вводила читателя в мир цифровой беспроводной связи «малого радиуса», объясняя такие её преимущества, как защита от прослушивания и высокое качество разговорного тракта, тем самым подготавливая почву для восприятия более сложных систем.

Ключевой публикацией, заложившей концептуальный фундамент для понимания происходившей революции, стала статья А. Гороховского «От аналоговой сотовой к цифровой» [30]. Раскрывая технические преимущества стандарта GSM, автор сопоставлял его с уже действовавшим в России и понятным для многих аналоговым стандартом первого поколения NMT-450. В статье были чётко артикулированы фундаментальные преимущества «цифры»: безопасность связи за счёт шифрования, более эффективное использование частотного спектра благодаря технологии множественного доступа с временным разделением (TDMA³) и высокое, свободное от помех, качество разговорного тракта, достигаемое за счёт цифрового кодирования.

Эта публикация является убедительным примером перехода от понимания «связи как аналоговой радиоволны в эфире» к «связи как потоку данных», управляемому сложными протоколами. Для формирования у читателей глобального видения сферы сотовой связи журнал публиковал также обзорные материалы, такие как статья О. Махровского «Европейские проекты сотовых систем доступа» [31], в которой новые технологии рассматривались не изолированно, а как часть общеевропейской стратегии развития беспроводных систем.

Наиболее системно и глубоко процесс «интеллектуальной адаптации» к миру цифровой сотовой связи был представлен в цикле статей А. Гольшко, который можно рассматривать как полноценный учебный курс, последовательно ведущий читателя от общих понятий к инженерным, техническим деталям. В статьях «Восход цифровой сотовой связи» [32] и «Торжество цифровой сотовой связи» [33] автор представил радиолубительской аудитории глобальную «карту мира» телекоммуникаций, объяснив разделение на европейский (GSM) и американский (CDMA) технологические лагеря и раскрыв понятие «поколений» сотовой связи (1G, 2G, 3G). Таким образом, стандарт GSM был представлен не как экзотическая новинка, а как закономерный и логичный этап мировой технологической эволюции. В своих последующих публикациях [34–36 и др.] автор перешёл к инженерным основам данной телекоммуникационной системы. В работах были представлены базовые принципы сотовой связи: организация сети из ячеек-сот, принцип повторного использования частот и, что особенно важно, технология «hand-over» – бесшовная передача абонента от одной базовой станции к другой. Эти публикации окончательно сместили фокус восприятия с телефона как отдельного приёмопередатчика на сотовую сеть как на сложную, распределённую систему, управляемую логикой протоколов. А. Гольшко убедительно обозначил вектор развития, в котором мобильный телефон из устройства для голосовой связи трансформировался в персональный терминал для доступа к данным. Тем самым автор заявил о смене парадигмы: будущее сотовой связи – за передачей данных.

Следуя за первоначальным этапом теоретического осмысления, во второй половине 2000-х гг. на страницах журнала «Радио» начинает формироваться новый – преимущественно практикоориентированный – пласт публикаций, посвящённых сотовой связи. Технология GSM из нового, во многом экзотического объекта изучения трансформировалась в доступный и функциональный инструмент, своего рода «строительный блок» для решения конкретных прикладных задач. Этот закономерный переход от теории к практике, от восприятия мобильного телефона как «чёрного ящика» к его осмыслению как компонента более сложной системы, прослеживался, в частности, на примере конструирования различных охранных устройств, где GSM-канал используется уже не для голосовой связи, а в качестве средства дистанционного оповещения и телеметрии.

Среди публикаций, посвящённых данной теме, можно отметить статьи С. Кудряшова [37], В. Нефедова [38], В. Ваченко [39] и др. В статье «Охранная

система с оповещением по сотовому каналу» телефон выступал в роли внешнего, пусть и управляемого, устройства, а метод адаптации технологии осуществлялся на физическом, а не на программном уровне. Схемотехнически устройство представляло собой пример относительно простого «взлома» коммерческой технологии: система, управляемая микроконтроллером, имитировала нажатие клавиш на обычном мобильном телефоне, используя его как исполнительный механизм для совершения тревожного звонка на номер владельца.

В статье «GSM-модем в системе охранной сигнализации» радиолюбительское сообщество окончательно переходит от адаптации готовых потребительских устройств к системной интеграции промышленных компонентов. Мобильный телефон как готовое изделие исчезает со схемы, уступая место специализированному модулю, который изначально был предназначен для встраивания и межмашинного взаимодействия. Управление им осуществлялось уже не физическим замыканием контактов, а на программном уровне через стандартизированный протокол обмена данными, что знаменовало полную и осмысленную интеграцию технологии в радиолюбительскую конструкцию. Это требовало от радиолюбителя уже иных, более глубоких компетенций, включая знание протоколов последовательной передачи данных и набора AT-команд.

В статье «Автомобильный GSM-сигнализатор с определением координат» автор приводил не просто адаптацию одной технологии, а осуществлял сложный синтез двух ключевых технологий начала XXI в. – GSM и GPS. Микроконтроллер (в данной конструкции – ATmega162) выступал в роли центрального процессора, управляющего двумя сложными периферийными модулями. Он получал от GPS-модуля (LR9552) поток данных о местоположении по протоколу NMEA, обрабатывал эту информацию, формировал из неё стандартизированное текстовое SMS-сообщение и с помощью AT-команд давал указание GSM-модулю (SIM300) на его отправку по сотовой сети. Голосовая связь как таковая здесь уже не использовалась; GSM-канал превращался в транспортную среду для передачи пакетов цифровых данных. Это демонстрирует решение комплексной задачи – создания системы удалённого трекинга и телеметрии, а не простого тревожного оповещения.

Параллельно с усложнением GSM-устройств на страницах журнала появлялись и публикации, направленные на решение сопутствующих проблем, порождённых массовостью технологии. Примерами могут служить статьи, посвящённые детектированию излучения сотового телефона или ремонту и продлению срока службы аккумуляторных батарей [см., например: 40, 41 и др.]. Их появление свидетельствует о третьей стадии освоения технологии – её рутинизации, когда она становится настолько обыденной, что порождает собственный пласт эксплуатационных и «побочных» задач.

Бурное развитие наземных сетей связи в начале XXI века сопровождалось столь же стремительным

проникновением в бытовую и радиолюбительскую практику технологий, использующих искусственные спутники Земли. В журнале «Радио» этот процесс отражён в двух ключевых направлениях: освоение систем глобальной навигации и освоение технологий спутниковой связи и телевидения.

Рассмотренная выше публикация В. Курышева «GPS – так ли все просто и надёжно?» [8] выполняла важную функцию «кликбиза» – в ней доступно и системно были изложены фундаментальные принципы работы GPS: архитектура системы, состоящая из космического, наземного и пользовательского сегментов; метод определения координат, основанный на измерении времени распространения сигнала от нескольких спутников; природа псевдослучайных кодов, позволяющих различать сигналы от разных аппаратов и работать на одной частоте. Важно, что автор не ограничивался декларацией возможностей, а подробно анализировал источники погрешностей – от задержек сигнала в ионосфере до ошибок бортовых часов спутника – и описывал принципы работы дифференциальных подсистем (DGPS – дифференциальная GPS), призванных эти погрешности компенсировать. Таким образом, статья заложила теоретический фундамент, представив данную технологию как сложную, но вполне объяснимую инженерную систему со своими сильными и слабыми сторонами.

Процесс освоения технологий цифрового спутникового вещания, отражённый в публикациях «Радио», также представляет собой пример многоуровневого технологического перехода. Он разворачивался не как линейное вытеснение предшествующего уклада новым, а как сложный, многослойный процесс, включавший в себя одновременное сосуществование теоретического осмысления, потребительского использования, конструкторского освоения и сохранения традиционных радиолюбительских практик.

Первоначальный этап освоения характеризовался появлением фундаментальных обзорных материалов, закладывающих концептуальную базу для понимания новых принципов. Одной из публикаций этого периода является статья Б. Локшина «Технические основы цифрового спутникового вещания» [42], носящая преимущественно научно-популярный, просветительский характер. Практическая цель статьи – вооружить технически «подкованную» аудиторию теоретическим знанием, объясняющим, каким образом возможна передача сотен телепрограмм в одном спутниковом канале. Это формировало первый, концептуальный уровень освоения технологии, на котором происходил фундаментальный сдвиг: от восприятия связи как аналоговой радиоволны к её пониманию как сложного цифрового потока данных.

Переход к потребительскому освоению данной технологии происходил практически синхронно с её теоретическим осмыслением. Статья Л. Кантора «Россия вступает в эру цифрового спутникового телевидения» [43], представляла собой обзор соответствующего рынка и технологий: в её тексте фигурировали названия брендов и сервисов («НТВ-Плюс», «Сколково»), конкретные типы оборудования («тюнер», «конвертер») и атрибуты коммерческого использования («магнитная карточка», «Viaccess»).

Вместо принципиальных блок-схем кодеров в качестве иллюстраций используются фотографии коммерческих устройств. Задача публикации заключалась уже не в том, чтобы объяснить, *как* технология работает, а в том, чтобы показать, *как* ею воспользоваться. На этой стадии освоения технология воспринималась как «чёрный ящик», функционал которого доступен через приобретение и правильное подключение готовых изделий.

Критерием полного освоения технологии в радиолюбительской среде является переход от её простого использования к самостоятельному конструированию и модификации. Данный процесс, требующий накопления значительного опыта, находил своё отражение в таких публикациях как статья И. Нечаева «Малогабаритный конвертер 2,4 ГГц/145 МГц» [44]. Эта работа представляет собой сложную практическую конструкцию, адресованную наиболее квалифицированной части технического сообщества. В основе предлагаемого устройства лежал сложный синтез аналоговой СВЧ-схемотехники и цифрового управления на микроконтроллере. В данном случае предполагалось не просто использовать технологию, а деконструировать и воспроизвести один из её ключевых и наукоёмких узлов, самостоятельно создавая высокотехнологичный продукт.

На фоне заметного технологического рывка в освоении спутниковых систем показательным выглядело сохранение традиционных радиолюбительских практик. Такие статьи, как «Способ быстрого изготовления телевизионной антенны» [45], возвращали к классической парадигме «связи как радиоволны в эфире», описывая – в данном конкретном случае – практическую задачу: быстрый монтаж «рамочного волнового канала» из подручной проволоки для приёма аналогового наземного телевизионного сигнала. Существование в издании разных по техническому уровню публикаций демонстрирует сложность и многоукладность эволюции телекоммуникационных технологий. Новые технологии не вытесняли предшествующие в одночасье, а сосуществовали с ними, решая разные задачи для разных сегментов технического сообщества.

Наряду со стремительным освоением рассмотренных выше технологий передачи данных, наиболее консервативная сфера радиосвязи – наземное эфирное вещание – также стала объектом пристального внимания и поиска путей модернизации. К началу 2000-х гг. на страницах профильной технической периодики сформировался дискурс о неизбежном переходе традиционных ДВ, СВ и КВ диапазонов на цифровые методы передачи сигнала. Этот процесс прошёл путь от теоретического анонсирования и сравнения конкурирующих концепций до отчётов о внедрении конкретных потребительских стандартов в мире.

Начальный этап этого дискурса представлен обзорной статьёй С. Мишенкова и Е. Зелевича «Цифровое вещание в традиционных ДВ, СВ и КВ диапазонах» [46]. Данная публикация, по своей типологии, является классическим теоретическим обзором, цель которого заключается в информировании и просвещении технического сообщества. Аргументация публикации строится вокруг таких ключевых понятий, как «спектраль-

ная эффективность» и необходимость повышения качества звука. Авторы знакомят аудиторию с самим фактом существования в мире нескольких конкурирующих подходов к цифровизации АМ-вещания, представляя обзор системы вещания Skywave 2000 и Voice of America / Jet Propulsion Laboratory. Обобщённая блок-схема, представленная в тексте, иллюстрирует не конкретную реализацию, а сам *принцип* построения цифровой вещательной системы, включающей такие узлы, как «цифровой модулятор», «ВЧ модулятор» и т.д. Таким образом, на данном этапе технология преподносилась как сложнейшая система, разрабатываемая крупными международными консорциумами, а не как объект, пригодный для радиолюбительского конструирования. Это формировало первый уровень ожиданий – ожидание глобальной технологической революции в традиционном радио.

Спустя несколько лет фокус публикаций смещается от общих концепций к анализу конкретных, уже внедряемых стандартов. Показательной в этом отношении является статья Л. Кацнельсона и Л. Козловой «Система цифрового звукового радиовещания DAB. Современное состояние» [47]. Типологически публикация представляла собой обзор и отчёт о состоянии соответствующего рынка: общую терминологию сменили номера конкретных стандартов (ETS 300401), названия частотных диапазонов (VHF III, L-диапазон), фирм-производителей приёмников (Sony, Pioneer, JVC и др.) и даже их ориентировочная цена. Аргументация строилась на перечислении статистических данных о внедрении стандарта DAB в странах Западной Европы, проценте охвата населения и количестве действующих радиостанций. Технология перестаёт быть абстрактной идеей и предстаёт в виде конкретной потребительской услуги, доступной на массовом рынке. Важно отметить, что авторы прямо указывали на «выжидательную» позицию России в этом вопросе. Таким образом, к 2003 г. уровень ожиданий сместился от теоретического к потребительскому: цифровое радиовещание воспринималось как уже существовавшая реальность, доступ к которой обеспечивался покупкой готового промышленного оборудования.

Анализ этих первоначальных публикаций показывает, что на рубеже веков в техническом сообществе сформировался достаточно высокий уровень ожиданий от грядущей цифровизации эфира. Этот переход виделся не просто как улучшение качества звука, а как фундаментальная трансформация, соответствующая глобальным трендам и способная дать второе дыхание традиционным диапазонам радиовещания, превратив их в полноценную среду для передачи цифровых данных и сопутствующих мультимедийных услуг.

Следуя за этапом теоретического осмысления, на котором технологии цифрового эфирного вещания были представлены как перспективная мировая тенденция, в радиолюбительской среде закономерно начался процесс поиска практических путей их освоения. Этот переход от теории к инженерной реализации демонстрировал нелинейный характер технологической адаптации: от первоначальной попытки создать

сложное, законченное аппаратное решение до последующего концептуального сдвига в сторону программно-аппаратных систем, где основная нагрузка по обработке сигнала перекладывалась на персональный компьютер.

Одной из первых попыток «материализовать» технологию в виде законченного устройства (DRM-приёмник) можно считать публикацию А. Соловьева [48]. По своей типологии, это сложная конструкторская разработка, адресованная наиболее квалифицированной части радиолюбительского сообщества. Схемотехнически устройство представляло собой классический супергетеродин с двойным преобразованием частоты, в котором использовались специализированные интегральные микросхемы. Цель данной конструкции – создание полноценного аппаратного узла, который был способен самостоятельно выполнять все операции по переносу спектра, фильтрации и усилению сигнала, формируя на выходе низкочастотный сигнал, готовый для подачи на звуковую карту компьютера. Этот подход, требовавший глубоких знаний в области ВЧ-схемотехники и прецизионного монтажа, представлял собой попытку решить новую задачу традиционными, хорошо освоенными инженерными методами. Технология здесь воспринималась как объект, для работы с которым необходимо было построить соответствующее ему по сложности «железо».

Однако высокий технологический «порог входа», характерный для подобных конструкций, стимулировал поиск более простых и доступных решений. Качественно иной подход к освоению DRM нашёл отражение в статье В. Бойко [49] и выражался в переходе от создания сложного самодостаточного устройства к разработке минималистичного интерфейсного узла. Ключевая идея подхода заключалась в том, чтобы перенести всю сложность обработки цифрового сигнала из аппаратной части в программную. Аппаратный узел («приставка») выполнял лишь одну необходимую функцию – перенос спектра принятого DRM-сигнала в область частот, доступную для оцифровки стандартной звуковой картой ПК. Вся дальнейшая обработка – демодуляция, декодирование, исправление ошибок – полностью возлагалась на программное обеспечение. Как видно, данный подход также является убедительной иллюстрацией того, как радиосигнал переставал быть аналоговым явлением, которое нужно было обработать «аппаратно», и превращался в поток данных. Аппаратная часть служила лишь первичным «шлюзом» для этого потока, а главным инструментом для его расшифровки становился персональный компьютер. Именно этот программно-аппаратный метод (сегодня известный как SDR – software-defined radio) сделал технологию DRM доступной для широкого круга радиолюбителей, знаменуя её успешную, хотя и не массовую, интеграцию в инженерную практику сообщества.

Несмотря на очевидные технологические преимущества, высокий уровень первоначальных ожиданий и успешные попытки конструкторского освоения в среде радиолюбителей-энтузиастов, технологии цифрового эфирного вещания DRM и DAB в 2000-е гг. так и не

получили в России массового распространения. В отличие от стремительной экспансии Интернета и сотовой связи, цифровое радиовещание осталось уделом узкого круга специалистов и наиболее продвинутых радиолюбителей. Анализ публикаций позволяет выделить две группы причин такой стагнации: технологические барьеры и институциональные факторы.

Во-первых, «порог входа» в технологию для рядового радиолюбителя оказался несоизмеримо выше, чем в случае с другими цифровыми инновациями того периода. Если для освоения GSM-технологий было достаточно приобрести готовый модуль и разработать для него интерфейсный узел, то для DRM и DAB подобный путь был закрыт из-за отсутствия в широком доступе элементной базы. Как показывает анализ практических конструкций, единственным реальным путём освоения стал SDR-подход [48, 49]. Однако данный подход требовал от конструктора синтеза совершенно новых, сложных компетенций, сочетающих навыки ВЧ-схемотехники, цифровой обработки сигналов и программирования. Это объективно ограничивало круг потенциальных разработчиков-любителей.

Во-вторых, и это, вероятно, является главной причиной, процесс внедрения цифрового радиовещания сдерживался отсутствием в России ясной государственной политики и соответствующей нормативно-правовой базы. Возникла классическая экономическая проблема: вещательные компании не спешили переходить на «цифру», не видя на рынке массового потребителя с соответствующими приёмниками, а промышленность, в свою очередь, не начинала их производство, не наблюдая массового цифрового вещания. Этот институциональный вакуум сохранялся на протяжении большей части рассматриваемого десятилетия.

Одним из свидетельств такого положения является статья С. Комарова «DRM – национальный стандарт цифрового радиовещания в России» [50]. Дата её публикации – 2010 г. – свидетельствует о том, что официальный статус, открывающий дорогу для системного внедрения, технология DRM получила лишь к концу рассматриваемого периода. Только с этого момента можно было говорить о преодолении периода технологической неопределённости и создании правовых основ для развёртывания сетей цифрового вещания. Стоит отметить, что вещание в стандарте DRM, хотя и существует в настоящий момент как стандарт, предназначенный для замены аналогового вещания в диапазонах СВ и ДВ, широкого распространения в России так и не получило. В некоторых регионах страны проводились тестовые запуски DRM вещания, однако его широкого внедрения не произошло.

Таким образом, в отличие от Интернета и GSM, которые развивались как коммерческие, децентрализованные услуги, цифровое эфирное радиовещание требовало централизованного государственного решения. Его отсутствие на протяжении почти десятилетия, вкупе с высоким технологическим порогом входа, и стало главной причиной того, что эта перспективная технология в рассматриваемый период осталась скорее демонстрацией инженерных возможностей, нежели

массовым революционным явлением, сопоставимым с сотовой или спутниковой связью.

В заключение подчеркнём, что проведённое исследование эволюции телекоммуникаций на страницах журнала «Радио» выявило не просто череду технологических новшеств, а целостный процесс фундаментальной перестройки инженерной культуры, произошедшей в первом десятилетии XXI века. Этот период ознаменовался сдвигом в самом объекте радиолубительского интереса: фокус сместился с физики распространения сигнала на логику сетевых протоколов и управления информацией, что потребовало от сообщества выработки совершенно новых компетенций.

Данный процесс носил сложный и нелинейный характер, отражая диалектику освоения технологий разного типа: от аналитической деконструкции и последующей интеграции закрытых коммерческих систем, таких как GSM и GPS, до активного конструирования и адаптации открытой, децентрализованной среды Интернета. При этом дихотомия между стремительной

экспансией одних цифровых платформ и фактической стагнацией других, как в случае с цифровым радиовещанием (DRM), наглядно демонстрирует, что успех технологической инновации определялся не только её техническим совершенством. Ключевым фактором стало наличие двух условий: низкого порога входа для индивидуального освоения и наличия мощного коммерческого или государственного импульса.

В конечном итоге, к началу 2010-х гг. в российском радиолубительском сообществе сформировалась новая, гибридная модель технического творчества, в которой традиционные навыки работы с «железом» были не вытеснены, а дополнены компетенциями в области программирования, сетевых технологий и системной интеграции. Материалы журнала «Радио» служат уникальным источником для понимания того, как локальное техническое сообщество не просто пассивно адаптировалось к глобальной цифровой революции, но и активно переосмыслило её, вырабатывая новую модель инженерной практики и мышления, актуальную и по сей день.

Примечания

¹ Днём рождения Рунета автор статьи считает 17 марта 1994 г. – день регистрации национального домена «ru».

² DECT – Digital Enhanced Cordless Telecommunications (цифровой стандарт для беспроводной связи).

³ Time Division Multiple Access.

Список источников

1. Быховский М.А. Развитие телекоммуникаций: на пути к информационному обществу: развитие спутниковых телекоммуникационных систем : учеб. пособие. М., 2017. 440 с.
2. Борисов В.П. Из истории отечественной радиоэлектроники. М., 2010. 206 с.
3. Международный КВ маяк в России! // Радио. 2000. № 1. С. 61.
4. Ломов А. IBM PC: первое знакомство // Радио. 2000. № 1. С. 59–60; № 2. С. 55–57.
5. Кусянкулов Р. Работа с последовательными портами в Windows 95 // Радио. 2000. № 1. С. 23–24.
6. Кулешов С. Подключение ЦАП к разъему LPT // Радио. 2000. № 4. С. 19.
7. Лысенко А., Назмудинов Р., Малыгин И. Преобразователи интерфейса USB на микросхемах FT8U232AM, FT8U245AM // Радио. 2002. № 6. С. 20–21; № 7. С. 36–37.
8. Курышев В. GPS – так ли все просто и надежно? // Радио. 2000. № 4. С. 72; № 5. С. 86.
9. Голышко А. Особенности сотовой связи // Радио. 2000. № 9. С. 70–72.
10. Матвеев И. Глобальная мобильная спутниковая связь в России на пороге XXI века // Радио. 2000. № 1. С. 72; № 2. С. 70–71.
11. Лыкова Н. Глобальная спутниковая связь - каковы ее перспективы? // Радио. 2000. № 5. С. 83.
12. Голышко А. Интернет: подготовка захвата планеты // Радио. 2002. № 5. С. 69.
13. Сенвик К., Попандопуло П. IP-телефония // Радио. 2000. № 5. С. 84.
14. Бобылев А. Компьютерная телефония - технология XXI века // Радио. 2000. № 3. С. 70–71.
15. Сологуб А. Первые шаги в Интернет // Радио. 2000. № 5. С. 69–70.
16. Бобылев А. Компьютерная телефония – технология XXI века // Радио. 2000. № 3. С. 70–71.
17. Голышко А. Интернет: на пути к рождению // Радио. 2001. № 11. С. 70–71.
18. Голышко А. Интернет: технологическое наступление на рынок связи // Радио. 2003. № 3. С. 71–72.
19. Голышко А. Интернет: дитя прогрессивных администраторов и ученых // Радио. 2003. № 4. С. 71–72.
20. Голышко А. Интернет: от фундамента и далее // Радио. 2003. № 6. С. 71–72.
21. Голышко А. Интернет: всемирная информатизация // Радио. 2003. № 8. С. 71–72.
22. Голышко А. Интернет: новейшая история // Радио. 2003. № 10. С. 71–72.
23. Голышко А., Репин Н. Интернет: ударный сайтострой в России // Радио. 2002. № 11. С. 71–72.
24. Горячкин А. Свой сайт в Интернете? Это просто // Радио. 2004. № 3. С. 53–54.
25. Чередищенко Ю., Бурый И. Радиолубительские технологии связи на основе VoIP // Радио. 2004. № 3. С. 70–71.
26. Александров Р. Как соединить сотовый телефон с компьютером // Радио. 2005. № 1. С. 28–31.
27. Снегов К., Шишко Р. Реализация на базе микросхемы W5100 устройства для работы в сетях Ethernet // Радио. 2008. № 10. С. 22–25.
28. Голышко А. Шаги в будущее. Шаг 9: уход от реальности // Радио. 2008. № 10. С. 56–58.
29. Что такое DECT // Радио. 2000. № 1. С. 73–74.
30. Гороховский А. От аналоговой сотовой к цифровой // Радио. 2000. № 6. С. 71–72.
31. Махровский О. Европейские проекты сотовых систем доступа // Радио. 2000. № 6. С. 75–76.
32. Голышко А. Восход цифровой сотовой связи // Радио. 2000. № 12. С. 61–64.
33. Голышко А. Торжество цифровой сотовой связи // Радио. 2001. № 2. С. 70–71.
34. Голышко А. Особенности сотовой связи // Радио. 2000. № 9. С. 70–72.
35. Голышко А. Новый век сотовой связи // Радио. 2001. № 1. С. 70–71.
36. Голышко А. Основа будущей сотовой связи // Радио. 2001. № 3. С. 68–70.
37. Кудряшов С. Охранная система с оповещением по сотовому каналу // Радио. 2005. № 6. С. 42–45.
38. Нефедов В. GSM-модем в системе охранной сигнализации // Радио. 2009. № 4. С. 33–36.
39. Ващенко В. Автомобильный GSM-сигнализатор с определением координат // Радио. 2009. № 8. С. 28–29; 2009. № 9. С. 41–43.
40. Виноградов Ю. Детектор излучения сотового телефона // Радио. 2004. № 2. С. 43.
41. Подушкин И. Как продлить «жизнь» Ni-MH аккумуляторных батарей для сотовых телефонов // Радио. 2004. № 4. С. 33.
42. Локшин Б. Технические основы цифрового спутникового вещания // Радио. 2000. № 3. С. 67–69.

43. Кантор Л. Россия вступает в эру цифрового спутникового телевидения // Радио. 2000. № 6. С. 73–74; № 7. С. 74–75.
44. Нечаев И. Малогабаритный конвертер 2,4 ГГц/145 МГц // Радио. 2005. № 7. С. 69–71.
45. Солонин В. Способ быстрого изготовления телевизионной антенны // Радио. 2005. № 6. С. 9–10.
46. Мищенко С., Зелевич Е. Цифровое вещание в традиционных ДВ, СВ и КВ диапазонах // Радио. 2000. № 4. С. 69–71; № 5. С. 85.
47. Кацнельсон Л., Козлова Л. Система цифрового звукового радиовещания DAB. Современное состояние // Радио. 2005. № 3. С. 20–21.
48. Соловьев А. Радиовещательный DRM-приемник // Радио. 2006. № 1. С. 21.
49. Бойко В. Простая приставка к приемнику для приема DRM радиостанций // Радио. 2010. № 11. С. 15–17.
50. Комаров С. DRM – национальный стандарт цифрового радиовещания в России // Радио. 2010. № 8. С. 17–18.

References

1. Bykhovskiy M.A. Razvitiye telekommunikatsiy: na puti k informatsionnomu obshchestvu: razvitiye sputnikovyykh telekommunikatsionnykh sistem : ucheb. posobiye. M., 2017. 440 s.
2. Borisov V.P. Iz istorii otechestvennoy radioelektroniki. M., 2010. 206 s.
3. Mezhdunarodnyy KV mayak v Rossii // Радио. 2000. № 1. С. 61.
4. Lomov A. IBM PC: pervoye znakomstvo // Радио. 2000. № 1. С. 59–60; № 2. С. 55–57.
5. Kusyapkulov R. Rabota s posledovatel'nyimi portami v Windows 95 // Радио. 2000. № 1. С. 23–24.
6. Kuleshov S. Podklyucheniye TSAP k raz'yemu LPT // Радио. 2000. № 4. С. 19.
7. Lysenko A., Nazmutdinov R., Malygin I. Preobrazovatel' interfeysa USB na mikroskhemakh FT8U232AM, FT8U245AM // Радио. 2002. № 6. С. 20–21; № 7. С. 36–37.
8. Kuryshchikov V. GPS – tak li vse prosto i nadezhno? // Радио. 2000. № 4. С. 72; № 5. С. 86.
9. Golyshko A. Osobennosti sotovoy svyazi // Радио. 2000. № 9. С. 70–72.
10. Matveyenko I. Global'naya mobil'naya sputnikovaya svyaz' v Rossii na poroge XXI veka // Радио. 2000. № 1. С. 72; № 2. С. 70–71.
11. Lykova N. Global'naya sputnikovaya svyaz' - kakovy yeye perspektivy? // Радио. 2000. № 5. С. 83.
12. Golyshko A. Internet: podgotovka zakhvata planety // Радио. 2002. № 5. С. 69.
13. Senvik K., Popandopulo P. IP-telefoniya // Радио. 2000. № 5. С. 84.
14. Bobylev A. Komp'yuternaya telefoniya - tekhnologiya XXI veka // Радио. 2000. № 3. С. 70–71.
15. Sologub A. Pervyye shagi v Internet // Радио. 2000. № 5. С. 69–70.
16. Bobylev A. Komp'yuternaya telefoniya – tekhnologiya XXI veka // Радио. 2000. № 3. С. 70–71.
17. Golyshko A. Internet: na puti k rozhdeniyu // Радио. 2001. № 11. С. 70–71.
18. Golyshko A. Internet: tekhnologicheskoye nastupleniye na rynek svyazi // Радио. 2003. № 3. С. 71–72.
19. Golyshko A. Internet: ditya progressivnykh administratorov i uchenykh // Радио. 2003. № 4. С. 71–72.
20. Golyshko A. Internet: ot fundamenta i daleye // Радио. 2003. № 6. С. 71–72.
21. Golyshko A. Internet: vseмирnaya informatizatsiya // Радио. 2003. № 8. С. 71–72.
22. Golyshko A. Internet: noveyshaya istoriya // Радио. 2003. № 10. С. 71–72.
23. Golyshko A., Repin N. Internet: udarnyy saytostroy v Rossii // Радио. 2002. № 11. С. 71–72.
24. Goryachkin A. Svoyy sayt v Internet? Eto prosto // Радио. 2004. № 3. С. 53–54.
25. Cherednichenko YU., Buryi I. Radiolyubitel'skiye tekhnologii svyazi na osnove VoIP // Радио. 2004. № 3. С. 70–71.
26. Aleksandrov R. Kak soyedinit' sotovyy telefon s komp'yuterom // Радио. 2005. № 1. С. 28–31.
27. Snegov K., Shishko R. Realizatsiya na baze mikroskhemy W5100 ustroystva dlya raboty v setyakh Ethernet // Радио. 2008. № 10. С. 22–25.
28. Golyshko A. Shagi v budushcheye. Shag 9: ukhod ot real'nosti // Радио. 2008. № 10. С. 56–58.
29. Chto takoye DECT // Радио. 2000. № 1. С. 73–74.
30. Gorokhovskiy A. Ot analogovoy sotovoy k tsifrovoy // Радио. 2000. № 6. С. 71–72.
31. Makhrovskiy O. Yevropeyskiye proyektory sotovykh sistem dostupa // Радио. 2000. № 6. С. 75–76.
32. Golyshko A. Voskhod tsifrovoy sotovoy svyazi // Радио. 2000. № 12. С. 61–64.
33. Golyshko A. Torzhestvo tsifrovoy sotovoy svyazi // Радио. 2001. № 2. С. 70–71.
34. Golyshko A. Osobennosti sotovoy svyazi // Радио. 2000. № 9. С. 70–72.
35. Golyshko A. Novyy vek sotovoy svyazi // Радио. 2001. № 1. С. 70–71.
36. Golyshko A. Osnova budushchey sotovoy svyazi // Радио. 2001. № 3. С. 68–70.
37. Kudryashov S. Okhrannaya sistema s opoveshcheniyem po sotovomu kanalu // Радио. 2005. № 6. С. 42–45.
38. Nefedov V. GSM-modem v sisteme okhrannoy signalizatsii // Радио. 2009. № 4. С. 33–36.
39. Vashchenko V. Avtomobil'nyy GSM-signalizator s opredeleniyem koordinat // Радио. 2009. № 8. С. 28–29; 2009. № 9. С. 41–43.
40. Vinogradov YU. Detektor izlucheniya sotovogo telefona // Радио. 2004. № 2. С. 43.
41. Podushkin I. Kak prodlit' "zhizn'" Ni-MH akkumulyatornykh batarey dlya sotovykh telefonov // Радио. 2004. № 4. С. 33.
42. Lokshin B. Tekhnicheskiye osnovy tsifrovogo sputnikovogo veshchaniya // Радио. 2000. № 3. С. 67–69.
43. Kantor L. Rossiya vstupayet v eru tsifrovogo sputnikovogo televideniya // Радио. 2000. № 6. С. 73–74; № 7. С. 74–75.
44. Nechayev I. Malogabaritnyy konverter 2,4 GGts/145 MGts // Радио. 2005. № 7. С. 69–71.
45. Solonin V. Sposob bystrogo izgotovleniya televizionnoy antennoy // Радио. 2005. № 6. С. 9–10.
46. Mishenkov S., Zelevich YE. Tsifrovoye veshchaniye v traditsionnykh DV, SV i KV diapazonakh // Радио. 2000. № 4. С. 69–71; № 5. С. 85.
47. Katsnel'son L., Kozlova L. Sistema tsifrovogo zvukovogo radioveshchaniya DAB. Sovremennoye sostoyaniye // Радио. 2005. № 3. С. 20–21.
48. Solov'yev A. Radioveshchatel'nyy DRM-priyemnik // Радио. 2006. № 1. С. 21.
49. Boyko V. Prostaya pristavka k priyemniku dlya priyema DRM radiostantsiy // Радио. 2010. № 11. С. 15–17.
50. Komarov S. DRM – natsional'nyy standart tsifrovogo radioveshchaniya v Rossii // Радио. 2010. № 8. С. 17–18.

Информация об авторе:

Миркин В.В. – д-р ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vvmvcv@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Mirkin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vvmvcv@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 930.2
doi: 10.17223/15617793/521/16

Методы картирования науки как инструмент историографии в России: возможности и перспективы

Татьяна Владимировна Полежаева¹, Кристина Алексеевна Гуменюк²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ publication@mail.tsu.ru

² christinagumenyuk@yandex.ru

Аннотация. Анализируются особенности применения методов картирования науки – библиометрического анализа, тематического моделирования и сетевого анализа – в российских исторических исследованиях. На основе данных о публикациях, в которых использовались эти методы, выявлены основные ограничения их применимости, связанные с особенностями информационной инфраструктуры и доступностью цифровых источников. Особое внимание уделено перспективам интеграции технологий искусственного интеллекта, которые могут значительно расширить возможности картирования науки в историографии.

Ключевые слова: историография, библиометрия, сетевой анализ, тематическое моделирование, нейросети

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048 «Разрывы и преемственность в истории российских университетов. XVIII–XXI века».

Для цитирования: Полежаева Т.В., Гуменюк К.А. Методы картирования науки как инструмент историографии в России: возможности и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 151–162. doi: 10.17223/15617793/521/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/16

Science Mapping in Russian Historiography: possibilities and prospects

Tatiana V. Polezhaeva¹, Kristina A. Gumenyuk²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ publication@mail.tsu.ru

² christinagumenyuk@yandex.ru

Abstract. In the context of digitalization and the exponential growth of scholarly information, historiography faces the need to adapt traditional methods of analysis. The research problem lies in the insufficient study of the application of science mapping methods (bibliometrics, network analysis, topic modeling) in Russian historical research. Despite the potential of these methods for identifying hidden patterns, the dynamics of research disciplines, and interdisciplinary connections, their use in domestic historiography remains limited. The aim of the article is to analyze the current state of mapping methods in the context of Russian historical research, to determine their potential, limitations, and prospects for application in historiographical analysis. An additional task was to study the experience of using neural network technologies for the possibilities of science mapping. The empirical base of the study was formed using the Russian Science Citation Index (RSCI). As a result, a dataset of 234 publications in the category "History. Historical Sciences" was collected. Of these, 117 publications directly applied mapping methods to historiographical studies. It was found that the most in-demand method among Russian researchers is bibliometrics, combined with network analysis. Topic modeling is only beginning to be applied to historical materials, most often to mass historical sources. In recent years, the research community has raised questions about the place and role of artificial intelligence, and there is emerging experience in the practical application of AI tools in historiographical research. The analysis of the experience of applying science mapping methods (bibliometrics, network analysis, topic modeling) in historical research in Russia revealed a number of systemic limitations, including limited availability of digital archives and databases, low quality of data and metadata, insufficient training of historians in digital methods. The conducted analysis shows that the development of mapping methods in Russia follows a certain stage-by-stage pattern. First, there is a theoretical and methodological understanding of the method's potential, followed by its testing and practical application. At the same time, substantive research is more often localized in the center, specifically in the School of Historical Informatics at Moscow State University and the "Historian and Computer" Association. The importance of integrating digital tools with classical historical approaches is emphasized. Science mapping does not replace but complements traditional methods, becoming a bridge between digital technologies and classical historiography.

Keywords: historiography, scientometrics, network analysis, topic modeling, neural networks

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation; Project No. 23-18-00048.

For citation: Polezhaeva, T.V. & Gumenuyk, K.A. (2025) Science Mapping in Russian Historiography: possibilities and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 151–162. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/16

Введение

В эпоху цифровизации, когда объёмы доступных данных растут экспоненциально, историки науки всё чаще обращаются к междисциплинарным подходам, среди которых особое место занимают методы картирования науки. Эти аналитические подходы, заимствованные из статистики, социологии и информатики, позволяют не только визуализировать предметное поле историографа, но и выявлять, структурировать и описывать сложные взаимосвязи между учёными, научными школами, институтами и идеями. Закономерно, что методы картирования науки стали частью интеллектуальной истории, открыв новые перспективы для историографии [1–3]. Так, библиометрический анализ помогает определять актуальные темы, ведущих учёных и организации. С помощью сетевого анализа исследователи реконструируют процессы формирования научных школ, а тематическое моделирование, в свою очередь, позволяет выявить ключевые темы и концепции, доминировавшие в научном дискурсе различных эпох [4].

Вместе с тем, историки часто имеют дело с фрагментарной информацией, неполной источниковой базой, поэтому в профессиональной среде сохраняется осторожное отношение к количественным методам обработки информации, требующим дополнительной экспертизы результатов [5]. Однако в контексте экспоненциального роста информации применение новых инструментов видится неизбежным. Поэтому в подготовке профессионального историка как никогда актуальным становятся не только приобретение навыков использования соответствующих инструментов [6], но и, что важнее, умение интерпретировать полученные результаты, вписывать их в исторический контекст [7]. Д. Хэнд в своей книге «Темные данные» прямо предупреждает об опасностях работы с «темными данными» – информации, которая остаётся недоступной или неучтённой, но может существенно повлиять на интерпретацию результатов [8].

Среди ключевых информационных вызовов, с которыми сталкиваются историки при использовании методов картирования, особую остроту приобретают проблемы качества и доступности данных. Помимо традиционной неполноты источников, современные исследователи сталкиваются с тем, что значительная часть архивных материалов остаётся неоцифрованной, а существующие базы данных нередко содержат проблемы, ошибки или неточности в метаданных [9].

Для преодоления этих ограничений институты памяти активно внедряют новые подходы работы с информацией, расширяя доступ к своим ресурсам не только для физических пользователей, но и для систем искусственного интеллекта. В условиях цифровой трансформации именно качество данных становится критически важным фактором, определяющим эффективность анализа и интерпретации процессов и явлений [10].

Несмотря на указанные трудности, перспективы применения методов картирования в историографии остаются многообещающими. Стремительное развитие цифровых технологий и совершенствование информационной инфраструктуры исторических исследований открывают уникальные возможности. Эти изменения позволяют создавать комплексные и многомерные карты научного развития, способные отразить его динамику и сложную структуру с новой степенью точности и глубины [11].

На сегодняшний день остаётся недостаточно изученным вопрос о применении методов картирования в российских исторических исследованиях в целом и историографии в частности. Вместе с тем анализ особенностей использования этих методов в отечественной историографии позволит не только систематизировать существующие подходы, но и ответить на вопрос о роли количественных методов в современной исторической науке.

Исходя из вышеизложенных соображений, мы сформулировали цель нашего исследования – проанализировать современное состояние методов картирования в контексте российских исторических исследований, определить их потенциал и перспективы применения для историографического анализа. Для достижения поставленной цели основное внимание будет уделено трём ключевым методам¹:

- библиометрии (отвечающей на вопрос «кто?»),
- сетевому анализу (раскрывающему аспекты «кем/чем?»),
- тематическому моделированию (фокусирующемуся на вопросе «что?»).

Дополнительной задачей исследования стало определение роли современных нейросетевых технологий и инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в процессе картирования исторической науки.

В качестве информационной основы исследования была сформирована база данных научных публикаций, посвящённых применению методов картирования науки в исторических и историографических исследованиях российских авторов. Для её создания мы обратились к Российскому индексу научного цитирования (РИНЦ) – крупнейшей базе научных публикаций на русском языке. Отбор материалов осуществлялся по ключевым словам, включающим такие термины, как «библиометрия», «наукометрия», «библиометрический анализ», «сетевой анализ», «LDA», «Дирихле», «тематическое моделирование», «картирование» и др. В результате был собран массив из 474 публикаций, который после дополнительной фильтрации и экспертной оценки на соответствие целям исследования сократился до 234 работ в предметной рубрике ГРНТИ «История. Исторические науки» (рис. 1). При этом было выявлено, что методы картирования к историографии непосредственно применялись в 117 публикациях.

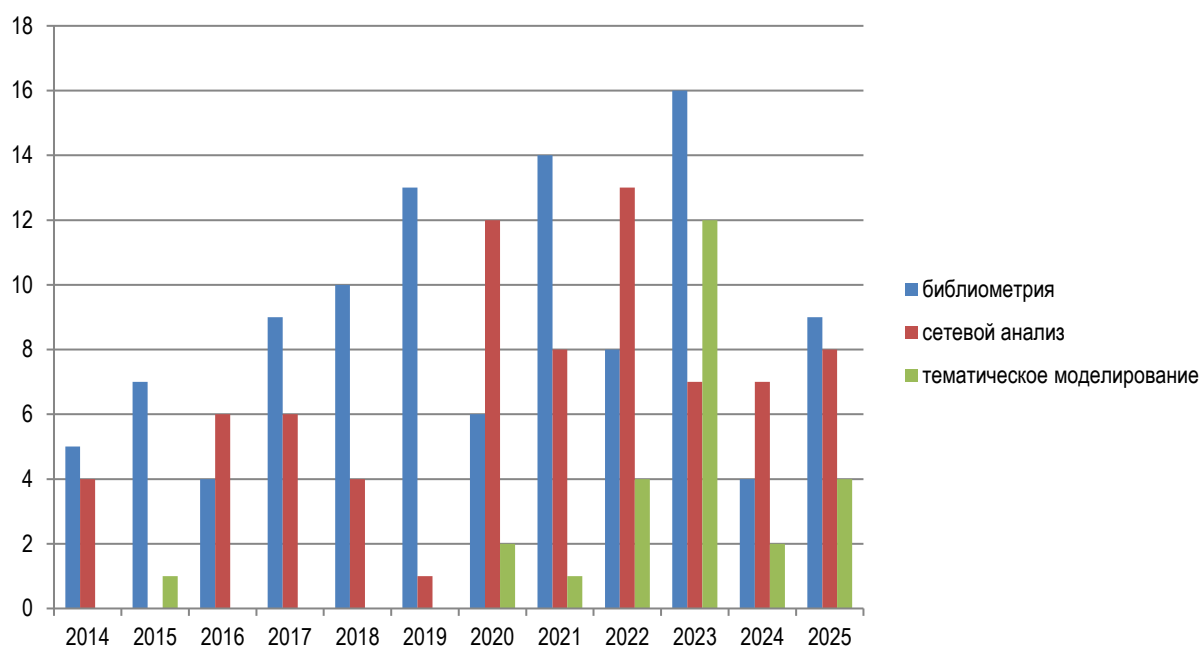

Рис. 1. Динамика публикаций с применением методов картирования

Библиометрический метод

Библиометрия как самостоятельное науковедческое направление оформилась в 1960-х гг., когда она была интегрирована в государственную систему научно-технической информации СССР (ГСНТИ). В ее основе – сведения (метаданные) о документационном потоке, публикациях и их цитировании. Настоящий расцвет библиометрии пришёлся на эпоху цифровизации, когда метод стал неотъемлемой частью цифровой инфраструктуры науки. Значительную роль в популяризации библиометрии сыграл интерес государства к ней как к инструменту оценки эффективности научной деятельности. Библиометрия определяется как «научная дисциплина, занимающаяся изучением документов на основе количественного анализа первичных и вторичных источников информации с помощью формализованных методов с целью получения данных об эффективности, динамике, структуре и закономерностях развития исследуемых областей» [12].

Сегодня можно говорить об изменении приоритетов государственной научной политики: на смену ориентации на международную конкурентоспособность приходит стремление к технологическому лидерству, а акцент на рейтингах и библиометрических показателях смещается в сторону высокотехнологичной продукции и инновационных разработок. В этом контексте библиометрия, первоначально возникшая в стенах библиотек и государственной системы научно-технической информации, вновь обретает актуальность как аналитический инструмент современного исследователя. Сегодня она активно используется для выявления перспективных научных направлений, анализа научных школ и оценки вклада отдельных исследователей, становясь неотъемлемой частью стратегического планирования в науке [13].

Об этом свидетельствует анализ собранной базы данных исторических исследований, который показывает, что библиометрия является наиболее востребованным методом картирования науки среди российских историков: в 60% исследований, вошедших в выборку, применялись библиометрические методы, при этом в части историографических работ этот показатель достиг 93% (117 работ).

В качестве предмета историографических исследований с использованием библиометрии стали отдельные персоны и научные школы [14–17], журналы [18–22], мероприятия [23–25], организации [26–28], тематические направления исторических наук [29–34]. В большинстве случаев исследователи опирались на Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) как на наиболее полную базу данных научных публикаций на русском языке. Реже использовались зарубежные индексы цитирования (Scopus, Web of Science, Google Scholar). Кроме того, исследователи формировали собственную аналитическую выборку из разных систем, при этом некоторые ученые даже официально регистрировали права на интеллектуальную собственность [35].

Помимо конкретно исторического анализа историографии особое место занимает группа теоретико-методологических исследований, среди которых выделяются работы И. М. Гарсковой, посвященные перспективам применения библиометрии в историографии [36, 37], также опробованным на практике [38–40].

Однако наряду с оптимистичными оценками в 2010-х годах сформировался значительный пласт критических работ, в которых историки ставили под сомнение применимость библиометрии как метода оценки результативности научных исследований. Дискуссии развернулись вокруг оценки гуманитарного знания государством, где прозвучали полярные точки зрения.

Так, Т.А. Рассохина подчёркивала практическую пользу библиометрии для анализа научной продуктивности [41]. В работе Г.Ч. Синченко критиковался формальный подход и количественные оценки, автор называл наукометрию «хирш-индустрией» и подчёркивал ее неприменимость к гуманитарным наукам [42]. Л.Ю. Бородин занял умеренную позицию, отмечая, что государство нацеливает учёных на использование библиометрических показателей, но при этом сохраняется необходимость учета репутационных рейтингов научных издательств, корректности справочно-библиографического аппарата и особенностей монографических исследований [43].

Следует упомянуть, что еще в 1960-х гг. один из основателей наукометрии В.В. Налимов предостерегал от формального подхода к оценке науки, основанного исключительно на наукометрических показателях. Он подчёркивал необходимость учёта качественных характеристик научной деятельности, таких как оригинальность, новизна и значимость научных результатов. Кроме того, В.В. Налимов обращал внимание на дисциплинарные особенности применения библиометрии: «Язык библиографических ссылок в философских публикациях играет значительно меньшую роль, чем в точных, естественных и технических науках» [44]. Тем не менее, простота метода способствовала его закреплению как государственного инструмента оценки науки и росту его критики среди гуманитариев.

Таким образом, библиометрия, возникшая как инструмент количественного анализа научной информации, сегодня занимает ключевую позицию на пересечении традиций и инноваций в историографии науки. Её применение требует взвешенного и критического подхода, особенно в контексте гуманитарных наук, где количественные показатели не всегда способны отразить глубину и оригинальность научных идей. В связи с этим возрастает роль экспертного знания, и исследователи неоднократно подчеркивают, что без содержательной работы интерпретация библиометрических показателей будет некорректной [45].

Сетевой анализ

Библиометрический анализ историографии часто дополняют методы сетевого анализа. В его основе лежит теория графов как структур, состоящих из узлов и рёбер. В качестве узлов (нодов, вершин) могут представлять объекты анализа (людей, организации, тексты, события), рёбра (связи, edges) отражают взаимодействия между ними (сотрудничество, цитирование, переписка, экономические транзакции) [46]. Визуализированные таким образом данные о публикациях позволяют установить связи между авторами, отследить этапы формирования научных школ, миграции исследователей и др.

Вместе с тем применение сетевого анализа в историографии сталкивается с определенными вызовами. Также как в случае с любым методом картирования науки интерпретация результатов требует не только владения специальными инструментами (такими как

Gephi, Palladio, VOSviewer или Cytoscape), но и глубокого контекстуального понимания эпохи. Кроме того, визуализации сетей могут создавать иллюзию объективности, в то время как их построение всегда зависит от субъективных решений исследователя – отбора источников, определения критериев связей и интерпретации кластеров. Тем не менее, потенциал сетевого анализа для историографии трудно переоценить. Он предлагает новый язык для описания прошлого, дополняя традиционные методы количественными подходами и открывая возможности для сравнительных и транснациональных исследований [47].

В анализируемой базе данных сетевой анализ фигурирует в 62 публикациях, при этом в качестве инструмента анализа историографии – в 16 работах. Рассматриваемый метод применялся для анализа корпораций (земств, служащие, чиновники) [48–52], религиозных групп [53, 54] и политических групп [55], товарно-денежных потоков Российской империи [56–59], миграций [60–62], семьи [63, 64] и др. Эвристический потенциал метода оказался востребован в работах, реконструирующих политические связи, миграции и товарно-денежные потоки. Разнообразие объектов исследования демонстрирует универсальность сетевого анализа как инструмента исторического исследования.

Применение в историографии метода сетевого анализа фиксируется с 2011 года, при этом пик – 2017 и 2024 гг., когда было опубликовано по 4 статьи в каждом из них. Количество теоретико-методологических изысканий о применимости метода сетевого анализа в исторических исследованиях составило 9 работ, большинство из которых связаны с московской школой цифровых гуманитарных наук и АИИ.

Зафиксированный рост интереса к сетевому анализу в историографии свидетельствует о возрастающей востребованности количественных методов в гуманитарных науках. При повышенном спросе в социальных науках [65–67] сетевой анализ в исторических науках еще не получил должного признания. По все видимости, еще сохраняется необходимость дальнейшего развития теоретико-методологической базы метода для минимизации субъективности и повышения точности интерпретации данных.

Тематическое моделирование

Еще одним из наиболее перспективных направлений картирования науки в последнее десятилетие стало тематическое моделирование – автоматизированный подход к выявлению скрытых тем и концептуальных структур в больших массивах текстов [68]. Этот метод, заимствованный из области машинного обучения и обработки естественного языка, открывает новые горизонты для историографии, позволяя исследователям анализировать большие корпуса исторических источников, которые ранее были недоступны для систематического изучения.

Тематическое моделирование (topic modeling) и в частности алгоритмы латентного распределения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation (LDA)) позволяет выявлять латентные темы в текстах, определяя, какие слова

и концепции группируются вместе, формируя устойчивые смысловые кластеры. Для историков это означает возможность автоматически классифицировать документы по тематическим категориям, отслеживать эволюцию идей, анализировать изменения в дискурсах и выявлять ранее незаметные связи между текстами, авторами или историческими периодами [69].

Особую ценность тематическое моделирование приобретает в исследованиях интеллектуальной истории, истории науки, культуры и идеологии. Например, анализ политических трактатов, газетных статей или научных трудов позволяет реконструировать, как менялись ключевые понятия и идеи в разные эпохи, какие темы доминировали в общественном дискурсе и как они взаимодействовали друг с другом [70–73]. Такой подход помогает историкам выходить за рамки традиционного анализа отдельных текстов, предлагая системный взгляд на развитие идей и концепций в широком контексте.

В современной российской историографии метод тематического моделирования является гораздо менее востребованным по сравнению с библиометрией и сетевым анализом. Так, всего было выявлено 26 научных публикаций, использующих тематическое моделирование, все они были опубликованы за последние 10 лет. Наиболее продуктивным автором стал научный сотрудник Института всеобщей истории РАН А.В. Кузнецов, подготовивший треть всех работ [74–81].

Изначально ориентированный на большие массивы данных метод тематического моделирования стал востребован у историков, работающих с массовыми источниками: газетами [82, 83], дневниками [84], веб-форумами [85], отчетными материалами.

При этом была предпринята только одна попытка тематического моделирования историографии. В работе, опубликованной в 2025 году, К.В. Павлов обращается к проблемам изучения истории Марийского края и локальных групп мари [86]. В качестве информационной базы исследования выступил РИНЦ, собранный на его основе массив информации был проанализирован сначала с помощью сетевого анализа (Gephi), а затем кластеризован алгоритмом Yufan Hu. Представленная таким образом «топография» исследований по истории Марийского края позволила автору сделать вывод о том, что ««традиционные» тематики исследований, которые стали разрабатываться еще в дореволюционный и советский периоды ... получили в 2010-е годы новый импульс в своем развитии. Он связан как со значительным ростом источниковой базы (в первую очередь, это касается археологических работ), так и с дальнейшим совершенствованием методологических практик специалистов по региональной истории и применением новых исследовательских подходов и концепций».

Рассмотренный автором кейс, безусловно, заслуживает исследовательского внимания как пример сочетания методов картирования для решения задачи «топографии» тематической области. Дополнительно нужно отметить, что полученная выборка была, с одной стороны, достаточной для верификации результатов, по-

лученных с помощью картирования. С другой стороны, сложно представить, что собранный разнообразный источниковый материал можно было бы проанализировать обычными методами историографии.

Искусственный интеллект и картирование науки

Зарубежный опыт фиксирует стабильный рост использования технологий искусственного интеллекта (ИИ) в цифровых гуманитарных науках. Так, в отчете «AI for Science» фиксируется востребованность технологий ИИ в археологии (обработка данных дистанционного зондирования для обнаружения археологических объектов), палеографии (реконструкция надписей и изображений), работе с культурным наследием (интеграция с технологиями дополненной реальности для репрезентации культурного наследия) [87].

В качестве аналитического инструмента алгоритмы ИИ встраиваются в работу крупных информационных систем, формируя кластеры востребованных тем (например, топики Scival), ускоряя и уточняя тематический поиск (например, нейропоиск в РИНЦ). Изменения ландшафта научных коммуникаций фиксируют фокус-интервью с молодыми исследователями, все чаще прибегающим к ИИ-инструментам в своей практике [88].

В собранной базе публикаций российских исследователей зафиксирован интерес к применимости технологий искусственного интеллекта к картированию знания. Первые работы появились в 2024 г., всего на сегодняшний день РИНЦ зафиксировал 16 статей, посвященные применению новых инструментов в исторических исследованиях. Статья А.В. Кузнецова посвящена историографии [89]. Автор подчеркивает не только потенциал инструментов ИИ (GPT 4, Claude, Llama 3.1), позволивших ему уточнить полученную ранее тематическую модель дневника гимназиста середины XIX в. В.И. Чemezova и ускорить процесс ее интерпретации. Особый акцент автор делает на инструментальном характере ИИ и важности экспертного знания историков, значение которого возрастает в новой парадигме в исторических исследованиях.

В качестве кейса, демонстрирующего возможности ИИ для анализа историографии, нами была предпринята попытка картирования предметной области цифровых гуманитарных наук (Digital Humanities) в России. На первом этапе для выявления ключевых концептов и предметных терминов в области ДН был проведен анализ монографии «Цифровые гуманитарные исследования» [90], являющейся своеобразной «настойной книгой» для погружения в тему. Это позволило конкретизировать предметное поле цифровых гуманитарных наук, снизив, тем самым, градус их «эпистемологической неопределенности» [91]. Составленный запрос (промт) был проанализирован с помощью нескольких ИИ-инструментов: GPT-4 [92], Алиса AI [93], Cybertida [94] и Mistral AI [95]. В результате был получен достаточно полный и разноаспектный набор ключевых слов, учитывающий как общетеоретические концепты, так и специфические инструменты ДН.

Работа с ИИ-инструментами показала, что все задействованные нейросети успешно выделили важные и релевантные ключевые слова, однако каждая из них продемонстрировала свой акцент. GPT4 и Cybertida в большей степени фокусировались на общих принципах и фундаментальных понятиях дисциплины, тогда как Mistral AI и Яндекс предложили более конкретные и практические ключевые слова, отражающие применение технологий и методов ДН.

Среди общих концептов и схожих ключевых слов, выделенных большинством моделей, следует отметить: «Digital Humanities (Цифровая гуманитаристика)», «Оцифровка (Digitization)», «Метаданные (Metadata)», «Данные (Data)» (в различных формулировках, таких как большие/малые/FAIR-данные), «Культурное наследие (Cultural Heritage)» (особенно Mistral AI и GPT), а также «Информационная инфраструктура (Information Infrastructure)» (Cybertida и GPT).

Детальное сравнение точности выделения ключевых слов разными моделями позволило уточнить их вклад:

– GPT выделил более общие и фундаментальные концепты, такие как «оцифровка», «цифровой формат», «метаданные», «доступность», «аутентичность», «культурное наследие», «цифровые коллекции», что хорошо отражает основные темы и задачи цифровой гуманитаристики.

– Cybertida сфокусировалась на технических аспектах (Data, Digital Humanities, Digitization, Binary

System, Information Processing, Metadata, Data Abstraction, Digital Formats, Datafication, Big Data, Small Data, Medium Data, FAIR Data, Data Repositories) и принципах (например, FAIR-данные), а также понятиях «информационная инфраструктура», «открытая наука», «устойчивость ресурсов», «репозитории данных».

– Mistral AI подчеркнула практическое применение технологий (3D-моделирование, VR/AR/MR) и конкретные инструменты (BIM-проектирование, SketchUp, Blender, Revit, ArchiCAD, Unreal Engine) для работы с культурным наследием и историческими реконструкциями, также выделив области «источниковедение», «цифровая визуализация», «цифровая археология».

– Яндекс предложил широкий спектр ключевых слов, охватывающих как теоретические (Data Structures, Information Modeling, Knowledge Representation), так и практические аспекты (Data Analysis, Machine Learning, Database Design, Information Systems), акцентируя внимание на «Linked Data» и «Semantic Gap».

Таким образом, наиболее всесторонний и релевантный набор ключевых слов для формирования поисковых запросов и последующего анализа был получен путем комбинации результатов, предложенных всеми моделями ИИ. Это позволило обеспечить максимальную полноту охвата предметной области, визуализированной с помощью программного обеспечения VOSviewer (рис. 2).

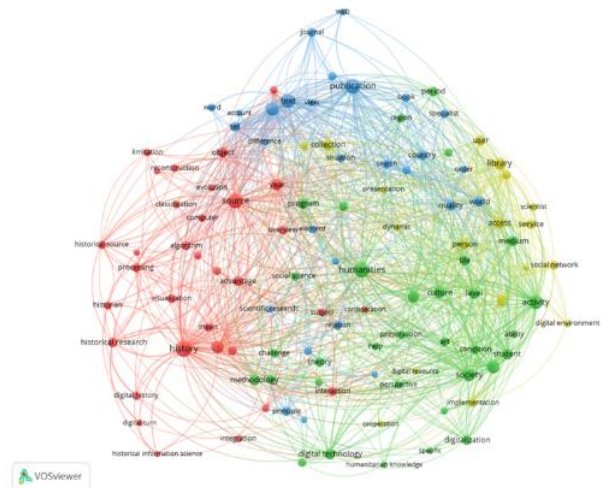
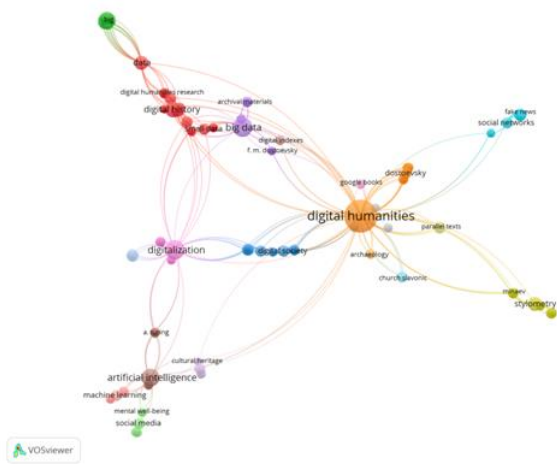

Рис. 2. Карта авторских ключевых слов (слева) и карта ключевых слов, извлеченных из названий и аннотаций статей (справа)

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта (ИИ) значительно расширяет возможности картирования науки и открывает новые горизонты для цифровой историографии. ИИ может стать ключевым фактором для преодоления многих ограничений, связанных с фрагментарностью данных, языковыми барьерами и необходимостью междисциплинарного анализа.

Несмотря на огромный потенциал, использование ИИ в картировании науки и цифровой историографии сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, это про-

блема качества исходных данных: алгоритмы ИИ могут давать неточные результаты, если входные данные содержат ошибки или неполную информацию. Во-вторых, существует риск чрезмерной зависимости от технологий, что может привести к утрате критического мышления и субъективной интерпретации исторических фактов. Наконец, этические вопросы, связанные с использованием ИИ, такие как конфиденциальность данных и прозрачность алгоритмов, требуют внимательного рассмотрения.

Выводы

Методы картирования науки представляют собой мощный инструмент анализа историографии. Однако, несмотря на их потенциал, в России они используются недостаточно активно. Это обусловлено рядом системных факторов, среди которых ограниченная доступность цифровых архивов и баз данных, фрагментарность и качество данных и метаданных, недостаточная подготовка историков в области цифровых методов.

Проведенный анализ показывает, что развитию методов картирования в России следует с определенной этапностью.

Сначала происходит теоретико-методологическое осмысление потенциала метода, далее – его апробация и практическое применение. При этом, смысловые исследования чаще локализуются в центре, а именно – научной школе исторической информатики МГУ и Ассоциации «Историк и компьютер».

Все исследователи подчеркивают важность интеграции цифровых инструментов с классическими историческими подходами. Картирование не заменяет, а дополняет традиционные методы, позволяя сочетать количественный анализ с качественной интерпретацией, визуализировать научные сети, формулировать новые исследовательские вопросы, обогащая как цифровые, так и традиционные подходы.

Таким образом, картирование становится мостом между цифровыми технологиями и классической историографией, способствуя взаимному обогащению обеих областей. В эпоху цифровых технологий картирование науки становится незаменимым инструментом, способным обогатить историографию, сделав её более точной, наглядной и междисциплинарной. Однако для полной реализации этого потенциала необходимо совершенствование методологической базы, повышение качества данных и расширение компетенций исследователей в области цифровых технологий.

Примечания

¹ Для наглядности дано описание методов с точки зрения основного вопроса, на который они помогают ответить (см. Акоев М.).

Список источников

1. Historical Research in a Digital Age: Reflections from the Mapping the Republic of Letters Project Purchased / D. Edelstein, P. Findlen, G. Ceserani [et al.] // The American Historical Review. 2017. Vol. 122, Is. 2. P. 400–424. doi: 10.1093/ahr/122.2.400
2. Petrovich E. Science Mapping and Science Maps // Knowledge Organization. 2021. Vol. 48, № 7-8, P. 535–562. doi: 10.5771/0943-7444-2021-7-8-535.
3. Репина Л.П. Комбинационные возможности микро- и макроанализа: историографическая практика // Диалог со временем. 2001. № 7. С. 61–88.
4. Акоев М.А. Картирование науки и технологий, прогноз развития // Руководство по наукометрии: индикаторы развития науки и технологии. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2014. С. 164–178.
5. Володин А.Ю. «Цифровая история»: ремесло историка в цифровую эпоху // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 8 (41). С. 2.
6. Гринев А.В. Профессиональная культура российского специалиста-историка в будущем и в настоящем // Клио. 2018. № 9 (141). С. 188–192.
7. Дутчак Е.Е., Болдовская Т.Е. Историк в пространстве междисциплинарности: взгляд студентов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 5–14. doi: 10.17223/15617793/500/1.
8. Хэнд Д. Темные данные: Практическое руководство по принятию правильных решений в мире недостающих данных. М. : Альпина Паблишер, 2021. 366 с.
9. Гуменюк К.А. Историк в потоке информации: особенности работы с международными библиографическими базами данных // Сборник тезисов Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2024». М., 2024. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/32247/169289_uid921256_report.pdf (дата обращения: 05.10.2025).
10. Полежаева Т.В., Сасина О.А. Направления работы библиотек в информационной инфраструктуре исторической науки // Научные и технические библиотеки. 2024. № 12. С. 80–102. doi: 10.33186/1027-3689-2024-12-80-102.
11. Petrovich E. Science Mapping and Science Maps // Knowledge organization. 2021. Vol. 48 (7-8). P. 535–562. doi: 10.5771/0943-7444-2021-7-8-535
12. Фокеев В.А. Библиографическая наука и практика: терминологический словарь. СПб. : Профессия, 2008. С. 49.
13. Pessin V.Z., Yamane L.H., Siman R.R. Smart bibliometrics: an integrated method of science mapping and bibliometric analysis // Scientometrics. 2022. Vol. 127. P. 3695–3718. doi: 10.1007/s11192-022-04406-6.
14. Пронин А.А. Научные школы историков-эмигрантоведов Пронин // Наука и образование: современные тренды. 2015. № X. С. 70–83.
15. Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертациях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 3. С. 74–79.
16. Пронин А.А. Научные школы историков-эмигрантоведов // Клио. 2012. № 2 (62). С. 63–68.
17. Ростовцев Е.А., Шишов В.О. С.Н. Валк в научно-информационном пространстве в конце XX – начале XXI в. // Клио. 2013. № 10 (82). С. 138–144.
18. Полежаева Т.В. Российские гуманитарные журналы в международном пространстве: проблемы и перспективы // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 4. С. 17–22.
19. Дисциплина Feminism & Women's Studies и научная идентичность современного российского библиотековедения // Соколов С.В. Общественные науки за рубежом. Библиотековедение в междисциплинарном дискурсе : электронный справочник. М. : ИНИОН РАН, 2023. С. 178–184.
20. Ситдигов А.Г., Мухаметшин Р.Р., Хузин Ф.Ш. Журнал «Поволжская археология»: становление и его место в международном научном пространстве // Археология Казахстана. 2023. № 1 (19). С. 58–67.
21. Бакшт Д.А., Мамонтова М.А. Пятилетие журнала «Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность»: научный и идейный потенциал // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 1. С. 122–139.
22. Тарханов И.А., Яблоков Б.В. Сравнительный анализ научно-образовательных интернет-ресурсов исторической направленности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8, вып. 7 (61). URL: <https://history.jes.su/s207987840001905-4-1/> (дата обращения: 05.10.2025).
23. Григорьев А.В., Карпов А.В., Карпова О.В. Количественно-качественный анализ материалов научных конференций «Развитие современного образования в контексте педагогической компетенциологии» 2021–2023 гг. по ряду наукометрических показателей // Развитие современного образования в контексте педагогической (образовательной) компетенциологии : материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 15 апреля 2024 г.). Чебоксары : Среда, 2024. С. 148–150.

24. Бабенкова Н.А. Северный археологический конгресс: статистические наблюдения // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 139–148.
25. Голдин В.И. Наука. Образование. Регионы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3. С. 137–142.
26. Кочетова Т.А. Публикации преподавателей Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе на страницах местной краеведческой периодики: библиометрический анализ // Дни науки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского : сборник трудов V Научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых учёных (Симферополь, 30 октября – 1 ноября 2019 г.). Симферополь : Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского, 2019. С. 76–81.
27. Филюшкин А.И. Научная деятельность Института истории СПбГУ: достижения и перспективы // Мавродинские чтения 2018 : материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина (Санкт-Петербург, 29–31 октября 2018 г.). СПб. : ООО Нестор-История, 2018. С. 32–35.
28. Долгов В.В. Исследования древнерусской истории в Удмуртском государственном университете. Историографический обзор // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2014. № 1. С. 31–39.
29. Тимофеева Ю.В. Библиотека Томского губернского тюремного замка: количественный и качественный состав фонда // Тринадцатые Макушинские чтения : сб. науч. ст. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2024. С. 194–213.
30. Библиометрическое исследование частот упоминаний Курска в классических работах по истории России / Н.Д. Кликунов, В.М. Окорочков, А.В. Окорочков, А.Л. Панищев // Наука и практика регионов. 2024. № 3 (36). С. 53–61.
31. Кокорина Ю.Г. Отражение в английской прессе событий Великой Отечественной войны (опыт библиометрического анализа) // История Второй мировой войны : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 18 мая 2023 г.). М. : Московский политех. ун-т, 2023. С. 23–28.
32. Мандринина Л.А., Соловьёв Н.А. Эго-документы сибиряков по истории Великой Отечественной войны: анализ документопотока // Библиосфера. 2023. № 4. С. 67–79.
33. Тимофеева Ю.В., Панченко А.М. Книгоиздание в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XVIII–XIX в. // Библиография и книговедение. 2021. № 1 (432). С. 118–134.
34. Кузьмин Ю.В. Отношение объёмов производства и результативности конструкторских работ в мировом авиастроении XX в. : статистический анализ базы данных // Историческая информатика. 2020. № 2 (32). С. 61–82.
35. Пронин А.А. Источники исторических исследований российской эмиграции и их эволюция : свидетельство о регистрации базы данных RU 2013620744; правообладатель А. А. Пронин. Дата регистрации: 06.05.2013; дата публикации: 20.09.2013. № заявки 2013620530.
36. Гарскова И.М. Библиометрический и сетевой анализ историографии // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2011. № 37. С. 39–48.
37. Гарскова И.М. Историография научного направления: возможности количественного анализа // Вестник РГТУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2011. № 18 (80). С. 88–100.
38. Гарскова И.М. Сетевой анализ историографии: динамика формирования межрегиональной компоненты сети АИК // Историческая информатика. 2017. № 4 (22). С. 112–129.
39. Гарскова И.М. Сетевой анализ историографии: динамика формирования региональных центров исторической информатики // Историческая информатика. 2017. № 3 (21). С. 94–115.
40. Гарскова И.М. Анализ историографии исторической информатики как научного направления // Харьковский историографический сборник. 2010. № 10. С. 138–171.
41. Рассохина Т.А. Наукометрия как «большой брат» учёного // Автоматика, связь, информатика. 2020. № 7. С. 43–45.
42. Синченко Г.Ч. Моление о цифре. Квазиархаика в ореоле науки // Вестник Омского университета. 2015. № 2 (76). С. 78–82.
43. Бородин Л.И. От библиографии к библиометрии: к вопросу об оценке публикационной активности историков // Роль библиографии в информационном обеспечении исторической науки : сб. ст. М., 2018. С. 347.
44. Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. М. : Наука, 1969. С. 113.
45. Durieux V., Gevenois P. A. Bibliometric indicators: quality measurements of scientific publication // Radiology. 2010. Vol. 255, № 2. P. 342–351. doi: 10.1148/radiol.09090626
46. Wellman B. Network Analysis: Some Basic Principles // Sociological Theory. 1983. Vol. 1. P. 155–200. URL: <https://www.jstor.org/stable/202050> (дата обращения: 12.10.2025).
47. Vera E.R., Schupp T. Network analysis in comparative social sciences // Comparative Education. 2006. Vol. 42, № 3. P. 405–429. doi: 10.1080/03050060600876723
48. Райович Г.К., Братановский С.Н., Епифанов А.Е., Куксин И.Н. К вопросу о модели мужских гимназий Российской империи (на примере Пермской мужской гимназии) // Былые годы. 2025. № 20 (3). С. 1195–1202.
49. Мингалёва П.Ю. Сетевые связи А.Н. Оболенского на службе в Тамбовской губернии (1907–1908 гг.) // Державинский форум. 2025. Т. 9, № 3. С. 321–328.
50. Плате А. Объяснить, «как... на самом деле функционирует политика»: немецкий историк Вольфганг Райнхард, теория переплетений и микрополитика // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 466. С. 118–123.
51. Поврозник Н.Г., Сметанин А.В. Сети земских гласных: к вопросу об истоках «партийности» в местном самоуправлении // Историческая информатика. 2020. № 1 (31). С. 94–110.
52. Сметанин А.В. Семантический контент-анализ выступлений депутатов Государственной думы Российской империи: методологические аспекты // Вестник Пермского университета. История. 2014. № 3 (26). С. 57–66.
53. Юнусова А.Б., Гусева Ю.Н. Центральное и региональные духовные управления мусульман в Крыму и Башкирии (1920–1930-е гг.): сетевой анализ // Историческая информатика. 2025. № 3 (53). С. 77–98.
54. Пастухов К.С. Сибирские общины последователей старой веры во второй четверти XX века (опыт анализа на основе методов и инструментов Digital Humanities) // Шестая зимняя школа по гуманитарной информатике : сб. докладов Зимней школы. Калининград, 2022. С. 25–32.
55. Горяева М.Н. Шотландия на переломе: интеллектуальные дискурсы и конструирование политической идентичности в эпоху Унии 1707 года // Вестник Брянского государственного университета. 2025. № 2 (64). С. 44–52.
56. Саломатина С.А. Динамика межрегиональных расчётов в Российской империи в 1868–1898 годах: сетевой и геоинформационный анализ // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2022. № 49. С. 69–70.
57. Саломатина С.А. Внутренние товарно-денежные потоки Российской империи во второй половине XIX века: сетевой и геоинформационный анализ // Историческая информатика. 2022. № 4 (42). С. 155–178.
58. Саломатина С.А., Гарскова И.М., Валетов Т.Я. Межрегиональные расчёты Орловского коммерческого банка во второй половине XIX в.: сетевой анализ // Историческая информатика. 2019. № 4 (30). С. 122–147.
59. Акашева А.А. Опыт сетевого анализа сообщества земельных арендаторов в Нижнем Новгороде, 1870–1914 гг. На примере владельцев кирпичных заводов // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2018. № 47. С. 104–105.

60. Котов А.С. Перемещение официалов Немецкого ордена в XIII – первой четверти XVI в. через призму методов визуализации // *Saurus*. 2024. Т. 3, № 3. С. 34–49.
61. Стороженко А.А. Старообрядческие миграции в 30–50-е годы XX века в Сибирь: опыт применения цифровых технологий // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях : материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т., 2023. С. 79–81.
62. Зинькина Ю.В., Коротаев Ю.В., Андреев А.И. Структура глобальной миграционной сети и динамика изменения мир-системы // *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*. 2014. № 1–2. С. 18–32.
63. Валдайских Д.В. Метод сетевого анализа в изучении истории горнозаводской семьи в Пермской губернии конца XIX в. // *Документ. Архив. История. Современность* : сб. научн. трудов. Екатеринбург, 2024. С. 6–18.
64. Герцен А.С. Применение методов ДН при изучении династических имён Рюриковичей // Историческое вече: проблемы истории и археологии : сб. ст. Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов и молодых учёных. Великий Новгород, 2023. С. 53–59.
65. Borgatti S.P. [et al.] Network Analysis in the Social Sciences // *Science*. 2009. Vol. 323. P. 892–895. doi: 10.1126/science.1165821.
66. Mehrpour A., Widmer E.D., Staerklé C. Social network analysis in social psychological research (1990–2020): A scoping review // *British Journal of Social Psychology*. 2025. Vol. 64, Is. 1. Art. e12833. doi: 10.1111/bjso.12833
67. Khalid H. Systematic Literature Review on Social Network Analysis // 2019 International Conference on Innovative Computing (ICIC), Lahore, Pakistan. 2019. P. 1–7. doi: 10.1109/ICIC48496.2019.8966673
68. Brett M.R. Topic modeling: A basic introduction // *Journal of Digital Humanities*. 2012. Vol. 2, № 1. P. 12–16.
69. Allen C., Murdock J. LDA topic modeling: Contexts for the history & philosophy of science // *The Dynamics of Science: Computational Frontiers in History and Philosophy of Science*. Pittsburgh : Pittsburgh University Press, 2020.
70. Корниенко С.И., Ехлакова А.Р. Информационное противоборство красных и белых на Восточном фронте Гражданской войны: подходы к анализу источников (кейс пермской газетной периодики) // *Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие* : материалы V Международной научно-практической конференции, посвящённой 130-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа. Омск, 2023. С. 199–206.
71. Bakeev M. Academic macroeconomics and monetary policy: topic modeling based on transcripts of the meetings of the Federal Open Market Committee from 1976 to 2016 // *OEconomia*. 2023. № 13-2. P. 393–425.
72. Пенская Е.Н., Хачатурян Л.В. Литературное наследие XIX–XX веков: классификация растровых изображений для интеллектуального анализа и тематического моделирования корпуса рукописных текстов // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2023. С. 160–165.
73. Янина П.Н. Как менялась тематика и тональность в стенографических отчётах Первого съезда народных депутатов: количественный анализ // *Ветер Перестройки* : сб. материалов первой Всероссийской научной конференции. СПб., 2022. С. 37–44.
74. Кузнецов А.В. От слов к смыслу: интерпретация тематики исторических текстов с помощью больших языковых моделей // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2024. Т. 15, № 12-2 (146).
75. Кузнецов А.В. За пределами тематического моделирования: анализ исторического текста с помощью больших языковых моделей // *Историческая информатика*. 2024. № 4 (50). С. 47–65.
76. Кузнецов А.В. Искусственный интеллект в исторических исследованиях: потенциал и пределы эффективности // *Модернизация, Инновации, Прогресс (МИП-V-2023)* : сб. науч. Ст. по материалам V Международной научной конференции. Красноярск, 2023. С. 129–135.
77. Кузнецов А.В. Проблемы интерпретации результатов тематического моделирования в исторических исследованиях // *Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук* : сб. ст. IX Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 88–92.
78. Кузнецов А.В. Использование интеллектуального анализа текста для обнаружения скрытой информации в исторических источниках // *Новые информационные технологии в образовании и науке*. 2023. № 9. С. 40–44.
79. Кузнецов А.В. Тематическое моделирование в исторической науке // *Социосфера*. 2022. № 4. С. 9–12.
80. Кузнецов А.В. Компьютерный анализ текстов на латинском языке: тематическое моделирование «Истории готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2020. Т. 11, № 3 (89). С. 11.
81. Кузнецов А.В. Компьютерный анализ текстов на латинском языке: латентно-семантический анализ «Истории готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского // *Историческая информатика*. 2020. № 2 (32). С. 178–191.
82. Галушко И.Н. Применение тематического моделирования для оптимизации процесса поиска релевантных исторических документов (на примере биржевой прессы начала XX в.) // *Историческая информатика*. 2023. № 2 (44). С. 129–144.
83. Корниенко С.И., Сенина А.В., Маткин Н.А., Исмакаева И.Д. Дискурсы «белых» и «красных» в информационном противоборстве на Восточном фронте Гражданской войны: подходы Data Science // *Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер*. 2022. № 49. С. 101–102.
84. Чернова И.В. Полевая жизнь: память и рефлексия (по материалам студенческих этнографических практик ОМГУ 1990–2023 гг.) // *Вестник Алтайского государственного педагогического университета*. 2025. № 3 (64). С. 110–113. doi: 10.37386/2413-4481-2025-3-110-113.
85. Соколов Ю.В. Дискуссии о российской революции 1917 г. в Сети: методические подходы к исследованию веб-форумов как исторического источника // *Историческая информатика*. 2023. № 2 (44). С. 19–33. doi: 10.7256/2585-7797.2023.2.40601.
86. Павлов К.В. История Марийского края и локальных групп мари в отражении отечественной историографии 2010-х гг.: опыт социально-сетевого моделирования // *Историческая информатика*. 2025. № 1 (51). С. 1–19.
87. AI for Science 2025 // *Nature Research Intelligence*. 2025. P. 62. URL: <https://www.nature.com/articles/d42473-025-00161-3> (date of access: 05.10.2025).
88. Do early career researchers consider AI as an opportunity or a threat? / D. Nicholas, D. Clark, J. Akeroyd [et al.] // *Learned Publishing*. In press.
89. Кузнецов А.В. От слов к смыслу: интерпретация тематики исторических текстов с помощью больших языковых моделей // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2024. Т. 15, № 12-2 (146).
90. Цифровые гуманитарные исследования : монография / А.Б. Антопольский, А.А. Бонч-Осмоловская, Л.И. Бородин [и др.]. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2023. С. 17–18.
91. Зорин А.Л. Об эпистемологическом статусе понятия «цифровые гуманитарные науки» // *Культура и время перемен*. 2019. № 2 (25). С. 9.
92. Нейросетевая модель GPT-4. URL: <https://openai.com/index/gpt-4/> (дата обращения: 16.10.2025).
93. Нейросетевая модель Алиса Ai. URL: <https://alice.yandex.ru/> (дата обращения: 16.10.2025).
94. Нейросетевая модель Cybertida URL: <https://cybertida.ru/> (дата обращения: 16.10.2025).
95. Нейросетевая модель Mistral AI. URL: <https://mistral.com.ru/> (дата обращения: 16.10.2025).

References

1. Historical Research in a Digital Age: Reflections from the Mapping the Republic of Letters Project Purchased / D. Edelstein, P. Findlen, G. Ceserani [et al.] // *The American Historical Review*. 2017. Vol. 122, Is. 2. P. 400–424. doi: 10.1093/ahr/122.2.400

2. Petrovich E. Science Mapping and Science Maps // Knowledge Organization. 2021. Vol. 48, № 7-8, P. 535–562. doi: 10.5771/0943-7444-2021-7-8-535.
3. Repina L.P. Kombinatsionn'yye vozmozhnosti mikro- i makroanaliza: istoriograficheskaya praktika // Dialog so vremenem. 2001. № 7. S. 61–88.
4. Akoyev M.A. Kartirovaniye nauki i tekhnologii, prognoz razvitiya // Rukovodstvo po naukometrii: indikatory razvitiya nauki i tekhnologii. Yekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2014. S. 164–178.
5. Volodin A.YU. «Tsifrovaya istoriya»: remeslo istorika v tsifrovuyu epokhu // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «IstoriYA». 2015. № 8 (41). S. 2.
6. Grinev A.V. Professional'naya kul'tura rossiyskogo spetsialista-istorika v budushchem i v nastoyashchem // Klio. 2018. № 9 (141). S. 188–192.
7. Dutchak YE.E., Boldovskaya T.E. Istoriya v prostranstve mezhdistitsiplinarnosti: vzglyad studentov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 500. S. 5–14. doi: 10.17223/15617793/500/1.
8. Khend D. Temn'yye dann'yye: Prakticheskoye rukovodstvo po prinyatiyu pravil'nykh resheniy v mire nedostayushchikh dannykh. M. : Al'pina Publisher, 2021. 366 s.
9. Gumenyuk K.A. Istoriya v potoke informatsii: osobennosti raboty s mezhdunarodnymi bibliograficheskimi bazami dannykh // Sbornik tezisov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov-2024». M., 2024. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/32247/169289_uid921256_report.pdf (data obrashcheniya: 05.10.2025).
10. Polezhayeva T.V., Sasina O.A. Napravleniya raboty bibliotek v informatsionnoy infrastrukture istoricheskoy nauki // Nauchn'yye i tekhnicheskiye biblioteki. 2024. № 12. S. 80–102. doi: 10.33186/1027-3689-2024-12-80-102.
11. Petrovich E. Science Mapping and Science Maps // Knowledge organization. 2021. Vol. 48 (7-8). P. 535–562. doi: 10.5771/0943-7444-2021-7-8-535
12. Fokeyev V.A. Bibliograficheskaya nauka i praktika: terminologicheskii slovar'. SPb. : Professiya, 2008. S. 49.
13. Pessin V.Z., Yamane L.H., Siman R.R. Smart bibliometrics: an integrated method of science mapping and bibliometric analysis // Scientometrics. 2022. Vol. 127. P. 3695–3718. doi: 10.1007/s11192-022-04406-6.
14. Pronin A.A. Nauchn'yye shkoly istorikoV-emigrantovedov Pronin // Nauka i obrazovaniye: sovremenn'yye trendy. 2015. № X. S. 70–83.
15. Pronin A.A. Rossiyskaya emigratsiya v otechestvennykh dissertatsiyakh 1980–2005 gg.: bibliometricheskii analiz // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region. 2014. № 3. S. 74–79.
16. Pronin A.A. Nauchn'yye shkoly istorikoV-emigrantovedov // Klio. 2012. № 2 (62). S. 63–68.
17. Rostovtsev YE.A., Shishov V.O. S.N. Valk v nauchno-informatsionnom prostranstve v kontse XX – nachale XXI v. // Klio. 2013. № 10 (82). S. 138–144.
18. Polezhayeva T.V. Rossiyskiye gumanitarn'yye zhurnaly v mezhdunarodnom prostranstve: problemy i perspektivy // Gumanitarn'yye nauki v Sibiri. 2024. T. 31, № 4. S. 17–22.
19. Distitsiplina Feminism & Women's Studies i nauchnaya identichnost' sovremennogo rossiyskogo bibliotekovedeniya // Sokolov S.V. Obshchestvenn'yye nauki za rubezhom. Bibliotekovedeniye v mezhdistitsiplinarnom diskurse : elektronnyy spravochnik. M. : INION RAN, 2023. S. 178–184.
20. Sitdikov A.G., Mukhametshin R.R., Khuzin F.S.H. Zhurnal «Povolzhskaya arkheologiya»: stanovleniye i yego mesto v mezhdunarodnom nauchnom prostranstve // Arkheologiya Kazakhstana. 2023. № 1 (19). S. 58–67.
21. Baksht D.A., Mamontova M.A. Pyatiletiye zhurnala «Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'»: nauchnyy i ideynyy potentsial // Severn'yye arkhivy i ekspeditsii. 2022. T. 6, № 1. S. 122–139.
22. Tarkhanov I.A., Yablokov B.V. Sravnitel'nyy analiz nauchno-obrazovatel'nykh internet-resursov istoricheskoy napravlenosti // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «IstoriYA». 2017. T. 8, vyp. 7 (61). URL: <https://history.jes.su/s207987840001905-4-1/> (data obrashcheniya: 05.10.2025).
23. Grigor'yev A.V. Karpov A.V., Karpova O.V. Kolichestvenno-kachestvennyy analiz materialov nauchnykh konferentsiy «Razvitiye sovremennogo obrazovaniya v kontekste pedagogicheskoy kompetentsiologii» 2021–2023 gg. po ryadu naukometricheskikh pokazateley // Razvitiye sovremennogo obrazovaniya v kontekste pedagogicheskoy (obrazovatel'noy) kompetentsiologii : materialy IV Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (Cheboksary, 15 aprelya 2024 g.). Cheboksary : Sreda, 2024. S. 148–150.
24. Babenkova N.A. Severnyy arkheologicheskii kongress: statisticheskiye nablyudeniya // Ural'skiy istoricheskii vestnik. 2019. № 4 (65). S. 139–148.
25. Goldin V.I. Nauka. Obrazovaniye. Regiony // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarn'yye i sotsial'n'yye nauki. 2019. № 3. S. 137–142.
26. Kochetova T.A. Publikatsii prepodavateley Krymskogo pedagogicheskogo instituta imeni M. V. Frunze na stranitsakh mestnoy krayevedcheskoy periodiki: bibliometricheskii analiz // Dni nauki Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo : sbornik trudov V Nauchno-prakticheskoy konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov, studentov i molodykh uchennykh (Simferopol', 30 oktyabrYA – 1 noyabrYA 2019 g.). Simferopol' : Krymskiy federal'nyy un-t im. V. I. Vernadskogo, 2019. S. 76–81.
27. Filyushkin A.I. Nauchnaya deyatel'nost' Instituta istorii SPBGU: dostizheniya i perspektivy // Mavrodinskiye chteniya 2018 : materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya professora Vladimira Vasil'yevicha Mavrodina (Sankt-Peterburg, 29–31 oktyabrya 2018 g.). SPb. : OOO NestoR-Istoriya, 2018. S. 32–35.
28. Dolgov V.V. Issledovaniya drevnerusskoy istorii v Udmurtskom gosudarstvennom universitete. Istoriograficheskii obzor // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya. 2014. № 1. S. 31–39.
29. Timofeyeva YU.V. Biblioteka Tomskogo gubernskogo tyuremnogo zamka: kolichestvennyy i kachestvennyy sostav fonda // Trinadtsat'yye Makushinskiye chteniya : sb. nauch. st. Novosibirsk : GPNTB SO RAN, 2024. S. 194–213.
30. Bibliometricheskoye issledovaniye chastot upominaniy Kurska v klassicheskikh rabotakh po istorii Rossii / N.D. Klikunov, V.M. Okorokov, A.V. Okorokov, A.L. Panishchev // Nauka i praktika regionov. 2024. № 3 (36). S. 53–61.
31. Kokorina YU.G. Otrazheniye v angliyskoy presse sobytii Velikoy Otechestvennoy voyny (opyt bibliometricheskogo analiza) // Istoriya Vtoroy mirovoy voyny : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 18 maya 2023 g.). M. : Moskovskiy politekh. un-t, 2023. S. 23–28.
32. Mandrinina L.A., Solov'yev N.A. Ego-dokumenty sibiryakov po istorii Velikoy Otechestvennoy voyny: analiz dokumentopotoka // Bibliosfera. 2023. № 4. S. 67–79.
33. Timofeyeva YU.V., Panchenko A.M. Knigoizdaniye v Sibiri i na Dal'nem Vostoke v kontse XVIII–XIX v. // Bibliografiya i knigovedeniye. 2021. № 1 (432). S. 118–134.
34. Kuz'min YU.V. Otnosheniye ob'yemov proizvodstva i rezul'tativnosti konstruktorskikh rabot v mirovom aviastroyenii XX v. : statisticheskiy analiz bazy dannykh // Istoriicheskaya informatika. 2020. № 2 (32). S. 61–82.
35. Pronin A.A. Istochniki istoricheskikh issledovaniy rossiyskoy emigratsii i ikh evolyutsiya : svidetel'stvo o registratsii bazy dannykh RU 2013620744; pravoobladatel' A. A. Pronin. Data registratsii: 06.05.2013; data publikatsii: 20.09.2013. № zayavki 2013620530.
36. Garskova I.M. Bibliometricheskii i setovoy analiz istoriografii // Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuteR». 2011. № 37. S. 39–48.
37. Garskova I.M. Istoriografiya nauchnogo napravleniya: vozmozhnosti kolichestvennogo analiza // Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedeniye i arkhivovedeniye. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'. 2011. № 18 (80). S. 88–100.

38. Garskova I.M. Setevoy analiz istoriografii: dinamika formirovaniya mezhregional'noy komponenty seti AIK // *Istoricheskaya informatika*. 2017. № 4 (22). S. 112–129.
39. Garskova I.M. Setevoy analiz istoriografii: dinamika formirovaniya regional'nykh tsentrov istoricheskoy informatiki // *Istoricheskaya informatika*. 2017. № 3 (21). S. 94–115.
40. Garskova I.M. Analiz istoriografii istoricheskoy informatiki kak nauchnogo napravleniya // *Khar'kovskiy istoriograficheskiy sbornik*. 2010. № 10. S. 138–171.
41. Rassokhina T.A. Naukometriya kak «bol'shoy braT» uchēnogo // *Avtomatika, svyaz', informatika*. 2020. № 7. S. 43–45.
42. Sinchenko G.CH. Moleniye o tsifre. Kvaziarkhaika v oreole nauki // *Vestnik Omskogo universiteta*. 2015. № 2 (76). S. 78–82.
43. Borodkin L.I. Ot bibliografii k bibliometrii: k voprosu ob otsenke publikatsionnoy aktivnosti istorikov // *Rol' bibliografii v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki* : sb. st. M., 2018. S. 347.
44. Nalimov V.V., Mul'chenko Z.M. Naukometriya. Izucheniye razvitiya nauki kak informatsionnogo protsessa. M. : Nauka, 1969. S. 113.
45. Durieux V., Gevenois P. A. Bibliometric indicators: quality measurements of scientific publication // *Radiology*. 2010. Vol. 255, № 2. R. 342–351. doi: 10.1148/radiol.09090626
46. Wellman B. Network Analysis: Some Basic Principles // *Sociological Theory*. 1983. Vol. 1. P. 155–200. URL: <https://www.jstor.org/stable/202050> (data obrashcheniya: 12.10.2025).
47. Vera E.R., Schupp T. Network analysis in comparative social sciences // *Comparative Education*. 2006. Vol. 42, № 3. P. 405–429. doi: 10.1080/03050060600876723
48. Rayovich G.K., Bratanovskiy S.N., Yepifanov A.E., Kuksin I.N. K voprosu o modeli muzhskikh gimnaziy Rossiyskoy imperii (na primere Permskoy muzhskoy gimnazii) // *Byl' yye gody*. 2025. № 20 (3). S. 1195–1202.
49. Mingalēva P.YU. Setev' yye svyazi A.N. Obolenskogo na sluzhbe v Tambovskoy gubernii (1907–1908 gg.) // *Derzhavinskiy forum*. 2025. T. 9, № 3. S. 321–328.
50. Plate A. Ob "yasnit", «kaK... na samom dele funktsioniruyet politikA»: nemetskiy istorik Vol'fgang Raynkhart, teoriya perepleteniy i mikropolitikA // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 466. S. 118–123.
51. Povroznik N.G., Smetanin A.V. Seti zemskikh glasnykh: k voprosu ob istokakh «partynostI» v mestnom samoupravlenii // *Istoricheskaya informatika*. 2020. № 1 (31). S. 94–110.
52. Smetanin A.V. Semanticheskii kontenT-analiz vystupleniy deputatov Gosudarstvennoy dумы Rossiyskoy imperii: metodologicheskiye aspekty // *Vestnik Permskogo universiteta*. Istoriya. 2014. № 3 (26). S. 57–66.
53. Yunusova A.B., Guseva YU.N. Tsentral'noye i regional'n' yye dukhovn' yye upravleniya musul'man v Krymu i Bashkirii (1920–1930-e gg.): setevoy analiz // *Istoricheskaya informatika*. 2025. № 3 (53). S. 77–98.
54. Pastukhov K.S. Sibirskiy obshchiny posledovateley staroy very vo vtoroy chetverti XX veka (opyt analiza na osnove metodov i instrumentov Digital Humanities) // *Shestaya zimnyaya shkola po gumanitarnoy informatike* : sb. dokladov Zimney shkoly. Kaliningrad, 2022. S. 25–32.
55. Goryayeva M.N. Shotlandiya na perelome: intellektual'n' yye diskursy i konstruirovaniye politicheskoy identichnosti v epokhu Unii 1707 goda // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2025. № 2 (64). S. 44–52.
56. Salomatina S.A. Dinamika mezhregional'nykh raschētov v Rossiyskoy imperii v 1868–1898 godakh: setevoy i geoinformatsionnyy analiz // *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuteR»*. 2022. № 49. S. 69–70.
57. Salomatina S.A. Vnutrenniye tovarO-denezhn' yye potoki Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX veka: setevoy i geoinformatsionnyy analiz // *Istoricheskaya informatika*. 2022. № 4 (42). S. 155–178.
58. Salomatina S.A., Garskova I.M., Valetov T.YA. Mezhhregional'n' yye raschēty Orlovskogo kommercheskogo banka vo vtoroy polovine XIX v.: setevoy analiz // *Istoricheskaya informatika*. 2019. № 4 (30). S. 122–147.
59. Akasheva A.A. Opyt setevogo analiza soobshchestva zemel'nykh arendatorov v Nizhnem Novgorode, 1870–1914 gg. Na primere vladel'tsev kirpichnykh zavodov // *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii «Istoriya i komp'yuteR»*. 2018. № 47. S. 104–105.
60. Kotov A.S. Peremeshcheniye ofitsialov Nemetskogo ordena v XIII – pervoy chetverti XVI v. cherez prizmu metodov vizualizatsii // *Caurus*. 2024. T. 3, № 3. S. 34–49.
61. Storozhenko A.A. Staroobryadcheskiye migratsii v 30–50-e gody XX veka v Sibir': opyt primeneniya tsifrovyykh tekhnologiy // *Informatsionnyy tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh* : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Krasnoyarsk : Sibirskiy federal'nyy un-t., 2023. S. 79–81.
62. Zin'kina YU.V., Korotayev YU.V., Andreyev A.I. Struktura global'noy migratsionnoy seti i dinamika izmeneniya miR-sistemy // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika*. 2014. № 1–2. S. 18–32.
63. Valdayskiy D.V. Metod setevogo analiza v izuchenii istorii gornozavodskoy sem'i v Permskoy gubernii kontsa XIX v. // *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* : sb. nauchn. trudov. Yekaterinburg, 2024. S. 6–18.
64. Gertsen A.S. Primeneniye metodov DH pri izuchenii dinasticheskikh imēn Ryurikovichy // *Istoricheskoye veche: problemy istorii i arkhologii* : sb. st. Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchnoy konferentsii studentov i molodykh uchēnykh. Velikiy Novgorod, 2023. S. 53–59.
65. Borgatti S.P. [et al.] Network Analysis in the Social Sciences // *Science*. 2009. Vol. 323. P. 892–895. doi: 10.1126/science.1165821.
66. Mehrpour A., Widmer E.D., Staerkle C. Social network analysis in social psychological research (1990–2020): A scoping review // *British Journal of Social Psychology*. 2025. Vol. 64, Is. 1. Art. e12833. doi: 10.1111/bjso.12833
67. Khalid H. Systematic Literature Review on Social Network Analysis // 2019 International Conference on Innovative Computing (ICIC), Lahore, Pakistan. 2019. P. 1–7. doi: 10.1109/ICIC48496.2019.8966673
68. Brett M.R. Topic modeling: A basic introduction // *Journal of Digital Humanities*. 2012. Vol. 2, № 1. P. 12–16.
69. Allen C., Murdock J. LDA topic modeling: Contexts for the history & philosophy of science // *The Dynamics of Science: Computational Frontiers in History and Philosophy of Science*. Pittsburgh : Pittsburgh University Press, 2020.
70. Korniyenko S.I., Yekhlakova A.R. Informatsionnoye protivoborstvo krasnykh i belykh na Vostochnom fronte Grazhdanskoy voyny: podkhody k analizu istochnikov (keys permskoy gazety periodiki) // *Grazhdanskaya vojna na Vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie* : materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchēnnoy 130-y godovshchine so dnya rozhdeniya Marshala Sovetskogo Soyuza M.N. Tukhachevskogo i 100-letiyu sobytiy antibol'shevistskogo Yakutskogo myatezha. Omsk, 2023. S. 199–206.
71. Bakeev M. Academic macroeconomics and monetary policy: topic modeling based on transcripts of the meetings of the Federal Open Market Committee from 1976 to 2016 // *OEconomia*. 2023. № 13–2. P. 393–425.
72. Penskaya YE.N., Khachatryan L.V. Literaturnoye nasledie XIX–XX vekov: klassifikatsiya rastroyvnykh izobrazheniy dlya intellektual'nogo analiza i tematicheskogo modelirovaniya korpusa rukopisnykh tekstov // *Filologicheskoye nauki. Nauchn' yye doklady vysshey shkoly*. 2023. S. 160–165.
73. Yanina P.N. Kak menyalas' tematika i tonal'nost' v stenograficheskikh otchētakh Pervogo s"yezda narodnykh deputatov: kolichestvennyy analiz // *Veter Perestroyki* : sb. materialov pervoy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii. SPb., 2022. S. 37–44.
74. Kuznetsov A.V. Ot slov k smyslu: interpretatsiya tematiki istoricheskikh tekstov s pomoshch'yu bol'shikh yazykovykh modeley // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «IstoriYA»*. 2024. T. 15, № 12–2 (146).
75. Kuznetsov A.V. Za predelami tematicheskogo modelirovaniya: analiz istoricheskogo teksta s pomoshch'yu bol'shikh yazykovykh modeley // *Istoricheskaya informatika*. 2024. № 4 (50). S. 47–65.

76. Kuznetsov A.V. Iskusstvennyy intellekt v istoricheskikh issledovaniyakh: potentsial i predely effektivnosti // Modernizatsiya, Innovatsii, Progress (MIP-V-2023) : sb. nauch. St. po materialam V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Krasnoyarsk, 2023. S. 129–135.
77. Kuznetsov A.V. Problemy interpretatsii rezul'tatov tematicheskogo modelirovaniya v istoricheskikh issledovaniyakh // Aktual'n-yye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk : sb. st. IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza, 2023. S. 88–92.
78. Kuznetsov A.V. Ispol'zovaniye intellektual'nogo analiza teksta dlya obnaruzheniya skrytoy informatsii v istoricheskikh istochnikakh // Novyye informatsionnyye tekhnologii v obrazovanii i nauke. 2023. № 9. S. 40–44.
79. Kuznetsov A.V. Tematicheskoye modelirovaniye v istoricheskoy nauke // Sotsiosfera. 2022. № 4. S. 9–12.
80. Kuznetsov A.V. Komp'yuternyy analiz tekstov na latinskom yazyke: tematicheskoye modelirovaniye «Istorii gotov, vandalov i svevoV» Isidora Sevil'skogo // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «IstorYA». 2020. T. 11, № 3 (89). S. 11.
81. Kuznetsov A.V. Komp'yuternyy analiz tekstov na latinskom yazyke: latentnO-semanticheskii analiz «Istorii gotov, vandalov i svevoV» Isidora Sevil'skogo // Istoricheskaya informatika. 2020. № 2 (32). S. 178–191.
82. Galushko I.N. Primeneniye tematicheskogo modelirovaniya dlya optimizatsii protsessa poiska relevantnykh istoricheskikh dokumentov (na primere birzhevoy pressy nachala XX v.) // Istoricheskaya informatika. 2023. № 2 (44). S. 129–144.
83. Korniyenko S.I., Senina A.V., Matkin N.A., Ismakayeva I.D. Diskursy «belyKH» i «krasnyKH» v informatsionnom protivoborstve na Vostochnom fronte Grazhdanskoй voyny: podkhody Data Science // Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i komp'yuter. 2022. № 49. S. 101–102.
84. Chernova I.V. Polevaya zhizn': pamyat' i refleksiya (po materialam studencheskikh etnograficheskikh praktik OMGU 1990–2023 gg.) // Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2025. № 3 (64). S. 110–113. doi: 10.37386/2413-4481-2025-3-110-113.
85. Sokolov YU.V. Diskussii o rossiyskoy revolyutsii 1917 g. v Seti: metodicheskiye podkhody k issledovaniyu veb-forumov kak istoricheskogo istochnika // Istoricheskaya informatika. 2023. № 2 (44). S. 19–33. doi: 10.7256/2585-7797.2023.2.40601.
86. Pavlov K.V. Istoriya Mariyskogo kraya i lokal'nykh grupp mari v otrazhenii otechestvennoy istoriografii 2010-kh gg.: opyt sotsial'no-setevogo modelirovaniya // Istoricheskaya informatika. 2025. № 1 (51). S. 1–19.
87. AI for Science 2025 // Nature Research Intelligence. 2025. P. 62. URL: <https://www.nature.com/articles/d42473-025-00161-3> (date of access: 05.10.2025).
88. Do early career researchers consider AI as an opportunity or a threat? / D. Nicholas, D. Clark, J. Akeroyd [et al.] // Learned Publishing. In press.
89. Kuznetsov A.V. Ot slov k smyslu: interpretatsiya tematiki istoricheskikh tekstov s pomoshch'yu bol'shikh yazykovykh modeley // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «IstorYA». 2024. T. 15, № 12–2 (146).
90. Tsifrovyye gumanitarnyye issledovaniya : monografiya / A.B. Antopol'skiy, A.A. Bonch- Osmolovskaya, L.I. Borodkin [i dr.]. Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2023. S. 17–18.
91. Zorin A.L. Ob epistemologicheskoy statusе ponyatiya «tsifrovyye gumanitarnyye nauki» // Kul'tura i vremya peremen. 2019. № 2 (25). S. 9.
92. Neyrosetevaya model' GPT-4. URL: <https://openai.com/index/gpt-4/> (data obrashcheniya: 16.10.2025).
93. Neyrosetevaya model' Alisa Ai. URL: <https://alisa.yandex.ru/> (data obrashcheniya: 16.10.2025).
94. Neyrosetevaya model' Cybertidayu URL: <https://cybertida.ru/> (data obrashcheniya: 16.10.2025).
95. Neyrosetevaya model' Mistral AI. URL: <https://mistral.com.ru/> (data obrashcheniya: 16.10.2025).

Информация об авторах:

Полежаева Т.В. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории, директор Центра содействия публикационной активности, зам. директора Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: publication@mail.tsu.ru

Гуменюк К.А. – магистрант, лаборант Центра содействия публикационной активности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: christinagumenyuk@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

T.V. Polezhaeva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: publication@mail.tsu.ru

K.A. Gumenyuk, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: christinagumenyuk@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.09.2025;
одобрена после рецензирования 11.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 15.09.2025;
approved after reviewing 11.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 930:629.33(47+57)
doi: 10.17223/15617793/521/17

Советское автомобилестроение периода Великой Отечественной войны: основные направления отечественной историографии (к 80-летию Великой Победы)

Даниил Валентинович Цибульский¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, DD55555CABA@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу отечественной историографии, освещающей развитие советского автомобилестроения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Рассматриваются ключевые направления исследований. В частности, уделено внимание работам, посвящённым роли научно-исследовательских учреждений и отечественных автомобильных конструкторов. Отмечена недостаточная изученность темы, связанная с ограниченностью источниковой базы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, автомобильная промышленность, историография, ЗИС, ГАЗ, НАМИ

Для цитирования: Цибульский Д.В. Советское автомобилестроение периода Великой Отечественной войны: основные направления отечественной историографии (к 80-летию Великой Победы) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 163–169. doi: 10.17223/15617793/521/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/17

Soviet automotive industry during the Great Patriotic War: Main directions of National historiography (to the 80th Anniversary of the Great Victory)

Daniil V. Tsibulskiy¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, DD55555CABA@yandex.ru

Abstract. The Soviet automobile industry during the Great Patriotic War represents an important yet insufficiently studied aspect of the USSR's military economy. Despite the existence of numerous publications on specific issues, there remains a lack of comprehensive analysis of domestic historiography on this subject. The present study aims to fill this gap by systematizing existing research and identifying promising directions for future investigation. The research is based on diverse sources, including wartime statistical data, scientific publications from the 1990s–2020s, and popular science literature. The application of historical-systemic and historical-typological methods has enabled not only an analysis of the automobile industry's development under extreme wartime conditions but also the identification of main trends in the study of this topic by domestic researchers. The study sequentially examines: the state of the industry on the eve of the war, production dynamics and the structure of the Red Army's vehicle fleet, and the activities of key enterprises and design bureaus. Particular attention is given to analyzing existing historiographical directions, which can be divided into three main categories: studies on the history of individual plants, works on the development of specialized automotive technology, and biographical research on prominent designers. The research has yielded several important conclusions. First, despite technological lag behind leading global manufacturers, the Soviet automobile industry demonstrated impressive adaptability under wartime conditions. Second, the historiography of the subject has developed unevenly – the most studied aspects concern the activities of GAZ and ZIS plants, and the production of armored cars and trucks, while many other aspects remain understudied. Third, significant prospects for future research have been identified, particularly in studying the impact of Lend-Lease, the work of research institutes, the social history of the industry, and the role of grassroots technical innovation. The practical significance of the study lies in its systematization of existing knowledge on the subject and its outlining of paths for future research. The obtained results can be used in preparing comprehensive works on the history of the USSR's military economy, as well as in educational contexts when studying the history of domestic automotive engineering. Of particular value is the identified source base, which opens new possibilities for in-depth study of the automobile industry's role in securing Victory.

Keywords: Great Patriotic War, automobile industry, historiography, ZIS, GAZ, NAMI

For citation: Tsibulskiy, D.V. (2025) Soviet automotive industry during the Great Patriotic War: Main directions of National historiography (to the 80th Anniversary of the Great Victory). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 163–169. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/17

Автомобиль в первой половине XX в. основательно закрепляется как средство передвижения, занимающее важное место в общественной жизни. Автомобильная техника начала приобретать стратегическое значение в сфере экономики и обороны. Первая Мировая война и автомобилизация стран Европы ускорила процесс перехода от живой тягловой силы, как правило, лошадей к колёсной технике в военной сфере. В этом смысле, говоря о Российской Империи, этот фактор кардинально повлиял на государственную политику в сфере транспорта и, в частности, к автомобильному делу. С началом государственной программы по развитию автомобильной отрасли в 1916 г. в стране начали строиться новые и поддерживаться существующие автомобильные мастерские и заводы по производству колёсной техники для нужд армии. Программа не была до конца реализована, но создала некоторый производственный задел для основания грузового автомобилестроения уже в Советской России, а затем в Советском Союзе. В данном случае, речь идёт, прежде всего, о заводах АМО (позже ЗИС/ЗИЛ) и Автомобильном заводе В. А. Лебедева (позже Первый государственный авторемонтный завод 1-й ЯГАРЗ/Ярославский автомобильный завод - ЯАЗ), которые были основаны в дореволюционный период.

Оборонеспособность новой страны советов была одним из приоритетных направлений, в рамках которого активно развивалось грузовое автомобилестроение. Интенсивное развитие этого сегмента отечественной автомобильной техники объясняется не только проводимой в те годы индустриализацией, но и напряжённой военно-политической обстановкой в мире в 1930-х - начале 1940-х гг. Исходящие военные угрозы от нацистской Германии, милитаристской Японии, стран Запада вынуждали СССР наращивать военный потенциал и вкладывать значительные финансовые и производственные ресурсы в укрепление обороноспособности страны. Всё это позволило создать большой военно-промышленный комплекс, который принял на себя один из значительных вызовов для Советского государства – Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Если говорить об автомобильной промышленности в довоенный период, то стоит отметить интенсивное развитие отечественного автомобильного дела. Несмотря на то, что упор преимущественно делался на освоение зарубежных технологий и моделей, постепенно разрабатывались и внедрялись отечественные технические решения автомобилестроения, включая новые образцы техники. В совокупности всё это позволило в кратчайшие сроки возродить и приумножить отечественное автомобильное дело после его упадка в первые годы после революции 1917 г. В статьях советской тематической прессы с конца 1920-х гг. встречаются свидетельства технического творчества в сфере автомобилестроения, роль которого в период Великой Отечественной войны на данный момент сложно оценить в силу ограниченности источников.

Говоря об автомобильном направлении советской промышленности в годы войны принципиально важно обозначить, что именно продукция отечественной ав-

томобильной отрасли в подавляющем количестве составляла автомобильный парк Красной Армии. На 01.01.1943 г. было 22 тыс. импортных автомобилей, в то время как отечественных 378,5 тыс. [1] К концу Великой Отечественной войны в мае 1945 г. доля импортной автомобильной техники выросла до 32,8% или до 218 тыс. единиц [2], что в свою очередь связано с поставками в рамках программы «Ленд-лиз». С 1941 по 1945 гг. на отечественных предприятиях системы автомобильной отрасли СССР было выпущено 343 624 единицы автомобильной техники, включая грузовые, легковые автомобили, а также автобусы [3. С. 174]. Помимо автомобильной продукции предприятия автомобильной отрасли, включая системообразующую организацию отрасли – Научный автотракторный институт (НАТИ) выпускали патроны, снаряды, гранаты. Безусловно, автомобилестроение оставалось основной деятельностью предприятий отрасли, так как имело стратегическое значение для Советского Союза в этот период.

Тема истории отечественной автомобильной отрасли всё ещё остаётся малоизученной в исторической науке. Это касается в том числе и рассматриваемого периода. Следовательно, историография тем, связанных с историей автомобильного транспорта времён Великой Отечественной войны немногочисленная. Обзор историографии по данной проблематике стоит начать с хрестоматийного издания коллектива авторов по истории транспорта России: 1941–1945 гг. (2022 г.) [4], в котором содержатся выдержки из постановлений, стенограммы радиопередач и заявления представителей партийного руководства страны. Далее, рассматриваются работы, посвящённые конкретным вопросам. Как уже ранее было сказано, развитие автомобильного транспорта со стороны государства в Российской Империи и Советском Союзе во многом обеспечилось необходимостью решения оборонных задач. Некоторые детали этих процессов представлены в коллективной работе «Легковые автомобили и их применение в Российской армии (1900–1945 гг.)» (2022 г.) [5] Авторы рассматривают специфику формирования парка автомобильной техники в русской и советской армии. В частности, рассмотрена деятельность Горьковского автозавода в этом направлении во время Великой Отечественной войны и влияние технической политики СССР в вопросе автомобилестроения. Приведено сравнение легковых автомобилей Горьковского автозавода, используемых во время войны, освещён процесс создания этих автомобилей.

Пример ГАЗа иллюстрирует характер работы предприятий машиностроения в стране во время войны. Власти пытались задействовать все возможные ресурсы каждого завода и мастерской, изыскивали новые возможности для расширения производства необходимой продукции для фронта. Помимо автомобильной колёсной грузовой и легкой техники на заводе ещё в 1939 г. освоили производство снарядов, взрывателей для авиабомб, колёс для дивизионных и противотанковых пушек. В августе 1941 г. Горьковским автомобильным заводом было выпущено первые 42 единицы

нового легкового автомобиля повышенной проходимости собственной разработки ГАЗ-64, которые отправались на фронт [6].

Но ГАЗ-64 был не единственным полноприводным автомобилем, появившимся в военные годы. Бронеавтомобиль БА-64 и амфибия ГАЗ-011 также начали производиться во время Великой Отечественной войны на ГАЗе. В популярной литературе данные модели довольно широко освещены. В специальном приложении «Вездеходы РККА» к выпуску журнала М-Хобби (1998. № 7) представлены история создания, конструкция, модификации данных модели, а также производственные и эксплуатационные моменты в условиях боевых действий, а также сравнение с зарубежными моделями полноприводных армейских автомобилей Willys MB и Ford GPW [7]. Тему бронеавтомобилей продолжает издание «Бронеколлекция. Бронеавтомобили Красной Армии 1918–1945» (приложение к спецвыпуску журнала «Моделист-конструктор (2003. № 4), которое представляет собой справочник об отечественных военных бронеавтомобилях Красной Армии с момента её создания до конца Великой Отечественной войны. Издание достаточно подробно повествует о типах данного вида колёсной техники и их представителях. Представляется любопытным описание модернизации бронеавтомобилей ФАИ на кануне Великой Отечественной войны, которая заключалась в перестановке бронированного кузова на более современное шасси [8. С. 17–21]. Таким образом, получалась новая модель военной колёсной техники. Такая унификация позволяла значительно сэкономить ресурсы как финансовые, так и временные при создании новой модели ФАИ-М. Приведены подробные данные о характеристиках, вооружении, сроках создания каждой из моделей, а также эксплуатации бронеавтомобилей Красной Армией, в том числе, во Великой Отечественной войне. Не менее важным стоит отметить, что издание богато иллюстрировано и содержит в себе некоторую информацию о сохранившихся до настоящего времени единицах техники [8].

Завершая обзор литературы по теме истории бронеавтомобилей отметим монографию специалиста по истории бронетехники М. В. Колимица «Броня на колёсах: история советского бронеавтомобиля 1925 – 1945 годы» [9]. В данной работе подробно изложена история проектов отраслевых предприятий и научно-исследовательских институтов по созданию бронемашин различного назначения в Советском государстве. Период Великой Отечественной войны представлен отдельной главой, где приводится информация как о заводских машинах, так и о кустарных, например, о так называемых «Одесских броневиках». Так автор называет эрзац-САУ (самоходные артиллерийские установки) на базе тракторов СТЗ-5, «которые бронировались и получали пулеметное вооружение» [9. С. 332]. В отличие от других сельскохозяйственных машин, переоборудование которых в «бронетракторы» было поставлено на поток при соответствующем проектным сопровождении Научного автотракторного института, «одесские броневики» были экспромтом. Эти машины собирались в чрезвычайных условиях без какой-либо документации.

В статье Р.А. Тошева обсуждается влияние автомобильных поставок во время Второй мировой войны, подчеркивается важность человеческого фактора в военных операциях, а также отмечена эффективность более легких советских автомобилей по сравнению с немецкими грузовиками [2].

Ряд публикаций исследователя С.А. Пьянкова, в основном, посвящены истории создания автомобильной промышленности на Урале, которая берёт своё начало с эвакуации части производственных мощностей московского завода ЗИС во время Великой Отечественной войны. Необходимо отметить, что часть мощностей этого предприятия также было эвакуировано в г. Ульяновск, где в последующем был создан Ульяновский автомобильный завод, создание которого также описано в публикациях Пьянкова [10–12]. Мероприятия по эвакуации были необходимы в чрезвычайных условиях военного времени для диверсификации производственных мощностей и, следовательно, обеспечения стабильного снабжения Красной Армии автомобильной техникой. На Урале, в г. Миасс и г. Ульяновске производили грузовики модели ЗИС-5, которые в зависимости от места производства имели свои названия УралЗИС или УльЗИС. В одной из статей этого автора - «Сердце для “Захара Ивановича”: из истории производства двигателей на Уральском автомобильном заводе в годы Великой Отечественной войны» (2020 г.) освещается история создания на базе УралЗИСа производства узлов и агрегатов, в том числе, двигателей для ЗИС-5 [13].

В работе кандидата технических наук Подгорного В. А. представлена краткая история автомобилей, использовавшихся Красной Армией во время блокады Ленинграда легковых, грузовых и бронеавтомобилей. Широко представлена история грузового автотранспорта, так как именно такими автомобилями было обеспечено транспортное грузовое и пассажирское сообщение по «Дороге жизни» через Ладожское озеро для эвакуации жителей Ленинграда. Даны характеристики использовавшихся автомобилей, краткая история предприятий производителей. В целом, работа имеет технократический характер [14]. Особенности эксплуатации автомобильной техники в условиях блокады Северной столицы отражена в работе П.С. Чекалева-Демидовского «Газогенераторный транспорт как попытка решения проблемы топливного обеспечения блокадного Ленинграда» (2018). Помимо непосредственно самой эксплуатации газогенераторной техники, отражена работа Автомобильно-транспортного управления при Ленгорисполкоме, в частности, работа авторемонтных предприятий города по переоборудованию стандартных автомобилей ГАЗ-АА для эксплуатации с газогенераторными установками. Также даны предпринятые меры по экономии топлива в чрезвычайных условиях, в которых находился Ленинград, как например, запрет эксплуатации легковых автомобилей высшего класса ЗИС-101 [15].

В продолжении темы производства советской грузовой автомобильной техники не мало важно отметить немногочисленные работы по истории Ярославского

автомобильного завода, техника которого также находилась на вооружении Красной Армии. Статья «Боевые машины ЯАЗ на вооружении Красной Армии в годы Великой Отечественной войны» коллектива авторов даёт некоторое представление об основных вехах развития Ярославского автомобильного завода в вопросе производства грузовиков и артиллерийских тягачей, представлены характеристики и история производства техники для фронта во время Великой Отечественной войны. В работе также отражено взаимодействие и совместная работа над новой техникой с ведущим отраслевым научно-исследовательским институтом страны – НАТИ, в том числе, во время войны [16].

Российская популярная литература о советских грузовых автомобилях представлена довольно широким спектром различной тематической периодикой и монографиями. Среди них можно отметить, издание «Автомобили-солдаты: Очерки об истории развития и военном применении автомобилей», где представлены очерки об автомобильной технике времён Великой Отечественной войны и её боевом применении с описанием тактико-технических характеристик каждой из рассматриваемых моделей. Среди них можно отметить уникальные автомобили на полугусеничном ходу, ЗИС-22, ЗИС-35ш, ЗИС-42, которые продолжили историю развития уникальных транспортных средств «типа Кегресса» [17. С. 36–41], изобретённого в России в дореволюционный период.

Помимо всего прочего, можно встретить работы, в которых освещается деятельность научно-исследовательских учреждений отрасли, работающих в период Великой Отечественной войны и её видным деятелям. Часть работ представляет из себя мемориальные статьи, посвящённые работникам сферы автомобилестроения, сотрудникам главного научно-исследовательского учреждения страны в сфере автомобиле- и тракторостроения НАТИ¹ – участникам войны, например, статья Участие НАМИ в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг. (2015 г.) и НАМИ в годы Великой Отечественной войны и современное продолжение традиций (2022 г.) Куранова В.Д. [18], публикация Памяти сотрудников НАТИ, павших на фронтах Великой Отечественной войны в журнале «Тракторы и сельхозмашины» (2016 г.) [19]. Прежде всего, они призваны сохранить память о подвиге трудового коллектива единого института. Также, эти публикации являются, определённого рода, источником информации для исследований в области истории автомобильной отрасли, вклада коллективов советских предприятий в Победу и истории памяти.

Отечественная историография на данный момент располагает немногочисленными работами, посвящённые отечественным отраслевым учёным и специалистам. Процесс изучения истории именитых деятелей автомобилестроения начался ещё во времена Советского Союза. Одним из первых таких личностей, удостоившийся внимания исследователей был Иван Алексеевич Лихачёв – именитый деятель автомобильной промышленности СССР, занимавший разные посты, среди которых должность отраслевого Наркома/Министра. В разное время занимал должность директора

Московского автомобильного завода АМО/ЗИС. Лихачёву посвящены книга из серии «Жизнь замечательных людей» или «ЖЗЛ» – И.А. Лихачёв автора Т.К. Леонтьевой (1979 г.) [20] и издание «Директор И.А. Лихачёв в воспоминаниях современников» (1971) [21]. Работа Макарова И.А. освещает жизненный и профессиональный путь советского автомобильного конструктора Андрея Александровича Липгарта, в частности, его роль в создании боевой и автомобильной техники во время Великой Отечественной войны в качестве конструктора Горьковского автозавода [22]. А в работе «Судьба репрессированного автоконструктора – свет и тень» В.Д. Куранова (2016) рассматривается история другого не менее знаменитого конструктора автомобильной промышленности СССР – Бориса Михайловича Фиттермана, который был назначен главным конструктором завода ЗИС в марте 1943 г. Он курировал проекты, связанные с военной техникой и вооружением, включая модернизацию минометов и пулеметов, использовавшихся на передовой. Был удостоен ордена Ленина. Фиттерман участвовал в разработке и испытаниях высокоавтомобильных транспортных средств, которые имели решающее значение для военных операций во время войны. В 1945 г. ввёл работы по созданию бронированной версии первого послевоенного советского легкового автомобиля – ЗИС-110 [23]. Имеют место и публикации, приуроченные к юбилейным датам, например, статья Ридера В.А. К 100-летию со дня рождения автомобильного дизайнера и конструктора Юрия Долматовского (2013) [24].

В публикации «Гараж особого назначения в сталинскую эпоху 1924–1953 гг.» [25] (2016) представлена деятельность Гаража особого назначения в годы войны, обслуживавший высшее партийное и военное руководство СССР и процесс создания новой модели отечественного автомобиля высшего класса ЗИС-110 в этот период. Эта модель высокого класса Московского завода имени Сталина была тем отечественным автомобилем, разработка которого началась в один из самых тяжёлых для СССР момент – в сентябре 1942 г., когда войска нацистской Германии подступали к Москве. Трудности испытывал и сам завод: нехватка квалифицированных кадров стала основной проблемой. Директор ЗИСа И.А. Лихачёв в поисках решений этой проблемы направил письмо в Управление кадрами РККА: «Для конструктивной работы разработки комфортабельной машины нужны опытные конструкторы и экспериментаторы, знающие легковое автомобильное производство. Московский завод имени Сталина таких кадров не имеет. <...> Для выполнения данного задания прошу вернуть из разных воинских частей ранее мобилизованных в Красную армию конструкторов, инженеров, экспериментаторов и мастеров. Список при этом прилагаю» (Лихачёв И.А.; цит. по: [26]). Завод и её руководство имели беспрецедентную свободу действий, так как проект имел государственное значение. Более того, сам факт работы над гражданским легковым автомобилем высшего класса это демонстрация уверенности Советского государства в борьбе над врагом, веры в Победу и готовности к дальнейшей мирной жизни.

Немногочисленных советских автолюбителей также затронула война. О некоторых моментах бытовой стороны войны в этом ключе говорить, например, в статье Твердюковой Е. Д. «Личный автомобиль как предмет потребления в СССР. 1930-е–1960-е гг.» (2012 г.), где указывается, что личный автомобильный транспорт мог конфисковываться для нужд фронта говорится [27].

Приведённый анализ отечественной историографии советского автомобильного строительства периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. позволяет сделать ряд выводов, касающихся как роли автомобильной промышленности в военные годы, так и степени изученности данной темы в отечественной исторической науке.

Следует отметить, что автомобильная отрасль СССР к началу войны представляла собой систему предприятий, научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, способных оперативно реагировать на вызовы военного времени. Несмотря на то, что в довоенный период советское автомобилестроение во многом опиралось на зарубежные технологии, к 1941 г. были созданы собственные производственные мощности, а также собственный технологический задел, позволившие обеспечить Красную Армию значительным количеством автотранспорта. Приведённые данные по количеству и соотношению колёсной автомобильной техники в РККА указывают, что доля отечественных автомобилей в парке армии оставалась преобладающей на протяжении всей войны, несмотря на масштабные поставки техники по программе «Ленд-лиза» от стран антигитлеровской коалиции.

Историография вопроса демонстрирует, что исследование советского автомобилестроения военных лет

развивается по нескольким ключевым направлениям. Во-первых, это работы, посвящённые деятельности конкретных предприятий, таких как ГАЗ, ЗИС, ЯАЗ и их эвакуированных частей. В них рассматриваются вопросы перевода промышленности на военные рельсы, расширения ассортимента выпускаемой продукции (включая не только автомобили, но и боеприпасы, артиллерийские тягачи и военную боевую технику), а также роль отдельных заводов в обеспечении фронта. Во-вторых, значительное внимание уделяется разработке и применению специализированных автомобилей, включая бронев автомобили (БА-64), полугусеничные машины системы Кегресса (ЗИС-42) и газогенераторных автомобилей, которые позволяли экономить топливо в условиях дефицита в блокадном Ленинграде.

Особое место в историографии занимают исследования посвящённые деятельности научных и конструкторских организаций, в первую очередь НАТИ, сыгравших ключевую роль в разработке новых образцов техники и модернизации существующих моделей. Публикации, посвящённые сотрудникам института – как участникам войны, так и труженикам тыла, представляют собой ценный источник для изучения не только технической, но и социальной истории автомобилестроения.

Третье направление историографии связано с изучением биографий видных деятелей отрасли. Их вклад в развитие автомобилестроения в годы войны ещё требует дальнейшего осмысления, однако на наш взгляд уже сейчас очевидно, что именно их решения во многом определили высокую эффективность советской автомобильной промышленности в чрезвычайных условиях войны.

Примечания

¹ Научный автотракторный институт (НАТИ) – наименование Научного автомобильного и автотракторного института с 1931 по 1946 г. С 1946 г. тракторный отдел выделяется в отдельный институт, который унаследует аббревиатуру «НАТИ», а прежней организации вернули аббревиатуру «НАМИ».

Список источников

1. Тошев Р.А., Тошева М.С. Автомобильная техника в боевых действиях РККА 1943 года // Армия и общество. 2015. № 3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomobilnaya-tehnika-v-boevykh-deystviyah-rkka-1943-goda> (дата обращения: 15.12.2024).
2. Тошев Р.А. Автомобильный транспорт в военных операциях Красной армии в 1943 году (исторический аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14 (369). История. Вып. 64. С. 124–129.
3. Шугуров Л.М. Автомобили России и СССР. Т. 1. М.: ИЛБИ, 1993. 256 с.
4. Селезнев П.С., Горбунов А.А., Федякин А.В., Федякин И.В. Хрестоматия по истории транспорта России: 1941–1945 гг.: учеб. пособие. М.: Проспект, 2022. 584 с.
5. Тошева М.С., Тошева Н.А., Серпуховитина Т.Ю., Логвинова А.Н. Легковые автомобили и их применение в Российской армии (1900–1945 гг.) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13, № 6 (99). С. 2402–2417. doi: 10.35775/PSI.2023.99.6.004
6. Кочнев Е. Гонки на выживание: советские джипы в Великой Отечественной // Kolesa.ru. 07.07.2019. URL: <https://www.kolesa.ru/article/gonki-na-vyzhivanie-sovetskie-dzhipy-v-velikoj-otechestvennoy> (дата обращения: 07.06.2025).
7. Прочко Е.И. Вездеходы РККА (приложение к выпуску) // М-ХОББИ. 1998. № 7. 65 с.
8. Барятинский М. Бронев автомобили Красной Армии (приложение к выпуску) // Моделист-конструктор. 2003. № 4. 66 с.
9. Колимец М.В. Броня на колёсах: история советского бронев автомобиля 1925–1945 годы. М.: Яуза, Стратегия КМ, Эксмо, 2007. 384 с.
10. Пьянков С.А. Ульяновский автомобильный завод в годы Великой Отечественной войны: проблема кадров и ее решение // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 4. С. 489–509. doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-489-509.
11. Пьянков С.А., Сушков А.В. Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина в годы Великой Отечественной войны: от проектов к реализации // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 6. С. 435–455. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-435-455
12. Пьянков С.А. Этапы трудного пути: Ульяновский автомобильный завод в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2023. № 7-2. С. 22–37. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202307Statyi47
13. Пьянков С.А. Сердце для «Захара Ивановича»: из истории производства двигателей на Уральском автомобильном заводе в годы Великой Отечественной войны // История науки и техники. 2020. № 5. С. 3–16. doi: 10.25791/intstg.05.2020.1176
14. Подгорный А.В. Автомобили блокадного Ленинграда // Современные аспекты развития и безаварийной эксплуатации автомобильной техники (бронетанкового вооружения и техники) : сб. науч. ст. межвузовской научно-технической конференции, Новосибирск, 29 мая 2024 года. Новосибирск : Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 200–206.

15. Чекалев-Демидовский П.С. Газогенераторный транспорт как попытка решения проблемы топливного обеспечения блокадного Ленинграда // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 868–879. doi: 10.21638/11701/spbu24.2018.405
16. Рыбакова Н.А., Ивнев А.А., Заседателей Ю.А. Боевые машины ЯАЗ на вооружении Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Семьдесят третья всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием : Сборник материалов конференции : в 2 ч. Ярославль, 20 апреля 2020 года. Ч. 1. Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2020. С. 472–476.
17. Гоголев Л.Д. Автомобили-солдаты: Очерки об истории развития и воен. применении автомобилей. М. : Патриот, 1990. 215 с.
18. Куранов В.Д., Яшанова В.Н. Участие НАМИ в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг. // Проблемы изучения военной истории : сборник статей Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием, Самара, 24–25 марта 2015 года / отв. ред. А.И. Репинецкий. Самара : Научно-технический центр, 2015. С. 260–262.
19. Памяти сотрудников НАТИ, павших на фронтах Великой Отечественной войны // Тракторы и сельхозмашины. 2016. № 12. С. 49.
20. Леонтьева Т.К. Лихачёв. М. : Мол. гвардия, 1979. 256 с.
21. Директор И.А. Лихачев в воспоминаниях современников ; О заводе и о себе / [ред. коллегия: ... В.А. Красильников (пред.) и др. ; [предисл. канд. юрид. наук И.Л. Бачило]. М. : Моск. рабочий, 1971. 279 с.
22. Макарова И.А. А.А. Липгарт – родоначальник отечественного автомобилестроения // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии : сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 14 мая 2015 года. Нижний Новгород : Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, 2016. С. 110–115.
23. Куранов В.Д. Судьба репрессированного автоконструктора – свет и тень // Научно-технические документы в современном информационном пространстве : сборник докладов и выступлений на Пятом историко-архивном форуме «Память о прошлом – 2016», Самара, 22–25 марта 2016 года / отв. ред. О.Н. Солдатова. Самара : Научно-технический центр, 2016. С. 170–181.
24. Ридер В.А. К 100-летию со дня рождения автомобильного дизайнера и конструктора Юрия Долматовского // Труды НАМИ. 2013. № 255. С. 73–87.
25. Гараж особого назначения в сталинскую эпоху 1924–1953 гг. // Исторический вестник. 2016. Т. 15, № 162. С. 22–35.
26. Сталин захотел! Как разрабатывали ЗИС-110 в 1942–1945 годах? Восстанавливаем события по документам ЗИСа // Дром. 11.10.2020. URL: <https://www.drom.ru/info/misc/80995.html?ysclid=lwuc1bsk8d58741502> (дата обращения: 09.06.2025).
27. Твердюкова Е.Д. Личный автомобиль как предмет потребления в СССР. 1930-е–1960-е гг. // Новейшая история России. 2012. № 1 (3). С. 166–177.

References

1. Toshev R.A., Tosheva M.S. Avtomobil'naya tekhnika v boyevykh deystviyakh RKKA 1943 goda // Armiya i obshchestvo. 2015. № 3 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/avtomobilnaya-tehnika-v-boevykh-deystviyakh-rkka-1943-goda> (data obrashcheniya: 15.12.2024).
2. Toshev R.A. Avtomobil'nyy transport v voyennyykh operatsiyakh Krasnoy armii v 1943 godu (istoricheskiy aspekt) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 14 (369). Istoriya. Vyp. 64. S. 124–129.
3. Shugurov L.M. Avtomobili Rossii i SSSR. T. 1. M. : ILBI, 1993. 256 s.
4. Seleznev P.S., Gorbunov A.A., Fedyakin A.V., Fedyakin I.V. Khrestomatiya po istorii transporta Rossii: 1941–1945 gg. : ucheb. posobiye. M. : Prospekt, 2022. 584 s.
5. Tosheva M.S., Tosheva N.A., Serpukhovitina T.YU., Logvinova A.N. Legkovyye avtomobili i ikh primeneniye v Rossiyskoy armii (1900–1945 gg.) // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy. 2023. T. 13, № 6 (99). S. 2402–2417. doi: 10.35775/PSI.2023.99.6.004
6. Kochnev YE. Gonki na vyzhivaniye: sovetskiye dzhipy v Velikoy Otechestvennoy // Kolesa.ru. 07.07.2019. URL: <https://www.kolesa.ru/article/gonki-na-vyzhivanie-sovetskie-dzhipy-v-velikoy-otechestvennoy> (data obrashcheniya: 07.06.2025).
7. Prochko YE.I. Vezdekhody RKKA (prilozheniye k vypusku) // M-KHOBBI. 1998. № 7. 65 s.
8. Baryatskiy M. Broneavtomobili Krasnoy Armii (prilozheniye k vypusku) // Modelist-konstruktor. 2003. № 4. 66 s.
9. Kolimiyets M.V. Bronya na kolëсах: istoriya sovetskogo broneavtomobilya 1925–1945 gody. M. : Yauza, Strategiya KM, Eksmo, 2007. 384 s.
10. P'yankov S.A. Ul'yanovskiy avtomobil'nyy zavod v gody Velikoy Otechestvennoy voyny : problema kadrov i yeye resheniye // Nauchnyy dialog. 2022. T. 11, № 4. S. 489–509. doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-489-509.
11. P'yankov S.A., Sushkov A.V. Evakuatsiya Moskovskogo avtomobil'nogo zavoda imeni Stalina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: ot proyektov k realizatsii // Nauchnyy dialog. 2024. T. 13, № 6. S. 435–455. doi: 10.24224/2227-1295-2024-13-6-435-455
12. P'yankov S.A. Etapy trudnogo puti: Ul'yanovskiy avtomobil'nyy zavod v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // Voprosy istorii. 2023. № 7-2. S. 22–37. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202307Staty47
13. P'yankov S.A. Serdtse dlya «Zakhara IvanovichA»: iz istorii proizvodstva dvigateley na Ural'skom avtomobil'nom zavode v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // Istoriya nauki i tekhniki. 2020. № 5. S. 3–16. doi: 10.25791/intstg.05.2020.1176
14. Podgornyy A.V. Avtomobili blokadnogo Leningrada // Sovremennyye aspekty razvitiya i bezavariynoy ekspluatatsii avtomobil'noy tekhniki (bronetankovogo vooruzheniya i tekhniki) : sb. nauch. st. mezhvuzovskoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii, Novosibirsk, 29 maya 2024 goda. Novosibirsk : Novosibirskiy voyennyy institut im. generala armii I.K. Yakovleva voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii, 2024. S. 200–206.
15. Chekalev-Demidovskiy P.S. Gazogeneratorny transport kak popytka resheniya problemy toplivnogo obespecheniya blokadnogo Leningrada // Noveyshaya istoriya Rossii. 2018. T. 8. № 4. S. 868–879. doi: 10.21638/11701/spbu24.2018.405
16. Rybakova N.A., Ivnev A.A., Zasedatelev YU.A. Boyevyye mashiny YAAZ na vooruzhenii Krasnoy Armii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // Sem'desyat tret'ya vserossiyskaya nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya studentov, magistrantov i aspirantov vysshikh uchebnykh zavedeniy s mezhhdunarodnym uchastiyem : Sbornik materialov konferentsii : v 2 ch. Yaroslavl', 20 aprelya 2020 goda. CH. 1. Yaroslavl' : Yaroslavskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, 2020. S. 472–476.
17. Gogolev L.D. Avtomobili-soldaty: Ocherki ob istorii razvitiya i voyen. primenenii avtomobiley. M. : Patriot, 1990. 215 s.
18. Kuranov V.D., Yashanova V.N. Uchastiye NAMI v Velikoy Otechestvennoy Voynе 1941–1945 gg. // Problemy izucheniya voyennoy istorii : sbornik statey Tret'yey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhhdunarodnym uchastiyem, Samara, 24–25 marta 2015 goda / отв. ред. А.И. Репинетский. Самара : Научно-технический tsentr, 2015. S. 260–262.
19. Pamyati sotrudnikov NATI, pavshikh na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny // Traktory i sel'khoz mashiny. 2016. № 12. S. 49.
20. Leont'yeva T.K. Likhachev. M. : Mol. gvardiya, 1979. 256 s.
21. Direktor I.A. Likhachev v vospominaniyakh sovremennikov ; O zavode i o sebe / [red. kollegiya: ... V.A. Krasil'nikov (pred.) i dr. ; [predisl. kand. yurid. nauk I.L. Bachilo]. M. : Mosk. rabochiy, 1971. 279 s.
22. Makarova I.A. A.A. Lipgart – rodonachal'nik otechestvennogo avtomobilestroeniya // Obronno-promyshlenny kompleks Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennyye strategii : sb. materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Nizhniy Novgorod, 14 maya 2015 goda. Nizhniy Novgorod : Nizhegorodskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet im. R.E. Alekseyeva, 2016. S. 110–115.
23. Kuranov V.D. Sud'ba repressirovannogo avtokonstruktora – svet i ten' // Nauchno-tekhnicheskiye dokumenty v sovremenном informatsionnom prostranstve : sbornik dokladov i vystupleniy na Pyatom istoriko-arkhivnom forumе «Pamyat' o proshlom – 2016», Samara, 22–25 marta 2016 goda / отв. ред. О.Н. Солдатова. Samara : Nauchno-tekhnicheskii tsentr, 2016. S. 170–181.

24. Rider V.A. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya avtomobil'nogo dizaynera i konstruktora Yuriya Dolmatovskogo // Trudy NAMI. 2013. № 255. S. 73–87.
25. Garazh osobogo naznacheniya v stalinskuyu epokhu 1924–1953 gg. // Istoricheskiy vestnik. 2016. T. 15, № 162. S. 22–35.
26. Stalin zakhotel! Kak razrabatyvali ZIS-110 v 1942–1945 godakh? Vosstanavlivayem sobyitiya po dokumentam ZISa // Drom. 11.10.2020. URL: <https://www.drom.ru/info/misc/80995.html?ysclid=1wuc1bsk8d58741502> (data obrashcheniya: 09.06.2025).
27. Tverdyukova YE.D. Lichnyy avtomobil' kak predmet potrebleniya v SSSR. 1930-E–1960-e gg. // Noveyshaya istoriya Rossii. 2012. № 1 (3). S. 166–177.

Информация об авторе:

Цибульский Д.В. – аспирант кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: DD5555CABA@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Tsibulskiy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Tomsk District, Russian Federation). DD5555CABA@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.06.2025;
одобрена после рецензирования 27.08.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 06.06.2025;
approved after reviewing 27.08.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 378.4:316.723"18/19"
doi: 10.17223/15617793/521/18

Социокультурный облик дореволюционного студенчества в позднеимперский период: общеимперский и периферийный контексты

Сергей Максимович Шадрин¹, Виктор Владимирович Расколец²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ sergschadrin@yandex.ru

² predator-101@mail.ru

Аннотация. На основе нормативно-правовых документов, материалов личного происхождения и трудов современников конструируется социокультурный облик студенчества российских университетов в позднеимперский период. Выявляются основные черты государственной политики по формированию культурного облика студенчества. Воссоздается социальный портрет студенчества. В контексте общероссийского исследуется студенчество Императорского Томского университета (ИТУ). Делается вывод о том, что их ключевое отличие было заложено в социальном происхождении, обусловившем специфический культурный облик группы.

Ключевые слова: социокультурный облик, этос, социальный портрет, дореволюционный университет, студенчество, Томский университет

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2024-0008.

Для цитирования: Шадрин С.М., Расколец В.В. Социокультурный облик дореволюционного студенчества в позднеимперский период: общеимперский и периферийный контексты // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 170–181. doi: 10.17223/15617793/521/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/18

Socio-cultural image of pre-Revolutionary students in the Late Imperial period: Imperial and peripheral contexts

Sergey M. Shadrin¹, Viktor V. Raskolets²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ sergschadrin@yandex.ru

² predator-101@mail.ru

Abstract. The socio-cultural image of Russian university students in the late Imperial period is constructed on the basis of normative and legal documents, materials of personal origin and the works of contemporaries. The main features of the state policy on the formation of the cultural image of students are revealed. It is emphasized that the state policy on the formation of the cultural image of students in pre-revolutionary Russia was mainly focused on the formation of patriotism and loyalty and the introduction of restrictions necessary for the security of order. It is noted that the students of the Russian Empire were characterized by their omnipotence. The predominance of the noble-official group in the social portrait of students did not mean their dominance here – corporate identity absorbed class isolation. This was even more typical for the late Imperial period, when the processes of democratization of higher education were outlined. The poor material and living situation of the late Imperial students is noted. It is indicated that various institutions, such as fraternities, have become a response to harassment by government institutions and poor living conditions. The main features of the cultural image of students are analyzed: the perception of oneself as an advanced social group, solidarity and mutual assistance, the presence of a pronounced protest potential. A direct relationship is established between public policy, social portrait and cultural image of the late Imperial students. The key difference between Tomsk University students is the predominance of graduates of the theological seminaries. They were characterized by such signs as diligence in learning, persistent overcoming of all material and household problems, and orientation towards the Christian ideal of self-sacrifice. At the same time, the protest potential of Tomsk students is emphasized, the roots of which are laid in a cardinal rejection of the religious and ecclesiastical worldview. In many ways, this is why Tomsk students, despite their geographical remoteness, were in corporate solidarity with the all-Russian one.

Keywords: socio-cultural image, ethos, social portrait, pre-revolutionary university, student body, Tomsk University

Financial support: This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No FSWM-2024-0008.

For citation: Shadrin, S.M. & Raskolets, V.V. (2025) Socio-cultural image of pre-Revolutionary students in the Late Imperial period: Imperial and peripheral contexts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 170–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/18

Актуальность

Институциональные условия научно-технологического и образовательного развития Российской империи включают в себя достаточно разнородный комплекс социальных, экономических и культурных процессов под знаком которых протекало развитие государства. Это правительственные инициативы, направленные на создание и корректировку курса развития науки и технологий, взаимоотношения власти, предпринимательства и научного сообщества и др. К ним же можно отнести такой процесс как формирование культурного облика студенчества, который, на первый взгляд, не имеет отношения к проблемам безопасности государства.

Государство уделяло особое, порой чрезмерное внимание подбору благонадежных студентов в университеты, всячески стремилось оградить их от дурного идейного влияния. Несмотря на это студенческая корпорация¹ позднеимперской России представляла собой «большой пороховой погреб», угрожающий устоям империи. На рубеже XIX–XX вв. студенческие волнения неоднократно приводили к массовым остановкам работы вузов. Опасение пагубного влияния атмосферы высших учебных заведений и студенчества, по мысли Иванова [1. С. 4–5] являлось ключевым препятствием на пути к росту вузовской сети, увеличению контингента студентов, профессоров и преподавателей. Между тем, именно, высшая школа являлась ключевым актором, не только научно-технологического развития империи, но и главной «кузницей кадров» российской бюрократии. Во многом поэтому проблема формирования культурного облика студенчества может исследоваться как составная часть проблемы безопасности позднеимперской России.

Особый интерес, в контексте исследуемой проблемы, представляет студенчество Императорского Томского университета. Опасения по поводу контингента обучающихся в нём были высказаны в самых верхних эшелонах власти задолго до открытия. Близкий императору Александру III Г.К. Победоносцев писал: «...на первых порах вынуждены будут принимать и в студенты кого попало, а затем станут просить от казны денег на стипендии. Общество томское состоит из всякого сброда: можно себе представить, как оно воздействует на университет и как университет на нем отразится» [2. С. 183]. Действительно ли томское студенчество в социокультурном плане кардинально отличалось (в негативную сторону) от общероссийского? Ответу на этот вопрос, в том числе, будет посвящена данная статья.

Историография

Студенчество в России конца XIX – начала XX вв. неоднократно становилось предметом исследования. Историография его столь обширна, что ей посвящено

отдельное диссертационное исследование [3. С. 122, 169–170, 177].

Признанным классиком в истории студенчества и высшей школы России является А.Е. Иванов, которым были исследованы численность студентов, их сословно-классовая структура, национальный и половой состав, материально-бытовое и правовое положение, партийно-политический облик [4, 5].

Студенчество в настоящее время при помощи разнообразных подходов и методов исследуется как отдельная социальная группа в контекстах истории молодежи, высшей школы, политики, повседневности [6]. Среди современной историографии студенчества отдельно можно выделить работу А.Р. Маркова, в которой автор рассматривает студенческую корпоративность с позиции концепции габитуса (схемы классификации практик, сформированные вследствие определенного положения в социальном пространстве) [7].

Студенчеству Томского университета также посвящен ряд работ. С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.О. Степнов, А.Н. Кузьмин и др. затрагивали во многом те же проблемы, что и исследователи российского студенчества в целом, определяя специфику их решения на базе периферийного университета, имеющего уникальный социальный состав студентов. Авторами также было подготовлено несколько изданий с публикациями воспоминаний и писем студентов университета [8], являющихся важными для проблемы социокультурного облика источниками. Стоит отметить пласт работ, посвященных аспектам идентичности студентов ИТУ в контексте изучения проблемы асоциального поведения, проблемам государственной политики освоения восточного пространства и др. [9–11].

Таким образом, исследователями затрагивались многочисленные аспекты социокультурного облика дореволюционного студенчества при помощи различных подходов. Однако его специфика на примере Томского университета как своеобразного явления в системе высшей школы страны, затрагивалась лишь частично при рассмотрении смежных вопросов.

Теоретические рамки исследования

Понятие культурного (социокультурного, социально-культурного) облика невозможно определить однозначно. В исследовательской литературе применяются его разнообразные вариации. Так, часто можно встретить разбор культурного облика того или иного пространства человеческой жизнедеятельности – города, села, региона [12] как взаимодействия развития среды обитания как таковой и культурно-бытовых характеристик ее населения, восприятия им внешней среды. Наиболее близким к рассматриваемому в данном исследовании варианту является анализ культурного облика как набора стереотипических качеств определенной социальной группы, набора ее ментальных и этических характеристик [13].

Такое определение может быть соотнесено с не менее многозначным понятием «этос». Если в античной философии этос являлся музыкально-этическим термином [14], то в работах философов нового и новейшего времени оно приобрело более широкие значения. В понимании И. Канта моральное чувство (этос) представляет собой набор внутренних субъективных правил, особенно проявляющийся в кризисных условиях. Для М. Хайдеггера этос является пространством индивидуальной онтологии, для М. Шелера – вариативными ценностными предпочтениями и «практической моралью» определенной группы [15]. Применительно к этосу научного сообщества большую роль сыграли работы Р. Мертона, его последователей и критиков, дискутировавших по поводу норм, которыми руководствуются ученые [16].

Разные концепции и определения понятия этос рассматривались и другими авторами, однако, из них можно выделить несколько основных признаков. Этос представляет собой особую систему норм индивида или социальной группы, формирующих разделяемые ими представления о моральном и аморальном поведении, позиционирование в средах, отличных от своей собственной. Особенно ярко он проявляется в кризисных условиях, в которых распространение собственных правил на остальные группы обеспечивает большую жизнеспособность и эффективность, чем встраивание в общую систему норм. Этос обуславливается культурным обликом – на основе распространенных в социальной группе ментальных установок формируется собственная система норм. Внешнее проявление этоса, заключающееся в распространении собственных правил поведения на другие социальные группы, в таком понимании определяет взаимоотношение носителей с другими элементами общества.

Культурный облик в целом, в свою очередь, определяется внешними условиями существования сообщества – например, материально-бытовым положением, социальным происхождением, внешними атрибутами. Совокупность и взаимовлияние таких условий можно объединить понятием «социальный портрет». Социальный портрет сообщества является одним из факторов формирования его культурного облика. Культурный облик имеет несколько внешних проявлений, одним из которых является специфическая система норм и ее сопоставление с нормами других социальных элементов.

Стоит отметить, что любая социальная группа во время своего развития претерпевает различные изменения, становится менее или более сплоченной в зависимости от различных факторов. Студенческая корпорация не стала исключением. Под влиянием происшедших в стране политических событий менялись взгляды студентов, трансформировался культурный облик. Следовательно, со временем происходило разобщение некогда единого студенчества. Однако даже в разобщенных студенческих группах имели место общие элементы, позволяющие выделять их принадлежность к одной корпорации.

Государственная политика в отношении студенчества: попытки формирования культурного облика

Основные черты государственной политики в отношении студенчества университетов рубежа XIX–XX вв. были заложены уже в период Николая I. После периода Великих реформ, частично либерализовавших сферу высшего образования, последовал период контрреформ, пролог к которому обозначился уже в конце 1870-х годов (увеличение платы за обучение в университетах для представителей духовного сословия).

Студент воспринимался государством как объект воздействия – «отдельный посетитель университета» [1. С. 249.]. Одной из черт, обнаруживающих преемственность с николаевским временем, было стремление решить проблему проникновения в университет «неблагонадежных элементов». Каждый поступающий в университет был обязан предъявить свидетельство благонадежности из местного полицейского участка, а также выписку из школьного кондута о своем поведении. После зачисления в студенты каждый получал входное свидетельство, возобновлявшееся каждое полугодие после внесения платы за обучение. Другим обязательным документом являлся вид на жительство, который давал право проживания в городе, где учился владелец [4. С. 303]. Практика лишения вида на жительство (применявшаяся зачастую после серьезных проступков студента) автоматически лишало его и права продолжения обучения в университете.

Наряду с бюрократическими препонами были введены и финансовые, поскольку считалось (небезосновательно), что выходы из неимущих слоёв являются потенциально благоприятной средой для распространения радикальных идей. Так, после введения в действие устава 1884 г. реальная плата за обучение, включая «плату за учение» и гонорар поднялась почти вдвое, составляя в зависимости от факультета 80–100 руб. в год. Высокая плата создала искусственную конкуренцию в среде студенчества, вынуждала неимущих студентов в ущерб учебному процессу искать заработок на стороне и, в конечном счете, покидать университет.

Университет по-прежнему воспринимался правительством – как потенциальный источник беспорядков. Это прослеживалось, например, в отдельно закреплённой обязанности ректора «принимать все необходимые меры для поддержания порядка и спокойствия в университете, хотя бы меры сии и превышали принадлежащую ему власть» [17]. Каждый университет имел свою внутреннюю «полицию», состоящую из штатных инспекторов и их помощников, назначаемых министром народного просвещения. Однако инспекция имела право наблюдать за поведением студентов и вне университетских стен, несмотря на то, что юридически студенты вне университета подлежали ведению полицейских установлений «на общих основаниях» [1. С. 304.]. В числе неподобающих поступков студентов считалось «буйство» в публичном месте, оскорбление

полицейских чиновников и невыполнение их требований, неявка в срок из отпуска или по вызову вышестоящих органов, участие в мероприятиях без согласования и др.

Наряду с инспекцией, к надзору за студентами привлекался профессорско-преподавательский состав. Профессорским дисциплинарным судом, введенном в 1902 г. [18], разрешались вопросы нарушения порядка внутри университета, столкновения с должностными лицами и различные мелкие проступки [4. С. 256–257.]. Наличие этого суда служило источником постоянных трений между преподавателями и студентами.

Некоторые из охранительных мер распространялись и на культурный облик студенчества. В поле юридического образования прослеживаются нововведения по корректировке вектора обучения в связи с потребностями патриотического воспитания во времена распространения радикальной общественной мысли. Так, уставом ликвидировались кафедры истории иностранных законодательств и истории славянских законодательств с целью ограничения доступа к документам из данных областей права как источнику возможных размышлений о несостоятельности самодержавия в частности [19] и российского пути развития в целом. Из состава историко-филологического факультета в связи с теми же мотивами исключались кафедры греческой и римской словесности, истории всеобщей литературы.

Несмотря на многие подозрения в отношении университетов, государство, само того не желая, способствовало формированию внутренней корпоративной идентичности студентов при помощи особых внешних атрибутов. Этому, в частности, способствовала регламентация облика студентов – практика, учрежденная в период правления Николая I [20. С. 453–454.] и пущенная на самотёк в период Александра II. Она вводилась с целью упрощения надзора и повышения уровня дисциплины [4. С. 246.]. Так, в 1885 г. для студентов Императорских российских университетов устанавливалась форменная одежда. Ношение мундира не являлось обязательным, но на торжественных мероприятиях, студентам предписывалось «быть в одинаковой форме» [21, 22]. Нормативно определенная форма одежды воспринималась студентами как очередное выделяющее их ограничение, «насилие над личностью». Лица, осуществлявшие это «насилие» педели (вольнонаёмные служащие из отставных солдат и унтер-офицеров), которые следили за порядком внутри университета и могли делать замечания студентам по поводу их внешнего вида. Кроме того, для многих корпоративная одежда являлась особо серьезной статьей расходов. По воспоминаниям академика В.М. Алексеева, на все составляющие формы приходилось тратить более 150 рублей. По подсчетам П.К. Иванова, в течение 4-х лет на достойное обмундирование студенту необходимо было потратить 345 рублей и 20 копеек. Большая часть студентов, не имевшее в распоряжении таких крупных сумм, приобретала одежду у товарищей, на рынках и у старьевщиков [4. С. 326–329].

Нравственный аспект студенческой культуры оказался в поле зрения государства после событий первой

всероссийской студенческой забастовки 1899 г. Циркуляром Министерства народного просвещения на инспекцию возлагались обязанности установления «нравственной связи со студентами» путем поиска дополнительных заработков, жилья, обеспечения питанием и медицинскими услугами.

Государство опасалось сближения части преподавательского состава с волнующимся студенчеством, солидарность между которыми обозначилась уже в первые годы после принятия университетского устава 1884 г. и в последующем только росла. Поэтому отдельным циркуляром регламентировалась коммуникация студентов и преподавателей, разрешались научные и литературные кружки, хоры и оркестры под руководством профессоров [4. С. 250–251].

Правительство использовало в отношении студентов как «кнут», так «пряник», в зависимости от серьезности выступлений или фигуры того или иного чиновника. 20 июля 1899 г. были изданы «Временные правила», разрушившее корпоративное право студентов на отсрочку от воинской повинности на время учебы, при условии их участия в беспорядках.

«Пряник» был дарован студентам в декабре 1901 г. (в марте этого года прошла Вторая всероссийская забастовка студентов). Новые «Временные правила организации студенческих учреждений» (22 декабря 1901 г.), ознаменовали попытку выстраивания диалога и поиска компромисса со студенческой средой и, следовательно, признание ее уникальности и невозможности абсолютного прямого контроля над ней имевшимися мерами устава и правил [23]. В соответствии с ними были разрешены студенческие сходки в формате регламентированных курсовых и факультетских собраний, открытие студенческих библиотек, столовых, касс взаимопомощи, попечительств. Эти правила на время разобщили студенчество на «благомыслящее» большинство и оппозиционное меньшинство.

В годы первой русской революции положение студентов являлось, пожалуй, наиболее благоприятным. Студенческая корпорация не только смогла добиться отмены свидетельств о благонадежности и получения вида на жительство, но и организации выборных органов студенческого самоуправления, являвшихся органами защиты прав каждого студента.

В последующий период реакции между двумя революциями государству, несмотря на ожесточенное сопротивление студентов и части профессуры, удалось восстановить положение студента на момент Временных правил 1901 г. «Временные правила» от 1907 г. разделили виды студенческих собраний на публичные (балы, лекции) и частные (по академическим вопросам). Были восстановлены требования к политической благонадежности студенчества и требования к виду на жительство всех обучающихся. В январе 1911 г. собрания, не носившие научный характер, были запрещены, что спровоцировало крупнейший конфликт профессуры и правительства – «дело Кассо» [4. 252–255].

Социальный портрет студенчества в конце XIX в. – начала XX в.

Трансформация социального состава студенчества университетов на протяжении XIX в. – начала XX в. протекала, несмотря на все усилия правительства, под знаком его постепенной и неуклонной демократизации. Оценки степени этой трансформации в литературе, в целом, схожи. Так, по данным А.Е. Иванова за период 1900–1916 гг. дворянско-чиновничья группа в студенческом контингенте уменьшилась с 52 до 36% [1. С. 268]. По данным же Е.А. Ростовцева и И.В. Сидорчука, выполненных в недавнем исследовании процент дворянства и чиновничества уменьшился за период 1893–1914 гг. с 44,1 до 36% [24]. В то же время, по их мнению, несмотря на рост процента выходцев из мещан и крестьян, удельный их вес был несравненно мал: в 1916 г. непривилегированное население империи было представлено в университетах более чем в 40 раз скромнее чем привилегированное [24].

Преобладание дворянско-чиновничьей группы, конечно, не было единым в университетах империи. Наибольшей концентрации он достигал в университетах столиц, а также Киевском университете св. Владимира. В других университетах состав студенчества был более демократичным: в Юрьевском, Варшавском и Томском университетах, в которых правительство разрешало обучаться семинаристам, процент дворян был намного ниже. В Томском университете на 1 января 1914 г. эта цифра составила 1,9%, в открытом в 1912 г. Саратовском университете – 1% [1. С. 269].

Наличие большого числа выходцев из дворян и чиновников в университетах империи не означало их реальное доминирование как особой «верховой касты» в данных учреждениях. Сословное происхождение попавших в университет студентов быстро отходило на второй план, уступая корпоративной групповой идентичности. Данный процесс обозначился не на рубеже XIX–XX вв. А.И. Герцен, учившийся в Московском университете в начале 1830-х годов вспоминал: «Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и севера, быстро сплавлялась в компактную массу товарищества... Студент, который бы вздумал у нас хвататься своей белой костью или богатством, был бы отлучен от “воды и огня”, замучен товарищами» [25].

Всесословность была отличительной чертой российского университетского студенчества с момента появления первых высших учебных заведений в Петербурге и Москве. Это было обусловлено постоянной нехваткой способных студентов. Даже когда государство взяло курс на «одворянивание» университетов (отчётливо это проявилось в период Николая I) ситуация принципиально не изменилась. Как отмечали Е.А. Ростовцев и И.В. Сидорчук: «... российские университеты на протяжении практически всего императорского периода российской истории являлись тем плавильным котлом, в котором создавалась... русская интеллигенция» [24].

Разнообразная структура социального состава студенчества, по мнению А.Е. Иванова, также стала проекцией формирования общегражданского бессословного общества [4. С. 195].

Будущие студенты, пожелавшие учиться в университете, оканчивали классическую гимназию, либо, на правах исключения, духовную семинарию. При этом учащиеся были недовольны атмосферой, в которых протекало обучение обоих учреждений. Недовольство учащихся классических гимназий вызывала их образовательная направленность, основанная на развитии «формальной вдумчивости», умения работать с информацией посредством механического запоминания и многократно повторяемых упражнений. Обучающиеся же в духовных семинариях, по воспоминаниям А.Е. Герцена росли под гнетом монашеского деспотизма, были забиты риторикой и теологией: «они... завидовали нашей развязности; мы – досадовали на их христианское смирение» [25]. Во многом, поэтому преподаваемые в университетах науки и сам феномен учебы становились для первокурсников совершенно новым явлением. Университет предполагал возможность самореализации в идеальном и желаемом для многих общественно полезном труде и служении народу, становился местом освобождения от среды, в которой пребывал будущий студент до поступления.

Разнородность студенчества приводила к тому, что их материально-бытовое положение было неодинаковым. Это состояние осложнялось разнонаправленными социальными процессами: по мере демократизации студенчества число неимущих студентов росло. Обязательные расходы, в особенности, приезжих студентов были зачастую несоизмеримы с теми суммами, которые они везли с собой [26]. Со временем доля нуждающихся студентов снижалась, так как они не выдерживали конкуренции со студентами других категорий, не могли в срок оплачивать учебу². К началу XX века студенческие доходы постепенно росли, однако, Первая мировая война и последовавший экономический кризис империи прекратили поставили студенчество в крайне тяжелое положение [4. С. 299]. Для томского студенчества, например, ситуация с материальным положением с годами не могла стабилизироваться – увеличение числа студентов не сопровождалось ростом числа стипендиатов, повышалась плата за проживание в общежитии при сохраняющихся малых доходах [27. С. 213].

Несмотря на то, что общая численность студентов росла несоизмеримо с потребностями империи³, приём в университеты значительно отставал от общего числа желающих получить образование. Это приводило к тому, что на рубеже XIX–XX вв. общежития университетов оказались переполненными. Картина студентов, «снимающих углы» является типичной для российского студенчества того времени. Неблагоприятные жилищные условия крайне пагубно влияли на здоровье, и как следствие учебный процесс. Влияли они и на взгляды студенчества, о чем будет рассказано в следующем разделе.

Поскольку материальная поддержка от государства была невысока и оказывалась преимущественно лояльным для власти студентам, среди студенческой корпорации существовали различные формы поддержки. Ключевой из них являлись землячества, сочетавшие

функции интеграции иногородних студентов и материальной помощи. К землячествам примыкали и другие формы поддержки: бюро труда, разные формы торгово-закупочных, кооперативных студенческих столовых кассы взаимопомощи и т.п. [5].

Основные черты культурного облика студенчества в позднимперский период

При всей разнородности социального состава студенчества, существовала его уникальная корпоративная культура, явно выделяющаяся из иных групп в университетской среде. А.Р. Марков указывает на «воображаемо-реальный характер» единства студенческой культуры, где воображаемый элемент выражен невидимыми, но четкими границами отделения студенчества от других сообществ, а реальный – особыми практиками коммуникации и стандартами поведения.

Осознание студентами себя как уникальной, отдельной и противопоставляемой остальным социальной группы проявлялось еще до развития студенческого движения в полной мере в виде особого языка, описанной выше форме одежды, практик досуга и др. Общую уникальность студенческой культуры обуславливал также ее комбинированный характер – сочетание происходящих еще от средневековых университетов элементов корпоративности, российских идеалов дворянской сословности (или христианского служения и выходцев из среды духовенства) и принципов независимого служения науке.

Корпоративная культура студенчества отличалась такими признаками как стремление к сплоченности и единомыслию, участие в решении актуальных проблем посредством приобщения в общественно-политической деятельности. Этому способствовал учебный процесс в университете, в ходе которого устанавливалось тесное общение, а также, зачастую, оторванность большинства студентов от родного дома.

Одной из доминант культурного облика студенчества было осознание себя в качестве передовой социальной силы общества незаслуженно угнетенной и подавленной правительством и профессорско-преподавательской корпорацией. Этому всячески способствовали, с одной стороны их социально-экономическое положение и государственная политика, с другой – атмосфера университета как благородного «храма науки». «Можно ли удивляться тому, – писал профессор Московского университета П.Г. Виноградов, – что молодые люди, собирающиеся со всех концов России, представляющие все классы и состояния русского общества, испытавшие на себе тяжкие условия русской действительности... молодые люди, к которым с кафедр и из книг несется проповедь идеальных стремлений, нравственности, гуманности, самодеятельности, патриотизма, которые силою вещей собраны в многоголовое, смелое своей солидарностью общество, чтобы эти молодые люди могли относиться безучастно к византийщине, которая смотрит на них из правительственных мест и церквей, и не только смотрит, но согладалает, подготавливает расправы, совершает казни?» [28].

Несмотря на различный характер государственной политики, выраженной, например, в степени автономности университетов по уставам 1863 и 1884 гг., студенчество всегда считало себя стесненным в среде «суровых, крутых порядков», вследствие чего возникла следующая отличительная черта – протестная студенческая активность, изначально направленная лишь против отдельных преподавателей и университетских порядков, затем переросшая в более серьезные волнения. Помимо саботажа университетских порядков, протестная направленность студенческой культуры выражалась в распространении запрещенной литературы, участии в студенческих сходках и, в крайнем случае – деятельности подпольных политических организаций. Политика рассматривалась студенчеством с позиции собственной корпоративной жизни и отстаивания собственных прав, при этом представители политических фракций к чисто студенческим выступлениям относились скептически и распространяли сомнения о единстве студенческой корпорации как таковой.

Во многом этому способствовал недальновидный курс правительства. Свидетельство о благонадежности, которое необходимо было предъявить каждому поступающему в университет с юных лет приучало будущих универсантов тщательно скрывать своё истинное отношение к социальным устоям общества. В особенности это относилось к представителям духовенства, с детства окруженного теологическо-догматической картиной мира.

Политические события эпохи подтолкнули студенчество к крайней поляризации политических собственных взглядов и росту внутренних противоречий. Тем не менее, внутри нее существовала демократическая система, решения на студенческих сходках принимались голосованием. Сходки сами по себе становились неотъемлемой частью студенческой культуры и имели собственный ритуальный характер приобщения к идеалу общинности. А картина мира, противопоставляющая собственный демократизм существовавшей во круг автократии, выносилась и за пределы университетской среды.

Обостренное чувство одиночества, возникшее у студентов вдали от дома, также способствовало установлению широких товарищеских связей. Студенты заменяли друг другу семью, становясь частью большой корпорации, объединенной общими установками, противопоставленными тому обществу, в котором они действуют. Основными институтами, формировавшими эту «семейную» культуру, являлись уже упомянутые землячества. Именно землячества становились объединяющим инструментом нелегальной деятельности студентов. Из актива землячеств нередко выделялись организации революционного или либерально-реформистского характера [29. С. 71–72]. Одним из ярких примером стало сибирское землячество Петербургского университета, видные представители которого (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин) внесли большой вклад в создание Томского университета [30].

В кризисных условиях особенно сильно проявлялся этос дореволюционного студенчества. Основные его черты подробно рассмотрены А.Р. Марковым с опорой

на труд С. Кассова на примере петроградского студенчества. Наиболее аморальными преступлениями для товарищеского суда считались обман ради материальных выгод, кража, предательство, штрейкбрехерство во время студенческих выступлений⁴, «заслуживание бойкота» студентами по иным поводам [7. С. 43–54].

На идейный и культурный облик студенчества оказывала серьезное воздействие духовная составляющая, выражавшаяся как в приверженности религии, так и в поиске ответов на вопросы нравственного характера в общественно-политических учениях. Вследствие разнообразных интерпретаций идей революционной пропаганды о совершении подвига во имя народа в студенческой среде сформировалась особая «идеология» страдания, перетекающая из элемента духовной доктрины народничества в разряд «моды». Такой своеобразный духовный поиск был обусловлен, в том числе, кризисом преподавания богословия в университетах [7. С. 43–54]. Духовный кризис определил специфику деятельности христианских студенческих обществ, преследовавших те же идеалы просвещения народа и шедших вразрез с государственным православием.

Ввиду сложностей жилищного характера, студентам зачастую приходилось сосуществовать с неблагополучными соседями по съемным квартирам. Это подкрепляло ощущение вечной стесненности и протестный потенциал студенческой среды. Нахождение среди неблагополучного населения побуждало к размышлениям о проблемах общественных и государственных порядков, влияло на представление о благе и справедливости.

Отношения с студенчества и профессуры были крайне противоречивыми. Некоторые исследователи констатируют «глубокий кризис», проявляющийся в разрыве между взглядами студентов, профессоров, университетской администрации и институтов власти. Расхождения были связаны, прежде всего, с вопросами прав и возможностей, учащихся в университете, ограничений для легального проявления студенческой самоорганизации, а также радикальной политизации студенчества [31. С. 7]. Большая часть профессуры сочувственно относилась к требованиям о расширении прав студенчества, видя в них ключ к решению университетского вопроса. Она стремились к установлению доверительных, равноправных (в противовес патерналистским) отношений со студентами.

Спектр действий в поддержку студентов варьировался от заступничества с целью смягчения наказания до отказа от чтения лекций и сотрудничества (чаще скрытого) в период студенческих забастовок. Университеты, однако, реагировали на требования студентов по-разному. В годы Первой русской революции, когда студенческая корпорация, сумев сплотиться, создала органы для борьбы за свои социально-политические права, университеты разделились. В Петербургском, Московском и Казанском университетах профессорское большинство было солидарно со студенческими организациями в вопросах их требований. В Харьковском университете профессура оказалась левее студенчества. В Киевском, Одесском и Варшавском университетах среди профессуры преобладали черносотен-

ные элементы. И только Томский и Юрьевский университеты колебались между «умеренными» и «неумеренными» [31. С. 443].

Несмотря на поддержку и сочувственное отношение, студенты относились к профессуре с большой долей недоверия, считая их ставленниками и проводниками политики правительства. Во многом этому способствовало участие профессуры и руководства университетов в политическом надзоре за студентами, «гонимая система отношений» между студентами и профессорами, отсутствие автономии при которой часть профессуры назначалась «сверху» и др.

Инструментов воздействия против нежелательных преподавателей было немного, но они были эффективны. Самым распространенным из них являлся отказ от посещения занятий. Особенно сильным влияние студентов становилось в периоды кризисов. Под давлением студенчества негодные для студентов профессора могли вовсе покинуть университет. В тоже время студенты были готовы всячески поддерживать (вплоть до угрозы организации волнений в университете) тех профессоров, кто прислушивался к их просьбам и помогал им даже если эти профессора были «правее», чем студенты.

Социальный портрет и культурный облик студенчества Императорского Томского университета

Особенностью социального состава студенчества Томского университета, отличавшей его культурный облик от представителей остальных вузов страны, являлось большое количество выпускников духовных семинарий вследствие малого набора студентов из других социальных групп. Так, по данным С.А. Некрылова, за период 1888–1912 гг. в ИТУ обучалось около 6 927 выходцев из духовенства – почти столько же сколько детей дворян, мещан, крестьян, купцов и др. сословий – 7 613 [32. С. 256]. Эта уникальная черта обусловила специфику этических качеств томских студентов. Впрочем, по данным А.О. Степнова и С.А. Некрылова процент выходцев из духовных семинарий неуклонно снижался: с 72,8% (1901/1902 уч.г.) до 32,8% (1913/1914 уч.г.).

Мотивация для поступления в университет для семинаристов, помимо самой по себе такой возможности (отсутствовавшей в большинстве университетов), заключалась в надежде на развитие критического, свободного мышления, которое не могло предоставить духовное образование. Выпускник 1894 г. Д.А. Миловидов характеризовал поступающих в университет семинаристов как «бежавших со всех концов России от разочаровавшей их семинарской лженауки и неизбежного поговства на поиски настоящей науки» [32. С. 261–272]. В письмах другу Н.Д. Либеров также говорит об отрицательных сторонах духовной профессии, не предполагающей критического мышления и необходимости его развития в университете. Поэтому еще до полноценного вступления в университетскую среду, большая часть будущих томских студентов,

происходившая из духовной среды, уже составляла определенную корпорацию.

Духовное образование посеяло в головах студентов одну из определяющих все этические характеристики идей – служение во благо общества, которое теперь обеспечивалось накоплением разносторонних научных знаний и формированием собственных умозаключений. Н.Д. Либеров, рассуждая о выборе места обучения друга, основными его критериями избирает возможность приносить пользу обществу и удовлетворение стремления к знаниям, говоря об опасности профессии медика, приходит к выводу о том, что «великая цель, которую каждый из нас должен поставить в жизни, это принош[ение] пользы обществу» [33].

Первый дипломированный казахский врач А.Д. Айтбакин – выпускник ИТУ, до поступления в университет состоявший на государственной службе – окончив курс университета, желал применить полученные знания для блага своего народа [10. С. 178]. Возвышенная цель получения высшего образования подчеркивалась и В.М. Флоринским, назвавшим начало работы университета «новой духовной жизнью» [8. С. 132–136] его сотрудников и студентов.

Следствием этого, вероятно, стало отмечаемая многими мемуаристами и подтверждаемая университетскими отчетами учебная активность первокурсников, высокая посещаемость на занятиях и успеваемость. Устроитель ИТУ и попечитель Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринский с удовлетворением отмечал, что студенты ИТУ – воспитанники семинарий, по сравнению с выпускниками классических гимназий, оказались «несравненно развитые, талантливые и усердные». Большинство из них относилось к повышенным требованиям преподавателей как к привилегии, хорошо выдерживало экзамены и стоически принимало трудности проживания в далеком и суровом крае [11. С. 63].

Однако, такой «глоток свободы» вызвал в студенческой среде и некоторое отторжение религиозных практик. Зачастую оно начиналось еще со скамьи духовной семинарии. Один из первых студентов ИТУ К.М. Гречищев отмечал, что именно на скамьях семинарии «ким посчастливилось знакомиться с трудами В.И. Ленина» [11. С. 64]. Своеобразное отношение к вере в Томске в целом подчеркивал Н.Д. Либеров, назвав безрелигиозность городской эпидемией [34]. В штрафной книге Томского университета также зафиксировано пренебрежительное отношение студентов к таким религиозным ритуалам как молитва до и после трапезы, отсутствие привычки молиться и опасность стать посмешищем среди товарищей как оправдание этому. Особо показательной иллюстрацией приоритета корпоративной солидарности над религиозной явилась ситуация в связи со смертью студента П.И. Быстрова. Студентами без распоряжения руководства было перенесено тело, на похоронах была спета песня на стихотворение светского содержания [9. С. 190].

Следующая особенность облика студенчества ИТУ была обусловлена отдаленностью Томска от многих населенных пунктов, откуда приезжали семинаристы.

Студентами ИТУ отмечалась сложность пути до университета, множество разнообразных непредвиденных ситуаций, гнетущая атмосфера дороги. Первые студенты ИТУ узнавали друг друга и своих преподавателей на пути в Томск, что способствовало формированию особой среды еще до начала университетской жизни. Студент 1-го выпуска медицинского факультета, будущий профессор С.М. Тимашев отметил, что он и его попутчики – будущие студенты – «сошлись в одну дружную семью» и «находились в постоянном общении» с направлявшимися в Томск профессорами А.С. Догелем, С.И. Коржинским и А.М. Зайцевым [8. С. 132–136]. Откровенные дружеские разговоры в дороге вспоминает и Н.Д. Либеров [34].

Установлению тесных отношений способствовал достаточно молодой возраст первых профессоров и преподавателей университета. Так, самому молодому из первых профессоров – С.И. Коржинскому было на момент приезда 27 лет [35. С. 142]. В среднем возраст первых профессоров ИТУ составлял чуть более 30 лет.

В особой среде формировалась и этика взаимоотношений с профессорско-преподавательским составом университета. «Учебно-деловой» характер такого довольно частого, вследствие недостатка помощников, взаимодействия также мотивировал студентов к освоению науки и достижению высоких результатов. Однако показательным случаем является продолжительное бойкотирование занятий профессора Е.В. Вернера, вызванное, по свидетельству студентов, оскорбительным поведением преподавателя. В этой ситуации проявляется не только вполне очевидная граница комфортного взаимодействия студентов и профессоров, но и единство студенчества в отстаивании своего социального статуса.

Единство проявлялась и в вопросах взаимоотношений с инспекцией. Иногда студенты прямо выражали неудовлетворение правилами, отвечали инспекторам колкими фразами, принципиально отказывались раскланиваться. Сами по себе действия инспекции в какой-то мере противостояли студенческой солидарности. В этом плане ИТУ не представлял собой исключения: как и в других университетах репрессивные меры применялись здесь в любых сферах, где имело место уклонение от субординации, свободный образ жизни [9. С. 188–189], за общие права на который боролись студенты.

В студенческой среде ИТУ не пользовалась общим уважением группа, названная студентом К.М. Гречищевым «золотой молодежью» не только (вероятно, и не столько) вследствие высокого уровня жизни при общей студенческой бедности, но из-за связей с инспекцией и наличия привилегий в вопросах стипендиального обеспечения и освобождения от платы за обучение. Он именовал таких студентов «развратителями для мало устойчивых, еще неустановившихся групп студентов»⁵. Студент юридического факультета А.Н. Морачевский (Н. Зарицын) упоминал презрение других студентов к «пижонам и франтам» [36. С. 425]. При этом, окончивший университет в 1894 г. Д.А. Милославский замечал, что «белоподкладочников» в Томске не было вовсе [32. С. 261–272], хотя студент Л.И. Рубинштейн упоминает богатых студентов, пользовавшихся общежитием [37. С. 10]. Такое различие во

взглядах современников говорит о постепенном идейном расслоении студенческой корпорации, основанном на расслоении материальном. Тяжелое материальное положение, определяющее долю томского студенчества, со временем стало уникальной частью его культуры, основанием для протестной активности. Более обеспеченные студенты соответственно не были так сильно вовлечены в нее и выступали, скорее, на противоположной стороне.

Вследствие специфичности культуры томского студенчества, происходящей из его социального состава, особенностей образовательного процесса и городской жизни сформировалось и особое восприятие обществом студенческой среды. О том, как воспринимали Сибирский университет высшие сановники-консерваторы империи уже было показано на примере К.П. Победоносцева.

Совсем другое отношение к студентам существовало на уровне городской среды Томска. Приветливость и внимание к первым студентам отмечали первые студенты университета С.М. Тимашев, Л.И. Рубинштейн. С.М. Тимашев подчеркивал дружелюбность к студентам городского общества всех слоев [8. С. 132–136], Л.И. Рубинштейн описывал хорошие отношения с инспектором, отзывчивость ректора, уважение к студентам попечителя учебного округа, зависящее (впрочем) от выполнения его требований к ним [37. С. 10, 16–19].

Со временем палитра отношений к студентам со стороны жителей города стала более пёстрой. И.К. Конражевский, студент 2-го выпуска медицинского факультета, описывал ситуацию с благотворительными сборами для нуждающихся студентов – отказ городского головы от покупки билетов на студенческий вечер, а также сделанное купцом пожертвование исключительно из личных репутационных интересов [8. С. 137–144]. Такие факторы показывали постепенное разобщение студенческой культуры с другими, приводившее к изменениям в их взаимодействии.

Основные черты томского студенчества во многом оставались схожими со студенчеством общероссийским. Д.А. Миловидов выделил некоторые из них, в разной мере подтверждаемые другими авторами воспоминаний. Прежде всего – это демократичность и высокий идейный уровень [32. С. 261–272]. Стремление к постижению университетской науки как способ развития критического мышления стало частью самоидентификации и сыграло определяющую роль в разделении студентов на два идейных лагеря – стремящихся к широкому общественно-политическому образованию («радикалов») и концентрировавшихся преимущественно на своей специальности («антистов»). Тем не менее, явной вражды между этими группами не возникало.

Как и во многих университетах, особую роль в объединении студенчества, сборе средств и организации нелегальной деятельности играли землячества. В Томске к 1912 г. функционировали до 50 организованных землячеств [32. С. 276].

Ощущал ли себя студент незаменимым элементом большой корпорации и боролся ли он именно за права

всего студенчества, а не права своих земляков и товарищей, становившихся для него новой семьей? Землячества действительно оказывали серьезную материальную поддержку приезжим студентам, формировали определенные нравственные идеалы. К.М. Гречищев называет землячество «дружной семьей». Однако на основе примеров деятельности землячеств отмечается их, скорее, организационная, объединяющая функция в реализации общих корпоративных студенческих потребностей, защите общих свобод. В пример можно привести описываемую К.М. Гречищевым ситуацию общестуденческой забастовки 1899 г., присоединение к которой томского студенчества было мотивировано осознанием собственного бесправного положения. Выступавший на сходке студент призывал «пригласить... ректора университета и даже попечителя округа, заявить им протест Томского студенчества по поводу дикой расправы над Петербургским студенчеством, потребовать поддержать требование о наказании виновных в расправе» [36]. Н. Зарицын, обучавшийся на юридическом факультете, отмечает единство интересов, сознание своего «я», высокий уровень развития нравственности и корпоративной чести в студенческой среде. Описывает он и некоторые другие элементы студенческой этики: «Всякое проявление благородства и устойчивости в убеждениях поощрялись всеми силами», «студенчество жило дружно, близко придерживаясь товарищества, по пословице «все за одного и один за всех» [36. С. 425]. Более того, конфликтные ситуации, связанные с отдельными студентами, приравнивались к конфликту со студенчеством в целом. Таковым является, например, описываемый студентом К.К. Белкиным случай в столовой – появление дежурного с плетью из-за конкретного нарушившего порядок студента – было расценено как оскорбление студенчества, приговор третейского суда был вынесен как обвиняемому, так и дежурному [38. С. 79]. В результате землячества становились своеобразной школой «гражданского воспитания» через которую и посредством которой студент приучался к борьбе за общекорпоративные права студенчества.

Вывод

Государственная политика по формированию культурного облика студентов в дореволюционной России касалась лишь некоторых его аспектов. Её эффективное проведение не представлялось возможным ввиду разнородного с социальной точки зрения состава студенчества. Поэтому правительство сосредоточилось исключительно на формировании патриотизма и лояльности и введении необходимых для безопасности порядка ограничений. Восприятие студента как «отдельного посетителя университета» косвенно свидетельствовало, что направленное сверху формирование идентичности не являлось приоритетным вариантом решения студенческого вопроса, а проявления неэффективности текущей политики компенсировались на локальном уровне. Попытки выстраивания диалога со студенчеством за счёт некоторых покровительственных мер не увенчались успехом: политические собы-

тия конца XIX – начала XX вв., бедственное материальное и социально-статусное положение студентов сводили на нет немногочисленные усилия государства на этом поприще.

Студенчество Российской империи характеризовалось своей всеословностью. Преобладание дворянско-чиновничьей группы в социальном портрете студенчества не означало её доминирование здесь – корпоративная идентичность поглощала сословную замкнутость. В еще большей степени это было характерно для поздней имперской эпохи, когда обозначились процессы демократизации высшей школы. Сложные материально-бытовые условия, в которых оказывалось большинство студентов, логичным образом привели к живучести институтов взаимной моральной и материальной поддержки, такими как землячества. Эти институты порождались и одновременно воспроизводили протестную социальную активность. События конца XIX в. – начала XX в. способствовали материальному и политическому расслоению студенчества, однако, несмотря на отделение некоторых подгрупп («академисты», консерваторы) корпоративная солидарность только укрепилась за счёт возникновения новых форм студенческого самоуправления.

Духовные идеалы служения на благо общества, которыми было проникнуто студенчество, противопоставлялись авторитарной политике власти, что способствовало восприятию себя в качестве передовой демократичной социальной силы общества. Студенчество руководствовалось принципом «один за всех и все за одного», поддерживая также сочувствующую им часть

профессорско-преподавательского состава. Эта солидарность была естественным ответом корпорации на патерналистскую политику государства и части консервативной профессуры. Так воспроизводились христианские установки борьбы добра и зла, реинтерпретированные в социалистических идеях, коими так сильно увлекалась студенческая молодёжь.

Культурный облик дореволюционного томского студенчества имел региональную специфику, обусловленную, прежде всего, его социальным составом. Опыт обучения в семинариях оказывал влияние на духовный поиск студентов – многие из них не искали утешения в вере, а, напротив, постепенно отходили от нее, осознавали невозможность привнести благо исключительно с ее помощью и стремились к изучению науки, общественной мысли. Однако изначально обусловленный духовным образованием и работой преподавателей университета курс на освоение студентами науки во благо народа перешел к общероссийской радикальной протестной направленности студенческой активности. Этому способствовали те же факторы, что в случае общероссийским студенчеством, о которых было сказано выше.

Корпоративная солидарность же оказалась одинаково сильной как в центральных, так и в периферийных университетах: студенты ИТУ протестовали и бойкотировали лекции также как и студенты Петербургского или Московского университетов. В результате корпоративная идентичность студентов поздней имперских университетов оказалась сильнее, чем их сословное происхождение, материальное положение или географическое местонахождение.

Примечания

¹ Студенческая корпорация имеет два разных значения: 1) одна из старейших форм самоорганизации студентов заимствованная по опыту немецких университетов, имевшая целью установление общения между её членами, развитие умственных навыков её участников, а также укрепление их материального положения; 2) социальная группа студентов, имеющая свои собственные цели и интересы, отличающая себя от других социальных групп и обладающая коллективной солидарностью по защите своих интересов и прав своих членов. Мы будем подразумевать под понятием «студенческая корпорация» второе значение.

² А.Е. Иванов приводит данные, согласно которым в Московском университете число неимущих студентов в 1900 г. составляло 53,2%, а уже через 5 лет из половины московских университетов неимущими оказались 21,5%.

³ Число студентов университетов за 30 лет с 1884–1913 гг. увеличилось почти в три раза с 12 415 до 35 743 человек.

⁴ Штрейкбрехер – лицо, как правило, нанимаемое на стороне во время забастовки, отказывающееся участвовать в забастовке и поддерживать забастовщиков, занимающее сторону администрации в её споре с забастовщиками и поддерживающее её своим выходом на работу в период забастовки. Применительно к студенчеству штрейкбрехерами называли тех, кто продолжал учиться в период студенческих волнений.

⁵ Учитывая деятельность К.М. Грецишева в студенческие годы, возможно, под «развращением» следует понимать, в том числе, прививание лояльности к представителям власти.

Список источников

1. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Искра революции, 1991. 392 с.
2. Турунов А.Н. Победоносцев и "Московские Ведомости" об открытии Томского университета (историческая справка) // Северная Азия. 1928. Кн. 5/6. С. 181–183.
3. Камчатнов Г.А. Отечественная историография дореволюционного русского студенчества: 1860 – февраль 1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 249 с.
4. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 416 с.
5. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 407 с.
6. Ромахова А.А. Современная отечественная историография студенчества России поздней имперской и раннесоветской периодов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 511. С. 141–150. doi: 10.17223/15617793/511/14
7. Марков А.Р. Что значит быть студентом: работы 1995–2002 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 255 с.
8. Логвинов С.В., Некрылов С.А., Алябьев Ф.В. Лечебный факультет Сибирского государственного медицинского университета: от основания до наших дней. Томск: Печатная мануфактура, 2013. 251 с.
9. Степнов А.О., Фоминых С.Ф. По страницам штрафной книги: система наказаний и практики сопротивления студенчества дисциплинарному надзору в Императорском Томском университете (1893–1899 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 184–197. doi: 10.17223/15617793/443/23
10. Фоминых С.Ф., Кузьмин А.Н., Некрылов С.А. Амре Айтбакин – воспитанник Императорского Томского университета, первый дипломированный казахский врач // Сибирский медицинский журнал (г. Томск). 2011. Т. 26, № 1–1. С. 177–180.
11. Степнов А.О., Некрылов С.А. Русский контингент студенчества Томского университета в свете национальной политики императорской России в конце XIX – начале XX в. // Русин. 2022. № 69. С. 53–72. doi: 10.17223/18572685/69/4

12. Алисов Д.А. Социально-культурный облик «провинциальных столиц» Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1998. № 6. С. 263–272.
13. Новикова Е.В. Социо-культурный облик современной китайской диаспоры Малайзии и Сингапура // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2008. № 11. С. 193–205.
14. Афаг А.к.Г. Концепция этос в философии Платона и Аристотель // Восточно-Европейский научный журнал. 2022. № 1–2 (77). С. 40–44.
15. Разова Е.Л. Проблема определения понятия «этос». Философский аспект // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (40). С. 43–49.
16. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ, 2006. 873 с.
17. Университетский Устав (18 августа 1884) // Летопись Московского университета. URL: <https://letopis.msu.ru/documents/2761> (дата обращения 24.08.2025).
18. Суязов В.В. Профессорский дисциплинарный суд в вузах Российской империи // Вестник науки и образования. 2015. № 5 (7). С. 101–105.
19. Биюшкина Н.И. Политика Александра III в сфере образования // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 37–43.
20. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А.Ю. Андреева и С.И. Посохова. М., 2012. 671 с.
21. Высочайшее повеление, объявленное Министром Народного Просвещения (Собр. Узак. 1885 г. I июня 4, ст. 513) – О форме одежды студентов Императорских Российских университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Св. Владимира и Новороссийского // Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php?regim=4&page=192&part=1479 (дата обращения: 24.08.2025).
22. Высочайшее повеление, объявленное Министром Народного Просвещения (Собр. Узак. 1886 г. I июня 24, ст. 513) – О разрешении студентам Университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Новороссийского, Св. Владимира и Варшавского, а также студентов Историко-Филологических институтов С.-Петербургского и Князя Безбородко в Нежине и Лицеев Цесаревича Николая в Москве и Демидовского Юридического, носить парусные и белые сюртуки, а также фуражки с белыми чехлами. // Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php?part=1493®im=3 (дата обращения: 24.08.2025).
23. Завьялов Д.А. Временные правила организации студенческих учреждений 22 декабря 1901 г. // Клио. 2006. № 1 (32). С. 105–111.
24. Российские университеты XVIII–XXI веков: Разрывы и преемственность / М.В. Грибовский, А.Ю. Андреев, Р.Р. Вахитов, И.Г. Дежина, В.В. Расколец, А.А. Ромахова, Е.А. Ростовцев, И.В. Сидорчук, А.О. Степнов, Д.В. Хаминов ; под ред. М.В. Грибовского. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2025. 456 с.
25. Герцен А.И. Былое и думы. URL: <https://gertsen.lit-info.ru/gertsen/proza/byloe-i-dumy/1-glava-vi.htm?ysclid=memyug9om4912084082> (дата обращения: 31.08.2025).
26. Юркина Н.Н. Материальное положение учащейся молодежи Российской империи XIX – начала XX века // Преподаватель XXI век. 2016. № 1. С. 53–61.
27. Жеравина А.Н. Повседневная жизнь студентов Томского университета на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 207–214.
28. Что делается и что делать в русских университетах? // Виноградов П.Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 141–154.
29. Баринов Д.А. Студенческие землячества императорского и советского университета // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2 (34). С. 71–81.
30. Некрылов С.А. Областники и первый сибирский университет // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 141–148.
31. Грибовский М.В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества. 1884 г. – февраль 1917 г. : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2018. 804 с.
32. Сибирский государственный медицинский университет. Иллюстрированные страницы летописи : в 3 т. Т. 1: Медицинский факультет Императорского (государственного) Томского университета (1878–1930) / С.А. Некрылов ; под ред. акад. РАН В.В. Новицкого. 2023. 740 с.
33. Музей истории ТГУ. Ф. 1. Д. 303: Письмо студента Н.Д. Либерова № 6.
34. Музей истории ТГУ. Ф. 1. Д. 303: Письмо студента Н.Д. Либерова № 5.
35. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 1 / науч. ред. С. Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 514 с.
36. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, М.В. Грибовский, А.В. Литвинов [и др.]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 508 с.
37. Рубинштейн Л.И. Воспоминания первого студента Императорского томского университета. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1913. 30 с.
38. Кузьмин А.Н. Из жизни томского студента: письма К.К. Белкина к народовольцу Н.А. Морозову (1916 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 78–83. doi: 10.17223/15617793/411/11

References

1. Ivanov A.E. Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka. M. : Iskra revolyutsii, 1991. 392 s.
2. Turunov A.N. Pobedonostsev i "Moskovskie Vedomosti" ob otkrytii Tomskogo universiteta (istoricheskaya spravka) // Severnaya Aziya. 1928. Kn. 5/6. S. 181–183.
3. Kamchatnov G.A. Otechestvennaya istoriografiya dorevolutsionnogo russkogo studentchestva: 1860 – fevral' 1917 gg. : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008. 249 s.
4. Ivanov A.E. Studentchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'no-istoricheskaya sud'ba. M. : ROSSP-EN, 1999. 416 s.
5. Ivanov A.E. Studenteskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoy i politicheskoy samoorganizatsii. M. : Novyy khronograf, 2004. 407 s.
6. Romakhova A.A. Sovremennaya otechestvennaya istoriografiya studentchestva Rossii pozdneimpepenskogo i rannesovetskogo periodov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. № 511. S. 141–150. doi: 10.17223/15617793/511/14
7. Markov A.R. Chto znachit byt' studentom: raboty 1995–2002 gg. M. : Novoye literaturnoye obozreniye, 2005. 255 s.
8. Logvinov S.V., Nekrylov S.A., Alyab'yev F.V. Lechebnyy fakul'tet Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta: ot osnovaniya do nashikh dney. Tomsk : Pechatnaya manufaktura, 2013. 251 s.
9. Stepnov A.O., Fominykh S.F. Po stranitsam shtrafnoy knigi: sistema nakazaniy i praktiki soprotivleniya studentchestva distsiplinomomu nadzoru v Imperatorskom Tomskom universitete (1893–1899 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 443. S. 184–197. doi: 10.17223/15617793/443/23
10. Fominykh S.F., Kuz'min A.N., Nekrylov S.A. Amre Aytbakin – vospitannik Imperatorskogo Tomskogo universiteta, pervyy diplomirovanny kazakhskiy vrach // Sibirskiy meditsinskiy zhurnal (g. Tomsk). 2011. T. 26, № 1–1. S. 177–180.
11. Stepnov A.O., Nekrylov S.A. Russkiy kontingent studentchestva Tomskogo universiteta v svete natsional'noy politiki imperatorskoy Rossii v kontse XIX – nachale XX v. // Rusin. 2022. № 69. S. 53–72. doi: 10.17223/18572685/69/4

12. Alisov D.A. Sotsial'no-kul'turnyy oblik «provintsial'nykh stolits» Zapadnoy Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) // Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya. 1998. № 6. S. 263–272.
13. Novikova YE.V. Sotsio-kul'turnyy oblik sovremennoy kitayskoy diaspory Malayzii i Singapura // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'n-yye problemy razvitiya. 2008. № 11. S. 193–205.
14. Afag A.k.G. Kontsepsiya etos v filosofii Platona i Aristoteli // Vostochno-Evropeyskiy nauchnyy zhurnal. 2022. № 1–2 (77). S. 40–44.
15. Razova YE.L. Problema opredeleniya ponyatiya «etoS». Filosofskiy aspekt // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. 2023. № 3 (40). S. 43–49.
16. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura. M. : ACT, 2006. 873 s.
17. Universitskiy Ustav (18 avgusta 1884) // Letopis' Moskovskogo universiteta. URL: <https://letopis.msu.ru/documents/2761> (data obrashcheniya 24.08.2025).
18. Suyazov V.V. Professorskiy distsiplinarnyy sud v vuzakh Rossiyskoy imperii // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2015. № 5 (7). S. 101–105.
19. Biyushkina N.I. Politika Aleksandra III v sfere obrazovaniya // Aktual'n-yye problemy rossiyskogo prava. 2010. № 3. S. 37–43.
20. Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII – pervoy poloviny XIX veka / pod obshch. red. A.YU. Andreyeva i S.I. Posokhova. M., 2012. 671 s.
21. Vysochaysheye poveleniye, ob'yavlennoye Ministrom Narodnogo Prosveshcheniya (Sobr. Uzak. 1885 g. I iyunya 4, st. 513) – O forme odezhdnykh studentov Imperatorskikh Rossiyskikh universitetov: S.-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo, Khar'kovskogo, Sv. Vladimira i Novorossiyskogo // Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=192&part=1479 (data obrashcheniya: 24.08.2025).
22. Vysochaysheye poveleniye, ob'yavlennoye Ministrom Narodnogo Prosveshcheniya (Sobr. Uzak. 1886 g. I iyunya 24, st. 513) – O razreshenii studentov Universitetov: S.-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo, Khar'kovskogo, Novorossiyskogo, Sv. Vladimira i Varshavskogo, a takzhe studentov Istoriko-Filologicheskikh institutov S.-Peterburgskogo i Knyazya Bezborodko v Nezhine i Litseyev Tsesarevicha Nikolaya v Moskve i Demidovskogo Yuridicheskogo, nosit' parusn-yye i bel-yye syurtuki, a takzhe furazhki s belymi cheklami. // Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1493®im=3 (data obrashcheniya: 24.08.2025).
23. Zav'yalov D.A. Vremennyye pravila organizatsii studentskikh uchrezhdeniy 22 dekabrya 1901 g. // Klio. 2006. № 1 (32). S. 105–111.
24. Rossiyskiye universitety XVIII–XXI vekov: Razryvy i preymstvennost' / M.V. Gribovskiy, A.YU. Andreyev, R.R. Vakhitov, I.G. Dezhina, V.V. Raskolets, A.A. Romakhova, YE.A. Rostovtsev, I.V. Sidorchuk, A.O. Stepnov, D.V. Khaminov ; pod red. M.V. Gribovskogo. Tomsk : Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2025. 456 s.
25. Gertsen A.I. Byloye i dумы. URL: <https://gertsen.lit-info.ru/gertsen/proza/byloe-i-dumy/1-glava-vi.htm?ysclid=memyug9om4912084082> (data obrashcheniya: 31.08.2025).
26. Yurkina N.N. Material'noye polozheniye uchashcheyshya molodezhi Rossiyskoy imperii XIX – nachala KHKH veka // Prepodavatel' KHKHI vek. 2016. № 1. S. 53–61.
27. Zheravina A.N. Povsednevnyaya zhizn' studentov Tomskogo universiteta na rubezhe XIX–XX vv. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. № 281. S. 207–214.
28. Chto delayetsya i chto delat' v russkikh universitetakh? // Vinogradov P.G. Rossiya na rasput'ye. Istoriko-publitsisticheskiye stat'i. M., 2008. S. 141–154.
29. Barinov D.A. Studentskiye zemlyachestva imperatorskogo i sovetskogo universiteta // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2022. № 2 (34). S. 71–81.
30. Nekrylov S.A. Oblastniki i pervyy sibirskiy universitet // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 295. S. 141–148.
31. Gribovskiy M.V. Professorsko-prepodavatel'skiy korpus imperatorskikh universitetov kak sotsial'no-professional'naya gruppa rossiyskogo obshchestva. 1884 g. – fevral' 1917 g. : dis. ... d-ra ist. nauk. Tomsk, 2018. 804 s.
32. Sibirskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet. Illyustrirovannyye stranitsy letopisi : v 3 t. T. 1: Meditsinskiy fakul'tet Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta (1878–1930) / S.A. Nekrylov ; pod red. akad. RAN V.V. Novitskogo. 2023. 740 s.
33. Muzey istorii TGU. F. 1. D. 303: Pis'mo studenta N.D. Liberova № 6.
34. Muzey istorii TGU. F. 1. D. 303: Pis'mo studenta N.D. Liberova № 5.
35. Nekrylov S.A. Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.). T. 1 / nauch. red. S. F. Fominykh. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2010. 514 s.
36. Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov / S.F. Fominykh, S.A. Nekrylov, M.V. Gribovskiy, A.V. Litvinov [i dr.]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2014. 508 s.
37. Rubinshteyn L.I. Vospominaniya pervogo studenta Imperatorskogo tomskogo universiteta. Tomsk : Parovaya tipografiya N.I. Orlovoy, 1913. 30 s.
38. Kuz'min A.N. Iz zhizni tomskogo studenta: pis'ma K.K. Belkina k narodovol'tsu N.A. Morozovu (1916 g.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 411. S. 78–83. doi: 10.17223/15617793/411/11

Информация об авторах:

Шадрин С.М. – лаборант проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, студент факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sergschadrin@yandex.ru

Расколец В.В. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири, старший преподаватель кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: predator-101@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.M. Shadrin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergschadrin@yandex.ru

V.V. Raskolets, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.09.2025;
одобрена после рецензирования 14.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 02.09.2025;
approved after reviewing 14.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 94(47).083
doi: 10.17223/15617793/521/19

По следам забытой революции 1905 года

Денис Михайлович Шиловский¹, Михаил Викторович Шиловский^{2, 3}

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

² Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

³ Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

¹ awlsome@yandex.ru

^{2, 3} istorik.novosib@gmail.com

Аннотация. На основе введенных в научный оборот за последние 50 лет источников, прежде всего хроник и немногочисленных исследований современных историков, ставится цель откорректировать содержательную сторону и определить специфику социального катаклизма 1905–1907 гг. в Сибири, преимущественно на материалах Томской губернии.

Ключевые слова: Сибирь, революция, крестьянское движение, стачки, политические объединения

Источник финансирования: выполнено по проекту государственного задания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

Для цитирования: Шиловский Д.М., Шиловский М.В. По следам забытой революции 1905 года // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 182–193. doi: 10.17223/15617793/521/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/19

In the Footsteps of the Forgotten 1905 Revolution

Denis M. Shilovskiy¹, Mikhail V. Shilovskiy^{2, 3}

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation

² Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

³ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

¹ awlsome@yandex.ru

^{2, 3} istorik.novosib@gmail.com

Abstract. The study is based on the historical sources introduced to scientific circulation in the last 50 years, works of predecessors and contemporary researchers. Its objective is to refine a chain of events and to determine the specifics of a social cataclysm in Siberia in 1905–1907 primarily on the materials of Tomsk province that was the most populated in Asiatic Russia; role of various social groups, political and non-political alliances, communicative space, forms and contents of process actions. Since the beginning of the Trans-Siberian railroad's construction and mass resettlement movement the modernization technologies had been actively distributing, Siberia's incorporation in the system of All-Russian market relations took place, along with acceleration of economic, social, political and cultural processes. The railroad was the biggest industrial enterprise in Siberia, while the railroad workers were organizers and active participants of strikes in major cities (Kurgan, Omsk, Novonikolaevsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, Chita) and at the railroad stations. Resettlements, in turn, led to a complex of problems that caused mass peasant protests. The influx of peasant resettlers slowed down the formation of middle urban social layers of a "new type", which was characterized by the low level of political differentiation. However, social and political views of the "new" middle social layers were distinguished by their radicalism, while their aspirations and demands were advocated by organizations of radical Socialist parties (RSDRP, PSR) that began to arise since the late XIX century. At their origins there were political exiles and young representatives of local intelligentsia. On the opposite side the conservative circles united around the petty-bourgeois and merchant societies. Russo-Japanese war of 1904–1905 contributed to radicalization of Siberian attitudes. Among the forms of peasants protest the most popular were encroachments in the forest areas of the Imperial Cabinet (chopping, obstructing the forest guard officials). They were followed by tax evasion, insubordination to authorities, preventing the sale of property and livestock of delinquent payers. Forest offence was not a manifestation of the "second social war". The vast majority of peasant protests were property-related, and they were intensified by the 1905–1907 Revolution. Strikers (workers, railroad workers, shop assistants, telegraph or telephone workers) for the most part made economic demands (salary increase, reduction of working hours, improvement of working conditions, vacations etc.). Political demands were declared at the political meetings, manifestations, gatherings, various meetings of non-political units, municipal dumas, organization of political parties. Their participants opposed the violent actions of authorities,

advocated the establishment of the legal order, civic and political freedom, popular representation, demand for a constituent assembly. One could argue that participants of the political actions for the most part were moderate in their demands.

Keywords: Siberia, revolution, peasant movement, strikes, political units

Financial support: Completed according to the draft state assignment "Siberian society as a factor of territorial growth and unity of Russia (late XVI – early XX century)" (FWZM-2024-0007).

For citation: Shilovskiy, D.M. & Shilovskiy, M.V. (2025) In the Footsteps of the Forgotten 1905 Revolution. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 182–193. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/19

Побудительным мотивом для написания статьи стала ситуация, сложившаяся в области изучения Первой русской революции 1905–1907 гг. в России в целом и в Сибири в частности. После 1985 г. (80-летний юбилей) произошло обвальное падение интереса к «опальной» революции. Во многом данное обстоятельство связано с радикальным изменением отношения к социальным катаклизмам подобного типа политической элиты. Поскольку революция 1905–1907 гг. завершилась поражением, ее пытаются позиционировать как бессмысленный и беспощадный бунт, хотя во Всеобщей декларации прав человека (1948) по этому поводу зафиксировано: «Каждый народ имеет право на вооруженное восстание как крайнюю форму борьбы с тиранией».

В публикации ставится цель, на основе введенных за последние 40 лет источников, прежде всего региональных хроник [1–7], немногочисленных работ коллег и собственных исследований по проблеме [8–10], откорректировать событийную сторону социального катаклизма на примере самой многочисленной и социально дифференцированной в Азиатской России Томской губернии, участие в нем отдельных социальных групп, политических и неполитических объединений, коммуникативное пространство, формы и содержание протестных акций в Сибири.

Начнем с определения основополагающей дефиниции – революция, ее целей, лидеров и специфики. В отличие от классических европейских буржуазных революций XVII – первой половины XIX в., произошедшее в России в избранных хронологических рамках, можно отнести к революциям XX века, которые в рамках модернизационного перехода от традиционного к индустриальному обществу, привели к установлению конституционной монархии и созданию парламента. Согласно изысканиям социолога Ш. Эйзенштадта подобного рода масштабный конфликт влечет насильственное изменение политического режима, ротацию политической элиты (класса), радикальную трансформацию в экономике, кардинальный разрыв с прошлым, изменения в нравственности и воспитании [11. С. 45].

Его коллега Э. Э. Шульц в монографии с претензионным названием «Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди» следующим образом объяснил победу большевиков в этом марафоне: «Большевики оказались сильнее: в уровне социальной поддержки, в технологиях борьбы за власть, в своих лидерах. Смещать большевиков в России оказалось просто некому» [12. С. 332]. Если взять на вооружение его хронологию, то

«взрыв» 1905–1907 гг., хотя и закончился поражением, но повлиял на исход «великой русской революции».

Относительно предпосылок социального катаклизма 1905–1907, 1917 гг. Вновь отрицается их наличие, а в качестве катализаторов объявляются проигранная Русско-японская война 1904–1905 гг. и японские деньги (германские в 1917 г.) [11. С. 91, 211]. Основными факторами, повлиявшими на включение региона в революционный процесс стали сооружение Транссиба и массовое переселенческое движение. Магистраль стала крупнейшим предприятием в Сибири, вдоль которой «сосредотачивались все железнодорожники, основная часть рабочих-водников, значительная – рабочих фабрично-заводской промышленности, рабочие угольной промышленности..., большая часть грузчиков и рабочих торговли – всего не менее 200 тыс. чел к 1905 г.» [13. С. 187]. Железнодорожники стали основной и самой массовой социальной группой, выступавшей в роли организаторов и активных участников протестных акций в крупных городах (Курган, Омск, Красноярск, Иркутск, Чита, Новониколаевск) и на железнодорожных станциях. Переселения, в свою очередь, породили комплекс проблем, обусловивших масштабные крестьянские выступления. В частности, в районах массового вселения переселенцев обострилась проблема обеспечения новоселов лесоматериалами.

Составители хроники крестьянского движения к внутрикрестьянской войне в Сибири отнесли «столкновения бедняков-переселенцев с зажиточным старожильческим крестьянством». В качестве примера идет ссылка на обитателей с. Демьяновского Крутинской волости Тюкалинского уезда, которые «в декабре 1906 г. отказались от арендной платы за рыболовные угодья в пользу старожилов с. Самарского» [1. С. 130]. Заметим, что речь идет о жителях с. Демьяновского, т.е. о старожилах и новоселах. К тому же этот эпизод в хронике излагается следующим образом: «Крестьяне отказывались от выполнения гоньбовой повинности и арендной платы за рыболовные угодья в пользу зажиточных старожилов. Крестьяне и переселенцы заняли частновладельческую землю генерала Сверчкова» [1. С. 287]. Конфликты подобного рода в конце 1960-х гг. Л.М. Горюшкин квалифицировал как проявления второй социальной войны в деревне бедняков против кулачества [14. С. 333].

Расплывчатость формулировки привела в упомянутой хронике к противоречивым результатам. В таблице № 3, среди форм крестьянского движения, в отдельной графе фиксируются «столкновения из-за угодий переселенцев со старожилами». Всего их за 1900–1904 гг.

выявлено 11. А вот в таблице № 6 за 1905–1907 гг. такой графы нет [1. С. 317, 322], и непосредственно в хронике я выявил только одно столкновение, аналогичное выше воспроизведенному [1. С. 227]. Переселенческо-старожильческая конфронтация безусловно проявлялась в процессе массовых миграций в Сибирь в конце XIX – начале XX в., наиболее ярким эпизодам которой посвящен отдельный выпуск сборника документов «Сибирские переселения» [15]. На мой взгляд, относить подобного рода конфликты к антиправительственным выступлениям и проявлениям второй социальной войны нельзя. «Именно от самих крестьян зависел, в конце концов, исход противостояния, – заключает А.К. Кириллов, к выводу которого я присоединяюсь. – От их изобретательности (хитрости), настойчивости (наглости), решительности (грубости). Одинаковые, с формальной точки зрения, случаи могли иметь разный исход: от благополучного (и даже бесплатного) причисления до разорения, выселения и даже смертоубийства. Переселенческо-старожильческие конфликты в Сибири конца XIX – начала XX в. позволяют увидеть, что двигатель дореволюционного российского общества – это крестьянская самостоятельность. Это инициатива простых людей, которые живут не по инструкции, а необходимости: не игнорируя закон, они в то же время используют все возможности для того, чтобы делать жизнь по-своему» [15. С. 16].

К началу 1905 г. в результате сооружения Транссибирской железнодорожной магистрали и массового переселенческого движения началось активное распространение модернизационных инноваций на Азиатскую Россию, включение ее в систему общероссийских рыночных отношений, резкое ускорение экономических, социальных, общественно-политических и культурных процессов. Удвоилась численность населения городов, происходят существенные подвижки в их социальной структуре. Наплыв крестьян-переселенцев тормозил оформление средних городских слоев «нового типа», для которых был характерен низкий уровень политической дифференциации. Однако, общественно-политические взгляды «новых» средних слоев отличались радикализмом, а выразителями их настроений и требований стали возникающие с конца XIX в. организации радикально-социалистических партий (РСДРП, ПСР). У их истоков стояли политические ссыльные и местная молодая интеллигенция. На противоположном фланге консервативные круги группировались вокруг мещанских и купеческих обществ.

Радикализации настроений сибиряков способствовала Русско-японская война 1904–1905 гг. Помимо мобилизации 160 тыс. чел., города наводнили военные и раненые, резко сократились объемы коммерческих перевозок, что привело к росту цен на потребительские товары. Ухудшается криминогенная и криминальная обстановка. Атмосфера сгущалась. «В обществе шел ропот, страх перед властью пропал, воздухе чувствовалась гроза, – так оценивал ситуацию редактор газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов. – Но никто не ожидал, что она разразится так скоро» [16. С. 238]. С другой стороны уменьшается число протестных ак-

ций в деревне. Если в 1901 и 1902 гг. их было зафиксировано соответственно 54 и 62, то в 1903 и 1904 гг. 23 и 26 [1. С. 315]. Аналогичная ситуация проявлялась в городах. В частности, материалы хроники по Томской губернии свидетельствуют о спаде рабочего движения в 1903–1904 гг. В 1903 г. фиксируется 17 протестных акций, в том числе 15 стачек с умеренными экономическими требованиями (сократить рабочий день, отменить сверхурочные, вернуть уволенных, вежливое обращение, уволить управляющего и мастера). В 1904 г. количество стачек сократилось до четырех, все имели экономическую направленность.

Для презентации положений, сформулированных мной в ходе изучения событий Первой русской революции в Сибири, необходимо воспроизвести сложившуюся в отечественной историографии к середине 1980-х гг. марксистского-ленинскую трактовку объекта исследования. В качестве своеобразного стандарта сошлюсь на введение к справочнику-хронике революции 1905–1907 гг., подготовленное авторским коллективом (С.В. Тютюкин, В.В. Шелохаев, О.И. Митяева, О.В. Волобуев, И.С. Розенталь, А.И. Уткин, Л.П. Дойникова) ведущих специалистов по проблеме и изданного тиражом 175 тыс. экз. [17]. Социальный катаклизм квалифицируется «как буржуазно-демократическая революция нового типа, характерного для эпохи империализма». Ее гегемоном и руководителем выступал пролетариат. «Основной пружиной развития революционного процесса в стране являлась стачечная борьба пролетариата... Партия большевиков во главе с В.И. Лениным вооружила пролетариат научно обоснованной программой действий, разработала стратегию и тактику борьбы... Одновременно с разоблачением оппортунистической сущности меньшевизма большевики вели острую борьбу с различными разновидностями мелкобуржуазного революционаризма (эсеры, анархисты), идеологи которого толкали массы на преждевременные авантюристические выступления и проповедовали различные варианты утопического, мелкобуржуазного социализма». Главным союзником пролетариата выступало крестьянство. «Формы и методы борьбы крестьян были самые разнообразные: самовольный захват помещичьих земель, порубки лесов, разгром дворянских усадеб, забастовки с требованием более льготных условий аренды земли, составление различных «приговоров» и крестьянских наказов, отдельные выступления против кулаков и даже открытые столкновения с царскими войсками». В революционный процесс «была втянута значительная масса средних городских слоев (демократическая интеллигенция, студенчество, ремесленники, различные категории служащих), которые активно поддерживали рабочий класс». Идейнными противниками большевиков в борьбе за влияние на средние городские слои выступали кадеты и эсеры [7. С. 8–10, 12–14].

Опираясь на упомянутые выше хроники, выявим реальную динамику основных видов выступлений населения региона с января 1905 до начала июня 1907 г. Прежде всего, обработаем показатели по Томской губернии, поскольку они соотносятся со всеми со-

циальными группами местного социума (рабочие, крестьяне, интеллигенты, включая студентов; военные) в городах, сельской местности, поселках горнодобывающих предприятий, на железнодорожных станциях. Мной учтены все массовые проявления политической и неполитической активности, имеющие отношение к решению основных задач революции, исключая эпизоды повседневной деятельности в области науки, благотворительности, досуга, трезвенного движения, культуры.

Всего зафиксировано 804 события, в том числе 327 в 1905 г., 314 в 1906 г. и 163 в январе-мае 1907 г. Общая ситуация выглядит следующим образом (не учитываются ж. д. станции и горнодобывающие предприятия):

	1905 г.	1906 г.	1907 г.	Итого
Всего	327	314	163	804
Город	281 (86%)	220 (70%)	144 (82,6%)	645 (80%)
Томск	193 (60%)	136 (43%)	76 (40,6%)	405 (50%)
Село	23	91	19	123

Воспроизведенные данные позволяют утверждать, что центрами общественно-политической активности населения Томской губернии периода Первой русской революции являлись города с эпицентром в губернской столице., включая узловую железнодорожную станцию Тайга, выступления расположились таким образом:

	1905 г.	1906 г.	1907 г.	Итого
Барнаул	35	51	26	112
Новониколаевск	19	12	16	47
Бийск	5	5	4	14
Мариинск	9	3	2	14
Каинск	2	41	1	7
Колывань	1		–	2
Кузнецк	–	1	1	2
Нарым	–	3	6	9
Тайга	21	10	2	33

Если из этого перечня вычтем показатели по городским поселениям, расположенным не на железной дороге (Барнаул, Бийск, Кузнецк, Колывань, Нарым), но добавим Анжерские и Судженские каменноугольные копи (11 эпизодов), а также станции Анжерская, Боготол, Болотная, Татарская (16), то общее количество выступлений, состоявшихся вдоль Транссиба и на участке Томск-Тайга составило 533 или 66,3% от общей совокупности. Как правило, поселения локализируются по железнодорожной и телеграфным линиям. Можно утверждать о сравнительно минимальном вовлечении в революционный процесс населения Томской губернии, ограниченном в коммуникативном пространстве 1905–1907 гг.

Территориальный охват и проявления крестьянского движения в Томской губернии в избранных хронологических рамках существенно отличался от ситуации в городах. Всего в хронике зафиксировано 111 выступлений, которые по времени распределились следующим образом: 1905 – 17, 1906 – 73, 1907 – 21. По уездам: Барнаульский – 36, Бийский – 33, Змеиногорский – 20, Кузнецкий – 10, Мариинский – 5, Томский – 5, Каинский – 2. Подавляющее большинство эпизодов – 89 приходится на Барнаульский, Бийский,

Змеиногорский уезды Алтайского округа КИВ. Если к ним добавить имевшие место в Кузнецком уезде и 11 волостях южной части Томского уезда (14), входившим в состав корпоративно-частной собственности Дома Романовых, то этот показатель увеличивается до 103 (93% от общего количества выступлений). При этом обращает на себя внимание минимальные показатели по Кузнецкому уезду (в 2–3 раза меньше, чем у «соседей» по ведомственной принадлежности). К тому же, только три выступления зафиксированы к северу от линии железной дороги (села Вершинино и Скала в Томском уезде и Большой Антибес в Мариинском).

Ситуацию проясняют формы выступлений: 48 (43,2%) связаны с посягательством на кабинетские лесные дачи (порубки, сопротивления при секвестре бревен), в том числе 34 собственно порубки, включая массовые (несколько селений и волостей), 9, сопровождавшихся вооруженными столкновениями с чинами лесной стражи, казаками, военнослужащими). Далее: 28 (25,2%) отказы от уплаты податей, неповиновение властям, недопущение распродажи имущества и скота неплательщиков, 15 массовых выступлений антиправительственной направленности (сходы, митинги, распространение прокламаций), 12 выступлений (буйства) демобилизованных, 4 выступления переселенцев (обращения в Государственную думу с просьбами дополнительного наделения землей из фондов КИВ), 4 погромы домов и квартир чиновников.

Из 48 порубочных эпизодов, 40 осуществили жители сел и деревень равномерно расположенных в Барнаульском, Бийском и Змеиногорском уездах Алтайского округа КИВ. В частности, в январе-феврале 1906 г. массовый характер приобрело расхищение лесных ресурсов, в котором приняло участие крестьяне 22 селений Бийского и 26 Барнаульского уездов. Они действовали «скопом, быстро и одновременно в нескольких пунктах... по несколько сот подвод». Инициаторами акций, как правило, выступали демобилизованные. 19 марта 1906 г. крестьяне четырех селений Паутовской волости Бийского уезда «числом около 500 чел. оказали вооруженное сопротивление отряду казаков и местной администрации, прибывшим для секвестра самовольно нарубленного леса, и изгнали их из селений». Всего в 1907 г. по округу в судебных учреждениях и производстве находилось 85 тыс. дел по фактам самовольных порубок [10. С. 224–255]. Для сравнения в соседней Тобольской губернии в 1905–1907 гг. было зафиксировано всего 12 случаев самовольных порубок, в том числе одно в 1905 г. и 11 в 1906 г. [1. С. 197–304]. Всего же в период Первой русской революции составители хроники крестьянского движения учли в Сибири 1269 выступлений, в том числе 271 (21,26%) самовольных и коллективных порубок.

«При сравнении количественных показателей в казенных и кабинетских лесах Западной Сибири обращает на себя внимание многократное превышение числа самовольных прорубок в Алтайском округе, – констатировал М.О. Тяпкин. – На наш взгляд, это объясняется остротой «лесного вопроса» в Алтайском округе в связи с более высокой плотностью населения,

доступностью ленточных сосновых боров, а также более эффективной системой надзора, при которой регистрировалась большая часть совершаемых порубок. Средний показатель количества самовольных лесных порубок в Алтайском округе за период с 1906 по 1914 г. составляет более 40 тыс. случаев в год. В это же время в казенных лесах Западной Сибири этот показатель не превышал 14 тыс. случаев в год» [18. С. 279–280].

Возникает вопрос о правомерности зачисления порубок, прежде всего массовых, в категорию крестьянских выступлений как составной части крестьянского движения. Л.М. Горюшкин и его ученики В.В. Кучер, Г.А. Ноздрин А.Н. Сагайдачный относили их к экономической борьбе, «...направленной на уничтожение государственной и кабинетской собственности на землю и подрыв их экономической реализации, – заявили они, – а также против казачьего и частного землевладения, [в которой] главное место занимали отказ от выполнения повинностей, внесение податей и арендной платы, захват земли и леса, его порубки. Эти наиболее массовые формы выступлений были особенно опасны для земельных собственников» [1. С. 46].

На мой взгляд, порубки леса и противодействие попыткам секвестрировать древесину нельзя относить к проявлениям второй социальной борьбы, направленной против власти. Мною установлено, что в отдельных таежных старожильческих селениях сельские общины налаживали рациональную практику эксплуатации находившихся в их пользовании лесных участков, в особенности кедрача [19]. Ситуация меняется по мере развертывания массового переселения в Сибирь, прежде всего на плодородные земли Алтайского округа КИВ. Соответственно, начинаются самовольные порубки. Впервые они фиксируются в 1884 г., когда крестьяне селений Лушниково Барнаульского и Бочатского Кузнецкого уездов отказались платить штраф, наложенный за самовольную порубку [1. С. 160]. Дальше процесс продолжился по нарастающим, достигнув максимума в 1905–1907 гг., когда в Алтайском округе вырубали около 800 тыс. деревьев [20. С. 222]. В последствие он не прекратился, а к весне 1918 г. «приобрел, по отзывам лесничих, «беспощадный» характер» [18. С. 312]. В совокупности деяния подобно рода относились к категории имущественных преступлений. В современной ситуации незаконная рубка лесных насаждений относится к экологическим преступлениям и согласно ст. 260 УК РФ карается в диапазоне от штрафа до 500 тыс. руб. до лишения свободы на срок до двух лет.

Таким образом, из 111 зафиксированных крестьянских выступлений в 1905–1907 гг. в Томской губернии к категории массовых антиправительственных (сходы, митинги, распространение прокламаций) относилось 15 эпизодов или 13,5%. Все остальные, на мой взгляд, являлись имущественными, хулиганскими (буйства демобилизованных) или содержали обращения к верховной законодательной власти по поводу дополнительного выделения земли. Социальный взрыв 1905–1907 гг. только кардинально стимулировал рост выступлений крестьян региона.

Рабочие, железнодорожники, приказчики, служащие и связисты, согласно материалам хроники по Томской губернии в 1905–1907 гг., провели 95 стачек (включая три прошения и обращения). 44 раза они требовали повышения заработной платы, 31 – снижения рабочего дня, а дальше: улучшить условий труда – 6; не увольнять и вернуть уволенных – 5; выходные, праздничные дни, отпуска – 4, отменить сверхурочные – 3, вежливое обращение – 2, уволить ненавистных администраторов и мастеров – 2. В 14 эпизодах фиксируются экономические требования, в 9 случаях просто стачки. Во время общегородской стачки 4–17 июля 1905 г. в Томске, в которой участвовало 5 тыс. рабочих и служащих, выдвигалась триада требований: повышение зарплаты, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда.

Примерно в каждом третьем выступлении формулировалось несколько претензий. Зачастую составители хроники в таких случаях ограничиваются отсылкой на наиболее важные требования. Так, 19 ноября 1905 г., ст. Тайга. «Телеграф. 12 телеграфистов требовали шестичасового рабочего дня и других экономических уступок». 4–8 декабря 1905 г. Томск. «Парикмахерские. Стачки: все подмастерья требовали восьмичасового рабочего дня, увеличения зарплаты и др., всего 13 пунктов».

В отдельных случаях заявления носили «комбинированный» характер, включая не только экономические требования. Например, участники русско-киргизской забастовки на Успенском медном руднике в Восточном Казахстане (декабрь 1905 г.) добивались: «1. Немедленного понижения цен на все продукты, отпускаемые за плату. 2. Повышение зарплаты месячным, поденным и подрядным. 3. Снабжение непромокаемой одеждой и обувью рабочих. 4. Учреждение в непродолжительном времени русско-киргизского училища. 5. Немедленного улучшения помещений-казарм для киргизских рабочих. 6. Увольнение служащих Успенского медного рудника фельдшера Е.З. Костенко, конторщика как несогласных с требованиями рабочих» [21. С. 349]. Кстати, национальный момент в духе современной ситуации проявился еще в заявлении рабочих пристани в Томске (июнь 1905 г.) «ликвидировать труд арестованных и «киргизов» [21. С. 206].

Политические требования почти не выставлялись. Только в двух эпизодах железнодорожники на станциях Боготол и Тайга, соответственно в июле и октябре, выдвигали их, наряду с экономическими. В частности, первые, наряду с повышением зарплаты, добивались прекращения Русско-японской войны и созыва Учредительного собрания. Активнее политические вопросы поднимались на митингах, демонстрациях, сходах, собраниях, заседаниях вузовских советов и различного рода общественных (не политических) организаций. В общей сложности, применительно к Томской губернии, в изучаемый период выявлено 38 подобного рода мероприятий. Большая их часть, а именно 26, состоялись в Томске. Иногда демонстрации трансформировались в митинги.

Повестка форумов и акций отличалась разнообразием и зависела от политической платформы инициаторов. Организованный Томским комитетом РСДРП 4 декабря 1905 г. митинг в бесплатной библиотеке (800–1000 участников, преимущественно рабочих) прошел «под лозунгом низвержения самодержавия». С другой стороны, чрезвычайное собрание Томской городской думы 14 июля 1906 г. решило направить императору телеграмму с выражением верноподданнических чувств и «полной готовностью принести все свои силы для поддержания законной власти и умиротворения многострадальной родины». Как правило, радикальные требования и лозунги выдвигались в ходе массовых акций рабочих с участием социал-демократов. В рамках либеральной парадигмы формулировали предложения участники собраний научно-просветительных организаций, профессура томских вузов, гласные некоторых городских дум, кадетских объединений. Они выступали против насильственных действий, за установление правового порядка, гражданских и политических свобод, народного представительства, созыв Учредительного собрания. Под эти положения подвиглась теоретическая база. В частности, в лекции для студентов юридического факультета Томского университета 21 сентября 1906 г. профессор И.А. Малиновский (один из руководителей местной кадетской организации) «сделал вывод об укорененности конституционной идеи в русской истории и о неизбежности смены бюрократического режима в России конституционным строем» [7. С. 217].

Суммируя вышеприведенные факты, можно утверждать о преимущественно умеренных требованиях и пожеланиях участников протестных акций в губернском центре и относительно крупных городах территории (Барнаул, Новониколаевск, Бийск, Мариинск) и на железнодорожных станциях (Боготол, Тайга). Их выдвигали в основном представители средних городских слоев – медики, учителя, служащие, профессора, приказчики, связисты, высококвалифицированные рабочие типографий. Из 38 публичных акций на долю рабочих (преимущественно железнодорожников) приходится 7, интеллигенции 13, почтово-телеграфных служащих 11, студентов и преподавателей (студенты – 5, профессора – 4, студенты и профессора – 1) – 10, смешанные (рабочие, студенты, интеллигенты, приказчики и т.д.) – 2. На долю рабочих приходится только 18,4% от общего количества выступлений.

Таким образом, подавляющая часть массовых крестьянских выступлений в Томской губернии носило преимущественно имущественный характер, а социальный взрыв 1905–1907 гг. только активизировал их. Умеренные требования и пожелания выдвигали участники протестных акций в губернском центре и крупных городах из числа представителей средних городских слоев. Радикально устремленные на насильственное свержение самодержавия социал-демократы, не отвергали возможности сотрудничества с либералами. С одной стороны, делегаты Западно-Сибирской конференции РСДРП (сентябрь 1906 г.) заявили: «Всяким либеральным движениям мы должны пользоваться постольку, поскольку можем оторвать массу от него и

поднять ее до наших лозунгов. Сама капиталистическая буржуазия является элементом совершенно безнадежным в революционном отношении» [22. С. 464]. С другой стороны, ряд организаций РСДРП в период выборов во Вторую Государственную думу выступали за блок с либералами. Отчасти (Омск, Тобольск) это было связано с тем, что, не имея возможности получить разрешение на проведение предвыборных собраний, социал-демократы участвовали в массовых акциях, проводимых либералами [23. С. 114].

Политические объединения, прежде всего организации общероссийских партий (РСДРП, ПСР, ПНС и др.), свои программные и тактические установки, реакцию на происходившие в районах своей жизнедеятельности значимые события, публично излагали в листовках. Суммарные данные по нелегальной издательской деятельности только социалистов в рассматриваемый период выглядят следующим образом. Социал-демократы выпустили 1041 наименование листовок, 26 брошюр, 19 нелегальных газет и один журнал. Эсеры, соответственно 254 наименований листовок, 24 брошюры, 5 нелегальных газет и два журнала [24. С. 47, 50].

О направленности печатной продукции социал-демократов можно судить на примере Иркутского комитета РСДРП. Всего выявлено 145 их листовок за 1905–1907 гг. (1905 – 94, 1906 – 35, 1907 – 16) [25. С. 83–89, 127–131]. Отчетливо прослеживается тенденция смягчения требований в части отношения к существующей власти. В 1905 г. четырежды звучали призывы к восстанию, 7 раз бороться с самодержавием (монархией, царизмом). В последующем лишь в начале 1907 г. дважды эсдеки призывали солдат «присоединиться к революционной борьбе». В разгар революционного взрыва (1905 г.) в 17 листовках содержались призывы и информация о стачках, в том числе в 6 случаях имеющих политическую направленность. Основным объектом обращения составителей являлись военнослужащие. В 1905 г. им адресовалось 20 воззваний, насыщенных радикально-революционной риторикой и призывами «переходить на сторону революционного народа», «отказываться идти на войну (Русско-японскую. – М.Ш.), присоединиться к революционной борьбе». Четыре прокламации были адресованы товарищам/господам офицерам с аналогичными предложениями, 15 раз перепечатывались материалы из газеты «Искра», листовки организаций РСДРП региона, обращения депутатов Государственной думы. Регулярно руководящий орган эсдеков реагировал на события, произошедшие в Иркутске (32 листовки или 22% от общей совокупности («Хлеба нет! К иркутской бедноте»), «К служащим правительственного телеграфа в г. Иркутске», «К гражданам г. Иркутска. По поводу событий в тюрьме», «Проводы депутата от г. Иркутска» и т.д.).

Распространением листовок занимались и кадетские организации региона. В отличие от радикалов они не создавали нелегальные типографии, а заказывали печатную продукцию в частных полиграфических предприятиях. Омский отдел ПНС в 1906 г. выпустил агитационной литературы (брошюры, воззвания) общим тиражом 30,5 тыс. экз. Томские кадеты тогда же

издали листовки следующих наименований: «О крестьянских нуждах», «Кого выбирать в Государственную думу», «Что такое русская либеральная партия?», «Толкование манифеста 17 октября». Тираж последней составил 25 тыс. экз. [26. С. 137–138].

С листовок начинали свое воздействие на сибиряков проточерносотенные образования. В июле 1905 г. увидел свет листок № 1 Томского союза русских людей «Главное дело» и листовка «К русским людям» от имени «Кружка русских людей», в которой декларировалось: «Истинная задача нашего времени состоит в полноте и чистоте проявления Самодержавной Царской власти, ибо только она, руководствуясь высшей правдой и основываясь на свободно выраженных истинных желаниях и потребностях народных, способна со всею полнотою разрешить все запросы русской жизни и духа» [27]. Приведенные примеры свидетельствуют о сочетании у представителей социалистических (РСДРП, ПСР) и либеральных (ПНС) объединений в Сибири рассматриваемого периода радикальных и реформаторских методов коррекции российской политической системы.

Основополагающим элементом советской историографии революции 1905–1907 гг. являлось утверждение о руководящей роли большевиков, которые боролись с различными разновидностями мелкобуржуазного революционизма (эсеры, анархисты) и в борьбе за влияние на средние городские слои с эсерами и кадетами. Насколько это соответствовало реалиям происходившего, проанализируем на примере наиболее масштабных событий. В Тобольской губернии к такому следует отнести состоявшийся 15–17 декабря 1905 г. в губернском центре Вольный крестьянский съезд, подготовленный и руководимый членами «Союза гражданской свободы», оформившегося в конце октября 1905 г. В рапорте начальника Тобольского ГЖУ в его руководящий комитет, избранный на общем собрании, вошли «лица крайне убежденные и не вполне довольные высочайшим Манифестом 17 октября»: 1. Ушаков А.Н., старший чиновник поземельно-устроительного отряда...; 2. Костюрин В.Ф.... В 1879 г. он был по приговору Одесского Военно-Окружного суда осужден на 10 лет каторжным работам за участие в сообществе, стремящемся к ниспровержению путем насильственного переворота существующего в России строя. 3. Вилькошевский С.Л., выгнанный со службы чиновник... 4. Рожковский Ф. Н., подпоручик 4 роты Первой Дружины Государственного Ополчения, призван из запаса, бывший старший таксатор Временной партии по образованию в Тобольской губернии переселенческих участков. 5. Баталин Н.В., заведующий в Тобольске бактериологической лабораторией при фельдшерской школе» [28. Л. 1].

Подобные объединения пытались консолидировать либерально и революционно настроенную интеллигенцию в городах, где не оформились еще политические организации. Как отметил Д.И. Копылов: «В Тобольской губернии к тому времени четкого размежевания между буржуазным либерализмом и революционной демократией еще не произошло. Либеральные и рево-

люционно-демократические элементы зачастую выступали совместно. В Тобольске, Тюмени, Ялуторовске, Кургане и других городах выдвинулись на авансцену политической жизни деятели неопределенно-революционного, порожденного самой бурной эпохой, когда в революцию втягивались неопытные в политике люди и целые общественные группы» [29. С. 75].

Формирование в своем программном документе поставило целью «скорейшее проведение в жизнь гражданской свободы на началах Манифеста 17 октября», создания постоянно действующего законодательного учреждения на основе всеобщего представительства (прямая, равная и тайная подача голосов) с правом установления государственной росписи, налогов и займов, а также контролирующего деятельность администрации. Достижение этих целей предполагалось осуществить путем принятия резолюций на собраниях, распространения брошюр и устройства чтений, т.е. исключительно легальными способами [28. Л. 3]. 7 декабря 1905 г. в Тобольске на базе «Союза гражданской свободы» оформилась кадетская организация.

Члены комитета совместно с губернским агрономом Н.Л. Скалозубовым, И.Я. Уфимцевым, П.Н. Цветковым, А.И. Степановым участвовали 30 октября в совещании у губернатора для совместного обсуждения мер для стабилизации «тревожного состояния обывателей, обусловленного слухами о возможных беспорядках» [30]. О предполагаемом форуме уведомили начальника губернии. Он разрешил печатать приглашения, билеты и запросил МВД, которое запретило проведение съезда, но телеграмма об этом пришла уже после завершения его работы. Он заседал в Тобольске легально.

На съезд прибыло 123 делегата от 125 сел и деревень 22 волостей Тобольской губернии. Участвовали в нем также представители от ремесленников и рабочих. По главному вопросу – о земле «съезд установил, что крестьяне в большинстве случаев пользуются недостаточным количеством земли, не обеспечивающим их существование. Земля должна быть общенародная, чтобы надел ее был всем равен, по 15 десятин на душу, и чтобы она представлялась только тем, кто ее обрабатывает и при том людям всех сословий». Относительно лесов и рыболовных угодьях делегаты высказались за их передачу в общенародную собственность предварительно выделить в полное распоряжение крестьян леса 2-го разряда и прирезать лес из казенных дач тем сельским обществам, которые его не имели. Участники съезда признали, что воинская повинность должна длиться два года, «ибо более длительный срок портит крестьянина как земледельца». В резолюции по школьному делу делегаты потребовали введения всеобщего обязательного начального обучения в государственной школе, с предоставлением ученикам из несостоятельных семей денежного пособия. Обучение на всех ступенях должно быть бесплатным [31].

В Омске: «Октябрь 1905 г. разбудил интеллигенцию... Начались собрания, хотя не чисто политические, но с политической окраской, в Географическом

обществе, в Обществе попечения о начальном образовании» [32]. В мае 1905 г. на собрании барнаульского Общества попечения о начальном образовании, в состав которого входили интеллигенты либерально-социалистической ориентации, поднимается вопрос о зависимости устранения «недостатков учебного дела в г. Барнауле» от перемены «господствующего ныне в России бюрократического режима в частности и современного государственного строя вообще» [33. С. 142].

В Томске в 1905 г. центрами интеграции радикалов стали комитеты РСДРП и ПСР, либерально настроенных слоев интеллигенции – городская дума и неополитические общественные формирования. События 9 января 1905 г. радикальные и либеральные элементы использовали к усилению давления на власть. В марте на заседании городской думы принимается всеподданнейший адрес, начинающийся следующими словами: «И в особенности далеко до Государей было нас, сибирякам, которые до сих пор не имеют даже ни земских учреждений, ни суда присяжных. Эта далекость от Государей – источник всех наших государственных и общественных бед». Под воздействием общей ситуации в стране «осмелели» легальные общественные формирования, не имевшие права обсуждать политические вопросы. В апреле на собрании местного Общества попечения о начальном образовании в специальной резолюции признали, что коренное зло современной России – невежество, которое поддерживается самодержавным режимом, и решительно потребовали заменить существующий бюрократический режим правовым порядком, а для этого немедленно созвать Учредительное собрание. В августе на заседании гласных той же думы П.В. Вологодский заявил о необходимости организации своей муниципальной милиции [9. С. 100–101]. Все это закончилось кровопролитным противостоянием либерально-революционной демократии и «патриотически» настроенных обывателей с целью подавления активности первых.

Кроме того, по инициативе томских социал-демократов, 19 октября 1905 г. началась кампания по выборам революционного самоуправления. Город разбили на районы (избирательные округа), выдвинули кандидатов от социал-демократов, эсеров и общественных работников, «в большинстве железнодорожников и свободных профессий». В 12 часов началась подача записок (бюллетеней), а завершилась она к ночи 19 октября. Всего их было подписано примерно 10 тыс. [34].

Активизировались в 1905 г. представители средних городских слоев в Красноярске. Распорядительный комитет местного подотдела ВСОИРГО ситуацию охарактеризовал следующим образом: «Этот год был временем, когда почти все местное культурное общество, как и вся страна, было захвачено политическим движением... Собрания носили исключительно агитационный характер, при котором общие политические вопросы на заседаниях не столько рассматривались по существу, сколько освещались под заранее определенным углом зрения; кроме того, эти общие политические вопросы или тезисы не могли при наличии данного настроения публики обсуждаться с точки зрения всей совокупности, по крайней мере, главнейших

реальных условий страны, а также местных» [35. С. 145].

19 декабря Объединенный Совет депутатов от рабочих и солдат поддержал предложение общегородского митинга о выборах гласных городской думы на очередное четырехлетие «на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования». В объединенную комиссию по организации и проведению выборной кампании делегировали своих представителей отдел ПНС, купеческое и мещанское общества, городская дума, Союз приказчиков, Общество народных учителей [36. С. 175].

Именно в Красноярске из отдела Сибирского областного союза 25–26 октября 1905 г. выделилась часть его членов, образовавших протопартийное объединение, объявившее себя Красноярской группой конституционно-демократической партии. Позднее принимается решение назвать формирование «Свободной народной партией» (СНП), в программе которой по вопросу о форме государственного устройства заявлялось: «Верховная власть в государстве российском принадлежит Государю Императору и Государственной Думе» [10. С. 193–194].

Самой известной акцией СНП стало прошение, подброшенное в приемную генерал-губернатора сразу же после введения 23 декабря 1905 г. военного положения в уездах по линии Транссиба. Просители заявили: «Население Енисейской губернии не давало повода к введению военного положения. Деятельность объединенного совета депутатов от солдат и рабочих в г. Красноярске не повела резкого расстройств местной жизни и еще до введения военного положения последняя стала входить в нормальную колею. Принимая во внимание вышеизложенное Комитет Свободной Народной Партии заявляет, что единственной мерой, могущей послужить к успокоению страны, будет не введение военного положения, а немедленный созыв Государственной Думы с функциями Учредительного Собрания на основе всеобщего избирательного права. Подлинник подписали: В. Крутовский, Х. Савицкий, Д. Нюберг, В.А. Караулов, А. Саввиных, Д.Е. Лаппо, П. Кусков, А.П. Гудков» [37]. Перечисленные лица относились к видным представителям местной интеллигенции и деловых кругов: мировой судья Д.Е. Лаппо, присяжный поверенный П.И. Кусков, предприниматели А.А. Саввиных, А.П. Гудков инженера Д.К. Нюберга.

Протопартийное объединение после 17 октября 1905 г. возникло в Канске, «подготавливающее своей деятельностью свержение с престола ныне царствующего императора и утверждение народной демократической республики, по инициативе которого устраивались в общественном собрании митинги с выработанной ими заранее программой, состояли в нем местный раввин Арий Виленский, чиновник особых поручений Переселенческого управления Александр Нонява, житель Канска Василий Досекин, поручик местной конвойной команды Ситников, сын городского головы Трофим Шахматов, местный купец-еврей Иосиф Монастырский, жительница Канска Клавдия Тимофеева, фотограф Шуйский и его сожительница Анна Остермацкая,

канский мещанин Иван Степанов, студент Сергей Тимофеев и телеграфисты станции Канск Дудеровский и Политов» [38].

Насыщенной событиями в рассматриваемое время жил Иркутск. Ситуация здесь развивалась примерно по томскому сценарию: митинги, забастовки, нарастающая активность средних городских слоев (врачи, учителя, учащиеся, служащие управления Забайкальской ж. д.), деморализация властных структур, начиная с генерал-губернатора П.И. Кутайсова. Особенность заключалась в присутствии значительного количества военнослужащих, в том числе подлежащих демобилизации после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. 10 октября 1905 г. «началась обратная перевозка войск из Манчжурии» [39. С. 59]. Как и в Томске, активность проявила гласные городской думы и интеллигенция.

С весны 1905 г. начинается образование объединений либеральной интеллигенции. Как установил А.А. Иванов: «К августу в городе уже действовало восемь союзов: инженеров и техников; адвокатов; лиц врачебного персонала; равноправия женщин; служащих городского общественного самоуправления; служащих горного управления; служащих почтово-телеграфного ведомства, приказчиков» [40. С. 543]. В начале октября оформляется «Союз Союзов» во главе с князем Г.З. Андронниковым. В его состав не вошли только представители социал-демократов, «считавшие по своим принципиальным соображениям этот объединенный совет буржуазным» [41]. Характеризуя программу объединения, местные жандармы отмечали: «Союз признает безусловно необходимым немедленный созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов для всех совершеннолетних граждан без различия пола, национальности и вероисповедания для выработки конституционно-демократических начал при осуществлении автономного устройства отдельных территориальных и национальных частей (как то Польши, Литвы, Кавказа и др.) с правом каждой национальности на самоопределение при условии сохранения государственного единства России. Автономия отдельных частей должна осуществляться особыми представительными собраниями на указанной выше основе, при общем для всего государства представительном учреждении и при гарантии всех политических и гражданских прав для отдельных национальностей общей конституции» [42]. «Иркутский союз союзов стал важной ступенью в формировании настоящих кадетских парторганизаций либеральной буржуазии в Иркутске и Восточной Сибири». – подчеркивает А.А. Штырбул [24. С. 58].

23 октября 1905 г. в кафедральном соборе огласили Манифест 17 октября. 28 октября состоялся первый митинг военнослужащих. 30 октября в Общественном собрании социал-демократы провели митинг с целью обсуждения Манифеста. О составе его участников репортер сообщил следующее: «Большой зал общественного собрания буквально набитый народом. Разряженных дам и господ с модно остриженными бородками не видно.

Преобладает мастеровщина всех видов и сортов. Принимается резолюция: «Бороться с оружием в руках до тех пор, пока не сделается господином в России сам народ» [43. С. 143]. В конце ноября, избрав военно-стачечный комитет, начали забастовку военные. Они отстранили от руководства гарнизоном генерала Ласточкина, избрав своих «настоящих» командиров: начальником гарнизона поручика Осберга, комендантом города штабс-капитана Золотарева, командиром казачьего дивизиона вахмистра С.С. Сизых. Избежать трагической развязки во многом удалось благодаря либеральной общественности.

Наконец, в Чите ведущую роль в общественно-политической жизни города осенью 1905 г. играли профессиональные революционеры, возглавившие комитет РСДРП (В.К. Курнатовский, Н.В. Бабушкин, Н.В. Лурье, Н.Н. Кудрин, А.А. Костюшко-Валюжанич). Тем не менее, активное участие в ней приняли младшие офицеры и интеллигенция. 25 ноября на собрании офицеров, военных врачей и военных чиновников принимается решение: «Мы, военнослужащие Читинского гарнизона, как истинные сыны России, решительно заявляем, что существующее самодержавное правительство, вся деятельность которого направлена во вред народу,, признаем лишенным доверия страны и поэтому все исходящие от него приказы и распоряжения не подлежат исполнению, если они клонятся ко вреду народа... требуем немедленного созыва Учредительного собрания». Документ подписали 22 офицера, 31 врач и 6 чиновников. На этом же собрании оформляется Союз военнослужащих Читинского гарнизона, который, хотя и не разделял радикальные устремления революционеров, но стремился наладить сотрудничество с Советом солдатских и казачьих депутатов [44].

Военный губернатор Забайкальской области генерал-лейтенант И.В. Холщевников почти беспрекословно выполнял требования радикалов. Свою позицию он объяснил тем, что находился в критической ситуации. Поэтому на экстренном совещании командиров частей Читинского гарнизона под его руководством признается, что «освободительное движение приняло в Забайкалье настолько широкие размеры, что захватило все классы населения, не исключая военных, а «численность гарнизона совершенно недостаточна, чтобы предотвратить революционный захват почтово-телеграфной конторы» [45. С. 340]. За попустительство и нерешительность начальника области впоследствии отстранили от должности и отдали под суд. Зато на общем собрании членов Читинского подотдела ИРГО 10 января 1906 г. его избрали почетным членом формирования, поскольку деятельность его имело положительное значение «в смысле устранения тех столкновений и кровопролитий, которые были весьма возможны как между правительственными войсками и народом, так и между самим населением» [46].

Таким образом, центрами общественно-политической активности в Сибири в период Первой русской революции 1905–1907 гг. являлись города и крупные железнодорожные станции. Территориальный охват и проявления крестьянского движения существенно отличались от ситуации в городских поселениях. Около

половины выступлений (43,2%) были связаны с посягательством на кабинетские лесные дачи. Примерно четверть (25,2%) – отказы от уплаты податей, неповиновение властям и только 15 (13,5%) имели антиправительственную направленность (сходы, митинги, распространение прокламаций). Самовольные порубки относились к имущественным преступлениям и не являлись проявлениями второй социальной войны. Забастовщики (рабочие, железнодорожники, приказчики, служащие, связисты) выдвигали в основном экономические требования (повышение заработной платы, снижение рабочего дня, улучшение условий труда, отпуска и т.д.). Активно политические лозунги заявлялись на митингах, демонстрациях, сходках, собраниях различного рода не политических формирований, городских дум, организаций политических партий. Их участники выступали против насильственных действий властей, установление правого порядка, гражданских и политических свобод, народного представительства, созыв Учредительного собрания.

Суммируя вышеприведенные факты и выводы по ним можно утверждать о преимущественно умеренных требованиях участников протестных акций в крупных городах и на железнодорожных станциях. Их выдвигали в основном представители средних городских

слоев: медики, учителя, профессорско-преподавательский состав томских вузов, приказчики, связисты, высококвалифицированные рабочие. Подавляющая часть массовых крестьянских выступлений носила преимущественно имущественный характер, а социальный взрыв 1905–1907 гг. их активизировал. Радикально устремленные на насильственное свержение самодержавия социал-демократы и социалисты-революционеры не отвергали возможность сотрудничества с либералами и оно осуществлялась в ходе избирательных кампаний в I и II Государственные думы.

К февралю 1906 г. завершилась активная, фаза революции 1905–1907 гг. в регионе и начался новый ее этап, связанный с переходом к преимущественно к легальным проявлениям в рамках избирательных кампаний в Государственную думу. Осуществленный мной анализ общественно-политической активности различных социальных групп в течение 1905 – начала 1906 г. позволяет утверждать о правомерности вывода В.И. Гурко относительно того, что «жизнь народа, предъявляемые ею разнообразнейшие требования переросли силы бюрократии, переросли и форму государственного управления. Удержаться эта форма вообще не могла, так как перестала соответствовать психике интеллигентных слоев населения – этого, как ни есть, основного фактора народной жизни» [47. С. 426].

Список источников

1. Горюшкин Л.М., Кучер В.В., Ноздрин Г.А. и др. Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историография. Новосибирск : Наука, 1985. 327 с.
2. Зиновьев В.П., Андриященко Б.К., Бузанова В.А., Коновалов П.С. и др. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика : в 3 т. Томск : Изд-во ТГУ, 1990. Т. 2: 1905 – июнь 1907 гг. 376 с.
3. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск : ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 472 с.
4. Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск: ТГУ, 1994. 143 с.
5. Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск: ТГУ, 1995. Вып. 2. 187 с.
6. Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 346 с.
7. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг.: Т. 1: 1880 – февраль 1917 г. / сост. В.П. Зиновьев, О.А. Харусь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 402 с.
8. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 150 с.
9. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. 2-е изд., исправл. и доп. Новосибирск : Параллель, 2019. 160 с.
10. Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 320 с.
11. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. М. : Аспект Пресс, 1999. 416 с.
12. Шульц Э.Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М. : ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
13. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск : Наука, 1982. 459 с.
14. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.
15. Сибирские переселения: документы и материалы. Вып. 4: Конфликты старожилов и переселенцев. 1880–1910-е годы. СПб. : Нестор-История, 2020. 664 с.
16. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 384 с.
17. Первая российская: Справочник о революции 1905–1907 гг. М. : Политиздат, 1985. 302 с.
18. Тяпкин М.О. Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. 496 с.
19. Шиловский М.В. Основные вопросы природоохранительной деятельности в дореволюционной Сибири // Опыт природопользования в дореволюционной Сибири в XIX–XX веках. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 2001, С. 102–114.
20. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск : Наука, 1973. 264 с.
21. Бекмаханов Е. Рабочее движение в Казахстане в период Первой русской революции // Из истории рабочего класса и революционного движения. М. : Издательство АН СССР, 1958. С. 342–353.
22. Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции 1905–1907 гг. Документы и материалы. Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 1958. 589 с.
23. Мосина И.Г. Либералы и пролетариат Сибири в революции 1905–1907 гг. // Проблемы истории революционного движения и борьба за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 110–116.
24. Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск : Изд-во ОмГПУ; Издательский дом «Наука», 2008. 612 с.
25. Курусканова Н.П. Нелегальные издания сибирских социал-демократов (1901 – февраль 1917 гг.). Омск : Изд-во ОмГАУ, 2002. 188 с.
26. Порхунов Г.В. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.): учеб. пособие. Омск : Изд-во Омск. ун-та, 1993. 191 с.
27. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. П. 5. Оп. 2. Д. 272. Л. 4.
28. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1905. Д. 999. Ч. 84.

29. Копылов Д.И. Тобольские крестьяне и Государственная дума в 1905–1907 гг. // Революция 1905–1907 годов на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983. С. 65–81.
30. Сибирский листок (Тобольск). 1905. 3 ноября.
31. Коновалов В.В., Копылов Д.И. Вольный крестьянский съезд в Тобольске // Революция 1905–1907 годов на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983. С. 84–90.
32. Сибирские вопросы. 1907. № 1. С. 78.
33. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1919 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2002. 288 с.
34. ГАНО. Ф. П. 5. Оп. 3. Д. 18. Л. 30.
35. Ивлев С.В. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества в общественно-политической жизни Сибири (1897–1907) // Социально-политическое развитие Сибири XIX–XX вв. Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1982. С. 139–151.
36. Бердников Л.П., Лонина С.Л. Два века Красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск : КИ «Издательские проекты», 2003. 288 с.
37. ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1908. Д. 15. Ч. 68. Л. 3.
38. ГАНО. Ф. П. 5а. Оп. 1. Д. 123. Л. 6.
39. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.
40. Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков : коллективная монография. Иркутск : Оттиск, 2019. 612 с.
41. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.
42. ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 235. Л. 5.
43. Революционное движение в Иркутской губернии в период Первой русской революции: сб. документов. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1955. 186 с.
44. Центр документации новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.
45. Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994. 608 с.
46. ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
47. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 810 с.

References

1. Goryushkin L.M., Kucher V.V., Nozdryn G.A. i dr. Krest'yanskoye dvizheniye v Sibiri. 1861–1907 gg. Khronika i istoriografiya. Novosibirsk : Nauka, 1985. 327 s.
2. Zinov'yev V.P., Andryushchenko B.K., Buzanova V.A., Konovalov P.S. i dr. Rabocheye dvizheniye v Sibiri: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika : v 3 t. Tomsk : Izd-vo TGU, 1990. T. 2: 1905 – iyun' 1907 gg. 376 s.
3. Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi. Novosibirsk : VO «Nauka». Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993. 472 s.
4. Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg. / otv. red. V.P. Zinov'yev. Tomsk: TGU, 1994. 143 s.
5. Materialy k khronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895–1917 gg. / otv. red. V.P. Zinov'yev. Tomsk: TGU, 1995. Vyp. 2. 187 s.
6. Dmitriyenko N.M. Den' za dnom, god za godom: khronika zhizni Tomsk v XVII–XX stoletiyakh. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2003. 346 s.
7. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoy gubernii v 1880–1919 gg.: T. 1: 1880 – fevral' 1917 g. / sost. V.P. Zinov'yev, O.A. Kharus'. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2013. 402 s.
8. Shilovskiy M.V. Tomskiy pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentariy, interpretatsiya. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010. 150 s.
9. Shilovskiy M.V. Tomskiy pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentariy, interpretatsiya. 2-e izd., ispravl. i dop. Novosibirsk : Parallell', 2019. 160 s.
10. Shilovskiy M.V. Pervaya russkaya revolyutsiya 1905–1907 gg. v Sibiri. Novosibirsk : Izd-vo SO RAN, 2012. 320 s.
11. Eyzenshtadt S.H. Revolyutsiya i preobrazovaniye obshchestv. Sravnitel'noye izucheniye tsivilizatsiy / per. s angl. M. : Aspekt Press, 1999. 416 s.
12. Shul'ts E.E. Velikaya russkaya revolyutsiya (1905–1922 gg.): Prichiny. Posledstviya. Tekhnologii. Sobytiya i lyudi. M. : LENAND, 2019. 400 s.
13. Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period. Novosibirsk : Nauka, 1982. 459 s.
14. Goryushkin L.M. Sibirskoye krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo KHKH v. Novosibirsk : Nauka, 1967. 412 s.
15. Sibirskie pereseleniya: dokumenty i materialy. Vyp. 4: Konflikty starozhilov i pereselentsev. 1880–1910-e gody. SPb. : Nestor-Istoriya, 2020. 664 s.
16. Popov I.I. Zabyt' yye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1989. 384 s.
17. Pervaya rossiyskaya: Spravochnik o revolyutsii 1905–1907 gg. M. : Politizdat, 1985. 302 s.
18. Tyapkin M.O. Gosudarstvennaya lesookhrannaya politika v Zapadnoy Sibiri v XVIII – nachale XX v. Barnaul : Barnaul'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2019. 496 s.
19. Shilovskiy M.V. Osnovnyye voprosy prirodookhranitel'noy deyatel'nosti v dorevol'yutsionnoy Sibiri // Opyt prirodozovaniya v dorevol'yutsionnoy Sibiri v XIX–XX vekakh. Novosibirsk : Novosib. un-t, 2001, S. 102–114.
20. Zhidkov G.P. Kabinetnoye zemlevladieniye (1747–1917 gg.). Novosibirsk : Nauka, 1973. 264 s.
21. Bekmakhanov YE. Rabocheye dvizheniye v Kazakhstane v period Pervoy russkoy revolyutsii // Iz istorii rabochego klassa i revolyutsionnogo dvizheniya. M. : Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. S. 342–353.
22. Bol'sheviki Zapadnoy Sibiri v period Pervoy russkoy revolyutsii 1905–1907 gg. Dokumenty i materialy. Novosibirsk : Novosibirskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1958. 589 s.
23. Mosina I.G. Liberaly i proletariat Sibiri v revolyutsii 1905–1907 gg. // Problemy istorii revolyutsionnogo dvizheniya i bor'ba za vlast' Sovetov v Sibiri (1905–1920 gg.). Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1982. S. 110–116.
24. Shtyrbul A.A. Politicheskaya kul'tura Sibiri: Opyt provintsial'noy mnogopartiynosti (konets XIX – pervaya tret' XX v.). Omsk : Izd-vo OMGPU; Izdatel'skiy dom «Nauka», 2008. 612 s.
25. Kuruskanova N.P. Nelegal'n' yye izdaniya sibirskikh sotsial-demokratov (1901 – fevral' 1917 gg.). Omsk : Izd-vo OMGPU, 2002. 188 s.
26. Porkhunov G.V. Gorodskie demokratcheskiye sloi naseleniya Sibiri v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii (1905–1914 gg.) : ucheb. posobiye. Omsk : Izd-vo Omsk. un-ta, 1993. 191 s.
27. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO). F. P. 5. Op. 2. D. 272. L. 4.
28. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). F. 102 DP OO. Op. 1905. D. 999. CH. 84.
29. Kopylov D.I. Tolskiye krest'yane i Gosudarstvennaya дума в 1905–1907 гг. // Revolyutsiya 1905–1907 godov na Urale i v Sibiri. Tyumen', 1983. S. 65–81.
30. Sibirskiy listok (Tobol'sk). 1905. 3 noyabrya.
31. Konovalov V.V., Kopylov D.I. Vol'nyy krest'yanskiy s"yezd v Tobol'ske // Revolyutsiya 1905–1907 godov na Urale i v Sibiri. Tyumen', 1983. S. 84–90.
32. Sibirskie voprosy. 1907. № 1. S. 78.

33. Degal'tseva YE.A. Obshchestvenno-politicheskiye organizatsii Zapadnoy Sibiri (1861–1919 gg.). Barnaul : Izd-vo Alt. gos. tekhn. un-ta, 2002. 288 s.
34. GANO. F. P. 5. Op. 3. D. 18. L. 30.
35. Ivlev S.V. Vostochno-Sibirskiy otdel Russkogo geograficheskogo obshchestva v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Sibiri (1897–1907) // Sotsial'no-politicheskoye razvitiye Sibiri XIX-XX vv. Novosibirsk : Novosib. un-t, 1982. S. 139–151.
36. Berdnikov L.P., Lonina S.L. Dva veka krasnoyarskogo samoupravleniya. Istoriya i sovremennost' (1822-1917). Krasnoyarsk : KI «Izdatel'skiye proyektY», 2003. 288 s.
37. GARF. F. 102 DP OO. Op. 1908. D. 15. CH. 68. L. 3.
38. GANO. F. P. 5a. Op. 1. D. 123. L. 6.
39. Romanov N.S. Letopis' goroda Irkutsk za 1902–1924 gg. Irkutsk : Vost.-Sib. kn. izd.-vo, 1994. 560 s.
40. Gosudarstvennaya vlast' i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoy gubernii XIX – nachala KHKH vekov : kolektivnaya monografiya. Irkutsk : Ottisk, 2019. 612 s.
41. Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti (GAIO). F. 600. Op. 1. D. 1. L. 35.
42. GAIO. F. 600. Op. 1. D. 235. L. 5.
43. Revolyutsionnoye dvizheniye v Irkutskoy gubernii v period Pervoy russkoy revolyutsii: sb. dokumentov. Irkutsk : Vost.-Sib. kn. izd.-vo, 1955. 186 s.
44. Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Irkutskoy oblasti. F. 300. Op. 1. D. 119. L. 1.
45. Smirnov N.N. Slovo o zabaykal'skikh kazakakh. Volgograd, 1994. 608 s.
46. GACHO. F. 115. Op. 1. D. 13. L. 1.
47. Gurko V.I. Cherty i siluety proshlogo. Pravitel'stvo i obshchestvennost' v tsarstvovaniye Nikolaya II v izobrazhenii sovremennika. M. : Novoye literaturnoye obozreniye, 2000. 810 s.

Информация об авторах:

Шиловский Д.М. – канд. ист. наук, зав. кафедрой философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Россия). E-mail: awlsome@yandex.ru

Шиловский М.В. – д-р ист. наук, зав. сектором истории второй половины XVI – начала XX вв. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия); профессор Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: istorik.novosib@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

De.M. Shilovskiy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: awlsome@yandex.ru

M.V. Shilovskiy, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: istorik.novosib@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.07.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 31.07.2025;
approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 37.02
doi: 10.17223/15617793/521/20

Когнитивно-деятельностные аспекты использования нейросетей в высшем образовании

Надежда Ивановна Алмазова¹, Людмила Петровна Халяпина²

^{1, 2} Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

¹ almazova_ni@spbstu.ru

² halyapina_lp@spbstu.ru

Аннотация. Рассматриваются разные точки зрения исследователей и специалистов в области целесообразности использования искусственного интеллекта (ИИ) в образовании. Предлагается обзор некоторых инструментов, интегрированных в современную сферу образования, отмечаются положительные и отрицательные аспекты использования нейросетей в высшем образовании. Проведен анализ возможностей использования программ искусственного интеллекта в академической и научно-исследовательской деятельности студентов и аспирантов. Предлагается методический инструментальный повышающий когнитивной деятельности обучающихся в форме проблемных заданий, связанных с созданием промптов и интерпретацией сгенерированной информации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, модели ИИ, исследовательская деятельность, когнитивная деятельность

Для цитирования: Алмазова Н.И., Халяпина Л.П. Когнитивно-деятельностные аспекты использования нейросетей в высшем образовании // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 194–201. doi: 10.17223/15617793/521/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/20

Cognitive-activity aspects of using neural networks in higher education

Nadezhda I. Almazova¹, Liudmila P. Khalyapina²

^{1, 2} Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

¹ almazova_ni@spbstu.ru

² halyapina_lp@spbstu.ru

Abstract. This article examines the various perspectives of researchers and experts on the feasibility of using artificial intelligence (AI) in education. This ranges from the need for full acceptance of AI and the mandatory transformation of universities to prove its usefulness, as modern students are well versed in AI, to a complete rejection of the idea of integrating AI into the educational process. An overview of some of the tools integrated into modern education is provided, highlighting the positive and negative aspects of using neural networks in higher education. Particular emphasis is placed on the negative trend of declining student cognitive performance, confirmed by modern neuropsychological researchers. The problem of "cognitive deficit" in the interaction of undergraduate and graduate students with AI tools is considered. An analysis is provided of the shortcomings of artificial intelligence programs in developing the cognitive performance and cognitive skills of undergraduate and graduate students, which is explained by the transfer of complex mental tasks to neural networks. AI limits the use of natural intelligence and natural thinking processes associated primarily with analysis, critical understanding of information, and the formation of one's own conclusions. The task of university researchers and teachers is defined as focusing the educational process on developing cognitive, analytical, and creative skills that shape students' cognitive profiles. An analysis of the potential for using artificial intelligence programs in the academic and research activities of undergraduate and graduate students is conducted. A methodological toolkit for enhancing students' cognitive performance is proposed in the form of problem-based assignments related to generating prompts and interpreting generated information. Productive problem-based exercises, the typology of which includes search, comparative, compositional, creative, and complex (strategic) exercises and activities focused on both generating prompts and interpreting, analyzing, and critically evaluating generated material. These exercises focus on stylistic characteristics, presentation logic, validity of conclusions, source references, and alignment with current scientific trends.

Keywords: artificial intelligence, AI models, research activities, cognitive activities

For citation: Almazova, N.I. & Khalyapina, L.P. (2025) Cognitive-activity aspects of using neural networks in higher education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 194–201. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/20

Введение

В настоящее время отмечается отчетливая и все усиливающаяся тенденция использования ИИ в различных областях жизни, которая влияет на функционирование различных структур, способствует трансформационным процессам в различных областях, влияет на принятие не только тактических, но и стратегических решений. Исследователи отмечают, что к концу 2024 года аудитория, регулярно пользующаяся чат-ботами (например, ChatGPT), превысила 100 миллионов пользователей [1]. Описывая использование ИИ в современных условиях Matt Renner и Matt A.V. Chaban проанализировали 601 кейс реального применения искусственного интеллекта в ведущих мировых организациях и отметили, что топовые компании, правительственные учреждения, исследовательские структуры, стартапы уже опираются в своей работе на различные ИИ платформы [2]. Эта тенденция отражает не только общемировые форматы взаимодействия с ИИ в различных областях, но и национальную ориентацию на использование инструментов ИИ в бизнесе, органах власти различного уровня, образовании и науке.

Процесс интеграции моделей ИИ в сферу образования и научные исследования, также является очевидной тенденцией, отмечаемой многими современными исследователями [3; 4; 5. С. 147–157; 6. С. 178–190; 7. С. 9–27]. Ряд положений в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. легитимизирует применение ИИ в качестве инструмента научного исследования [8]. Нейронные платформы помогают студентам и молодым исследователям не только использовать ИИ для познания своего предмета, но и опираться на модели ИИ в своей академической исследовательской деятельности при выполнении курсовых работ, подготовке выпускных квалификационных работ, подготовке научных статей и кандидатских диссертаций. Модели ИИ помогают формировать список референтной исследовательской литературы, генерировать гипотезы, собирать и интерпретировать большие массивы данных, но также планировать и моделировать эксперименты, обрабатывать результаты экспериментов и визуализировать их в мультимодальном формате (тексты, изображения, видеоматериалы и т.п.). Исследователи подчеркивают, что ИИ модели (Chat GPT4, Deep Seek, Midjourney, Perplexity, Writefull, Yandex GPT, Art Revision, и др.) обладают значительным потенциалом в качестве ассистента не только студентов, но и педагогов, администрации учебных заведений прежде всего за счет возможности анализировать закономерности, предлагать дополнительные описательные и презентативные возможности, объединять различные дисциплины, подчеркивая междисциплинарный характер исследований, что так характерно для современного образования и исследований.

Достоинства программ ИИ в образовательных технологиях и исследовательской работе

Современные исследования, касающиеся использования ИИ в образовании, подчеркивают, что ИИ становится неотъемлемой частью образовательного процесса, но демонстрируют слабую связь с педагогическими подходами и образовательными [9. С. 16–24; 10. С. 16–24]. Ряд исследователей говорят о необходимости воспитывать критическое отношение к ответам искусственного ИИ, т.е. о развитии критического мышления [11. С. 8–24]. В то же время подчеркивается потенциал ИИ в части индивидуализации обучения, то есть ориентированность на субъектность обучающегося и адаптивность образовательного контента [12. С. 51–71] при использовании, в частности, Llama Tutor в качестве ассистента преподавателя. Прежде всего, это возможность адаптации учебного контента под интересы и ожидания обучающегося, что способствует повышению мотивации к познавательной деятельности [13]. При этом адаптационные процессы затрагивают и такой аспект, как возможность разработки индивидуальных траекторий обучения за счет учета психофизиологических характеристик обучаемого. Немаловажным фактором выступает аспект индивидуально-консультационный, когда студент в любое время может задать вопрос, получить консультацию, поддержку и мотивацию от педагога/куратора. Появление Chat GPT-5, разработанный недавно, выступает не только как помощник педагогу в части технологических моментов, но уже может решать методические, редакторские задачи, помогает в разработке EdTech продуктов.

Арсенал ИИ моделей, используемых студентами, чрезвычайно широк. Так, ИИ модели (Semantic Scholar, Scite, Elicit) очень активно используются для анализа литературы при подготовке студентами / аспирантами какого-либо научного продукта. Они помогают в поиске связей между статьями, проверке цитирований на достоверность, подготовке резюме. В этом случае ИИ выступает как личный научный библиотекарь-аналитик, который не только находит нужные статьи, но и рассказывает, как они связаны между собой и насколько надежны их выводы (<https://science.mail.ru/articles/4137-kakie-nejroseti-menyayut-nauku-glavnye-ii-instrumenty-uchenyh/>). Инструмент под названием Deep Research позволяет создавать глубокие аналитические отчеты в выбранной предметной области, опираясь на свои знания и открытые источники в интернете. Аналогом Deep Research, которую внедрили многие иностранные платформы в начале 2025 года, выступает отечественная платформа GigaChat от Сбера под названием «Провести исследование». Модели ИИ широко используются в языковом в подготовке переводчиков, в организации самостоятельной работы [14. С. 391–393; 15. С. 66–72].

Мнения исследователей, специалистов в области целесообразности использования ИИ в образовании разнятся: от необходимости полного принятия ИИ и обязательной трансформации университетов, чтобы доказать свою полезность, поскольку современные студенты зачастую лучше разбираются в теме ИИ, чем преподаватели, до полного неприятия идеи интеграции ИИ в образовательный процесс, так как вузы должны формировать фундаментальные знания, а не готовить ремесленников, которые умеют хорошо что-то делать [16].

Недостатки программ ИИ в развитии когнитивной деятельности студентов и аспирантов

Не умаляя достоинств ИИ в как в образовательных технологиях и подходах, так и при исследовательской работе, остановимся на аспектах, чрезвычайно важных для методистов, педагогов, преподавателей различных дисциплин, руководителей аспирантов. Суть вопроса заключается в некотором недоверии к тезису, что ИИ, в частности, Chat GPT, *стимулирует* творческое мышление и помогает в организации обсуждений.

Остановимся на аспектах, подтверждающих некоторую степень недоверия к ИИ, что особенно важно учитывать при организации работы с обучающимися. Прежде всего, интеграции ИИ в образовательный процесс высвечивает проблему, связанную с тем, что часть мыслительных операций передается нейросетям. Так, технологии обработки естественного языка (Natural Language Processing – NLP) используются для поиска научных публикаций, обобщения выводов, выбора релевантных статей и извлечения их краткого содержания, что ускоряет написание и рецензирование научных работ. Более того, некоторые научные журналы даже допускают использование ИИ для генерации текстов, описывающих исследование (<https://trends.rbc.ru/trends/industry/6749602a9a7947ebf273add1?from=copy>). В этом случае очевиден факт снижения когнитивной нагрузки пользователей ИИ при работе с текстами. Между тем, развитие когнитивных процессов обучающегося – одна из задач образования на любом уровне [17. С. 5–17; 18]. Совершенно очевидно, что *автоматическое* извлечение из научных статей ключевых терминов, персональных данных авторов, сопоставление результатов разных исследований и объединение данных из различных источников значительно экономит время, но лимитирует использование естественного интеллекта, естественных мыслительных действий, связанных, прежде всего, с анализом, критическим осмыслением информации, выполнением собственных умозаключений. Задача методиста – акцентирование внимания в учебном процессе на развитии познавательных, аналитических, творческих навыков, формирующих когнитивный профиль обучающихся.

Помимо проблемы снижения когнитивной нагрузки, важным фактором, определяющим некую степень недоверия к моделям ИИ, является качество сгенерированной информации. На сегодняшний день принцип работы нейросети – обращение к массивам данных. О том, что такие данные могут быть недостоверными, нейросеть догадаться не в состоянии, пока

нейросети не выступают в качестве интеллектуальных конкурентов. Интеллектуальный труд пока прерогатива человека, именно он способствует его развитию. В связи с этим, к результатам, сгенерированным ИИ, есть претензии в связи с наличием так называемых цифровых галлюцинаций, под которыми понимаются ложные утверждения, выдаваемые моделью как факты. Они могут проявляться в виде несуществующих цитат, выдуманных терминов, неверных интерпретаций, ошибочных чисел или ссылок на несуществующие источники. Важным методическим аспектом в этом случае представляется обучение студентов/аспирантов не только интерпретации сгенерированной информации, но *контролю* релевантности и истинности сгенерированной информации, что без сформированных навыков критического мышления вряд ли полноценно возможно.

Исследователи, на вопрос о потенциальных опасениях, связанных с использованием инструментов ИИ в образовании, отмечают следующие, связанные: с надежностью и точностью представляемой информации; потенциальной предвзятостью данных, приводящей к дискриминационным или вводящим в заблуждение ответам; с конфиденциальностью, поскольку чат-бот может собирать и хранить личную информацию о студентах; вопросами о роли преподавателей и влиянии на рынок труда для педагогов; с отсутствием человеческого взаимодействия, что снижает качество образовательного процесса для студентов; с чрезмерной зависимостью от технологий; с опасениями по поводу прав интеллектуальной собственности; с прозрачностью и подотчетностью, поскольку может быть сложно определить, как чат-бот принимает решения [19]. Исследователи также отмечают, что использование ИИ в образовании ведет к изменению практики получения знаний, что может существенно снизить познавательную активность обучающихся [20. С. 9–35].

При достаточно полном освещении опасений и угроз в условиях использования ИИ, нельзя не обратить внимание на один важный момент, который, на наш взгляд, является реальной угрозой не только на студенческом уровне, но в рамках исследовательской деятельности аспирантов, молодых ученых, который, однако, не был отмечен в этом достаточно большом списке. Речь идет о возможном снижении когнитивной деятельности и развитии когнитивных навыков студентов/аспирантов [21. С. 112–116]. Как известно, любая исследовательская деятельность, даже на студенческом уровне, предполагает решение сложных аналитических задач, связанных с анализом ситуации, определением взаимосвязей, построением логической цепочки рассуждений, использованием различных подходов и методов исследования, выстраивание обоснованных выводов, что определяет в конечном счете сформированность навыков и умений критического мышления, характерного для продуктивной познавательной деятельности. Традиционное образование предполагает, что работа со сложными идеями формирует ментальные модели, анализируя и синтезируя которые обучающиеся создают устойчивое осмысленное понимание, закрепленное в сознании в качестве критически осознанной информации.

Встает резонный вопрос для методистов, педагогов, научных руководителей аспирантов: а каково же влияние моделей ИИ, на когнитивные способности человека? Исследователи рассматривают два варианта влияния LLM на когнитивные способности пользователей ИИ моделей: оптимистический и пессимистический. В качестве оптимистических результатов описываются способность улучшать принятие решений, предлагать инновационные решения сложных проблем, выполнять более сложные виды деятельности за счет передачи ИИ выполнение рутинных интеллектуальных задач [22]. В пессимистическом сценарии подчеркивается возможное ослабление некоторых когнитивных функций, притупление критического восприятия и аналитических способностей, сокращение тренировки памяти и других базовых навыков, снижение способности к длительной концентрации внимания, сужение кругозора и творческого мышления [22].

Очень часто в центре внимания исследователей находится модель ChatGPT, которая рассматривается как незаменимый компонент в образовательной деятельности [23]. В рамках нашего исследования референтным представляется обращение к кейсу Массачусетского технологического института, который провел серьезное исследование, касающееся влияния ChatGPT на мозговую деятельность обучающихся [24, 25]. В рамках исследования наблюдались три группы студентов (n=54), которые использовали ChatGPT для написания эссе: первая группа использовала только модель LLM ChatGPT, вторая – только поисковые системы (Search Engine), третья – не использовала какие-либо инструменты (Brain-only). Для оценки когнитивной нагрузки во время написания эссе использовались электроэнцефалография (ЭЭГ), анализ эссе с помощью обработки естественного языка (NLP), а также оценка эссе с помощью преподавателей-людей [25]. Результаты выявили следующую закономерность: студенты, работающие без инструментов (Brain-only), имели самые сильные нейронные сети; где-то посередине оказались пользователи поисковых систем («умеренная вовлеченность»); пользователи ChatGPT (LLM) продемонстрировали практическое отсутствие мозговой деятельности. Исследователи отмечают, что «самооценка владения эссе была самой низкой в группе LLM и самой высокой в группе Brain-only, при этом пользователи LLM также испытывали трудности с точным цитированием собственных работ» [25]. Данные результаты позволили исследователям прийти к выводу о том, что вряд ли можно говорить о развитии внутренних способностей пользователей: получая знания, студенты не накапливают их, а демонстрация их компетентности не является показателем ее сформированности. Поскольку исследователи обнаружили в подготовленных ИИ эссе внутригрупповую однородность, характеризующуюся схожим словарным запасом, схожей структурой, схожими идеями, сделан вывод о снижении творческого проявления, оригинальности мышления, индивидуальности пользователя модели ИИ. Для нас очевидно, что это особенно критично для молодых исследователей, чьи научные гипотезы должны

базироваться на динамичной продуктивной деятельности по подбору, анализу, синтезу материала, позволяющим выйти на уровень научного прогнозирования и творческого осмысления.

Исследователи подчеркивают, что наблюдается систематическая замена умственных усилий вычислительными ресурсами. И если предыдущие технологии (калькуляторы, текстовые процессоры), как считается, расширили человеческие возможности, развивая аналитическое мышление, абстрактное мышление, то крупные языковые модели лишь имитируют весь процесс мышления, снижая когнитивную нагрузку, одновременно снижая когнитивные способности. Исследователи вводят понятие «когнитивного долга» — своего рода дефицита, который накапливается, когда мы чрезмерно полагаемся на инструменты ИИ [25].

Однако, несмотря на достаточно печальный результат, в описанном исследовании продуктивной представляется идея, подкрепленная методами сканирования мозга, что включение моделей ИИ в образовательный процесс не сразу, а после существенных когнитивных инвестиций, то есть выполнения предшествующих заданий и видов деятельности на развитие когнитивных способностей, демонстрирует повышение мозговой активности.

Типология упражнений с использованием моделей ИИ для развития когнитивной деятельности студентов и аспирантов

Как избежать деградации когнитивных процессов обучающихся при взаимодействии с ИИ? Прежде всего, отмечаем необходимость обучения генерированию промтов (запросов, подсказок), обозначенному как prompt engineering. Методические задачи, связанные с подготовкой обучающихся к работе с конкретными моделями ИИ, должны, научить пользователя ИИ адекватно формулировать содержание промпта с учетом ряда характеристик, отражающих: роль пользователя при запросе информации (студент-бакалавр, студент-магистрант, эксперт, начинающий исследователь, преподаватель/методист, др.); задачу, которую необходимо решить в соответствующей ситуации (точные детали, условия, характеристики участников образовательного процесса, др.); формат ответа, требуемый для данных условий и ожидаемого результата и ряд других характеристик референтных для той или иной ситуации.

Методические установки должны актуализироваться через систему упражнений и заданий, ориентированных на мыслительную деятельность каждого студента. Подчеркнутая многими исследователями персонализация обучения должна актуализироваться в доминировании проблемных продуктивных заданий, направленных наряду с овладением материала на развитие умений практической деятельности, т.е. использование полученных знаний на практике [12. С. 51–71]. В качестве таковых, на наш взгляд, могут быть задания на генерирование промтов с определенными методическими установками: для составления списка научных источников по теме; анализа конкретных данных; редактирования научной статьи; транскрибирования

иноязычного текста; создания видео на основе текста; редактирования картинки, создания презентации, статистического представления результатов исследования и др. При этом необходимо учитывать такие параметры в промпта, как использование широкого или узкого контекста, добавление релевантных деталей, использование терминологии; общенаучного и/или бытового языка; математических формул. Набор промптов можно оценить через прием peer-reviewing, при этом студенты включают механизмы критического анализа, сравнения, обобщения, прогнозирования, демонстрируя навыки рефлексии.

Упражнения на подготовку запросов, касающихся получения справочных материалов или некоей актуальной информации, не носят проблемного характера и вряд ли методически целесообразны, разве что на начальном этапе работы. В этом случае модель выступает как ассистент пользователя, оптимизируя и интенсифицируя результаты поиска. В фокусе внимания педагога должны быть промпты, связанные с глубоким погружением в задачу для модели ИИ. Так, промпты, связанные, например, с работой модели Claude 4.0 Sonnet, могут включать решения сложных аналитических задач, описание многоэтапных проектов, решение учебных задач в определенной области. Составляя заявку, пользователь должен уметь определить конкретную задачу, конкретную тему; определить условия представления сгенерированного текста: стиль, объем, наличие ключевых слов, описание выводов по теме, учет целевой аудитории, возможное наличие инфографики; обозначить необходимость структурирования информации по разделам; а также внести дополнительные ситуативные требования к заявке. Формулируя заявку в таком ключе, пользователь демонстрирует сформированные навыки prompt engineering, которые, однако, могут оказаться невостребованными, поскольку некоторые современные модели ИИ предлагают уже сформированные промпты. В этом случае возникает вопрос: какие мыслительные операции осуществил молодой исследователь (студент/аспирант), воспользовавшийся готовым промптом в этом случае, и не выступает ли здесь ИИ уже как интеллектуальный конкурент, ведущий, в конечном счете, к когнитивному дефициту.

Научившись создавать промпты на основе ключевых характеристик, студент/молодой исследователь подвержен искушению сгенерировать заявку в таком ключе, который избавит его в дальнейшем от мыслительных операций, связанных с оценкой сгенерированного ИИ продукта. В этой связи интерпретация и анализ пользователями сгенерированной информации должны быть также целевыми методическими установками при подготовке к работе с ИИ платформами. Также возникает необходимость педагогической оценки результатов взаимодействия обучающегося с нейронными платформами, степени интегрирования сгенерированных результатов в авторские исследования, что предполагает, на наш взгляд, создание определенных рекомендаций по использованию ИИ в образовании и исследованиях.

Рассмотренные теоретические основы обусловили необходимость создания типологии упражнений, связанных с развитием когнитивной сферы обучающихся,

предполагающей продуктивную деятельность по созданию промптов, а также интерпретации и критическому анализу сгенерированного продукта. В качестве фокусной группы выступали студенты-магистранты 1 и 2 курса, обучающиеся по направлению «Теория и методика обучения иностранным языкам на английском языке» в рамках международной программы TESOL (n-42). В конце года студенты 2 курса должны были подготовить выпускную квалификационную работу. Выполнение подготовительных проблемных упражнений осуществлялось на консультациях в рамках распределенной НИР.

В качестве, предшествующих работе с моделями ИИ упражнений, стимулирующих когнитивную деятельность, были предложены упражнения *поискового типа* («найдите несколько авторитетных источников по теме...»; «определите научный профиль автора (ов) каждой статьи»; «определите уровень публикации (категория журнала, статус конференции, монография, популярная публикация» и пр.); *упражнения сравнительного типа* («сравните две статьи по теме..., обратив внимание на количество источников, их референтность, адекватность ключевых слов, формулировки выводов, наличие экспериментальных данных, наличие презентационных и статистических материалов, логику изложения и пр.); *упражнения композиционно-интерпретационного типа* («проанализируйте данную статью: обозначьте ключевые идеи, определите обоснованность каждой идеи, определите ключевые слова, составьте логический план статьи, найдите слабые места в логике предъявления материала», «составьте аннотацию к статье», проанализируйте большую по объему статью, представьте ее в тезисном варианте» и т.п.); *упражнения творческого плана* («проведите мозговой штурм по теме...», «подвергните критическому анализу следующее утверждение», «создайте контент для социальных сетей», «решите проблему нестандартным путем», «нарисуйте концептуальную картинку на тему», «создайте инфографику на тему...», и т.п.); *упражнения комплексного (стратегического) типа* («сформулируйте научную проблему», «создай план решения проблемы», «рассмотрите методы, подходы, приемы решения проблемы», «обозначьте плюсы и минусы каждого подхода», «создайте дерево решений с оценкой каждого варианта», «дайте экспертную оценку решению проблемы, используя профессиональную терминологию» и т.п.). При разработке упражнений педагог также может прибегнуть к ИИ моделям (Quizlet, Edmodo AI), способных разрабатывать по запросу пользователя не только тренировочные, но проблемные и творческие задания.

Упражнения на анализ сгенерированной информации включали задания на определение стиля сгенерированного материала, его соответствия научному стилю, на определение адекватности профессиональной терминологии, на обоснование логичности/нелогичности выводов, на референтность/нереферентность литературных источников, на качество визуализации, разнообразие и адекватность инфографики, обработку текста (сужение, расширение текста, разбиение на смысловые части).

Степень удовлетворенности и результативности работы с предлагаемыми упражнениями и видами деятельности отражены в следующих цифрах: 62% студентов определили предварительные упражнения на подготовку промптов полезными, из них 43% переструктурировали первоначальные варианты запросов, подготовленных самостоятельно, детализировав их и уточнив информацию, касающуюся стиля, использования профессиональной терминологии, презентационных вариантов. 57% пользователей сочли упражнения поискового типа наиболее простыми, но затратными по времени; упражнения сравнительного типа были отмечены как полезные 47% обучающихся, поскольку такой вид деятельности «необходим при исследовательской работе»; 72% пользователей определили упражнения композиционно-интерпретационного типа достаточно сложными, но полезными; 43% пользователей отметили, как интересные и мотивирующие упражнения творческого плана, упражнения комплексного плана были отмечены как полезные (86%), но затратные по времени и достаточно сложными, при этом 14% обучающихся отметили их как очень сложные; 53% – как среднесложные; 10% – как несложные. Практически 100% обучающихся обратились к тем или иным ИИ инструментам, в основном в поисковых целях референтной литературы (63% использовали 1 инструмент, 37% – два, остальные – более двух). 37% студентов проанализировали список литературы на адекватность и тематическую корреляцию, на возможность присутствия галлюцинаций, остальные сочли возможным оставить сгенерированный список без анализа, включающего годы издания, статус публикации, научный профиль авторов, поскольку указали очень детализированный промпт. В небольшом количестве заявок студентов (8%) были запросы на сравнение различных точек зрения. 47% студентов проанализировали полученные фрагменты информации на соответствие, поставленной в промте задачи. Все упражнения предполагали интенсивную когнитивную деятельность, связанную с анализом, сравнением, синтезом, логикой выстраивания аргументации, обобщения. Данные упражнения и виды деятельности были призваны обеспечить готовность студентов эффективно использовать ИИ инструменты в исследовательской деятельности. Результаты защит продемонстрировали серьезную подготовку выпускников магистерской программы, соответствие работ требованиям по степени оригинальности, обозначенной системой «Антиплагиат».

Заключение

Анализ работ исследователей вопросов интеграции ИИ в образовательный процесс и образовательная практика диктуют необходимость трансформации образовательного процесса, в частности, на уровне высшей школы. Стратегические векторы переосмысления образовательной парадигмы должны быть направлены не только на развитие аффективной сферы обучающихся, что, конечно, чрезвычайно важно, поскольку мотивирует обучающихся, повышает их уверенность в результатах. Не менее, а может, более важным вектором

является развитие когнитивно-деятельностных процессов, определяющих развитие личностного и когнитивного потенциала пользователей ИИ. Развитие познавательных компетенций, когнитивных процессов должно быть методическим ядром всей образовательной системы. Методическими целевыми установками должны быть развитие памяти, внимания, критического мышления, развитие логики, устойчивого внимания, возможность осуществлять анализ и синтез информации. Нельзя попасть в полную зависимость от ИИ, а использовать его в качестве источника развития когнитивного потенциала участников образовательного процесса.

В рамках данного вектора необходимо предусмотреть систему продуктивных проблемных упражнений, типология которых должна включать поисковые, сравнительно-сопоставительные, композиционно-интерпретационные, творческие и комплексные (стратегические) упражнения и виды деятельности, ориентированные как на создание промптов, так и интерпретацию, анализ и критическую оценку сгенерированного материала, в фокусе внимания которых стилевые характеристики, логика изложения, аргументированность выводов, референтность источников, соответствие современным трендам в науке и т.п. Вслед за рекомендациями современных исследователей, методически целесообразным представляется интегрирование ИИ в практику образования после традиционных форм обучения по модели «Brain-LLM», ориентированных на цифровое когнитивное развитие обучающихся.

Поскольку современные исследования в области ИИ выявляют слабую связь с педагогическими подходами и образовательными концепциями, важным является, на наш взгляд, создание определенных рекомендаций по использованию ИИ в образовании и исследованиях, в частности, в вопросах оценки результатов взаимодействия обучающегося с нейронными платформами, допустимой степени интеграции сгенерированных результатов в авторские исследования. Важными векторами исследования и практической реализации должны также стать вопросы формирования цифровой компетенции в области ИИ, определения условий автономности обучающегося.

Перед современными преподавателями встают достаточно серьезные вызовы, определяющие необходимость повышения квалификации в области использования инструментов ИИ в образовательной деятельности, что предполагает, в первую очередь, профессиональное развитие педагогов, понимающих, как ИИ влияет на обучение на нейронном уровне. Помимо чисто организационных моментов, включающих отбор содержания и методов обучения, их адаптацию, преподаватель должен выступать как тьютор в использовании ИИ инструментов, определять целевые установки в заданных условиях, обеспечивать контроль и самоорганизацию обучающихся, формировать цифровую культуру и ответственность обучающихся за сгенерированные результаты труда, осознавать, что систематическая замена умственных усилий вычислительными ресурсами может скажаться самым негативным образом на развитии когнитивно-деятельностных характеристик студентов, аспирантов, молодых исследователей, других участников образовательного процесса.

Список источников

1. Cazzaniga, Jaumotte M.F., Li L., Melina G., Panton A.J., Pizzinelli C., Rockall E.J., Tavares M.M. Gen-AI: Artificial Intelligence and the Future of Work // Staff Discussion Notes. 2024. International Monetary Fund, Washington, DC.
2. Renner M., Chaban M.A.V. 601 real-world gen AI use cases from the world's leading organizations // Google. URL: <https://cloud.google.com/transform/101-real-world-generative-ai-use-cases-from-industry-leaders> (дата обращения: 31.08.2025).
3. Бузаубакова К.Д., Аморова А.С., Маковецкая А.А. Цифровая педагогика : учебник. Тараз : ИП «Бейсенбекова А.Ж.», 2023. 320 с.
4. Макаренко С. Использование нейросетевой платформы Perplexity AI в научных исследованиях. URL: <https://dzen.ru/a/aHuQ4I8bLmMfoo>
5. Осадчук Е.В. Основные направления развития технологий искусственного интеллекта как инструмента научных исследований // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 147–157.
6. Уварина Н.В. Трансформация педагогического сопровождения в эпоху цифровизации // Известия Саратовского университета. Серия: Акмеология образования. 2024. Т. 13, Вып. 2 (50). С. 178–190. doi: 10.18500/2304-9790-2024-13-2-178-190
7. Шейнбаум В.С., Никольский В.С. Инженерная деятельность и инженерное мышление в контексте экспансии искусственного интеллекта // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 6. С. 9–27. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-6-9-27
8. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Консультант Плюс. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
9. Guilherme A. AI and education: The importance of teacher and student relations // AI & Society. 2019. Vol. 34, Is. 1. P. 47–54. doi: 10.1007/s00146-017-0693-8
10. Chassignol M., Khoroshavin A., Klimova A., Bilyatdinova A. Artificial intelligence trends in education: A narrative overview // Procedia Computer Science. 2018. Vol. 136. P. 16–24. doi: 10.1016/j.procs.2018.08.233
11. Казакова Е.И., Кузьминов Я.И. Мы должны воспитывать культуру критического отношения к ответам искусственного интеллекта // Вопросы образования. 2025. № 1. С. 8–24. doi: 10.17323/vo-2025-25882
12. Сысоев П.В. Персонализированное обучение на основе технологий искусственного интеллекта: готовность современных студентов к новым образовательным возможностям // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 2. С. 51–71. doi: 10.31992/0869-3617-2025-34-2-51-71
13. Chiu T.K.F., Moorhouse B.L., Chai C.S., Ismailov M. Teacher support and student motivation to learn with Artificial Intelligence (AI) based chatbot // Interactive Learning Environments. 2024. Vol. 32, Is. 7. P. 3240–3256. doi: 10.1080/10494820.2023.2172044
14. Толстых О.М. Потенциал искусственного интеллекта в языковом образовании: практическое руководство для преподавателей // Международная научно-методическая конференция «Профессионально ориентированная подготовка студентов в вузе». ОГПУ, 2020. С. 391–393.
15. Сысоев П.В. Чат-боты в обучении иностранным языкам: преимущества и спорные вопросы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28, № 1. С. 66–72. doi: 10.20310/1810-0201-2023-28-1-66-72.
16. Панельная дискуссия «Кадры для ИИ и в ИИ»: как и чему учить в условиях развития генеративных моделей. НИУ ВШЭ // Data Fusion в VK Видео. URL: https://vk.com/video-214144682_456239145
17. Корешникова Ю.Н., Фрумин И.Д., Пашенко Т.В. Организационные и педагогические условия формирования навыка критического мышления у студентов российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 1. С. 5–17. doi: 10.15826/umpra.2021.01.001
18. Рожкова А.В. Научные теории формирования критического мышления в трудах российских и зарубежных ученых // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN523.pdf>
19. Eke O.D. ChatGPT and the rise of generative AI: Threat to academic integrity? // Journal of Responsible Technology. 2023. Vol. 13. Art. No. 100060. doi: 10.1016/j.jrt.2023.100060
20. Кузьминов Я.И., Кручинская Е.В., Груздев И.А., Наумов А.А. Отстающие и опережающие: использование студентами генеративного искусственного интеллекта в образовательных целях // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 6. С. 9–35. doi: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-9-35
21. Karsenti T. Artificial intelligence in education: The urgent need to prepare teachers for tomorrow's schools // Formation et Profession. 2019. Vol. 27 (1). P. 112–116. doi: 10.18162/fp.2019.a166
22. Gerlich M. AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking // Societies. 2025. Vol. 15 (1). Art. No. 6. doi: 10.3390/soc15010006
23. Adiguzel T., Kaya M.H., Cansu F.K. Revolutionizing education with AI: Exploring the transformative potential of ChatGPT // Contemporary Educational Technology. 2023. Vol. 15, № 3. Art. ep429.
24. Chow A. Does ChatGPT harm critical thinking abilities? A new study from researchers at MIT's Media Lab has returned some concerning results // MIT Media Lab. 25.06.2025. URL: <https://www.media.mit.edu/articles/is-using-chatgpt-to-write-your-essay-bad-for-your-brain-new-mit-study-explained> (дата обращения: 31.08.2025).
25. Kosmyna N., Hauptmann E., Ye Tong Yuan, Situ J., Xian-Hao Liao, Beresnitzky A.V., Braunstein I., Maes P. Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Assistant for Essay Writing Task // ArXiv. <https://arxiv.org/abs/2506.08872> (дата обращения: 31.08.2025).

References

1. Cazzaniga, Jaumotte M.F., Li L., Melina G., Panton A.J., Pizzinelli C., Rockall E.J., Tavares M.M. Gen-AI: Artificial Intelligence and the Future of Work // Staff Discussion Notes. 2024. International Monetary Fund, Washington, DC.
2. Renner M., Chaban M.A.V. 601 real-world gen AI use cases from the world's leading organizations // Google. URL: <https://cloud.google.com/transform/101-real-world-generative-ai-use-cases-from-industry-leaders> (дата обращения: 31.08.2025).
3. Buzaubakova K.D., Amirova A.S., Makovetskaya A.A. Tsifrovaya pedagogika : uchebnik. Taraz : IP «Beysenbekova A.ZH.», 2023. 320 s.
4. Makarenko S. Ispol'zovaniye neyrossetevoy platformy Perplexity AI v nauchnykh issledovaniyakh. URL: <https://dzen.ru/a/aHuQ4I8bLmMfoo>
5. Osadchuk YE.V. Osnovnyye napravleniya razvitiya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta kak instrumenta nauchnykh issledovaniy // Upravleniye naukoj: teoriya i praktika. 2025. T. 7, № 1. S. 147–157.
6. Uvarina N.V. Transformatsiya pedagogicheskogo soprovozhdeniya v epokhu tsifrovizatsii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. 2024. T. 13, Vyp. 2 (50). S. 178–190. doi: 10.18500/2304-9790-2024-13-2-178-190
7. Sheynbaum V.S., Nikol'skiy V.S. Inzhenernaya deyatel'nost' i inzhenernoye myshleniye v kontekste ekspansii iskusstvennogo intellekta // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2024. T. 33, № 6. S. 9–27. doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-6-9-27
8. Natsional'naya strategiya razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda // Konsul'tant Plyus. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
9. Guilherme A. AI and education: The importance of teacher and student relations // AI & Society. 2019. Vol. 34, Is. 1. P. 47–54. doi: 10.1007/s00146-017-0693-8
10. Chassignol M., Khoroshavin A., Klimova A., Bilyatdinova A. Artificial intelligence trends in education: A narrative overview // Procedia Computer Science. 2018. Vol. 136. P. 16–24. doi: 10.1016/j.procs.2018.08.233

11. Kazakova YE.I., Kuz'minov YA.I. My dolzhny vospityvat' kul'turu kriticheskogo otnosheniya k otvetam iskusstvennogo intellekta // Voprosy obrazovaniya. 2025. № 1. S. 8–24. doi: 10.17323/vo-2025-25882
12. Sysoyev P.V. Personalizirovannoye obucheniye na osnove tekhnologii iskusstvennogo intellekta: gotovnost' sovremennykh studentov k novym obrazovatel'nym vozmozhnostyam // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2025. T. 34, № 2. S. 51–71. doi: 10.31992/0869-3617-2025-34-2-51-71
13. Chiu T.K.F., Moorhouse B.L., Chai C.S., Ismailov M. Teacher support and student motivation to learn with Artificial Intelligence (AI) based chatbot // Interactive Learning Environments. 2024. Vol. 32, Is. 7. P. 3240–3256. doi: 10.1080/10494820.2023.2172044
14. Tolstykh O.M. Potentsial iskusstvennogo intellekta v yazykovom obrazovanii: prakticheskoye rukovodstvo dlya prepodavateley // Mezhdunarodnaya nauchno-metodicheskaya konferentsiya «Professional'no oriyentirovannaya podgotovka studentov v vuzE». OGGPU, 2020. S. 391–393.
15. Sysoyev P.V. Chat-boty v obuchenii inostrannym yazykam: preimushchestva i spornyye voprosy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2023. T. 28, № 1. S. 66–72. doi: 10.20310/1810-0201-2023-28-1-66-72.
16. Panel'naya diskussiya «Kadry dlya II i v II»: kak i chemu uchiť v usloviyakh razvitiya generativnykh modeley. NIU VSH-E // Data Fusion v VK Video. URL: https://vk.com/video-214144682_456239145
17. Koreschnikova YU.N., Frumin I.D., Pashchenko T.V. Organizatsionnyye i pedagogicheskiye usloviya formirovaniya navyka kriticheskogo myshleniya u studentov rossiyskikh vuzov studentov rossiyskikh vuzov // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz. 2021. T. 25, № 1. S. 5–17. doi: 10.15826/umpa.2021.01.001
18. Rozhkova A.V. Nauchnyye teorii formirovaniya kriticheskogo myshleniya v trudakh rossiyskikh i zarubezhnykh uchenykh // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2023. T. 11, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/68PSMN523.pdf>
19. Eke O.D. ChatGPT and the rise of generative AI: Threat to academic integrity? // Journal of Responsible Technology. 2023. Vol. 13. Art. No. 100060. doi: 10.1016/j.jrt.2023.100060
20. Kuz'minov YA.I., Kruchinskaya YE.V., Gruzdev I.A., Naumov A.A. Otstaysushchiye i operezhayushchiye: ispol'zovaniye studentami generativnogo iskusstvennogo intellekta v obrazovatel'nykh tselyakh // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2025. T. 34, № 6. S. 9–35. doi: 10.31992/0869-3617-2025-34-6-9-35
21. Karsenti T. Artificial intelligence in education: The urgent need to prepare teachers for tomorrow's schools // Formation et Profession. 2019. Vol. 27 (1). P. 112–116. doi: 10.18162/fp.2019.a166
22. Gerlich M. AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking // Societies. 2025. Vol. 15 (1). Art. No. 6. doi: 10.3390/soc15010006
23. Adiguzel T., Kaya M.H., Cansu F.K. Revolutionizing education with AI: Exploring the transformative potential of ChatGPT // Contemporary Educational Technology. 2023. Vol. 15, № 3. Art. ep429.
24. Chow A. Does ChatGPT harm critical thinking abilities? A new study from researchers at MIT's Media Lab has returned some concerning results // MIT Media Lab. 25.06.2025. URL: <https://www.media.mit.edu/articles/is-using-chatgpt-to-write-your-essay-bad-for-your-brain-new-mit-study-explained> (data obrashcheniya: 31.08.2025).
25. Kosmyna N., Hauptmann E., Ye Tong Yuan, Situ J., Xian-Hao Liao, Beresnitzky A.V., Braunstein I., Maes P. Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Assistant for Essay Writing Task // ArXiv. <https://arxiv.org/abs/2506.08872> (data obrashcheniya: 31.08.2025).

Информация об авторах:

Алмазова Н.И. – д-р пед. наук, профессор Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: almazova_ni@spbstu.ru

Халяпина Л.П. – д-р пед. наук, профессор Высшей школы лингвистики и педагогики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: halyapina_lp@spbstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.I. Almazova, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: almazova_ni@spbstu.ru

L.P. Khalyapina, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: halyapina_lp@spbstu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.08.2025;
одобрена после рецензирования 28.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 31.08.2025;
approved after reviewing 28.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 372.881.161.1
doi: 10.17223/15617793/521/21

Обучение иностранных аспирантов научной коммуникации на русском языке на основе лингвокультурологического и лингводидактического подходов

Александр Алексеевич Кириллов¹, Анастасия Викторовна Фахрутдинова²

¹ Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чебоксары, Россия, kirillov@chuvgpu.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, avfach@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема недостаточной коммуникативной компетенции иностранных аспирантов в русскоязычной академической среде, что затрудняет их интеграцию в российскую научную школу и эффективную исследовательскую деятельность. подготовки иностранных научных кадров в российских вузах. На основе синтеза лингвокультурологического и лингводидактического подходов, разработана модель обучения, включающая лингвокультурологический, лингвопрагматический, коммуникативно-деятельностный и интерактивно-проектировочный компоненты. Доказана эффективность предложенной модели для формирования комплексной коммуникативной компетенции успешной академической адаптации иностранных исследователей.

Ключевые слова: научная коммуникация, иностранные обучающиеся, лингводидактический подход, лингвокультурологический подход, научный дискурс, когнитивно-коммуникативная адаптация, академическая интеграция

Источник финансирования: исследование выполнено за счет государственного задания Минпросвещения России от 16.01.2025 № 073-03-2025-063.

Для цитирования: Кириллов А.А., Фахрутдинова А.В. Обучение иностранных аспирантов научной коммуникации на русском языке на основе лингвокультурологического и лингводидактического подходов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 202–211. doi: 10.17223/15617793/521/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/21

Teaching international postgraduate students scientific communication in Russian using linguacultural and linguodidactic approaches

Alexander A. Kirillov¹, Anastasia V. Fakhrutdinova²

¹ Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation, kirillov@chuvgpu.ru

² Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation, avfach@mail.ru

Abstract. The article presents the development and implementation of a linguodidactic and linguocultural model for training scientific personnel from Sri Lanka and China within the Russian scientific school environment. The research is based on the fundamental principles of cultural linguistics, according to which each culture possesses a unique system of key concepts and methods of their linguistic representation. This theoretical foundation served as the basis for studying the adaptation processes of foreign specialists to the Russian scientific paradigm. The authors developed a four-component model, including linguocultural, linguopragmatic, communicative-activity, and interactive-project components. Two leading principles formed the methodological basis of the model: cognitive-communicative adaptation and integration into scientific discourse. The principle of cognitive-communicative adaptation represents an approach that considers the specifics of scientific thinking in the Russian paradigm and forms corresponding mental models in foreign specialists. The principle of integration into scientific discourse encompasses the process of a researcher entering the system of scientific communication and professional identification within the scientific community. The study was conducted in four stages: preparatory-analytical, design, experimental-formative, and analytical-generalizing. During the work, a comprehensive assessment of the initial language proficiency level of 47 foreign postgraduate students was conducted. The model was implemented through regular classroom sessions (288 academic hours), scientific-practical seminars, training in preparing scientific publications, and simulation business games. The results of the final assessment demonstrated significant progress in the mastery of scientific speech style among the majority of experiment participants: 76% of postgraduate students reached the B2-C1 level in academic communication. The greatest progress was noted in producing written scientific texts (+27%) and comprehending oral scientific speech (+26%). Publication activity increased: 74% of postgraduate students became co-authors of scientific publications, and 26% published independent articles in Russian. Qualitative analysis revealed the development of metacognitive strategies in postgraduate students and the ability to master implicit cultural codes of the Russian scientific tradition. The conducted research

confirms the effectiveness of the developed model for overcoming barriers that impede the inclusion of foreign postgraduate students in the Russian academic environment and for forming comprehensive competence in scientific communication in Russian.

Keywords: scientific communication, foreign students, linguodidactic approach, linguacultural approach, scientific discourse, cognitive-communicative adaptation, academic integration

Financial support: The study was carried out as part of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 16.01.2025 No. 073-03-2025-063/

For citation: Kirillov, A.A. & Fakhrutdinova, A.V. (2025) Teaching international postgraduate students scientific communication in Russian using linguacultural and linguodidactic approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 202–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/21

Введение

Актуальность проблемы обучения иностранных аспирантов русскоязычной научной коммуникации в российских вузах связана с рядом факторов, важнейшим из которых является социальная значимость. Высшая школа решает задачи по продвижению русского языка и культуры, экспорту науки и образования, подготовке конкурентоспособных специалистов, в том числе иностранных, для приоритетных отраслей науки, техники и технологий. Недостаточная компетенция в научной коммуникации замедляет адаптацию иностранных аспирантов к российскому академическому укладу, мешает эффективному взаимодействию с научным руководителем, коллегами, посещению семинаров и конференций. Возникают трудности в оформлении документов, взаимодействии с администрацией, написании диссертации и ее защите на русском языке, профессиональном общении, работе с русскоязычными научными ресурсами. Таким образом, актуальность проблемы связана с необходимостью оптимизировать подготовку иностранных аспирантов в области русскоязычной академической коммуникации и повысить мотивацию к изучению русского языка как инструмента академического общения. Педагогическая задача состоит в том, чтобы "развить" языковую компетенцию иностранных аспирантов как навык, необходимый для интеграции в академическую среду, как ключевой профессиональный инструмент для эффективной деятельности иностранных аспирантов в российских научных структурах, достижения их академических целей и дальнейшего карьерного роста.

Предлагаемое исследование базируется на фундаментальных теоретических положениях лингвокультурологии, в частности, на концепции А.А. Зализняка, А.Д. Шмелева о «национально-специфичной конфигурации идей», согласно которой каждая культура обладает уникальной системой ключевых концептов и способов их языковой репрезентации [1, 2]. Данная теория выступает методологическим базисом для изучения процессов адаптации иностранных специалистов к российской научной парадигме. Теоретическая значимость исследования определяется интегративным подходом, объединяющим достижения лингвокультурологии и лингводидактики. Предлагаемая модель развивает концепцию взаимообусловленности языка, мышления и культуры, демонстрируя, что научная комму-

никация представляет собой не просто обмен информацией, но взаимодействие различных интеллектуальных традиций и ценностных систем.

Лингвокультурологический аспект модели опирается на теорию «языковой картины мира» (В.Н. Телия [3], Ю.Д. Апресян [4], Н.Д. Арутюнова [5]) и концепцию «культурных скриптов» А. Вежбицкой [6]. Согласно этим теориям, каждая научная традиция формирует собственную систему концептуализации действительности, которая находит отражение в специфических языковых средствах и дискурсивных практиках.

В работах В.И. Карасика [7] и В.В. Красных [8] научный дискурс рассматривается как особое лингвокультурное образование со своими ценностными доминантами, когнитивными моделями и коммуникативными стратегиями. Применительно к российской научной традиции можно выделить такие культурно-обусловленные концепты, как «научная школа», «фундаментальность исследования», «теоретическая значимость», которые могут иметь иное содержательное наполнение в других научных культурах.

Разработанная модель учитывает эти лингвокультурологические аспекты и направлена на формирование у иностранных аспирантов не только языковой, но и концептуальной компетенции в сфере российского научного дискурса.

Лингводидактический аспект модели основывается на коммуникативном, контекстном и компетентностном подходах к обучению иностранным языкам (Е.И. Пассов [9], А.А. Вербицкий [10], И.А. Зимняя и др. [11]). В соответствии с коммуникативным подходом, освоение языка науки рассматривается не как формальное изучение терминологии и грамматических структур, а как приобретение способности участвовать в реальной научной коммуникации.

Контекстный подход предполагает, что обучение должно моделировать реальные профессиональные ситуации и задачи [12]. В разработанной модели это реализуется через интеграцию языковой подготовки с научно-исследовательской деятельностью аспирантов.

Компетентностный подход акцентирует внимание на формировании интегративных качеств личности, обеспечивающих эффективную профессиональную деятельность. В контексте подготовки иностранных обучающихся это означает развитие комплекса лингвистической, дискурсивной, стратегической, социокультурной и научно-исследовательской компетенций.

Методология эмпирического исследования базируется на принципах научной объективности, системности и валидности. Комбинирование количественных и качественных методов (анкетирование, тестирование, интервьюирование, наблюдение, статистический анализ) обеспечивает триангуляцию данных и повышает достоверность полученных результатов.

Диагностический инструментарий, включающий многоуровневую систему оценки владения русским языком в сфере научной коммуникации, разработан с учетом международных стандартов тестирования (CEFR) и специфики академического дискурса. Критерии оценки эффективности модели (лингвистическая корректность, прагматическая адекватность, культурологическая компетентность, интеграция в научное сообщество) отражают комплексный характер формируемых компетенций.

Методология исследования

Основной задачей исследования явилась разработка и апробация модели обучения иностранных аспирантов российских вузов научной коммуникации на русском языке на основе лингвокультурологического [13–15] и лингводидактического [16] подходов. Разработка структуры данной модели базировалась на двух основных принципах: когнитивно-коммуникативной адаптации и интеграции в научный дискурс.

Принцип когнитивно-коммуникативной адаптации представляет собой фундаментальный методологический принцип, учитывающий многомерную специфику научного мышления в российской научной парадигме и направленный на формирование у иностранных специалистов соответствующих ментальных моделей и коммуникативных компетенций. Российская научная традиция характеризуется особым эпистемологическим своеобразием, проявляющимся в склонности к фундаментальным теоретическим обобщениям, системному подходу к изучаемым явлениям и ориентации на целостное восприятие объекта исследования. В отличие от западной научной парадигмы с её аналитическим и прагматическим уклоном, российская наука тяготеет к синтетическому мышлению и философскому осмыслению исследовательских проблем, что находит отражение в особой структуре научного дискурса, специфической терминологической системе и характерных логико-смысловых конструкциях [17, 18]. Необходимо отметить, что когнитивно-коммуникативная адаптация предполагает не механическое заимствование внешних форм научной коммуникации, а глубинную трансформацию профессионального сознания иностранного специалиста, включающую усвоение имплицитных культурно-обусловленных способов концептуализации научного знания. Практическая реализация данного принципа осуществляется через многоуровневую систему интеграционных механизмов: на когнитивном уровне – это освоение методологических подходов, принятых в российской науке, знакомство с историей развития научных школ и их концептуальными основаниями; на коммуникативном уровне – овладение жанровыми формами научной

речи, риторическими стратегиями аргументации, принятыми в отечественном научном сообществе, и дискурсивными практиками академического взаимодействия.

Принцип интеграции в научный дискурс представляет собой многоаспектный процесс вхождения исследователя в систему научной коммуникации и профессиональной идентификации в рамках определённого научного сообщества. Данный принцип охватывает не только лингвистические аспекты овладения специализированным языком науки, но и глубинное освоение концептуального аппарата, методологических установок, ценностных ориентиров и негласных конвенций, принятых в конкретной дисциплинарной области, что предполагает последовательное прохождение исследователем нескольких уровней: от первичного ознакомления с текстами и базовой терминологией через активное участие в научной коммуникации к полноценному участию в формировании научного знания и способности влиять на направления развития дискурса. Существенными элементами данного процесса являются освоение жанрового репертуара научной коммуникации; способность исследователя к метадискурсивной рефлексии – осознанию собственной позиции в научном дискурсе, пониманию его динамики и внутренней логики развития, а также критическому анализу имплицитных предпосылок научного мышления; освоение риторических стратегий аргументации, характерных для конкретной научной дисциплины, включая способы выдвижения и обоснования гипотез, работы с эмпирическими данными, критики существующих подходов и продвижения собственных идей; социализация в профессиональном сообществе через установление коллегиальных связей, вхождение в исследовательские группы и научные школы, участие в совместных проектах.

При осуществлении данного исследования проводился мониторинг процесса обучения с целью выявления лингвокультурных закономерностей и индивидуальных особенностей научных кадров из Китая и Шри-Ланки.

Моделирование процесса интеграции в русскоязычный научный дискурс опиралось на результаты бесед, анкетирования, тестирования лингвистических и коммуникативных компетенций, а также статистической обработки данных. Лингводидактическое осмысление возможностей обучения включало в себя изучение особенностей освоения языка науки в контексте культурно-специфичных традиций академического общения; целевой отбор содержания обучения, состоящего из лингвистического (терминология, жанры научной коммуникации), культурологического (научный этикет, национальные традиции научного дискурса) и методического аспектов (стратегии преодоления лингвокультурных барьеров); использование коммуникативных и интерактивных методов обучения научному стилю речи, презентационным навыкам и академическому письму, а также проективной и имитационно-моделирующей деятельности на русском языке в рамках научно-исследовательской работы.

В соответствии с рабочими программами аспирантуры Чувашского государственного педагогического

университета им. И.Я. Яковлева (ЧГПУ) всех научных направлений изучение русского языка для научной коммуникации для аспирантов-иностранцев начинается в первом семестре и продолжается в течение года. Аспиранты уже обладают знанием русского языка на уровнях А2-В1, так как традиционно аспирантами становятся выпускники вузов, прошедшие обучение по магистерским программам. За первый год обучения в аспирантуре студенты осваивают язык до уровня С1, необходимого для осуществления эффективной научной коммуникации. Исследование охватывало полный цикл образовательного процесса и включало выборку из 47 обучающихся на выпускных курсах магистратуры и в аспирантуре ЧГПУ им. И.Я. Яковлева иностранцев, принявших участие в экспериментальной работе.

Модель обучения иностранных обучающихся научной коммуникации на русском языке создавалась и дополнялась на протяжении трех лет (2023–2025 гг.) В структуру модели вошли компоненты, отражающие специфику научного дискурса в русскоязычной академической среде: когнитивно-ценностный, включающий формирование представлений о российской научной картине мира и этике исследовательской деятельности; лингвопрагматический, направленный на освоение жанрового разнообразия научных текстов и стилистических особенностей академического письма; коммуникативно-деятельностный, обеспечивающий развитие навыков устной научной презентации, ведения дискуссии и аргументации; интерактивно-проектировочный, предполагающий вовлечение аспирантов в реальную научно-исследовательскую деятельность на русском языке.

Экспериментальная апробация модели осуществлялась поэтапно и включала диагностику исходного уровня владения научным стилем речи, внедрение разработанного комплекса учебно-методических материалов, мониторинг промежуточных результатов и итоговую оценку сформированности компетенций академической коммуникации на русском языке.

Исследование проходило в несколько этапов.

1) Подготовительно-аналитический этап (сентябрь 2023 г. – декабрь 2023 г.) включал комплексную диагностику исходного уровня языковой подготовки иностранных аспирантов. Тестирование показало, что большинство обучающихся (82%) владели русским языком на промежуточном между А2-В1 уровнях, что недостаточно для полноценной научной коммуникации. Анкетирование и интервьюирование аспирантов позволило выявить их коммуникативные потребности в научно-исследовательской сфере и трудности, возникающие при освоении научного стиля русского языка.

2) Проектировочный этап (январь 2024 г. – май 2024 г.) состоял в разработке модели обучения научной коммуникации с четырьмя компонентами: лингвокультурологическим, лингвопрагматическим, коммуникативно-деятельностным и интерактивно-проектировочным. Создана учебная программа с комплексом материалов, включающих научные тексты с заданиями, терминологические минимумы, упражнения по синтаксису научной речи, шаблоны научных работ и ситуации для моделирования дискуссий.

3) Экспериментально-формирующий этап (сентябрь 2024 г. – март 2025 г.) включал непосредственную апробацию разработанной модели в образовательном процессе ЧГПУ им. И.Я. Яковлева через интеграцию в учебный процесс регулярных занятий по программе «Русский язык в научной среде: программа профессиональной адаптации», участие аспирантов в научных семинарах кафедр и лабораторий, тренинги по подготовке научных публикаций, имитационно-деловые игры «Научная конференция», «Защита диссертации», индивидуальные и групповые консультации по написанию научных работ, дискуссии с участием ученых университета по актуальным проблемам научной коммуникации. В течение всего этапа проводился регулярный мониторинг динамики формирования у аспирантов навыков научной коммуникации через выполнение промежуточных контрольных заданий различного типа.

4) На аналитико-обобщающем этапе (апрель 2025 г. – сентябрь 2025 г.) осуществлялась комплексная оценка эффективности разработанной модели. Проведено итоговое тестирование аспирантов и сопоставление полученных результатов с исходными данными диагностики, выявлены наиболее эффективные компоненты модели и проблемные зоны, требующие дальнейшей методической проработки.

Исследование и результаты

Первый этап начался с комплексной диагностики уровня языковой подготовки иностранных аспирантов, которая представляла собой многокомпонентную систему оценки владения русским языком в сфере научной коммуникации, разработанную специально для иностранных аспирантов из Китая и Шри-Ланки. Целью диагностики было не только определение исходного уровня владения русским языком в академической сфере, но и выявление слабых сторон предварительной языковой подготовки для последующей разработки более точной модели обучения.

Диагностика включала 40 вопросов и заданий, распределенных по шести тематическим блокам: «Лексико-грамматический компонент научного стиля», «Понимание письменных научных текстов», «Восприятие устной научной речи», «Продуцирование письменных научных текстов», «Навыки устной научной коммуникации», «Культурно-специфические аспекты научной коммуникации». Были разработаны задания различного формата – вопросы на множественный выбор, открытые вопросы, кейсы. Работа проводилась в два этапа: письменный (90 минут) и устный (15-20 минут). По результатам был составлен детальный профиль языковой компетенции аспиранта. Критериями оценки были точность использования соответствующей научной терминологии, грамматическая корректность, логичность и связность научного высказывания, соблюдение жанровых норм, адекватность коммуникативного поведения.

Диагностика охватила 47 иностранных аспирантов, из которых 26 человек (55,3%) представляли Китай и 21 человек (44,7%) – Шри-Ланку.

Тестирование выявило, что 82% обучающихся владели русским языком на промежуточном между A2-B1 уровнях, что недостаточно для полноценной научной коммуникации (табл. 1).

Таблица 1
Результаты диагностики уровня языковой подготовки иностранных аспирантов

Блоки диагностики	Средний показатель выполнения заданий, %	Наибольшие трудности (% правильных ответов)
Лексико-грамматический компонент научного стиля	63	Использование научной терминологии (54); образование отглагольных существительных (48)
Понимание письменных научных текстов	59	Понимание имплицитной информации (43), определение логических связей между частями текста (47)
Восприятие устной научной речи	48	Конспектирование лекций (39); распознавание ключевой информации при быстром темпе речи (42).
Продуктивное письменное научное общение	52	Соблюдение жанровых норм научной статьи (44); формулирование гипотезы (46)
Навыки устной научной коммуникации	54	Участие в научной дискуссии (41); формулирование критических замечаний (37).
Культурно-специфические аспекты научной коммуникации	56	Недостаточная осведомленность о нормах научной этики в российской академической среде (49); слабое понимание особенностей иерархических отношений в научном сообществе (51)

Сравнительный анализ по национальным группам показал следующее. Сильными сторонами группы аспирантов из Китая стали лексико-грамматический компонент (65%) и письменное понимание (61%). Слабыми сторонами оказались устная научная коммуникация (52%) и восприятие устной речи (47%). Характерные особенности: тенденция к некритическому воспроизведению научных положений, затруднения при формулировании собственной позиции. У шри-ланкийских аспирантов сильными сторонами выступили устная научная коммуникация (59%) и культурно-специфические аспекты (58%). Слабые стороны включали письменное понимание научных текстов (51%) и продуктивное научное общение (50%). Характерные особенности: более активное участие в дискуссиях, но менее точное использование терминологии.

Диагностическое исследование выявило ряд существенных затруднений в академической адаптации аспирантов. Особую сложность представляет восприятие научной литературы на русском языке, что связано с недостаточным владением специфической терминологией и структурными особенностями российских академических текстов.

В сфере аудирования многие обучающиеся испытывают трудности в восприятии лекций. Письменная научная коммуникация также представляет значительные трудности для иностранных аспирантов. Они не всегда успешно справляются с соблюдением жанро-

вых особенностей российской научной статьи и построением аргументации при формулировании научных предположений. В области устной научной коммуникации наблюдаются сложности с активным участием в научных обсуждениях и корректным выражением несогласия с позицией оппонентов. Эти затруднения указывают на лингвокультурологические барьеры в усвоении норм научной полемики, принятых в российской академической среде. Социокультурный компонент академической адаптации также вызывает значительные затруднения. Иностранные аспиранты недостаточно ориентируются в нормах научной этики и особенностях взаимоотношений между представителями различных статусов в научном сообществе России.

Выявленные проблемные зоны требуют комплексного лингводидактического подхода, учитывающего не только языковые, но и культурологические аспекты научной коммуникации в российской академической среде. Трудности участия в научной дискуссии и выражения критических суждений выходят за рамки только языковых барьеров. Они отражают глубинные культурные различия в ведении научной полемики, поскольку в разных академических традициях существуют собственные негласные правила выражения несогласия, степени категоричности суждений и допустимости прямой критики. Владение русским языком на хорошем уровне не гарантирует понимания этих неписаных конвенций. Помимо этого, научная этика и особенно иерархические отношения в академической среде также имеют культурную специфику. Взаимодействие между научным руководителем и аспирантом, между старшими и младшими коллегами в России существенно отличается от моделей, принятых в Шри-Ланке.

Опыт наблюдения данных отношений авторами статьи показывает, что в Китае на научную коммуникацию во многом влияет этика конфуцианства, между тем, в Шри-Ланке наблюдается сильно выраженная авторитарность старших коллег, учителей, профессоров. Эти различия невозможно преодолеть только через изучение языка без погружения в культурный контекст. Эффективная интеграция в научное сообщество требует освоения имплицитных культурных кодов, регулирующих как формальное, так и неформальное профессиональное общение. Это включает понимание уместных тем, степени формальности, невербальных сигналов и других социокультурных аспектов коммуникации. Таким образом, только интегрированный подход, объединяющий лингводидактику с лингвокультурологией, способен обеспечить полноценную академическую адаптацию иностранных аспирантов в российской научной среде.

На втором этапе была разработана педагогическая модель обучения научной коммуникации, которая в общем своем виде направлена на преодоление коммуникативных барьеров, возникающих на стыке различных научных традиций, и формирование у иностранных аспирантов целостной компетенции в области русскоязычной научной коммуникации.

Структура и содержание модели

1. Лингвокультурологический компонент. Лингвокультурологический компонент модели ориентирован на формирование у аспирантов представлений о российской научной картине мира и этике исследовательской деятельности. В рамках данного компонента осуществляется знакомство с ключевыми концептами российского научного дискурса, такими как «научная школа», «научная добросовестность», «фундаментальность», «междисциплинарность», «критическое мышление». В рамках лингводидактического компонента программы изучается комплекс языковых и дискурсивных особенностей российской научной традиции. Студенты осваивают лексико-семантическое поле научных концептов на русском языке и их культурную специфику, а также языковые средства объективации этих концептов, включая терминологические единицы, устойчивые обороты и метафоры. Особое внимание уделяется дискурсивным маркерам, характерным для российского научного стиля, в том числе средствам модальности, авторизации и оценки. Аспиранты знакомятся с этикетными формулами научной коммуникации и речевыми жанрами, принятыми в российской академической среде. Программа включает сопоставительный анализ научных концептов в русском и родном языках аспирантов, что способствует более глубокому пониманию культурной специфики научного дискурса. Изучаются стратегии интерпретации имплицитных культурных смыслов в научных текстах, языковые средства выражения аргументации и критического мышления в соответствии с нормами российского научного дискурса. Важным элементом обучения является знакомство с прецедентными текстами и именами российской научной традиции.

2. Лингвопрагматический компонент. Лингвопрагматический компонент направлен на освоение жанрового разнообразия научных текстов и стилистических особенностей академического письма на русском языке. В рамках данного компонента аспиранты знакомятся с типологией научных жанров (монография, статья, диссертация, автореферат, рецензия, аннотация), их структурно-композиционными и языковыми особенностями.

Особое внимание в рамках данного компонента уделяется освоению метатекстовых средств, обеспечивающих связность и логичность научного изложения: средств выражения причинно-следственных отношений, указания на последовательность рассуждений, введения и комментирования примеров, формулирования выводов. Важным аспектом лингвопрагматической подготовки является также освоение способов цитирования и оформления библиографии в соответствии с российскими академическими стандартами.

3. Коммуникативно-деятельностный компонент. Коммуникативно-деятельностный компонент обеспечивает развитие навыков устной научной презентации, ведения дискуссии и аргументации на русском языке. Данный компонент ориентирован на преодоление коммуникативных барьеров, возникающих в

ситуациях непосредственного взаимодействия иностранных аспирантов с российскими коллегами. Для аспирантов-иностранцев наибольшие трудности в этой сфере связаны с необходимостью публичного выражения собственной позиции, участия в дискуссиях и реагирования на критические замечания. Для преодоления этих трудностей проводились ролевые игры, моделирующие ситуации научных дискуссий, где аспирантам предлагается занимать различные позиции, аргументировать и отстаивать их. Особое внимание уделялось структурированию устного выступления, выделению главного и второстепенного, соблюдению регламента.

В рамках данного компонента предусмотрена работа над произносительной стороной речи с учетом фонетических особенностей родных языков аспирантов. Для китайских аспирантов актуальна отработка русской интонации, дифференциация звуков [p]/[л], [ж]/[з], для шри-ланкийцев – дифференциация мягких и твердых согласных, освоение русской ритмики слова и редукции гласных.

Важной составляющей коммуникативно-деятельностного компонента является формирование у аспирантов навыков самопрезентации и установления научных контактов на русском языке. Этому способствуют такие формы работы, как моделирование ситуаций знакомства на конференции, публичного представления своего исследовательского проекта, запроса необходимой информации у коллег.

4. Интерактивно-проектировочный компонент. Интерактивно-проектировочный компонент предполагает вовлечение аспирантов в реальную научно-исследовательскую деятельность на русском языке. В рамках данного компонента осуществляется переход от учебной к аутентичной научной коммуникации, что позволяет закрепить и актуализировать полученные знания и навыки. Ключевой формой работы здесь является проектная деятельность, в ходе которой аспиранты из Китая и Шри-Ланки в сотрудничестве с российскими коллегами решают исследовательские задачи. Для этого формируются смешанные исследовательские группы, разрабатывающие и реализующие научные проекты в соответствии с направлениями подготовки аспирантов. Участие в таких проектах создает возможность преодолеть коммуникативные барьеры, связанные с неготовностью к самостоятельному формулированию проблем и выдвижению гипотез. Взаимодействие с российскими коллегами в неформальной обстановке позволяет аспирантам освоить принятые в российской научной среде модели поведения, включая выражение своей точки зрения, конструктивную критику и участие в дискуссиях. Кроме этого, проектная работа помогает соотнести абстрактные теоретические построения с конкретными исследовательскими задачами. Важным элементом интерактивно-проектировочного компонента является также подготовка и проведение научных мероприятий – круглых столов, семинаров, студенческих конференций, где аспиранты выступают не только в роли участников, но и организаторов. Это позволяет им освоить различные коммуникативные роли и связанные с ними речевые стратегии:

модератора дискуссии, докладчика, оппонента, рецензента.

Методы и приемы реализации модели

Реализация предложенной модели предполагала использование комплекса методов и приемов: методы моделирования и имитации с постепенным переходом к самостоятельному продуцированию текстов; визуализация структуры научного текста, использование схем и алгоритмов построения различных жанров, эвристические методы, проблемное обучение, анализ кейсов. Важным методическим принципом реализации модели является контекстное обучение, при котором освоение языка научной коммуникации происходит в процессе решения актуальных для аспирантов исследовательских задач. Это повышает мотивацию и обеспечивает практическую направленность обучения.

Были разработаны критерии оценки эффективности данной модели:

1) лингвистическая корректность научных текстов, продуцируемых аспирантами (соответствие лексическим, грамматическим и стилистическим нормам русского научного дискурса);

2) прагматическая адекватность коммуникативного поведения (соответствие речевых действий аспирантов ситуации научного общения, эффективность решения коммуникативных задач);

3) культурологическая компетентность (понимание и учет культурно-обусловленных особенностей российской научной традиции);

4) интеграция в научное сообщество (участие в научных мероприятиях, публикационная активность, установление профессиональных контактов с российскими учеными).

На основе данной модели были разработаны учебная программа, а также комплекс учебно-методических материалов.

Третий, экспериментально-формирующий этап представлял собой комплексную реализацию разработанной модели формирования навыков научной коммуникации у иностранных аспирантов из Китая и Шри-Ланки. Программа «Русский язык в научной среде: программа профессиональной адаптации» была интегрирована в учебный процесс и включала следующие части:

1) регулярные аудиторные занятия (288 академических часа, из них 144 часа контактной работы) проводились дважды в неделю по 2 академических часа в форме практических занятий. Программа занятий была структурирована по описанным выше 4 компонентам:

Модуль 1. Лингвокультурологический компонент (72 часа: 36 ауд., 36 сам.)

Модуль 2. Лингвопрагматический компонент (72 часа: 36 ауд., 36 сам.)

Модуль 3. Коммуникативно-деятельностный компонент (72 часа: 36 ауд., 36 сам.)

Модуль 4. Интерактивно-проектировочный компонент (72 часа: 36 ауд., 36 сам.);

2) научно-практические семинары (6 семинаров) проводились ежемесячно с участием преподавателей

кафедр и научных лабораторий университета по таким темам как «Структура и логика диссертационного исследования», «Методологическая культура исследователя», «Работа с научными источниками и базами данных», «Апробация результатов исследования», «Подготовка научной публикации: от замысла до реализации», «Научный дискурс: культура устного выступления»;

3) тренинги по подготовке научных публикаций (всего 4 тренинга по 4 часа) были организованы в малых группах (5–7 человек) с учетом направления подготовки аспирантов. В ходе тренингов участники последовательно прорабатывали этапы создания научной статьи: от формулировки темы до технического оформления, осуществляли взаимное рецензирование работ, корректировали тексты в соответствии с требованиями научных изданий;

4) имитационно-деловые игры проводились в форме моделирования реальных ситуаций научной коммуникации:

– игра «Научная конференция» (октябрь 2024 г.) – воспроизведение полного цикла участия в конференции: подготовка заявки, тезисов, доклада, презентации, выступление, ответы на вопросы, участие в дискуссии,

– игра «Защита диссертации» (март 2025 г.) – моделирование процедуры защиты с распределением ролей (соискатель, научный руководитель, оппоненты, члены совета), подготовкой автореферата, выступления, ответов на вопросы;

5) Индивидуальные и групповые консультации по написанию научных работ проводились еженедельно (всего 96 часов консультаций). Каждый аспирант получил не менее 3 индивидуальных консультаций, на которых анализировались подготовленные им научные тексты, выявлялись типичные ошибки, предлагались стратегии совершенствования текста.

Заключительный (аналитико-обобщающий) этап исследования, проведенный в период с апреля по сентябрь 2025 г., был направлен на комплексную оценку эффективности разработанной педагогической модели подготовки научных кадров из числа иностранных граждан, а также на обобщение и систематизацию полученных результатов.

На данном этапе было проведено многоаспектное итоговое тестирование иностранных аспирантов, структурно и содержательно соотносимое с диагностическим тестированием на начальном этапе исследования. Итоговая диагностика включала те же шесть тематических блоков: «Лексико-грамматический компонент научного стиля», «Понимание письменных научных текстов», «Восприятие устной научной речи», «Продуцирование письменных научных текстов», «Навыки устной научной коммуникации», «Культурно-специфические аспекты научной коммуникации». Дополнительно в итоговую диагностику были включены задания творческого характера, направленные на выявление способности аспирантов к самостоятельному продуцированию научных текстов различных жанров и участию в спонтанной научной дискуссии.

Оценка результатов итогового тестирования осуществлялась на основе критериев лингвистической

корректности (терминологическая точность, корректное использование синтаксических конструкций научного стиля, соблюдение норм научного стиля, орфографическая и пунктуационная грамотность), прагматической адекватности коммуникативного поведения (соответствие речевых действий ситуации научного общения, эффективность решения коммуникативных задач, уместность использования речевых формул и клише научного дискурса, способность к адаптации коммуникативных стратегий в зависимости от контекста), прагматическая адекватность коммуникативного поведения (соответствие речевых действий ситуации научного общения, эффективность решения коммуникативных задач, уместность использования речевых формул и клише научного дискурса, способность к адаптации коммуникативных стратегий в зависимости от контекста), культурологическая компетентность (понимание и учет культурно-обусловленных особенностей российской научной традиции, адекватная интерпретация имплицитной информации в научных текстах, соблюдение этических норм научной коммуникации, осведомленность о ценностных ориентирах российской научной школы).

Итоговое тестирование продемонстрировало значительный прогресс в освоении научного стиля речи и академической коммуникации у большинства участников эксперимента. 76% обучающихся достигли уровня B2-C1 в области академической коммуникации, что свидетельствует о высокой эффективности разработанной модели (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительные результаты диагностики уровня языковой подготовки иностранных аспирантов (начальное и итоговое тестирование), %

Блоки диагностики	Начальный показатель	Итоговый показатель	Прирост
Лексико-грамматический компонент научного стиля	63	82	+19
Понимание письменных научных текстов	59	81	+22
Восприятие устной научной речи	48	74	+26
Продуцирование письменных научных текстов	52	79	+27
Навыки устной научной коммуникации	54	77	+23
Культурно-специфические аспекты научной коммуникации	56	80	+24

Наибольший прогресс был достигнут в продуцировании письменных научных текстов (+27%) и восприятии устной научной речи (+26%), что коррелирует с приоритетными задачами разработанной модели.

Сравнительный анализ по национальным группам показал существенные различия в адаптации и прогрессе иностранных аспирантов. Обучающиеся из Китая (26 человек) продемонстрировали наибольшие успехи в лексико-грамматическом компоненте (85%) и продуцировании письменных научных текстов (83%). Значительный прогресс был достигнут в сферах восприятия устной речи (с 47 до 75%, прирост +28%) и участия в научной дискуссии (с 41 до 73%, прирост

+32%). Однако для китайских обучающихся остаются актуальными трудности спонтанного реагирования на критические замечания (65%) и формулирования собственной научной позиции (68%). Обучающиеся из Шри-Ланки (21 человек), в свою очередь, проявили себя в устной научной коммуникации (83%) и освоении культурно-специфических аспектов (85%). Они достигли значительного прогресса в продуцировании письменных научных текстов (с 50 до 78%, прирост +28%) и понимании научных текстов (с 51 до 76%, прирост +25%). При этом для шриланкийских обучающихся сохраняются трудности в области терминологической точности (69%) и использования метатекстовых средств (71%).

Помимо количественных показателей тестирования, эффективность разработанной модели подтверждается рядом практических результатов. Публикационная активность участников эксперимента демонстрирует значительный прогресс: 74% обучающихся выступили соавторами как минимум одной публикации, 26% – опубликовали самостоятельные научные статьи на русском языке.

В сфере научной коммуникации также наблюдаются положительные тенденции. Все обучающиеся (100%) приняли участие во внутривузовских научных конференциях, 68% из них выступили с докладами на всероссийских конференциях, а 34% – представили свои исследования на международных научных мероприятиях.

Научно-исследовательская деятельность получила существенное развитие благодаря реализации 8 коллективных научно-исследовательских проектов с участием иностранных граждан. При этом 15 обучающихся (32%) были включены в состав научно-исследовательских лабораторий университета.

Качественный анализ научно-коммуникативных стратегий иностранных обучающихся до и после реализации модели выявил ряд значимых изменений. В области преодоления этнокультурных барьеров научной коммуникации у китайских обучающихся отмечается существенный прогресс – переход от не критического воспроизведения научных положений к более самостоятельному и критическому осмыслению материала. У шриланкийских обучающихся наблюдается повышение точности терминологического аппарата и усиление логической структурированности научных текстов.

Трансформация коммуникативного поведения проявилась в снижении уровня коммуникативной тревожности при участии в научных дискуссиях. Обучающиеся развили способность к аргументированному выражению собственной научной позиции и освоили этические нормы научной полемики, принятые в российской академической среде.

Особое внимание заслуживает развитие метакогнитивных стратегий, выразившееся в формировании рефлексивной позиции по отношению к собственным научным текстам. У обучающихся развилась способность к самостоятельному выявлению и исправлению типичных ошибок, а также умение адаптировать научные тексты к требованиям различных жанров.

Результаты исследования показали, что в процессе лингвокультурологической адаптации иностранные обучающиеся в значительной мере продвинулись в освоении имплицитных культурных кодов российской научной традиции и, по-видимому, в той или иной степени приобрели понимание ценностных ориентиров и эпистемологических установок, характерных для российского научного дискурса. При этом степень и глубина такого освоения варьировались среди участников исследования и требуют дальнейшего изучения.

На основании комплексного анализа результатов исследования представляется возможным сформулировать ряд предварительных выводов относительно эффективности разработанной модели. Полученные данные свидетельствуют о том, что предложенная модель способствует системному формированию компетенций в области научной коммуникации, благодаря наличию в ее структуре четырех компонентов (лингвокультурологический, лингвопрагматический, коммуникативно-деятельностный и интерактивно-проектный). Согласно полученным данным, наблюдается некоторый прогресс во всех аспектах научной коммуникации, причем наиболее заметные положительные изменения, как представляется, происходят в изначально проблемных областях (восприятие устной научной речи, продуцирование письменных научных текстов).

Имеются основания полагать, что дифференцированный подход к обучающимся из разных стран (Китай, Шри-Ланка) может способствовать учету национально-культурной специфики научных традиций и помогает преодолеть типичные для данных групп трудности. Сочетание теоретической подготовки с практической научно-исследовательской деятельностью оказывает положительное влияние на формирование навыков научной коммуникации и их перенос в реальные ситуации академического общения.

Определенные показатели интеграции в научное сообщество, такие как публикационная активность и участие в научных мероприятиях, могут рассматриваться как косвенное подтверждение практической эф-

фективности модели, хотя для более категоричных выводов требуются дополнительные исследования и более продолжительное наблюдение за участниками программы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет с определенной долей уверенности говорить о перспективности разработанной педагогической модели подготовки научных кадров из Шри-Ланки и Китая в условиях российской научной школы. Комплексная имплементация принципов когнитивно-коммуникативной адаптации и интеграции в научный дискурс способствовала преодолению ряда существенных барьеров, затрудняющих полноценное включение иностранных обучающихся в российскую академическую среду.

Анализ результатов итогового тестирования и практических достижений участников эксперимента дает основания предполагать формирование у них определенного уровня компетенции в области научной коммуникации на русском языке, интегрирующей лингвистические, культурологические и прагматические компоненты. Особого внимания заслуживает наблюдаемая тенденция к развитию у аспирантов метакогнитивных стратегий, потенциально способствующих более осознанному конструированию индивидуальной траектории интеграции в научное сообщество и совершенствованию навыков научной коммуникации.

С учетом полученных результатов представляется возможным рассматривать предложенную педагогическую модель как один из инструментов подготовки зарубежных научных кадров, который при определенных условиях может содействовать укреплению позиций российской высшей школы в международном научно-образовательном пространстве. Для верификации данного предположения целесообразно проведение дальнейших лонгитюдных исследований с расширением выборки и дифференциацией методических подходов в зависимости от национально-культурной специфики обучающихся.

Список источников

1. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
2. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Исследования по русской и компаративной семантике. М. : Издательский Дом ЯСК, 2021. 552 с.
3. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М. : Наука, 1988. С. 23–28.
4. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М. : Языки славянских культур, 2006. 910 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. XV, 895 с.
6. Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 412 с.
7. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград : Парадигма, 2010. 421 с.
8. Красных В.В. Психологическая структура значения и проблемы понимания текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 4. С. 1306–1320.
9. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М. : Русский язык, 1989. 276 с.
10. Вербицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1999. 75 с.
11. Зимняя И.А., Мазаева И.А., Лаптева М.Д. Коммуникативная компетентность, речевая деятельность, вербальное общение. М. : Аспект Пресс, 2020. 400 с.
12. Байденко В.И. Компетенции в профессиональном образовании (к освоению компетентностного подхода) // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 3–13.
13. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М. : Изд-во Росс. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
14. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике : учебник. СПб. : СПбГУ ; Нестор-История, 2016. 182 с.
15. Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2004. 208 с.
16. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

17. Оболкина С.В. Становление научного дискурса // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 2. С. 35–52.
18. Юревич А.В. Социально-психологические особенности российского научного мышления // Философия науки. 2003. Т. 9, № 1. С. 287–308.

References

1. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. 544 s.
2. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Issledovaniya po russkoy i komparativnoy semantike. M. : Izdatel'skiy Dom YASK, 2021. 552 s.
3. Teliya V.N. Metaforizatsiya i yeye rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira. M. : Nauka, 1988. S. 23–28.
4. Apresyan YU.D. Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006. 910 s.
5. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M. : Yazyki russkoy kul'tury, 1998. XV, 895 s.
6. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznaniye. M. : Russkiye slovari, 1996. 412 s.
7. Karasik V.I. Yazykovaya kristallizatsiya smysla. Volgograd : Paradigma, 2010. 421 s.
8. Krasnykh V.V. Psikhologicheskaya struktura znacheniya i problemy ponimaniya teksta // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2023. T. 14, № 4. S. 1306–1320.
9. Passov YE.I. Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu. M. : Russkiy yazyk, 1989. 276 s.
10. Verbitskiy A.A. Novaya obrazovatel'naya paradigma i kontekstnoye obucheniye. M. : Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 1999. 75 s.
11. Zimnyaya I.A., Mazayeva I.A., Lapteva M.D. Kommunikativnaya kompetentnost', rechevaya deyatel'nost', verbal'noye obshcheniye. M. : Aspekt Press, 2020. 400 s.
12. Baydenko V.I. Kompetentsii v professional'nom obrazovanii (k osvoyeniyu kompetentnostnogo podkhoda) // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2004. № 11. S. 3–13.
13. Vorob'yev V.V. Lingvokul'turologiya: teoriya i metody. M. : Izd-vo Ross. un-ta druzhby narodov, 1997. 331 s.
14. Zinov'yeva YE.I. Lingvokul'turologiya: ot teorii k praktike : uchebnyk. SPb. : SPBGU ; Nestor-Istoriya, 2016. 182 s.
15. Maslova V.A. Lingvokul'turologiya : ucheb. posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. M. : Akademiya, 2004. 208 s.
16. Shmelev A.D. Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'. M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 496 s.
17. Obolkina S.V. Stanovleniye nauchnogo diskursa // Diskurs-Pi. 2022. T. 19, № 2. S. 35–52.
18. Yurevich A.V. Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti rossiyskogo nauchnogo myshleniya // Filosofiya nauki. 2003. T. 9, № 1. S. 287–308.

Информация об авторах:

Кириллов А.А. – руководитель Центра изучения культур и языков стран Азии, начальник управления научной и инновационной работы Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (Чебоксары, Россия). E-mail: kirillov@chuvgpu.ru

Фахрутдинова А.В. – д-р пед. наук, зав. кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: avfach@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.A. Kirillov, Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary, Russia). E-mail: kirillov@chuvgpu.ru

A.V. Fakhrutdinova, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Russia). E-mail: avfach@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.11.2025;
одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 26.11.2025;
approved after reviewing 08.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 378.147
doi: 10.17223/15617793/521/22

Дискуссионные методы в образовательном процессе: осознание обучающимися их роли и личностного смысла (по данным анкетного опроса белорусских студентов педагогических специальностей)

Ирина Владимировна Таяновская¹, Алина Владимировна Шлег²

¹ Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь, tayanov-i@yandex.by

² Барановичский государственный университет, Барановичи, Беларусь, shlegalina@gmail.com

Аннотация. Обобщенно представлен анализ результатов анкетирования современных белорусских студентов педагогических специальностей о перспективности использования дискуссионных методов обучения. Выявлены тенденции к осознанию влияния дискуссионных методов на уровень познавательно-практической подготовки обучающихся, активизацию учебного процесса и усиление эмоциональной вовлеченности студентов. Отмечены проблемные аспекты организации дискуссионного обучения, выделяемые опрошенными в качестве приоритетных. Научная значимость результатов исследования состоит в многоаспектном, комплексном анализе отражения специфики дискуссионных образовательных методов в рефлексивном опыте педагогически ориентированного контингента обучающихся; практическая значимость – в перспективности учета полученных материалов при преподавании университетских курсов педагогики, частных методик, риторики, культуры педагогического общения, риторики профессионального диалога.

Ключевые слова: дискуссионные методы обучения, высшее образование, инновационное обучение, личностная ориентация образования, компетентностный подход к обучению, активные методы обучения, активизация учебной деятельности, анкетный опрос, эмоциональная вовлеченность, личностный смысл

Для цитирования: Таяновская И.В., Шлег А.В. Дискуссионные методы в образовательном процессе: осознание обучающимися их роли и личностного смысла (по данным анкетного опроса белорусских студентов педагогических специальностей) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 212–221. doi: 10.17223/15617793/521/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/22

Discussion-based methods in educational process: students' awareness of their role and personal meaning (according to the questionnaire survey of Belarusian students of pedagogical specialties)

Iryna V. Tayanovskaya¹, Alina V. Shleg²

¹ Belarusian State University, Minsk, Belarus, tayanov-i@yandex.by

² Baranovich State University, Baranovich, Belarus, shlegalina@gmail.com

Abstract. The article presents an empirically substantiated scientific description of the peculiarities of understanding of modern Belarusian students' understanding of promising and problematic aspects of the use of discussion-based educational methods. The relevance of the research is due to the significance of studying the characteristics of the attitude of students of higher education institutions to the use of discussion-based educational methods that promote the development of communicative and social-role competencies of students, personality-oriented organization of learning. The aim of the study was to obtain and systematize: 1) evaluative judgments of modern Belarusian students about the productivity and justification of the use of discussion-based educational methods; 2) information about the personal meaning given by students to the conduct of educational work using discussion-based methods. The main methods of this research were thematic online questionnaire, quantitative processing and graphical schematization of the obtained results, elements of content analysis with the identification of the characteristic semantic components of the answers presented. 100 students of the pedagogical specialties the Belarusian regional educational institution "Baranovich State University" took part in the survey. 72% of respondents unequivocally recognize the positive impact of discussion-based methods on the level of cognitive and practical training in academic disciplines and on the emotional involvement of students in the process of academic work; the multifaceted personal meaning of using the discussion methods in educational activities was revealed. However, the respondents (18% of the sample) also pointed out the main, in their opinion, problematic aspects of the organization of discussion-based learning. They may be associated, in particular, with the need for increased expenditure of teaching time, the desirability of additional training of teachers and students, the establishment of favorable emotional and personal relationships with students, the activation of participants with a high level of introversion and the prevention of a chaotic or rigidly regulated discussion, as well as substitution of the topic of discussion; prevention of an excessively subjective and emotional attitude to the issues under

discussion, which may prevail over its objective and rational-logical understanding, conflict speech behavior, the importance of the gradually progressive development of communicative skills of discussion participants. The scientific novelty of the research results lies in the complex, multidimensional reflection of the originality of the group of discussion-based educational methods in the reflective experience of a pedagogically oriented student audience; the practical significance is determined by the prospects of taking into account the received materials when teaching university courses in pedagogy, rhetoric, and the culture of pedagogical communication. The results of the study can be taken into account when developing recommendations for the introduction of discussion-based methods of teaching in both contact and distance or mixed (hybrid) format of students' educational training.

Keywords: discussion-based teaching methods, higher education, innovative learning, personal orientation of education, competence-based approach to learning, active (interactive) learning methods, activation of learning activity, questionnaire survey, emotional involvement, personal meaning

For citation: Tayanovskaya, I.V. & Shleg, A.V. (2025) Discussion-based methods in educational process: students' awareness of their role and personal meaning (according to the questionnaire survey of Belarusian students of pedagogical specialties). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 212–221. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/22

Введение

Дискуссионные методы реализации образовательного процесса, обеспечивающие активный характер получения образования, играют важную обучающую роль (способствуют субъективно-личностному, глубокому, многоплановому, прочному и устойчивому осмыслению учебных знаний, освоению продуктивных моделей рассуждения и способов деятельности), выполняют комплекс развивающих и воспитательных функций. Среди них — совершенствование гибкости, диалектичности, мультизадачности осуществления интеллектуально-логических операций, концентрации и распределенности внимания, объема и надежности когнитивно-речевой памяти, эмоциональной стрессоустойчивости и волевой регуляции в проблемных и нестандартных ситуациях состязательного обмена мнениями; воспитание, с одной стороны, личностной самостоятельности и инициативности, с другой — умений командного, коллективного сотрудничества.

Обращаясь к этимологии ключевого для выполняемой научной работы понятия, возможно подчеркнуть, что первоначальная семантика слова «discussion» в переводе с латинского языка — это исследование или разбор. Иначе говоря, это коллективное обсуждение конкретной проблемы, вопроса или сопоставление разных позиций, информации, идей, мнений, предположений и предложений [1. С. 59].

Дискуссия может проводиться как самостоятельное научное или методическое мероприятие либо являться необходимым элементом других методов активного обучения [1. С. 59].

По мнению, высказываемому в педагогических источниках [2. С. 59], методы данной группы предполагают непрерывный обмен деятельностью между участниками образовательного процесса, когда специально организованная деятельность педагога вовлекает обучающихся в соответствующую деятельность, и наоборот. Ведущей особенностью данных методов также является комбинирование в ходе образовательного процесса тех или иных методов индивидуальной, групповой, фронтальной работы.

Согласно определяющим, ключевым положениям Концепции развития системы образования Республики Беларусь на период до 2030 г., прогрессирующую роль

в совершенствовании учебно-воспитательного процесса на его различных уровнях играют ориентация на личность обучающегося, разработка и внедрение инноваций в области преподавания и обучения, а также реализация компетентного подхода к преподаванию, что коррелирует с общими тенденциями развития образования в Российской Федерации. «В образовании, ориентированном на личность, строго регламентированные контролируемые способы организации педагогического процесса заменяются творческими, развивающими, активизирующими личность способами, а позиции педагога и обучающегося преобразуются в личностно-равноправные, в позиции сотрудничества» [3. С. 2]. В контексте воплощения данных подходов закономерным является интерес к теории и опыту дискуссионного обучения.

В ходе обучения с опорой на дискуссионные методы повышается уровень сформированности широкого спектра универсальных компетенций будущего выпускника — способности 1) к анализу социально и личностно значимых явлений, процессов, событий; 2) к продуктивному использованию различных источников информации, критической оценке явлений, к восприимчивости, осмыслению и обобщению ценностно-мировоззренческих проблем; 3) к ведению коммуникации для решения задач внутриколлективного и межличностного взаимодействия; 4) к логическому, убедительному построению рассуждения, его непротиворечивому, последовательному изложению и др. Очерченный состав формируемых компетенций отражает, в частности, структура типизированного макета образовательного стандарта высшего образования I ступени в Республике Беларусь [4. С. 8].

Важно подчеркнуть, что в системе российской высшей школы личностно центрированное и компетентностно направленное образование также рассматриваются как значимые стратегические подходы к профессиональному становлению специалистов, что предполагает перспективность участия студентов в реализуемом учебно-дискуссионном обсуждении [5. С. 8; 6. С. 35; 7. С. 67 и др.]. Действительно, в ходе дискуссионного общения совершенствуются и востребуются продуктивная комбинация когнитивных и социальных умений обучающихся, ресурсы проблемно-ориентированного, критического и системно-целостного мышле-

ния; личностные механизмы эффективного самоуправления и самомотивации, готовность работать в команде, добиваться как продвижения своей позиции, так и достижения консенсуса, внутригрупповой и межгрупповой кооперации; демонстрировать социально ответственное поведение, реализовывать так называемые кросс-контекстные навыки, применимые в различных сферах общественной и индивидуальной жизни человека. Обращается внимание на профилактику недобросовестных, конфликтных, неравноправных форм социального взаимодействия, в особенности актуальную при построении речевых взаимоотношений в офлайн-формате в молодежной среде, для которой ныне оказывается привычной значительная доля и роль сетевого, а не только контактного, общения. Формирование умений профессионального и межличностного интеллектуально-коммуникативного взаимодействия, достигаемое с применением дискуссионных методов обучения, содействует расширению возможностей последующего непрерывного саморазвития и повышению деловой конкурентоспособности будущих выпускников.

В этой связи актуальными остаются исследования, посвященные особенностям реализации дискуссионных методов обучения в учебном процессе учреждений высшего образования как России, так и Беларуси.

В работах известного белорусского ученого-педагога, профессора А.Д. Короля раскрывается эвристический потенциал использования дискуссионных методов обучения, построенного по модели обратного эвристического диалога, то есть основанного на проявлении образовательной инициативы (поощрении вопрошания) самих обучающихся. При этом полученный в ходе дискуссионного обучения, в том числе в его дистанционном формате, коллективный образовательный продукт обогащается различными когнитивными, аффективными и рефлексивными составляющими [8. С. 152–153].

Ряд проведенных в предыдущие десятилетия аспектных научно-педагогических изысканий посвящен вопросам повышения эффективности подготовки различных учебных контингентов на основе применения дискуссионных методов обучения (так, в работе С.Г. Коростелевой рассматриваются проблемы повышения эффективности подготовки будущих педагогов в контексте реализации дискуссионного обучения [9]; в работе Ю.А. Гайдунко – совершенствование подготовки курсантов военных учреждений образования с помощью дискуссионных и игровых методов [10] и т.д.).

В русле частных методик проблематика привлечения дискуссионных методов и приемов весьма активно разрабатывается применительно к преподаванию иностранных языков, что неразрывно связано с особой важностью совершенствования коммуникативной компетенции личности средствами подобных учебных дисциплин, преодолением в ходе дискуссионного общения языкового барьера и коммуникативных барьеров, сопутствующим становлением готовности к профессиональному взаимодействию – интерактивных умений обучающихся.

Показательными примерами такого рода могут служить исследования Л.В. Абдрахмановой [11], В.К. Иванова [12], С.А. Милорадова [13], А.В. Щеколдиной [14] и др. К примеру, в работе С.А. Милорадова обосновывается интенсивный характер активизации возможностей личности и коллектива в рамках дискуссионного обучения иностранному языку.

Отдельные научно-исследовательские и научно-методические работы сосредотачивали фокус внимания на развитии групповых и личностных качеств обучающихся в процессе использования дискуссионных форм общения (в частности, в центре исследовательских интересов Е.В. Курапиной находятся аспекты развития социальной активности молодежи путем применения интерактивных, в том числе дискуссионных, форм организации культурно-досуговой деятельности [15]; О.В. Холодязевой – становления в ходе дискуссионной коммуникации такого значимого личностного качества студентов, как инициативность [16]).

Вместе с тем, не в полной мере изученной представляется специфика отношения самих учащихся высшей школы к использованию дискуссионного обучения, индивидуализированного осмысления ими перспективных и проблемных аспектов внедрения дискуссионных образовательных методов.

Исходя из отмеченного, **целью** выполненного нами исследования являлись получение и систематизация 1) данных рефлексии современных белорусских студентов об оправданности и продуктивности применения дискуссионных методов обучения, а также 2) оценочных материалов о личностном смысле, придаваемом субъектами учения проведению обучающей работы дискуссионного характера.

Научная новизна характеризуемого в статье исследования состоит в эмпирически обоснованном анализе сведений, касающихся опыта применения дискуссионных методов обучения среди анкетированных с педагогической направленностью подготовки, для которых собственная рефлексия в связи с перспективами использования данных методов в предстоящей профессиональной деятельности имеет особое значение; в комплексном, многоаспектном отражении специфики понимания особенностей дискуссионных образовательных методов педагогически ориентированным контингентом обучающихся; в диалектичном осмыслении своеобразия дискуссионных методов обучения с точки зрения не только их положительных сторон, но и проблемных моментов (своего рода «факторов риска») на пути их внедрения. Диагностическое анкетирование позволило получить более полное представление об отражении в индивидуальном сознании обучающихся функциональных резервов дискуссионного обсуждения, применяемого в образовательном контексте, – в частности, познавательных, концептуальных, индивидуализирующих обучение, гармонизирующих внутригрупповые взаимоотношения, мотивирующих, оценочно-критических, методико-вариативных и технологических, проблематизирующих, аргументативных, синергетических, интенсифицирующих, трансформационно-стилистических целевых ресурсов.

Практическая значимость результатов исследования заключается в не только диагностической, но и в дидактической востребованности полученной информации; возможностях усиления взаимосвязей между содержанием обучения в средней и высшей школе (поскольку жанр дискуссии в Республике Беларусь изучается на уроках русского языка на III-й ступени общего среднего образования, в 10 классе), в процессе формирования первоначальных представлений об этически корректном, конструктивном ведении обсуждения в интересах совместного поиска истины, непротиворечивости, точности и непредвзятости суждений, единстве логической и эмоционально-психологической аргументации; актуализации материалов проведенной исследовательской работы при преподавании университетских курсов педагогики и риторики, а также частных методик, культуры педагогического общения и риторики профессионального диалога.

Материалы исследования, что подтверждается данными анализа действующих в Беларуси типовых и университетских учебных программ, могут рассматриваться и использоваться:

- в предметно-содержательном составе базового курса педагогики – при знакомстве с технологиями эффективного управления процессом обучения и диалоговой системой его организации, а также при анализе проблем активности личности в собственном развитии как субъекта образования;

- в ходе изучения частных методик – в ходе ознакомления с коммуникативными стратегиями инновационного обучения преподаваемым дисциплинам, обеспечения мотивации в обучении, поддержания внимания и интереса к изучаемому предмету;

- в контексте курса риторики – при обучении диалогической и полилогической речи в разделе «Частная (специальная) риторика», при освоении особенностей применения форм состязательного обмена мнениями, ведения дискуссионно-диалогического обсуждения;

- в рамках курса культуры педагогического общения – при освоении особенностей мастерства коммуникативного сотрудничества в диалогическом общении и расширения возможностей взаимопонимания (в том числе отработке речевого «вы»-подхода, в противовес «я»-центрированному подходу), тренировке в вариативном формулировании вопросительных высказываний, их освещении и парировании (отражении, уклонении от нежелательных вопросов);

- в структуре курса риторики профессионального диалога – при рассмотрении принципов конвенционального общения, закономерностей выбора коммуникативной позиции, организационных аспектов приобретения устойчивого, позитивного коммуникативного опыта, учете индивидуальных особенностей дискутирующих субъектов коммуникации, определении критериев и показателей успешности для подготовки и проведения дискуссии и др.

Методы и организация исследования

В основу получения интерпретируемых далее эмпирических результатов был положен социолого-педагогический исследовательский метод письменного

опроса – тематического анкетирования, данные которого рассматривались с привлечением методов количественной обработки, графической схематизации в виде серии круговых диаграмм и элементов контент-анализа. Нами был выбран такой вид анкетирования по способу предъявления вопросов, как онлайн-анкетирование, основанное на размещении вопросов анкеты в электронном виде и предоставлении респондентам удаленного к ней доступа. Такой способ имеет ряд своих отличительных достоинств:

- отсутствие ограничений на количество привлекаемых респондентов;

- оверменные электронные инструменты (возможности) создания вопросов, отчетливо выраженная логика их представления, удобное оформление (интерфейс);

- удобные способы рассылки на участие в анкетировании;

- независимость от местонахождения респондента;

- минимальные материальные затраты;

- отсутствие возможного психологического дискомфорта от непосредственного контакта с инициатором проведения опроса;

- быстрая, четкая и точная обработка результатов [17. С. 109; 18. С. 32].

Для уточненного и углубленного определения актуальности и потребности обучающихся в использовании во время учебных занятий дискуссионных методов обучения был выбран и реализован процесс опроса обучающихся с помощью сервиса «Google Forms», являющегося распространенным конструктором опросов, с возможностью отслеживания результатов осмысления выделенных структурно-содержательных компонентов материала.

В проведенном опросе была задействована сформированная выборочная совокупность участников – 100 студентов педагогических специальностей высшей профессиональной подготовки одного из региональных белорусских университетов (учреждения образования «Барановичский государственный университет»). Использованный опросник, аналоговый применявшемуся в исследованиях Т.А. Бадановой с соавторами [19; 20. С. 4–6], включал в себя такие смысловые позиции, как:

1. Насколько эффективным может быть продуманное применение дискуссионных методов обучения?

2. Какая, на ваш взгляд, основная цель использования дискуссионных методов во время обучения?

3. Какие формы организации образовательного процесса с использованием дискуссионных методов вы бы хотели видеть на занятиях?

4. Достаточно ли уделяется времени на занятиях дискуссионным методам обучения?

5. Влияет ли использование дискуссионных методов на повышение уровня вашей подготовки по предмету?

6. Способствуют ли дискуссионные методы обучения высокому эмоциональному вовлечению обучающихся?

7. Способствуют ли дискуссионные методы обучения оптимизации учебного процесса?

8. Считаете ли вы использование дискуссионных методов перспективным направлением в образовательном процессе?

9. Как вы оцениваете готовность студентов к эффективному групповому взаимодействию в процессе обучения с использованием дискуссионных методов?

10. Каково ваше отношение к использованию преподавателем в процессе обучения дискуссионных методов?

Результаты исследования и их обсуждение

Как видим, преобладающая часть вопросов предложенной анкеты носила закрытый характер, требуя, таким образом, от анкетирруемых более четко очерченной и определенной позиции. В 5 случаях постановки вопросов использовались элементы шкалирования ответов по методике видного социолога Р. Лайкерта («скорее да» и «скорее нет»), способствовавшие принятию во внимание возможной диалектичности имеющихся оценок. В то же время заключительный вопрос характеризовался открытой его постановкой, позволяя более

полно отразить существующий диапазон оценок и мнений, эмоционально-личностные акценты в отношении выдвинутого для применения опросной методики исследования проблемного поля. Благодаря незакрытому формату финального вопроса в анкете, удалось достичь многогранности в оценке педагогического явления дискуссионного общения, зафиксировать своего рода «спор о споре», что нашло отражение в дальнейших более подробных комментариях и речевых иллюстрациях к ответам на завершающую смысловую позицию опросника.

Обобщенные данные пройденного студентами опроса представлены на сопоставительной диаграмме (рис. 1).

Исходя из результатов, полученных при осмыслении вопроса № 1, можно отметить повышенный интерес к использованию дискуссионных методов обучения: большинство опрошенных положительно оценило эффективность продуманного применения дискуссионных образовательных методов.

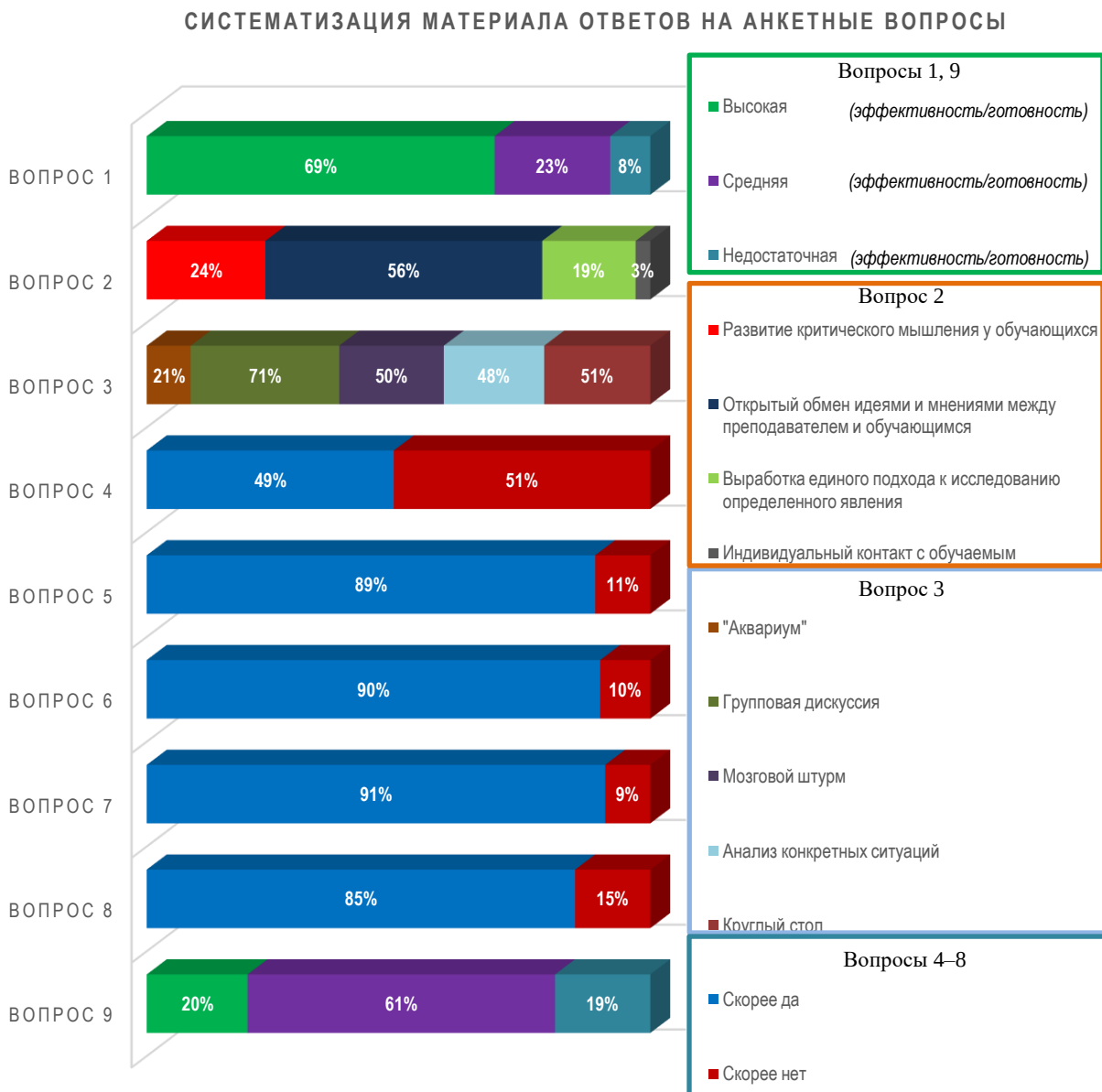

Рис. 1. Обобщение материала ответов, полученных на вопросы диагностического анкетирования

Результаты ответов на вопрос № 2 позволяют выделить преобладающий среди студентов вариант ответа, подчеркивающий значимость открытого обмена идеями и мнениями между преподавателем и обучающимися. Вместе с тем варианты ответа, связанные с работой единого, коллегиального, партнерского подхода к изучению определенных явлений и развитием критического мышления обучающихся, также признаются заслуживающими внимания.

Популярность групповой дискуссии, выявленную при анализе ответов на вопрос № 3, возможно аргументировать тем, что это наиболее понятный, близкий и знакомый для учащихся метод. Из полученных ответов студентов выявляется следующее: практически все методы из предложенного списка имеют не столь большое расхождение степени предпочтительности в ответах, кроме метода «Аквариум». Это можно объяснить тем, что студенты в меньшей мере сталкивались с данным методом и менее отчетливо представляют особенности его использования.

Для выявления степени распространенности реального проведения обучения путем использования дискуссионных методов был введен вопрос № 4. Положительным аспектом является то, что на момент проведения опроса 51 % опрошиваемых утверждает: в практике организации учебных занятий уделяется достаточное время дискуссионным методам обучения. Это дает возможность понять общую осведомленность обучающихся о данных методах и умение распознавать их среди других. Вместе с тем очевидно, что примерно равная часть обучающихся не оспаривает необходимость более расширенного применения на учебных занятиях методов обучения дискуссионной направленности.

Ответы на вопрос № 5 позволяют понять, что обучающиеся в целом согласны с представленным утверждением о повышении уровня подготовки по учебной дисциплине в случае применения дискуссионных образовательных методов. Как видно из диаграммы, 89 % опрошенных считают, что дискуссионные методы обучения положительно влияют на успешность подготовки по учебной дисциплине, то есть респондентами признается познавательная-практическая ценность данных методов.

По результатам ответов на вопрос № 6 возможно подчеркнуть следующее: 90% студентов считают, что дискуссионные методы обучения способствуют высокому эмоциональному вовлечению обучающихся. Таким образом, применение дискуссионных методов в процессе преподавания позволяет дополнительно гармонизировать рационально-логическую и эмоционально-аффективную сторону обучения.

Как видно из диаграммы, преобладающее количество обучающихся отметило, что дискуссионные методы способствуют оптимизации учебного процесса, позитивно оценивают их организационно-деятельностную роль.

Следует обратить внимание на результаты ответов на вопрос № 8. 85% опрошиваемых считают, что применение дискуссионных методов является перспектив-

ным направлением в развитии образования, прогнозируют их значимость и продуктивность в учебном процессе будущего.

Результаты ответа на вопрос № 9 позволяют отметить: большинство обучающихся придерживается мнения, что готовность студентов к эффективному дискуссионному взаимодействию, на текущий момент, находится на среднем уровне. Вместе с тем пятая часть студентов признаёт готовность к продуктивному взаимодействию на основе дискуссионных методов обучения недостаточной. Данные ответа на указанный вопрос дают возможность констатировать несомненную актуальность совершенствования уровня учебно-коммуникативной компетенции обучающихся в дискуссионном общении.

Материал, полученный при ответе на заключительный из анкетных вопросов (№ 10), обрабатывался с привлечением элементов контент-анализа. Возможно выделить следующие наиболее типичные смысловые компоненты ответов в случае выражения однозначно положительного отношения (72% опрошенных) к использованию дискуссионных методов обучения:

1. Проявление и раскрытие личностного своеобразия обучающихся, их индивидуальной картины мира и стиля мышления; богатство представленных субъективных позиций: «У каждого свой собственный мир и свой взгляд на него, и у каждого полученная информация по-разному понимается, что дает очень “разношерстную” палитру мнений и мыслей. После каждой дискуссии обязательно что-то новое узнаешь для себя, а то, что было непонятно, обязательно сложится, как пазл».

2. Активное взаимодействие участников обучения, укрепление и гармонизация их взаимоотношений: «Обсуждение приводит к более тесным отношениям между группой и преподавателем, что устанавливает доброжелательную атмосферу».

3. Более успешное усвоение новых, значимых знаний, формирование личностного, продуманного отношения к учебному материалу: «Я считаю, что использование дискуссионных методов положительно влияет на усвоение материала. С его помощью намного проще усваивается материал»; «Мысли становятся намного обдуманней, не просто “фонтан” непонятной информации».

4. Повышение познавательного интереса обучающихся, увлекательности преподавания: «Я считаю эти методы обучения увлекательными и интересными, благодаря таким методам появляется большая увлеченность предметом»; «Я считаю, что эти методы “подогревают” интерес к предмету».

5. Более разностороннее осознание сущности явлений: «Благодаря данным методам каждое утверждение может быть истолковано по-разному, можно рассмотреть с разных точек зрения, не утверждая, что оно единственное и объективное».

6. Привлечение реального жизненного опыта, аккумуляция возможностей творческой фантазии коммуникантов: отмечается, что участники дискуссионного обсуждения могут «мыслить вширь, проявляя фантазию и свой опыт»; благодаря дискуссионным методам «можно показать связь предмета дискуссии с жизнью».

7. Критическое осмысление поступающей информации: отношение «положительное, так как развитие критического мышления обучающихся позитивно сказывается на их деятельности».

8. Разнообразие организуемой обучающей деятельности: «Я только за! Это разнообразит работу на занятиях»; «Думаю, было бы здорово, если бы преподаватели использовали данные методы на занятиях. Это бы разнообразило учебный процесс».

9. Возможность постановки проблемных вопросов: «Учащиеся лучше “открываются” при использовании проблемных вопросов, и можно увидеть мнение каждого».

10. Формирование коллективного, более объективного и обоснованного мнения: подобные методы «помогают в считанные минуты прийти не только к общему, так еще и при этом обдуманному мнению»; «Слушать различные мнения и приходить к единому решению – это здорово».

11. Развитие личностной самостоятельности и инициативности: «Дискуссия стимулирует учащихся на проявление инициативы».

12. Совершенствование умений аргументации, повышение уровня коммуникативной подготовки обучающихся: «Была бы рада, если бы они присутствовали на каждом занятии. Это дает каждому возможность сформулировать и высказать свою идею, а также доказать ее обоснованность»; «Отлично отношусь к использованию таких методов, так как это поможет студентам “прокачать” умение говорить на публике, отстаивая свою правоту».

13. Укрепление уважительного отношения к иной точке зрения; расширение возможностей конструктивного восприятия критических суждений: «Дискуссия помогает воспринимать критику в свой адрес, а также уважительно относиться к позиции других участников».

14. Высокая степень интенсивности и концентрированности осуществляемой речемыслительной деятельности, повышенная плотность использования учебного времени: «Первый мой “мозговой штурм” прошел... очень быстро; была дана цель и проблемные вопросы, настолько быстрого “потока мыслей” у нас на занятии никогда не было. И вот – прошло буквально 5 минут, и по проблемному вопросу уже собрано столь много разной информации, что это дает стопроцентную гарантию решения».

15. Доступность, понятность представления материала в ходе дискуссии, его близость к особенностям восприятия и языка самих обучающихся: «Данные методы помогают обучающимся обмениваться информацией на доступном и понятном им языке».

Меньшая часть анкетированных (18 %) проявила элементы в определенной степени критичного и скептического, неоднозначного личного отношения к использованию в образовательном процессе дискуссионных методов обучения. Возникшие сомнения обучающихся позволяют наметить в области применения методов обучения дискуссионного характера узловые проблемные аспекты, что имеет особое значение для их нема-

ловажной организационно-дидактической профилактики и нейтрализации. Среди такого рода названных проблемных аспектов организации дискуссионного обмена мнениями в учебных группах представляется существенным отдельно указать следующие:

1. Необходимость специальной подготовленности преподавателя к проведению обучающей работы дискуссионного характера, нередко – особых усилий для поддержания своего интеллектуально-речевого имиджа: «Отношусь положительно, но от преподавателя требуется не только базовое знание темы дискуссии, но иногда и углубленное. У нас был случай, когда одноклассник в ходе дискуссии, так сказать, превзошел самого преподавателя, что хоть и немного, но повлияло на авторитет преподавателя».

2. Возможные увеличенные затраты учебного времени и в связи с этим – особая желательность применения дискуссионных методов обучения на учебных занятиях по профильным предметам (дисциплинам специализации): «Смотря на каких занятиях используются эти методы, если на профильных, тогда это было бы здорово».

3. Наличие в учебных группах выраженных интровертов, студентов с низким уровнем субъективно-личностной коммуникативной активности и заинтересованности: «В целом очень хорошая идея использовать данные методы, вот только не все студенты это оценят. Так как есть много “тихонь”, которые не смогут участвовать в дискуссии».

4. Перспективность дополнительной подготовленности студентов по теме дискуссии и в связи с этим – определенное возрастание уровня их учебной нагрузки: «...Студентам тоже нужно подготовиться к использованию таких методов, элементарно знать тему дискуссии, а это дополнительная нагрузка».

5. Желательность построения предварительных благоприятных эмоционально-личностных отношений с обучающимися: «...Следует подготовить базу для введения таких методов... Нужно прорабатывать “почву” с учащимися в эмоциональном плане, выстраивая, возможно, дружеские отношения, и только потом вводить дискуссии, иначе возможна низкая вовлеченность в данный процесс».

6. Уместность развития у педагогов большей толерантности к иному мнению, готовности понять и принять позицию обучающегося: «Если и планировать дискуссию с учащимися, то надо быть готовым принимать любую точку зрения и понимать, что все люди разные»; «Во время дискуссии преподаватель должен поощрять каждое мнение и идею, но нередко преподаватель критикует мнение некоторых обучающихся, что лично мне кажется недопустимым во время проведения дискуссии».

7. Недостаточная уверенность части студентов в корректности своих мнений, в себе и в своих интеллектуально-речевых силах, в своей возможности представить собственную точку зрения: «...Многие, в том числе и я, не привыкли оглашать свои мысли, считая их правильными не на 100 процентов».

8. Необходимость целенаправленного контроля за ходом дискуссии со стороны преподавателя, возмож-

ность ухода обсуждения в сторону от его непосредственной темы, определенная вероятность непреднамеренной или нарочитой подмены предмета осмысления, неупорядоченности и даже хаотичности в построении интеллектуально-коммуникативной траектории при развитии дискуссионного обсуждения: «Дискуссии в группах/парах без контроля преподавателя могут превращаться в “балаган”, где нет рабочей атмосферы и контроля процесса. Не хочу никого обижать, но иногда в группу/пару для групповой или парной работы дают не очень сознательно мыслящих людей, что “сводит дискуссию на нет”, и без контроля преподавателя они начинают уклоняться в сторону, принципиально игнорируя обсуждаемый вопрос, что “автоматом” убивает в тебе желание дискутировать»; «В ряде случаев дискуссия перестает быть упорядоченной – учащиеся не слушают, перебивают друг друга, повторяют то, что уже было сказано».

9. Целесообразность активизации всех, а не только отдельных, избранных участников образовательного процесса, недопустимость вытеснения и подмены собственного мнения различных представителей учебной группы со стороны доминирующего мнения лидеров влияния: «Часто дискуссия превращается в диалог педагога с отдельными учащимися – педагог задает вопросы, учащиеся отвечают»; «...У данного метода есть проблемный момент. В каждой группе / классе есть лидеры, те, кто выделяется своими личными качествами, и под их мнение могут подстраиваться другие учащиеся. Важно выделить этих лидеров и каким-то образом “отстранять” их от прямого влияния на других, что позволит получить от каждого учащегося индивидуальное мнение, а не то мнение, которое он примет и повторит за лидером...От иерархии никуда не денешься»; «Преподаватель может не всегда принимать во внимание различные мнения обучающихся».

10. Возможное преобладание высказываемого эмоционального отношения к предмету обсуждения над рационально-логическим, объективным (антиномия логико-рационального и субъективно-эмоционального речевого начала), потенциальная опасность конфликтного развития коммуникативной ситуации: «Важно принимать мнение каждого и обсуждать его со всеми, ни в коем случае не проявляя агрессии»; «...Выступления должны быть организованные, если преподаватель не уследит за всеми, то может начаться “перепалка” между обучающимися».

11. Неоправданность встречающейся на практике в ряде случаев подмены естественно развивающейся дискуссии готовым, исходящим от педагога сценарием рассуждений: если преподаватель ограничивает ход дискуссии, не выслушивая участников, «часть ребят пассивно наблюдает или отвлекается».

12. Важность постепенного, поступательного развития умений дискуссионного осмысления темы и построения рассуждения: «Начинать нужно обязательно с чего-то простого, а только потом, после нескольких таких дискуссий, углубляться в темы посложнее».

Иногда отдельно отмечается определенная, субъективно осознаваемая недостаточность применения дис-

куссионных методов преподавания в реальном образовательном процессе, по мнению обучающихся: «...На занятиях пока еще не так много преподавателей используют дискуссионные методы обучения»; «Я бы хотела, чтобы данные методы шире использовались на занятиях. Но, к сожалению, многие некоторые преподаватели упрощают процесс обучения и не используют эти методы».

Наименьшая часть участников анкетного опроса (10 %) проявила нейтральное, менее заинтересованное отношение к поставленной проблеме, что подчеркивает в целом высокий уровень субъективной сопричастности обмену мнениями и вовлеченности в обсуждение, проявленный опрошенным контингентом.

Результаты исследования коррелируют с указаниями ряда современных ученых на важность равноправного, уважительного, эмпатичного ведения обучающего диалога, который в идеале способен сочетать структурированное и одновременно гибкое построение обсуждения [21. Р. 2; 22. Р. 86, 88], а также на активную динамику участия и мотивированности обучающихся, передачи и получения ими обратной связи в ходе дискуссионного общения [23. Р. 162; 24. Р. 32].

Открытый характер завершающего вопроса предложенной анкеты, как отмечалось выше, позволил обеспечить диалектичность оценок педагогического феномена дискуссионного общения, запечатлеть своего рода «дискуссию о дискуссии» и прийти к сформулированным в заключении работы итоговым выводам.

Заключение

Полученные фактографические данные эмпирического характера убедительно свидетельствуют об осознании современными белорусскими обучающимися студентами эффективности дискуссионных методов обучения в образовательном процессе, их позитивного влияния на уровень познавательной-практической подготовки по учебным дисциплинам и эмоциональной вовлеченности обучающихся в ходе учебной работы, перспективной значимости и роли методов преподавания дискуссионного характера. Студентами высоко оцениваются возможности привлечения различных образовательных методов дискуссионной направленности; преобладающим большинством участников анкетного опроса признается внутренне поддерживаемый и многоплановый личностный смысл применения дискуссионных методов обучающей деятельности. Наряду с этим респондентами отмечены проблемные аспекты организации дискуссионного обучения, среди которых – нередкие дополнительные затраты учебного времени, желательность предварительной подготовки педагогов и обучающихся, активизации участников с высоким уровнем интроверсии и социальной тревожности, построения благоприятных эмоционально-личностных отношений со студентами, предотвращение неупорядоченного либо, напротив, излишне жестко регламентированного хода дискуссии, подмены тематики обсуждения, предупреждение возможного преобладания выражаемого субъективного, эмоционального отношения к предмету обсуждения над объективным,

рационально-логическим, опасности немотивированных проявлений речевой конфликтности и агрессии, значимость поступательного совершенствования дискуссионных умений личности. Данные выполненного исследования могут быть учтены при дальнейшей разработке рекомендаций по внедрению дискуссионных

методов обучения. Выявленные продуктивные и проблемные аспекты дискуссионного учебного общения представляются плодотворными для осмысления и учета в рамках как контактного, так и дистанционного и смешанного (гибридного) форматов университетской образовательной подготовки.

Список источников

1. Мухина С.А., Соловьева А.А. Нетрадиционные педагогические технологии в обучении. Ростов н/Д : Феникс, 2004. 384 с.
2. Кашлев С.С. Интерактивные методы обучения. Минск : ТетраСистемс, 2013. 222 с.
3. Концепция развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года. URL: <https://adu.by/images/2021/12/koncep-razv-sist-obrazov.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).
4. Образовательный стандарт высшего образования I ступени. URL: http://edustandart.by/media/k2/attachments/os_1-43-01-03_260918.pdf (дата обращения: 15.08.2023).
5. Абрамова И.В. Личностно ориентированное обучение студентов как условие формирования их профессиональной компетентности // Проблемы современного педагогического образования. 2018. Вып. 59, ч. 2. С. 7–9.
6. Абакумова Н.Н., Истомина Н.Н. Компетентностный подход в учреждениях общего и высшего профессионального образования: реализация и диагностика // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 33–38.
7. Шармин Д.В., Шармин В.Г. Компетентностный подход в высшем образовании России: двадцать лет спустя // Казанский педагогический журнал. 2021. № 3. С. 64–71.
8. Король А.Д. Педагогика диалога: от методологии к методам обучения: моногр. Гродно : ГрГУ им. Я.Купалы, 2015. 195 с.
9. Коростелева С.Г. Дискуссия как активный метод обучения в профессиональной подготовке будущего учителя // Вестн. Костром. гос. ун-та. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. № 2. С. 118–122.
10. Гайдунко Ю.А. Повышение эффективности обучения курсантов военных вузов на основе дискуссионных и игровых методов : дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 169 с.
11. Абдрахманова Л.В. Формирование коммуникативных умений у студентов технического вуза в процессе реализации профессионально-дискуссионной игровой технологии : на примере предметной области «Иностранный язык» : дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2007. 200 с.
12. Иванов В.К. Формирование дискуссионных умений в процессе обучения иностранному языку в условиях гуманитарного вуза : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2004. 162 с.
13. Милорадов С.А. Обучение дискуссионному общению на иностранном языке: Метод активизации возможностей личности и коллектива, обучение английскому языку на продвинутом этапе : дис. ... канд. пед. наук. М., 1999. 124 с.
14. Щеколдина А.В. Развитие дискуссионных умений как компонента интерактивной компетенции у студентов неязыковых вузов : дис. ... канд. пед. наук. Пенза, 2005. 192 с.
15. Курапина Е.В. Формирование социальной активности молодежи средствами интерактивных технологий культурно-досуговой деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2013. 186 с.
16. Холодяева О.В. Развитие инициативности студентов в дискуссионных формах общения : дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2012. 220 с.
17. Долженко Ю.Ю., Позднякова А.С. Онлайн-анкетирование как современный и эффективный способ исследования // Транспортное дело России. 2015. № 1. С. 109–110.
18. Жилина А.А., Кокорина М.В. Онлайн-анкетирование как способ получения данных для написания ВКР // Образование и культура как фактор развития региона : сб. материалов XXVIII Всерос. науч.-практ. конф. «Менделеев. чтения». Киров : Изд-во Межрегион. центра инновац. технологий в образовании, 2020. С. 31–33.
19. Баданова Т.А., Костенко А.В. Влияние внешних факторов организации обучения и готовности студентов к групповому взаимодействию при выборе интерактивных методов обучения математическим дисциплинам в вузе // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т. 7, № 3. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/22PVN315.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).
20. Баданова Т.А., Костенко А.В., Трентаева Т.И. Диагностика эффективности интерактивных методов обучения математическим дисциплинам бакалавров экономики // Интернет-журнал «Науковедение». 2015. Т. 7, № 5. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/46PVN515.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).
21. Van der Veen C., Van Oers B. Advance in research on classroom dialogue: learning outcomes and assessments // Learning and Instruction. 2017. № 48. P. 1–4.
22. Long R. Dynamic Classroom Dialogue: Can Students Be Engaged Beyond Discussion? // Journal of Higher Education Theory and Practice. 2020. Vol. 20. № 3. P. 85–92.
23. Kornfield S., Noack K. Speed-discussion: Engaging students in class discussions // Communication Teacher. 2017. № 31 (3). P. 162–166.
24. Echiverri L.L., Haoyu S., Keer X. Class Discussion and Class Participation: Determination of Their Relationship // Journal of Higher Education Theory and Practice. 2020. Vol. 20, № 11. P. 31–38.

References

1. Mukhina, S.A. & Solovieva, A.A. (2004) *Non-traditional pedagogical technologies in teaching*. Rostov-on-Don: Phoenix.
2. Kashlev, S.S. (2013) *Interactive teaching methods*. Minsk: TetraSystems.
3. Kontseptsiya razvitiya sistemy obrazovaniya Respubliki Belarus' do 2030 goda [Conceptual Foundations of Development of the Education System of the Republic of Belarus until 2030]. (2023) [Online] Available from: <https://adu.by/images/2021/12/koncep-razv-sist-obrazov.pdf> (Accessed: 15.08.2023).
4. Obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya I stupeni [Educational Standard of Higher Education of the 1st Stage]. (2023) [Online] Available from: http://edustandart.by/media/k2/attachments/os_1-43-01-03_260918.pdf (Accessed: 15.08.2023).
5. Abramova, I.V. (2018) Lichnostno oriyentirovannoye obucheniye studentov kak usloviye formirovaniya ikh professional'noy kompetentnosti [Personality-oriented Training of Students as a Condition for the Formation of their Professional Competence]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. Issue 59. Part 2. pp. 7–9.
6. Abakumova, N.N. & Istomina, N.N. (2007) Kompetentnostnyy podkhod v uchrezhdeniyakh obshchego i vysshego professional'nogo obrazovaniya: realizatsiya i diagnostika [Competence-based Approach in Institutions of General and Higher Professional Education: Implementation and Diagnostics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 297. pp. 33–38.
7. Sharmin, D.V. & Sharmin, V.G. (2021) Kompetentnostnyy podkhod v vysshem obrazovanii Rossii: dvadtsat' let spustya [Competence Approach in Higher Education in Russia: Twenty Years Later]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal]. 3. pp. 64–71.
8. Korol, A.D. (2015) Pedagogika dialoga: ot metodologii k metodam obucheniya [Pedagogy of Dialogue: from methodology to teaching methods]: monograph. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno.

9. Korosteleva, S.G. (2019) Diskussiia kak aktivnyy metod obucheniya v professional'noy podgotovke budushchego uchitelya [Discussion as an Active Teaching Method in the Professional Training of a Future Teacher]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika – Kostroma State University Journal. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2. pp.118–122. (In Russian).
10. Gaidunko, Yu.A. (2010) Povysheniye effektivnosti obucheniya kursantov voyennykh vuzov na osnove diskussionnykh i igrovyykh metodov [Improving the Effectiveness of Training Cadets of Military Universities on the Basis of Discussion and Game Methods]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
11. Abdrakhmanova, L.V. (2007) Formirovaniye kommunikativnykh umeniy u studentov tekhnicheskogo vuza v protsesse realizatsii professional'no-diskussionnoy igrovoy tekhnologii : na primere predmetnoy oblasti "Inostranny yazyk" [Formation of Communicative Skills among Students of a Technical University in the Process of Implementing a Professional Discussion Game Technology : on the Example of the Subject Area "Foreign Language"]. Samara.
12. Ivanov, V.K. (2004) Formirovaniye diskutivnykh umeniy v protsesse obucheniya inostrannomu yazyku v usloviyakh gumanitarnogo vuza [Formation of Discursive Skills in the Process of Teaching a Foreign Language in the Conditions of a Humanitarian University]. Pedagogics Cand. Diss. Saint-Petersburg.
13. Miloradov, S.A. (1999) Obucheniye diskussionnomu obshcheniyu na inostrannom yazyke: Metod aktivizatsii vozmozhnostey lichnosti i kollektiva, obucheniye angliyskomu yazyku na prodvinutom etape [Teaching Debatable Communication in a Foreign Language: A Method of Activating the Capabilities of an Individual and a Team, Teaching English at an Advanced Stage]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
14. Shchekoldina, A.V. (2005) Razvitiye diskussionnykh umeniy kak komponenta interaktivnoy kompetentsii u studentov neyazykovykh vuzov [Development of Debating Skills as a Component of Interactive Competence among Students of Non-Linguistic Universities : On the Material of the English Language]. Pedagogics Cand. Diss. Pyatigorsk.
15. Kurapina, E.V. (2013) Formirovaniye sotsial'noy aktivnosti molodezhi sredstvami interaktivnykh tekhnologiy kul'turno-dosugovoy deyatel'nosti [Formation of Social Activity of Youth by Means of Interactive Technologies of Cultural and Leisure Works]. Pedagogics Cand. Diss. Orel.
16. Kholodyaeva, O.V. (2012) Razvitiye initsiativnosti studentov v diskussionnykh formakh obshcheniya [Development of Students' Initiative in Discussion Forms of Communication]. Pedagogics Cand. Diss. Yelets.
17. Dolzhenko, Yu.Yu. & Pozdnyakova, A.S. (2015) Onlayn-anketirovaniye kak sovremennyy i effektivnyy sposob issledovaniya [Online Questioning as a Modern and Effective Way of Research]. *Transportnoye delo Rossii* [Transport Business of Russia]. 1. pp. 109–110. (In Russian).
18. Zhilina, A.A. & Kokorina, M.V. (2020) Onlayn-anketirovaniye kak sposob polucheniya dannykh dlya napisaniya VKR [Online Questioning as a Way to Obtain Data for Writing Final Qualification Papers]. *Obrazovaniye i kul'tura kak faktor razvitiya regiona* [Education and Culture as a Factor in the Development of the Region]. Conference Proceedings. Kirov. pp. 31–33. (In Russian).
19. Badanova, T.A. & Kostenko, A.V. (2015) Vliyaniye vneshnikh faktorov organizatsii obucheniya i gotovnosti studentov k gruppovomu vzaimodeystviyu pri vybere interaktivnykh metodov obucheniya matematicheskimi distsiplinami v vuze [The Influence of External Factors in the Organization of Training and Students' Readiness for Group Interaction When Choosing Interactive Methods of Teaching Mathematical Disciplines at a university]. *Internet-zhurnal "Naukovedeniye"* [Internet journal "Science Studies"]. V. 7. 3 [Online] Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/22PVN315.pdf> (Accessed: 15.08. 2023).
20. Badanova, T.A., Kostenko, A.V. & Truntayeva, T.I. (2015) Diagnostika effektivnosti interaktivnykh metodov obucheniya matematicheskimi distsiplinami bakalavrov ekonomiki [Diagnostics of the Effectiveness of Interactive Methods of Teaching Mathematical Disciplines to Bachelors of Economics]. *Internet-zhurnal "Naukovedeniye"* [Internet journal "Science Studies"]. V. 7. 5 [Online] Available from: <http://naukovedenie.ru/PDF/46PVN515.pdf> (Accessed: 15.08. 2023).
21. Van der Veen, C., & Van Oers, B. (2017). Advance in research on classroom dialogue: learning outcomes and assessments. *Learning and Instruction*. 48. pp. 1–4.
22. Long, R. (2020) Dynamic Classroom Dialogue: Can Students Be Engaged Beyond Discussion? *Journal of Higher Education Theory and Practice*. Vol. 20 (3). pp. 85–92.
23. Kornfield, S., & Noack, K. (2017). Speed-discussion: Engaging students in class discussions. *Communication Teacher*. 31(3). pp. 162–166.
24. Echiverri, L.L., Haoyu, S. & Keer, X. (2020) Class Discussion and Class Participation: Determination of Their Relationship. *Journal of Higher Education Theory and Practice*. Vol. 20 (11). pp. 31–38.

Информация об авторах:

Таяновская И.В. – д-р пед. наук, профессор кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь). E-mail: tayanov-i@yandex.by

Шлег А.В. – преподаватель кафедры филологии Барановичского государственного университета (Барановичи, Беларусь). E-mail: shlegalina@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.V. Tayanovskaya, Belarusian State University (Minsk, Belarus). E-mail: tayanov-i@yandex.by

A.V. Shleg, Baranovichi State University (Baranovichi, Belarus). E-mail: shlegalina@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.08.2023;
одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 22.08.2023;
approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 372.881.1
doi: 10.17223/15617793/521/23

Медиативная модель интеграции технологий искусственного интеллекта в языковые программы дошкольников

Гульнара Василевна Садыкова¹, Альбина Рамилевна Каюмова²,
Диана Ильдаровна Халиуллина³, Алексей Валерьевич Абрамов⁴

^{1, 2, 3, 4} Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹ gsadykov@kpfu.ru

² albina.kayumova@kpfu.ru

³ ibdi@balacity.ru

⁴ AbituAlex@yandex.ru

Аннотация. В рамках статьи авторами ставилась цель, во-первых, изучить потенциал ИИ-технологий как средств развития языковых навыков детей 4–7 лет, во-вторых, выявить и описать медиативные практики педагога и на их основе предложить модель интеграции ИИ-технологий в языковые программы дошкольников.

Ключевые слова: дошкольное образование, искусственный интеллект, методика обучения иностранному языку, английский язык как иностранный, билингвальное образование

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01129, <https://rscf.ru/project/24-28-01129/>.

Для цитирования: Садыкова Г.В., Каюмова А.Р., Халиуллина Д.И., Абрамов А.В. Медиативная модель интеграции технологий искусственного интеллекта в языковые программы дошкольников // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 222–232. doi: 10.17223/15617793/521/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/23

A mediative model for the integration of artificial intelligence technologies into preschool language programs

Gulnara V. Sadykova¹, Albina R. Kayumova², Diana I. Khaliullina³, Aleksey V. Abramov⁴

^{1, 2, 3, 4} Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

¹ gsadykov@kpfu.ru

² albina.kayumova@kpfu.ru

³ ibdi@balacity.ru

⁴ AbituAlex@yandex.ru

Abstract. The exponential growth of services and platforms powered by artificial intelligence (AI) technologies has determined their spread in the education system including preschool education. This article aims, firstly, to examine the potential of AI technologies as a means of developing language skills of very young learners, and secondly, to identify and describe the mediation practices of the teacher and, based on them, propose a model for integrating AI technologies into language programs for preschoolers. The research data was collected at pedagogical experiments conducted during a two-year scientific study which involved 185 children aged 4–7 years and 6 instructors teaching English in multilingual preschools. The data underwent quantitative and qualitative analysis within Carla Meskill's theoretical model of digital screen mediation based on Lev Vygotsky's sociocultural theory of cognitive development. The experimental data indicate the high potential of AI technologies explained by such characteristics as interactivity, multimodality of content presentation, the ability to personalize the generated product and adaptability to the needs of a specific educational context. While not being originally intended for developing children's foreign language skills, AI technologies can be productively integrated into language programs for preschoolers provided that the teacher is actively involved and acts as a mediator who ensures the effectiveness and safety of the educational environment. The authors propose and describe a novel Mediation model for integrating AI technologies into language development programs for preschool children where AI tools are considered as anchors that teachers use to mediate student–AI interaction and children act as co-creators of the generated product (images, videos, and songs). The proposed model is based on a number of principles derived from pedagogical experiments and recommended for testing in other educational settings: the principle of creative activity, the principle of speech activity, the principle of combining AI and traditional tools, the principle of holistic development, the principle of play, the principle of “do no harm”, and the principle of benefit. The results of the study expand understanding of the potential of AI as tools for teaching languages

to preschoolers and enable in-service teachers and methodologists to meaningfully adapt the proposed model for use in new educational contexts.

Keywords: preschool education, artificial intelligence, foreign language teaching methods, English as a foreign language, bilingual education

Financial support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-01129, <https://rscf.ru/project/24-28-01129/>.

For citation: Sadykova G.V., Kayumova A.R., Khaliullina Di.I., Abramov A.V. (2025) A mediative model for the integration of artificial intelligence technologies into preschool language programs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 222–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/23

Введение

Экспонентный рост сервисов и платформ, построенных на базе технологий искусственного интеллекта (ИИ), обуславливает их распространение в системе образования. Интеллектуальные системы обучения и новые технологии генеративного ИИ активно завоевывают образовательное пространство, влияя на организацию процесса обучения, способы подготовки методического материала, педагогические технологии их внедрения, динамику занятий, систему мониторинга и оценивания академической успешности и, в целом, на роль педагога и обучающегося [1]. Очевидно, что система дошкольного образования также не может остаться в стороне тех глобальных трансформаций, которые влекут за собой технологии искусственного интеллекта.

Становясь неотъемлемой частью технологически развитых стран, искусственный интеллект проникает и в жизненное пространство, в котором развивается ребенок. Исследования последних лет говорят о том, что дети становятся активными пользователями ИИ [2, 3]. Понимая существенное влияние ИИ на жизнь общества, еще в 2019 году UNICEF опубликовал «Меморандум об искусственном интеллекте и правах ребенка», в котором призвал корпорации, педагогов, правительства и родителей оценить и противостоять тем рискам, которые может влечь за собой ИИ для развития ребенка. И если 6 лет назад UNICEF поднимал проблемы, связанные с безопасностью личных данных, здоровым отдыхом, доступом к образованию, а также потенциальной возможностью принятия ИИ-алгоритмами дискриминирующих решений [4], то сегодня, можно говорить о новых вызовах правам ребенка, связанных с широким распространением технологий генеративного искусственного интеллекта (ГенИИ).

На настоящий момент нет статистических данных по масштабу использования ИИ-технологий детьми дошкольного возраста. Вместе с тем, некоторые исследователи говорят о важности развития компетенций в области ИИ уже с дошкольного возраста [5, 6]. Дошкольные программы могут включать обучающие модули, которые позволяют детям понять суть и возможности ИИ-технологий, научиться использовать некоторые ИИ-инструменты, а также сформировать представление о возможных положительных и отрицательных последствиях взаимодействия с новыми smart-технологиями [6]. Однако технологии искусственного интеллекта зачастую остаются лишь инструментами

развлечения, не получая должного внимания со стороны педагогов, что во многом связано с недостатком ИИ-компетенций и научно обоснованных моделей интеграции ИИ в программы развития детей. На сегодняшний день мы можем говорить об отсутствии понимания целесообразности применения ИИ-инструментов в дошкольном образовании и наличии значительных пробелов в умении педагога построить грамотное взаимодействие ребенка с интеллектуальными технологиями.

Данное исследование направлено на решение проблемы отсутствия научно обоснованных моделей интеграции ИИ-технологий в программы дошкольного образования, конкретнее – в программы развития речи детей 4–7 лет, изучающих иностранный (английский) язык. Основываясь на обширном эмпирическом материале, авторы статьи выявят медиативные практики, применяемые педагогами при использовании ИИ-инструментов на языковых занятиях, и предложат модель медиации взаимодействия «ребенок-педагог-ИИ», способствующую созданию продуктивной и безопасной среды развития раннего билингвизма детей дошкольного возраста.

Обзор литературы

Языковое развитие детей в эпоху цифровых технологий. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что возраст пользователей цифровыми технологиями снижается, и современные дети в технологически развитых странах имеют прямой или опосредованный доступ к мобильным телефонам, планшетах и компьютерам [7]. Педагоги дошкольных организаций и родители дошкольников зачастую не являются первопроходцами в вопросах применения цифровых технологий в образовательных целях, что во многом связано с проблемой защиты ребенка от их негативного влияния. Однако глубокое проникновение этих технологий во все сферы жизни и цифровизация образования создают условия для активного использования в образовательном процессе компьютерных и мобильных технологий, виртуальной и дополненной реальности, а также технологий искусственного интеллекта [8, 9].

Инновационные сервисы и платформы становятся инструментами обогащения образовательной среды, в том числе программ языкового развития детей [10, 11]. Изучение практик применения цифровых технологий в языковом образовании показывает их эффективность в

обогащении словарного запаса [12], развитии фонологических умений, распознавании букв, правописания, навыков чтения [13, 14], развитии аудирования [15], способности связно пересказывать тексты и вести диалог [16], а также в повышении мотивации, вовлеченности детей в обучающий процесс и развитии критического и креативного мышления [17]. Исследования в области английского языка как иностранного продемонстрировали потенциал ряда цифровых приложений и платформ, применимых для обучающихся дошкольного возраста; в частности, педагогические эксперименты продемонстрировали возможность продуктивного использования программы Duolingo [18] и Reading Eggs [19]. Инструменты дополненной и виртуальной реальности показали эффективность как средства симуляции реальной коммуникативной ситуации [20, 21].

Недавнее массовое распространение технологий искусственного интеллекта и развитие робототехники также было подхвачено педагогами дошкольных организаций [22]. Первоначально предметом исследований было развитие речи дошкольников на занятиях, где применялись антропоморфные роботы. Результаты экспериментов показали, что учебная деятельность, включающая роботов, может расширить словарный запас детей на их родном [23, 24] или иностранном языке [25]. Алгоритм, разработанный для робота американскими учеными Gordon и Breazeal [23], смог точно и эффективно оценить навыки чтения у ребенка. В этом эксперименте сценарий взаимодействия робота с детьми 4-8 лет предусматривал создание новых историй, и дети обучали чтению машину, как если бы робот был их сверстником. Такой сценарий обучения был одновременно вдохновляющим и увлекательным для детей, которые параллельно развивали свои языковые навыки в игровой среде.

Улучшение навыков продуцирования родной речи также были выявлены в исследовании Kory-Westlund и Breazeal [24], в котором дети в возрасте от 3 до 8 лет участвовали в игре, рассказывая истории антропоморфному роботу. Исследование показало, что действия по взаимодействию ребенка с роботом способствовали вовлеченности детей в обучающую задачу и содействовали развитию навыков пересказывания. Социальный робот также оказался эффективным компаньоном для изучения иностранного (испанского) языка детьми в возрасте от 3 до 5 лет в исследовании Gordon и его коллег [25]. Их исследование продемонстрировало положительное влияние персонализированных мотивационных стратегий, демонстрируемых роботом с помощью вербальных и невербальных действий.

Исследования процесса развития иноязычной речи дошкольников с помощью технологий генеративного ИИ пока только набирают обороты. Вместе с тем, уже показано, что генераторы контента, в том числе изначально непредназначенные для работы с детьми, могут способствовать развитию словарного запаса дошкольников изучающих английский язык [26]. Возможность генерации визуального контента (изображений и коротких видео), а также создания песен на основе зара-

нее продуманного педагогом текста способствует активному вовлечению детей в обучающий процесс и позволяет привлечь внимание ребенка к изучаемым лексемам и речевым выражениям [26].

Медиативная модель обучения. Показательно, что исследования, в фокусе внимания которых находятся дети дошкольного возраста, подчеркивают первостепенную роль учителя, воспитателя или родителя как посредников между цифровыми технологиями и ребенком. Педагоги и ученые сходятся во мнении, что взаимодействие ребенка с технологиями должно быть опосредовано взрослым, выступающим в качестве медиатора знаний, гида-проводника, способствующего эффективному и безопасному общению дошкольника с современными гаджетами и сервисами и учитывающего когнитивные, психосоциальные и физические потребности подопечного [27–29]. Такое понимание роли педагога в образовательном пространстве, обогащенном цифровыми технологиями, соответствует социокультурной теории Льва Выготского [30], согласно которой важно учитывать социальный контекст, в котором происходит когнитивное развитие ребенка. Выготский считал, что когнитивное развитие – это социальный процесс, и взрослый или более развитые сверстники – это медиаторы знаний и опыта, служащие опорой в процессе освоения ребенком нового. Взаимодействие и поддержка со стороны более опытных взрослых и сверстников позволяет ребенку выйти в «зону ближайшего развития», то есть освоить те знания, которые он не мог бы приобрести и освоить без поддержки.

Социокультурная концепция Выготского служит теоретической основой для ряда исследований в области интеграции цифровых (информационно-коммуникационных) технологий в образовательный процесс. Среди них - модель *медиации цифрового экрана* (digital screen mediation, DSM), предложенная Carla Meskill [27, 31] для осмысления роли педагога во взаимодействии обучающегося с цифровыми технологиям. Meskill использует данную модель для анализа медиативных приемов учителей-языковедов, применяющих цифровые технологии для развития языковых компетенций детей, изучающих язык как иностранный или второй родной.

Согласно ее концепции, посредническая роль учителя критически важна для развития языковых навыков детей; именно педагог создает условия для «активного создания смысла», т.е. для приобретения знаний совместно с другими участниками обучающего процесса за счет диалога *с, посредством* или *об* экранах [27. С. 173].

В модели медиации цифрового экрана Meskill педагог использует возможности цифрового экрана и создает условия для насыщенного диалога или полилога, в котором цифровой экран служит стимулом для совместной речевой деятельности. В рамках нашего исследования мы предлагаем применить модель DSM C.Meskill для исследования роли педагога как посредника (медиатора) между ИИ-технологиями и дошкольниками, изучающими английский язык.

Материалы и методы

Данное исследование является частью двухгодичного научного проекта, направленного на создание Модели интеграции технологий искусственного интеллекта в программы билингвального развития детей дошкольного возраста. На первом этапе исследования в рамках педагогического эксперимента было установлено, что технологии искусственного интеллекта, в частности генераторы визуального и аудиального контента, могут быть эффективно использованы для расширения словарного запаса детей, изучающих английский язык в дошкольных образовательных учреждениях [26]. Также были описаны и установлены характеристики ИИ-технологий, которые могут способствовать или препятствовать развитию языковых навыков детей дошкольного возраста [26, 32]. Материалы педагогических экспериментов первого этапа научного проекта позволили сформулированные концептуальные доминанты (принципы), на которых должна быть построена Модель интеграции ИИ-технологий в языковые программы дошкольников [33]. В соответствии с концепцией модели, основным является понимание того, что взаимодействие ребенка с технологией ИИ требует *медиации* со стороны педагога (воспитателя, учителя, тьютора, родителя). Именно роль педагога как активного посредника во взаимодействии ребенка с ИИ-технологиями стала предметом пристального внимания на втором этапе сбора и обработки данных.

В рамках данной статьи авторами ставилась цель, во-первых, дополнить и обобщить результаты, свидетельствующие о потенциале ИИ-технологий как средств развития языковых навыков, во-вторых, выявить и описать медиативные практики на каждом этапе взаимодействия с интеллектуальными технологиями и на их основе предложить модель интеграции ИИ-технологий в языковые программы дошкольников. Таким образом, исследование было направлено на решение следующих исследовательских вопросов:

1. Каков потенциал технологий искусственного интеллекта как инструментов развития языковых навыков детей дошкольного возраста, изучающих иностранный (английский) язык?

2. Какова роль педагогов как медиаторов взаимодействия ребенка с ИИ?

Материалы представленной статьи базируется на данных, полученных в ходе педагогических экспериментов как первого этапа исследования (весна-зима 2024 г.), так и второго этапа (зима-весна 2025 г.). Эмпирические данные были получены из следующих источников:

- тестирование детей экспериментальных и контрольных групп;
- анкеты педагогов;
- интервью педагогов;
- дневники ситуационной рефлексии;
- видеозаписи занятий.

На первом этапе исследования были задействованы 3 педагога и 102 ребенка 4-7 лет (54 в экспериментальных и 48 в контрольных группах) (см. подробнее [26, 32, 33]); на втором этапе (зима 2024 г. – лето 2025 г.) в экспериментах приняло участие 3 педагога и 83 ребенка 5–7 лет (47 в экспериментальных и 36 в контрольных группах).

На первом этапе эксперименты проводились на базе трех образовательных учреждений, где в качестве иностранного языка изучался английский язык: один частный мультилингвальный детский сад г. Казань и два государственных детских сада в с. Тюлячи Республики Татарстан.

Во втором этапе исследования новыми площадками стали государственный двуязычный детский сад г. Казани и государственный детский сад и начальная школа в пригороде Казани. Информация о распределении участников экспериментов на каждой из шести площадок дана в прил. 1.

В целях апробации были разработаны учебно-методические материалы и сценарии занятий, для которых были отобраны следующие сервисы и платформы, построенные на базе ИИ:

- генераторы песен *Songgenerator.io* (<https://songgenerator.io/ru>) и *SunoAI* (<https://suno.com/>);
- генератор изображений *Fusion Brain* (<https://fusionbrain.ai/>);
- генератор детских иллюстрированных книг *Kidgeni* (<https://kidgeni.com/bookgeni>);
- генератор 3D-аватаров *Avatar SDK* (<https://avatarsdk.com/>);
- умный голосовой помощник *Алиса* (<https://alice.yandex.ru/>);
- преобразователь текста в речь *Speechgen.io* (<https://speechgen.io/>);
- преобразователь текста в изображение *Perchance AI* (<https://perchance.org/ai-text-to-image-generator>);
- инструмент для генерации видео с «говорящей головой» *Vidnoz AI Talking Head* (<https://www.vidnoz.com/talking-head.html>).

Результаты исследования

Педагогический потенциал ИИ. Результаты констатирующего и контрольного срезов во всех семи экспериментальных группах первого и второго этапов исследования показали рост словарного запаса детей, изучающих английский язык (рис. 1).

За время исследования на первом этапе в Группе 4 и на втором этапе в Группе 6 наблюдался самый высокий показатель роста словарного запаса – доля верных ответов выросла на 67,7% (с 12,5 до 80,2% и с 10,5 до 78,2%). У детей из Группы 5 и 7 второго этапа исследования словарный запас также значительно увеличился – на 54,45 и 52,5% соответственно. Во всех остальных группах показатели улучшились, но менее существенно: увеличение объема словарного запаса составило от 24 до 35,9%.

Тем не менее, в сравнении с контрольными группами большинство экспериментальных групп (пять из семи) продемонстрировали больший прирост словарного запаса (рис. 2). На первом этапе в Группе 4 показатели экспериментальной группы превышают показатели контрольной на 15%. В Группе 1, 2, 5 и 6 разница составляет от 7 до 12%. Наибольшая разница в результатах экспериментальной и контрольной групп наблюдается в Группе 3 первого и Группе 7 второго этапа исследования, где, показатели контрольных групп превосходят результаты экспериментальных групп.

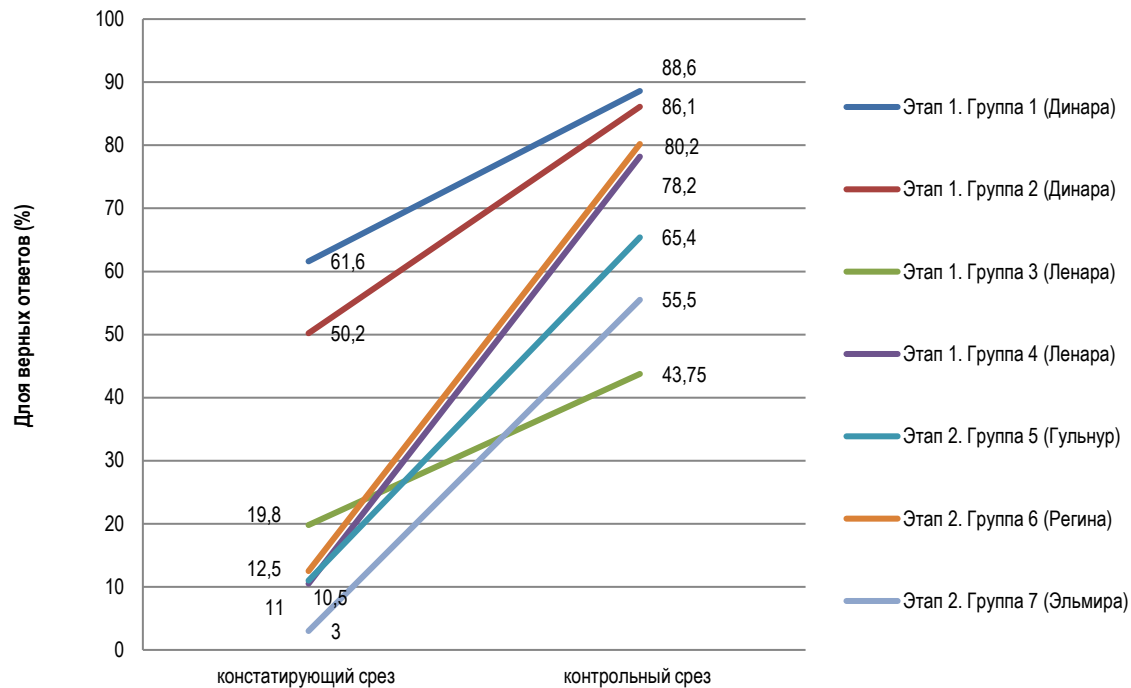

Рис. 1. Результаты констатирующего и контрольного срезов во всех экспериментальных группах

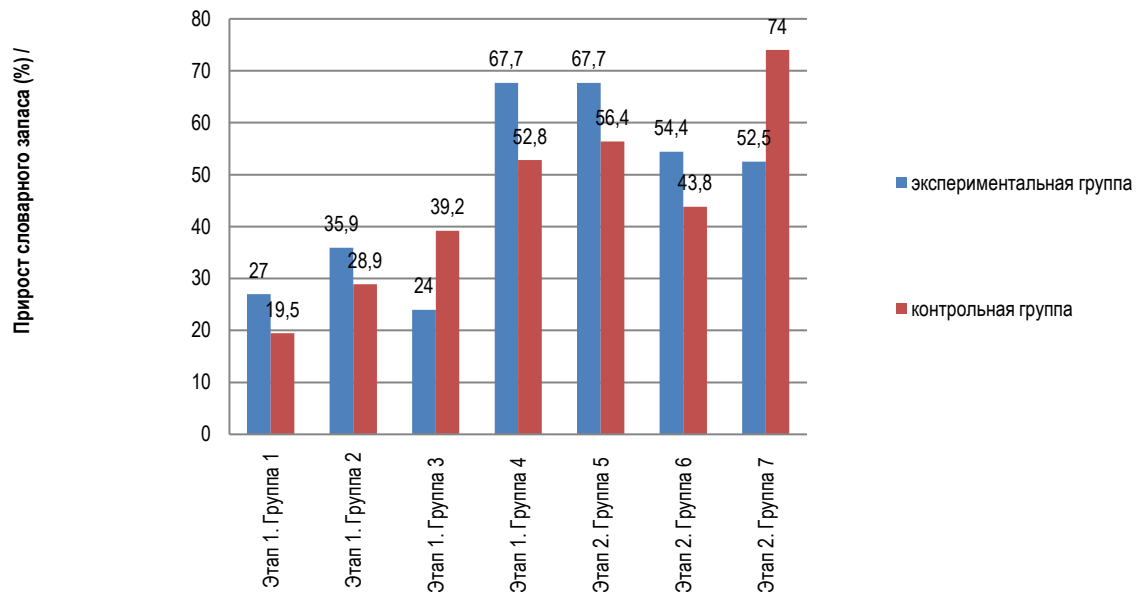

Рис. 2. Сравнение роста словарного запаса в экспериментальных и контрольных группах

Анализ видеозаписей занятий, дневников ситуационных рефлексий, а также интервью с педагогами указывают на ряд причин, которые могли повлиять на результаты детей в экспериментальных и контрольных группах. В целом, все педагоги дали положительную оценку инструментам ИИ как средствам развития языковых навыков детей. Данные экспериментов обоих этапов свидетельствуют о высоком потенциале ИИ-технологий, что обусловлено такими характери-

ками как интерактивность, мультимодальность представления контента, возможность персонализации генерируемого продукта и адаптивность к потребностям конкретного образовательного контекста. Более того, как показали эксперименты, технологии генеративного ИИ обладают функционалом, который положительно влияет на вовлеченность детей в процесс обучения, поскольку способствует созданию «вау-эффекта» при генерации изображений по запросам детей

и непосредственно на их глазах, «оживления» и озвучивания аватаров, общения с голосовыми помощниками, создания персонализированных песен. Вместе с тем, исследование также выявило потенциальные риски, связанные с применением ИИ с дошкольниками, а именно, возможность искажения действительности и гипертрофированной визуализации негативных эмоций. Данные также говорят о технических сложностях, связанных с оснащением аудиотехникой оборудованием, подключенным к сети Интернет. Более того, педагоги отметили трудности, связанные с освоением новых ИИ-инструментов и необходимостью расширять свои педагогические практики.

Медиативная роль педагога. Анализ данных обоих этапов исследования показал, что применение технологи-

ческих средств обучения, в частности, технологий искусственного интеллекта, в программах развития иноязычной речи дошкольников требует активного и постоянного посредничества со стороны педагога, осуществляющего роль медиатора при взаимодействии детей с ИИ-технологиями. Рассмотрим этапы взаимодействия «ребенок – педагог – ИИ-технология» и опишем медиативные практики педагога, применяющего сервисы и платформы, способные генерировать визуальный, аудиальный, текстовый или мультимедийный контент.

Взаимодействие «ребенок – педагог – ИИ» можно условно поделить на 3 основных этапа: 1) подготовка запроса; 2) генерация контента; 3) взаимодействие с созданным контентом (рис. 3).

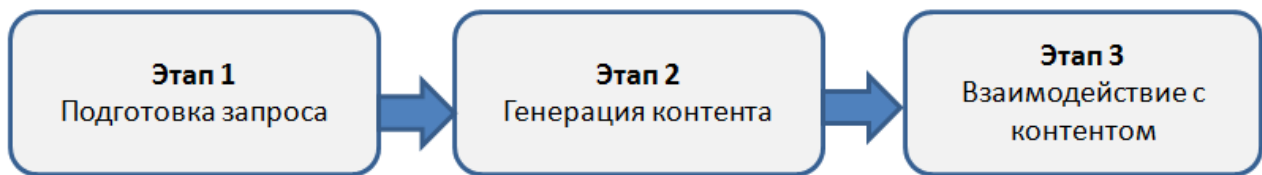

Рис. 3. Этапы взаимодействия «ребенок – педагог – ИИ-технология»

1-й этап – подготовка запроса для ИИ, на котором педагог ведет диалог с детьми для формирования текста (так называемого, *промпта*, от англ. *prompt*, *подсказка*) для ИИ-генератора контента. На данном этапе педагог знакомит с ИИ, объясняет принцип работы с ИИ, ведет разговор о ИИ, осуществляет координацию подготовки текста запроса, часто задавая детям вопросы по теме урока и способствуя продуцированию устных высказываний на изучаемом языке. ИИ на данном этапе является объектом разговора и будущим субъектом взаимодействия и соавтором, ныне пассивным, но стимулирующим активный разговор о нем и для него.

Стенограмма ниже – отрывок урока №3 в Группе 5 по теме «Игрушки». Педагог предлагает детям создать вместе книгу об одной из игрушек с помощью платформы Kidgeni, позволяющей генерировать электронные книги. Посредством наводящих вопросов, адресованных детям, педагог заполняет подготовленный промпт (*A [...] travels around the [city/town] and finds friends – a [...], a [...] and a [...]*):

Учитель: So, let's select a toy. Давайте выберем игрушку.

Дети [наперебой называют игрушки, многие поднимают при этом руку]: Ball... Rocket ... Plane...

Учитель: Может быть, выберем куклу – a doll?

Дети [кивают]

<...>

Учитель: Кукла нашла друзей. Кто будут её друзьями? Из игрушек нужно выбрать [показывает на флэшкарточки с изображением пройденных игрушек].

Дети [наперебой]: Plane... Rocket ... Ball... Ball... Plane...

Учитель: Давайте тогда выберем plane. What colour is the plane? Какого цвета будет plane?

Ребенок 1: Red!

Отрывок показывает, что педагог даёт детям возможность выбора при составлении текста промпта, но при этом стимулирует их называть именно изучаемые наименования игрушек и цветов, обращая их внимание на флэшкарточки, размещенные на столе. При этом именно педагог делает выбор в пользу той или иной игрушки, так как предугадывает, например, что главным героем лучше выбрать куклу, а не кубики.

2-й этап – этап генерации контента, когда педагог вбивает текст запроса в программу, по необходимости вместе с детьми осуществляет его корректировку, инициирует генерацию контента нажатием соответствующей кнопки, после чего дети и педагог ждут окончания генерации контента, при этом обсуждая ИИ, осуществляя работу по изучению и закреплению материала или переключаясь на другую деятельность. ИИ выступает в роли соавтора конечного продукта (картинки, видео, электронной книги, песни и т.п.).

Приведем в качестве примера отрывок урока № 2 в Группе 6 по теме «Одежда». На этапе генерации педагог Регина вызывает детей по очереди к экрану и просит их дать команду 3D герою на английском: *Put on your [...]*:

Ребенок 1: Put on your dress [хихикает]

Учитель: No, it is a boy, it isn't a girl. Say, 'Put on your ... T-shirt'

Ребенок 1: Put on your T-shirt.

[На экране отображаются синяя и белая футболки]

Учитель: White T-shirt or blue T-shirt?

Ребенок 1: Blue T-shirt.

[Учитель кликает на голубую футболку, программе требуется время, чтобы выполнить действие]

Как видим, учитель дважды корректировал запрос. Во-первых, Регина попросила исправить команду *Put on your dress* на *Put on your T-shirt*, т.к. на экране был

изображен мальчик. Во-вторых, она конкретизировала запрос, спросив о цвете футболки, т.к. программа предлагала несколько вариантов расцветки.

3-й этап – взаимодействие с контентом, сгенерированным ИИ, когда педагог показывает и обсуждает с детьми полученный на запрос контент, по необходимости инициирует составление нового запроса, говорит о функционале ИИ-сервиса или платформы как инструменте, способном создавать контент на основе заданных в него человеком данных. ИИ выступает здесь как соавтор и предмет обсуждения.

Примером медиативной роли педагога на данном может быть полилог в группе 6 на уроке №1, где педагог Регина неоднократно комментировала тот вариант перевода слова, которые предлагал голосовой помощник Алиса:

Ребенок 4: Алиса, как будет по-английски «носки»? [внимательно смотрит на колонку]

Алиса: «Носки» на английском – sock.

Дети [хором]: Sock.

Учитель: Но sock – это один носок, а у нас два носка. Мы говорим – socks.

Дети [хором]: Socks.

Учитель: Socks.

Дети [хором]: Socks.

Показательно, что в ходе интервью Регина отметила, что Алиса может быть непредсказуемой: *«Она может иногда переводить слова не так, как ты того ожидаешь. Например, вместо «T-shirt» Алиса сказала «jersey». Иногда она произносит слова слишком быстро, поэтому их нужно повторить отчетливее, так чтобы дети могли повторить следом».*

Таким образом, на всех трех этапах взаимодействия детей с ИИ-инструментами педагоги использовали технологии для организации совместной речевой деятельности, инициируя и управляя диалогом или полилогом, связанным с созданием нового контента (картинки, песни, электронной книги и т.п.). Учителя поддерживали речевую деятельность обучающихся вербальными сигналами, задавая прямые вопросы группе или отдельному ребенку, моделируя правильные конструкции или произношение слов, эксплицитно или имплицитно исправляя речевые ошибки, давая подсказки; педагоги также использовали невербальными средствами общения – жесты, визуальные стимулы, паралингвистические подсказки. Более того, задания с использованием ИИ почти всегда дополнялись традиционными для дошкольного образования средствами и методами обучения – печатными карточками с изображением изучаемых предметов, физическими объектами (например, игрушками), кинестетическими упражнениями (движениями под музыку, по тексту песни), пением и рисованием.

Медиативная модель интеграции ИИ-технологий в программы развития детей дошкольного возраста. Результаты исследования свидетельствуют о том, что использование технологий искусственного интеллекта, в частности технологий генеративного ИИ, актуализирует ведущую роль педагога как медиатора

взаимодействия ребенка с ИИ-сервисами и генерируемым ими контентом. Данные семи экспериментальных групп говорят как о наличии высокого педагогического потенциала ИИ-технологий, так и о возможных рисках, связанных с их использованием с детьми дошкольного возраста, что подтверждает опасения, ранее обозначенные в ряде статей [34, 35]. Становится очевидным важность приобретения педагогом компетенций, позволяющих создавать продуктивную, мотивирующую и безопасную среду развития дошкольников с помощью ИИ, о чем ранее уже говорилось в немногочисленных статьях по данной проблематике [36, 37].

Вместе с тем, на настоящий момент как в российских, так и зарубежных научных кругах остро стоит вопрос разработки эффективных методик применения новейших ИИ-сервисов и платформ для развития навыков детей, не связанных напрямую с ИИ, в частности языковых навыков. Основываясь на результатах экспериментов, материалах предшествующих научных изысканиях, описанных в обзоре литературы, а также опираясь на социокультурную теорию Льва Выготского [30] и модель *медиации цифрового экрана* Carla Meskill [27, 31], мы предлагаем *Медиативную модель интеграции ИИ-технологий в программы развития детей дошкольного возраста*, применимую на занятиях по английскому языку и интегрируемую в образовательные программы, направленные на развитие раннего билингвизма.

Исследование демонстрирует, что в контексте языкового образования инструменты ИИ следует рассматривать как стимул, которые педагог использует для создания *активного речевого взаимодействия* обучающегося и ИИ. Критически важно, что в ходе данного взаимодействия дети выступают как *со-создатели* генерируемого продукта (изображения, видео, песни) (рис. 4). Именно такая медиативная модель интеграции ИИ-технологий в языковые программы может быть продуктивной в контексте развития речи детей дошкольного возраста, изучающих иностранный (неродной, второй родной) язык. Диалоги и полилоги, стимулируемые ИИ-технологиями и руководимые педагогом, создают ситуацию общения *с, посредством* или *о* ИИ-инструментах, которые принимают роль со-автора и со-творца нового продукта. Такая модель интеграции ИИ коррелирует с моделью медиации цифрового экрана С. Meskill и соответствует социокультурной теории Льва Выготского, в которой речевое общение является ключевым для когнитивного развития ребенка.

Предлагаемая медиативная модель интеграции ИИ-технологий в программы языкового развития детей дошкольного возраста основывается на ряде принципов, выведенных в ходе педагогических экспериментов и рекомендуемых для апробации на других образовательных площадках:

1) *принцип созидательной деятельности*, предполагающий, что ИИ-генераторы контента служат инструментом для совместного создания продукта, основанного на запросах обучающихся и педагога;

2) *принцип речевой активности*, при котором педагог использует ИИ-технологии для вовлечения обучающихся в диалог или полилог *с, посредством* или *о* ИИ-инструментах;

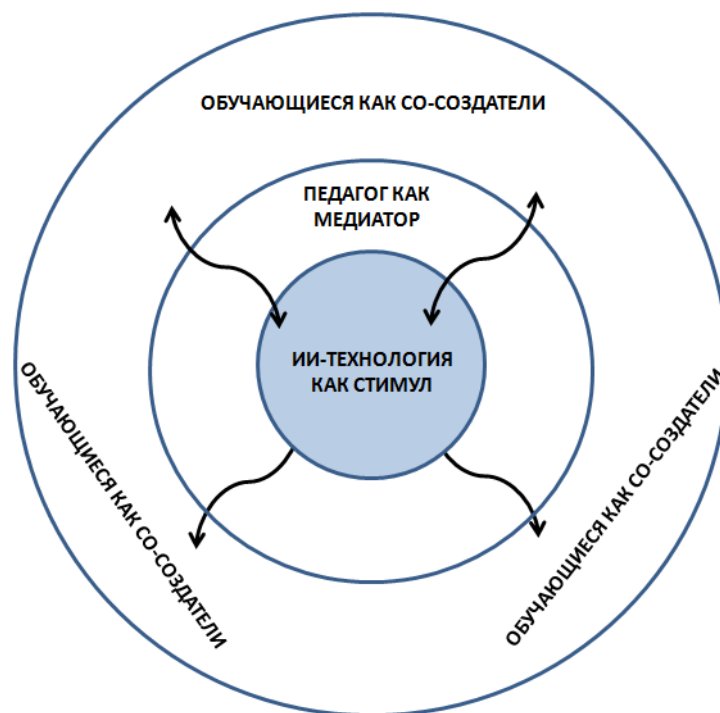

Рис. 4. Модель медиации взаимодействия «ребенок-педагог-ИИ»

3) *принцип комбинирования ИИ и традиционных средств*, когда педагог создает условия не только для активного взаимодействия обучающихся с ИИ, но использует нетехнологичные инструменты и методы, включая физические игрушки, карточки, подвижные игры и т.п.;

4) *принцип интеграционного развития*, предполагающий, что речевое развитие ребенка идет совместно с его всесторонним развитием – развитием знаний об окружающем мире, о взаимодействии с живыми и неживыми объектами, о новых (технологичных) явлениях действительности.

5) *принцип игры*, при котором педагог строит взаимодействие ребенка с ИИ-технологиями как игру по созданию контента;

6) *принцип «не навреди»*, основанный на понимании того, что генеративный искусственный интеллект имеет элемент непредсказуемости и может искажать действительность при генерации контента;

7) *принцип пользы*, который должен исключать использование любой технологии ради самой технологии.

Основываясь на данных принципах Медиативной модели интеграции ИИ-технологий, педагоги имеют возможность продуктивно и безопасно применять новейшие разработки в сфере искусственного интеллекта, отвечая запросам детей, для которых нейросети и голосовые помощники уже стали частью повседневной жизни.

Заключение

Данное эмпирическое исследование, в котором приняло участие 185 детей и 6 педагогов, показало вы-

сокий потенциал ИИ-технологий, в частности апробированных сервисов и платформ, построенных на основе генеративного искусственного интеллекта. Будучи изначально не предназначенными для развития иноязычной речи детей дошкольного возраста, данные технологии могут быть продуктивно интегрированы в языковые программы. Вместе с тем, исследование подтвердило гипотезу, указав, что взаимодействие ребенка с ИИ-технологиями требуют самого активного вовлечения педагога, выступающего в роли медиатора и обеспечивающего эффективность и безопасность образовательной среды, обогащенной ИИ-инструментами.

Впервые педагогическому сообществу была представлена Медиативная модель интеграции ИИ-технологий в программы языкового развития детей дошкольного возраста, основанная на принципах, позволяющих педагогам построить сценарии обучения, соответствующие потребностям и запросам детей нового поколения, и обеспечивающим безопасное развитие иноязычной речи детей. Модель вносит вклад в развитие современной теории дошкольного образования и методики преподавания иностранных языков, а также дает возможность практикующим педагогам и методистам осмысленно адаптировать ее для применения в новых образовательных контекстах.

В заключении, отметим, что генеративные возможности нового поколения ИИ позволяют педагогам создавать контент по любой выбранной теме, с любым лексическо-грамматическим наполнением, адаптируемым практически к любой целевой аудитории. Вместе с тем, именно эта гибкость инструментов ИИ требует профессионализма и времени со стороны педагога, ко-

торый выступает, говоря языком театра и кино, сценаристом, режиссером, актером и даже худсоветом, выпуская на сцену системы образования обучающий продукт для самой важной и уязвимой аудитории – детей. Сегодня критически важно поддержать учителей и воспитателей, которые готовы взять на себя эти

роли, предоставить им возможность изучить и интегрировать технологии искусственного интеллекта в образовательный процесс обучения, максимально продуктивно использовать их образовательный потенциал, при этом исключив возможное негативное влияние.

Приложение 1

Участники двух этапов исследования

Группа		Подгруппа		Возраст детей	Педагог	Возраст педагога	Стаж педагога
		Эксп.	Контр.				
Этап 1							
Площадка 1	1	15	13	4–6 лет	Динара / Лира	23 года / 25 лет	3 года / 2 года
	2	13	12	4–6 лет	Динара / Лира	23 года / 25 лет	3 года / 2 года
Площадка 2	3	14	9	5–6 лет	Гузель	41 год	11 лет
Площадка 3	4	12	14	5–6 лет	Гузель	41 год	11 лет
Этап 2							
Площадка 1	5	27	16	5–6 лет	Гульнур	36 лет	14 лет
	6	15	15	6–7 лет	Регина	37 лет	14 лет
Площадка 2	7	5	5	5 лет	Эльмира	24 года	3 года

Список источников

1. Конколь М.М. Трансформация образовательного процесса через призму искусственного интеллекта и нейросетевого прогресса // Мир науки, культуры, образования. 2024. Т. 6, № 109. С. 104–108. doi: 10.24412/1991-5497-2024-6109-104-108
2. Druga S., Christoph F.L., Ko A.J. Family as a Third Space for AI Literacies: How do children and parents learn about AI together? // CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2022. P. 1–17. doi: 10.1145/3491102.3502031
3. Maloney S. Barnardos. Barnardos Report Reveals 63% of Children Learn About AI (Artificial Intelligence) Through Social Media. 2024. URL: <https://www.barnardos.ie/ai-report/> (дата обращения: 07.08.2025).
4. Executive Summary: Memorandum on Artificial Intelligence and Child Rights. 2019. URL: <https://www.unicef.org/innovation/media/10726/file/Executive%20Summary:%20Memorandum%20on%20Artificial%20Intelligence%20and%20Child%20Rights.pdf> (дата обращения: 07.08.2025).
5. Йигит Э. Открывая новые горизонты: роль искусственного интеллекта в расширении возможностей детского образования и медиа // Современное дошкольное образование. 2024. Т. 18, № 3. С. 73–80. doi: 10.24412/2782-4519-2024-3123-73-8
6. Su J., Yang W. Artificial intelligence in early childhood education: A scoping review. Computers and Education // Artificial Intelligence. 2022. Vol. 3. Art. No. 100049. doi: 10.1016/j.caeai.2022.100049
7. Children's Media Lives; London: Revealing Reality. 2024. 71 p. URL: <https://www.ofcom.org.uk/siteassets/resources/documents/research-and-data/media-literacy-research/children/children-media-use-and-attitudes-2024/childrens-media-lives-2024-summary-report.pdf?v=367549> (дата обращения: 07.08.2025).
8. Alzahrani A. A systematic review of the use of information communication technology, including augmented reality, in the teaching of science to preschool children // International Journal of Educational Research Open. 2025. Vol. 9. Art. No. 100453.
9. Ruijia Z., Wenling L., Xuemei Z. The impact of Information and Communication Technology (ICT) on learning outcomes in early childhood and primary education: a meta-analysis of moderating factors // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Art. No. 1540169. doi: 10.3389/fpsyg.2025.1540169
10. Derakhshan A., Teo T., Robat E.S., Enayat M.J., Jahanbakhsh A.A. Robot-Assisted Language Learning: a Meta-Analysis // Sage Journals. 2024. May 1. doi: 10.3102/00346543241247227
11. Cizrelioglu I., Aydin S. Using artificial intelligence in EFL learning among multilingual young learners // Fostering inclusive education with AI and emerging technologies / Eds. M. Sanmugam et al. Hershey : IGI Global, 2024. P. 303–322. doi: 10.4018/979-8-3693-7255-5.ch013
12. Haque A., Ariansyah M.R., Wiladyah N.C., Sari R.N. Teaching Vocabulary in a Digital Era: A Study on Tools and Techniques for Engaging English Learners // IRELL: Indonesian Review of English Education, Linguistics, and Literature. 2024. Vol. 2, № 2. P. 225–245. doi: 10.30762/irell.v2i2.4433
13. Gençten V.Y., Aydemir F. Technology-Assisted Interactive Reading Activities In Early Childhood Education // International Journal of Education Technology and Scientific Researches. 2023. Vol. 24. P. 2390–2416. doi: 10.35826/ijetsar.676
14. Kurnia C., Wiyaka W., Nur'Aini S. Impact of Reading Eggs on Reading Skills: A TaRL-Based Study of Age and Gender Dynamics // Journal of Education and Teaching (JET). 2025. Vol. 6, № 1. С. 79–90. doi: 10.51454/jet.v6i1.478
15. Verdugo D.R., Belmonte I.A. Using Digital Stories to Improve Listening Comprehension with Spanish Young Learners of English // Language Learning & Technology. 2007. Vol. 11, № 1. P. 87–101.
16. Crompton H., Gregory K., Burke D. Humanoid robots supporting children's learning in an early childhood setting // British Journal of Educational Technology. 2018. Vol. 49. P. 911–927. doi: 10.1111/bjet.12654
17. Kisno, Wibawa B., Khaerudin. Digital Storytelling for Early Childhood Creativity: Diffusion of Innovation “3-D Coloring Quiver Application Based on Augmented Reality Technology in Children's Creativity Development” // International Journal of Online and Biomedical Engineering (iJOE). 2022. Vol. 18. № 10. P. 26–42. doi: 10.3991/ijoe.v18i10.32845
18. Suhendra N.N., Antik Sari N.T., Wahyudin D. The Effect of Using the Duolingo Application on Elementary School Students' Mastery of English Vocabulary // Educational Studies and Research Journal. 2024. Vol. 1, № 2. P. 93–98. doi: 10.37147/eltr.v4i2.71
19. Sadykova G., Gimaletdinova G., Khalitova L., Kayumova A. Integrating mobile technologies into very young second language learners' curriculum // CALL communities and culture – short papers from EUROCALL 2016 (24–27 August 2016). Limassol : Research-publishing.net, 2016. P. 408–412. doi: 10.14705/rpnet.2016.eurocall2016.597

20. Chen C. AR videos as scaffolding to foster students' learning achievements and motivation in EFL learning // *British Journal of Educational Technology*. 2020. Vol. 1, № 3. P. 657–672. doi: 10.1111/bjet.12902
21. Danaei D., Jamali H.R., Mansourian Y., Rastegarpour H. Comparing reading comprehension between children reading augmented reality and print storybooks // *Computers & Education*. 2020. Vol. 153. Art. No. 103900. doi: 10.1016/j.compedu.2020.103900
22. Sun H., Tan J. Lim M.C. AI and early language learning: A scoping review // *AI Brain Child*. 2025. Vol. 1. Art. No. 4. doi: 10.1007/s44436-025-00005-3
23. Gordon G., Breazeal C. Bayesian Active Learning-Based Robot Tutor for children's Word-Reading skills // *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. 2015. Vol. 29, № 1. doi: 10.1609/aaai.v29i1.9376
24. Kory-Westlund J.M., Breazeal C. Exploring the effects of a social robot's speech entrainment and backstory on young children's emotion, rapport, relationship, and learning // *Frontiers in Robotics and AI*. 2019. Vol. 6. doi: 10.3389/frobt.2019.00054
25. Gordon G., Spaulding S., Westlund J.K., Lee J.J., Plummer L., Martinez M., Das M., Breazeal C. Affective personalization of a social robot tutor for children's second language skills // *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. 2016. Vol. 30, № 1. doi: 10.1609/aaai.v30i1.9914
26. Садыкова Г.В., Каюмова А.Р., Халиуллина Д.И. Использование сервисов генеративного искусственного интеллекта в языковых образовательных программах для детей дошкольного возраста // *Информатика и образование*. 2025. Т. 40, № 1. С. 31–41. doi: 10.32517/0234-0453-2025-40-1-31-41
27. Meskill C. Digital screen mediate on in language learning and teaching // *The Bloomsbury Handbook of Language Learning and Technology* / Eds. R. Hampel, U. Stickler. London/New York : Bloomsbury, 2024. P. 173–184.
28. Meskill C., Sadykova G., Kayumova A. Mediating digital screens with very young emerging bilinguals // *Bilingual Research Journal*. 2020. Vol. 43. № 2. P. 137–156. doi: 10.1080/15235882.2020.1743383
29. Teichert L. To Digital or not to Digital: How Mothers are Navigating the Digital World with their Young Children // *Language and Literacy*. 2017. Vol. 19, № 1. P. 63–76. doi: 10.20360/g22p5w
30. Vygotsky L. *Mind in Society: the development of higher psychological processes*. Cambridge : Harvard University Press, 1978. 159 p.
31. Meskill C. *Digital Screen Mediation in Education: Authentic and Agentive Technology Practices for Teaching and Learning*. 1st ed. Philadelphia : Routledge, 2021. 196 p. doi: 10.4324/9781003013594
32. Каюмова А.Р., Садыкова Г.В. Платформы генеративного искусственного интеллекта для создания визуального и аудио контента: обзор и опыт применения в языковом дошкольном образовании // *Казанская наука*. 2024. Т. 9. С. 28–31.
33. Садыкова Г.В., Каюмова А.Р. Концепция модели интеграции технологий искусственного интеллекта в билингвальные программы для детей дошкольного возраста // *Искусственный интеллект в решении актуальных социальных и экономических проблем XXI века: сборник статей по материалам Девятой всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Пермь, ПГНИУ, 17–18 октября 2024 г.)* / под ред. Л.Н. Ясницкого, Т.В. Миролюбовой, М.В. Радионовой, Е.Г. Плотноковой. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, НИУ «Высшая школа экономики», 2024. С. 440–445.
34. Holmes W. *The Unintended Consequences of Artificial Intelligence and Education*. Brussels : Education International, 2024. 86 p.
35. Kurian N. AI's empathy gap: The risks of conversational Artificial Intelligence for young children's well-being and key ethical considerations for early childhood education and care // *Contemporary Issues in Early Childhood*. 2025. Vol. 26, № 1. P. 132–139. doi: 10.1177/14639491231206004
36. Kardeş S., Uygun N., Terim Türkmen T. Attitudes of Preschool Teachers towards Artificial Intelligence // *Southeast Asia Early Childhood Journal*. 2025. Vol. 14, № 1. P. 120–135. doi: 10.37134/saecj.vol14.1.9.2025
37. Садыкова Г.В., Каюмова А.Р. Технологии искусственного интеллекта в российском образовательном пространстве: взгляд педагогов // *Перспективы науки и образования*. 2024. Т. 6, № 72. С. 720–732. doi: 10.32744/pse.2024.6.45

References

1. Konkol' M.M. Transformatsiya obrazovatel'nogo protsessa cherez prizmu iskusstvennogo intellekta i neyrosetevogo progressa // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2024. Т. 6, № 109. С. 104–108. doi: 10.24412/1991-5497-2024-6109-104-108
2. Druga S., Christoph F.L., Ko A.J. Family as a Third Space for AI Literacies: How do children and parents learn about AI together? // *CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. 2022. P. 1–17. doi: 10.1145/3491102.3502031
3. Maloney S. Barnardos. Barnardos Report Reveals 63% of Children Learn About AI (Artificial Intelligence) Through Social Media. 2024. URL: <https://www.barnardos.ie/ai-report/> (data obrashcheniya: 07.08.2025).
4. Executive Summary: Memorandum on Artificial Intelligence and Child Rights. 2019. URL: <https://www.unicef.org/innovation/media/10726/file/Executive%20Summary%20Memorandum%20on%20Artificial%20Intelligence%20and%20Child%20Rights.pdf> (data obrashcheniya: 07.08.2025).
5. Yigit E. Otkryvaya novyye gorizonty: rol' iskusstvennogo intellekta v rasshirenii vozmozhnostey detskogo obrazovaniya i media // *Sovremennoye doskol'noye obrazovaniye*. 2024. Т. 18, № 3. С. 73–80. doi: 10.24412/2782-4519-2024-3123-73-8
6. Su J., Yang W. Artificial intelligence in early childhood education: A scoping review. *Computers and Education* // *Artificial Intelligence*. 2022. Vol. 3. Art. No. 100049. doi: 10.1016/j.caeai.2022.100049
7. Children's Media Lives; London: Revealing Reality. 2024. 71 p. URL: <https://www.ofcom.org.uk/siteassets/resources/documents/research-and-data/media-literacy-research/children/children-media-use-and-attitudes-2024/childrens-media-lives-2024-summary-report.pdf?v=367549> (data obrashcheniya: 07.08.2025).
8. Alzahrani A. A systematic review of the use of information communication technology, including augmented reality, in the teaching of science to preschool children // *International Journal of Educational Research Open*. 2025. Vol. 9. Art. No. 100453.
9. Ruijia Z., Wenling L., Xuemei Z. The impact of Information and Communication Technology (ICT) on learning outcomes in early childhood and primary education: a meta-analysis of moderating factors // *Frontiers in Psychology*. 2025. Vol. 16. Art. No. 1540169. doi: 10.3389/fpsyg.2025.1540169
10. Derakhshan A., Teo T., Robat E.S., Enayat M.J., Jahanbakhsh A.A. Robot-Assisted Language Learning: a Meta-Analysis // *Sage Journals*. 2024. May 1. doi: 10.3102/00346543241247227
11. Cizrelioglu I., Aydin S. Using artificial intelligence in EFL learning among multilingual young learners // *Fostering inclusive education with AI and emerging technologies* / Eds. M. Sanmugam et al. Hershey : IGI Global, 2024. P. 303–322. doi: 10.4018/979-8-3693-7255-5.ch013
12. Haque A., Ariansyah M.R., Wiladiah N.C., Sari R.N. Teaching Vocabulary in a Digital Era: A Study on Tools and Techniques for Engaging English Learners // *IRELL: Indonesian Review of English Education, Linguistics, and Literature*. 2024. Vol. 2, № 2. P. 225–245. doi: 10.30762/irell.v2i2.4433
13. Gençten V.Y., Aydemir F. Technology-Assisted Interactive Reading Activities In Early Childhood Education // *International Journal of Education Technology and Scientific Researches*. 2023. Vol. 24. P. 2390–2416. doi: 10.35826/ijetsar.676
14. Kurnia C., Wiyaka W., Nur'Aini S. Impact of Reading Eggs on Reading Skills: A TaRL-Based Study of Age and Gender Dynamics // *Journal of Education and Teaching (JET)*. 2025. Vol. 6, № 1. S. 79–90. doi: 10.51454/jet.v6i1.478
15. Verdugo D.R., Belmonte I.A. Using Digital Stories to Improve Listening Comprehension with Spanish Young Learners of English // *Language Learning & Technology*. 2007. Vol. 11, № 1. P. 87–101.

16. Crompton H., Gregory K., Burke D. Humanoid robots supporting children's learning in an early childhood setting // *British Journal of Educational Technology*. 2018. Vol. 49. P. 911–927. doi: 10.1111/bjet.12654
17. Kisno, Wibawa B., Khaerudin. Digital Storytelling for Early Childhood Creativity: Diffusion of Innovation “3-D Coloring Quiver Application Based on Augmented Reality Technology in Children's Creativity Development” // *International Journal of Online and Biomedical Engineering (iJOE)*. 2022. Vol. 18. № 10. P. 26–42. doi: 10.3991/ijoe.v18i10.32845
18. Suhendra N.N., Antik Sari N.T., Wahyudin D. The Effect of Using the Duolingo Application on Elementary School Students' Mastery of English Vocabulary // *Educational Studies and Research Journal*. 2024. Vol. 1, № 2. P. 93–98. doi: 10.37147/eltr.v4i2.71
19. Sadykova G., Gimaletdinova G., Khalitova L., Kayumova A. Integrating mobile technologies into very young second language learners' curriculum // *CALL communities and culture – short papers from EUROCALL 2016 (24–27 August 2016)*. Limassol : Research-publishing.net, 2016. P. 408–412. doi: 10.14705/rpnet.2016.eurocall2016.597
20. Chen C. AR videos as scaffolding to foster students' learning achievements and motivation in EFL learning // *British Journal of Educational Technology*. 2020. Vol. 1, № 3. P. 657–672. doi: 10.1111/bjet.12902
21. Danaei D., Jamali H.R., Mansourian Y., Rastegarpour H. Comparing reading comprehension between children reading augmented reality and print storybooks // *Computers & Education*. 2020. Vol. 153. Art. No. 103900. doi: 10.1016/j.compedu.2020.103900
22. Sun H., Tan J. Lim M.C. AI and early language learning: A scoping review // *AI Brain Child*. 2025. Vol. 1. Art. No. 4. doi: 10.1007/s44436-025-00005-3
23. Gordon G., Breazeal C. Bayesian Active Learning-Based Robot Tutor for children's Word-Reading skills // *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. 2015. Vol. 29, № 1. doi: 10.1609/aaai.v29i1.9376
24. Kory-Westlund J.M., Breazeal C. Exploring the effects of a social robot's speech entrainment and backstory on young children's emotion, rapport, relationship, and learning // *Frontiers in Robotics and AI*. 2019. Vol. 6. doi: 10.3389/frobt.2019.00054
25. Gordon G., Spaulding S., Westlund J.K., Lee J.J., Plummer L., Martinez M., Das M., Breazeal C. Affective personalization of a social robot tutor for children's second language skills // *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. 2016. Vol. 30, № 1. doi: 10.1609/aaai.v30i1.9914
26. Sadykova G.V., Kayumova A.R., Khaliullina D.I. Ispolzovaniye servisov generativnogo iskusstvennogo intellekta v yazykovykh obrazovatel'nykh programmakh dlya detey doshkol'nogo vozrasta // *Informatika i obrazovaniye*. 2025. T. 40, № 1. S. 31–41. doi: 10.32517/0234-0453-2025-40-1-31-41
27. Meskill C. Digital screen mediate on in language learning and teaching // *The Bloomsbury Handbook of Language Learning and Technology* / Eds. R. Hampel, U. Stickler. London/New York : Bloomsbury, 2024. P. 173–184.
28. Meskill C., Sadykova G., Kayumova A. Mediating digital screens with very young emerging bilinguals // *Bilingual Research Journal*. 2020. Vol. 43. № 2. P. 137–156. doi: 10.1080/15235882.2020.1743383
29. Teichert L. To Digital or not to Digital: How Mothers are Navigating the Digital World with their Young Children // *Language and Literacy*. 2017. Vol. 19, № 1. P. 63–76. doi: 10.20360/g22p5w
30. Vygotsky L. *Mind in Society: the development of higher psychological processes*. Cambridge : Harvard University Press, 1978. 159 p.
31. Meskill C. *Digital Screen Mediation in Education: Authentic and Agentive Technology Practices for Teaching and Learning*. 1st ed. Philadelphia : Routledge, 2021. 196 p. doi: 10.4324/9781003013594
32. Kayumova A.R., Sadykova G.V. Platformy generativnogo iskusstvennogo intellekta dlya sozdaniya vizual'nogo i audio kontenta: obzor i opyt primeneniya v yazykovom doshkol'nom obrazovanii // *Kazanskaya nauka*. 2024. T. 9. S. 28–31.
33. Sadykova G.V., Kayumova A.R. Kontseptsiya modeli integratsii tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v bilingval'n'ye programmy dlya detey doshkol'nogo vozrasta // *Iskusstvennyy intellekt v reshenii aktual'nykh sotsial'nykh i ekonomicheskikh problem KHKHI veka: sbornik statey po materialam Devyatoy vsrossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (g. Perm', PGNIU, 17–18 oktyabrya 2024 g.)* / pod red. L.N. Yasnitskogo, T.V. Mirolubovoy, M.V. Radionovoy, YE.G. Plotnikovoy. Perm' : Permskiy gosudarstvennyy natsional'nyy issledovatel'skiy universitet, NIU «Vysshaya shkola ekonomiki», 2024. S. 440–445.
34. Holmes W. *The Unintended Consequences of Artificial Intelligence and Education*. Brussels : Education International, 2024. 86 p.
35. Kurian N. AI's empathy gap: The risks of conversational Artificial Intelligence for young children's well-being and key ethical considerations for early childhood education and care // *Contemporary Issues in Early Childhood*. 2025. Vol. 26, № 1. P. 132–139. doi: 10.1177/14639491231206004
36. Kardeş S., Uygun N., Terim Türkmen T. Attitudes of Preschool Teachers towards Artificial Intelligence // *Southeast Asia Early Childhood Journal*. 2025. Vol. 14, № 1. P. 120–135. doi: 10.37134/saej.vol14.1.9.2025
37. Sadykova G.V., Kayumova A.R. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v rossiyskom obrazovatel'nom prostranstve: vzglyad pedagogov // *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2024. T. 6, № 72. S. 720–732. doi: 10.32744/pse.2024.6.45

Информация об авторах:

Садыкова Г.В. – канд. филол. наук, PhD, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: gsadykov@kpfu.ru

Каюмова А.Р. – канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: albina.kayumova@kpfu.ru

Халиуллина Д.И. – инженер научно-образовательного центра стратегических исследований в области родных языков и культур Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: ibdi@balacity.ru

Абрамов А.В. – инженер научно-образовательного центра стратегических исследований в области родных языков и культур Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: AbituAlex@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.V. Sadykova, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: gsadykov@kpfu.ru

A.R. Kayumova, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: albina.kayumova@kpfu.ru

D.I. Khaliullina, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: ibdi@balacity.ru

A.V. Abramov, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: AbituAlex@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.08.2025;
одобрена после рецензирования 16.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 12.08.2025;
approved after reviewing 16.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 378.046.4:371.13
doi: 10.17223/15617793/521/24

Методологические основания подготовки научно-педагогических кадров из числа иностранных граждан в условиях сетевого взаимодействия российских и зарубежных вузов

Елена Геннадьевна Хрисанова¹

¹ Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Чебоксары, Россия, elenka0304@gmail.com

Аннотация. Раскрывается проблема отсутствия целостной методологии подготовки научно-педагогических кадров для зарубежных стран, не сводимой к общим моделям обучения иностранцев. Актуальность исследования обусловлена ростом глобальной конкуренции и стратегической задачей увеличения экспорта российского образования. Предложена методологическая основа, интегрирующая синергетический и конвергентные подходы в условиях межвузовского сетевого взаимодействия. Разработана модель, служащая ориентиром для проектирования программ подготовки научных и научно-педагогических кадров.

Ключевые слова: научно-педагогические кадры, подготовка, сетевое взаимодействие, российские вузы, зарубежные вузы, методологические подходы

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации от 16.01.2025 № 073-03-2025-063.

Для цитирования: Хрисанова Е.Г. Методологические основания подготовки научно-педагогических кадров из числа иностранных граждан в условиях сетевого взаимодействия российских и зарубежных вузов // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 233–245. doi: 10.17223/15617793/521/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/24

Methodological Foundations of Training Research and Teaching Staff from among foreign citizens in Network Collaboration of Russian and Foreign Universities

Elena G. Khrisanova¹

¹ Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation, elenka0304@gmail.com

Abstract. The problem of training scientific and pedagogical personnel from among foreign postgraduate students at Russian universities is becoming relevant, due to the growing global competition in the educational services market, the strategic goal of increasing the export of Russian education (the national project "Education"), the political and humanitarian significance of foreign specialists loyal to Russia training ("soft power"), and the lack of theoretical and methodological development of models for training scientific and pedagogical personnel, in contrast to bachelor's and master's programs. A contradiction has been identified between the need for effective and systematic training of scientific and pedagogical personnel for foreign countries and the lack of a comprehensive methodological framework that takes into account the specifics of this activity. The purpose of the article is to identify, systematize, and theoretically substantiate the methodological foundations for training scientific and pedagogical personnel for foreign countries in Russian universities. The object of the study is the process of training scientific and pedagogical personnel for foreign countries in the Russian higher education system. The subject of the study is the methodological foundations (approaches and principles) for designing and implementing the process of training scientific and pedagogical personnel for foreign countries. To achieve the set goal, the methods of structural and content analysis, modeling, and studying pedagogical experience, as well as questionnaires, were used. The study was based on the ideas and principles of the synergistic, convergent, and binary approaches. The current state has been studied and the key problems of training foreign postgraduate students in Russia have been identified; the methodological foundations (approaches and principles) of the organization of the studied process have been revealed; a structure of the process of training highly qualified personnel for foreign universities has been proposed, based on the identified methodological foundations. The possibilities of organizing network interaction between Russian and foreign universities for the training of scientific personnel have been considered. The expediency of adopting the synergistic, convergent, and binary approaches as the methodological basis of the studied process has been substantiated. The results obtained can be used as a tool for organizing the work of Russian universities' postgraduate programs with foreign students.

Keywords: scientific and pedagogical personnel, training, networking, Russian universities, foreign universities, methodological approaches

Financial support: The study was carried out as part of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 16.01.2025 No. 073-03-2025-063.

For citation: Khrisanova, E.G. (2025) Methodological Foundations of Training Research and Teaching Staff from among foreign citizens in Network Collaboration of Russian and Foreign Universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 233–245. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/24

Введение

Подготовка научных и научно-педагогических кадров через проведение научных исследований в отечественных и зарубежных вузах является важным фактором реализации такого направления государственной политики, как продвижение русского языка и культуры за рубежом. Как отмечалось Сергеем Кравцовым, министром просвещения Российской Федерации, «научно-исследовательская работа педагогических вузов позволяет расширить присутствие русского языка в мире и популяризировать российское образование». В настоящее время для проведения такой работы создана определенная база в рамках выполнения подведомственными Министерству просвещения Российской Федерации вузами научно-исследовательских работ: осуществлены аналитические исследования систем образования дружественных стран Латинской Америки, Африки, Азии, сделаны выводы о потребности населения этих стран в изучении русского языка, разработаны модели и технологии подготовки учителей русского языка как иностранного для зарубежных образовательных организаций с учетом этнокультурных особенностей различных стран. Дальнейшее развитие деятельности вузов в названном направлении возможно в аспекте проведения совместных научных исследований, посвященных различным проблемам русскоязычного образования за рубежом, в рамках подготовки кадров высшей квалификации.

Согласно Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации, утверждённой в мае 2025 г., одной из ключевых перспектив является развитие российских научных школ с привлечением зарубежных партнеров, а также расширение и углубление образовательной кооперации в области подготовки кадров высшей квалификации с государствами, поддерживающими конструктивную или нейтральную политику в отношении России [1].

Ключевыми направлениями такого сотрудничества являются:

- развитие кадровой базы путем краткосрочной мобильности кадров, привлечения ведущих ученых и преподавателей из-за рубежа для проведения краткосрочных стажировок и обмена опытом; формирования интернациональных исследовательских коллективов для решения глобальных вызовов и ускорения научных открытий; создания совместных лабораторий, работающих по международным стандартам. Это необходимо для обеспечения высокого уровня научных исследований и повышения их практической значимости;
- обмен опытом и распространение знаний путем реализации приоритетных научно-исследовательских проектов с международными партнерами, проведения международных конференций и семинаров, иных глобальных научных мероприятий; совместных публикаций результатов исследований в престижных международных журналах для создания значимых научных

публикаций и патентов повышения видимости отечественных ученых в мировой научно-образовательной среде;

- развитие научно-исследовательской инфраструктуры на основе создания Центров коллективного пользования, предоставляющих доступ к новейшему оборудованию и технологиям для ученых и студентов; открытие зеркальных лабораторий, полностью идентичных международным аналогам, необходимых для проведения исследований на мировом уровне;

- повышение международного рейтинга и престижа российских вузов на международной арене путем развития академической мобильности обучающихся и реализации программ двойных дипломов [2].

Подготовка научных и научно-педагогических кадров в России реализуется посредством организации послевузовского образования в аспирантуре и докторантуре. Различные аспекты обучения иностранных студентов в российских вузах, проблемы их адаптации и социокультурной интеграции, специфики аспирантуры как третьей ступени высшего образования являются достаточно изученными. Однако, несмотря на разработанность рассматриваемой проблемы, продолжает сохраняться актуальность ее изучения, обусловленная необходимостью рассмотрения методологических оснований и поиска путей ее решения в плане продвижения русского языка и культуры за рубежом и подготовки научных и научно-педагогических кадров в условиях сетевого взаимодействия вузов России и зарубежья.

Целью статьи является выявление и теоретическое обоснование методологических оснований подготовки научных и научно-педагогических кадров для зарубежных стран в российских вузах. *Объектом* исследования стал процесс подготовки научно-педагогических кадров для зарубежных стран в системе российского высшего образования. *Предметом* исследования – методологические основания (подходы и принципы) процесса подготовки научно-педагогических кадров из числа иностранных граждан в условиях сетевого взаимодействия российских и зарубежных вузов.

Методология и методы исследования

Методология исследования базировалась на положениях синергетического и конвергентного подходов. Для достижения поставленной цели исследования были применены методы структурно-содержательного анализа, педагогического моделирования, изучения и обобщения педагогического опыта, опросные методы (анкетирование).

В исследовании приняли участие 50 иностранных аспирантов, обучающихся в вузах Чувашской Республики: Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева, Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова, Чебоксарском политехническом институте (филиале Московского государственного машиностроительного университета).

Результаты исследований и их обсуждение

В современном мире конкуренция университетов измеряется не только позициями в международных рейтингах, но и их способностью привлекать лучших студентов и исследователей со всего мира. Важным инструментом мягкой силы и академического влияния становится подготовка кадров высшей квалификации для зарубежных стран. Российское высшее образование, обладая глубокими традициями в фундаментальной науке и уникальной системой аспирантуры, активно развивает это направление. В настоящее время наблюдается активизация исследований в области подготовки кадров высшей квалификации. Проводимые изыскания зачастую носят междисциплинарный характер, находясь на стыке педагогики, психологии, социологии и лингвистики. Анализ результатов исследований, представленных в научных публикациях, позволил выделить ряд наиболее разработанных направлений.

1-е направление. Проблемы адаптации и социокультурной интеграции иностранных студентов.

Л.И. Гришаева и Л.В. Цурикова (Воронежский государственный университет) детально исследовали коммуникативные барьеры и языковые трудности, испытываемые иностранными студентами, процесс их «вживания» в иную культурную среду и феномен культурного шока [3]. Роль тьюторства и межкультурного диалога в интеграции иностранных обучающихся в российскую социокультурную среду изучалась Л.П. Жулёвой (Национальный исследовательский Томский государственный университет [4]), а также коллективом ученых Сибирского института управления (О.А. Береговая, С.С. Лопатина, Н.В. Отургашева [5]). Н.С. Тимченко, Ю.Ю. Кочетова, А.Ю. Бендрикова (Алтайский государственный медицинский университет) изучали проблему академической и средовой адаптации иностранцев – обучающихся российских вузов, включая трудности с пониманием лекций, конспектированием и спецификой российской системы высшего образования [6].

2-е направление. Специфика аспирантуры как ступени высшего образования.

В.А. Смолий, О.Е. Лабадзе, О.М. Шевченко, М.С. Астоянц (Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова), посвятили свои исследования разработке форм воспроизводства научно-педагогических кадров в вузах России [7]. Л.Е. Варшавский, М.Г. Дубинина, И.Л. Петрова (Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере) исследовали динамику численности и структуры научных кадров в России [8]. А.М. Аблажей (Новосибирский государственный университет) изучал особенности подготовки кадров в процессе интеграции академической науки и высшего образования [9]. С.М. Рукавишников (Саратовская государственная юридическая академия) исследовал проблемы эффективности подготовки научных и научно-педагогических кадров в условиях реформирования системы высшего и послевузовского образования Российской Федерации [10].

Т.А. Строкова (Тюменский государственный университет) исследовала условия формирования исследовательских компетенций аспирантов [11]. И.С. Алексеева (Северо-Восточный федеральный университет имени А.К. Аммосова) провела анализ содержания подготовки научных кадров в российских вузах [12]. А.В. Григорьева, Е.А. Терентьев (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») изучили подходы и проанализировали опыт организации научного руководства аспирантами [13]. Н.Б. Самойленко (Севастопольский государственный университет) предпринято изучение вызовов и перспектив в подготовке научных и научно-педагогических кадров в современных условиях [14].

3-е направление. Комплексные аспекты обучения иностранных обучающихся как сквозная проблема на всех уровнях высшего образования.

В исследованиях В.И. Кружалина (МГУ имени М.В. Ломоносова), посвященных вопросам управления и политики в области экспорта российского образования, представлен анализ стратегии привлечения иностранных обучающихся, включая аспирантов, к обучению в российских вузах [15]. Р. Altbach (2004) [16], Patricio, M.T., Santos P. (2020) изучали тенденции развития системы подготовки научных кадров в образовательных системах различных стран [17].

Исследования в области сравнительно-сопоставительного анализа зарубежных и отечественной систем подготовки научных кадров позволили выявить ряд различий между ними (Б.И. Бедный, С.К. Бекова, Н.В. Рыбаков, Е.А. Терентьев [18], Д. Нацпашвили [19], Л.С. Рубан [20]. Аналогичные исследования проведены зарубежными учеными: L. Borrell-Damian, R. Morais, J.H. Smith [21], T. Bourner [22], F.C. Kot [23], Lea Goldan, Steffen Jaksztat, Christiane Gross [24]. Следует отметить, что всеми исследователями выделяются такие традиционные зарубежные системы подготовки научных кадров, как американская, западноевропейская и азиатская.

Американская и западноевропейская системы подготовки научных и научно-педагогических кадров отличаются от отечественной в следующих аспектах:

- структурирование программ обучения в пятилетних докторантурах на программы образовательной направленности (2 года) и программы исследовательского характера (3 года);
- реализация междисциплинарного подхода как обязательного элемента проводимых исследований;
- обеспечение связи науки и практики путем создания контекста исследования в его связи с обществом и производством.

Основной особенностью подготовки научных кадров в странах Азии является сочетание западноевропейских черт и азиатской культуры, проявляющееся:

- в содержании образовательной программы, включающей обучение в течение первых двух лет и исследовательскую деятельность, начиная со второго года программы;
- в стимулировании и поощрении научно-исследовательской деятельности студентов в процессе обучения в вузе;

– в направленности на международное сотрудничество, расширение спектра совместно выполняемых программ обучения и стажировок [25].

Таким образом, к основным различиям подготовки научно-педагогических кадров в аспирантурах российских и зарубежных вузов относятся:

– структура и содержание образовательных программ. В зарубежных программах объём образовательной составляющей составляет одну треть от объёма исследовательской части, в то время как в российских программах на образовательную составляющую приходится одна шестая часть от исследовательской;

– обязательность дисциплин. В зарубежных университетах вся образовательная составляющая является обязательной, в то время как в российских программах факультативные дисциплины не обязательны;

– исследовательская составляющая. В российских программах объём исследовательской составляющей больше, чем в зарубежных, но значительная часть отведённого времени уходит на организационные мероприятия;

– участие обучающихся в командной работе. В зарубежных программах аспирант участвует в командной работе над научным проектом, что обеспечивает инновационный характер исследований и формирование у обучающихся ряда важных дополнительных компетенций.

Исторически СССР, а затем и Российская Федерация готовили кадры для многих дружественных стран. Это создало прочную основу и сформировало «бренд» российского инженерного, медицинского и естественнонаучного образования. Для установления отношения современных иностранных граждан к обучению в российской аспирантуре был осуществлён опрос 20 аспирантов, представителей Демократической Социалистической Республики Шри-Ланка и 30 аспирантов из Китайской Народной Республики, обучающихся в вузах Чувашской Республики. Анализ полученных ответов показал, что ключевыми преимуществами именно российской аспирантуры для респондентов являются:

– финансовая доступность – наиболее значимый фактор, его назвали 86% отвечавших. Возможность обучения по квотам Правительства РФ, а также сравнительно невысокая стоимость контрактного образования делают российскую аспирантуру привлекательной для иностранных граждан;

– культурный и исторический интерес также остаётся важным фактором для значительной доли иностранных граждан (42%). Для многих студентов из стран Азии, Африки и Ближнего Востока Россия остаётся мостом между культурами;

– фундаментальность подготовки (28% респондентов). В российской аспирантуре акцент делается на глубокое теоретическое изучение дисциплин, особенно в области физики, математики, химии, инженерии и материаловедения;

– доступ к уникальной ресурсной базе (20%). Этот фактор оказался значимым преимущественно для ланкийских аспирантов. Они отметили, что российские университеты обладают мощными лабораториями,

экспериментальными установками и научными школами, не имеющими аналогов в мире.

В содержание опроса был также включён вопрос о негативных сторонах обучения в российской аспирантуре для иностранных обучающихся. Были названы:

– языковой барьер как первоначальный вызов (90%). Большинство программ аспирантуры требуют владения русским языком на уровне, достаточном для чтения научной литературы, ведения исследований и преподавания. Это обуславливает необходимость развитой системы довузовской подготовки, включая подготовительные факультеты (для иностранных граждан);

– валидация результатов и «золотой стандарт» диссертации (84%). Одной из ключевых проблем остаётся признание российских ученых степеней (кандидата и доктора наук) за рубежом;

– социокультурный шок и трудности межкультурной коммуникации (76%) (стереотипы, различия в нормах поведения);

– академический барьер: различия в системах образования, методиках преподавания и оценивания, адаптация содержания образовательных программ (58%);

– научное руководство и межкультурная коммуникация (54%). Роль научного руководителя для иностранного аспиранта выходит за рамки чисто научных. Он часто становится наставником в вопросах адаптации, посредником в коммуникации с администрацией и коллегами. Это требует от российских профессоров развития межкультурных компетенций и владения языками международного общения;

Таким образом, российская аспирантура, обладая высоким научным потенциалом и богатыми академическими традициями, привлекает пристальное внимание иностранных соискателей. Вместе с тем, в процессе освоения программ подготовки научно-педагогических кадров, обучающиеся из других стран сталкиваются с рядом специфических вызовов, требующих особого внимания и всесторонней поддержки.

На сегодняшний день выделяются несколько успешных моделей подготовки аспирантов из числа иностранных граждан в российских вузах:

– классическая («советская») модель: Иностранный аспирант приезжает в российский вуз, проходит полный цикл обучения от вступительных экзаменов до защиты, полностью интегрируясь в местную научную среду;

– сетевая модель (двойные дипломы): Российский и зарубежный университет совместно руководят аспирантом. Исследование может проводиться частично в каждой из стран, а по итогам защищается одна диссертация, дающая право на получение степеней обоих университетов (или выдается совместный диплом);

– модель «коротких программ» и стажировок. Для уже действующих преподавателей зарубежных вузов организуются курсы повышения квалификации, научные стажировки в российских лабораториях, летние школы. Это точечное и эффективное воздействие.

Классическая модель «приезда–обучения–отъезда» для иностранных аспирантов часто сталкивается с проблемами акклиматизации и неполной интеграции обучающихся в российскую образовательную среду, признания дипломов.

Наиболее эффективной представляется сетевая модель аспирантуры. Сетевое взаимодействие в подготовке кадров объединяет образовательные учреждения для использования ресурсов нескольких организаций, включая иностранные, для освоения образовательных программ. Это взаимодействие обладает значительным образовательным потенциалом, позволяя разрабатывать и внедрять инновационные модели содержания образования и управления, а также совместно использовать ресурсы [26]. К такому выводу пришли исследователи О.И. Зезегова [27], Т.А. Костюкова, О.Г. Масленникова, М.А. Отт [28], Е.А. Тепляшина, М.М. Петрова, А.Б. Салмина, О.С. Развина [29].

Построение модели подготовки кадров высшей квалификации на основе сетевого взаимодействия российских и зарубежных вузов предполагает определение методологического базиса исследуемого процесса. В качестве основных в исследовании были приняты синергетический, конвергентный и бинарный подходы.

Синергетический подход или теория самоорганизации был сформулирован в исследованиях Г. Хакена [30], И. Пригожина [31], В. Буданова [32]. Основой подхода являются представления о том, что взаимодействие различных компонентов системы может приводить к появлению новых свойств и качеств, которые невозможно смоделировать или предсказать на основе анализа отдельных элементов. Основными положениями синергетического подхода являются:

- синергия подразумевает, что результат взаимодействия элементов системы превосходит сумму результатов, достигаемых при работе каждого элемента в отдельности. Это может проявляться в форме эффективного сотрудничества, где участники добиваются большего вместе, чем по отдельности;

- нелинейность и сложность систем, в которых элементы постоянно изменяются и адаптируются друг к другу. В синергетике акцент ставится на нелинейные процессы, где малые изменения в одном из компонентов могут вызвать значительные изменения в системе в целом;

- системы могут адаптироваться и упорядочиваться без внешнего управления. Новые свойства (или «эмерджентные» свойства) могут возникать в результате взаимодействия компонентов системы, что невозможно предсказать, анализируя отдельные части;

- системы состоят из взаимозависимых элементов, где изменения одного элемента тесно связаны с состоянием других, а взаимодействия элементов меняют поведение системы как целого;

- системы развиваются во времени и могут менять свои состояния под воздействием различных факторов. Системы способны эволюционировать и адаптироваться к изменениям в окружающей среде, что позволяет им сохранять устойчивость и эффективность;

- открытые системы активно взаимодействуют с окружением, что влияет на их развитие и структуру. Это дает возможность учитывать влияние внешних факторов на динамику системы.

Синергетический подход предлагает новые перспективы в понимании сложных систем и их взаимодействий. Применение синергетического подхода при

моделировании подготовки научных кадров для зарубежных стран в российской аспирантуре может быть интересным и многогранным. Основанный на принципе взаимодействия различных элементов системы, подход позволяет создать новые качества и эффекты, не имеющиеся в отдельных элементах. В контексте подготовки научных кадров, это может включать:

- интеграцию различных дисциплин. Синергетический подход подразумевает, что междисциплинарное взаимодействие может повысить качество подготовки. Например, объединение знаний из точных наук и гуманитарных дисциплин может дать аспирантам более широкий кругозор;

- международное сотрудничество. Сотрудничество с зарубежными университетами и научными центрами может помочь аспирантам получить доступ к международным ресурсам и методам. Создание совместных программ и обменов может привести к синергетическим эффектам;

- кросс-культурные программы. Формирование программ, учитывающих культурные и научные традиции других стран, может значительно улучшить подготовку аспирантов к работе за границей.

Для эффективного моделирования подготовки аспирантов целесообразно использовать:

- модели системного анализа. Создание системы, которая учитывает различные факторы (академические, культурные, экономические), позволит выявить ключевые направления для улучшения;

- взаимосвязи и взаимодействия. Оценка взаимодействия между аспирантами, преподавателями и внешней средой (например, научными учреждениями других стран) поможет определить точки роста и проблемные области;

- адаптивность системы. Система должна быть гибкой, чтобы адаптироваться к изменениям в международной научной среде и требованиям работодателей.

Синергетический подход может значительно улучшить процесс подготовки научных кадров в российской аспирантуре, сделав его более современным и соответствующим международным стандартам путем интеграции разных дисциплин и международного сотрудничества.

Тесно связан с синергетическим подходом – конвергентный подход. Концепция конвергентного подхода (конвергенции) возникла в разных контекстах – в науке и образовании. Разработчики концепции связаны с исследованиями в области сближения наук и технологий, а также с разработкой моделей конвергентного образования. Реализация данного подхода предполагает взаимопроникновения наук и технологий. Границы между отдельными дисциплинами стираются, а многие результаты возникают в рамках междисциплинарной работы на стыке областей [33, 34].

В контексте данного исследования особый интерес представляет международная конвергенция как сближение изначально непохожих друг на друга субъектов в процессе взаимодействия. Международная конвергенция может быть двусторонней и многосторонней, степень её эффективности варьируется в зависимости от комплекса факторов. Конвергенция на мировом

уровне заключается в глобализации – формировании общей системы хозяйственных, политических, социальных, культурных, научных и других отношений [35].

Подготовка научных кадров из числа иностранных граждан в сетевом взаимодействии российских и зарубежных вузов реализация конвергентного подхода возможна путем:

- интеграции ключевых единиц учебных планов и программ для создания гибких и многоуровневых образовательных курсов. Разработка совместных магистерских и докторских программ с акцентом на междисциплинарные исследования;

- использования современных технологий: онлайн-платформ для совместного обучения, доступных для студентов из разных стран (например, МООС); технологий виртуальной реальности и дополненной реальности для улучшения образовательного опыта;

- кросс-дисциплинарных исследований, предполагающих создание мультидисциплинарных исследовательских групп, где аспиранты смогут работать над проектами, сочетающими разные научные направления; проведение совместных семинаров, где студенты могут представить свои исследования и получить рекомендации от специалистов из разных областей.

Конвергентный подход в исследуемом контексте заключается в его способности преодолеть традиционную разобщенность дисциплин, форматов и культур, создав целостную, гибкую и эффективную образовательную среду:

- подход стимулирует создание образовательных траекторий на стыке наук. Сетевое взаимодействие вузов позволяет объединить сильные стороны их научных школ в единую программу для аспиранта;

- реализация подхода предполагает слияние (конвергенцию) образовательных ресурсов и технологий в единую экосистему путем создания совместных виртуальных лабораторий с удаленным доступом к уникальному оборудованию обоих вузов и единой цифровой образовательной среды, применения смешанных форматов обучения, когда онлайн-курсы от одного вуза интегрируются в очный учебный план другого;

- конвергентный подход не навязывает одну культурно-образовательную модель, а создает гибридную среду, в которой аспирант учится работать в международной команде, воспринимая различия как ресурс, а не как препятствие, формируется новый тип академической культуры, сочетающий, например, российскую фундаментальность и западный акцент на прикладных результатах и предпринимательстве;

- конвергенция позволяет повышать эффективность и практическую значимость исследований, интегрируя фундаментальные исследования одного вуза с прикладными разработками и доступом к рынкам другого;

- применение подхода позволяет обеспечить персонализацию образовательных траекторий аспирантов в условиях сетевого взаимодействия российского и зарубежного вузов благодаря возможности выбирать курсы из каталогов обоих вузов, иметь двух научных руководителей из разных стран и/или научных дисциплин, формировать индивидуальный график исследовательских стажировок и онлайн-консультаций;

- реализация конвергентного подхода способствует интернационализации науки, так как аспирант с первого дня становится частью международной исследовательской сети;

- выпускник программы аспирантуры, построенной на конвергентном подходе, получает уникальный опыт и формальные признаки своего статуса: двойной диплом или диплом с указанием сетевой формы обучения, портфолио реальных международных проектов, сертификаты о прохождении курсов в партнерском вузе. Это делает его крайне привлекательным для международных научных центров, транснациональных корпораций и высокотехнологичных стартапов;

- интеграция вузов по конвергентной модели дает возможность управлять рисками и повышать устойчивость образовательной системы с несколькими центрами. Если коммуникация по одному каналу затруднена, взаимодействие может быть перераспределено через другие интегрированные элементы (цифровые платформы, совместные проекты с третьими партнерами). Это делает образовательный процесс более устойчивым к внешним шокам.

Таким образом, применение конвергентного подхода в построении модели подготовки научных кадров из числа иностранных граждан позволяет создать более гибкую, адаптивную и многоуровневую образовательную среду благодаря интеграции знаний, технологий и методов, а также активного сетевого взаимодействия.

Конкретизация подходов на уровне руководящих идей предполагает определение принципов организации процесса научной подготовки иностранных аспирантов.

Разработчики синергетического подхода определили базовые принципы синергетики, разделив их на две группы: принципы устойчивости системы (гомеостатичности, иерархичности, самодетерминации системы) и принципы трансформации, изменчивости сценариев и появления нового качества системы (нелинейности, открытости, неустойчивости, наблюдаемости) [36]. В теории конвергентного подхода выделены принципы: междисциплинарного синтеза естественно-научного и гуманитарного знания; переориентации учебной деятельности с познавательной на проективно-конструктивную; конструирования как модели познания; приоритета освоения универсальных способов деятельности над предметными; обязательности применения теоретических знаний на практике в рамках междисциплинарных проектов.

С учетом положения В.Г. Буданова о том, что принципы представляют собой минимальный набор общих свойств, характеризующих развивающиеся системы, удобных для практических целей описания и моделирования [36], определены принципы подготовки научно-педагогических кадров из числа иностранных граждан в условиях сетевого взаимодействия российского и зарубежного вузов:

- принцип самодетерминации и самообразования, требующий овладения аспирантами способами пополнения знаний, самостоятельного поиска нужной информации, её интерпретации и выработки умений пользоваться полученными знаниями;

– принцип иерархичности, предполагающий, что каждое последующее звено обучения основывается на предыдущем, а новое присоединяется к ранее усвоенным знаниям в строгом логическом порядке;

– принцип гомеостатичности, состоящий в учете культурологических особенностей зарубежных обучающихся в организации образовательного процесса, адаптации образовательных программ под индивидуальные потребности и уровень подготовки иностранных аспирантов и, в то же время, в направленности обучения на подготовку аспирантов к научно-педагогической деятельности в условиях страны проживания;

– принцип нелинейности, заключающийся в обучении аспирантов в соответствии с разветвленными образовательными программами, учитывающими интересы, познавательные потребности и личностные особенности обучающихся и способствующими проявлению активности и инициативы обучающихся и развитию их образовательной самостоятельности;

– принцип открытости, требованиями которого применительно к исследуемой проблеме являются: обеспечение открытости содержания обучения; обмен человеческими ресурсами (вовлечение в образовательный процесс как российских, так и зарубежных практических работников, ученых, общественных деятелей); обмен материально-техническими и информационными ресурсами вузов-партнеров;

– принцип неустойчивости, требующий учета различных факторов, оказывающих влияние на образовательный процесс;

– принцип наблюдаемости состоит в идее опоры на эмпирическое обоснование при построении теоретических моделей образовательного процесса, а также в необходимости реализации в управлении процессом подготовки аспирантов аналитико-оценочной и контролирующей функций.

Конвергентный подход предполагает конструирование учебных дисциплин через интеграцию технологических достижений и научных знаний на основе фундаментальных закономерностей развития науки. К принципам реализации конвергентного подхода в подготовке научно-педагогических кадров из числа иностранных граждан в сетевом взаимодействии российского и зарубежного вузов можно отнести принципы:

– сближения взаимодействующих вузов по содержанию и технологиям подготовки научно-педагогических кадров, связи диссертационных исследований с реальными проблемами страны происхождения аспиранта;

– междисциплинарности в учебной и исследовательской составляющих подготовки;

– приоритета проективно-конструктивной деятельности аспирантов;

– формирования надпредметных знаний через НБИК-технологии.

Важную роль в подготовке зарубежных аспирантов играет, как было отмечено выше, сетевое взаимодействие российского и зарубежного вузов. Организация такого взаимодействия требует реализации принципов:

– партнерства и паритетности взаимодействующих сторон в сочетании с разграничением ответственности;

– системности, предполагающей создание сетевой образовательной программы и выработку механизмов согласования и координации взаимодействия;

– вариативности, состоящей в обеспечении необходимого уровня базовой подготовки обучающихся и вариативности подготовки в соответствии с их личным выбором и др. [37].

Таким образом, синергетический подход определяет принципы подготовки аспирантов через призму саморазвития и взаимодействия системы с окружающей средой, конвергентный подход – через интеграцию различных аспектов образовательного процесса для достижения инновационных целей подготовки специалистов, принципы сетевого взаимодействия определяют управление процессом подготовки научных и научно-педагогических кадров.

С учетом результатов проведенного исследования была спроектирована модель подготовки научных кадров из числа иностранных граждан в условиях сетевого взаимодействия российских и зарубежных вузов, которая структурно включает следующие элементы: организационный, содержательный и технологический.

Организационный элемент модели направлен на создание единого образовательного пространства для взаимодействующих вузов. Он содержит:

а) нормативно-правовое и договорное обеспечение, представляющее фундамент, без которого невозможно никакое взаимодействие, и включающее:

– разработку и подписание генерального соглашения о сотрудничестве: Определяет общие цели, принципы и рамки взаимодействия;

– договоры на реализацию конкретных совместных образовательных программ (СОП);

– разграничение прав и обязанностей сторон; финансовые условия (распределение стоимости обучения, стипендии, оплата труда преподавателей);

– порядок использования инфраструктуры и ресурсов;

– ответственность за проживание, безопасность и поддержку студентов;

– согласование учебных планов и программ: Юридическое закрепление их эквивалентности и взаимного признания;

– регулирование вопросов интеллектуальной собственности: Права на учебные материалы, совместные публикации, патенты;

– оформление виз и разрешительных документов: Создание упрощенных процедур для въезда, обучения и стажировок иностранных граждан;

б) управление и координацию как организационную структуру, которая управляет процессом и включает:

– создание совместных координационных советов или рабочих групп из числа представителей администрации, факультетов и международных служб обоих вузов;

– назначение академических кураторов программы с каждой стороны для оперативного решения вопросов;

- разработку регламентов взаимодействия: четких процедур принятия решений, согласования изменений в программах, разрешения конфликтных ситуаций;

- управление проектом: планирование, контроль сроков, управление рисками (например, политические изменения, эпидемии).

- в) академическую и учебно-методическую организацию как ядро образовательного процесса, предполагающую:

- формирование совместного учебного плана: согласование сроков обучения в каждом вузе (модель «2+2», «1+3», семестровые обмены); разработка и аккредитация двойных дипломов (double degree) или совместных дипломов (joint degree); признание кредитов (ECTS и др.), пройденных в партнерском вузе;

- организацию учебного процесса: составление согласованного академического календаря; разработка расписания с учетом онлайн-курсов и очных модулей; создание «цифровых кафедр» или виртуальных академических сред; языковая поддержка в виде курсов русского языка как иностранного на подготовительном этапе и в процессе обучения; поддержка на языке-посреднике (чаще всего английском);

- г) коммуникационную и информационную инфраструктуру, создание которой требует: выбора и внедрения единой платформы для сетевого взаимодействия; создания общего информационного ресурса (сайт программы с актуальной информацией для абитуриентов и студентов); организации регулярных онлайн-совещаний между администраторами и преподавателями; развития сообщества (создание чатов, форумов для студентов и выпускников программы);

- д) поддержку и адаптацию иностранных обучающихся, включающих систему тьюторства и менторства (закрепление за каждым иностранным студентом куратора из числа российских студентов или преподавателей); организацию помощи в адаптации (культурной, социальной, академической); содействие в решении бытовых вопросов; психологическую и юридическую поддержку;

- е) оценочно-результативный блок, определяющий организацию контроля качества и оценки результатов подготовки научных кадров; создание метрик успеха для измерения достижений: уровень публикаций, участие в международных конференциях, степень взаимодействия между участниками.

Таким образом, организационный элемент в условиях сетевого взаимодействия – это целостная, прозрачная и гибкая система, которая юридически закрепляет, административно обеспечивает, академически выверяет и поддерживает процесс подготовки научных кадров из числа иностранных граждан.

Содержательный элемент модели определяет содержание подготовки аспирантов из числа иностранных граждан и включает следующие разделы.

1. Основная образовательная программа и учебный план, разрабатываемые с учетом возможностей партнерских вузов. Учебный план строится на модульной основе, включая базовые модули (обязательные для

изучения дисциплины), профильные модули от российского вуза (узкоспециализированные курсы, демонстрирующие его научные достижения), профильные модули от зарубежного вуза (дополняющие и дающие альтернативный взгляд), элективные модули (аспирант может выбирать курсы для углубления или расширения профиля).

2. Содержание дисциплин. Этот раздел строится с учетом положений конвергентного подхода, что предполагает сближение методологических и теоретических позиций, принятых в научных школах партнерских стран при изучении одних и тех же проблем. Разработка содержания изучаемых дисциплин требует обеспечения их практико-ориентированности и кросс-культурного контекста (изучение специфики реализации научных проектов, ведения НИОКР и коммерциализации результатов в России и стране-партнере).

3. Языковая и академическая подготовка аспирантов, направленная на:

- поддержку двуязычия: Ключевые дисциплины могут быть реализованы на русском и на языке-партнере (чаще английском). Обязательным элементом является «русский язык в научной сфере» — обучение навыкам устной и письменной научной коммуникации на русском языке;

- формирование академических навыков (Academical Skills): специальные модули по написанию научных статей для международных журналов (в т.ч. в соавторстве с руководителями); подготовке заявок на гранты; основам научной этики и противодействия академическим нарушениям; публичным выступлениям и научной коммуникации.

4. Исследовательская и проектная деятельность поддержит: совместные полевые и научные экспедиции, организацию выездных школ, практик на базе исследовательских центров или полевых станций каждого из вузов-партнеров; обязательные научные семинары; регулярные встречи, на которых аспиранты представляют промежуточные результаты своих исследований и получают обратную связь от международного пула профессоров; подготовку публикаций (целенаправленная работа с научным руководителем по подготовке совместных публикаций в журнале, индексируемом в Scopus/Web of Science, до окончания обучения). Для осуществления такой деятельности необходимо создание «виртуальных лабораторий», что представляет собой использование цифровых платформ для удаленного доступа к уникальному оборудованию обоих вузов.

5. Формирование профессиональных сетей (Networking) путем приглашения лекторов и «звездных» ученых не только из партнерских вузов, но и из широкой научной сети; участия аспирантов в международных конференциях с докладом по теме исследования; стажировок в научных центрах и компаниях-партнерах: Содержательная программа включает возможность прохождения краткосрочных стажировок в лабораториях или R&D-центрах, связанных с сетевыми вузами.

6. Воспитательный и кросс-культурный компонент, включающий: модули по истории и философии науки в России и стране-партнере; изучение академической

культуры (обсуждение различий в системах высшего образования, отношения «руководитель-аспирант», подходов к оценке научной деятельности); социальные и культурные мероприятия, способствующие неформальной интеграции и снимающие культурные барьеры.

Содержательный компонент модели – это не просто сумма курсов двух вузов. Это синергетическая образовательно-исследовательская среда, целью которой является подготовка ученого нового типа: способного свободно работать в международных коллаборациях, понимающего разные научные парадигмы, владеющего академическими практиками обеих стран и интегрированного в мировое научное сообщество, оставаясь при этом связующим звеном между Россией и своей страной.

Третий элемент модели – технологический – это «цифровая экосистема» и инструментальная основа, которая делает сетевую модель жизнеспособной, эффективной и масштабируемой. Он обеспечивает реализацию как организационного, так и содержательного элементов.

Технологический элемент модели подготовки научных кадров в условиях сетевого взаимодействия включает:

- единую цифровую образовательную платформу (Digital Learning Hub). Это центральный «хаб» или «портал», объединяющий всех участников;

- интеграцию систем управления обучением (LMS), предполагающую не просто использование Moodle или Canvas, а их глубокую интеграцию между вузами, чтобы студенты и преподаватели из разных организаций видели единый интерфейс;

- Единую систему идентификации и доступа (Single Sign-On), которая позволяет использовать один логин и пароль для доступа ко всем ресурсам обоих вузов (библиотекам, базам данных, программному обеспечению);

- персональные цифровые кабинеты для аспирантов (доступ к курсам, расписанию, заданиям, персональному учебному плану), преподавателей (ведение курсов, проверка работ) и администраторов (мониторинг процесса);

- технологии обеспечения совместной учебной и исследовательской деятельности: виртуальные коллаборативные среды (платформы типа Microsoft Teams, Slack или Miro, организованные вокруг конкретных исследовательских групп или проектов, для постоянного обмена идеями и данными); системы видеоконференцсвязи (ВКС) для совместных лекций и семинаров с интерактивным участием аспирантов из обоих вузов, научных семинаров и обсуждений диссертаций с удаленными членами комиссии; цифровые портфолио аспирантов;

- технологии доступа к научной инфраструктуре и данным: системы удаленного доступа к уникальному научному оборудованию; виртуальные исследовательские среды (Virtual Research Environment - VRE); облачные хранилища для больших данных научных проектов и др.;

- цифровые образовательные ресурсы и контент;

- технологии поддержки и коммуникации: чат-боты и системы тикетинга, цифровые тьюторы и системы адаптивного обучения, виртуальные комнаты для неформального общения;

- системы аналитики и мониторинга (Learning Analytics).

Перечисленные элементы неразрывно взаимосвязаны друг с другом, благодаря чему обеспечивается системный характер модели, описывающей исследуемый процесс. Организационный элемент упорядочивает процесс подготовки иностранных аспирантов, определяя его цели, задачи, нормативную базу. Соответственно, этот элемент определяет наполнение содержательного элемента модели, включающего образовательный и научно-исследовательский компоненты. В свою очередь, технологический элемент модели раскрывает этапы осуществления подготовки научных кадров в соответствии с определенным содержанием и необходимые для этого ресурсы. Технологический элемент включает, кроме всего прочего, методы и средства анализа и оценки, с помощью которых собирается информация о результативности организуемого процесса. Эта информация обрабатывается и поступает в организационный элемент модели, определяя внесение необходимых изменений в структуру процесса.

Выводы

Подготовка научных и научно-педагогических кадров из числа иностранных граждан в российских вузах играет большую роль в продвижении русского языка и культуры за рубежом и расширении международного сотрудничества. Исследования показывают, что российская система аспирантуры обладает уникальными традициями и ресурсами. Ключевыми преимуществами российской системы подготовки кадров высшей квалификации для иностранных граждан, как показал проведенный опрос, являются финансовая доступность (86%), культурный и исторический интерес (42%), фундаментальность подготовки (28%), доступ к уникальной ресурсной базе (20%). Негативными аспектами обучения в российской аспирантуре для иностранных обучающихся являются языковой барьер (90%) и сложности с социальной и академической адаптацией иностранных граждан.

Проблема обучения иностранных граждан в российских вузах является достаточно изученной в таких аспектах, как специфика российской системы подготовки научных и научно-педагогических кадров, управление экспортом образования, привлечение иностранных обучающихся, сравнительно-сопоставительный анализ зарубежных и отечественных систем подготовки кадров высшей квалификации, изучение коммуникативных барьеров, языковых трудностей, культурного шока, испытываемых иностранными аспирантами в процессе обучения в российских вузах. Несмотря на это, проблема остается актуальной в контексте методологических оснований подготовки научных кадров из числа иностранных граждан в условиях сетевого взаимодействия российского и зарубежного вузов.

Ключевыми подходами, составляющими методологию исследуемой проблемы, являются синергетический и конвергентный подходы. Синергетический подход позволяет глубже понять процесс личностно-профессиональной подготовки аспирантов в вузе. С позиции этого подхода аспирант рассматривается как открытая саморазвивающаяся целостная динамичная нелинейная система. Развитие такой системы обеспечивается взаимодействием внутренних ресурсов и потребностей системы, а также возможностей внешней среды (как внутренней, так и внешней).

Целесообразность конвергентного подхода при подготовке иностранных аспирантов в условиях сетевого взаимодействия заключается в том, что он позволяет трансформировать потенциальные проблемы международной коллаборации (культурные, административные, методические различия) в конкурентные преимущества. Это достигается через создание принципиально новой образовательной экосистемы, обладающей следующими характеристиками:

- адаптивность и гибкость: динамичное обновление содержания программ в соответствии с глобальными трендами науки, возможность оперативной интеграции новых технологий и методик, быстрое реагирование на изменения на мировом рынке научных кадров;
- системность воздействия: формирование целостного научного мировоззрения у аспирантов, развитие способности к трансдисциплинарному синтезу знаний, воспитание культуры непрерывного профессионального роста;
- мультипликативный эффект: каждый участник сети получает доступ к объединенным ресурсам всех партнеров, научные результаты, полученные в коллаборации, имеют большую ценность, создается устойчивое сообщество выпускников-послов международного сотрудничества

Таким образом, конвергентный подход не просто решает текущие задачи подготовки аспирантов, но и создает основу для долгосрочного стратегического партнерства вузов, повышая их глобальную конкурентоспособность и вклад в развитие мировой науки.

Названные подходы определяют комплекс принципов организации процесса подготовки научных и научно-педагогических кадров из числа иностранных граждан в российском вузе: принципы синергетического подхода (самодетерминации и самообразования, гомеостатичности, нелинейности, принцип открытости, неустойчивости, наблюдаемости) и принципы конвергентного подхода (сближения взаимодействующих вузов по содержанию и технологиям подготовки научно-педагогических кадров; связи диссертационных исследований с реальными проблемами страны происхождения аспиранта; междисциплинарности в

учебной и исследовательской составляющих подготовки; приоритета проективно-конструктивной деятельности аспирантов; формирования надпредметных знаний через НБИК-технологии).

Модель процесса подготовки научных и научно-педагогических кадров из числа иностранных граждан в условиях сетевого взаимодействия российского и зарубежного вузов, основанная на выделенных методологических основаниях, представляет собой целостную систему. Данная система структурно включает три взаимосвязанных и взаимообусловленных элемента: организационный, содержательный и технологический, которые функционируют в едином координационном пространстве.

Организационный элемент включает нормативно-правовое обеспечение образовательного процесса, организацию академической мобильности обучающихся.

Содержательный элемент содержит интегрированный учебный план, представляющий собой синтез лучших образовательных программ и курсов обоих вузов с формированием индивидуальных траекторий обучающихся. Основными характеристиками содержания подготовки аспирантов являются междисциплинарная направленность, проектирование образовательных модулей на стыке научных школ партнеров, отвечающих глобальным вызовам, включение аспиранта в действующие международные исследовательские проекты вузов-партнеров, обязательное руководство диссертационным исследованием со стороны двух научных консультантов (российского и зарубежного).

Технологический элемент интегрирует цифровую образовательную среду, технологии синхронного и асинхронного взаимодействия (вебинаров, видеоконференций для совместных семинаров и консультаций, форумов, чатов и др.), цифровой профиль и портфолио аспиранта, электронный журнал достижений и др.

Элементы модели не существуют изолированно. Синергия этих трех элементов обеспечивает достижение главной цели – подготовку высококвалифицированного, конкурентоспособного на мировом уровне ученого, интегрированного в международное научное сообщество. Модель может служить ориентиром для российских вузов при проектировании и совершенствовании программ аспирантуры для иностранных граждан.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с разработкой конкретных методик, диагностического инструментария для оценки эффективности подготовки научных кадров, а также со сравнительными исследованиями моделей подготовки в разных странах и поиском путей углубления сотрудничества в рамках подготовки кадров высшей квалификации.

Список источников

1. Распоряжение Правительства РФ от 16.05.2025 № 1218-р «Об утверждении Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (вместе с «Концепцией международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации» // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505944/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 20.11.2025).
2. Игнатушенко Е.И., Редина Ю.Н. Международное научно-техническое сотрудничество национальных университетов как механизм повышения инновационного комплекса экономики // Молодой ученый. 2016. № 29 (133). С. 407–417.

3. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Концептуальные основы анализа межличностного взаимодействия носителей разных культур // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. № 1. С. 14–21.
4. Жулёва Л.П. Роль тьюторского сопровождения в процессе социокультурной адаптации иностранных студентов в вузе: проект «клуб языковых тандемов» // Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и лингводидактики : сб. научных статей по материалам XXX Международной научно-практической конференции. Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 60–68.
5. Береговая О.А., Лопатина С.С., Отургашева Н.В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. 2019. № 2 (38). С. 108–118.
6. Тимченко Н.С., Кочетова Ю.Ю., Бендрикова А.Ю. Академическая и средовая адаптация иностранных студентов медицинского вуза // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2. С. 175–185.
7. Смолий В.А., Лабазе О.Е., Шевченко О.М., Астольц М.С. Формы и проблемы воспроизводства научно-педагогических кадров вуза // Гуманитарий Юга России. 2025. Т. 14, № 2. С. 103–115. doi: 10.18522/2227-8656.2025.2.8
8. Варшавский Л.Е., Дубинина М.Г., Петрова И.Л. Динамика численности и структуры научных кадров науки в России и ее регионах // Концепции. 2005. Т. 2, № 16. С. 28–45.
9. Аблажей А.М. Новые тенденции интеграции академической науки и высшего образования в период радикальных реформ // Сибирский философский журнал. 2018. № 16 (4). С. 103–113. doi: 10.25205/2541-7517-2018-16-4-103-113
10. Рукавишников С.М. Проблемы совершенствования системы подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 3. С. 120–123. doi: 10.37493/2409-1030.2021.3.16
11. Строкова А.А. Подготовка аспирантов к исследовательской деятельности: из опыта работы научно-педагогической школы // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 10. С. 9–30. doi: 10.17853/1994-5639-2018-10-9-30
12. Алексеева И.С. Подготовка научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-4. С. 13–16.
13. Григорьева А.В., Терентьев Е.А. Научное руководство аспирантами: систематический обзор подходов к концептуализации и эмпирическому анализу // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 1. С. 49–61. doi: 10.15826/umpra.2021.01.004
14. Самойленко Н.Б. Подготовка научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре: вызовы, перспективы // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 73-1. С. 261–264.
15. Кружалин В.И., Рындина М.В., Чаплыгин А.Г. и др. Высшее образование сегодня и завтра: проблемы и перспективы. М. : Диалог культур, 2013. 262 с.
16. Altbach P. Globalisation and the university: Myths and realities in an unequal world // Tertiary Education and Management. 2004. Vol. 10, № 1. P. 3–25. doi: 10.1080/13583883.2004.9967114
17. Patricio M.T., Santos P. Collaborative research projects in doctoral programs: A case study in Portugal // Studies in Higher Education. 2020. Vol. 45, № 11. P. 2311–2323. doi: 10.1080/03075079.2019.1607282
18. Бедный Б.И., Бекова С.К., Рыбаков Н.В., Терентьев Е.А. Профессиональная аспирантура: мировой опыт и российский контекст // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 10. С. 9–21. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-9-21
19. Наципашвили Д. Сравнительный анализ систем высшего образования России, США и Европейского Союза // Международный студенческий научный вестник. 2020. № 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20131>
20. Рубан Л.С. Компаративный анализ российской и западной системы образования и подготовки научных кадров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 416–429.
21. Borrell-Damian L., Morais R., Smith J.H. Collaborative doctoral education in Europe: Research partnerships and employability for researchers report on doc-careers II project. 2015. URL: https://www.euacde.org/downloads/publications/2015_borrell-damianl_collaborative-doctoral-doc-iiproject.pdf (дата обращения: 14.01.2023)
22. Bourner T., Bowden R., Laing S. Professional Doctorates in England // Studies in Higher Education. 2001. Vol. 26. № 1. P. 65–83.
23. Kot F.C., Hendel D.D. Emergence and growth of professional doctorates in the United States, United Kingdom, Canada and Australia: A comparative analysis // Studies in Higher Education. 2012. Vol. 37, № 3. P. 345–364.
24. Goldan L., Jakszat S., Gross C. Explaining employment sector choices of doctoral graduates in Germany // Research Evaluation. Oxford University Press, 2022. Vol. 32. № 1. P. 144–156.
25. Мазуркевич А.А. Подготовка педагогических кадров в Китае в настоящее время // Актуальные исследования. 2024. № 47 (229), ч. II. С. 85–89.
26. Осяк С.А., Газизова Т.В., Колокольникова З.У., Лобанова О.Б., Храмова Л.Н., Коршунова В.В. Сетевое взаимодействие в педагогическом образовании // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18081> (дата обращения: 25.09.2025).
27. Зезегова О.И. Становление и развитие системы сетевой формы реализации образовательных программ в зарубежных и российских моделях образования // Человек. Культура. Образование. 2020. № 3 (37). С. 177–187.
28. Костюкова Т.А., Масленникова О.Г., Отт М.А. Сетевое взаимодействие университетов как потенциал развития качества высшего образования в современных условиях // Научно-педагогическое обозрение. 2022. № 4 (44). С. 81–90.
29. Тепляшина Е.А., Петрова М.М., Салмина А.Б., Развина О.С. Опыт сетевой формы реализации образовательных программ в аспирантуре // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 4. С. 118–129.
30. Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам. М. : URSS : КомКнига, 2005. 245 с.
31. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
32. Буданов В.Г. Роль И.Р. Пригожина и Г. Хакена в становлении междисциплинарной эволюционно-синергетической парадигмы // Мир человека: неопределённость как вызов : сб. статей. М. : Ленанд, 2019. С. 125–145.
33. Деев М.В., Финогеев А.Г., Грушевский А.А. Развитие концепции конвергентного образования в рамках цифровой образовательной среды на основе анализа требований региональных рынков труда // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2022. № 4. С. 104–123. doi: 10.21685/2227- 8486-2022-4-7
34. Свечкарев В.П., Фролова А.С., Гура О.Р., Рязанова Я.Я. Конвергентное образование: социальный аспект // Инженерный вестник Дона. 2015. № 1. URL: www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3543
35. Конвергенция в экономике // Образовательный портал «Справочник». Дата последнего обновления статьи: 21.11.2024. URL https://spravochnik.ru/ekonomika/konvergenciya_v_ekonomike/ (дата обращения: 20.11.2025).
36. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М. : Издательство ЛКИ, 2009. 240 с.
37. Евдокимова В.Е., Устинова Н.Н. Принципы организации сетевого взаимодействия в сфере образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-2. С. 122–123.

References

1. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 16.05.2025 № 1218-р «Ob utverzhdenii Kontseptsii mezhdunarodnogo nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva Rossiyskoy Federatsii (vmeste s «Kontseptsiey mezhdunarodnogo nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva Rossiyskoy

- Federatsii» // Konsultant Plyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_505944/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (data obrashcheniya: 20.11.2025).
2. Ignatushchenko YE.I., Redina YU.N. Mezhdunarodnoye nauchno-tekhnicheskoye sotrudnichestvo natsional'nykh universitetov kak mekhanizm povysheniya innovatsionnogo kompleksa ekonomiki // Molodoy ucheny. 2016. № 29 (133). S. 407–417.
3. Grishayeva L.I., Tsurikova L.V. Kontseptual'n'yye osnovy analiza mezhlchnostnogo vzaimodeystviya nositeley raznykh kul'tur // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 14–21.
4. Zhulëva L.P. Rol' t'yutorskogo soprovozhdeniya v protsesse sotsiokul'turnoy adaptatsii inostrannykh studentov v vuze: proyekt «klub yazykovykh tandemov» // Aktual'n'yye voprosy mezhkul'turnoy kommunikatsii i lingvodidaktiki : sb. nauchnykh statey po materialam XXX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Cheboksary : Chuvashskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiiy universitet im. I.YA. Yakovleva, 2021. S. 60–68.
5. Beregovaya O.A., Lopatina S.S., Oturgasheva N.V. Bar'yery sotsiokul'turnoy adaptatsii inostrannykh studentov v rossiyskikh vuzakh // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2019. № 2 (38). S. 108–118.
6. Timchenko N.S., Kochetova YU.YU., Bendrikova A.YU. Akademicheskaya i sredovaya adaptatsiya inostrannykh studentov meditsinskogo vuza // Znaniye. Ponimaniye. Umeniye. 2020. № 2. S. 175–185.
7. Smoliy V.A., Labadze O.E., Shevchenko O.M., Astoyants M.S. Formy i problemy vosproizvodstva nauchno-pedagogicheskikh kadrov vuza // Gumanitarnyy Yuga Rossii. 2025. T. 14, № 2. S. 103–115. doi: 10.18522/2227-8656.2025.2.8
8. Varshavskiy L.E., Dubinina M.G., Petrova I.L. Dinamika chislennosti i struktury nauchnykh kadrov nauki v Rossii i yeye regionakh // Kontseptsii. 2005. T. 2, № 16. S. 28–45.
9. Ablazhey A.M. Nov'yye tendentsii integratsii akademicheskoy nauki i vysshego obrazovaniya v period radikal'nykh reform // Sibirskiy filosofskiy zhurnal. 2018. № 16 (4). S. 103–113. doi: 10.25205/2541-7517-2018-16-4-103-113
10. Rukavishnikov S.M. Problemy sovershenstvovaniya sistemy podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranture // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. 2021. № 3. S. 120–123. doi: 10.37493/2409-1030.2021.3.16
11. Strokova T.A. Podgotovka aspirantov k issledovatel'skoy deyatel'nosti: iz opyta raboty nauchno-pedagogicheskoy shkoly // Obrazovaniye i nauka. 2018. T. 20, № 10. S. 9–30. doi: 10.17853/1994-5639-2018-10-9-30
12. Alekseyeva I.S. Podgotovka nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranture // Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya. 2023. № 81-4. S. 13–16.
13. Grigor'yeva A.V., Terent'yev YE.A. Nauchnoye rukovodstvo aspirantami: sistemacheskiiy obzor podkhodov k kontseptualizatsii i empiricheskoy analizu // Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz. 2021. T. 25, № 1. S. 49–61. doi: 10.15826/umpa.2021.01.004
14. Samoylenko N.B. Podgotovka nauchnykh i nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranture: vyzovy, perspektivy // Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya. 2021. № 73-1. S. 261–264.
15. Kruzhalin V.I., Ryndina M.V., Chaplygin A.G. i dr. Vyssheye obrazovaniye segodnya i zavtra: problemy i perspektivy. M. : Dialog kul'tur, 2013. 262 s.
16. Altbach P. Globalisation and the university: Myths and realities in an unequal world // Tertiary Education and Management. 2004. Vol. 10, № 1. P. 3–25. doi: 10.1080/13583883.2004.9967114
17. Patricio M.T., Santos P. Collaborative research projects in doctoral programs: A case study in Portugal // Studies in Higher Education. 2020. Vol. 45, № 11. R. 2311–2323. doi: 10.1080/03075079.2019.1607282
18. Bednyy B.I., Bekova S.K., Rybakov N.V., Terent'yev YE.A. Professional'naya aspirantura: mirovoy opyt i rossiyskiy kontekst // Vyssheye obrazovaniye v Rossii. 2021. T. 30, № 10. S. 9–21. doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-10-9-21
19. Natsipashvili D. Sravnitel'nyy analiz sistem vysshego obrazovaniya Rossii, SSHA i Yevropeyskogo Soyuza // Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik. 2020. № 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=20131>
20. Ruban L.S. Komparativnyy analiz rossiyskoy i zapadnoy sistemy obrazovaniya i podgotovki nauchnykh kadrov // Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2020. T. 20, № 2. S. 416–429.
21. Borrell-Damian L., Morais R., Smith J.H. Collaborative doctoral education in Europe: Research partnerships and employability for researchers report on doc-careers II project. 2015. URL: https://www.euacde.org/downloads/publications/2015_borrell-damian_collaborative-doctoral-doc-iiproject.pdf (data obrashcheniya: 14.01.2023)
22. Bourner T., Bowden R., Laing S. Professional Doctorates in England // Studies in Higher Education. 2001. Vol. 26. № 1. R. 65–83.
23. Kot F.C., Hendel D.D. Emergence and growth of professional doctorates in the United States, United Kingdom, Canada and Australia: A comparative analysis // Studies in Higher Education. 2012. Vol. 37, № 3. P. 345–364.
24. Goldan L., Jaksztat S., Gross C. Explaining employment sector choices of doctoral graduates in Germany // Research Evaluation. Oxford University Press, 2022. Vol. 32. № 1. P. 144–156.
25. Mazurkevich A.A. Podgotovka pedagogicheskikh kadrov v Kitaye v nastoyashcheye vremya // Aktual'n'yye issledovaniya. 2024. № 47 (229), ch. II. S. 85–89.
26. Osyak S.A., Gazizova T.V., Kolokol'nikova Z.U., Lobanova O.B., Khramova L.N., Korshunova V.V. Setevoye vzaimodeystviye v pedagogicheskoy obrazovanii // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18081> (data obrashcheniya: 25.09.2025).
27. Zezegova O.I. Stanovleniye i razvitiye sistemy setevoy formy realizatsii obrazovatel'nykh programm v zarubezhnykh i rossiyskikh modelyakh obrazovaniya // Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye. 2020. № 3 (37). S. 177–187.
28. Kostyukova T.A., Maslennikova O.G., Ott M.A. Setevoye vzaimodeystviye universitetov kak potentsial razvitiya kachestva vysshego obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh // Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye. 2022. № 4 (44). S. 81–90.
29. Teplyashina YE.A., Petrova M.M., Salmina A.B., Razvina O.S. Opyt setevoy formy realizatsii obrazovatel'nykh programm v aspiranture // Obrazovaniye i nauka. 2017. T. 19, № 4. S. 118–129.
30. Khaken G. Informatsiya i samoorganizatsiya: makroskovicheskiiy podkhod k slozhnym sistemam. M. : URSS : KoMKniga, 2005. 245 s.
31. Prigozhin I. Filosofiya nestabil'nosti // Voprosy filosofii. 1991. № 6. S. 46–52.
32. Budanov V.G. Rol' I.R. Prigozhina i G. Khakena v stanovlenii mezhdistsiplinnoy evolyutsionno-sinergeticheskoy paradigmy // Mir cheloveka: neopredelennost' kak vyzov : sb. statey. M. : Lenand, 2019. S. 125–145.
33. Deyev M.V., Finogeyev A.G., Grushevskiy A.A. Razvitiye kontseptsii konvergentnogo obrazovaniya v ramkakh tsifrovoy obrazovatel'noy sredy na osnove analiza trebovaniy regional'nykh rynkov truda // Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve. 2022. № 4. S. 104–123. doi: 10.21685/2227-8486-2022-4-7
34. Svechkarev V.P., Frolova A.S., Gura O.R., Ryazanova YA.YA. Konvergentnoye obrazovaniye: sotsial'nyy aspekt // Inzhenernyy vestnik Dona. 2015. № 1. URL: www.ivdn.ru/ru/magazine/archive/n1y2016/3543
35. Konvergentsiya v ekonomike // Obrazovatel'nyy portal «SpravochniK». Data poslednego obnoveniya stat'i: 21.11.2024. URL https://spravochnik.ru/ekonomika/konvergentsiya_v_ekonomike/ (data obrashcheniya: 20.11.2025).
36. Budanov V.G. Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoy nauke i v obrazovanii. M. : Izdatel'stvo LKI, 2009. 240 s.
37. Evdokimova V.E., Ustinova N.N. Printsipy organizatsii setevogo vzaimodeystviya v sfere obrazovaniya // Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya. 2021. № 71-2. S. 122–123.

Информация об авторе:

Хрисанова Е.Г. – д-р пед. наук, зав. кафедрой педагогики и психологии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (Чебоксары, Россия). E-mail: elenka0304@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Khrisanova, Chuvash State Pedagogical University (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: elenka0304@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.11.2025;
одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 25.11.2025;
approved after reviewing 08.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.5
doi: 10.17223/15617793/521/25

Хулиганство: неопределенность законодательной регламентации состава преступления и недостатки правоприменительной практики

Ольга Владимировна Ермакова¹, Инна Андреевна Подройкина²

¹ Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ermakova_alt@mail.ru

² Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия, upd_kafedra00@mail.ru

Аннотация. Выявляются и подвергаются анализу недостатки законодательной регламентации состава хулиганства. По мнению авторов, основные причины постоянной трансформации данной конструкции заключаются в проблемах отбора обязательных признаков хулиганства и их юридического выражения в норме закона. Подвергается критике отражение в законе общественно опасного деяния, поскольку действующая редакция ст. 213 УК РФ содержит совокупность оценочных понятий, не обладающих определенным содержанием. Отдельное внимание уделяется обоснованию дополнительного включения в конструкцию хулиганства таких признаков, как мотив совершения преступления и потерпевший.

Ключевые слова: хулиганство, законодательная регламентация, моделирование состава хулиганства, квалификация преступления

Для цитирования: Ермакова О.В., Подройкина И.А. Хулиганство: неопределенность законодательной регламентации состава преступления и недостатки правоприменительной практики // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 246–251. doi: 10.17223/15617793/521/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/25

Hooliganism: uncertainty of legislative regulation of the crime and shortcomings of law enforcement

Olga V. Ermakova¹, Inna A. Podroikina²

¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russian Federation, ermakova_alt@mail.ru

² Rostov branch of the Russian Customs Academy, Roston-on-Don, Russian Federation, upd_kafedra00@mail.ru

Abstract. In the presented article, based on the data of retrospective development of hooliganism, the authors identified a tendency to expand the crime-forming features of this virus, which is shown not only in the introduction of several alternative basic structures, but also in the use of broad evaluative concepts to reflect them. The legal uncertainty of the requirements of criminal law negatively follows from the given example, since law enforcement agencies are included in the signs, meaningless proof of additional ones, even absent from the disposition of Art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter - the Criminal Code of the Russian Federation). In connection with the above, the authors defined the purpose of the study - to develop proposals for the development of a protocol for reforming the composition of hooliganism, as well as the development of proposals for the unification of traditional practice. The application of all general dialectical methods of cognition of socio-legal directions, as well as general scientific methods (analysis and synthesis, deduction and induction, system-structural and others) of private scientific methods of cognition (logical-formal and system analysis) offers the authors two main directions of reconstruction of this composition: definition of mandatory features and their exact reflection in the criminal-legal norm. Within the framework of the first direction, it is necessary to include in the composition the victim of the virus, which proves the peculiarities of the type of virus, which is public order - if the interests of members of society are not violated, then it is impossible to assert that harm has been caused to public order as the normal functioning of society. In addition, some limitation of the act looks hooligan, implying the absence of a reason to commit an action, in connection with which this feature of the secondary side should be directly fixed in the constructions. As for the second direction, it is impossible to completely avoid using evaluative concepts when describing a socially dangerous act, due to the multivariance of hooligan actions. However, the legislator follows the catastrophe due to the use of such concepts, the use of a generalized formulation - actions that violate public order (i.e. the totality of the rules of conduct established in society) with a detailed exposition of the content in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The authors pay special attention to the development of principles of law enforcement provisions on the rules for applying provisions on hooliganism and other crimes against life and health. Based on the studied court decisions, various conceptual authors, as criteria for distinguishing between the specified compositions, the direction of intent and the features of the objective side arise.

Keywords: hooliganism, legislative regulation, modeling of the composition of hooliganism, qualification of criminals

For citation: Ermakova, O.V. & Podroikina, I.A. (2025) Hooliganism: uncertainty of legislative regulation of the crime and shortcomings of law enforcement. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 246–251. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/25

Подход законодателя относительно признания хулиганства преступным в различных исторических источниках российского уголовного права не отличался единообразием. Только на протяжении почти 30-летней истории существования Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) состав хулиганства, закрепленный в ст. 213, подвергался многочисленным изменениям. При этом во все исторические периоды реализация предписаний закона сопровождалась существенными сложностями, что объясняется неопределенностью законодательных положений, сложившейся в результате следующих факторов:

Во-первых, подход законодателя к криминализации хулиганства постоянно изменяется. Так, начиная с УК РСФСР 1922 г., сфера уголовной ответственности характеризовалась широкими рамками объявления хулиганских действий преступными (ст. 206). В частности, таковыми признавались любые проявления грубого нарушения общественного порядка. При принятии УК РФ произошло резкое сужение действий, признаваемых преступлением за счет введения обязательных признаков в виде применения насилия либо уничтожения или повреждения имущества, которые в последствии были заменены на кримиобразующий признак – применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия (редакция УК РФ 2003 г.) с добавлением в последствии к нему альтернативного признака, связанного с наличием мотивов политической, идеологической ненависти или вражды (редакция УК РФ 2007 г.). В настоящее время законодатель избрал «срединную» позицию, одновременно расширив криминализацию хулиганства по сравнению с предыдущими редакциями УК РФ, и ограничив ее только 3 основными вариациями (применение насилия или угроз такового; специальные экстремистские мотивы ненависти, а также совершение на общественном транспорте). В свою очередь применение при хулиганстве оружия или предметов из основного состава стало квалифицированным.

Подобное решение законодателя, вызывает вопросы, поскольку закрепление такого квалифицированного состава, в рамках ч. 2 ст. 213 УК РФ, осуществлено с использованием формулировки «то же деяние», которое предусмотрено ч. 1 ст. 213 УК РФ. Соответственно применение этой конструкции возможно только при наличии одного или нескольких альтернативных признаков основного состава, расположенных в ч. 1 ст. 213 УК РФ [1. С. 16–25]. В этой части в судебной практике возникает вопрос, всегда ли применение оружия или предметов априори означает применение насилия?

Анализ разъяснений Верховного Суда РФ по разным преступлениям демонстрирует неоднозначный подход к толкованию такого признака. В частности, в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывается, что применение

это только физическое или психическое воздействие на лицо. Иная расширительная трактовка представлена в постановлении от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», подразумевающая не только обозначенные разновидности воздействия, но и *иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия, предметов* ((п. 2) (выделено нами. – О.Е., И.П.).

Полагаем, представленное разъяснение нельзя признать однозначным с позиции правовой определенности. В результате отдельные решения судов вызывают вопросы относительно правильности представленной квалификации. К примеру, Ш., выражая пренебрежительное отношение к интересам жителей соседних домов, из хулиганских побуждений произвел из имевшегося при себе оружия несколько выстрелов в воздух. Своими действиями Ш. вызвал у жильцов чувство страха и беспокойства. В апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда указано, что судом первой инстанции не установлено применение Ш. насилия к гражданам либо иных кримиобразующих признаков¹.

Таким образом, расширительная интерпретация признака «применение оружия или предметов...» де-стабилизирует практику, создавая видимость того, что возможно вменение ч. 2 ст. 213 УК РФ даже при отсутствии физического и психического воздействия на граждан при помощи данного оружия. В связи с обозначенными доводами, а также по причине несоответствия толкования разъяснениям Верховного Суда РФ по иным преступлениям, считаем необходимым закрепить в п. 2 постановления от 15.11.2007 г. № 45, что применение оружия означает лишь его использование для физического или психического воздействия на граждан. В этом случае применение оружия будет представлять собой разновидность насилия.

Во-вторых, при конструировании состава хулиганства (как основного, так и квалифицированного) имеют место законодательные просчеты. Так, отсутствует указание на потерпевшего. В результате возникает вопрос, о необходимости обращения хулиганских действий именно к конкретным лицам.

Косвенно, необходимость наличия определенных лиц упоминается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45. В частности, в п. 1 закрепляется «действия могут быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц». Аналогичная трактовка применительно к толкованию признака «с применением насилия» приводится в п. 1 (1).

В судебной практике не установление органами предварительного расследования направленности действий именно на определенных лиц воспринимается как препятствие применения ст. 213 УК РФ.

Например, К., находясь на улице, произвел несколько выстрелов *вверх* из охотничьего ружья (выделено нами. – О.Е., И.П.). В кассационном определении

судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции указано, что судом не установлено воздействие на граждан, потерпевшие по делу отсутствуют².

Полагаем, что наличие потерпевших граждан напрямую следует из характеристики объекта хулиганства, в качестве которого выступает общественный порядок. Несмотря на то, что данное понятие в научной литературе вызывает дискуссию, большинством авторов в его содержание вкладывается нарушение интересов членов социума [2. С. 107–110]. Соответственно, именно особенность непосредственного объекта хулиганства предопределяет признание потерпевшего одним из обязательных признаков состава.

Представляется обоснованной позиция П.С. Яни о том, что необходим учет возрастных и иных характеристик участников событий, поскольку «одни и те же действия могут восприниматься представителями общества, как допустимые или предосудительные» [3. С. 31–35].

Отсутствие прямого закрепления данного признака в уголовно-правовой норме, влечет правовую неопределенность, как в толковании закона, так и в правоприменительной деятельности. В связи с чем, предлагаем признать потерпевшего обязательным признаком состава хулиганства и отразить его характеристику в диспозиции ст. 213 УК РФ путем указания на единичное или множественное число членов общества.

Кроме того, в конструкции хулиганства не предусмотрен обязательный признак в виде мотива совершения преступления.

В п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 мотив в виде хулиганских побуждений определен как отграничительный признак хулиганства и иных преступлений, совершаемых при наличии такого мотива. Кроме того, судебным органом разъясняется содержание хулиганского мотива, как отсутствие повода для совершения действий или использование незначительного повода.

Вместе с тем, в научной литературе, включая и советского периода, именно данный мотив определялся как характерный и ключевой для хулиганства [4. С. 21–26; 5. С. 82–100].

Анализ судебной практики также демонстрирует сложившуюся позицию суда относительно обязательности установления хулиганского мотива, при этом при вынесении решений практиками используется его содержательная характеристика, изложенная в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45.

Так действия И. органами расследования были квалифицированы по ч. 2 ст. 213 УК РФ. Из обстоятельств дела следует, что он, нарушая общественный порядок и выражая явное неуважение к обществу, с применением дубинки повредили фару и капот автомобиля, принадлежащего М. После чего нанес последнему многочисленное удары дубинкой по различным частям тела, причинив тяжкий вред здоровью. Судом исключена квалификация по ст. 213 УК РФ, поскольку действия виновного совершены не из хулиганских побуждений, а на почве личных неприязненных отношений, возникших по причине невыплаты заработной платы³.

Интерес представляет позиция А.В. Максименко и И.А. Михайловой, которые предлагают разграничивать термины «хулиганский мотив» и «хулиганские побуждения» [6. С. 39–42]. Однако, по нашему мнению, данные понятия обладают синонимичным содержанием, поскольку мотив это есть ни что иное, как побуждение лица к совершению преступления.

Полагаем, хулиганский мотив не просто характерен, а выступает именно неотъемлемой характеристикой данного преступления, поскольку лицо без повода, нарушает правила поведения в обществе, при этом побуждением лица выступает стремление проявить неприязнь к сложившимся устоям, продемонстрировать вызов социуму. В связи с чем, позицию судебной практики следует признать правильной.

Неопределенность разъяснений, предложенных Верховным Судом РФ в п. 12 можно объяснить тем, что такое толкование призвано акцентировать внимание на невозможности идеальной совокупности хулиганства и иных преступлений. Однако при буквальном восприятии данной формулировки складывается неверное впечатление о том, что хулиганство отличается от иных преступлений по хулиганскому мотиву, который характерен лишь для иных преступлений. Полагаем, что основное различие заключается в направленности умысла, а данный мотив присущ не только хулиганству, но и может проявляться при совершении преступлений против жизни, здоровья и т.д.

Учитывая, что хулиганство не может совершаться по иным мотивам, а грубое нарушение порядка должно происходить без какого-либо повода, соответственно, данный признак необходимо прямо закрепить в качестве обязательного в диспозиции статьи. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 необходимо указать, что основным отличием хулиганства от иных преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, выступает умысел, который в одном случае направлен на грубое нарушение порядка, а в другом – на причинение смерти, вреда здоровью и т.д.

Еще одним признаком, не закрепленным в составе хулиганства, но в обязательном порядке доказываемым судебной практикой, выступает место совершения преступления (только в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ законодатель четко определил место – железнодорожный, воздушный, морской, иной транспорт общего пользования).

Вместе с тем, в судебной практике правоприменители признают общественное место в качестве обязательного признака.

Так, суд признал неверной квалификацию действий Г. по ч. 1 ст. 213 УК РФ, поскольку место, в котором произошло грубое нарушение общественного порядка нельзя признать общественным, ближайшие дома располагались на расстоянии 500 метров, рядом находись лишь баки с отходами⁴. Аналогичную позицию высказывают и отдельные исследователи [7. С. 117].

В этой части позволим себе не согласиться с подобным направлением судебной практики, поскольку место в хулиганстве не должно иметь основополагающего значения. Виновное лицо может игнорировать

правила социума, проявляя грубое нарушение порядка в отношении конкретных членов общества, даже находясь не в общественном месте (к примеру, в лесу). Соответственно, необходимо поддержать решение законодателя и не включать место в число обязательных признаков состава хулиганства.

В-третьих, законодателем для отражения обязательных признаков хулиганства использованы множественные оценочные понятия.

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что законодателю необходимо минимизировать выражение признаков состава преступления посредством таких понятий, поскольку они обладают неопределенным содержанием, а их установление находится в зависимости от конкретной ситуации [8. С. 294].

В составе хулиганства особая сложность толкования заключается в том, что общественно опасное деяние отражается в законе исключительно оценочным образом. Именно поэтому «границы» запрещаемого поведения абсолютно не определены и зависят лишь от усмотрения практических работников.

Полагаем, что выработка судебной практикой единого вектора реализации положений ст. 213 УК РФ в части толкования общественно опасного деяния необходима, причем данный процесс возможен только путем определения содержательной составляющей такого обязательного признака.

Определение содержания общественно опасного деяния предполагает анализ таких оценочных понятий, как «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу».

Причем разъяснения Верховного Суда РФ относительно данных признаков представлены неконкретно, поскольку обозначен не перечень действий, а обобщенная формулировка о необходимости учета способа, время, места их совершения, интенсивности, продолжительности и т.д. (п. 1). То есть фактически вместо деяния, в постановлении имеется отсылка к иным признакам, причем которые для этого состава не являются обязательными (например, место, время).

В законодательстве зарубежных государств оценочные признаки не используются, а деяние обозначается как «поведение, нарушающее общественный порядок» (ст. 125 УК Германии, ст. 260 УК Швейцарии), «причинение беспокойства гражданам» (ст. 6 глава 4 УК Швеции) и т.д. [9. С. 28–32].

Думается, единственная причина, по которой российский законодатель представил такую регламентацию деяния в составе хулиганства – это стремление продемонстрировать отграничение от мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ). Однако такое решение не обоснованно, поскольку основные признаки, отражающие высокую общественную опасность преступления в рассматриваемом случае заключаются в способе (п. «а» ч.1 ст. 213 УК РФ), мотиве (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) и месте (п. «в» ч.1 ст. 213 УК РФ). Поэтому обоснованность введения дополнительных оценочных признаков деяния, в виде «грубости», «явности» достаточно сомнительна. Иначе говоря, грань между преступлением и административным правонарушением может располагаться в любых признаках состава.

К примеру, в хищении деяние выглядит идентично в УК РФ и КоАП РФ, а отличительный признак проявляется в стоимостной характеристике предмета.

В связи с изложенным, видится возможным деяние в хулиганстве отразить как действия, нарушающие общественный порядок (т.е. совокупность сложившихся в обществе правил поведения). Предложенную формулировку деяния следует распространить на все 3 альтернативные вариации состава хулиганства, в которых изменение общественной опасности по сравнению с административным правонарушением, отражается в следующих признаках:

1. Одним из альтернативно-обязательных признаков основного состава хулиганства выступает применение насилия. Данный способ предполагает как физическую, так и психическую форму проявления в виде угроз.

В этой части необходимо рассмотреть следующие проблемы квалификации: понятие физическое насилие означает воздействие на телесную неприкосновенность лица. Несмотря на использование формальной конструкции, предполагающей установление момента окончания преступления периодом совершения деяния, такой способ может сопровождаться наступлением преступных последствий – причинением вреда здоровью различной степени тяжести либо даже смерти. Использование данного способа конструирования составов преступлений широко распространено в уголовном законе, однако единые правила квалификации до сих пор не выработаны. Кроме того, высший судебный орган неоднократно изменял позицию относительно вменения правил совокупности применительно к хулиганству и иным преступлениям.

В действующей редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 применение насилия может выражаться в побоях, иных насильственных действиях, причинении различной степени тяжести вреда здоровью (п. 1. (1)). При этом судебный орган предлагает квалификацию по совокупности преступлений, обозначая такие нормы, как п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Отдельные авторы высказывают иные предложения. К примеру, М.Н. Белов считает, что лишь причинение тяжкого вреда здоровью требует квалификации по совокупности с хулиганством [10. С. 25–28].

Судебным органом не представлены правила относительного того, охватывается ли составом хулиганства причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ). Вместе с тем данный вопрос достаточно сложный, так как с одной стороны санкция ч.1 ст. 213 УК РФ, верхний предел которой до 5 лет лишения свободы, больше санкции ч. 1 ст. 109 УК РФ; с другой стороны – в составе хулиганства не предусмотрен такой дополнительный объект, как жизнь человека, что предполагает применение совокупности преступлений.

Кроме того, Верховный Суд РФ по каждому виду преступлений предлагает те или иные рекомендации, которые при этом существенно рознятся. Например, в разъяснениях от 04.12.2014 г. № 16, касающихся преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности указано, что причинение только тяжкого вреда здоровью при изнасиловании требует дополнительной квалификации, а иной вред охватывается рамками состава.

В связи с изложенным подобный прием конструирования состава хулиганства нельзя признать верным. С целью исключения подобных проблем квалификации законодателю следовало бы предусмотреть хулиганство, причиняющее вред здоровью в отдельных альтернативных составах, с использованием исключительно материальной конструкции.

Аналогичная ситуация с содержанием угрозы насилия и необходимостью применения правил совокупности преступлений.

В п. 1 (1) постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 разъясняется, что угроза может быть в высказываниях любого вида насилия, в том числе смерти, и дополнительная квалификация по ст. 119 УК РФ не требуется. В свою очередь в постановлении от 24.12.2019 г. № 58, касающемся похищения человека и незаконного лишения свободы, уже упоминается о необходимости вменения совокупности (п. 5).

Принимая во внимание, что предписания закона только в том случае будут эффективными, когда отличаются правовой определенностью, соответственно, разновидности угрозы необходимо конкретизировать в уголовном законе.

Угроза применения насилия может иметь как форму действия, так и совершаться вербально. В этой части необходимо отметить, что само грубое нарушение общественного порядка также может проявляться в вербальной форме (например, нецензурная брань). В этих случаях, возможно сочетание вербальной формы, как в деянии, так и в способе в виде угрозы применения насилия.

Учитывая сложность вопроса квалификации хулиганства, совершенного с применением насилия, то практическим органам необходимо разъяснить, что объективная сторона хулиганства шире, чем иные преступления против здоровья, соответственно, если лицо, имея умысел на причинение вреда здоровью, из хулиганских побуждений не совершает иных действий, направленных на нарушение общественного порядка, то квалификация должна осуществляться только по нормам главы 16 УК РФ.

2. Еще одним альтернативным признаком основного состава хулиганства является мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотиву ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Его введение вызвало в научной литературе активную дискуссию, что объясняется проблемами признания хулиганства полимотивированным преступлением [10. С. 25–28]. Поддерживая обозначенную позицию, отметим, что хулиганский мотив, означающий совершение деяния без повода, полностью противоречит мотиву ненависти, т.к. в последнем случае преступление совершается из-за неприязни к той или иной группе.

Однако судебная практика полностью поддержала возможность сочетания мотивов в хулиганстве. Например, осужденный П. утверждал, что совершил преступление из хулиганских побуждений, а не по мотивам национальной ненависти. Однако Судебная коллегия

Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, посчитав доказанным факт проявления грубого нарушения порядка не к случайному прохожему, а именно к представителю отдельной нации⁵.

3. Последним признаком хулиганства выступает место совершения преступления – железнодорожный, морской, внутренний водный или воздушный транспорт, иной транспорт общего пользования. При реализации данных предписаний закона существует сложный вопрос, можно ли квалифицировать деяние по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ деяние, совершенное на объектах транспортной инфраструктуры (например, перрон, станция метро и т.д.).

Судебная практика по данному вопросу складывается неоднозначно. Так, в одних случаях суды понятие «транспорт общего пользования» трактуют широко и включают в его содержание объекты транспортной инфраструктуры⁶; в других – используется узкое толкование, означающее только те или иные виды транспорта⁷.

Полагаем, что широкое толкование является более точным, поскольку в отдельных нормативных правовых актах (например, в Федеральном законе «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10.01.2003 г. № 17-ФЗ) оно находит подтверждение. В этой части, следует подвергнуть критике использование бланкетного приема отражения признаков состава преступления, что связано с видовым многообразием транспорта и его различной правовой регламентацией. Таким образом, следует закрепить универсальное толкование, распространяющееся на все виды транспорта, в примечании к ст. 213 УК РФ.

Таким образом, многочисленные изменения состава хулиганства привели к расширению кримиобразующих признаков хулиганства. При этом их толкование как научным сообществом, так и правоприменительными органами нельзя признать единообразным. В частности, не ясны обязательные признаки, содержание общественно опасного деяния и возможности реализации положений ст. 213 УК РФ. Реконструирование данного состава необходимо осуществлять в двух основных направлениях: определение обязательных признаков и их точное отражение в уголовно-правовой норме. В рамках первого направления, в состав необходимо включить потерпевшего от преступления, что доказывается особенностями объекта преступления, в качестве которого выступает общественный порядок. Если же интересы членов общества не нарушены, то нельзя утверждать о причинении вреда указанным общественным отношениям. Кроме того, единственным мотивом исследуемого деяния выступает хулиганский, предполагающий отсутствие повода к совершению действий, в связи с чем этот признак субъективной стороны следует прямо закрепить в конструкции. Что касается второго направления, то полностью отказаться от использования оценочных понятий при описании общественно опасного деяния невозможно, в связи с многовариативностью хулиганских действий. Однако законодателю следует исключить совокупное использование таких понятий, а использовать обобщенную

формулировку – действия, нарушающие общественный порядок (т.е. совокупность сложившихся в обществе правил поведения) с детальным изложением содержания в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. В связи с проблемами отграничения хулиганства

от иных преступлений против жизни и здоровья правоприменительным органам необходимо учитывать не только направленность умысла, но и объективные признаки, количественный показатель которых в хулиганстве более широкий.

Примечания

- ¹ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 10.09.2024 года по делу № 22-7461/2024. URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 29.07.2025).
- ² Кассационное определение от 21 июня 2022 года по делу №77-1135/2022 судебной коллегии по уголовным делам Девятого кассационного суда общей юрисдикции. URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 29.07.2025).
- ³ Приговор Люберецкого городского суда Московской области от 10.02.2015 по уголовному делу № 1-5/2015. URL: <https://actofact.ru> (дата обращения: 29.07.2025).
- ⁴ Приговор Гатчинского городского суда Ленинградской области от 20 февраля 2023 года по делу № 1-23/2023. <https://sudact.ru> (дата обращения: 29.07.2025).
- ⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 4 квартал 2013 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 9.
- ⁶ Апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 07.09.2023 по делу № 22-1515/2023 // Консультант тПлюс.
- ⁷ Апелляционное постановление Московского городского суда от 08.10.2018 по делу № 10-17349/2018 // Консультант Плюс.

Список источников

1. Степанова И.Б., Соколова О.В. Проблемные вопросы квалификации хулиганства // Российская юстиция. 2024. № 11. С. 16–25.
2. Фомичева И.Н. Объект хулиганства // Юрист-правовед. 2010. № 2. С. 107–110.
3. Яни П.С. Проблемы квалификации хулиганства // Законность. 2024. № 11. С. 31–35.
4. Жадяева М.А., Янина И.Ю. Общественная опасность «насиленного» и «вооруженного» хулиганства: проблемы законодательной техники и правоприменения // Российский судья. 2022. № 2. С. 21–26.
5. Харламов Д.Д. Дискуссионные вопросы квалификации хулиганства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. С. 82–100.
6. Максименко А.В., Михайлова И.А. Особенности квалификации хулиганства и иных преступлений, совершенных из хулиганских побуждений // Российский следователь. 2020. № 12. С. 39–42.
7. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. М. : Юриспруденция, 2011. 304 с.
8. Ермакова О.В. Отражение общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ (концептуальные основы). М. : Юрлитформ, 2022. 382 с.
9. Гулько А. Уголовно-правовая охрана общественного порядка в зарубежных странах // Мировой судья. 2007. № 10. С. 28–32.
10. Белов М.Н. Состав «хулиганство» в Уголовном кодексе РФ: временная трансформация // Российский судья. 2023. № 10. С. 25–28.

References

1. Stepanova I.B., Sokolova O.V. Problemnyye voprosy kvalifikatsii khuliganstva // Rossiyskaya yustitsiya. 2024. № 11. S. 16–25.
2. Fomicheva I.N. Ob'yekt khuliganstva // Yurist"-pravoved". 2010. № 2. S. 107–110.
3. Yani P.S. Problemy kvalifikatsii khuliganstva // Zakonnost'. 2024. № 11. S. 31–35.
4. Zhadyayeva M.A., Yanina I.YU. Obshchestvennaya opasnost' «nasil'stvennogO» i «vooruzhennogO» khuliganstva: problemy zakonodatel'noy tekhniki i pravoprimeneniya // Rossiyskiy sud'ya. 2022. № 2. S. 21–26.
5. Kharlamov D.D. Diskussionnyye voprosy kvalifikatsii khuliganstva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2022. № 6. S. 82–100.
6. Maksimenko A.V., Mikhaylova I.A. Osobennosti kvalifikatsii khuliganstva i inyykh prestupleniy, sovershennykh iz khuliganskikh pobuzhdeniy // Rossiyskiy sledovatel'. 2020. № 12. S. 39–42.
7. Kadnikov N.G. Kvalifikatsiya prestupleniy i voprosy sudebnogo tolkovaniya. M. : Yurisprudentsiya, 2011. 304 s.
8. Ermakova O.V. Otrazheniye obshchestvenno opasnogo deyaniya i mekhanizma yego soversheniya v normakh Osobennoy chasti Ugolovnoy kodeksa RF (kontseptual'n'yye osnovy). M. : Yurilitiform, 2022. 382 s.
9. Gul'ko A. Ugolovno-pravovaya okhrana obshchestvennogo poryadka v zarubezhnykh stranakh // Mirovoy sud'ya. 2007. № 10. S. 28–32.
10. Belov M.N. Sostav «khuliganstvO» v Ugolovnom kodekse RF: vremennaya transformatsiya // Rossiyskiy sud'ya. 2023. № 10. S. 25–28.

Информация об авторах:

Ермакова О.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного права им. М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: ermakova_alt@mail.ru.

Подройкина И.А. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: upd_kafedra00@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Ermakova, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ermakova_alt@mail.ru

I.A. Podroikina, Rostov branch of the Russian Customs Academy (Roston-on-Don, Russian Federation). E-mail: upd_kafedra00@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.07.2025;
одобрена после рецензирования 07.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 30.07.2025;
approved after reviewing 07.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 347.635.1
doi: 10.17223/15617793/521/26

Право на благополучие как основа социального государства: состояние и тенденции

Наталья Валерьевна Летова¹

¹ Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, letovanv@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются общетеоретические подходы, раскрывающие назначение социального государства, к основной функции которого относится создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого гражданина в целях повышения его благосостояния. Определено, что сформировавшееся понимание социальной функции государства как исключительно его односторонней обязанности по отношению к гражданину в современных условиях требует переосмысления, поскольку лишает гражданина мотивации к совершению активных действий в целях обеспечения собственного благополучия.

Ключевые слова: государство, право на благополучие, социальная функция, социальная справедливость, социальная помощь, равенство, социальные риски, защита, суд, публичные и частные интересы

Для цитирования: Летова Н.В. Право на благополучие как основа социального государства: состояние и тенденции // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 252–259. doi: 10.17223/15617793/521/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/26

The right to well-being as the basis of a social state: status and trends

Natalia V. Letova¹

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, letovanv@mail.ru

Abstract. The author examines the right to well-being as an interdisciplinary category encompassing a group of social and other rights guaranteed by the state, ensuring the free development of citizens in order to create conditions for meeting their needs and supporting a decent standard of living. The purpose of the study is to: identify the essence of the right to well-being; demonstrate that the right to well-being is linked to the corresponding obligation of the state to ensure it; demonstrate the need to include measures of citizen liability in the area of social legal relations in regulatory legal acts; and, using examples, illustrate the problems of applying civil liability measures to social legal relations. The author uses general scientific theoretical methods of cognition, in particular, generalization and abstraction, analysis and synthesis, the systems method, specific scientific empirical methods of cognition (the method of interpreting legal norms), and specific scientific theoretical methods of cognition (formal-legal, interdisciplinary, and the method of interpreting legal norms). The author examines the material and offers appropriate conclusions. It is determined that the established understanding of the state's social function as an exclusively unilateral obligation toward citizens in modern conditions requires rethinking, as it deprives citizens of the motivation to take active steps to ensure their own well-being. A modern interpretation of the right to well-being allows it to be viewed as a multifaceted phenomenon, the elements of which are defined by the norms of sectoral legislation. It is established that the citizen's right to well-being, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, occupies a special place in the system of natural rights. It has been proven that the inalienability of the right to well-being is achievable provided it is effectively protected, which requires finding appropriate mechanisms aimed at implementing this right in a manner that ensures that the provision of social assistance to citizens does not violate the interests of the state. It seems appropriate to amend certain provisions governing the procedure for refusing state social assistance to citizens, providing for their liability for the return of funds paid to them by the state that were not used and/or were misused. It is proposed to amend Article Federal Law No. 178-FZ of the Russian Federation dated July 17, 1999 (as amended on May 29, 2024) "On State Social Assistance" amended to read as follows: "If an applicant provides incomplete and/or inaccurate information about family composition, income, or property owned by them (their family), which serves as the basis for the illegal receipt of state funds or their misuse, the applicant will not only be held liable in accordance with the established procedure but will also be deprived of the right to receive state social assistance."

Keywords: state, right to well-being, social function, social justice, social assistance, equality, social risks, protection; court, public and private interests

For citation: Letova, N.V. (2025) The right to well-being as the basis of a social state: status and trends. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 252–259. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/26

Введение. Постановка проблемы

Функционирование государства на современном этапе определяется его заинтересованностью в создании наиболее благоприятных условий для жизнедеятельности каждого гражданина во всех сферах общественных отношений, поскольку поддержка людей, инвестиции в образование, решение демографических проблем являются залогом роста национальной экономики, устойчивого и динамичного развития страны, а народосбережение представляет собой высший национальный приоритет России [1]¹.

Фундаментальные изменения, произошедшие в экономике, нашли свое отражение в конституционных основах, гарантирующих защиту прав граждан, в том числе в сфере социальных отношений. Направлены эти изменения на удовлетворение базовых потребностей граждан и поддержание необходимого уровня жизни. В соответствии с Конституцией Российской Федерации, наше государство является социальным, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого гражданина в целях повышения его благосостояния, преодоления бедности и стимулирования рождаемости, ст. 7 [2]. Ценность таких положений состоит в обеспечении достойного уровня жизни не только гражданина, но и всего общества в целом, включая многонациональный народ России, нынешнее и будущее поколения, на что неоднократно обращалось внимание Конституционного Суда Российской Федерации [3].

Определение предпосылок для реализации, прежде всего, социально-экономических прав граждан, способствует благополучию населения, позволяет соблюдать принцип социальной справедливости, тем самым, нивелируя возникающие в обществе социальные противоречия и неравенства [4. С. 36; 5. С. 108; 6. С. 64; 7. С. 10]. Акцентирование внимания на социальной функции государства обусловлено усиливающейся тенденцией расширения естественных прав человека, в системе которых право на благополучие не только занимает особое место, но и является неотъемлемой составляющей развития общества, о гражданах которого государство проявляет заботу, уделяет внимание их нуждам и потребностям, особенно в отношении тех из них, которые не могут обеспечить себя должным образом самостоятельно [8. С. 37]. В самом общем представлении право на благополучие включает в себя группу социальных и иных прав, гарантированных государством, обеспечивающих свободное развитие гражданина, что создает условия для удовлетворения его потребностей и поддержки достойного уровня жизни.

Представляется, что такой подход в полной мере соотносится с концепцией современного понимания права, неразрывно связанного с благополучием личности, что позволяет системно управлять рисками, оценивать их уровень с целью обеспечения развития государства [9. С. 15]. В связи с постоянно меняющимися социально-экономическими отношениями, содержание права на благополучие является социальным «индикатором», который определяет не только уровень

жизни гражданина, но и, в зависимости от степени эффективности его реализации, позволяет выявить возможные риски в социальной сфере, предупреждение которых направлено на поиск соответствующих механизмов, обеспечивающих защиту прав граждан.

Виды и функции социального государства

Современные концепции, рассматривающие сущность и назначение государства, относящегося к социальному, базируются на аргументе, что благосостояние человека является его фундаментальной основой, достижение благосостояния является необходимым условием для развития личности. Теоретические изыскания, направленные на поиск условий и предпосылок, определяющих благополучие общества и гражданина, отличаются разнообразием, ввиду отсутствия единых критериев, устанавливающих уровень благополучия. Как правило, их видовое многообразие зависит от того, какой критерий учитывается в качестве основного при определении благополучия. Так, одни авторы убеждены, что благополучие как результат социального государства может быть определено по уровню социальной поддержки той части населения, которая относится к малоимущим [10. С. 15]. Другие считают, что функции социального государства значительно шире, включают не только социальную поддержку отдельных категорий граждан, но и обеспечивают защиту их прав в сфере социального обеспечения, труда, здравоохранения, страхования, что гарантирует каждому человеку достойное существование [11. С. 345; 12. С. 137]. Вместе с тем, общим является единое понимание основной функции социального государства, направленной на обеспечение социальной защищенности граждан таким образом, чтобы минимизировать различия между ними в доступе к различным благам.

Можно предположить, что тенденции развития нашего государства как социального направлены на определение условий, характерных для формирования т.н. патерналистского типа, основанного на ответственности государства за равный доступ каждого человека к социальным благам, обеспечивающих высокую степень социального равенства в обществе. Его реализация позволяет обеспечить такой уровень благополучия, результатом которого является создание необходимых условий для его достижения каждым гражданином за счет оказания ему социальной поддержки, гарантированной государством [1].

Системная адресная помощь гражданам, определяемая в зависимости от их конкретной жизненной ситуации, возраста, состояния здоровья, имущественного положения, места жительства, числа детей, находящихся на воспитании в семье, относится не только к числу приоритетных направлений деятельности государства на современном этапе, но и определяет его социальное предназначение. Социальная функция государства выражается в предоставлении каждому необходимого «набора» социальных благ, обеспечивающих его благополучие. В этом смысле, особое внимание должно быть уделено, в первую очередь, наиболее незащищенным категориям граждан, которые по разным

причинам не могут обеспечить себя самостоятельно, что отвечает назначению принципа социальной справедливости как высшей ценности социального государства. Кроме того, выполнение соответствующей функции государством возможно при условии справедливого распределения средств в отношении тех граждан, которые не могут обеспечить себя самым необходимым, что отвечает целям т.н. публичной ответственности («public responsibility»).

Полагаю, что назначение социального государства, как инструмента достижения благополучия граждан, на современном этапе сущностно изменилось, поскольку оно не только гарантирует поддержку граждан, но и берет на себя повышенные социальные обязательства в отношении уязвимых категорий граждан. Так, защита прав и законных интересов детей является приоритетом политики государства. В случае, если ребенок остается без попечения родителей, государство берет на себя функции его законного представителя (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). Таким детям назначается пенсия по случаю потери кормильца в повышенном размере, поскольку ребенок лишился одного или единственного родителя (ч. 2 ст. 10), или по случаю рождения трех и более детей. Таким образом, государство гарантирует дополнительные преференции не только в сфере социального обеспечения, но и в сфере пенсионного, трудового законодательства (ч. 1 ст. 32, ч. 3 подп. «в») [13].

Кроме того, достижение благополучия каждого гражданина обеспечивается за счет инклюзивности права, что позволяет создать условия для доступа к социальным благам, гарантировать их получение на равных основаниях, исключая дискриминацию по признаку имущественного положения или социального статуса, что является фундаментально-значимой основой конституционно-правового обеспечения благополучия (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ). Такое законодательное решение направлено не только на соблюдение принципа социальной справедливости по отношению к каждому гражданину, но и создает нормативные предпосылки для защиты его прав от угроз и различных социальных рисков. Возникновение последних обусловлено несоблюдением права гражданина на благополучие по причине его неэффективной реализации, что не позволяет достичь необходимого социального результата. Принимая во внимание значимость права на благополучие в системе прав человека, полагаю, что его неисполнение или ненадлежащее исполнение органами власти, проявляющееся, например, в несоблюдении установленных законом сроков, оказании помощи не в полном объеме, не в соответствии с правовым статусом гражданина и проч., представляет собой особый вид правонарушения, что требует применения специальных механизмов, обеспечивающих защиту указанного права гражданина. Иными словами, социальная поддержка граждан является публично-правовым обязательством публичного образования, что обуславливает запрещение произвольного отказа в ее предоставлении [14]. Следует признать, что приобретение гражданином социальных гарантий и мер государственной поддержки обусловлено реализацией административной процедуры с участием субъекта, наделенного

властными полномочиями, что сущностно отличает такие отношения от гражданских (ст. 2, 307 ГК РФ). Поэтому, в случае возникновения спора между ними, основанием для его разрешения является проверка решений, действий (бездействия) субъекта публичной власти, на предмет надлежащего им исполнения публичных полномочий по отношению к гражданину.

Полагаю, что поиск механизмов, обеспечивающих защиту интересов государства и гражданина, связан с необходимостью установления пределов ответственности за нарушение данного права и государства, и гражданина, например, в случае его недобросовестного поведения. Так, выплаты в виде пенсий, пособий, компенсаций в сфере ЖКХ, назначенные гражданам необоснованно, должны быть возвращены в бюджет государства, что позволит защитить его интересы в приоритетном порядке [15. С. 208; 16. С. 160; 17. С. 174]. Представляется, что аналогичный подход должен соблюдаться и в случае, если граждане воспользовались такой разновидностью социальной поддержки государства как заключение социального контракта (ч. 1 ст. 8.1) [18]. Такая помощь предоставляется семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в целях создания условий для организации ими собственного дела, трудоустройства, что позволяет получать им дополнительный доход. В случае, если, получив государственные средства, семья не выполнила условия контракта, не потратила средства или потратила их не по назначению, очевидно, что в законе должны быть предусмотрены механизмы, обеспечивающие не только возврат денежных средств в доход государства, но и определяющие ответственность таких граждан. Вместе с тем, системный анализ норм указанного закона свидетельствует об обратном: положения, устанавливающие ответственность государства в лице уполномоченных органов, предусмотрены (п. 8 ст. 4.1, п. 15 ст. 6.13, ч. 2.2 ст. 8), а основания и условия наступления ответственности гражданина не упоминаются. Полагаю, что отсутствие таких норм обусловлено неоднородной правовой природой социального контракта, назначение которого не позволяет его рассматривать в качестве разновидности гражданско-правового договора, а значит – применять соответствующие способы защиты, предусмотренные за неисполнение, в частности, денежного обязательства (ст. 395 ГК РФ). Очевидно, что нормы, предусматривающие порядок отказа в назначении государственной социальной помощи тем гражданам, которые использовали средства, предоставленные государством, не по назначению, должны быть предусмотрены, включая определение четких механизмов, обеспечивающих их возврат в доход государства. Так, государство в лице специальных органов наделено полномочиями предъявлять иски о неосновательном обогащении по правилам гл. 60 ГК РФ, направленные на возврат незаконно выплаченных сумм в доход государства, включая выплаты, полученные гражданином по договору страхования, в том числе в регрессном порядке (ч. 3, 3.1 ст. 1081 ГК РФ) с возмещением убытков (ст. 15 ГК РФ), которые могут быть распространены и в отношении средств, полученных гражданами в качестве мер

социальной поддержки. Дополнительным решением могут стать положения, предусматривающие порядок возврата средств, выплаченных многодетным семьям (родителям) в качестве пособий на детей, в отношении которых они были лишены родительских прав и др. [19].

Считаю, что подобное правоприменение позволило бы изменить отношение к праву гражданина на благополучие не как к исключительно односторонней обязанности государства, тем самым, учесть воздействие на его содержание не только меняющихся условий социально-экономического характера, но и определить основания и условия ответственности самого гражданина. Важно, что, в случае неправомерного и недобросовестного поведения гражданина, он может быть лишен социальных выплат, несмотря на сохраняющиеся у него основания для их получения (нуждаемость, трудная жизненная ситуация, отсутствие дохода) в целях защиты интересов государства. Полагаю, что соблюдение паритета публичных и частных интересов в указанной сфере отношений достижимо при условии выполнения государством обязанности по созданию условий, обеспечивающих возможность каждому беспрепятственно реализовывать свое право на благополучие. Гражданин, в свою очередь, обязан действовать добросовестно, а в случае злоупотребления своим правом в ущерб интересам государства, привлечен к ответственности, как результат, лишен соответствующих социальных предпочтений.

Обоснованием такого вывода являются решения Конституционного Суда Российской Федерации, предусматривающие ограничения, запреты, лишения отдельных прав граждан, направленных на обеспечение их благополучия. Как правило, такие ограничения, запреты принимаются с учетом гендерной принадлежности гражданина или с учетом осуществляемой им социально-значимой функции, например, воспитание ребенка. Так, применение административного ареста запрещено в отношении беременных женщин, женщин, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет, что направлено не только на охрану их здоровья, но и на защиту их социального благополучия. Вместе с тем, в таких решениях последовательно прослеживается влияние сугубо отраслевых принципов регулирования соответствующих отношений, в частности, семейных, обеспечивающих равенство прав и обязанностей родителей по отношению к ребенку, защита прав которого осуществляется в приоритетном порядке (ст. 61, 63 СК РФ). Их последовательная реализация ставит под запрет назначение судами такого же ареста и в отношении мужчин, осуществляющих уход за ребенком, поскольку это может привести к тому, что ребенок останется без родительского попечения, а значит – под угрозой будет поставлено его семейное благополучие [20, 21].

Как отмечалось, благополучие охватывает не только права гражданина, но и всего общества в целом, защита интересов которого нередко требует от государства принятия мер, ограничивающих права и свободы граждан в целях обеспечения благополучия большинства. В частности, в целях защиты от угроз и различных рисков в сфере охраны санитарно-эпидемиоло-

гического благополучия, окружающей среды, здоровья, могут быть предприняты меры, направленные на ограничение прав отдельных граждан для защиты прав населения в целом.

Поиск механизмов, направленных на защиту права на благополучие, не представляется возможным без оценки влияния на его содержание отраслевых норм, обеспечивающих междисциплинарное взаимодействие с целью обеспечения его эффективной реализации. Так, фундаментальное право каждого на судебную защиту, гарантированное Конституцией Российской Федерации (ст. 46), в контексте защиты права на благополучие позволяет по-иному «взглянуть» на систему правосудия, от результативности которой зависит благополучие не только гражданина, но и всего общества в целом, что в конечном итоге, свидетельствует о его социальной ориентированности. Нет сомнений, что в современных условиях значение развитой судебной системы трудно переоценить. Процессы, направленные на совершенствование организации судопроизводства, предполагают решение такой задачи как разрешение дел в максимально короткие сроки (допустимые законом), от чего, в конечном итоге, зависит, как быстро и насколько эффективно будет обеспечена защита прав граждан [22. С. 110].

Право на благополучие: проблемы защиты

Сложности, связанные с поиском механизмов, обеспечивающих защиту права на благополучие, обусловлены отсутствием легального определения самого права, что не позволяет выявить его место в системе прав человека, систематизировать критерии, определяющие уровень благополучия гражданина. Отношение к правам человека как высшей ценности хотя и остается неизменным постулатом, однако, механизмы их гарантированной законом защиты нередко трансформируются под воздействием изменяющихся общественных отношений. Так, в современных условиях функционирования государства такое базовое право, как право на жизнь, трактуется как «право на достойную жизнь», полноценная реализация которого предполагает не только оказание социальной поддержки гражданам со стороны государства, но и определяет соответствующий уровень их благополучия.

Систематизируя существующие подходы к пониманию сущности данного права, следует признать, что оно определяется в публичном значении как стратегическая цель политики государства, обязанность которого состоит в обеспечении достойного человеческого существования, и в частном – как определенный критерий благосостояния, определяющий уровень жизни гражданина, нередко обозначаемый как «право на достойную жизнь». В зависимости от смысла, определяется и назначение такого права. Одни авторы считают, что оно самоочевидно и не требует обоснования, полагая, что «основных прав» у человека нет, а есть лишь «моральные права», оказывающие влияние на содержание таких категорий, как «достойная жизнь», «минимально достойные условия жизни».

Другие авторы видят их зависимость от конкретной культуры, третьи отказываются считать, что права человека основаны на принципе справедливости, рассматривая их лишь как конструкцию, выполняющую определенные функции [23. С. 115; 24. С. 38].

Представляется, что «право на благополучие», независимо от его интерпретации, фактически определяет нуждемость человека в удовлетворении тех базовых потребностей, которые позволяют достичь такого уровня жизни, который можно определить как достойный. Полагаю, что расширительное толкование права на благополучие целесообразно ввиду необходимости учета его реализации в рамках разных отраслей, специфика содержания норм которых должна быть учтена. Так, можно выделить: семейное благополучие, проявляющееся в наличии брака, родителей, детей, родственников; финансовое благополучие, связанное с реализацией права на труд, социальное обеспечение, психологическое, ментальное здоровье, позволяющее вести здоровый образ жизни и чувствовать себя полноценным членом общества и др. Можно предположить, что такие элементы благополучия, охватывающие все аспекты жизнедеятельности человека, могут быть определены как *«субъективные индикаторы благополучия»*.

Отсутствие в доктрине определения права на благополучие предопределяет и отсутствие перечня способов его защиты в случае его нарушения. Понимание такого права публичном и частном значениях позволяет предположить, что его защита осуществляется способами, применяемыми как в сфере публичных отношений (меры государственного принуждения в виде запретов, лишений, ограничений), так и характерными для защиты частного права (возмещение убытков, компенсация морального вреда и пр.).

Принимая во внимание, что каждое государство устанавливает свой «стандарт жизни», уровень которого определяется не только на основе объективных критериев (размер минимальной заработной платы, наличие работы, доступ к социальным услугам и проч.), но и субъективных – оценка гражданина собственного благополучия на основе его индивидуального представления о нем (уровень дохода, образование, место жительства, качество услуг и др.), понятно и отсутствие в законе закрытого перечня элементов, определяющих его уровень. Учитывая, что частные представления о благополучии, достижение которого определяет уровень жизни конкретного гражданина, формируются в зависимости от его личных потребностей, представляется, что и выбор способов защиты такого права может быть осуществлен по аналогии применения права, которое *«наиболее тесным образом связано с конкретным правоотношением»*.

Ориентир законодателя, направленный на системный учет критериев, определяющих особенности правового статуса гражданина, позволяет не только определить уровень его благополучия, но и реализовать один из системообразующих принципов оказания социальной поддержки – принцип адресной помощи. На практике такие решения проявляются в том, что некогда абстрактные критерии получили обоснование на

законодательном уровне. Так, определено содержание таких категорий как «нуждаемость», «трудная жизненная ситуация», «тяжелое материальное положение», что позволило их рассматривать в качестве оснований, определяющих объем и условия предоставления социальной помощи гражданину. Трудная жизненная ситуация, тяжелое материальное положение, проживание в сельской местности, воспитание детей учитываются в качестве самостоятельных оснований, наличие которых дает право гражданину претендовать на оказание особого вида социальной поддержки государства, а именно, заключение социального контракта. Такая государственная социальная помощь предоставляется малоимущим (семьям или одиноко проживающим гражданам), а также иным гражданам, которые по независящим от них причинам имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума на душу населения в соответствующем субъекте РФ (ст. 1, 7, ч. 1 ст. 8.1 Закона № 178-ФЗ) [18].

Вместе с тем, принципиально важно, чтобы меры социальной поддержки, предоставляемые государством, не снижали мотивацию самих граждан улучшить свою жизнь, их стремление достичь необходимого уровня благополучия, прежде всего, благодаря своим собственным усилиям и трудом. Иными словами, необходимый уровень благополучия должен быть достигнут не только в результате выполнения социальной функции государства, но и в связи с поведением самого гражданина, направленным на повышение собственного благосостояния (получение образования, повышение профессиональных навыков, труд и проч.) [25. С. 35; 26. С. 70]. Полагаю, что такой «взвешенный» подход, обеспечивающий благополучие в социальной сфере, позволяет исключить случаи т.н. «социального иждивенчества», когда гражданин рассчитывает исключительно на помощь государства, не прикладывая собственных усилий для улучшения своей жизни.

Следует признать, что право гражданина на благополучие связано с благополучием всего общества в целом. Право на благополучие непосредственно реализуются в нормах отраслевого законодательства (семейное, трудовое, процессуальное). Их содержание формируют т.н. «видовое» благополучие, определяющее уровень жизни каждого гражданина в той или иной сфере отношений, что свидетельствует о многоаспектности права на благополучие и, как следствие, возможности применения различных механизмов, обеспечивающих его защиту.

Считаю, что искомые механизмы защиты права на благополучие должны воплощать сбалансированный подход, обеспечивающий сочетание публичных и частных интересов, нацеленных на достижение достойного уровня жизни гражданина. Решение такой задачи предполагает выявление и устранение государством причин, послуживших основанием для ухудшения условий жизнедеятельности граждан и, одновременно, исключение разного рода злоупотреблений граждан своими правами, в результате которых могут быть нарушены интересы государства [27. С. 23; 28. С. 115].

Достижение благополучия гражданина возможно при условии последовательных действий как самого гражданина, так и государства, гарантирующего право на благополучие, что коррелирует с содержанием выполняемой им социальной функции, основанной на соблюдении принципа справедливости по отношению к каждому гражданину.

Выводы, предложения по совершенствованию законодательства

Изложенное позволяет сделать вывод о фундаментальном значении права на благополучие в системе прав человека, гарантия которого предусмотрена конституционными положениями, определяющими достойную жизнь и свободное развитие гражданина в качестве ценностей, гарантированных государством. Конституция Российской Федерации, определяя нормативные основы для его обеспечения, фактически создает условия для благополучия не только гражданина, но и всего общества в целом.

Системные изменения социально-экономических отношений потребовали иного осмысления сущности и назначения права гражданина на благополучие, определяемое не только его базовыми потребностями, но и таким уровнем жизни, который гражданин определяет как достойный. Поступательное развитие общественных отношений, формирование актуальной модели социального государства не представляется возможным без обеспечения равенства всех граждан, стремления создать единые возможности для их благополучия, что отвечает смыслу социальной справедливости как фундаментальной категории социального государства.

Для эффективной реализации права гражданина на благополучие необходимо определение соответствующих механизмов, обеспечивающих его защиту. Пред-

ставляется целесообразным скорректировать отдельные нормы, предусматривающие порядок отказа в назначении государственной социальной помощи гражданам, предусмотрев их ответственность в части возврата средств, выплаченных им государством, не использованных ими и (или) использованных не по назначению. Предлагается изложить ст. 9 ФЗ РФ-178 от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О государственной социальной помощи» в следующей редакции: «в случае предоставления заявителем неполных и (или) недостоверных сведений о составе семьи, доходах, принадлежащем ему (его семье) имуществе на праве собственности, что явилось основанием для незаконного получения ими государственных средств или их использования не по назначению, заявитель не только привлекается к ответственности в установленном законом порядке, но и лишается права на получение социальной помощи государства».

Особенность реализации такого права проявляется в осуществлении системной защиты не только прав граждан, но и интересов государства, нарушение которых недопустимо, даже если это повлечет социальные риски и неблагоприятные последствия для гражданина, нуждающегося в его поддержке.

Представляется, что такой подход направлен на защиту интересов государства в приоритетном порядке в тех случаях, когда граждане злоупотребляют своими правами. Кроме того, такие решения позволят не только конкретизировать механизмы, обеспечивающие защиту интересов государства, но и дифференцировать основания для назначения мер социальной поддержки именно тем гражданам, которые в наибольшей степени в ней нуждаются, не имеют возможности самостоятельно позаботиться о собственном благополучии, что будет способствовать распределению ответственности государства и гражданина в социальной сфере.

Примечания

¹ О повышении доходов населения, снижении доли бедного населения до 5 процентов (сегодня 10,5 миллиона человек относятся к таковым, что составляет 7,2 процента населения) обращалось внимание В.В. Путина на экономическом форуме. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202506/23/Informacia_9wp.pdf

Список источников

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Парламентская газета. № 8. 01-06.03.2024.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июля 1999 г. № 98 // Консультант Плюс
4. Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование: социально-философские этюды. СПб., 1911.
5. Савенков А.Н., Колотова Н.В. Цивилизационный подход к правам человека: к 75-летию Всеобщей декларации прав человека // Государство и право. 2023. № 11. С. 108–123.
6. Горбань В.С. Формирование современной историографической модели политико-правовых знаний // Государство и право. 2024. № 7. С. 64–78.
7. Савенков А.Н. Философия права в России как идейно-теоретическая основа национальной правовой идеологии: история, современность, перспективы // Государство и право. 2023. № 8. С. 7–23.
8. Чиркин В.Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 24–37.
9. Зорькин В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2014. № 1. С. 3–21.
10. Родионова О.В. Современное социальное государство: типология и проблемы модернизации // Правоведение. 2010. № 3. С. 15–26.
11. Кутафин О.Е. Избранные труды: монография. В 7 т. Т. 7. Российский конституционализм. М.: Проспект, 2011. 540 с.
12. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма; Инфра-М, 2018. 767 с.
13. Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6965.
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.10.2014 N 47-КГ14-8) // Консультант Плюс
15. Маликов С.В., Чуча С.Ю. Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации (обзор международной научно-практической конференции) // Государство и право. 2024. № 2. С. 207–213.

16. Чуча С.Ю. Конституционный принцип уважения человека труда: проблемы реализации в российском законодательстве и правоприменительной практике // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 159–171. doi: 10.17223/22253513/44/14
17. Летова Н.В. Особенности защиты прав ветеранов труда при назначении им отдельных социальных выплат // Закон. 2024. № 6. С. 171–177.
18. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.
19. Решение Конституционного Суда РФ от 20.04.2017 «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за первый квартал 2017 года» // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2017 № 5.
20. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2006 г. № 195-О // Консультант Плюс.
21. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2020 г. № 2375-О // Консультант Плюс.
22. Правосудие в современном мире / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд. М., 2017.
23. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. М. : Русская книга, 1994. 624 с.
24. Киричек Е.В. Конституционная парадигма достойной жизни в России - социальном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 37–41.
25. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.
26. Маматказин И.Р. Юридическая природа и значение мотивационной функции права социального обеспечения // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 1. С. 70–75.
27. Забралова О.С. Социальное государство: понятие, сущность и виды // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 21–31.
28. Клишас А.А. Современная концепция социального государства: монография / предисл. Т.Я. Хабриевой. М. : Норма ; Инфра-М, 2023. 288 с.

References

1. Poslaniye Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 29.02.2024 // Parlamentskaya gazeta. № 8. 01-06.03.2024.
2. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinjata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennyimi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
3. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 1 iyulya 1999 g. № 98 // Konsul'tant Plyus
4. Novgorodtsev P.I., Pokrovskiy I.A. O prave na sushchestvovaniye: sotsial'no-filosofskie etyudy. SPb., 1911.
5. Savenkov A.N., Kolotova N.V. Tsivilizatsionnyy podkhod k pravam cheloveka: k 75-letiyu Vseobshchey deklaratsii prav cheloveka // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 11. S. 108–123.
6. Gorban' V.S. Formirovaniye sovremennoy istoriograficheskoy modeli politiko-pravovykh znaniy // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 7. S. 64–78.
7. Savenkov A.N. Filosofiya prava v Rossii kak ideyno-teoreticheskaya osnova natsional'noy pravovoy ideologii: istoriya, sovremennost', perspektivy // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 8. S. 7–23.
8. Chirkin V.E. Konstitutsiya i sotsial'noye gosudarstvo: yuridicheskiye i fakticheskiye indikatory // Zhurnal rossiyskogo prava. 2008. № 12. S. 24–37.
9. Zor'kin V.D. Problemy konstitutsionno-pravovogo razvitiya Rossii (k 20-letiyu Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2014. № 1. S. 3–21.
10. Rodionova O.V. Sovremennoye sotsial'noye gosudarstvo: tipologiya i problemy modernizatsii // Pravovedeniye. 2010. № 3. S. 15–26.
11. Kutafin O.E. Izbrannyye trudy: monografiya. V 7 t. T. 7. Rossiyskiy konstitutsionalizm. M. : Prospekt, 2011. 540 s.
12. Baglay M.V. Konstitutsionnoye pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik. M. : Norma; Infra-M, 2018. 767 s.
13. Federal'nyy zakon ot 28.12.2013 № 400-FZ (red. ot 29.05.2024) «O strakhovykh pensiyakh» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2013. № 52 (chast' I). St. 6965.
14. Opredeleniye Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 14.10.2014 N 47-KG14-8) // Konsul'tant Plyus
15. Malikov S.V., Chucha S.YU. Mezhotraslevaya zashchita trudovykh i sotsial'nykh prav v usloviyakh obshchestvennoy transformatsii (obzor mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii) // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 2. S. 207–213.
16. Chucha S.YU. Konstitutsionnyy printsip uvazheniya cheloveka truda: problemy realizatsii v rossiyskom zakonodatel'stve i pravoprimenitel'noy praktike // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2022. № 44. S. 159–171. doi: 10.17223/22253513/44/14
17. Letova N.V. Osobennosti zashchity prav veteranov truda pri naznachении im otdel'nykh sotsial'nykh vyplat // Zakon. 2024. № 6. S. 171–177.
18. Federal'nyy zakon ot 17.07.1999 № 178-FZ (red. ot 29.05.2024) «O gosudarstvennoy sotsial'noy pomoshchi» // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 1999. № 29. St. 3699.
19. Resheniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 20.04.2017 «Ob utverzhdenii Obzora praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii za pervyy kvartal 2017 goda» // Byulleten' trudovogo i sotsial'nogo zakonodatel'stva RF. 2017 № 5.
20. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 13 iyunya 2006 g. № 195-O // Konsul'tant Plyus.
21. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15 oktyabrya 2020 g. № 2375-O // Konsul'tant Plyus.
22. Pravosudiye v sovremennoy mire / pod red. V.M. Lebedeva, T.YA. Khabriyevoy. 2-e izd. M., 2017.
23. Il'in I.A. Obshcheye ucheniye o prave i gosudarstve. Sobraniye sochineniy : v 10 t. T. 4. M. : Russkaya kniga, 1994. 624 s.
24. Kirichuk YE.V. Konstitutsionnaya paradigma dostoynoy zhizni v Rossii - sotsial'nom gosudarstve // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. 2023. № 7. S. 37–41.
25. Parsons T. O strukture sotsial'nogo deystviya. M., 2000. 880 s.
26. Mamatkazin I.R. Yuridicheskaya priroda i znachenie motivatsionnoy funktsii prava sotsial'nogo obespecheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2022. № 1. S. 70–75.
27. Zabralova O.S. Sotsial'noye gosudarstvo: ponyatiye, sushchnost' i vidy // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. 2022. № 6. S. 21–31.
28. Klishas A.A. Sovremennaya kontseptsiya sotsial'nogo gosudarstva: monografiya / predisl. T.YA. Khabriyevoy. M. : Norma ; Infra-M, 2023. 288 s.

Информация об авторе:

Летова Н.В. – д-р юрид. наук, главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: letovanv@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Letova, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: letovanv@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.09.2025;
одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 11.09.2025;
approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 340.152
doi: 10.17223/15617793/521/27

Об экономических мотивах расширения пределов Римского государства в произведениях Цицерона

Егор Ефимович Протопопов¹

¹ Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Россия, siemens333@inbox.ru

Аннотация. Актуальность обращения к теме экономических мотивов расширения пределов Римского государства в произведениях Цицерона вызвана значимостью влияния его политического наследия на теорию и практику западного империализма. Рассматривается роль военной добычи, контрибуций и платежей, интересы управления государственным долгом зависимых царств и долгами городов в провинциях, необходимость контроля над «хлебородными провинциями». Материал источников убеждает нас в том, что Цицерон рассматривал процесс расширения границ государства военным путем как самоподдерживающийся механизм, действующий по принципу «война сама себя кормит».

Ключевые слова: Цицерон, экономические мотивы, функции государства, римский империализм, рабство, военная добыча, государственный долг, Помпей, Цезарь

Для цитирования: Протопопов Е.Е. Об экономических мотивах расширения пределов Римского государства в произведениях Цицерона // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 60–265. doi: 10.17223/15617793/521/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/27

On the economic motives for expanding the borders of the Roman state in the works of Cicero

E.E. Protopopov¹

¹ Russian Technological University – MIREA, Moscow, Russian Federation, siemens333@inbox.ru

Abstract. The relevance of addressing the topic of economic motives for the expansion of the borders of the Roman state in the works of Cicero is caused by the significance of the influence of his political legacy on the theory and practice of Western imperialism. The source base of the study is the letters, speeches and theoretical works of Cicero, as well as the works of ancient and modern authors (Polybius, Titus Livius, Appian of Alexandria, Suetonius, V.I. Kuzishchin, V.O. Nikishin, W.V. Harris, J. Tan, etc.). The author uses the dialectical-materialistic method, the method of source analysis, portrait, problem-theoretical and contextual methods. The article provides an overview of the role of spoils of war, contributions and payments, economic motivations of Roman commanders, the interests of governing the public debt of dependent kingdoms and debts of cities in the provinces, the need to control the "grain-producing provinces", Roman governance of already conquered territories, etc. The apparent contradiction in Cicero's constructions, who believed that one should not increase one's wealth and power by robbing other people, that one should not harm one's neighbor for one's own benefit, and his persistent calls to multiply one's wealth, expand the borders of the state, is removed by his differentiated approach to the Romans, barbarians, and Greeks. The article briefly traces the relationship between the main functions of the state according to Cicero and Roman imperialism. The author considers Cicero's speech "Pro lege Manilia" (66 BC), which was aimed primarily at ensuring the economic interests of the equestrian class through the use of the Roman army, to be particularly noteworthy in relation to the economic motives of Roman expansion. The author concludes that Cicero was one of the most ethical Roman administrators of his time. At the same time, as a participant and witness of Roman imperialist practices, he reflected them in his works and became an unwitting mentor to subsequent generations of imperial builders. The material of the sources convinces us that Cicero considered the process of expanding the borders of the state by military means as a self-sustaining mechanism operating on the principle of "war feeds itself." He described systemic corruption in the Late Republic, where the state and the army were regularly used to capture and rob neighboring states and peoples and then, often violently, extract profits from the provinces. Thus, by the time of Cicero, the Romans were able to create a complex system of economic motivation to support unprecedented military efforts, the fruits of which, of course, were enjoyed to an unequal extent by the most diverse segments of the population. The chronological framework of the study is limited to the period from 227 BC (Sicily became a Roman province) to 43 BC (the death of Cicero).

Keywords: Cicero, economic motives, functions of the state, Roman imperialism, slavery, military booty, state debt, Pompey, Caesar

For citation: Protopopov E.E. (2025) On the economic motives for expanding the borders of the Roman state in the works of Cicero. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 260–265. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/27

В теоретических работах Цицерона, встречаются отрывки, где он пишет о природе, которая «не терпит одного: чтобы мы ограблением других людей увеличивали свои средства, богатства, могущество... что ради своей выгоды не дозволено причинять вред ближнему» [1. С. 129] и т. д. Но, по-видимому, он предполагал некоторые исключения из подобных моральных и правовых принципов. В частности, оратор писал о народо-тиране, что «нет более свирепого зверя, чем тот, который подражает внешнему виду народа и принимает его имя» [2. С. 99]. И далее: «...с тиранами никакие узы нас не соединяют; вернее, тираны нам глубоко чужды, и вовсе не противно природе ограбить, если сможешь, того, кого в нравственном отношении прекрасно убить, и вся эта порода людей, несущая гибель и нечестивая, подлежит изгнанию из человеческого общества» [1. С. 131]. В совокупности с взглядами мыслителя на варваров [3. С. 244] и греков [4. С. 177–179], выбор объектов «исключений из принципов» был очевиден.

Для Цицерона, расширение пределов Римского государства, завладение всем миром, неотъемлемо было связано с покорением и разрушением городов, желанием чужого и его захватом [2. С. 89]. Как выразился Гай, говоря о римлянах времен Республики: они «считали своей прежде всего ту вещь, которую захватили у врагов...» [5. С. 229]. Согласно Цицерону: «...частной собственности не бывает от природы. Она возникает либо на основании давнишней оккупации, например, если люди некогда пришли на свободные земли, либо в силу победы, например, если землей завладели посредством войны...» [1. С. 63]. Благоразумие велит римлянину «всячески умножать свое достояние, увеличивать свои богатства, расширять границы... повелевать возможно большим числом людей, наслаждаться, быть могущественным, управлять, владычествовать» [2. С. 90–91]. Он призывает граждан всеми средствами, какими они только смогут, как во времена войны, так и в мирные, возвеличивать государство в его могуществе, протяженности, доходах [1. С. 123].

В понятие военной добычи (*praeda*) входило разное имущество от монет, драгоценностей, золотой и серебряной посуды до доспехов, оружия, рабов и земли, «они были предполагаемыми результатами победы и власти» [6. Р. 56]. У оратора относительно немного отрывков касающихся захвата военной добычи и получения денег от ее продажи [7. С. 267]. Например, он упоминает захват сокровищ после Третьей Македонской войны, когда Павел «привез в эрарий столько денег, что добыча одного императора позволила прекратить взимание податей...» [1. С. 121]. Также Цицерон пишет о предметах искусства, таких как «изображение Юпитера, которое Тит Фламиний захватил в Македонии и поставил в Капитолии» [7. С. 102]. Он ставит в пример Помпея, которого «не отвлекла от намеченного им себе пути ни алчность к добыче, ни жажда наслаждений... на статуи и картины и на прочие

украшения греческих городов, которые другие должностные лица считают себя вправе увозить, он не считал для себя позволительным даже взглянуть» [7. С. 177]. Объектом военного захвата, могли стать и предметы, порождающие «пагубную роскошь» [2. С. 55].

Цицерон отмечает огромное число алчных людей среди своих соотечественников: «Трудно выразить словами, квинриты, как чужеземные народы ненавидят нас за распущенность и несправедливость тех людей, которых мы в течение последнего времени к ним посылали облеченными империем. Как вы думаете, остался ли в тех краях хотя бы один храм, к которому наши должностные лица отнеслись бы с должным уважением, как к святилищу, хотя бы один город, который они признали бы неприкосновенным, хотя бы один дом, достаточно крепко запертый и защищенный? Они уже выискивают богатые и благоденствующие города, чтобы объявить им войну под любым предлогом, лишь бы получить возможность разграбить их. <...> Как вы думаете, зачем вы посылаете войска – в защиту ли союзников и против врагов, или же, под предлогом войны с врагами, против наших союзников и друзей? Найдется ли теперь в Азии хоть один город, который мог бы удовлетворить прихоти и притязания, не говоря уже – императора или легата, но даже одного военного трибуна?» [7. С. 184]. Здесь, он мог бы добавить: быть врагом Рима может быть опасно, но быть его другом – смертельно. В связи со сказанным, нельзя согласиться с Цицероном, считавшим беспочвенными опасения «варваров», среди которых «был пущен устрашающий слух, сильно взволновавший их, – будто наше войско введено в эту страну с целью разграбления их богатейшего и благоговейно чтимого храма» [7. С. 173].

Взаимосвязь расширения пределов Римского государства и экономической мотивации римских командиров, так же нашла отражение в переписке Цицерона. Напутствуя Квинта, в качестве легата Цезаря при завоевании Галлии, Цицерон связывал службу брата с возможностью его обогащения и избавления от долгов [8. С. 278]. Правовед Требаций, отправляясь в Галлию, в качестве военного трибуна, рассчитывал значительно улучшить свое финансовое положение [8. С. 268, 332–333]. Легат Цезаря Планк, до начала своей службы был обременен долгами [8. С. 363]. Оратор также упоминает послевоенное богатство старших офицеров Цезаря – Лабиена и Мамурры [9. С. 174].

К военной добыче относились и рабы. В письме к брату, находившемуся с войсками в Трансальпийской Галлии, читаем: «Ты обещаешь мне рабов; очень благодарен тебе за это; действительно, как ты пишешь, я не богат ими ни в Риме, ни в моих владениях» [8. С. 314]. В одном из посланий Аттику Цицерон пишет о покорении Британии: «Кроме того, уже известно, что на этом острове нет ни крупинки серебра, и никакой надежды на добычу; разве только на рабов; но ты, я думаю, не ждешь, что кто-нибудь из них окажется обученным наукам или музыке» [8. С. 276]. Уже описывая

собственное командование, при походе в Малую Азию, Цицерон отмечает: «Сатурналии оказались радостными также для моих солдат, которым я отдал всю добычу, кроме лошадей. Рабы были проданы на третий день Сатурналий. Когда я пишу это, выручка на торгах доходит до 12 000 000 сестерциев» [9. С. 51]. Небезынтересным в данном контексте представляется письмо Руфа Цицерону 51 г. до н. э., в котором он пишет: «Насколько ты озабочен в связи со спокойствием в твоей провинции и пограничных областях, не знаю; я, по крайней мере, чрезвычайно тревожусь. Ведь *если бы мы могли устроить так, чтобы возникла война* (курсив мой. – Е. П.), размеры которой соответствовали бы силам твоих войск, и чтобы мы достигли успеха настолько, насколько нужно для лавров и триумфа, и избегли той опасной и тяжелой схватки, *то ничто не было бы столь желанным*» [9. С. 10–11].

В случае полного военного разгрома противника, происходила *occupatio bellica* (военная оккупация): «Вся земля покоренных, по общему правилу, обращалась в *ager publicus populi Romani* (общественная земля римского народа); жители, как военнопленные, обращались в рабов» [10. С. 70–71]. У Цицерона мы встречаем упоминание о бывших землях Атталии, Фаселиды, Олимпы, Аперы, Ороанды и Элевсы, а также в Херсонесе, Вифинии, Македонии [7. С. 263–264], Нумидии [7. С. 266] и т. д., которые сделались собственностью римского народа, приносившей ему доход [7. С. 264]. В речи 57 г. до н. э. оратор обвинял Клодия, что тот «на основании преступного закона, не расследовав дела, в казну забрал самого Птолемея, царя Кипра» [11. С. 63] (имеется ввиду аннексия Кипра, под руководством Катона, при которой в эрарий было изъято 7000 талантов серебром (168 млн сестерциев)) [12. С. 245]. Также Цицерон упоминает лишение галлов земли и городов по распоряжению сената [13. С. 442].

Помимо захвата добычи, римляне взымали с побежденного врага платеж, для компенсации *tributum* – специального военного налога, уплачиваемого римскими гражданами, преимущественно на жалование римским солдатам (*stipendium*). Возможно, благодаря тому, что Сицилия первая дала понять римлянам, «как прекрасно управлять иностранными народами» [13. С. 173], она была избавлена от выплаты *stipendium*: «Разница во взимании земельных податей между Сицилией и остальными провинциями состоит, судьи, в том, что на остальные или наложена определенная сумма податей, называемая «стипендией», как бы в виде контрибуции и наказания за враждебные действия, – что мы видим на Испаниях и большей части прежних карфагенских владений, – или же цензоры отдают земли на откуп, как это делается в Азии на основании Семпрониева закона» [13. С. 232].

Контроль над Сицилией – ближайшем к столице «поместьем римского народа» (*praedia populi Romani*) [13. С. 174], а также Сардинией и Азией как «хлебородными провинциями», имел стратегическое значение в экономическом отношении [9. С. 264; 11. С. 60]. Особенно Цицерон выделял провинцию Азия: «Ведь податей, получаемых в других провинциях, квиниты, едва хватает на оборону самих провинций; Азия же так богата и так плодородна, что и тучностью своих полей, и

разнообразием своих плодов, и обширностью своих пастбищ, и обилием всех предметов вывоза намного превосходит все другие страны. Итак, эту провинцию, квиниты, – если только вы хотите сохранить возможность воевать с успехом и с достоинством жить в условиях мира – вы должны не только защитить от несчастий, но и избавить от страха перед ними» [7. С. 170].

Еще одним экономическим мотивом римской территориальной экспансии, могли стать интересы управления государственным долгом зависимых царств и долгами городов в провинциях. Из одного из писем Аттису мы узнаем, что царь Ариобарзан III, выплачивал в качестве долга Помпею 33 таланта (792 тыс. сестерциев) ежемесячно, при этом, «для покрытия месячного роста этого недостаточно» [9. С. 91], т. е. речь идет об автоматическом росте государственного долга и налогов в Каппадокии. Только в ней у Помпея, согласно подсчетам В.И. Кузищина, было вложено 3200 талантов (80 млн сестерциев) [14. С. 62]. С царя Тиграна Помпей получил 6000 талантов (144 млн сестерциев) [15. С. 296], ему были должны жители города Кавн [9. С. 58] и египетский царь [16. С. 22]. Ежегодные выплаты города Саламин Бруту составляли 200 талантов [9. С. 87] (по ставке 48% годовых) [17. С. 127], упомянутого царя Каппадокии – 100 талантов [9. С. 124]. За насильственное восстановление Птолемея Авлета на египетском троне, Габинию (проконсулу Сирии), было предложено 10 000 талантов (240 млн сестерциев) [18. С. 149], что обернулось большим дополнительным налогом для египтян [18. С. 165]. Тот же Птолемей выплачивал Цезарю и Помпею около 6 000 талантов [16. С. 22]. Цицерон также был напрямую связан с делом египетского царя [8. С. 207].

Оратор упоминает контрибуцию, наложенную Суллой в 84 г. до н. э. на города провинции Азия [8. С. 102; 19. С. 198]. Римские ростовщики ссужали средства, необходимые для ее выплаты. В результате применения сложного процента этот кредит вырос с 20 000 до 120 000 талантов (2 млрд 880 млн сестерциев) за четырнадцать лет [12. С. 564]. Также Цицерон говорил о Ситтии, которому были «должны в провинциях и царствах огромные деньги» [11. С. 22]; наследнику Пинния никейцы должны были около 8 млн сестерциев [9. С. 58]; банкиру Клувию – жители городов Миласа, Алабанда и Кавн [9. С. 57–58]; Рабирий Постум давал ссуды чужеземным народам, ему должны были во многих провинциях, цари и в частности, Птолемей Авлет [18. С. 129]. Кроме того, он пишет о собственных вложениях в Азию в размере 2,2 млн сестерциев [9. С. 328]. В одной из речей, Цицерон говорит о том, что Галлия «окончательно погрязла в долгах» [13. С. 441]. Он ярко описывает настойчивость представителей Помпея [9. С. 90] и Брута в деле «взыскания» долгов. Инструментарий был довольно обширен: от лоббирования в сенате исключения из закона [9. С. 86] и выпрашивания административных должностей до применения конных отрядов [9. С. 85, С. 92].

Отношение Цицерона к налогообложению провинций близко к логике «предложения, от которого нельзя отказаться»: «Пусть Азия также подумает, что она не была бы избавлена ни от одного бедствия от внешней

войны и внутренних раздоров, не будь она под нашим владычеством. Но так как эта власть никаким образом не может быть сохранена без уплаты дани, то пусть Азия без сожаления ценой некоторой части своих доходов покупает вечный мир и спокойствие» [8. С. 102]. При этом, он признавал тяжелое положение греческих подданных «для которых пастбищный сбор, десятина, пошлины равносильны смерти» [19. С. 195] и обвинял Писона в том, что тот «сначала потребовал огромные деньги от фракийцев и дарданцев за сохранение мира с ними, а потом, чтобы они эти деньги могли собрать, отдал им Македонию на разорение и разграбление» [11. С. 135]. По поводу римского управления уже завоеванными территориями О.В. Никишин пишет: «...история римского провинциального управления в республиканскую эпоху – это история того, как частные лица – представители правящей элиты и так или иначе связанные с ними дельцы – извлекали прибыли и наращивали свои доходы за счёт государства и жителей провинций, в полной мере используя пресловутый «административный ресурс»» [20. С. 212]. Еще более неприглядная картина римских методов максимизации прибыли, при завоевании и эксплуатации территорий, представлена Д. Таном [21. Р. 78–79].

Можно кратко перечислить некоторые другие экономические мотивы римского империализма, отраженные в произведениях оратора: интересы налоговых и таможенных сборов [7. С. 171; 11. С. 206; 13. С. 445]; выгоды имперского протекционизма (законодательный запрет заальпийским народам выращивания оливок и винограда, в интересах крупных римских землевладельцев) [2. С. 87]; обременение недвижимого имущества на завоеванных территориях [19. С. 207; 22. С. 51]; выплаты за размещение солдат на зимние квартиры (Аппий, предшественник Цицерона на посту проконсула Киликии, получал 200 талантов (4,8 млн сестерциев) ежегодно только от городов Кипра) [9. С. 84]; имперскими доходами, по-видимому, так же финансировались: проведение игр и других зрелищ [7. С. 51, 120; 8. С. 127], подкуп избирателей [8. С. 278], культовое и инфраструктурное строительство [7. С. 100; 1. С. 121] (60 млн сестерциев, чтобы расширить форум) [8. С. 276], снабжение хлебом (Помпею было назначено около 40 млн сестерциев на покупку хлеба) [8. С. 224] и хлебные раздачи [23. С. 187].

Особенно примечательной, в отношении экономических мотивов римской экспансии, является речь Цицерона «О предоставлении империя Гнею Помпею (о Манлиевом законе)» (66 г. до. н. э.), которая была направлена, прежде всего, на обеспечение экономических интересов сословия всадников в провинции Азия, путем отправки туда римской армии. Оратор призывает к защите интересов весьма уважаемых людей, «поместивших большие деньги в дело сбора податей и налогов», взимаемых в пользу сенаторов, как об общегосударственном деле [7. С. 168]. Он аргументирует необходимость военного вмешательства защитой: 1) славы римского народа; 2) благополучия союзников и друзей; 3) верных и богатых источников доходов римского народа (с утратой которых, «владыки мира» лишатся средств и для радостей мира, и для ведения

войны); 4) имущества граждан, о которых следует заботиться как ради них самих, так и в интересах государства [7. С. 168]. Также оратор упоминает важность избавления от страха, препятствующего экономической деятельности: «Так пропадают доходы и от пошлин в гаванях, и от десятины, и с пастбищ. Поэтому один лишь слух об опасности и один лишь страх перед войной не раз лишал нас доходов целого года» [7. С. 170–171].

Значимость рассматриваемой речи проявляется еще в том, что в ней можно наиболее отчетливо проследить взаимосвязь функций государства по Цицерону: основной внутренней функцией государства он считал защиту собственности, основной внешней функцией государства – расширение его территории [24]. В частности, Цицерон говорит о необходимости заботы «об имуществе многих римских граждан», об интересах, делах и средствах откупщиков, «почтеннейших и виднейших людей» [7. С. 171]. Далее он говорит об угрозе финансового кризиса, вызванной высокой взаимозависимостью инвестиционного, денежного и кредитного рынков: «...когда очень многие люди потеряли в Азии большие деньги, в Риме, как мы знаем, платежи были приостановлены и кредит упал. <...> ...Кредит, существующий здесь, и все денежные дела, которые совершаются в Риме, на форуме тесно и неразрывно связаны с денежными оборотами в Азии; крушение этих последних нанесет первым такой сильный удар, что они не могут не рухнуть» [7. С. 171].

В заключении, можно отметить, что Цицерон, был одним из наиболее этичных римских администраторов своего времени. При этом, он один из двух или трех выдающихся политических мыслителей в истории, добившихся высшего государственного поста. Цицерон, как участник и свидетель римских империалистических практик, отразивший их в своей переписке, речах и теоретических работах, стал невольным наставником последующих поколений западных имперских строителей. Лучше всего иллюстрирует сложное отношение оратора, к противоречию между теорией и практикой, личными этическими установками и необходимостью выживания на вершине Римской державы, отрывок из письма, где он укоряет Катона, который из-за своей добросовестности, иногда наносит государству вред и «высказывается так, словно находится в государстве Платона, а не среди подонков Ромула» [8. С. 81]. Там же, он сетует на необходимость поступиться принципами, ради сохранения добрых отношений с сословием всадников.

Безусловно, расширение пределов государства путем ведения войн, крайне затратный процесс, но как мы видим, Цицерон говорит о нем, как о самоподдерживающемся механизме, действующем по принципу «война сама себя кормит» (*bellum se ipsum alet*) [25. С. 117]. Так, он считал, что Цезарь «даже без этой денежной помощи может, используя ранее захваченную им добычу, сохранить свое войско и закончить войну» [11. С. 213]. Цицерон, постоянно подчеркивает, взаимосвязь между применением римских войск и опасностью «потерять все эти провинции, которыми обеспечиваются доходы римского народа» [9. С. 26], которые,

в свою очередь, «дают возможность вести войну» [7. С. 274].

Он описывал системную коррупцию в Поздней Римской республике, где государство и армия регулярно использовались для захвата и ограбления соседних государств и народов и последующего, часто насильственного, из-

влечения прибыли из провинций. Таким образом, Римляне, к временам Цицерона, смогли создать сложную систему экономической мотивации для поддержания беспрецедентных военных усилий, плодами которых, конечно в неравной степени, пользовались самые разные слои населения.

Список источников

1. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / изд. подг. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек, С.Л. Утченко. М. : Наука, 1974. 246 с.
2. Цицерон. О государстве. О законах / пер. с лат. В.О. Горенштейна; прим. И.Н. Веселовского, В.О. Горенштейна; послесл. С.Л. Утченко. М. : Академический проект, 2020. 249 с.
3. Никишин В.О. «Варварство цивилизации» лицом к лицу с «цивилизацией варварства»: феномен латентного варварства в контексте греко-римской цивилизации I в. до н.э. (по произведениям Цицерона) // Цивилизация и варварство. 2019. Вып. VIII. С. 238–262.
4. Никишин В.О. Цицерон и греки // Studia historica. Вып. XI. М. : 2011. С. 167–189.
5. Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor / под общ. ред. Д.В. Дождева. М. : Статут, 2020. 384 с.
6. Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 BC. Oxford : The Clarendon Press, 1985. XV, 293 p.
7. Цицерон. Речи, том I (81–63 гг. до н. э.) / изд. подг. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 443 с.
8. Цицерон. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. I / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 536 с.
9. Цицерон. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. II / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 502 с.
10. Покровский И.А. История римского права. М. : Издательство Юрайт, 2025. 447 с.
11. Цицерон. Речи, том II (62–43 гг. до н. э.) / изд. подг. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 400 с.
12. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / изд. подг.: С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1994. Т. 2. 672 с.
13. Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе. Т. I / пер. с лат. Ф.Ф. Зелинского. СПб. : Изд. А.Я. Либерман, 1901. 767 с.
14. Срастание сенаторской знати с верхушкой всадников в Риме в конце Республики // Кузищин В.И. Исследования в области экономической истории античности. СПб. : Алетейя, 2011. С. 57–84.
15. Аппиан Александрийский. Римская история. М. : Наука, 1998. 726 с.
16. Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати цезарей / изд. подг. М.Л. Гаспаров и Е.М. Штаерман. М. : Наука, 1964. 375 с.
17. Абрамзон М.Г. Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э.–74 г. н. э.). СПб. : Издательство «Акра», ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. 256 с.
18. Хрусталева В.К. «Египетский вопрос» в римской политике в 80–50-е гг. до н. э. и речь Цицерона «За Рабирия Постума». СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», 2024. 192 с.
19. Цицерон. Речь в защиту Л. Валерия Флакка / пер. с лат., вст. ст. и коммент. В.О. Горенштейна // Вестник древней истории. 1986. № 4. С. 188–215.
20. Никишин В.О. Римляне и провинциалы: проблема ответственности за тех, кого покорили // Цивилизация и варварство. Ловушки, засады и пропасти латентного варварства / В.П. Буданова (Ред.) М. : Аквилон, 2020. Вып. IX. С. 192–237.
21. Tan J. Power and Public Finance at Rome, 264–49 BC. Oxford : Oxford University Press, 2017. XXX, 214 p.
22. Цицерон. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. III / пер. и коммент. В.О. Горенштейна. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 826 с.
23. Цицерон. Тускуланские беседы / пер. с лат. М.Л. Гаспарова. М. : РИПОЛ классик, 2017. 360 с.
24. Протопопов Е.Е., Спицына Н.В. Об основных функциях государства в контексте трудов Цицерона // Advances in Science and Technology Сборник статей LXX международной научно-практической конференции. М., 2025. С. 292–293.
25. Ливий Тит. История Рима от основания города / ред. пер. М.Л. Гаспаров, Г.С. Кнабе, В.М. Смирин. М. : Наука, 1993. Т. 3. 768 с.

References

1. Tsitseron. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyakh / izd. podg. V.O. Gorenshiteyn, M.E. Grabar'-Passek, S.L. Utchenko. M. : Nauka, 1974. 246 s.
2. Tsitseron. O gosudarstve. O zakonakh / per. s lat. V.O. Gorenshiteyna; prim. I.N. Veselovskogo, V.O. Gorenshiteyna; poslesl. S.L. Utchenko. M. : Akademicheskij proyekt, 2020. 249 s.
3. Nikishin V.O. «Varvarstvo tsivilizatsii» litsom k litsu s «tsivilizatsiyey varvarstva»: fenomen latentnogo varvarstva v kontekste greko-rimskoy tsivilizatsii I v. do n.e. (po proizvedeniyam Tsitserona) // Tsivilizatsiya i varvarstvo. 2019. Vyp. VIII. S. 238–262.
4. Nikishin V.O. Tsitseron i greki // Studia historica. Vyp. XI. M. : 2011. S. 167–189.
5. Institutsii Gaya = Gai Institutionum commentarii quattuor / pod obshch. red. D.V. Dozhdeva. M. : Statut, 2020. 384 s.
6. Harris W.V. War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 BC. Oxford : The Clarendon Press, 1985. XV, 293 p.
7. Tsitseron. Rechi, tom I (81–63 gg. do n. e.) / izd. podg. V.O. Gorenshiteyn, M.E. Grabar'-Passek. M. : Izd-vo AN SSSR, 1962. 443 s.
8. Tsitseron. Pis'ma Marka Tulliia Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu. T. I / per. i komment. V.O. Gorenshiteyna. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1949. 536 s.
9. Tsitseron. Pis'ma Marka Tulliia Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu. T. II / per. i komment. V.O. Gorenshiteyna. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1950. 502 s.
10. Pokrovskiy I.A. Istoriya rimskogo prava. M. : Izdatel'stvo Yurayt, 2025. 447 s.
11. Tsitseron. Rechi, tom II (62–43 gg. do n. e.) / izd. podg. V.O. Gorenshiteyn, M.E. Grabar'-Passek. M. : Izd-vo AN SSSR, 1962. 400 s.
12. Plutarkh. Sravnitel'n'yye zhizneopisaniya: v 2 t. / izd. podg.: S.S. Averintsev, M.L. Gasparov, S.P. Markish. 2-e izd., ispr. i dop. M. : Nauka, 1994. T. 2. 672 s.
13. Tsitseron. Polnoye sobraniye rechey v russkom perevode. T. I / per. s lat. F.F. Zelinskogo. Spb. : Izd. A.YA. Liberman, 1901. 767 s.
14. Srastaniye senatorskoy znati s verkhushkoy vsadnikov v Rime v kontse Respubliki // Kuzishchin V.I. Issledovaniya v oblasti ekonomicheskoy istorii antichnosti. Spb. : Aleteyya, 2011. S. 57–84.
15. Appian Aleksandriyskiy. Rimskaya istoriya. M. : Nauka, 1998. 726 s.
16. Svetoniy Trankvill Gay. Zhizn' dvenadtsati tsezarey / izd. podg. M.L. Gasparov i YE.M. Shtayerman. M. : Nauka, 1964. 375 s.
17. Abramzon M.G. Rimskoye vladychestvo na Vostoke: Rim i Kilikiya (II v. do n. e.–74 g. n. e.). SPb. : Izdatel'stvo «AkrA», ITS «Gumanitarnaya AkademiYA», 2005. 256 s.

18. Khrustalev V.K. «Egipetskiy vopros» v rimskoy politike v 80-50-e gg. do n. e. i rech' Tsitserona «Za Rabiriya Postuma». SPb. : ITS «Gumanitarnaya akademiYA», 2024. 192 s.
19. Tsitseron. Rech' v zashchitu L. Valeriya Flakka / per. s lat., vst. st. i komment. V.O. Gorenshteyna // Vestnik drevney istorii. 1986. № 4. S. 188–215.
20. Nikishin V.O. Rimlyane i provintsialy: problema otvetstvennosti za tekhnologicheskuyu pokoriluyu // Tsivilizatsiya i varvarstvo. Lovushki, zasady i propasti latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (Red.) M. : Akvilon, 2020. Vyp. IX. S. 192–237.
21. Tan J. Power and Public Finance at Rome, 264–49 BC. Oxford : Oxford University Press, 2017. XXX, 214 p.
22. Tsitseron. Pis'ma Marka Tulliia Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu. T. III / per. i komment. V.O. Gorenshteyna. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1951. 826 s.
23. Tsitseron. Tuskulanskiye besedy / per. s lat. M.L. Gasparova. M. : RIPOL klassik, 2017. 360 s.
24. Protopopov YE.E., Spitsyna N.V. Ob osnovnykh funktsiyakh gosudarstva v kontekste trudov Tsitserona // Advances in Science and Technology Sbornik statey LXX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M., 2025. S. 292–293.
25. Liviy Tit. Istoriya Rima ot osnovaniya goroda / red. per. M.L. Gasparov, G.S. Knabe, V.M. Smirin. M. : Nauka, 1993. T. 3. 768 s.

Информация об авторе:

Протопопов Е.Е. – канд. юрид. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского технологического университета – МИРЭА (Москва, Россия). E-mail: siemens333@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Protopopov, Russian Technological University – MIREA (Moscow, Russian Federation). E-mail: siemens333@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.09.2025;
одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 06.09.2025;
approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 349.22
doi: 10.17223/15617793/521/28

Государственная политика РФ в области развития искусственного интеллекта в контексте правового регулирования цифрового профиля работника

Алена Вадимовна Серова¹

¹ Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, a.v.serova@icloud.com

Аннотация. Исследованы документы стратегического планирования и нормативные правовые акты по вопросу цифрового профилирования работников с использованием технологий искусственного интеллекта. Когда в цифровом профилировании отдельных аспектов сферы труда и занятости государство явно проявляет свой публичный интерес, то относительно таких вопросов нормативная правовая база уже начинает формироваться. В иных случаях формирование цифрового профиля работников законодательными рамками не ограничивается.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровой профиль работника, алгоритмический контроль, защита персональных данных работников, документы стратегического планирования, цифровая экономика, цифровая трансформация, экспериментальный правовой режим

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № ВНШ/25-СГ.

Для цитирования: Серова А.В. Государственная политика РФ в области развития искусственного интеллекта в контексте правового регулирования цифрового профиля работника // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 266–277. doi: 10.17223/15617793/521/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/28

The State policy of the Russian Federation in the field of artificial intelligence development in the context of legal regulation of an employee's digital profile

Alena V. Serova¹

¹ Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation, a.v.serova@icloud.com

Abstract. Digital profiling of employees using artificial intelligence technologies is not a new phenomenon for Russian employers. However, in the absence of legally established rules, it is actually carried out by them outside the legal framework. As a result, the risks of employee rights violations are increasing. The purpose of this work is to find optimal ways to improve government policy in the field of artificial intelligence development and labor legislation in terms of digital profiling of employees. The research consistently solves a number of tasks: studying the current regulatory framework for digital profiling and clarifying the content of the concept of an employee's digital profile; identification of opportunities and risks of using artificial intelligence technologies in the personnel policy of domestic employers; systematization of regulatory legal acts regulating artificial intelligence issues in Russia; study of the genesis of state policy in the field of artificial intelligence development and determination of the groundwork for the legal regulation of digital profiling of employees; proposal and scientific justification of ways to solve the identified problems. The study uses the method of system analysis, as well as formal-legal, historical-legal and political-legal methods. The results of the study determined that a number of regulatory legal acts on the creation of digital profiles have been adopted at the federal level. At the same time, several directions can be distinguished: general – when it comes to the digital profile of a subject in general; special – when it comes to the digital profiles of certain categories of subjects and/or in certain areas. At the same time, there is an active development of state policy in the field of artificial intelligence. Legislative regulation of such issues today has a pronounced public-legal orientation, since both artificial intelligence and digital profiling are considered by the state as tools for realizing its interests within the framework of the ongoing state policy on the digital transformation of public administration. In this regard, it is possible to predict the further development of legislative regulation of digital profiling in terms of state control (supervision) over compliance with the requirements of labor legislation. The legal regulation of digital profiling in the framework of labor relations is not yet being discussed. This situation is developing due to the government's desire not to create legal barriers to the active development and implementation of digital technologies in the private sector. At the same time, it is the law, including labor law, that should perform a preventive function and determine in advance the framework within which the employer's use of artificial intelligence technologies should be built. As a possible solution to this problem, we can suggest using the experimental regulation regime.

Keywords: artificial intelligence, digital profile of an employee, algorithmic control, protection of personal data of employees, strategic planning documents, digital economy, digital transformation, experimental legal regime

Financial support: The study was funded by USLU named after V.F. Yakovlev according to the project of the scientific school № VNSH/25-SG.

For citation: Serova, A.V. (2025) The State policy of the Russian Federation in the field of artificial intelligence development in the context of legal regulation of an employee's digital profile. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 266–277. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/28

Цифровой профиль работника: уточнение содержания понятия. В федеральной нормотворческой практике идея формирования цифровых профилей различных субъектов (как граждан, так и представителей бизнеса) наращивает свои обороты. Причем сейчас уже начинают выкристаллизовываться несколько направлений: общее – когда речь идет в целом о цифровом профиле субъекта; специальное – когда речь идет о цифровых профилях отдельных категорий субъектов и/или в отдельных сферах (например, в сфере содействия занятости населения – в отношении как граждан, так и работодателей, а в сфере миграционной политики – в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства).

Общее направление формирования цифрового профиля пока находится на уровне стратегического планирования¹, а с точки зрения законодательного уровня – только на уровне законопроектов. Так, во внесенном в 2019 г. в Государственную Думу РФ законопроекте [2] предлагалось закрепить в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понятие цифрового профиля: «Цифровой профиль является совокупностью сведений о гражданах и юридических лицах, содержащихся в информационных системах государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в единой системе идентификации и аутентификации». В качестве инфраструктуры цифрового профиля была определена совокупность информационных систем в единой системе идентификации и аутентификации, обеспечивающих доступ к цифровому профилю. Однако в январе 2022 г. было принято решение об отклонении данного законопроекта. Вместе с тем, например, в законодательстве о потребительском кредите (займе) [3] упоминается о возможности использования цифрового профиля гражданина при заключении договора потребительского кредита (займа) для получения кредитной или микрофинансовой организацией сведений об ИНН заемщика (ст. 7).

С точки зрения специального направления формирования цифрового профиля в качестве примера можно привести законодательство о занятости населения. Так, в Федеральном законе от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» [4] (далее – Закон о занятости 2023 г.) с 01 января 2025 г. вступили в силу положения о профилировании граждан, ищущих работу, безработных граждан и работодателей. Если посмотреть на определения данных понятий, которые сформулированы в ст. 3, можно

сделать вывод, что в качестве их базового признака законодатель использует такой признак, как распределение на группы. Такое распределение для граждан и работодателем осуществляется с одной и той же целью – для предоставления мер государственной поддержки в сфере занятости населения. Отличие между ними заключается в тех параметрах, по которым осуществляется профилирование: для граждан – это сфера их предыдущей профессиональной деятельности, опыт работы, социально-демографические и другие характеристики; для работодателей – организационно-правовая форма, вид экономической деятельности, финансово-экономическое положение и другие характеристики. В Законе о занятости 2023 г. также используется такое понятие, как «профильная группа гражданина», для которого определение отдельно не сформулировано, но при этом оно вполне без ущерба для содержания может быть выведено самостоятельно правоприменителем через категорию «профилирование граждан, ищущих работу, безработных граждан». Стоит отметить, что назвать конкретные технологии, которые используются для формирования и использования цифрового профиля сложно, потому что согласно п. 2 Правил функционирования единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» [5] Роструд как ее оператор вправе самостоятельно выбирать используемые на единой цифровой платформе информационно-телекоммуникационные технологии, программные и технические средства, а в открытых источниках эта информация не афишируется.

Еще одним примером специального направления является создание цифрового профиля в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. Данное направление на сегодняшний день носит экспериментальный характер [6] и осуществляется для апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства².

В 2022 г. был утвержден ГОСТ для единой технологии «Цифровой социальный юрист» [8]. ГОСТ направлен на решение различных задач в сфере социального страхования, в том числе обеспечение реализации прав граждан в сфере социального страхования с применением цифровых технологий (включая технологии искусственного интеллекта, анализа и обработки «больших данных»). При этом предполагается функционирование системы правового обеспечения государственных услуг в сфере социального страхования, которая обеспечивает деятельность основных субъектов и взаимодействие между ними при оказании государственных услуг в рамках цифровой экосистемы социального страхования (п. 8.1). Как указывается в

п. 8.5, к системным элементам цифровой экосистемы, которые обеспечивают ее устойчивое и безопасное функционирование, относятся: цифровые социальные (страховые) профили физических лиц (застрахованных лиц и иных пользователей услуг фонда) и страхователей (юридических лиц); социальный (страховой) электронный документ, единая цифровая доверенная среда, единая технология «Цифровой социальный юрист». В ГОСТе сформулированы определения ряда понятий. В их числе – социальный цифровой профиль гражданина: это «совокупность сведений (данных) о застрахованном лице, содержащихся в федеральных государственных информационных системах/государственных информационных системах (ФГИС/ГИС), в том числе в единой системе идентификации и аутентификации, необходимых в целях реализации прав и гарантий гражданина в сфере социального страхования» (п. 3.10).

О цифровых профилях в правовых актах также речь идет применительно к сферам здравоохранения [9], культуры [10], транспорта [11] и иных.

Нормативное регулирование цифрового профиля работника на сегодняшний день отсутствует. В этой связи, безусловно, можно вспомнить о переходе на электронный формат сведений о трудовой деятельности работника (ст. 66.1 ТК РФ). Отчасти, конечно, возможно признать сведения о трудовой деятельности работника в качестве некой «предмодели» цифрового профиля работника. Однако это не то, что мы хотим увидеть, говоря о цифровом профиле работника. Все-таки сегодня цифровой профиль работника – это прежде всего тот инструмент, который изначально хочет использовать сам работодатель без императивного воздействия со стороны государства. Такой инструмент позволяет решать насущные вопросы конкретных работодателей в проводимой ими кадровой политике, чаще всего, с намерением автоматизировать отдельные кадровые процедуры, упростить и качественно улучшить принимаемые кадровые решения и пр. Сведения о трудовой деятельности, наоборот, аккумулируются не в информационной системе работодателя и не по его собственной воле, в этом явно прослеживается публичный интерес, перечень, порядок и источник формируемых сведений о трудовой деятельности работника работодатель также самостоятельно не определяет.

В юридической научной литературе работ, посвященных изучаемой проблематике, крайне невелико. Но вместе с тем имеющиеся научные разработки помогут разобраться с тем, что же такое цифровой профиль работника. Так, с точки зрения Филиповой И.А., цифровой профиль работника «формируется из данных о его должности, обучении, профессиональных компетенциях, карьерном росте, вовлеченности в процессы, показателях эффективности, рабочих контактах, часто посещаемых страницах на корпоративных ресурсах и т.д.» [12. С. 17]. При этом автор прямо не говорит про обязательную интеграцию технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в программы, формирующие цифровой профиль работника, но недвусмысленно прямо намекает на это, говоря об использовании алгоритмического менеджмента, который в свою очередь как раз предполагает использование таких технологий.

Афанасьев А.В. в своем исследовании предлагает под цифровым профилем работника понимать «определенный набор интерфейсов аналитического характера, содержащий сведения из портфолио/резюме специалиста, который на протяжении всего периода активной трудовой жизни наполняется сведениями о его трудовой деятельности» [13. С. 102]. В качестве предназначения цифрового профиля работника автор указывает на возможность «собирать всю информацию о человеке, которая необходима для оценки его опыта, квалификации, стажа, навыков, умений» [13. С. 102]. Отдельно отмечается роль алгоритмов, с помощью которых можно оценить «процесс адаптации и вовлеченности работника в профессиональную деятельность, которой он занимается» [13. С. 102].

Щербакова О.В. выделила три варианта понимания категории «цифровой профиль работника»: как инструмент метрификации работников; как необходимый эталонный набор цифровых компетенций работника; как элемент качественно нового подхода работодателей к принятию управленческих и административных решений внутри организации, включая умение выстраивать алгоритмы взаимосвязи между структурными подразделениями [14. С. 15].

Объединяя результаты рассмотренных научных изысканий, можно отметить, что цифровой профиль работника является одним из современных технологических инструментов кадровой политики, предполагающий формирование с помощью цифровых технологий некоторого набора данных о работнике для его использования в дальнейшем при принятии работодателем различных кадровых решений [15. С. 24].

Проведя краткий экскурс в теоретические и правовые истоки определения понятия цифрового профиля работников, в качестве подвывода можно отметить следующее. На сегодняшний день цифровое профилирование в России носит публичный характер, поскольку оно рассматривается государством в качестве инструмента для реализации своего интереса в рамках проводимой отечественной государственной политики по цифровой трансформации государственного управления. Данное обстоятельство объясняет, почему в отношении бизнес-структур, граждан, в том числе безработных и иностранных граждан, активно развивается нормативная база для формирования их цифровых профилей. О правовом регулировании цифрового профилирования в рамках трудовых отношений речь пока не ведется, в качестве государственного интереса данная тематика не заявлена. Риском предположить, что такая ситуация складывается по причине стремления государства не создавать правовые барьеры для активного развития и внедрения цифровых технологий в частной сфере. Чтобы ответить на вопрос, так ли это на самом деле, исследуем вопросы, какие перспективы (как положительные, так и негативные) открываются для работодателей при внедрении в свою кадровую политику технологий ИИ, каким образом развивается нормативное регулирование и государственная политика по вопросам, связанным с ИИ.

Искусственный интеллект в России: возможности и риски для HR-практики отечественных работодателей. В 2022–2023 гг. НИУ ВШЭ был проведен

мониторинг, позволяющий показать формирующиеся тенденции в использовании технологий ИИ в практике бизнес-субъектов. Так, большинство компаний применяет такие технологии пока в тестовой режиме, чтобы понять и оценить возможности, которые это им может преподнести (65%). По степени востребованности технологий ИИ выстроились в рейтинге следующим образом: компьютерное зрение (78,7%), распознавание и синтез речи (62%), рекомендательные системы (40,7%), биометрия (37,5%), обработка естественного языка (28,2%), системы кибербезопасности на основе ИИ (17,5%), перспективные методы ИИ (17,3%), искусственные системы управления (9,7%) [16]. Однако результаты другого исследования показывают некоторую скептичность организаций в отношении использования технологий ИИ применительно к отдельным направлениям кадровой работы: всего 9,4% организаций указали на воздействие ИИ на снижение затрат на оплату труда, 10% – на снижение численности работников. Только в отношении повышения безопасности труда и роста производительности труда работодатели в большей степени замечают положительный эффект от использования технологий ИИ: 27,6 % и 45 % соответственно [17]. Однако такие низкие показатели еще не доказывают отсутствие потребности работодателей во внедрении технологий ИИ в свою кадровую политику. На сегодняшний день не все из них являются экономически доступными, а с другой стороны – они могут быть функциональными не в той степени, как это требуется работодателям. Но это вопрос будущего и, вероятно, не так уж и далекого. Среди барьеров для использования технологий ИИ компании назвали следующие: высокие затраты (63,6%), дефицит специалистов в области ИИ (49,9%), нехватка у сотрудников навыков для разработки и применения ИИ (39,1%), недостаточность массивов больших данных, необходимых для использования ИИ (38,5%), сложность интеграции ИИ в производственные и бизнес-процессы (38,5%), неполнота и другие недостатки данных, сложность их обработки для применения ИИ (37,8%), недостаточность средств для привлечения квалифицированных кадров (37,6%), недостаточная развитость ИКТ-инфраструктуры организации (34,7%), ограничения, связанные с законодательством, в том числе с использованием персональных данных (20,7%) [17]. Эти данные были получены от организаций, которые имеют опыт внедрения технологий ИИ в свою практику. Однако, как оказалось, для компаний, которые такого опыта не имеют, градация барьеров выглядит практически таким же образом, а процентное выражение отличается в незначительной степени.

Поскольку цифровое профилирование работников, которое уже не является чем-то новым для российских работодателей, – одно из возможных направлений использования технологий ИИ, постольку важно понять, какие в целом можно обнаружить плюсы и минусы в использовании технологий ИИ для кадровой политики работодателей.

Развитие в геометрической прогрессии технологий ИИ, свидетелями которого мы все вольно или не-

вольно являемся, неизбежно затрагивает уже практически все сферы общественной жизни. При этом с каждым годом функционал таких технологий все более расширяется и совершенствуется.

Немаловажным фактором, поддерживающим такую динамику, является повышение уровня осведомленности российских граждан о технологиях ИИ, сохранение у них достаточно высокого уровня доверия к ним и наличие интереса к повышению своей цифровой грамотности, в том числе к освоению цифровых компетенций. В совокупности это создает определенные предпосылки для востребованности дальнейшего развития технологий ИИ российским обществом. Так, например, в декабре 2024 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ) и АНО «Национальные приоритеты» представили результаты мониторингового исследования об общественном восприятии технологий ИИ. Согласно полученным данным, в сравнении с 2022 г., выросла доля респондентов, сообщивших, что они обладают достаточно уверенными знаниями о технологиях ИИ. Такой рост составил 14% и равняется сейчас 50%. Соответственно уменьшилась доля граждан, которые поверхностно знают о технологиях ИИ: если ранее их было 51%, то сейчас этот показатель равняется 44%. Уровень доверия респондентов к технологиям ИИ составляет порядка 52%. Среди причин, по которым респонденты доверяют им, чаще всего были указаны следующие: возможность передать ИИ опасные для жизни человека виды работ, улучшение и упрощение жизни, работы, объективность, беспристрастность ИИ, меньшая вероятность ошибок в сравнении с человеком, а также скорость и качество работы в сравнении с человеком. С другой стороны, недоверие людей к технологиям ИИ чаще всего объясняется сбоями и ошибками в работе ИИ, допущением ситуаций выхода ИИ из-под контроля человека, возможностью его использования в корыстных целях, рисками утечки данных, собираемых ИИ, а также деградацией населения, вызванную развитием таких технологий.

В 2020 г. Правительством РФ [18] были указаны следующие концептуальные проблемные направления регулирования в сфере ИИ:

- 1) соблюдение баланса между требованиями по защите персональных данных и необходимостью их использования для обучения систем ИИ;
- 2) определение предмета и границ регулирования сферы использования систем ИИ и робототехники;
- 3) идентификация системы ИИ при взаимодействии с человеком, включая его информирование о взаимодействии с такой системой;
- 4) правовое «делегирование» решений системам ИИ и робототехники;
- 5) ответственность за причинение вреда с использованием систем ИИ и робототехники;
- 6) правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием систем ИИ;
- 7) использование для принятия решений системами ИИ вероятностных оценок и невозможность в ряде

случаев полного объяснения принятого ими решения (проблема алгоритмической прозрачности систем ИИ).

На страницах отечественной и зарубежной научной литературы вопросы ИИ в последние несколько лет занимают одни из топовых позиций среди исследователей технологических новинок³. Причем стоит отметить, что среди бесчисленного количества научных изысканий по данной тематике появляются не только монографические, но и диссертационные исследования [20–23]. Анализ юридической литературы позволяет выделить следующие ключевые аспекты, которые находятся в фокусе внимания ученых при исследовании внедрения работодателями технологий ИИ в кадровую политику:

1) обеспечение неприкосновенности частной жизни работников [24], в том числе защита персональных данных работников [25];

2) скрытая дискриминация соискателей и работников [26];

3) пределы алгоритмического контроля [12];

4) необходимость формирования цифровых компетенций у работников [27]⁴.

Чаще всего рекомендации специалистов сводятся к закреплению в трудовом законодательстве примерного (минимального) перечня данных, обрабатываемых работодателем при формировании цифрового профиля работников, установлению запрета принимать юридически значимые решения в отношении работников на основе автоматизированной обработки персональных данных, обязыванию работодателей обезличивать персональные данные при проведении мониторинга и использования технологий предиктивной аналитики, совершенствованию технических решений обеспечения конфиденциальности, защиты информации и ужесточению наказаний за незаконное их распространение, повышение уровня информированности работников об их правах в сфере защиты персональных данных [25].

Конечно, спектр проблем, которые возникают относительно использования работодателями технологий ИИ гораздо шире, чем указан нами, и каждая из них требует отдельного полноценного изучения и анализа. Не ставя перед собой задачу решить их в рамках настоящего исследования, далее читателю предлагается сделать некоторый экскурс в отечественную правотворческую практику и посмотреть, насколько сегодня вопросы ИИ охватываются нормативным регулированием.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в России. Отдельно следует отметить результаты проведенного ВЦИОМ и АНО «Национальные приоритеты» мониторинга в части мнения респондентов о том, должно ли государство способствовать развитию технологий ИИ и каким образом. При этом речь идет не только о поддержке научных исследований в этой сфере и финансовой поддержке компаний-разработчиков, но и о создании и совершенствовании законодательства в области применения ИИ: в 2024 г. об этом высказалось 43% опрошенных граждан, что на 3% больше, чем в 2022 г. [29]. Данные результаты в очередной раз подтверждают выдвинутый тезис о том, что создание действенного правового регулирования

уже давно стало объективной насущной потребностью российского общества, бизнеса и государства.

Нормативные правовые акты, регулирующие вопросы ИИ, – это пока непокоренная высота для отечественной законотворческой практики. На сегодняшний день, к сожалению, такое правовое регулирование носит фрагментарный характер.

Как было упомянуто ранее, в 2020 г. Правительством РФ была утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники до 2024 г. В ней красной нитью проходит идея о создании такой правовой базы, которая в первую очередь бы стимулировала развитие технологий ИИ и снизила влияние правовых барьеров, затрудняющих разработку и применение систем ИИ. В ней предусмотрены как общетрасовые задачи регулирования применения технологий ИИ и робототехники, так и отраслевые направления. Однако в числе последних⁵ трудовых отношений нет.

В том же 2020 г., но несколькими месяцами ранее (в апреле), был принят федеральный закон, установивший экспериментальный правовой режим для разработки и внедрения технологий ИИ в г. Москве [30]. Отдельно отметим, что он вступил в силу с 1 июля 2020 г. В нем были сформулированы определения таких понятий, как «экспериментальный правовой режим»⁶, «искусственный интеллект»⁷, «технологии искусственного интеллекта»⁸ и иные (ст. 2). Интересно, что в этом законе не установлены конкретные направления апробации технологий ИИ. Как указано в п. 1 ч. 1 ст. 4 данного закона, случаи и порядок использования результатов применения ИИ определяет высший исполнительный орган государственной власти г. Москвы. К слову, общий федеральный закон [31], формирующий правовые основы экспериментальных правовых режимов, был принят в июле 2020 г., но вступил в силу только с 28 января 2021 г.

Приведя всего несколько примеров правовых документов, формирующих зачатки правового регулирования вопросов ИИ, уже можно отметить хаотичность, хронологическую непоследовательность действий государства в их принятии: логично было бы предположить, что сначала нужно принять концепцию, как рамочный документ, определяющий общие границы основ правового регулирования и единый подход, затем – закон про экспериментальные правовые режимы, а потом уже законы про частные случаи введения экспериментальных правовых режимов.

В 2025 г. началась работа по разработке федерального закона об искусственном интеллекте. Для этого создана рабочая группа, в состав которой входят представители отечественных банков, крупных компаний, эксперты вузов, разработчики искусственного интеллекта, Государственной Думы РФ. Согласно информации, представленной в СМИ в свободном доступе относительно данной работы, следует вывод, что вопросы ИИ применительно к трудовым отношениям остаются без внимания [32].

Необходимо также добавить, что на сегодняшний день вопросы ИИ преимущественно рассматриваются в документах по стандартизации. И это не случайно:

как указано в вышеупомянутой Концепции и, забегая вперед, в проектных документах, формирование национальной системы стандартизации и оценки соответствия в области технологий ИИ и робототехники – одна из трех задач, на выполнение которых должно быть направлено регулирование вопросов ИИ.

К примеру, в 2023 г. был утвержден стандарт ПНСТ 836-2023 (ISO/IEC DTR 5469) «Искусственный интеллект. Функциональная безопасность и системы искусственного интеллекта» [33]. В нем описаны общие положения функциональной безопасности, использование технологий ИИ в системах, связанных с безопасностью, элементы технологий ИИ и принцип трех стадий ее реализации, характеристика систем ИИ и связанные с ними факторы риска, приемы верификации и валидации, меры контроля и снижения рисков, процессы и методология. В Национальном стандарте РФ ГОСТ Р 59276-2020 [34] рассматриваются «вопросы обеспечения доверия к системам искусственного интеллекта со стороны потребителей результатов работы этих систем и, при необходимости, со стороны организаций, ответственных за регулирование вопросов создания и применения систем искусственного интеллекта, на основе подтверждения их качества». В данном стандарте сформулированы определения таких понятий, как «искусственный интеллект»⁹, «сильный (общий) искусственный интеллект»¹⁰, «технологии искусственного интеллекта»¹¹, различных свойств системы ИИ (предвзятость, предсказуемость, понятность, объяснимость) и иных.

Однако документы по стандартизации не восполняют существующий пробел в правовом регулировании, поскольку они, в сущности, содержат нормы технического характера.

В качестве возможного варианта решения проблемы отсутствия трудового регулирования вопросов ИИ при осуществлении цифрового профилирования работников можно предложить использовать отечественному законодателю режим экспериментального регулирования. Во-первых, в самой Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники до 2024 г. в числе задач по развитию законодательства РФ указано «создание механизма быстрого снятия возникающих отраслевых барьеров, например за счет внедрения режима экспериментального регулирования, локальной “регуляторной гильотины”». Во-вторых, режим экспериментального регулирования на сегодняшний день уже получил нормативную основу в виде базового Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». В-третьих, такой режим уже имеет территориально ограниченную апробацию на примере г. Москвы. В-четвертых, некий аналог режима экспериментального регулирования применительно к трудовым отношениям уже был использован в виде проведения правовых экспериментов по переводу кадрового документооборота в электронный формат. Как известно, такой опыт показал успешность своих результатов¹².

Национальная политика в области развития искусственного интеллекта: есть ли задел для право-

вого регулирования цифрового профиля работника? Изучение особенностей отечественной государственной политики в области развития ИИ следует рассмотреть в динамическом аспекте в контексте трансформации идеи о формировании цифровой экономики в идею цифровой трансформации.

С точки зрения политико-правовых актов в документах стратегического планирования и проектных документах¹³, начиная с 2017 г., в большей степени речь шла о развитии цифровой экономики в контексте развития информационного общества. Так, в Стратегии развития информационного общества в РФ 2017 г. [37] (далее – Стратегия 2017 г.), в отличие от предыдущей Стратегии [38], были включены положения, ставшие основой для совершенствования государственной политики в направлении формирования цифровой экономики как одного из национальных интересов. В данной Стратегии 2017 г. сформулированы определения таких важных понятий, как «цифровая экономика»¹⁴ и «эко-система цифровой экономики»¹⁵. Определение ИИ отсутствовало, однако в Стратегии 2017 г. появились упоминания про него: во-первых, в контексте условий, в которых находится Россия с точки зрения развития информационного общества¹⁶, и во-вторых, в качестве одного из основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий¹⁷.

Непосредственная реализация положений Стратегии 2017 г. в части обеспечения национальных интересов в области цифровой экономики осуществляется с помощью проектных документов. Среди них одним из базовых следует считать национальную программу «Цифровая экономика РФ» [39], которая с момента своего утверждения в 2017 г. дважды корректировалась [40, 41].

В программе «Цифровая экономика РФ» в версии 2017 г. был определен перечень основных сквозных цифровых технологий. Всего их было 9¹⁸. ИИ был указан в их числе совместно с нейротехнологиями. В «Дорожной карте» программы «Цифровая экономика РФ» в версии 2017 г. ИИ был учтен в рамках трех задач, которые были связаны с регулированием правовых вопросов, созданием центров компетенции и информационной безопасностью. Однако точечных, конкретизированных применительно к трудовому праву, задач не было. Ожидаемый результат был сформулирован максимально в общем виде – «регулирование правовых вопросов, связанных с использованием робототехники, инструментов искусственного интеллекта». Относительно трудового права был сформулирован такой результат: «Подготовлен проект концепции первоочередных мер по совершенствованию правового регулирования с целью развития цифровой экономики, предусматривающий в том числе: ...особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике, в том числе в части перехода на безбумажное взаимодействие работников и работодателей (введение электронного формата заключения трудового договора, оптимизация иных «бумажных» обязанностей работодателя)». Но он вовсе не свидетельствует о готовности государства регулировать вопросы ИИ в рамках трудового права.

Такая формулировка, очевидно, подтверждает то обстоятельство, что цифровизация в трудовом праве сводится, к сожалению, только к электронному документообороту.

В Паспорте национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в версии 2018 г. [40] ИИ был непосредственно включен только в Федеральный проект «Информационная безопасность», а ожидаемые результаты были сформулированы относительно стандартов информационной безопасности. В числе ожидаемых результатов в Федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды» ИИ перестал выделяться отдельно. Применительно к трудовому праву формулировка результата про безбумажное взаимодействие работников и работодателей была изменена, новая версия выглядела так: «Принят федеральный закон, предусматривающий использование цифровых технологий в трудовых отношениях, в том числе учет данных о трудовой деятельности работников в электронном виде». Несмотря на то, что здесь и указано про цифровые технологии, к которым, безусловно, ИИ относится, стремление государства ввести именно электронный документооборот не изменилось. Фраза «... в том числе учет данных о трудовой деятельности работников в электронном виде» – прямое тому подтверждение.

В Паспорте национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» в версии 2019 г. [41] упоминание об ИИ сохранено в Федеральном проекте «Информационная безопасность» и вновь появилось в Федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды». Ожидаемый результат стал получил отраслевую окраску: «Сформировано отраслевое регулирование, необходимое для развития цифровой экономики в части регулирования правоотношений в сфере робототехники и применения технологий искусственного интеллекта». В этой связи появилась надежда, что трудовое право окажется в ряду тех отраслей права, которые возьмут на себя роль регуляторов отраслевой специфики использования технологий ИИ. Но этого не произошло, а в самом Федеральном проекте тезис об электронном документообороте подтвердился: указанный ранее применительно к 2018 г. результат был снова скорректирован таким образом – «Обеспечено нормативное регулирование цифрового взаимодействия предпринимательского сообщества и государства в том числе в части: учета сведений о трудовой деятельности работника в электронном виде («электронная трудовая книжка»); заключения, изменения, расторжения и хранения трудовых договоров, внедрения кадрового документооборота в электронном виде».

Завершая рассмотрение первого этапа, который проходил под знаменем развития цифровой экономики, сделаем промежуточные выводы. Наблюдение за процессом корректировки программы «Цифровая экономика РФ» дает нам возможность отметить, что, с одной стороны, на протяжении трехлетнего периода государство каждый раз уточняло содержание ожидаемых результатов, при этом для ИИ все время пытались

определить наиболее подходящее для него место с учетом степени значимости. Одновременно с этим происходило смещение сроков их достижения. Очевидно, причиной тому была объективная невозможность их своевременного выполнения. Действительно, ИИ – это именно то самое явление, относительно которого нельзя придумать регулирование в спешном порядке, как говорится, «для галочки». В этом есть разумное зерно.

Далее наступил следующий этап. Так, в октябре 2019 г. Президент РФ утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [42] (далее – Стратегия развития ИИ). В данной Стратегии разработана целая система понятийного аппарата, в том числе сформулированы определения понятий «искусственный интеллект»¹⁹, которое в дальнейшем стало базовым для формулирования положений иных документов стратегического планирования и документов по стандартизации, о чем уже ранее было упомянуто. Во исполнение положений Стратегии развития ИИ в структуре национальной программы «Цифровая экономика РФ» ИИ сначала был выделен в отдельный Федеральный проект «Искусственный интеллект» [43], а затем ввиду пересмотра национальных целей развития Российской Федерации [44] он должен был быть перенесен в 2024 г. в национальный проект по формированию экономики данных на период до 2030 г. По состоянию на 2025 г., действительно, федеральный проект «Искусственный интеллект» является частью национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Согласно данным с официального сайта национальных проектов России (<https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/>) в 2025 г. национальная программа «Цифровая экономика РФ» в числе национальных проектов более не значится.

Момент выделения вопросов ИИ в отдельный федеральный проект свидетельствует об их высокой значимости для государства. К тому же, если на данное событие посмотреть с более широкого ракурса, то в целом мы увидим следующую картину. Практически одновременно с приданием особого статуса тематике ИИ (ориентировочно в 2020 г.) наметилась четкая тенденция изменения масштаба деятельности государства в целом: теперь мы говорим не просто о формировании цифровой экономики, а о формировании экономики данных и о цифровой трансформации как одной из национальных целей развития России до 2030 г. К тому же, если, например, в 2020 г. такая национальная цель развития, как «цифровая трансформация», предполагала всего 4 целевых показателя, в том числе «достижение “цифровой зрелости” ключевых отраслей экономики, социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления» [45], то в 2024 г. она не только сменила формулировку на «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы», но и перечень целевых показателей и задач был увеличен с 4 до 11. При этом формулировка наименования показателя «достижение “цифровой зрелости”...», была конкретизирована таким образом,

что в ней прямо указано ускоренное внедрений технологий, в том числе ИИ, в рамках процесса автоматизации процесса управления²⁰.

Формирование цифровой экономики изначально поставило вопрос о том, какие проблемы теоретического и практического характера порождает данный процесс для сферы труда и занятости. С точки зрения использования технологий ИИ среди таковых можно выделить следующие: обеспечение занятости работников, сокращаемых в связи с роботизацией и автоматизацией производства, гарантии прав работников на достойную оплату труда, меры защиты от неправомерного использования и сохранения трудовых прав работников и об ответственности работодателя при использовании технологий ИИ, в том числе при осуществлении цифрового профилирования работников, включая технологии предиктивной аналитики, алгоритмического контроля и иных.

Подводя итог, отметим, что государственная политика в сфере ИИ очень активно развивается. Очевидно, что ИИ находится в числе приоритетов государства и рассматривается им в качестве одного из драйверов технологического прогресса и обеспечения технологического суверенитета. Вместе с тем цифровое профилирование работников, предполагающее использование различных технологий, в особенности технологий ИИ, требуют особого внимания и должной ответной реакции со стороны законодателя. Однако результаты проведенного исследования показывают, что когда в

цифровом профилировании отдельных аспектов сферы труда и занятости присутствует публичный интерес, то законодательное вмешательство в регулирование этих вопросов не заставляет себя ожидать. Сведения о трудовой деятельности работника и профилирование безработных граждан – прямое тому подтверждение. В этой связи можно спрогнозировать дальнейшее развитие законодательного регулирования цифрового профилирования, например, с точки зрения государственного контроля (надзора) за соблюдением требований трудового законодательства. Тем более, что риск-ориентированный подход уже фактически предполагает профилирование работодателей по группам риска. В ситуациях же когда интерес носит больше частный характер, т.е. преимущественно является проявлением потребностей работодателей, законодательное регулирование на сегодняшний день сильно отстает, а использование технологий ИИ при формировании цифрового профиля работника фактически правовыми рамками не ограничено. Вместе с тем именно право должно выполнять превентивную функцию и заранее определять рамки, в которых должно выстраиваться использование работодателем технологий ИИ. Пока же, как справедливо отмечается в литературе, работодатели любые неясности и недосказанности толкуют в своих интересах [46. С. 87–88]. Как следствие, возрастают риски нарушения прав работников при осуществлении их цифрового профилирования.

Примечания

¹ Например, к концу 2030 г. планируется сделать доступными в рамках цифрового профиля гражданина порядка 150 видов сведений, не уточняется при этом которого рода и содержания [1].

² С 7 ноября 2024 г. в Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» была введена новая ст. 25.16-2, закрепляющая право Правительства РФ проводить эксперименты по апробации не предусмотренных данным законом правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства [7].

³ В глобальном рейтинге публикационной активности по тематике искусственного интеллекта в целом Россия занимает 25-ю позицию, на 1-м месте – Китай [19].

⁴ Найти в открытых источниках результаты социологических и экономических исследований относительно степени сформированности у представителей кадровых служб цифровых компетенций, позволяющих им успешно использовать программы для формирования цифрового профиля работника на основе технологий искусственного интеллекта, достаточно сложно. Вместе с тем в литературе представлены данные мониторингов количества работников с компетенциями в области искусственного интеллекта по видам экономической деятельности, которые с условной долей могут быть экстраполированы на искомые вопросы. Так, в 2023 г., например, в сфере высшего образования всего 7,4% работников обладают такими компетенциями, из них 6,9% работников, которые используют искусственный интеллект для решения рабочих задач, и 0,5% – специалисты в области искусственного интеллекта [28].

⁵ В качестве отраслевых направлений совершенствования регулирования применения технологий искусственного интеллекта и робототехники указаны: охрана здоровья граждан; государственное (муниципальное) управление; транспорт; градостроительная деятельность; концепция «умного города»; финансовая сфера; космическая деятельность; промышленность.

⁶ Экспериментальный правовой режим – применение в течение предусмотренного настоящим Федеральным законом срока проведения эксперимента в отношении участников экспериментального правового режима специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, а также последующего возможного использования результатов применения искусственного интеллекта.

⁷ Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

⁸ Технологии искусственного интеллекта – технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта (включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта).

⁹ Искусственный интеллект – способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных практических значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека (п. 3.6).

¹⁰ Сильный (общий) искусственный интеллект – способность технической системы, подобно человеку, мыслить, взаимодействовать, адаптироваться к изменяющимся условиям и решать другие задачи в области обработки информации, ассоциирующиеся с естественным интеллектом человека (п. 3.15).

¹¹ Технологии искусственного интеллекта – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека при решении задач компьютерного зрения, обработки естественного языка, распознавания и синтеза речи, поддержки принятия решений и других практически значимых задач обработки данных (п. 3.20).

¹² Проведение первого эксперимента было регламентировано на подзаконном уровне [35]. Второй эксперимент получил законодательное закрепление [36]. Итогом указанного эксперимента стало включение в ТК РФ новых положений об электронном кадровом документообороте (статьи 22.1, 22.2, 22.3 ТК РФ).

¹³ Под проектными документами понимаются национальные проекты, национальные программы, федеральные проекты, федеральные целевые программы. С 13 июля 2024 г. национальные проекты и входящие в них федеральные проекты получили статус документов стратегического планирования.

¹⁴ Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

¹⁵ Экосистема цифровой экономики – это партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти РФ, организаций и граждан.

¹⁶ Так, в п. 12 указано: «В России наряду с задачей обеспечения всеобщего доступа к информационным и коммуникационным технологиям актуальной является проблема интенсификации использования самих технологий. Технологии, созданные на основе передовых знаний (нано- и биотехнологии, оптические технологии, искусственный интеллект, альтернативные источники энергии), становятся доступными».

¹⁷ В п. 36 перечисляются основные направления развития российских информационных и коммуникационных технологий, среди них:

- а) конвергенция сетей связи и создание сетей связи нового поколения;
- б) обработка больших объемов данных;
- в) искусственный интеллект;
- г) доверенные технологии электронной идентификации и аутентификации, в том числе в кредитно-финансовой сфере;
- д) облачные и туманные вычисления;
- е) интернет вещей и промышленный интернет;
- ж) робототехника и биотехнологии;
- з) радиотехника и электронная компонентная база;
- и) информационная безопасность.

¹⁸ Сквозные цифровые технологии: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности.

¹⁹ Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений (пп. «а» п. 5).

²⁰ Полное наименование показателя – «достижение к 2030 году “цифровой зрелости” государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, предполагающей автоматизацию большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта».

Список источников

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2024. № 13. Ст. 1837.
2. Законопроект № 747513-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 06.05.2025).
3. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // СЗ РФ. 2013. № 51. Ст. 6673.
4. Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.
5. Постановление Правительства РФ от 13 мая 2022 г. № 867 «О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений “Работа в России”» // СЗ РФ. 2022. № 21. Ст. 3446.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 ноября 2024 г. № 1510 «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» // СЗ РФ. 2024. № 47. Ст. 7114.
7. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (часть I). Ст. 4949.
8. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 70486-2022 «Единая технология “Цифровой социальный юрист”» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 ноября 2022 г. № 1360-ст) // СПС «Гарант».
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2024 г. № 959-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения» // СЗ РФ. 2023. № 17. Ст. 2388.
10. Распоряжение Правительства РФ от 11 декабря 2023 г. № 3550-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли культуры РФ до 2030 г.» // СЗ РФ. 2023. № 52. Ст. 9677.
11. Распоряжение Правительства РФ от 3 ноября 2023 г. № 3097-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли РФ до 2030 г.» // СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8274.
12. Филипова И.А. Алгоритмический менеджмент и цифровое профилирование в сфере труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 16–18. doi: 10.18572/2221-3295-2023-1-16-18.
13. Афанасьев А.В. Цифровая трансформация в сфере трудовых отношений // Аграрное и земельное право. 2023. № 5 (221). С. 100–102. doi: 10.47643/1815-1329_2023_5_100
14. Щербакова О.В. Цифровой профиль работника как инструмент цифровой трансформации трудовых отношений // Кадровик. 2025. № 4. С. 8–16.
15. Серова А.В. Дефекты правового регулирования оплаты труда педагогов высшей школы как препятствие для использования их цифрового профиля в HR-практике вузов // Кадровик. 2025. № 4. С. 24–30.

16. Искусственный интеллект в России: кто, что и как внедряет // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/862013645.html> (дата обращения: 06.05.2025).
17. Практики и перспективы внедрения технологий ИИ // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/986408315.html> (дата обращения: 06.05.2025).
18. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» // СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.
19. Публикационная активность в области использования искусственного интеллекта: основные тренды // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/954002759.html> (дата обращения: 06.05.2025).
20. Марченко А.Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 208 с.
21. Дрозд Д.О. Процессуальные формы использования элементов искусственного интеллекта в современном арбитражном и гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 249 с.
22. Атабеков А.Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 486 с.
23. Крылов И.В. Трудоправовые аспекты использования искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 217 с.
24. Филющенко Л.И. Неприкосновенность частной жизни при обработке персональных данных работников // Право и образование. 2024. № 3. С. 67–74.
25. Филющенко Л.И. Цифровой профиль работника: проблемы защиты персональных данных // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 11. С. 93–97.
26. Митрясова А.С. Цифровые технологии трудоустройства и новые риски дискриминации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 1. С. 21–24. doi: 10.18572/2221-3295-2021-1-21-24
27. Андреева О.В., Головкина К.А. Трансформация компетентностного отбора персонала: цифровой профиль сотрудника как инструмент ESG-политики // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. 2023. Т. 4. № 2. С. 63–74. doi: 10.18334/social.4.2.117178
28. Обеспеченность организаций кадрами с компетенциями в области ИИ // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/991610162.html> (дата обращения: 06.05.2025).
29. ВЦИОМ: 94% россиян осведомлены о технологиях искусственного интеллекта // URL: <https://национальныеприоритеты.рф/news/vtsiom-94-rossiyan-osvedomleny-o-tehnologiyakh-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 06.05.2025).
30. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.
31. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.
32. Авторы законопроекта об искусственном интеллекте пояснили суть инициативы // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/04/2025/67fe02d89a79472cf8ca1af4 (дата обращения: 06.05.2025).
33. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 ноября 2023 г. № 75-пнст // СПС «Гарант».
34. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 декабря 2020 г. № 1371-ст) // СПС «Гарант».
35. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 26 марта 2018 г. № 194 «О проведении эксперимента по переводу в электронную форму документов и сведений о работнике по вопросам трудовых отношений» // Бюллетень трудового и социального законодательства Российской Федерации. 2018. № 6.
36. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2700.
37. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы (утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203) // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
38. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 7 февраля 2008 г. № Пр-212, утратила силу с 09 мая 2017 г.) // Российская газета. 2008. 16 февраля.
39. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика РФ”» (утратило силу с 12 февраля 2019 г.) // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.
40. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика РФ» (утв. протоколом президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 декабря 2018 г. № 16, утратил силу с 4 июня 2019 г.) // СПС «Гарант».
41. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика РФ» (утв. протоколом президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 // СПС «Гарант».
42. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
43. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (приложение № 3 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 27.08.2020 № 17) // СПС «Гарант».
44. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
45. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.
46. Филипова И.А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. 106 с.

References

1. Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 16 marta 2024 g. № 637-r «Ob utverzhdenii strategicheskogo napravleniya v oblasti tsifrovoy transformatsii gosudarstvennogo upravleniya» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii (SZ RF). 2024. № 13. St. 1837.
2. Zakonoproekt № 747513-7 «O vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty (v chasti utochneniya protsedur identifikatsii i autentifikatsii)» // Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatelnosti. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (data obrashcheniya: 06.05.2025).
3. Federal'nyy zakon ot 21 dekabrya 2013 g. № 353-FZ «O potrebitel'skom kredite (zayme)» // SZ RF. 2013. № 51. St. 6673.

4. Federal'nyy zakon ot 12 dekabrya 2023 g. № 565-FZ «O zanyatosti naseleniya v Rossiyskoy Federatsii» // SZ RF. 2023. № 51. St. 9138.
5. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 13 maya 2022 g. № 867 «O yedinoj tsifrovoy platforme v sfere zanyatosti i trudovykh ot-nosheniy “Rabota v Rossii”» // SZ RF. 2022. № 21. St. 3446.
6. Postanovleniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 7 noyabrya 2024 g. № 1510 «O provedenii eksperimenta po aprobskii pravil i usloviy v"yezda v Rossiyskuyu Federatsiyu i v"yezda iz Rossiyskoy Federatsii inostrannykh grazhdan i lits bez grazh-danstva» // SZ RF. 2024. № 47. St. 7114.
7. Federal'nyy zakon ot 8 avgusta 2024 g. № 253-FZ «O vnesenii izmeneniy v ot-del'n-yye zakonodatel'n-yye akty Rossiyskoy Fe-deratsii» // SZ RF. 2024. № 33 (chast' I). St. 4949.
8. Natsional'nyy standart RF GOST R 70486-2022 «Edinaya tekhnologiya “Tsifrovoy sotsial'nyy yurisT”» (utv. i vveden v dey-stviye prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 23 noyabrya 2022 g. № 1360-st) // SPS «GaranT».
9. Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 17 aprelya 2024 g. № 959-r «Ob utverzhdenii strategicheskogo naprav-leniya v oblasti tsifrovoy transformatsii zd-ravookhraneniYA» // SZ RF. 2023. № 17. St. 2388.
10. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 11 dekabrya 2023 g. № 3550-r «Ob utverzhdenii strategicheskogo napravleniya v oblasti tsifrovoy transformatsii otrasli kul'tury RF do 2030 g.» // SZ RF. 2023. № 52. St. 9677.
11. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 3 noyabrya 2023 g. № 3097-r «Ob utverzhdenii strategicheskogo napravleniya v oblasti tsif-rovoy transformatsii transportnoy otrasli RF do 2030 g.» // SZ RF. 2023. № 46. St. 8274.
12. Filipova I.A. Algoritmicheskii menedzhment i tsifrovoye profilirovaniye v sfere truda // Trudovoye pravo v Rossii i za rubezhom. 2023. № 1. S. 16–18. doi: 10.18572/2221-3295-2023-1-16-18.
13. Afanas'yev A.V. Tsifrovaya transformatsiya v sfere trudovykh otnosheniy // Agrarnoye i zemel'noye pravo. 2023. № 5 (221). S. 100–102. doi: 10.47643/1815-1329_2023_5_100
14. Shcherbakova O.V. Tsifrovoy profil' rabotnika kak instrument tsifrovoy transformatsii trudovykh otnosheniy // Kadrovik. 2025. № 4. S. 8–16.
15. Serova A.V. Defekty pravovogo regulirovaniya opłaty truda pedagogov vysshey shkoly kak prep'yatstviye dlya ispol'zovaniya ikh tsifrovogo profilya v HR-praktike vuzov // Kadrovik. 2025. № 4. S. 24–30.
16. Iskustvennyy intellekt v Rossii: kto, chto i kak vnedryayet // Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy NIU VSH-E. URL: <https://issek.hse.ru/news/862013645.html> (data obrashcheniya: 06.05.2025).
17. Praktiki i perspektivy vnedreniya tekhnologiy II // Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy NIU VSH-E. URL: <https://issek.hse.ru/news/986408315.html> (data obrashcheniya: 06.05.2025).
18. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 19 avgusta 2020 g. № 2129-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya regulirovaniya otno-sheniy v sfere tekhnologiy iskustvennogo intellekta i robototekhniki na period do 2024 g.» // SZ RF. 2020. № 35. St. 5593.
19. Publikatsionnaya aktivnost' v oblasti iskustvennogo intellekta: osnovn-yye trendy // Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy NIU VSH-E. URL: <https://issek.hse.ru/news/954002759.html> (data obrashcheniya: 06.05.2025).
20. Marchenko A.YU. Pravovoy analiz noveyshego zakonodatel'stva YES o primenении tekhnologiy iskustvennogo intellekta : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2022. 208 s.
21. Drozd D.O. Protseessual'n-yye formy ispol'zovaniya elementov iskustvennogo intellekta v sovremennom arbitrazhnom i grazh-danskom sudoproizvodstve : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2024. 249 s.
22. Atabekov A.R. Kontseptual'n-yye podkhody i praktika pravovogo regulirovaniya iskustvennogo intellekta v publichnoy sfere: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2024. 486 s.
23. Krylov I.V. Trudopravov-yye aspekty ispol'zovaniya iskustvennogo intellekta: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2024. 217 s.
24. Filyushchenko L.I. Neprikosnovennost' chastnoy zhizni pri obrabotke personal'nykh dannyykh rabotnikov // Pravo i obrazova-niye. 2024. № 3. S. 67–74.
25. Filyushchenko L.I. Tsifrovoy profil' rabotnika: problemy zashchity personal'nykh dannyykh // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2024. № 11. S. 93–97.
26. Mitryasova A.S. Tsifrov-yye tekhnologii trudoustroystva i nov-yye riski diskriminatsii // Trudovoye pravo v Rossii i za rube-zhom. 2021. № 1. S. 21–24. doi: 10.18572/2221-3295-2021-1-21-24
27. Andreyeva O.V., Golovkova K.A. Transformatsiya kompetentnostnogo otbora personala: tsifrovoy profil' sotrudnika kak in-strument ESG-politiki // Sotsial'noye predprinimatel'stvo i korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'. 2023. T. 4. № 2. S. 63–74. doi: 10.18334/social.4.2.117178
28. Obespechennost' organizatsiy kadrami s kompetentsiyami v oblasti II // Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy NIU VSH-E. URL: <https://issek.hse.ru/news/991610162.html> (data obrashcheniya: 06.05.2025).
29. VTSIOM: 94% rossiyan osvedomleny o tekhnologiyakh iskustvennogo intellekta // URL: <https://natsional'n-yyeprioritety.rf/news/vtsiom-94-rossiyan-osvedomleny-o-tekhnologiyakh-iskustvennogo-intellekta/> (data obrashcheniya: 06.05.2025).
30. Federal'nyy zakon ot 24 aprelya 2020 g. № 123-FZ «O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu spetsial'nogo regulirova-niya v tselyakh sozdaniya neobkhodimyykh usloviy dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologiy iskustvennogo intellekta v sub"yekte Rossiyskoy Federatsii – gorode federal'nogo znacheniya Moskve i vnesenii izmeneniy v stat'i 6 i 10 Federal'nogo zakona “O personal'nykh dannyyKH”» // SZ RF. 2020. № 17. St. 2701.
31. Federal'nyy zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 258-FZ «Ob eksperimental'nykh pravovykh rezhimakh v sfere tsifrovyykh innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii» // SZ RF. 2020. № 31 (chast' I). St. 5017.
32. Avtory zakonoprojekta ob iskustvennom intellekte poyasnili su' initsiativy // RBK. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/04/2025/67fe02d89a79472cf8ca1af4 (data obrashcheniya: 06.05.2025).
33. Prikaz Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 29 noyabrya 2023 g. № 75-pnst // SPS «Ga-ranT».
34. Natsional'nyy standart RF GOST R 59276-2020 «Sistemy iskustvennogo intellekta. Sposoby obespecheniya doveriya. Obshchiye polozeniYA» (utv. i vveden v deystviye prikazom Federal'nogo agentstva po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 23 dekabrya 2020 g. № 1371-st) // SPS «GaranT».
35. Prikaz Ministerstva truda i sotsial'noy zashchity RF ot 26 marta 2018 g. № 194 «O provedenii eksperimenta po perevodu v elektronnyuyu formu dokumentov i svedeniy o rabotnike po voprosam trudovykh otnosheniY» // Byulleten' trudovogo i sotsi-al'nogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. 2018. № 6.
36. Federal'nyy zakon ot 24 aprelya 2020 g. № 122-FZ «O provedenii eksperimenta po ispol'zovaniyu elektronnykh dokumentov, svyazannykh s rabotoY» // SZ RF. 2020. № 17. St. 2700.
37. Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017 – 2030 gody (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 9 maya 2017 g. № 203) // SZ RF. 2017. № 20. St. 2901.
38. Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii (utv. Prezidentom RF 7 fevralya 2008 g. № Pr-212, utratila silu s 09 maya 2017 g.) // Rossiyskaya gazeta. 2008. 16 fevralya.
39. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 28 iyulya 2017 g. № 1632-r «Ob utverzhdenii programmy “Tsifrovaya ekonomika RF”» (utratilo silu s 12 fevralya 2019 g.) // SZ RF. 2017. № 32. St. 5138.
40. Pasport natsional'noy programmy «Tsifrovaya ekonomika RF» (utv. protokolom prezidiuma Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proyektam ot 24 dekabrya 2018 g. № 16, utratil silu s 4 iyunya 2019 g.) // SPS «Ga-ranT».
41. Pasport natsional'noy programmy «Tsifrovaya ekonomika RF» (utv. protokolom prezidiuma Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proyektam ot 4 iyunya 2019 g. № 7 // SPS «GaranT».

42. Ukaz Prezidenta RF ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossiyskoy Federatsii» // SZ RF. 2019. № 41. St. 5700.
43. Pasport federal'nogo proyekta «Iskusstvennyy intellekT» natsional'noy programmy «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii» (prilozheniye № 3 k protokolu prezidiuma Pravitel'svennoy komissii po tsifrovomu razvitiyu, ispol'zovaniyu informatsionnykh tekhnologii dlya uluchsheniya kachestva zhizni i usloviĭ vedeniya predprinimatel'skoy deyatel'nosti ot 27.08.2020 № 17) // SPS «GaranT».
44. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7 maya 2024 g. № 309 «O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 godA» // SZ RF. 2024. № 20. St. 2584.
45. Ukaz Prezidenta RF ot 21 iyulya 2020 g. № 474 «O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 godA» // SZ RF. 2020. № 30. St. 4884.
46. Filipova I.A. Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy na trud: oriyehtiry dlya trudovogo prava. Nizhniy Novgorod : Nizhegorodskiy gosuniversitet im. N.I. Lobachevskogo, 2021. 106 s.

Информация об авторе:

Серова А.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: a.v.serova@icloud.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Serova, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: a.v.serova@icloud.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2025;
одобрена после рецензирования 26.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 20.5.2025;
approved after reviewing 26.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 342.9
doi: 10.17223/15617793/521/29

Дискреционные управленческие решения в системе обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в современных политико-правовых реалиях

Сергей Алексеевич Старостин¹, Дмитрий Игоревич Зайцев²

^{1, 2} Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

¹ sastarostin@msal.ru

² dizajcev@msal.ru

Аннотация. Анализируются основные дискреционные управленческие решения в системе обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации. Основное внимание уделяется решениям Президента РФ, которым принадлежит ведущая роль в обеспечении государственного суверенитета. Показывается, что при обеспечении внешнего государственного суверенитета Президент РФ может принять такое дискреционное управленческое решение, как решение о вступлении в войну, а при обеспечении внутреннего государственного суверенитета – решение, опосредующее его скрытые (подразумеваемые) полномочия. Дается рекомендация законодателю об употреблении в нормативных правовых актах терминов «в рамках дискреционных полномочий» или «в пределах административного усмотрения» в случаях, если данные акты содержат в себе элементы дискреционного регулирования.

Ключевые слова: управленческие решения, дискреционные управленческие решения, государственный суверенитет, обеспечение государственного суверенитета, Президент Российской Федерации, административное усмотрение, дискреционные полномочия, скрытые (подразумеваемые) полномочия

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00764.

Для цитирования: Старостин С.А., Зайцев Д.И. Дискреционные управленческие решения в системе обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в современных политико-правовых реалиях // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 278–284. doi: 10.17223/15617793/521/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/29

Discretionary management decisions in the system of ensuring the state sovereignty of the Russian Federation in the current political and legal realities

Sergey A. Starostin¹, Dmitry I. Zaitsev²

^{1, 2} Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

¹ sastarostin@msal.ru

² dizajcev@msal.ru

Abstract. The article examines the characteristics and varieties of discretionary management decisions in the system of ensuring the state sovereignty of the Russian Federation in the current political and legal realities. The theoretical and methodological basis of the study is formed by the works of leading Russian specialists in the field of administrative law and administrative process (S.M. Zubarev, Yu.N. Starilov, Yu.P. Solovei, S.A. Starostin), constitutional law (S.A. Avakyan, L.A. Sharnina, V.O. Luchin), as well as scholars whose special research focuses on administrative discretion and discretionary powers of executive authorities and their officials (Yu.N. Starilova, Yu.P. Solovei, S.A. Starostin, O.N. Sherstoboev, D.I. Zaitsev). To achieve the set goal, both general scientific methods (analysis and synthesis, deduction, systematic approach) and specific scientific methods (formal-legal and historical-legal) were used in solving scientific problems. The main part analyses the discretionary management decisions of the President of the Russian Federation in the field of ensuring state sovereignty. The authors refer to three types of decisions: decisions to enter into war, decisions made by the President of the Russian Federation within the framework of his hidden powers, and decisions related to ‘decree law’ and ‘advance rule-making’. The decision to enter into war is considered one of the most important discretionary management decisions of the President of the Russian Federation. It is shown that the head of state independently, within the framework of his discretionary powers, decides who, how and in what manner will determine whether the Russian state has the right to initiate military action in connection with aggression against it or the threat of such aggression. The decisions made by the President of the Russian Federation within the framework of his hidden powers are considered by the author to be an integral part of his discretionary powers. The main features of the hidden powers of the President of the Russian Federation are highlighted, and it is argued that if the decision to

go to war is aimed at ensuring external state sovereignty, then the decision mediating hidden powers is aimed at ensuring internal state sovereignty. With regard to decisions related to 'presidential decrees' and 'advance rule-making,' it is argued that the President of the Russian Federation has discretionary power to issue decrees and other acts in unlimited numbers, on the broadest range of administrative and other issues, ahead of legislative regulation or even in conflict with it. In conclusion, a recommendation is made to the legislator to use the terms 'within the scope of discretionary powers' or 'within the limits of administrative discretion' in normative legal acts in cases where these acts contain elements of discretionary regulation.

Keywords: management decisions, discretionary management decisions, state sovereignty, ensuring state sovereignty, President of the Russian Federation, administrative discretion, discretionary powers, hidden (implied) powers

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00764.

For citation: Starostin, S.A. & Zaitsev, D.I. (2025) Discretionary management decisions in the system of ensuring the state sovereignty of the Russian Federation in the current political and legal realities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 278–284. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/29

В сложившихся на сегодняшний день условиях политического, информационного, санкционного и иного давления на Российскую Федерацию неизбежно актуализируется вопрос об обеспечении государственного суверенитета нашей страны [1. С. 960]. Д.Б. Трошев справедливо утверждает, что «ключевая роль в обеспечении государственного суверенитета отводится управленческим решениям Президента РФ» [2. С. 102], и вместе с этим констатирует, что данные решения обыкновенно принимаются в юридически неурегулированных и неопределенных ситуациях, в рамках административного усмотрения [2. С. 107], из чего следует, что они являются *дискреционными*. В настоящей статье мы предпримем попытку изучить основные дискреционные управленческие решения главы Российского государства, связанные с обеспечением государственного суверенитета. При этом в целях наиболее полного и объективного раскрытия затронутой проблемы некоторое внимание будет уделено аналогичным по своей природе решениям других властных субъектов.

Итак, какие же решения по обеспечению государственного суверенитета принимает Президент России в границах своего административного усмотрения [3, 4]?

Во-первых, это одно из самых важных дискреционных управленческих решений – как в целом, так и в системе обеспечения государственного суверенитета в частности – *решение о вступлении в войну*. Согласно ч. 2 ст. 87 Конституции РФ, пп. 4 п. 2 ст. 4 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» Президент России вводит военное положение, объявляет мобилизацию и отдает приказ о ведении военных действий *в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии против Российской Федерации* [5, 6]. Возникает вопрос: какой государственный орган или какое должностное лицо вправе *юридически зафиксировать факт агрессии*? Как признает В.А. Батырь, «ответ пессимистично прост: такая компетенция в законодательстве РФ не определена» [7. С. 109]. Таким образом, процитированная законодательная формулировка предоставляет Президенту России широчайшие дискреционные полномочия: именно он как гарант Конституции РФ, принимающий различные меры по охране суверенитета РФ, и одновременно с этим Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами РФ станет решать, кто, когда и каким способом будет

устанавливать наличие или отсутствие агрессии в отношении Российской Федерации или ее угрозы.

Т.Н. Шмидт совершенно правильно, на наш взгляд, пишет о том, что регулирование военного положения принадлежит к чрезвычайному виду (типу) правового регулирования, которое обладает большей юридической силой, чем ординарное (обычное, повседневное, нормальное) регулирование [8. С. 48], и характеризуется «возрастанием дискреционных полномочий государства» [8. С. 50]. Причем здесь имеет место прямая пропорция: чем опаснее угроза, тем больше дискреционных управленческих решений потребуются принять для ее нейтрализации [9. С. 27–28; 10. С. 194]. Кроме того, дискреционные полномочия в экстраординарных ситуациях передаются государственным органам и их должностным лицам *по принципу домино (цепной реакции)*. Например, у Совета Безопасности РФ отсутствуют полномочия по констатации факта агрессии, однако если Президент РФ поручит этому органу установить указанный факт, то такие полномочия у Совета Безопасности РФ появятся, однако по своей сущности они будут не легальными, а дискреционными. В свою очередь, Совет Безопасности РФ для исполнения поручения Президента РФ может обратиться в какой-нибудь другой государственный орган, после чего у этого органа также «материализуются» соответствующие дискреционные полномочия.

В российском военном законодательстве обнаруживается и множество других лакун, которые при наступлении определенных событий спровоцируют как имеющих хотя бы какую-то компетенцию в области обороны и безопасности, так и не имеющих ее вовсе органов и лиц на применение административного усмотрения. К примеру, отечественными юристами отмечается, что в национальном правовом поле присутствуют термины «состояние войны» и «военное время», однако нет понятия «объявление войны» [11. С. 416–417]. Между тем объявление войны как акт самообороны для отражения агрессии или устранения угрозы агрессии есть очевидное суверенное право Российской Федерации.

Вообще стоит подчеркнуть, что решение о вступлении в войну является *заведомо дискреционным, дискреционным почти что во всех отношениях* в подавляющем большинстве современных государств. С данной особенностью указанного решения связан интересный юридический парадокс, суть которого заключается в следующем.

Как правило, в публичном праве наиболее тщательно регулируются такие общественные отношения, которые обусловлены необходимостью защиты (охраны) самых значимых государственных и национальных интересов. Однако решение, принятие которого может повлечь за собой поистине катастрофические последствия – гибель миллионов или десятков миллионов граждан, утрату территорий, а то и исчезновение государства с политической карты мира – практически не имеет сколько-нибудь адекватной перечисленным рискам юридической регламентации. Как ни странно, в национальных военных законодательствах традиционно отсутствуют конкретные и недвусмысленные предписания о том, в каких случаях начинать войну разрешено, а в каких – запрещено, или что, например, может послужить поводом для капитуляции. Вместо этого используются лаконично-абстрактные выражения, которые оставляют правоприменителю необъятный простор для дискреционного толкования. Собственно, именно по этой причине никогда нельзя с абсолютной уверенностью утверждать, что тот или иной международный инцидент (пограничный вооруженный конфликт, потопление корабля или подводной лодки, сбитие самолета, убийство гражданина одного государства на территории другого государства и пр.) выступит в качестве *casus belli* (с лат. «повод к войне») [12. С. 537], а не будет урегулирован сугубо дипломатическим путем. Тут политика выходит на первый план, а право уходит на второй, что часто предшествует реализации административного усмотрения как политико-правового института [13].

Как видим, решение о вступлении в войну имеет слабое законодательное урегулирование в российском праве (как, впрочем, и в весьма и весьма многих иностранных юрисдикциях). Но мы бы не стали заявлять, что эта отличительная черта есть недостаток данного решения. Пробелы в праве вообще не стоит воспринимать как априорные юридические дефекты, потому что отнюдь не все общественные отношения можно, а тем более нужно регулировать, из-за чего парламент иногда сознательно оставляет субъектам исполнительной власти свободное от юридических эталонов пространство. Думается, применительно к предмету нашего разговора основная проблема кроется лишь в том, что в правовых актах не содержится непосредственного указания на административное усмотрение Президента РФ и других лиц при принятии решения о вступлении в войну.

Во-вторых, дискреционные управленческие решения Президента РФ в области обеспечения государственного суверенитета могут быть связаны с его т.н. «скрытыми (или подразумеваемыми) полномочиями». М.А. Краснов дефинирует скрытые полномочия как «полномочия, которые прямо не закреплены в Конституции, но предположительно вытекают из функций Президента и ряда его конституционных полномочий» [14. С. 23]. Данное определение кажется нам довольно удачным. Проблема скрытых полномочий руководителя страны была поставлена впервые 30 лет назад – в 1995 г., когда Конституционный Суд РФ проверял конституционность нескольких указов Президента РФ и

постановления Правительства РФ, посвященных восстановлению конституционного правопорядка на территории субъекта РФ – Чеченской Республики. Именно в то время Конституционный Суд официально признал наличие у главы государства скрытых полномочий, лимитированных лишь принципом разделения властей и требованием ст. 90 Конституции РФ, согласно которой указы и распоряжения Президента РФ не должны противоречить Конституции и федеральным законам [15].

Институт скрытых полномочий неоднократно подвергался аргументированной критике со стороны авторитетных ученых-правоведов [16, 17]. Они доказывали, что осуществление скрытых полномочий противоречит верховенству Конституции и закона, нарушает конституционный порядок обеспечения государственного суверенитета, дискредитирует принцип разделения властей и систему сдержек и противовесов. Однако данная критика, по нашему мнению, с позиций текущего дня выглядит уже не слишком убедительно. В частности, для нас крайне странно, что большинство исследователей скрытых полномочий никак не соотносили их с полномочиями дискреционными. Между тем сходств между этими категориями несравненно больше, нежели отличий. Дискреционные полномочия, как и полномочия подразумеваемые, не закрепляются (могут не закрепляться) в Конституции РФ или в законе, либо же закрепляются в означенных актах фрагментарно. И те и другие полномочия направлены на защиту публичного интереса в условиях правовой неопределенности. Как скрытые, так и дискреционные полномочия имеют некоторые объемы (конкретный круг вопросов, компетенция по разрешению которых или способ разрешения которых законодательным путем не установлены). Данный перечень единых признаков можно продолжать дальше и дальше. Ввиду этого нельзя не поддержать точку зрения Л.А. Шарниной, согласно которой «широкая сфера усмотрения, не сбалансированная “сдержками” и “противовесами”, предоставляется Президенту в связи с возможностью реализации подразумеваемых (скрытых) полномочий, наличие которых подтверждено <...> Конституционным Судом РФ» [18. С. 258].

К сожалению, Л.А. Шарнина в своем исследовании не анализирует вопрос о корреляции между дискреционными и скрытыми полномочиями. По нашему мнению, они соотносятся как общее и частное: скрытые полномочия Президента РФ выступают разновидностью его дискреционных полномочий. Наряду с этим подразумеваемые полномочия обладают отдельными уникальными признаками, позволяющими четко отграничить их от иных дискреционных полномочий. Полагаем, что к их числу принадлежат следующие свойства:

- направленность на преодоление самых серьезных внутренних проблем, стоящих перед обществом и государством (сепаратизм, терроризм, экстремизм и др.);
- предельная степень (максимальность) объемов скрытых полномочий – они могут многократно превышать объемы других дискреционных полномочий;
- исключительно внеправовой характер (дискреционные полномочия как таковые могут быть право-

выми, неправовыми и внеправовыми [19. С. 18], скрытые полномочия – только внеправовыми, т.е. они не должны ни как-либо соответствовать закону, ни, напротив, противоречить ему);

– необходимость санкционирования Конституционным Судом РФ в случаях, когда реализация таких полномочий может прямо или опосредованно детерминировать грубые, массовые и регулярные нарушения прав и свобод граждан.

В сущности, критика скрытых полномочий Президента России сводилась и сводится к критике его дискреционных полномочий вообще. В 1990-е годы, на фоне далеко не идеальной работы государственного аппарата, экономического кризиса и различнейших злоупотреблений органов публичной власти и их должностных лиц, тезис о недопустимости скрытых (дискреционных) полномочий, вероятно, воспринимался как вполне уместный и разумный. Сейчас же, когда жизнедеятельности государства угрожают качественно иные факторы и обстоятельства, рассуждать об отрицательной стороне административного усмотрения его первых лиц следует, по нашему мнению, намного аккуратнее и взвешеннее, т.к. достоинства усмотрения очевидны (гибкость, оперативность, «легкость» управленческой деятельности в чрезвычайных ситуациях) [20. С. 199], а недостатки либо сомнительны, либо без особого труда устранимы (см. об этом далее).

Как и в случае с решением о вступлении в войну, дискреционные управленческие решения, принятые Президентом РФ в рамках своих скрытых полномочий, распространяются по нисходящей линии согласно эффекту домино. Здесь действует метафизический принцип – «дискреция порождает дискрецию», причем порождает сама из себя, т.е. является *causa sui* (с лат. «причина самого себя») [12. С. 537]. Этот принцип может быть объяснен следующим образом. Если законодатель (нормотворец) предусмотрел какие-либо легальные полномочия у вышестоящего лица, то у нижестоящих лиц обязательно должны быть некие как бы «продолжающие» их полномочия. Если же у вышестоящего лица есть только дискреционные полномочия, то для их претворения в жизнь дискреционными полномочиями необходимо наделить и нижестоящих лиц. Если Президент РФ, реализуя свои скрытые полномочия, принимает решение о вводе войск на территорию республики, то соответствующие дискреционные полномочия *автоматически возникают*, к примеру, у Министерства обороны РФ, а также у некоторых подведомственных ему органов и организаций. Такой лавинообразный рост административного усмотрения, естественно, подвергает риску состояние законности и правопорядка, соблюдение прав и свобод человека и гражданина [21. С. 71]. Но этот риск не только полностью оправдан в силу гораздо более существенных угроз для общества и государства, на предотвращение которых и ориентированы меры по увеличению объемов дискреционных полномочий, но и всецело нивелируется при помощи судебного и общественного контроля за реализацией административного усмотрения [22, 23].

Решение о вступлении в войну предназначено для ликвидации внешней угрозы (обеспечения внешнего государственного суверенитета), а решение, опосредующее скрытые полномочия Президента РФ, – внутренней угрозы (обеспечения внутреннего государственного суверенитета). В разные периоды времени основную опасность для государства могут представлять разные угрозы, поэтому невозможно утверждать категорично, что одно из данных решений наиболее важное. Разумеется, хочется надеяться, что российские войска будут использоваться только для нанесения поражения внешнему противнику. Однако готовым надо быть ко всему.

В-третьих, Президент РФ вправе выносить такие дискреционные управленческие решения в области обеспечения государственного суверенитета, которые связаны с т.н. «указным правом» и «опережающим нормотворчеством». Данные институты, конечно, прежде всего напоминают о правлении Б.Н. Ельцина, который прибегал к ним особенно активно. Однако полномочия главы государства тех времен сохранились и сегодня в практически первозданном виде, поэтому с нашей стороны было бы несправедливо хотя бы вкратце не рассказать о них.

Как известно, Президент России принимает множество правовых актов, главными из которых считаются указы и распоряжения. Именно в них облекается большая часть его управленческих решений. В силу п. 3 распоряжения Президента РФ от 5 февраля 1993 г. № 85-рп «О порядке подготовки и внесения проектов указов и распоряжений Президента Российской Федерации» решения руководителя страны нормативного характера оформляются указами, а ненормативные решения – распоряжениями [24]. Нетрудно заметить, что это распоряжение *противоречит само себе*: оно является нормативным, хотя должно быть ненормативным [25. С. 200–201]. Известны и другие примеры издания нормативных распоряжений, которые дают отдельным ученым-правоведам основания утверждать, что резкая грань между указами и распоряжениями отсутствует [26. С. 44]. Отсюда же выстраивается и гипотеза о том, что указы и распоряжения *формально* обладают равной юридической силой [27. С. 331].

Ранее мы говорили, что согласно ст. 90 Конституции РФ указы и распоряжения Президента РФ не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам. Но могут ли противоречить им другие акты Президента России – поручения (перечни поручений), указания, заключения, директивы, запросы, послания, письма, обращения, программы, стратегии, концепции и доктрины? Сложно ответить однозначно.

С одной стороны, совершенно очевидно, что не могут. С другой стороны, почему бы и нет? Ведь это нигде не закреплено, а в постсоветской истории уже был период, когда, по оценкам некоторых юристов, федеральным законам иногда противоречили даже те акты, которые противоречить им не могли по причине прямого запрета в Конституции, – указы Президента РФ (речь идет о том самом «указном праве» [16] и «опережающем нормотворчестве» [28. С. 73–74]).

Тут следует солидаризироваться с О.Н. Шерстобовым, который презюмировал, что «управленческие ситуации разнообразны, а законодатель не всегда способен дать четкие ориентиры для юридической силы административного акта» [29. С. 154]. Данный тезис тем более актуален для ситуаций чрезвычайных, когда на кон поставлены не законность и правопорядок, а само существование государства [30. С. 25; 31. С. 141].

Любопытно, что *факт нарушения законов собственными указами* в экстраординарных условиях признавал и сам Б.Н. Ельцин. Так, рассуждая в мемуарах о своем Указе от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» [32], Президент России писал: «В этот раз, кажется, впервые в жизни в голове у меня сверлила одна и та же мысль. Правильно ли я поступил, был ли другой вариант, можно ли было сделать что-то иначе, все ли возможности исчерпал?... Россия утомилась от беззакония. А первый всенародно избранный президент закон нарушает, пусть плохой закон, нелепый, ставящий страну на грань развала, но все равно – закон» [33. С. 328].

Таким образом, в руках Президента РФ по-прежнему сосредоточено «указное оружие» [34. С. 96] – возможность издавать указы и другие акты в неограниченном количестве, по самому широкому кругу управленческих и иных вопросов, опережающих законодательное регулирование или даже вступающих с ним в конфликт. При этом *выбор формы указанных актов* так

же, как и раньше, относится к дискреционным полномочиям главы государства. Сказанное верно и применительно к изученным нами ранее решениям о вступлении в войну и решениям в области обеспечения государственного суверенитета, принимаемым в пределах скрытых полномочий. Не только их содержание, но и *их форму* избирает Президент России, причем избирает *дискреционно*: одно и то же управленческое решение может быть выражено в виде указа, распоряжения, поручения, обращения и т.д. Более того, одно решение может синтезировать в себе несколько других решений (например, поручения в указе [35]).

В завершение хочется порекомендовать законодателю (нормотворцу) определиться с тем, при помощи каких полномочий – легальных или дискреционных – будут приниматься управленческие решения по обеспечению государственного суверенитета. Если законодатель намерен оставить дискреционное регулирование, то в соответствующих нормативных правовых актах было бы желательно употреблять типовые формулировки – «в рамках дискреционных полномочий» или «в рамках своих дискреционных полномочий», «в пределах административного усмотрения» или «в пределах своего административного усмотрения». Это позволило бы придать данным решениям дополнительную легитимность и избежать непонимания или неодобрения российских граждан, а также критики со стороны профессионального сообщества – юристов-ученых и юристов-практиков.

Список источников

1. Ситник А.А., Поляков М.М. Система и структура публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, № 4. С. 949–963.
2. Трошев Д.Б. Правовые формы управленческих решений Президента Российской Федерации по обеспечению государственного суверенитета // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5. С. 100–107.
3. Старилов Ю.Н. Административное усмотрение – не «свое мнение», а правовое решение! // Административное право и процесс. 2024. № 12. С. 3–13.
4. Старилов Ю.Н. Сложный путь познания правового усмотрения: к чувству уверенности на основе ценностных ориентиров // Административное право и процесс. 2025. № 1. С. 15–25.
5. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря.
6. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 1996. № 23. Ст. 2750.
7. Батырь В.А. Концептуальные подходы к международно-правовому определению понятия «агрессия» и проблемы совершенствования российского законодательства // Lex Russica. 2025. Т. 78, № 1. С. 95–116.
8. Шмидт Т.Н. Чрезвычайное правовое регулирование как самостоятельный вид правового регулирования: к постановке проблемы // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2017. № 15. С. 47–53.
9. Ведяшкин С.В., Зайцев Д.И. Административное усмотрение в системе обеспечения государственного суверенитета: функциональный анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 53. С. 22–34. doi: 10.17223/22253513/53/2
10. Зайцев Д.И. Административное усмотрение в чрезвычайных ситуациях // Государство и право России в современном мире. Сборник докладов XII Московской юридической недели. XXII Международная научно-практическая конференция, XXIII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова : в 5 ч. Ч. 5. Москва, 23–25 ноября 2022 года. М., 2023. С. 193–196.
11. Евсякова А.А. Правовое регулирование начала военных действий: некоторые аспекты // Образование и право. 2021. № 2. С. 415–420.
12. Мирошенкова В.И., Федоров Н.А. Lingua Latina : учебник для вузов. 12-е изд., испр. и доп. М., 2013. 560 с.
13. Зайцев Д.И. Административное усмотрение в зарубежной науке: политико-правовые аспекты // Роль права в обеспечении благополучия человека. Сборник докладов XI Московской юридической недели. XX Международная научно-практическая конференция и XXII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова : в 5 ч. Ч. 5. Москва, 23–26 ноября 2021 года. М., 2022. С. 223–226.
14. Краснов М.А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М., 2006. 180 с.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”, Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Кавказа”, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 “Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации”» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.

16. Лучин В.О. Указное право в России. М., 1996. 52 с.
17. Лучин В.О., Мазуров А.В. Указы Президента Российской Федерации: основные социальные и правовые характеристики. М., 2000. 303 с.
18. Шарнина Л.А. Усмотрение в конституционном праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 353 с.
19. Зайцев Д.И. Административное усмотрение как средство преодоления неопределенности в правовых актах управления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 1. С. 14–21.
20. Старостин С.А. Административное усмотрение в деятельности Федеральной службы исполнения наказаний: теоретико-доктринальное осмысление // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 2 (62). С. 196–202.
21. Зубарев С.М. Административное право в системе публично-правового обеспечения внутреннего государственного суверенитета Российской Федерации // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности. Сборник докладов XIV Московской юридической недели : в 6 ч. Ч. 2. Москва, 26–29 ноября 2024 года. М., 2025. С. 68–72.
22. Соловей Ю.П. Судебный контроль за административным усмотрением // Законодательство. 2015. № 2 (18). С. 66–71.
23. Соловей Ю.П. Развитие правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации о судебной проверке законности реализации административного усмотрения // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21. № 4. С. 533–560.
24. Распоряжение Президента РФ от 5 февраля 1993 г. № 85-рп «О порядке подготовки и внесения проектов указов и распоряжений Президента Российской Федерации» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации (САПП РФ). 1993. № 7. Ст. 598.
25. Зайцев Д.И. Приостановление действия актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации как мера государственного принуждения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 197–206.
26. Ломакина В.Ф. Правовая природа актов государственного управления // Труды Института государства и права РАН. 2015. № 4. С. 36–55.
27. Авакян С.А. Конституционное право России. Учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп. : в 2 т. Т. 2. М., 2007. 778 с.
28. Зубарев С.М. О соотношении акта управления и закона в новых реалиях // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 66–87. doi: 10.17223/22253513/45/5
29. Шерстобов О.Н. Юридическая сила административного акта: проблема определения // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 8. С. 146–159.
30. Старостин С.А. Чрезвычайное положение. Монография. М., 2019. 120 с.
31. Хисамутдинов И.Ф. Влияние В.М. Гессена на формирование законодательства о чрезвычайных административно-правовых режимах // Устойчивое развитие России: правовое измерение. Сборник докладов X Московского юридического форума : в 3 ч. Ч. 3. Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 6–8 августа 2023 года. М., 2023. С. 140–142.
32. Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // САПП РФ. 1993. № 39. Ст. 3597.
33. Ельцин Б.Н. Записки президента. Размышления, воспоминания, впечатления... М., 2008. 375 с.
34. Марино И. Конституционное совещание 1993 г.: историко-правовой анализ (часть 2. Конституционное совещание и Конституционная комиссия Съезда народных депутатов) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 95–100.
35. Указ Президента РФ от 28 марта 2011 г. № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 14. Ст. 1880.

References

1. Sitnik A.A., Polyakov M.M. Sistema i struktura publichno-pravovogo obespecheniya vnutrennego gosudarstvennogo suvereniteta // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2024. T. 15, № 4. S. 949–963.
2. Troshev D.B. Pravovyye formy upravlencheskikh resheniy Prezidenta Rossiyskoy Federatsii po obespecheniyu gosudarstvennogo suvereniteta // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutfina (MGYUA). 2024. № 5. S. 100–107.
3. Starilov YU.N. Administrativnoye usmotreniye – ne «svoye mneniYE», a pravovoye resheniye! // Administrativnoye pravo i protsess. 2024. № 12. S. 3–13.
4. Starilov YU.N. Slozhnyy put' poznaniya pravovogo usmotreniya: k chuvstvu uverenosti na osnove tsennostnykh oriyentirov // Administrativnoye pravo i protsess. 2025. № 1. S. 15–25.
5. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskaya gazeta. 1993. 25 dekabrya.
6. Federal'nyy zakon ot 31 maya 1996 g. № 61-FZ «Ob oboronE» // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii (SZ RF). 1996. № 23. St. 2750.
7. Batyr' V.A. Kontseptual'n-yye podkhody k mezhdunarodno-pravovomu opredeleniyu ponyatiya «agressiYA» i problemy sovershenstvovaniya rossiyskogo zakonodatel'stva // Lex Russica. 2025. T. 78, № 1. S. 95–116.
8. Shmidt T.N. Chrezvychaynoye pravovoye regulirovaniye kak samostoyatel'nyy vid pravovogo regulirovaniya: k postanovke problemy // Altayskiy vestnik gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhby. 2017. № 15. S. 47–53.
9. Vedyashkin S.V., Zaytsev D.I. Administrativnoye usmotreniye v sisteme obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta: funktsional'nyy analiz // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2024. № 53. S. 22–34. doi: 10.17223/22253513/53/2
10. Zaytsev D.I. Administrativnoye usmotreniye v chrezvychaynykh situatsiyakh // Gosudarstvo i pravo Rossii v sovremennom mire. Sbornik dokladov XII Moskovskoy yuridicheskoy nedeli. XXII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, XXIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya Yuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova : v 5 ch. CH. 5. Moskva, 23–25 noyabrya 2022 goda. M., 2023. S. 193–196.
11. Evsyakova A.A. Pravovoye regulirovaniye nachala voyennykh deystviy: nekotoryye aspekty // Obrazovaniye i pravo. 2021. № 2. S. 415–420.
12. Miroshenkova V.I., Fedorov N.A. Lingua Latina : uchebnik dlya vuzov. 12-e izd., ispr. i dop. M., 2013. 560 s.
13. Zaytsev D.I. Administrativnoye usmotreniye v zarubezhnoy nauke: politiko-pravovyye aspekty // Rol' prava v obespechenii blagopoluchiya cheloveka. Sbornik dokladov XI Moskovskoy yuridicheskoy nedeli. XX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya i XXII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya Yuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova : v 5 ch. CH. 5. Moskva, 23–26 noyabrya 2021 goda. M., 2022. S. 223–226.
14. Krasnov M.A. Personalistskiy rezhim v Rossii: opyt institutsional'nogo analiza. M., 2006. 180 s.
15. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 31 iyulya 1995 g. № 10-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 30 noyabrya 1994 g. № 2137 “O meropriyatiyakh po vosstanovleniyu konstitutsionnoy zakonnosti i pravoporyadka na territorii Chechenskoy Respubliki”, Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 dekabrya 1994 g. № 2166 “O merakh po presecheniyu deyatelnosti nezakonnykh vooruzhennykh formirovaniy na territorii Chechenskoy Respubliki i v zone osetino-ingushskogo konflikta”, Postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 9 dekabrya 1994 g. № 1360 “Ob obespechenii gosudarstvennoy bezopasnosti i territorial'noy tselostnosti Rossiyskoy Federatsii, zakonnosti, prav i svobod grazhdan, razoruzheniya nezakonnykh vooruzhennykh formirovaniy na territorii Chechenskoy Respubliki i prilgayushchikh k ney regionov Severnogo Kavkaza”, Ukaza Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 2 noyabrya 1993 g. № 1833 “Ob Osnovnykh polozheniyakh voyennoy doktriny Rossiyskoy Federatsii”» // SZ RF. 1995. № 33. St. 3424.
16. Luchin V.O. Ukaznoye pravo v Rossii. M., 1996. 52 s.
17. Luchin V.O., Mazurov A.V. Uказы Президента Российской Федерации: основн-ые сotsial'n-ые i pravov-ые kharakteristiki. M., 2000. 303 s.
18. Sharnina L.A. Usmotreniye v konstitutsionnom prave : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2019. 353 s.

19. Zaytsev D.I. Administrativnoye usmotreniye kak sredstvo preodoleniya neopredelennosti v pravovykh aktakh upravleniya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2024. № 1. S. 14–21.
20. Starostin S.A. Administrativnoye usmotreniye v deyatel'nosti Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy: teoretiko-doktrinal'noye osmysleniye // Penitentsiarnaya nauka. 2023. T. 17. № 2 (62). S. 196–202.
21. Zubarev S.M. Administrativnoye pravo v sisteme publichno-pravovogo obespecheniya vnutrennego gosudarstvennogo suvereniteta Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskaya pravovaya sistema: v poiskakh natsional'noy identichnosti. Sbornik dokladov XIV Moskovskoy yuridicheskoy nedeli : v 6 ch. CH. 2. Moskva, 26–29 noyabrya 2024 goda. M., 2025. S. 68–72.
22. Solovey YU.P. Sudebnyy kontrol' za administrativnym usmotreniyem // Zakonodatel'stvo. 2015. № 2 (18). S. 66–71.
23. Solovey YU.P. Razvitiye pravovykh pozitsiy Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii o sudebnoy proverke zakonnosti realizatsii administrativnogo usmotreniya // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. 2024. T. 21. № 4. S. 533–560.
24. Rasporyazheniye Prezidenta RF ot 5 fevralya 1993 g. № 85-р «О poryadke podgotovki i vneseniya proyektov ukazov i rasporyazheniy Prezidenta Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye aktov Prezidenta i Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii (SAPP RF). 1993. № 7. St. 598.
25. Zaytsev D.I. Priostanovleniye deystviya aktov organov ispolnitel'noy vlasti sub"yektov Rossiyskoy Federatsii kak mera gosudarstvennogo prinuzhdeniya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2021. № 6. S. 197–206.
26. Lomakina V.F. Pravovaya priroda aktov gosudarstvennogo upravleniya // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2015. № 4. S. 36–55.
27. Avak'yan S.A. Konstitutsionnoye pravo Rossii. Uchebnyy kurs. 2-e izd., pererab. i dop. : v 2 t. T. 2. M., 2007. 778 s.
28. Zubarev S.M. O sootnoshenii akta upravleniya i zakona v novykh realiyakh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2022. № 45. S. 66–87. doi: 10.17223/22253513/45/5
29. Sherstoboyev O.N. Yuridicheskaya sila administrativnogo akta: problema opredeleniya // Zhurnal rossiyskogo prava. 2024. T. 28. № 8. S. 146–159.
30. Starostin S.A. Chrezvychaynoye polozheniye. Monografiya. M., 2019. 120 s.
31. Khisamutdinov I.F. Vliyaniye V.M. Gessena na formirovaniye zakonodatel'stva o chrezvychaynykh administrativno-pravovykh rezhimakh // Ustoychivoye razvitiye Rossii: pravovoye izmereniye. Sbornik dokladov X Moskovskogo yuridicheskogo foruma : v 3 ch. CH. 3. Universitet imeni O.E. Kutafina (MGYUA), 6–8 avgusta 2023 goda. M., 2023. S. 140–142.
32. Ukaz Prezidenta RF ot 21 sentyabrya 1993 g. № 1400 «О poetapnoy konstitutsionnoy reforme v Rossiyskoy Federatsii» // SAPP RF. 1993. № 39. St. 3597.
33. El'tsin B.N. Zapiski prezidenta. Razmyshleniya, vospominaniya, vpechatleniya... M., 2008. 375 s.
34. Marino I. Konstitutsionnoye soveshchaniye 1993 g.: istoriko-pravovoy analiz (chast' 2. Konstitutsionnoye soveshchaniye i Konstitutsionnaya komissiya S"yezda narodnykh deputatov) // Aktual'n-yye problemy rossiyskogo prava. 2015. № 4 (53). S. 95–100.
35. Ukaz Prezidenta RF ot 28 marta 2011 g. № 352 «О merakh po sovershenstvovaniyu organizatsii ispolneniya porucheniy i ukazaniy Prezidenta Rossiyskoy Federatsii» // SZ RF. 2011. № 14. St. 1880.

Информация об авторах:

Старостин С.А. – д-р юрид. наук, профессор кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: sastarostin@msal.ru
Зайцев Д.И. – ассистент кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия). E-mail: dizajcev@msal.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.A. Starostin, Dr. Sci. (Law), Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation). E-mail: sastarostin@msal.ru
D.I. Zaitsev, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russian Federation). E-mail: dizajcev@msal.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.11.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 03.10.2025;
approved after reviewing 05.11.2025; accepted for publication 29.12.2025.*

Научная статья
УДК 342.924, 351/354
doi: 10.17223/15617793/521/30

Наука и государственное развитие России: территориально-правовой аспект

Сергей Владимирович Кабышев¹

¹ Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, Россия, svkabyshev@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы научно-технологического развития России в контексте территориального аспекта. Анализируется роль науки как инструмента освоения и укрепления государственного пространства, обеспечения суверенитета и безопасности страны. Аргументируется необходимость национальной модели научно-технологического развития, как цивилизационной парадигмы. Раскрываются онтологическое, антропологическое и темпоральное измерения данной парадигмы. Обосновывается необходимость формирования единой государственной политики в области науки и технологий с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, территориальное развитие, научные территории, наукограды, государственная политика

Для цитирования: Кабышев С.В. Наука и государственное развитие России: территориально-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 521. С. 285–291. doi: 10.17223/15617793/521/30

Original article
doi: 10.17223/15617793/521/30

Science and state development in Russia: territorial and legal aspects

Sergey V. Kabyshev¹

¹ The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, svkabyshev@mail.ru

Abstract. This article examines the problems of scientific and technological development in Russia in the context of its territorial aspect. The author analyzes the role of science as a tool for developing and strengthening state space, as well as its importance for ensuring the country's sovereignty and security. Particular attention is paid to the historical and legal aspects of the development of Russian territory and contemporary challenges associated with spatial development. The paper examines the constitutional and sociocultural relationship between scientific and technological potential and the state's territorial development, emphasizing the need for continuity in the development of scientific territories (in the context of the constitutional principle of preserving and strengthening Russia's scientific potential). The author believes that the desire to start from scratch (at the expense of continuity) is a strategic mistake: it is a voluntary rejection of the intellectual heritage embodied in the space and territorial forms of scientific and social life. A "restart" of historical scientific territories is proposed based on a combination of historically established and new organizational and territorial forms of institutionalizing scientific activity. It is argued that state policy should promote the formation and strengthening of a scientific worldview to affirm the traditional value basis of Russian society (which does not imply the unbridled commercialization of social institutions) and, at the same time, the contribution of science to the social sphere – for sustainable development. The need for legal protection of scientific activity (including on the basis of the presumption of good faith of the scientist) and the importance of institutional stability (the inadmissibility of chaotic, unsystematic, unjustified changes and transformations of scientific institutions) are emphasized. The author examines the current problems of managing scientific territories, including science cities, and proposes ways to improve the organizational and legal mechanisms for their development. The article emphasizes the need to substantiate a national model of scientific and technological development, which should not be focused on the reproduction of institutional analogues, but be considered as an expression of a civilizational paradigm and responses to its own challenges. The ontological, anthropological, and temporal dimensions of this paradigm are revealed. The formation of a unified state policy in the field of science and technology, taking into account regional specifics, is substantiated. The author proceeds from the importance of creating an effective system for managing scientific and technological development at all levels of government to achieve the state's strategic goals. A conclusion is drawn on the urgency of systemic legislative decisions and institutions that ensure a centralized regime for managing complex scientific, technological, socio-economic, and spatial development of territories with high scientific and technical potential and strategic importance for the state.

Keywords: scientific and technological development, territorial development, scientific territories, science cities, public policy

For citation: Kabyshev, S.V. (2025) Science and state development in Russia: territorial and legal aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 521. pp. 285–291. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/521/30

Научно-технологическое развитие России является безусловным приоритетом с точки зрения суверенитета государства, безопасности и благополучия наших граждан. Связанные с этим задачи, имея социально ориентированный характер, не могут решаться без тесной и предметной (т.е. измеримой, достоверной и обеспеченной необходимыми организационно-управленческими процедурами) увязки с реализацией социально-экономического и пространственно-территориального развития страны.

Политико-правовое значение территории не сводится к пространственным границам государства и определению соответствующей сферы реализации властных возможностей. Как заметил А.В. Чаянов, раскрывая суть аграрного вопроса, «говоря о земле, мы говорим о труде человека, прилагаемом к земле» [1. С. 111]. Формы государственности и права проистекают из общественных отношений, возникающих в определенном пространстве и в связи с этим пространством, в ответ на обусловленные им потребности. При этом территория выступает также как способ, средство, с помощью которого народ обеспечивает себе физическое выживание [2. С. 17] и, что немаловажно, характеризуется – в ценностном, функциональном и институциональном плане – единством публично-властных и субъективно-личностных начал, обеспечивает условия для реализации и гарантирования интересов человека, в том числе посредством территориальной организации публичной власти и установления территориально дифференцированных правовых режимов [3. С. 7]. Территория должна быть глубоко научно осмыслена в актуальной геостратегической перспективе в качестве интегральной социокультурной, материально-хозяйственной, естественно-природной ценности и основы суверенной России как самобытной державы-цивилизации и государства-континента, фактора естественных производительных сил, роль которых при переходе к новым технологическим укладам отнюдь не ослабевает. Анализ институционально-правовых взаимосвязей науки, территории и развития России невозможен в отрыве от общего социоисторического контекста и политической географии [4. С. 13].

В этом плане нельзя обойти стороной исторически присутствующую в отечественной политико-правовой среде тревожную рефлексию по поводу пространства России, связанных с этим проблем и рисков. Знаменитая фраза М.В. Ломоносова – «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном» – была, надо полагать, не только выражением исторического оптимизма, но и программой, основанной на осознании необходимости плодотворного освоения территории, без чего само по себе пространство может порождать угрозы. Вместе с тем, как заметил В.И. Вернадский, «мы недостаточно оцениваем значение огромной непрерывности нашей территории» и, будучи «государством-континентом», «страдаем от того, что в действительности является источником нашей силы» [5. С. 248]. Такое «страдание» складывалось в

связи с рядом обстоятельств, включая осознание геополитической уязвимости (обширная, слабо заселенная территория с размытыми естественными границами – фактор внешней угрозы и поглощения ресурсов на оборону), логистическую и управленческую сложность (потребность в гигантских затратах на инфраструктуру для обеспечения единства экономического пространства и при этом постоянная дилемма: контроль над территорией требует централизации, которая может сужать простор для местной инициативы и вести к стагнации, тогда как слабая центральная власть грозит распадом), социокультурную дифференциацию, вынуждавшую заботиться о том, чтобы соответствующие различия не переходили границ, за которыми они становятся непреодолимыми.

Роль науки в российском контексте во многом определяется этой «тревожной рефлексией» о пространстве, потенциал трансформации рисков в возможности. По мысли В.И. Вернадского, прочная спайка социально-природного пространства в единое государственное целое требует организации интенсивной научной работы с широкой поддержкой и развитием местных центров, которые позволили бы не только активизировать интеллектуальные, национально-культурные и естественно-природные силы отдельных местностей, но и обеспечить их наиболее высокий вклад в единство большого целого.

В условиях существенных вызовов, природно-климатической и социально-производственной территориальной дифференциации научное знание приобретает решающее значение в эффективном обустройстве, достижении глубокой и непрерывной связности государственного пространства, которое, в свою очередь, определяет размещение и использование, «питательную» биосоциокультурную и инфраструктурную среду развития научно-технического потенциала.

Российская наука развивалась неотделимо от реализации государственных задач, порожденных огромной территорией, служила инструментом для пространственного освоения, контроля, укрепления государственного единства и целостности. Так, география, геология, этнография «описывали» территорию, превращая неизвестные земли в часть государственной карты. Инженерное дело решало задачи связности страны. Военно-промышленный комплекс стал выражением научного ответа на риски уязвимости протяженных границ, создав симметричные гарантии целостности. Вместе с тем наука не просто позволяла физически овладевать национальным пространством, но и играла значимую роль в его постижении и осмыслении как важнейшего элемента цивилизационной идентичности, формировала понимание социокультурного и исторического смысла и целей России (зачем и как жить на таком пространстве), позволяла преодолеть страх фрагментации, предлагая теории, которые сплачивали разнородное пространство в единое культурно-историческое целое.

В настоящее время факторы указанной «тревожной рефлексии» связаны с проблемами безопасности, депопуляции, экономической неэффективности, а также рисков экологической деградации, и наука в особой степени призвана служить не просто формой покорения («укрощения») пространства, но «архитектором» новой модели развития, т.е. интеллектуальным ядром, которое делает территорию связанной, устойчивой, ценной (глубокий мониторинг в области социума, экологии, климата, большие данные для управления; создание «умных» сетей, обеспечивающих «сжатие» пространства; разработка высоких технологий для устойчивого и адаптированного развития конкретных территорий в целях преодоления многофакторной асимметрии).

Конституция России придает вопросам научно-технологического развития общенациональное значение (п. «е» ст. 71) и предполагает их решение в рамках единой государственной политики (п. «в» ч. 1 ст. 114). Единство не означает единственность, односубъектность, а подразумевает организованную согласованность реального многообразия. В формировании и реализации государственной научно-технической политики в соответствии с Конституцией России должны совместно участвовать каждый из субъектов Российской Федерации (п. «е» ч. 1 ст. 72) в целях сохранения и развития научно-технологического потенциала России (п. «в.1» ч. 1 ст. 114), в том числе с учетом его сложившегося пространственного размещения. Глубокое проникновение технологических факторов в социальную и коммунальную инфраструктуру, градостроительство, обустройство компактных мест проживания населения, их взаимосвязь с профилированием территорий в сочетании с процессами укрупнения публично-территориальных образований делает все более значимой интеграцию в государственный механизм реализации научно-технологического развития местных сообществ жителей посредством институтов местного самоуправления (ст. 12, 130).

Вновь закрепленный на конституционном уровне принцип не просто единой, но и социально ориентированной государственной политики в области науки предполагает ее скоординированное формирование и реализацию в межведомственном и межуровневом отношениях для достижения наиболее высоких социально значимых (т.е. обусловленных конституционно значимыми потребностями государства, общества, личности) результатов, а не только самого по себе приращения нового знания, что получает дополнительное обоснование и конкретизацию через системное закрепление в п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ в предметном сопряжении с наукой – как сферой единой социально ориентированной государственной политики – областей культуры, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, охраны окружающей среды. Тем самым предполагается, что соответствующая государственная политика должна способствовать формированию и укреплению научного мировоззрения для утверждения традиционного ценностного базиса российского обще-

ства (не предполагающего безудержную коммерциализацию социальных институтов) и одновременно «выходам» технологического функционала науки прежде всего в социальную (социокультурную и социоприродную) сферу – для устойчивого развития.

Важно отметить, что конституционный императив сохранения научного потенциала, охватывающий собой прежде всего такие аспекты, как воспроизводство, удержание и привлечение (возвращение) научных кадров, сохранение и развитие научной инфраструктуры, обеспечение преемственности научных знаний, правовая защита научной деятельности (в том числе на основе презумпции добросовестности ученого), институциональная стабильность (недопустимость хаотичных, бессистемных, необоснованных изменений и трансформаций институтов в сфере науки), имеет также выраженное территориальное измерение и приложение. Сохранение научно-технического потенциала в существующих компактно-территориальных формах его организации – не элемент мемориально-символической политики, вызванной ритуальной данью традиции, а отражение глубокого понимания значения преемственности для планомерного научного развития, которое со временем обретает и свою уникальную географию. Расточительно и рискованно действовать здесь по принципу *tabula rasa*, делая ставку на стратегические инновации «с нуля» в ущерб сложившимся формам научной локализации, включая, прежде всего, наукограды. Концепция развития научных территорий «с чистого листа» (в противовес преемственному развитию) обосновывается, как правило, утилитарными аргументами: сравнительно высокими издержками на модернизацию устаревшей инфраструктуры, возможностью привлечь новое поколение без оглядки на старые структуры и «ортодоксальный» менталитет и внедрить новые модели управления, созданием образа динамичного будущего, символическим разрывом с «архаикой». Есть и отмечаемые исследователями более глубокие основания такого подхода, корнящиеся в следующих представлениях: а) развитие науки и технологий – удел крупных городов, мегаполисов; б) хотя многие крупные научно-исследовательские и инженерные центры расположены в малых и средних городах, но для успешного их функционирования каких-то особенных мер по развитию территорий размещения таких центров не требуется – достаточно обычных механизмов территориального развития; в) отсутствие на государственном уровне понимания, что обособленные территории в высоком научно-технологическом потенциалом – это наиболее приспособленные пространства для реализации новых проектов в сфере науки и технологий, что подтверждается как международным опытом (Кремниевая долина, «София-Антиполис»), так и отечественным (Обнинск, Дубна, Саров и др.) [6. С. 298].

Вместе с тем развитие в парадигме научно-территориальной преемственности является не просто конституционно оправданным, но социально необходимым. Компактная локально-социальная концентрация научных, образовательных и наукоемких производственно-

технологических факторов сама по себе дает неоспоримое преимущество, а истории достигнутых здесь успехов, развитый культ науки и технологий («намоленные места»), особая атмосфера, свойственным научным и инженерным городкам, высокий уровень развития городской среды – непереносимое условие устойчивого развития территорий с высоким научно-технологическим потенциалом [6. С. 299]. Если смотреть с прагматических позиций, то соблюдение преемственности предопределяется, по крайней мере, наличием социальной и инженерной инфраструктуры для науки, формирование которой заново требует колоссальных затрат, сохранением уникального человеческого капитала (даже при кадровом истощении остается среда, традиции научных школ и неформальные, неформализованные знания, передаваемые ученикам, т.е. живая научная культура), риском безвозвратной утраты (уничтожения) сложившихся форм научной и научно-производственной кооперации и потери мест национальной научной гордости и идентичности (которые имеют в том числе огромную ценность для мировой научной общественности). Но куда важнее другое.

Качество научного развития имеет в значительной степени ценностно-мировоззренческую основу, обусловлено укорененным чувством принадлежности к великому наследию, стремлением соответствовать ему и его превзойти. Стремление начинать с чистого листа (в ущерб преемственности) – стратегическая ошибка: это означает добровольный отказ от интеллектуального наследия, воплощенного в пространстве и территориальных формах научно-социальной жизни. Нематериальные факторы научно-технологического прогресса (ценности, мотивация, воля), как свидетельствуют переломные этапы нашего исторического развития, сопряженные с материальным дефицитом, имеют огромное значение. Так формируется научный патриотизм, неотделимый от осознания социально-культурной и исторической общности, подкрепляемый особой психологической атмосферой и архитектурной средой. Указанная ранее «намоленность» научных территорий – не мистика, а объективная социально-психологическая структура неформальных связей, доверия, общих смыслов, которая кристаллизуется десятилетиями, ее нельзя купить или ввести директивно.

Правильная постановка вопроса – не в альтернативе между преемственностью и развитием «с чистого листа», а в сбалансированном сочетании и сопряжении исторически сложившихся и новых организационных и территориальных форм институционализации научной деятельности на основе «перезапуска» исторических научных территорий. Сохранение без перезагрузки – это путь в музей. Но перезагрузка без опоры на наследие – это путь национального самоотчуждения, высокого риска и потери времени.

Утвержденная Президентом России в феврале 2024 г. новая редакция Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (СНТР) направлена на форсированную реализацию задач по обеспечению суверенитета в научно-технологической сфере и уделяет особое внимание пространственно-террито-

риальным аспектам. Сама необходимость эффективного пространственного развития, в том числе путем преодоления социально-экономических территориальных диспропорций, рассматривается в числе наиболее значимых больших вызовов, на преодоление которых направлены все элементы Стратегии (пп. «з» п. 15 СНТР). Вместе с тем отдельно подчеркивается значение создания и развития передовой инфраструктуры исследований и разработок, включая установки класса «мегасайнс» (в том числе путем установления специальных правовых режимов) (пп. «а» п. 29 СНТР), а также поддержка отдельных территорий (субъектов Российской Федерации) с высоким научно-технологическим потенциалом (пп. «г» п. 29 СНТР). Органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления включены в механизм реализации СНТР (в частности, п. 6, 7, 41, 42 СНТР), должны обеспечивать целостность и единство научно-технологического развития Российской Федерации.

Вместе с тем в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р, отдельно отмечаются проблемы и риски, связанные с необходимостью усиления влияния научно-технологического прогресса на пространственное развитие Российской Федерации. В частности, констатируются такие тенденции, как несогласованность приоритетов научно-технологического развития и инструментов его поддержки на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях; концентрация научно-технологического и образовательного потенциала в ограниченном числе субъектов РФ.

Организационно-правовой механизм реализации научно-технологического развития страны эволюционирует с учетом меняющихся условий и задач, выстраивается вертикаль управления в сфере государственной научно-технической политики. Предстоит решить вопросы стратегического планирования в научно-технологической сфере на региональном и муниципальном уровнях, обеспечить необходимыми управленческими средствами функциональную взаимосвязь и скоординированное взаимодействие – в целях результативного (а не формально-отчетного) достижения общенациональных приоритетов – существующих различных (и, надо признать, обособленных, разрозненных) форм (институтов) научно-технологического развития и подготовки кадров, имея в виду как государственно-бюджетный, так и частно-предпринимательский сегмент. Важно «собрать» системную многоуровневую, межсекторальную модель организации научно-технологического развития, не полагаясь на эпизодический успех ручного управления и субъективные возможности привлечения новых источников в состав материально-финансовой базы конкретной территории. Оправдана постановка вопроса о выделении в рамках региональных инновационных систем наряду технологической инновационной подсистемой также социальной инновационной подсистемы, включающей в себя комплекс элементов и социально-экономических отношений, связанных с генерацией, производством, внедрением и распространением социальных инноваций [7. С. 200].

Требуются нестандартные подходы и решения. СНТР следует рассматривать как ориентир в направлении формирования национальной модели научного прогресса. Такая модель – не проект по воспроизводству зарубежных институциональных аналогов, а цивилизационный проект по созданию собственной научно-технологической реальности. Методологические подходы к пониманию и реализации этого проекта, имеющего совершенно определенное пространственно-территориальное измерение и выражение, включают в себя осмысление: а) онтологии научно-технологического развития, где технологии рассматриваются как ответы на собственные, а не навязанные вызовы; б) антропологии научно-технологического развития, призванной сформировать нового типа патристически мыслящего творца-созидателя в его принадлежности к высшему слою национальной культуры и элиты; в) темпорального (временного) контекста научно-технологического развития, которое должно осуществляться в координатах своего нелинейного времени (вместо стереотипной логики «отстали – догоняем – опережаем» необходимо осознать и принять цикличность и многослойность социально-технологического времени, где архаика, современность и будущее сосуществуют и задача – не отбросить прошлое, а вплести традиционные знания и ценности в новейшие технологические уклады).

Если рассматривать эту парадигму с позиции политико-правовой метафоры технологического суверенитета (а это именно метафора, поскольку суверенитет как качественный признак государства полон, целостен, един и неделим), то его достижение – в конечном счете не цель, а побочный продукт реализации такого цивилизационного развития, поскольку главный вопрос – не «что производить?», а «что мыслить?» и «кем быть как нация?» (в свете той же метафоры – интеллектуально-ценностный, цивилизационный суверенитет).

В институциональном плане (регулятивном, организационном) важно провести не оперативно-тактическую, а кардинальную (с учетом вызовов времени и видения стратегической перспективы) перенастройку системы управления научно-технологическим развитием и при этом четко определить, где в этой системе находится точка концентрации персональной ответственности за достижение конкретных, измеримых научно-технологических результатов национального масштаба.

В Докладе Российской академии наук о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными (утвержден 28 мая 2025 г.), отдельное и серьезное внимание (в объеме целых структурных блоков доклада) уделено совершенствованию государственной политики и системы управления исследованиями и разработками. Позиция Академии состоит в том, что необходимо на законодательном уровне обеспечить сопряжение научной, научно-технической, инновационной и промышленной политики, сфокусировать их на обеспечении технологического суверенитета и создать надведомственный федеральный орган исполнительной власти,

который бы являлся ответственным за единство соответствующей политики.

На федеральном уровне принцип единства государственной научно-технической политики должен быть последовательно реализован и в функциональном, и в организационном плане, в том числе путем принципиального повышения уровня субъектности правительственной Комиссии по научно-технологическому развитию, наделения соответствующего органа управленческими, кадровыми, финансовыми полномочиями в сфере научно-технологического развития (включая возможность давать задания в области НИОКР, предполагающие взаимодействие различных научных, образовательных и иных организаций независимо от формы собственности). Соответственно должен возрасти и статус Российской академии наук (во взаимодействии с указанным органом).

В последнее время на законодательном уровне приняты значимые решения в этом направлении, в частности, о создании попечительного совета Академии, возглавляемого Президентом РФ, и возвращении в институциональную структуру Академии Российского центра научной информации, издательства «Наука», домов ученых. Это исключительно важная работа по консолидации научных ресурсов, которые должны согласованно использоваться в интересах страны. Вместе с тем потенциал Академии должен раскрываться полнее.

Во-первых, важно двигаться от реагирования к проактивной роли Российской академии наук в механизме научно-методического руководства. Позиция Академии по всем вопросам государственно финансируемой научной деятельности, включая как ее основное предметное содержание, так и необходимое приборное и иное обеспечение, не может быть второстепенной или сопутствующей – она на деле должна подлежать безусловному и систематическому учету на основе доверия к Российской академии наук. Нет доверия – нет диалога, нет диалога – нет научно-технологического развития. Доверие – важнейший фактор эффективности и качества принимаемых решений.

Во-вторых, мы четко осознаем, что институциональные и управленческие вопросы – не самоцель, их решение имеет инструментальное значение для достижения высоких научных результатов. Доверие общества и государства должно быть оправдано конкретными, прорывными достижениями в фундаментальной и прикладной науке, значимыми технологическими решениями, социально-экономическим эффектом от внедрения разработок. Именно научная результативность и социальная значимость являются конечной мерой успеха. И все же говорить об этом применительно к Российской академии наук будет более уместно, если Академия обретет возможности непосредственного решения задач (планово-тематических, кадровых, финансовых) в научно-технологической сфере.

Необходимо выстроить четкую систему управления научно-технологическим развитием и на субфедеральном уровне, предполагающую как соподчинение в рамках единой государственной научно-технической политики, так и определенную самостоятельность, позволяющую учесть региональную специфику и системно увязать региональные государственные про-

граммы научно-технологического развития с ключевыми (в том числе по вкладу в ВРП субъекта Российской Федерации), перспективными отраслями специализации экономики и стратегиями социально-экономического развития региона и федерального округа, отразить в соответствующих программах федеральные, региональные и частные инвестиции.

Комитет Государственной Думы по науке и высшему образованию неоднократно обращался к проблемам развития научных территорий. В частности, решением комитета от 24 ноября 2022 г. утверждены рекомендации, основной посыл которых в том, что механизмы управления наукоградами и иными подобными территориями, имеющими общенациональное стратегическое значение, должны обеспечивать приоритет научно-технологического целеполагания и согласованное развитие этих территорий в рамках единой государственной научно-технической политики. Существующая же модель, замыкающая наукограды в муниципальной оболочке городского округа, искусственно препятствует сохранению и развитию научного потенциала с использованием современных конституционных возможностей организации системы публичной власти [8. С. 25].

В постановлении Государственной Думы от 1 февраля 2024 г. № 5682-8 ГД сформулирован комплекс рекомендаций, направленный на совершенствование правового режима наукоградов Российской Федерации и иных территорий, включая уточнение порядка присвоения (сохранения, досрочного прекращения) статуса наукограда и условий предоставления соответствующим территориям мер государственной поддержки.

Несмотря на внимание, уделяемое научным территориям, и общее понимание их роли в реализации стратегических задач страны, нельзя не признать, что преобладающий взгляд на модель их развития, основанный на социально-инфраструктурном подходе (т.е. сфокусированный, по сути, на все той же муниципальной оболочке наукоградов), ориентирован, хотя и важными, но все же второстепенными (вторичными) вопросами. Качественная городская среда благоприятствует науке, но не производит ее, и, более того, в своем формировании, развитии должна быть подчинена целеполаганию научно-технологического развития.

Принципиально важно, так или иначе, преодолеть искусственный и непродуктивный организационно-управленческий разрыв (дуализм), существующий между научно-технологической (в действительности, базовой, решающей) и благоустройственно-инфраструктурной составляющими наукограда (и иных научных территорий), причем как на уровне самой по себе данной конструкции публично-правового образования, так и в ее взаимосвязях с другими уровнями публичной власти, в конечном счете – в привязке общегосударственному механизму приоритизации и осуществления научно-технологического развития.

Признаваемый в настоящее время смысловым ядром наукограда его научно-производственный комплекс нуждается в адекватном правовом режиме, который позволил бы обеспечить сочетание как определенной общности (взаимосогласованного единства целей,

задач, действий участников) при реализации общенациональных научно-технологических приоритетов (в том числе в координационной связи с иными, внешними субъектами научно-технологического развития), так и необходимой степени автономии, самостоятельности его участников, имея в виду в том числе разнообразие форм собственности. Расширение форм государственной поддержки наукоградов, включая предоставление дополнительных возможностей использования тех или иных преференциальных, льготно-стимулирующих режимов (мер), требует сбалансированного подхода, исключающего асимметрию развития наукограда в сторону бюджетообразующего предпринимательства, не обладающего реальной наукоемкостью. «Якорные» инвесторы дают хорошие преимущества, но при оценке применимости принципа «открытых дверей» нельзя забывать о том, для чего вообще существует этот вход.

Вместе с тем следует учитывать проблемы, связанные с применимостью и пригодностью (адекватностью) на разных научных территориях существующих государственных инструментов, направленных на обеспечение качества жизни. Действующие нормативы программ развития не учитывают специфику, технологические особенности соответствующих территорий и не обеспечивают их реальные финансовые потребности, а применение целого ряда мер поддержки (например, программ «Земский доктор», «Земский учитель», строительства кампусов мирового уровня), жестко увязанных с критерием численности населения, объективно затруднено (вследствие превышения или недостижения соответствующего параметра).

Все это подразумевает перенастройку в том числе финансово-бюджетного механизма в целях консолидации управления ресурсами, направляемыми на развитие наукоградов, а также иных научных территорий (в настоящее время по различным программам и проектам).

Таким образом, необходимо прежде всего:

а) определить и юридически формализовать состав территорий с высоким научно-технологическим потенциалом и те из их числа нуждающиеся в дополнительных мерах по инфраструктурному развитию, применительно к которым такие дополнительные меры являются необходимыми и оправданными с точки зрения приоритетных задач государственного научно-технологического развития. При реализации этой задачи важно руководствоваться идеей преемственности и недопустимости произвольного пересмотра ранее признанного правового статуса. Более того, требует преодоления пробел в законодательном регулировании, связанный с преобразованием территориальных единиц с участием наукоградов, с тем, чтобы такие преобразования проводились в интересах научно-технологического развития и не влекли прекращения (перерыв) статуса наукограда (имея в виду опыт создания Большого Серпухова в Московской области);

б) сформировать (усовершенствовать) организационно-правовые механизмы управления наукоградами, которые бы обеспечивали реализацию мероприятий инфраструктурного развития таких территорий в соот-

ветствии с целями сохранения и развития научно-технологического потенциала (т.е. подчинение программам и проектам благоустройства соответствующих территорий централизованным механизмам управления ими как именно научно ориентированными территориями, интегрированными в государственную научно-техническую политику);

в) определить перечень дополнительных мер и критериев оценки эффективности (результативности) функционирования соответствующих публично-правовых образований, в том числе с использованием плотной модели правового регулирования.

Подчеркну, оценка сложившегося научно-технологического потенциала и эффективности его использования применительно к конкретным публично-правовым образованиям должна производиться с учетом понимания принципиально более широкого спектра возможных последствий, чем принятие ограничительных (предупредительных, пресекательных или иных подобных) мер. Важно обеспечить возможность осуществления при необходимости «доформирования» научно-технологического потенциала в интересах наиболее эффективной реализации государственной научно-технической политики.

Что касается правовой природы территориальной единицы, в рамках которой существует наукоград, то нужно учитывать, что уже действующему законодательству известны различные подходы (которые, впрочем, сами могут потребовать некоторого уточнения). В частности, не обойтись без анализа возможностей более широкого применения модели, использованной применительно к статусу ЗАТО, имея в виду, что соответствующий специальный закон определяет ЗАТО как «имеющее органы местного самоуправления административно-территориальное образование», вся территория которого «является территорией городского округа». Законодательство о местном самоуправлении исходит из неочевидной в данном случае родовой (сущностной) принадлежности к категории городского округа.

Соответственно, требуются системные законодательные решения и институты, которые бы обеспечивали централизованный режим управления комплексным научно-технологическим, социально-экономическим, пространственным развитием территорий, имеющих высокий научно-технический потенциал и стратегическое значение для государства.

Список источников

1. Чаянов А.В. Наука, утопия, политика : сборник работ. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 584 с.
2. Жуков В.Н. Понятие государства: возвращение к классике // Государство и право. 2023. №5. С. 9–23.
3. Бондарь Н.С. Территория как конституционно-правовая категория: единство публично-властных и личностных начал // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2016. Т. 3. № 4. С. 7–14.
4. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России: очерк по политической географии. Петроград : Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 33 с.
5. Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой // Вернадский В.И. Собрание сочинений : в 24 т. Т. 13. М. : Наука, 2013. 443с.
6. Технологический суверенитет: от реформ к развитию / под общ. ред. чл.-корр. РАН В.В. Иванова. М. : ТЕХНОСФЕРА, 2025. 436 с.
7. Соловьева Т.С. Формирование и развитие региональных социально-инновационных подсистем. Вологда : ВолНЦ РАН, 2025. 212 с.
8. Кабышев С.В. Наукограды Российской Федерации в механизме реализации государственной научно-технической политики: конституционно-правовые аспекты // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 15–27.

References

1. Chayanov A.V. Nauka, utopiya, politika : sbornik rabot. M. : Izdatel'skiy dom «DelO» RANKhIGS, 2024. 584 s.
2. Zhukov V.N. Ponyatiye gosudarstva: vozvrashcheniye k klassike // Gosudarstvo i pravo. 2023. №5. С. 9–23.
3. Bondar' N.S. Territoriya kak konstitutsionno-pravovaya kategoriya: yedinstvo publichno-vlastnykh i lichnostnykh nachal // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2016. T. 3. № 4. S. 7–14.
4. Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii: ocherk po politicheskoy geografii. Petrograd : Tip. M.M. Stasyulevicha, 1915. 33 s.
5. Vernadskiy V.I. Zadachi nauki v svyazi s gosudarstvennoy politikoy // Vernadskiy V.I. Sobraniye sochineniy : v 24 t. T. 13. M. : Nauka, 2013. 443s.
6. Tekhnologicheskii suverenitet: ot reform k razvitiyu / pod obshch. red. chl.-korr. RAN V.V. Ivanova. M. : TEKHNOСFЕRA, 2025. 436 s.
7. Solov'yeva T.S. Formirovaniye i razvitiye regional'nykh sotsial'no-innovatsionnykh podsistem. Vologda : VolNTS RAN, 2025. 212 s.
8. Kabyshev S.V. Naukogrady Rossiyskoy Federatsii v mekhanizme realizatsii gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politiki: konstitutsionno-pravovyye aspekty // Zhurnal rossiyskogo prava. 2023. № 9. S. 15–27.

Информация об авторе:

Кабышев С.В. – канд. юрид. наук, председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию (Москва, Россия). E-mail: svkabyshev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Kabyshev, The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: svkabyshev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.12.2025;
одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.*

*The article was submitted 01.12.2025;
approved after reviewing 29.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.*